

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Владимир
Хутарев-Гарнишевский

Противостояние

Спецслужбы, армия
и власть накануне падения
Российской империи,
1913–1917 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2020

УДК 82-31
ББК 84-44
Х98

Хутарев-Гарнишевский, В.В.

Х98 Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. / В. В. Хутарев-Гарнишевский. — М.: Издательство Института Гайдара, 2020. — 648 с.
ISBN 978-5-93255-565-1

Февральская революция 1917 г. разделила русскую историю на два огромных пласта. Российское общество до сих пор в латентной фазе переживает последствия порожденной расколом Гражданской войны. Историки в своих исследованиях пытаются понять механизм падения монархии, породивший невиданный социальный взрыв, который изменил ход отечественной и мировой истории. Цель данного исследования — ответить на наиболее острые вопросы: было ли руководство МВД готово наладить работу политической полиции и эффективно пользоваться ее плодами, была ли способна власть в годы Первой мировой войны сформулировать приоритетные задачи жандармерии, обеспечить ее необходимой материально-технической и нормативной базой, обладал ли личный состав спецслужб необходимыми качествами и подготовкой для выполнения поставленных задач? В книге рассматривается деятельность политического сыска России по поддержанию государственной безопасности в оперативном взаимодействии с политическими и военными властями империи.

© Издательство Института Гайдара, 2020

ISBN 978-5-93255-565-1

Содержание

Вступление	
I. Синие мундиры. Личный состав и кадровая политика	
Жандармские курсы	
Предметы и преподаватели	
Комплектование офицерского состава	
II. Реформы политического сыска в 1913–1914 гг.	
Владимир Федорович Джунковский	
Политический сыск в армии	
Офицерство и оппозиция	
Разгон секретной агентуры	
Реформа полиции и структурные преобразования	
Превентивная юстиция	
Поражение охранки	
Итоги преобразований	
III. Спецслужбы на мировой войне	
Мобилизация корпуса жандармов	
Потери и кадровый голод	
Жандармерия на оккупированных территориях	
Турецкая Армения	
«Оттоманское» генерал-губернаторство	
В Галиции и на Буковине	
IV. Жандармерия и контрразведка (1914 г. — лето 1915 г.)	
Предыстория вопроса	
Сотрудничество и дублирование функций	
Шпиономания и репрессии в Польше	
Регламентация хаоса	
Отстранение Бельского и Ерандакова	
Армейские подходы к шпионажу	

Борьба с политизацией армии	
Итоги первого года войны.	
V. Борьба за контроль над армией (осень 1915 г.—1916 г.)	
Возвращение Степана Белецкого	
Донесение агента Пьера.	
Несостоявшаяся реформа контрразведок	
Борьба за возвращение агентуры в армии	
Расследование военного заговора.	
Евгений Климович во главе политического сыска	
Победа над генералами	
Забастовочное движение	
На пути к военному перевороту	
Революция неизбежна. Подготовка к подавлению	
Штюрмер и Рузский против МВД.	
VI. Накануне революции	
Кризис политического сыска	
Наступление на общественные организации	
Протопопов и армия	
Увеличение штатов полиции.	
Февральская революция и ликвидация тайной полиции	
Заключение.	
Приложение 1	
Развитие института жандармерии в пореформенной России	
Приложение 2	
Статистические таблицы	
Список источников и литературы	
Список сокращений	
Ссылки	
Именной указатель	

*Памяти моего научного
руководителя
доктора исторических наук,
заслуженного профессора МГУ
Ларисы Георгиевны Захаровой*

Вступление

ФЕВРАЛЬСКАЯ революция 1917 г. разделила русскую историю на два огромных пласта — то, что было до нее, и то, что стало после. Этот разрез был горизонтальным. Историческая память народа была травмирована и другим, более страшным разрезом — вертикальным, когда общество разделилось на красных и белых. Несмотря на многочисленные предпринимаемые попытки склеить разбитый сосуд памяти, российское общество до сих пор в латентной фазе переживает последствия порожденной этим расколом Гражданской войны. Продолжается ли она в умах — вопрос социологии. Задача историков — приблизиться к пониманию механизма падения монархии, породившего невиданный социальный взрыв, изменивший ход отечественной и мировой истории.

Исследователи революции изучили почти все ее аспекты — политические, социальные, экономические, культурные. За кадром зачастую остается еще один — работа специальных служб. Так их принято называть сейчас. Еще недавно их называли органами государственной безопасности. Применительно к началу XX в. корректнее говорить о политическом сыске. В конце концов именно на эти органы власти была возложена задача обеспечения общественной безопасности и порядка в империи, поддержания стабильности государственного строя, контроля за населением и правящей элитой. А сам корпус жандармов как институт власти предшествовал формированию

централизованной политической полиции как отдельного рода государственной службы.

Цель данного труда состоит в том, чтобы ответить на наиболее острые вопросы. Было ли руководство МВД готово наладить работу политической полиции и эффективно пользоваться её плодами? Была ли способна правительственная власть в годы Первой мировой войны выработать направление и сформулировать приоритетные задачи жандармерии, обеспечить ее необходимой материально-технической и нормативной базой? Обладал ли личный состав спецслужб необходимыми качествами и подготовкой для выполнения поставленных задач? Направление работы спецслужб тесно связано с пониманием правительством целей, задач, устройства и будущего государственной полиции. А существовало ли такое понимание в целом? Для этого необходимо рассмотреть деятельность политического сыска империи по поддержанию государственной безопасности в подчинении и оперативном взаимодействии с политическими и военными властями империи.

Используя термин «органы политического сыска» применительно к внутривластной ситуации в Российской империи, необходимо отметить, что как таковой единой централизованной системы спецслужб тогда не существовало. Номинальным главой тайной полиции являлся министр внутренних дел, а непосредственным руководителем — соответствующий товарищ министра. Центральными органами были департамент полиции МВД и штаб Отдельного корпуса жандармов. Региональная структура была представлена жандармскими управлениями и строевыми частями, охранными отделениями, районными охранными отделениями, розыскными пунктами.

Департамент полиции был создан 6 августа 1880 г. под названием «департамент государственной полиции МВД» взамен распущенного III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Центральным аналитическим органом

департамента являлся особый отдел, образованный в 1898 г. по инициативе директора С. Э. Зволянско-го. В компетенции отдела было заведование секретной агентурой, перлюстрация, надзор за политически неблагонадежными группами населения, непосредственное руководство политическим розыском, сбор революционной литературы и вещественных доказательств¹. Начальник отдела по своему значению был одним из первых лиц в политическом сыске, именно он координировал секретно-розыскную работу охран-ных отделений и жандармских управлений.

Кроме особого отдела в состав департамента входило несколько делопроизводств. *Первое* занималось личным составом и кадровыми вопросами. *Второе*, законодательное, следило за исполнением чинами политического сыска законов, занималось составлением приказов, циркуляров, инструкций, правил и прочих руководящих документов розыска, проводило их юридическую экспертизу. *Третье* отвечало за переводы чинов по службе. *Четвертое* наблюдало за деятельностью легальных общественных организаций, земских и городских союзов, за крестьянским и рабочим движением. *Пятое*, исполнительное, занималось составлением докладов министру и его товарищу, ведало вопросами административной высылки, негласным и гласным полицейским надзором. Функции *шестого* делопроизводства постоянно менялись, варьируясь от социально-экономических вопросов до организации справочного аппарата. В компетенцию *седьмого*, наблюдательного, делопроизводства входили вопросы организации розыска, а также переписка по тюремному ведомству, а *восьмое* ведало работой сыскных отделений. Также при департаменте функционировали казначейская, хозяйственная и секретарская части, инспекторский и судебный отделы, ссудно-сберегательная касса, центральный

1. Перегудова З. И. Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 60, 61.

справочный аппарат и архив. Особое место занимала секретная заграничная агентура с центрами в Париже и Константинополе.

Вся деятельность по политическому розыску в начале XX в. была сосредоточена в руках офицеров жандармерии, а основной сыскной единицей являлось жандармское управление — губернское, областное или городское, в зависимости от региона. Московское, Петроградское и Варшавское охранные отделения также возглавлялись жандармскими офицерами. Они составляли костяк особого отдела департамента полиции — аналитического центра. Офицеры жандармерии назначались на руководящие посты в разведывательные и контрразведывательные отделения (РО и КРО), и сами жандармские управления начинают чаще контактировать с военной и военно-морской контрразведкой, зачастую выполняя часть ее функций. В условиях военного времени и нараставших волнений в тылу возрастало значение крепостных и городских жандармских команд и жандармских дивизионов.

Появляется новая для русских спецслужб проблема взаимодействия армии и жандармской полиции по вопросам политической безопасности в войсках, прифронтовой разведки и контрразведки. Рост оппозиционных настроений в высших эшелонах власти, борьба за власть отдельных лиц и связанных с ними групп в руководстве армии и в сфере публичной политики оказывают значительное влияние на характер и интенсивность взаимодействия вооруженных сил и политического сыска. В этой связи представляется необходимым рассмотреть методы работы сыскных органов по исследованию общественно-политических воззрений личного состава и высшего руководства армии. Выводы, к которым пришло руководство полиции и жандармерии, и принятые меры по ограждению армии от оппозиционных и революционных влияний вызвали активную реакцию военного начальства. Оно влияло на работу жандармов на театре

военных действий — в разведке, контрразведке, в администрации оккупированных территорий.

В современной литературе рефреном звучит проблема фабрикации контрразведками дел о шпионаже в годы Первой мировой войны, так называемой «шпиономании». До сих пор остается открытым вопрос, в какой мере репрессии были инспирированы властями, а в какой являлись следствием технической и методологической слабости оперативно-розыскной работы спецслужб, непрофессионализма личного состава. Однако до недавнего времени исследователи рассматривали в основном крупные шпионские процессы — дело подполковника Мясоедова, компании «Зингер». В этой связи важно рассмотреть повседневную репрессивную практику прифронтовых контрразведок и связанных с ними жандармских управлений.

Период 1913–1917 гг. является одним из ключевых в истории отечественных спецслужб. И тому есть веские причины. В 1913 г. началась реформа политического сыска, продлившаяся около двух лет и во многом определившая характер работы жандармских органов в Первую мировую войну. В Государственную думу был передан на рассмотрение законопроект реформы всей полиции в империи. В нем проявились принципиальные противоречия и разногласия по жандармскому вопросу как между МВД, Министерством юстиции и Государственной думой, так и внутри руководства самого политического сыска. Значительная часть людей, руководивших сыском в 1914–1917 гг., пришли к власти именно в 1913 г., и их дальнейшая деятельность стала логическим продолжением довоенной. И наконец, самое главное — именно в этом году руководство политического сыска в лице директора департамента полиции Степана Белецкого в официальных документах признало неизбежность скорой революции и взяло курс на выработку мер по предотвращению принятия ею характера общенационального вооруженного восстания и вос-

препятствованию повторения событий Первой русской революции 1905–1907 гг.

Осознание руководством спецслужб задачи противостояния надвигающейся революции поставило вопрос о готовности к ней политического сыска и факторах, оказавших на это негативное влияние. Поэтому важно не только иметь представление о работе жандармерии на институциональном уровне, но и проанализировать конкретную розыскную практику. Деятельность ОКЖ должна рассматриваться неотрывно от политических реалий исторического момента. Институт жандармерии во времена Николая II редко анализировался исследователями, концентрирующимися в основном на истории полиции в целом, департамента полиции МВД или военных контрразведок.

Последний период существования русского политического сыска начался с крупнейшей за всю его историю реформы, осуществленной в 1913–1914 гг. товарищем министра внутренних дел Владимиром Джунковским. Авторитетный американский исследователь Джонатан Дейли² отмечает, что в начале XX в. для истории российской полиции не было ничего столь важного, как реформы Джунковского³. Давая в целом нейтрально-позитивную оценку преобразованиям, Дейли признает, что не может объяснить некоторых из них, например почти трехкратного сокращения финансирования политического сыска⁴. Как удивительно точно сказано — «ничего столь важного». Историк прямо пишет, что не может дать однозначного ответа на вопрос, какую конечную цель преследовали преобразования.

2. *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 11; *Рыжак Д. Г.* Органы политического сыска дореволюционной России в англоязычной историографии (вторая половина XX в.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 167.

3. *Daly J. W.* The watchful state. Security police and opposition in Russia 1906–1917. Northern Illinois, 2004. P. 136.

4. *Ibid.* P. 142.

Реформы также получили неоднозначную оценку отечественных историков, не сошедшихся не только в частностях, но и в характеристике общей их направленности, целей и результатов. Так, Зинаида Перегудова, один из крупнейших специалистов по истории царского департамента полиции, оценивает Джунковского как человека убежденно и беззаветно преданного престолу, продолжателя столыпинской внутренней политики, борца с аморальными способами ведения политического сыска⁵. Анастасия Дунаева полагает, что в основе преобразований Джунковского лежали две основные идеи: главенство права и христианский идеал воина-рыцаря⁶. А попытку запретить жандармам (единственным офицерам, специально подготовленным для ведения политического розыска) заниматься дознанием по государственным преступлениям Дунаева объясняет заботой о чести синего мундира⁷. Дунаева видит в нем приверженца «либерального консерватизма»⁸.

Но встречаются и совершенно противоположные оценки. Петербургский историк Кирилл Романов дает негативную оценку деятельности Джунковского, отмечая его некомпетентность в вопросах политического сыска⁹. Романов полагает, что утрата департаментом полиции реального руководства общей и политической полицией к осени 1916 г. является

-
5. *Перегудова З.И.* В.Ф. Джунковский и его воспоминания // Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. Т.1. М., 1997. С. 16–17.
 6. *Дунаева А.Ю.* В.Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Дисс. канд. ист. наук, ИАИ РГГУ. М., 2010. С. 158.
 7. Там же. С. 157.
 8. *Дунаева А.Ю.* Пажеский его императорского величества корпус в судьбе генерал-лейтенанта В.Ф. Джунковского // Российская кадетская перекличка. 2008. № 5 (<http://www.fskk.ru/journal/?aID=189>); *Дунаева Анастасия.* Реформатор в жандармском мундире // Родина. 2008. № 2. С. 106.
 9. *Романов К.С.* Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. СПб., 2002. С. 135.

в том числе следствием реформ¹⁰. А вот исследователь жандармерии Борис Колоколов резко отрицательно отзываясь о реформах, отмечая их популизм, дилетантизм, непрофессионализм, отсутствие четких представлений о работе МВД¹¹. Наиболее интересна оценка, данная Дмитрием Гутновым. По его мнению, реформы Джунковского шли не в ногу со временем. В то время как революционеры и охранители пытались выйти за рамки закона, Джунковский выступал за деятельность в рамках формальной законности. Неожиданная поддержка, которую он получил со стороны правящей бюрократии и думской оппозиции, была следствием их желания бороться в рамках правового поля. Государство хотело отойти от чрезвычайных методов управления, а общественность и оппозиция желали ограничить полномочия «охранки»¹².

Современники обвиняли Джунковского в развале политического сыска и называли его чуть ли не виновником свержения монархии в феврале 1917 г. Почти сразу же после революции заговорили о другой группе виновных — руководстве армии. Казалось бы, абсурдное на первый взгляд утверждение имело под собой весомые основания. Разве не переход Петроградского гарнизона на сторону народа решил судьбу империи? И здесь мы сталкиваемся с новыми вопросами: где же были жандармы, по закону являвшиеся именно военной полицией, что делали контрразведывательные отделения, как никто осведомленные о настроениях в войсках?

Первым системным исследованием русской контрразведки времен Первой мировой войны стала

10. Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). СПб., 2002. С. 230, 231.

11. Колоколов Борис. Дилетант в голубом мундире, или «Третий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 2007. 25 апреля (http://www.redstar.ru/2007/04/25_04/6_01.html).

12. Гутнов Д. А. Дела и дни генерала В. Ф. Джунковского. История одной жизни. Saarbruecken, 2012. С. 339–341.

монография Александра Здановича, посвященная истории становления военной и морской контрразведывательных служб царской и раннесоветской России. Проводя идею преемственности специальных служб, он поднимает и проблему межведомственного, «пограничного» характера их работы. Зданович пишет, что «чистые разведка и контрразведка как самостоятельные, независимые виды деятельности возможны только в теории»¹³. Однако в работе, посвященной организационному строительству, не учитывается политическая подоплека, конъюнктура процессов.

Исследования на стыке борьбы в верхах армии, власти и политической оппозиции поставлены в центре нескольких крупных работ. Олег Айрапетов анализирует роль политического фактора в военной истории. Рассматривая отношения Главного артиллерийского управления, Центрального военно-промышленного комитета, военного министра и Ставки Верховного главнокомандующего с политической оппозицией и крупным бизнесом, он приходит к выводу, что «либеральная оппозиция готовилась скорее к перевороту, чем к революции, и была уверена в успехе, стремясь придать политическим изменениям максимально верхушечный характер, контролировать армию через генералитет, рабочее движение — через часть социал-демократии»¹⁴. Автор показывает работу оппозиции внутри военной верхушки. В ряде статей Айрапетов подробно разбирает и скандальное шпионское дело жандармского полковника Мясоедова, ставшее одним из символов русской охоты на ведьм времен Первой мировой войны¹⁵.

13. Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 202.

14. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 228–229.

15. Айрапетов О. Р. Дело Мясоедова. Предвыборные технологии образца 1912 года // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83; Он же. Дело Мясоедова. XX век начинается... // Вестник Рязан-

В современную отечественную историографию одним из первых термин «шпиономания» как состояние умов руководства военных властей ввел омский исследователь Николай Греков. Его монография, написанная на основе докторской диссертации¹⁶, посвящена работе контрразведывательных органов в 1905–1917 гг. и определению реальных и мнимых проблем в деятельности КРО. Исследование уникально тем, что Греков рассматривает работу контрразведки на трех уровнях: общеимперском, межрегиональном (Азиатская Россия) и региональном (Сибирь). Его интересуют три проблемы: выработка военным ведомством и МВД оптимального варианта организации контрразведывательной службы, поиск наиболее эффективных методов борьбы со шпионажем, влияние характера межведомственных отношений на эффективность мер по выявлению и пресечению деятельности иностранных разведок в России.

Греков называет антишпионскую истерию одним из основных факторов подрыва доверия к верховной власти и ее крушения в конечном итоге. Признавая, что царская контрразведка была слаба, малочисленна и поражена вирусом шпиономании, историк полагает, что «нейтрализовать разностороннюю деятельность иностранных разведок в России могли только объединенные усилия органов военного и полицейского ведомств»¹⁷. Схожего взгляда придерживается и британский историк Иэн Локлан, сравнивающий русский политический сыск с аналогичными европейскими структурами. Наибольшие сходства он находит у русских и австрийских спецслужб. Даже сам тер-

ского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 2(23). С. 3–23; № 3(24). С. 113–133.

16. Греков Н. В. Опыт и проблемы развития отечественной контрразведки в 1905–1917 гг. (общероссийский и сибирский аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2000.

17. Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М., 2000. С. 246–247.

мин «политическая неблагонадежность» был заимствован у австрийского императора Иосифа II, впервые использовавшего его еще в 1780 г. В годы Первой мировой войны в Австро-Венгрии существовала военно-контрольная служба (Kriegsüberwachungsamt), координировавшая работу всех спецслужб империи — от общей и политической полиции до военной контрразведки¹⁸. Эта структура находилась в подчинении военного министра.

Надо отметить, что иностранная историография царских спецслужб не ограничивается только работами Локлана и Дейли. Традиция изучения «охранной» проблематики была заложена в конце 1960-х гг. и изначально базировалась на источниковой базе Гуверовского архива Стэнфордского университета. Начиная с 1990-х гг. британские и американские историки активно привлекают рассекреченные российские архивные материалы¹⁹.

Влияние большой политики на армию, а через нее и на устойчивость всего режима изучает и британский историк Уильям Фуллер. За основу он взял историю фабрикации двух крупных дел — контрразведчика Мясоедова и военного министра Сухомлинова. Основной вывод работы состоит в том, что «российская контрразведка приняла это (принципы дознания, примененные к Мясоедову и Сухомлинову. — В.Х.-Г.) за рабочую гипотезу, то есть стала исходить из того, что всякий человек — предатель, пока не доказано обратное. В идеологии русского контр-

18. *Lauchlan I.* Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002. P. 62.

19. *Smith E.* The Okhrana: The Russian Department of police. Stanford, 1967; *Lieven D.* The security police, civil rights and fate of the Russian Empire 1855–1917. Oxford, 1989; *Zuckerman F.* The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917. New York, 1996; *Daly J. W.* Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia 1866–1905. Northern Illinois, 1998; *Lauchlan I.* Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002.

разведчика периода Первой мировой войны — зародыш будущего сталинского сознания, в котором слились левая и правая концепции измены, сознания, замороженного призраками вероломных национальных меньшинств и вездесущих предателей»²⁰. Наряду с Грековым Фуллер ставит акцент именно на термине «шпиономания», а не на отдельных недостатках в работе контрразведывательных органов, как зачастую рассматривают репрессии того времени современные российские «ведомственные» историки спецслужб.

Как ни парадоксально, но отечественных исследований политического сыска последних лет империи (именно под углом безопасности режима и предотвращения революции) на тонкой грани соприкосновения полиции и внутренней политики немного. Традиционным жанром русской историографии политической полиции является описательный разбор системы функционирования органов сыска, отдельных направлений работы. Наиболее ярким и удачным примером таких работ является объемный труд Владлена Измозика по истории перлюстрации корреспонденции, фактически закрывающий тему²¹.

Надо отметить, что изучать дореволюционный политический сыск начали практически сразу после свержения монархии. Написанные в конце 1920-х — 1930-е гг. работы претендуют на научный характер и переиздаются даже в наши дни. Большинство их авторов или хорошо знали революционеров, или публиковали свои книги на средства общества ссыльных и политкаторжан. В 1930 г. вышла работа П. Е. Щеголева²², переизданная с несколько измененным названием в наши дни²³. Книга представляет собой смесь

20. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 312.

21. Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII — начало XX века: монография. М., 2005.

22. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

23. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.

исследовательских очерков автора, кратких выдержек из показаний жандармов и секретных сотрудников. Именно на выводах этой работы базируются многие спорные тезисы советской историографии, такие как коррупция в политической полиции, массовая фабрикация дел, пресловутая вездесущность жандармов, провокация, якобы составлявшая всю соль жандармско-полицейской работы.

Авторы советских работ редко опирались на архивные источники, используя в основном опубликованную ведомственную литературу и мемуары. Закрытость значительной части архивов и недоступность мемуарного наследия русского зарубежья сильно сужала возможности историков. Большинство работ, так или иначе связанных с политической полицией, было посвящено периоду середины — второй половины XIX в.²⁴ Специальных работ по истории жандармерии и департамента полиции не было. Приятным исключением стала лишь диссертация Александра Миролюбова 1988 г., непосредственно посвященная деятельности департамента полиции и охранных отделений в годы Первой мировой войны²⁵.

Центральной для историографии 1990-х гг. является совместная работа российского историка Сергея Степанова и канадского ученого Чарльза Рууда²⁶. Это была одна из первых попыток непредвзято и комплексно изучить политический сыск. В первое постсоветское десятилетие выходит множество научных

24. Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии: сборник статей / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 1986; *Оржиховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982; *Чукарев А. Г.* Организация политического розыска царской России в XIX–XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 9. 1973. С. 160–169.

25. *Миролюбов А. А.* Политический сыск России в 1914–1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 1988.

26. *Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

и научно-популярных работ по теме²⁷. Самым многосторонним исследованием политического сыска, и прежде всего департамента полиции, является пережившая уже два издания книга Зинаиды Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)». Автор «решила сосредоточиться на раскрытии взятой проблемы в „чистом виде“, почти полностью абстрагируясь от того общественно-политического контекста, в котором учреждениям политического сыска приходилось действовать»²⁸. Работа, написанная сотрудником Государственного архива Российской Федерации на основе значительного массива документальных источников, вывела всю историографию политической полиции на принципиально иной уровень, став настоящей энциклопедией сыска.

Характерной особенностью и общей чертой историографии является обоснование вывода о неготовности политической полиции противостоять революции — самим фактом свержения самодержавия. Она ярко выражена в диссертации Кирилла Романова, посвященной работе полиции в годы Первой мировой войны. Подробно рассматривая действия спецслужб накануне революции, он отмечает их неадекватность сложившейся острой политической ситуации, непонимание происходящих процессов, борьбу с революционерами, а не с причинами революции. С этой позицией сложно согласиться. На данный момент в историческом и публицистическом дискурсе Февральской революции существует два глобальных взгляда на ее причины и механизм. Первый, наиболее распространенный рассматривает ее как результат

27. *Жухрай В. М.* Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991; *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы. СПб., 1992; *Он же.* Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. М., 2006; *Жандармы России*/сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002; Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002). СПб., 2001.

28. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 3.

длительного политического процесса, выразившегося в массовом антиправительственном выступлении. Сторонники этой позиции полагают, что у революции не было конкретных архитекторов, а были лишь вдохновители и руководители. Второй взгляд, возникший в среде русской эмиграции и набравший особую силу в России в последнее десятилетие, рассматривает события февраля 1917 г. как результат широкого политического заговора представителей правящей элиты, включая высшее политическое и военное руководство страны. Однако ни состояние народного бунта, ни «измены элиты» никак не вписываются в предмет ведения царского политического сыска. Его основной задачей была борьба с попытками ниспровержения существующего строя прежде всего революционными партиями и группами. И надо отметить, что работа сыска на этом направлении была весьма эффективной. Ситуация бунта требует не ювелирной работы жандармского следователя, а силового подавления военизированными карательными подразделениями. Обеспечение решения этой задачи, равно как и организация идеологического и политического контроля над правящей элитой, является безусловной прерогативой высшей государственной власти. В годы войны политический сыск был вынужден столкнуться с решением не свойственных ему задач при почти полной индифферентности к его работе со стороны императора и Совета министров.

Во многом поэтому требуется комплексное изучение работы политического сыска, контрразведки, руководства армии и МВД, явных и скрытых механизмов взаимодействия этих структур по двум основным вопросам: политического будущего самодержавного режима и победы в войне. Важно установить, чем же являлись органы государственной безопасности на практике, каковы были их реальные возможности, какие к ним предъявлялись требования (кроме абстрактной охраны режима); выяснить, было ли идентичным понимание и готовность обеспечивать

политическую безопасность самодержавия в руководстве политического сыска и конкретных жандармских подразделениях на местах, а также выявить направление развития спецслужб и политического режима.

В работе были использованы архивные источники Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Архива-музея Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Центрального государственного исторического архива Украины. Большинство из них вводится в научный оборот впервые.

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, а также лично д. и. н. З. И. Перегудовой, к. и. н. Л. В. Ульяновой, к. и. н. О. Р. Айрапетову, д. и. н. Ф. А. Гайде, д. ф. н. Г. Ч. Гусейнову, к. и. н. А. Н. Машкину (за помощь с документами ЦГИА Украины).

І. Синие мундиры Личный состав и кадровая политика

ПОДБОР и подготовка кадров — один из основных показателей, по которым можно охарактеризовать работу, проблемы и специфику любого государственного учреждения. Для специальных служб вопрос кадровой политики является ключевым. От уровня профессионализма сотрудников, интеллектуальных способностей, их социальной принадлежности зависит не только эффективность работы ведомств, но и само направление деятельности. Какие ценности были призваны защищать офицеры спецслужб? На борьбу с каким противником были направлены их усилия? Какова была их мотивация при поступлении на службу? Без ответов на эти вопросы невозможно давать оценки работы и степени подготовленности руководящего состава сыска к политическим реалиям начала XX в.

Костяк кадрового состава специальных служб империи составляли офицеры Отдельного корпуса жандармов. Они занимали руководящие должности не только в самих жандармских управлениях и строевых частях корпуса, но и руководили большинством охранных отделений, служили опорой Особого отдела департамента полиции МВД, занимали ключевые посты во многих контрразведывательных управлениях, были ведущими аналитиками и розыскниками.

Жандармские курсы

Система отбора и подготовки жандармских офицеров складывалась постепенно, усложняясь, реагируя на новые политические условия, технологии и приемы ведения розыска и дознания исходя из насущных требований государства. Вплоть до правления Александра II никаких регламентированных правил приема в жандармерию просто не существовало. Положение о корпусе жандармов 1867 г. ввело лишь общие принципы и минимальные ограничения. Это был рамочный документ. Отбором штаб- и обер-офицеров занимался исключительно шеф корпуса жандармов¹. Для поступления на службу необходимо было иметь среднее военное образование и прослужить офицером в войсках на фронте не менее пяти лет. В Московский и Петербургский жандармские дивизионы разрешался перевод после трех лет службы. В жандармы не брали сильно пьющих, известных аморальным поведением офицеров, состоявших в штрафах по суду и следствию, а также имевших какие-либо задолженности, пусть даже и частные долги².

Рост революционного движения, серия покушений на императора и полная растерянность политического сыска подтолкнула шефа жандармов графа П. А. Шувалова к проведению кадровой реформы. 17 мая 1871 г. он утвердил первые правила для приема в корпус жандармов³. Правила дополняли Положение о корпусе жандармов необходимостью знания офицерами местных и иностранных языков. Была создана специальная комиссия для приема в корпус. В состав первой комиссии во главе с помощником на-

1. Положение о корпусе жандармов 1867 г. § 45//Полное собрание законов. 2-е собрание. Т. 42 (1867 г.). Отделение 2-е. № 44956 (далее — Положение 1867 г.).

2. Там же. § 47, 52.

3. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4009. Лл. 2–5.

чальником штаба корпуса вошли четыре человека: юрисконсульт шефа жандармов М. Н. Баженов, начальник штаба корпуса жандармов А. Н. Никифорки, начальник Радомского ГЖУ полковник Рябинин и заведующий первым деломпроизводством старший адъютант штаба полковник А. К. Зарубин.

29 мая 1871 г. состоялось первое заседание приемной комиссии. По итогам ее работы 17 июня шефу жандармов был представлен отчет. На полях отчета Шувалов написал: «Очень радуюсь этому началу. Число отвергнутых офицеров ясно доказывает пользу нового учреждения (комиссии). Надеюсь, что гг. члены будут постоянно в виду того, что от них зависит будущее корпуса и добрая его слава»⁴. Первоначально комиссия лишь проверяла глубину познаний и общий интеллектуальный уровень офицеров, а сама система подготовки и чтения лекций не была еще разработана. Единственным предметом было уголовное право.

В пореформенный период система подготовки кадров политического сыска только создавалась, но касалась она в основном офицерского корпуса. Положение же унтер-офицерского и рядового состава жандармерии с точки зрения минимальных познаний было крайне низким. Так, на 1 января 1873 г. 12% жандармских унтер-офицеров не умели читать и писать. Четверть из них только на службе научились грамоте. Ситуация с подготовкой унтеров улучшилась лишь к 1890-м гг., когда все смогли «излагать свои донесения на бумаге удовлетворительно»⁵.

В 1882 г. под руководством начальника штаба корпуса жандармов князя М. А. Кантакузина были составлены новые подробные правила приема⁶, согласно

4. Там же. Л. 14–15об.

5. Сафонов Д. А. Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3(7). С. 80.

6. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5973. Лл. 1–12.

которым департамент полиции был обязан предоставлять ежегодно одного чиновника для чтения лекций и участия в приемной комиссии. Жандармские курсы превратились в межведомственную структуру. Серьезные изменения, начавшиеся в 1890-е гг., были связаны с появлением новых предметов и углублением курсов изучавшихся наук. 27 августа 1894 г. циркуляром штаба ОКЖ № 41 были приняты к руководству и исполнению новые правила⁷. Выбор офицеров для приема в корпус являлся прерогативой командира, то есть товарища министра внутренних дел. На деле же руководство жандармскими курсами легло на плечи начальника штаба корпуса.

Согласно параграфу 2 правил, офицеры «в корпус жандармов переводятся из всех родов оружия или определяются из запаса или отставки». Все определяющиеся в корпус офицеры должны были иметь военное образование по 1-му разряду, а при неимении такого — окончить юнкерские училища по 1-му разряду⁸. Это считалось высоким образовательным цензом. 1-й разряд свидетельствовал о том, что окончивший училище подпоручик имеет по военным предметам в среднем не менее 8 баллов, по поведению и знанию строевой службы — не менее 9 баллов, а по остальным предметам — не менее 6 баллов⁹ при 10-балльной системе. Из правила делались исключения лишь для способных офицеров, окончивших военное училище по 2-му разряду. Обычно второразрядники направлялись на службу в менее важные жандармско-полицейские управления железных дорог. Можно привести пример М.А. фон Беринга, окончившего Варшавскую гимназию и Тверское кав-

7. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8331. Л. 5–70б. (Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов 1894 г; далее — Правила 1894 г.).

8. Свод военных постановлений 1869 года. Часть II. Кн. VI. Разд. II. Гл. 15. Ст. 233. СПб., 1891.

9. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 138–139.

лерийское училище по 2-му разряду и 22 июня 1904 г. в обход правил принятого в корпус¹⁰. Исключение было не случайным. В справке департамента полиции, составленной на него 31 января 1916 г., сказано: «Ротмистр Беринг выделяется среди чинов жандармской полиции железных дорог в Туркестанском крае своими выдающимися служебными достоинствами, своей высоко полезной и неустанно энергичной деятельностью. Прекрасно осведомленный в материальном уголовном праве и процессуальных железнодорожных уставах и правилах, ротмистр Беринг всегда стоит на почве закона и в строгих его рамках. Его дознания всегда исчерпывающе полны и всегда получают, при правильной квалификации преступления или проступка, направление законной подсудности... В большую заслугу ротмистру Берингу должно быть поставлено его умелое воспитание в духе законности и служебной энергии и распорядительности унтер-офицеров вверенного ему отделения... Глубокая порядочность и честность ротмистра Беринга, в связи с его служебной дисциплинированностью и высокой корректностью, ставят его в ряды высоко полезных чинов жандармской полиции»¹¹. Однако в общей массе перворазрядники составляли подавляющее большинство.

Особую когорту в ОКЖ составляли выпускники военных академий — Генерального штаба, Артиллерийской, Военно-юридической. Таких чинов было очень мало. В своих воспоминаниях бывший директор департамента полиции К. Д. Кафафов дает им высокую оценку, отмечая их как «людей очень воспитанных и образованных, которых охотно принимали повсюду»¹². По его мнению, это была наиболее способная часть офицерского состава. Все поголовно

10. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916.

11. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314. Д. 84. Лл. 34–35.

12. Там же. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Лл. 97–98.

начальники штаба корпуса были выпускниками Николаевской академии. Из прочих жандармских офицеров, окончивших Академию или несколько лет проручившихся в ней, можно назвать генерал-майоров К. И. Глобачева, последнего начальника Петроградского охранного отделения (1915–1917), М. Ф. фон Котена, начальника Петербургского охранного отделения в 1910–1914 гг., подполковников Г. Д. Джакели, П. В. Гуза, Я. А. Тимофеева¹³.

Переводиться в корпус разрешалось чинам не выше штабс-капитана или штабс-ротмистра¹⁴. В Положении о приеме офицеров в ОКЖ 1913 г. был оговорен возраст поступающих — от 24 до 33 лет¹⁵.

Сразу после подачи офицером краткой записки о службе и докладной записки на имя начальника штаба о желании служить в корпусе штаб начинал сбор сведений о личностных и деловых качествах кандидата¹⁶. С 1872 г. по приказу шефа жандармов все обязанности по наведению справок о служебных и нравственных качествах кандидатов лежали на начальнике штаба¹⁷, который перепоручал это начальнику жандармского управления той местности, где проживал или служил офицер, изъявивший желание перевестись в жандармерию. Начальник ГЖУ был обязан выяснить: 1) нравственные качества и способности просителя, 2) усердие на предыдущей службе, 3) репутацию среди начальников и сослуживцев, 4) знание местных и иностранных языков¹⁸. Давалась характеристика его коммуникабельности, свя-

13. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 358. Лл. 61, 61об., 75об.–82, 423–482об.

14. Правила 1894 г., Правила 1897 г. § 3.

15. Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов: утверждено его высокопревосходительством шефом жандармов гофмейстера двора Его Величества Маклаковым. СПб., 1913 (далее — Положение о приеме 1913 г.). § 2.

16. Правила 1894, 1897 гг. § 5, 6.

17. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 4128. Лл. 1–5.

18. Правила 1894, 1897 гг. § 7.

Положение о приеме 1913 г. § 6.

зиям, наличию или отсутствию качеств лидера, работоспособности, усвоению обязанностей¹⁹. На практике не всегда можно было провести оперативное и подробное выяснение личностных качеств офицера. Поэтому начальник ГЖУ обращался непосредственно к командиру подразделения, в котором служил офицер, и тот, в свою очередь, давал им оценку. Зачастую этот сбор информации продолжался даже после успешной сдачи офицером предварительного испытания.

Офицеры, которые подходили по всем параметрам для службы в корпусе, определялись для прохождения предварительного испытания с целью отбора наиболее всесторонне развитых для внесения их в список кандидатов на прикомандирование к штабу ОКЖ²⁰. Испытание выясняло лишь общее развитие офицера. Долгое время не существовало четко прописанной суммы знаний, которая требовалась при ответе. Не был утвержден необходимый список книг, хотя в неофициальном порядке существовали рекомендуемые пособия. Офицер должен был разбираться в русской и всеобщей истории, географии, государственном устройстве страны, важнейших действовавших законодательных актах и реформах последних правлений (положение о земских начальниках и их учреждениях, положение о полиции, о службе на железных дорогах, судебная и крестьянская реформы Александра II)²¹. Испытание состояло обыкновенно из написания сочинения на историческую тему и устного экзамена.

Сочинения, написанные на предварительных испытаниях, сохранились в некоторых архивных де-

19. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19851. Лл. 95–96.

20. Положение о корпусе 1867 г. § 46; Правила для приема 1897 г. § 10, 12; Положение о приеме 1913 г. § 9, 17.

21. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 45.

лах о переводе офицеров в корпус и представляют значительный интерес. Некоторые офицеры уже заранее знали, чем хотели бы заниматься в политическом сыске, и эту тему развивали в сочинениях. Так, штабс-капитан В. В. Владимиров посвятил сочинение вопросам борьбы с революционной агитацией в армии и на флоте, укрепления отношений между нижними чинами и офицерами²². Именно этим в течение почти десяти лет он будет заниматься на различных руководящих постах в Кронштадтской и Финляндской жандармериях. Также представляет интерес вступительное сочинение штабс-капитана барона М. Ф. фон Котена, посвященное роли полиции в обществе. После достаточно шаблонного перечисления происхождения полиции, ее значения для поддержания общественного порядка и безопасности, защиты прав и имущества граждан, неоднократно намекнув на желание служить именно в охранных отделениях, в последнем абзаце сочинения Котен неожиданно ставит на первое место не карательные функции, а деятельность по предупреждению преступлений²³. Именно он станет в 1912 г. главным идеологом введения практики превентивной юстиции, то есть административного наказания граждан не за совершение преступлений, а лишь за возможность их совершить, за чисто теоретическое намерение выступить против режима.

В 1913 г. в Положение о приеме были внесены значительные коррективы, связанные с желанием точно определить и зафиксировать набор знаний и рекомендуемые пособия. Испытание, как и раньше, состояло из письменной и устной частей. Если устная часть экзамена базировалась в основном на приведенной в Положении программе испытаний, то тема письменной работы могла быть исторической или литературной. Последняя подразумевала знание основных

22. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 12527. Лл. 5–6.

23. Там же. Д. 9738. Лл. 4–5.

произведений русских писателей²⁴. Литературные темы давались гораздо реже исторических, но сам факт их существования говорит о сравнительно высоком культурном уровне жандармских офицеров. При этом надо отметить, что составители положения особо оговаривали круг этих авторов — писатели классические, то есть исключались современные или оппозиционные литераторы.

Программа была составлена подробно и издавалась в виде экстракта из Положения о приеме. 7 февраля 1914 г. командир корпуса В. Ф. Джунковский приказал ознакомить с Положением «всех офицеров, которые пожелают перейти на службу в корпус жандармов, и выдавать им программы предварительных испытаний»²⁵. Программы рассылались во все жандармские управления, дивизионы, а также в большое количество других подразделений Военного министерства и Министерства внутренних дел. Штаб стремился тратить на подготовку офицеров минимальное количество финансовых средств. Все учебные пособия, как для предварительного испытания, так и во время обучения на жандармских курсах, офицеры приобретали за свой счет²⁶.

Первым и одним из главных предметов считалось право. Несмотря на то что в программе этот предмет расписан довольно скупо, на практике отвечать надо было весьма подробно²⁷. Прежде всего давалось определение праву, его содержанию и задачам, рассматривались его основные категории. Офицеры должны были разбираться в государственном, полицейском, уголовном и гражданском праве России, а также в международном праве. Давалось понятие о международных отношениях и нормах. Недостаточная глубина имущественного и финансового пра-

24. Положение о приеме 1913 г. § 15.

25. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Л. 15.

26. Положение о приеме 1913 г. § 32.

27. Там же. § 14.

ва в программе отчасти восполнялась политической экономией: изучались такие категории, как труд, капитал, общее учение о производстве, прибыль с капитала, доход. Рассматривался государственный бюджет, кредитно-денежная и страховая системы. Отдельно уделялось внимание рабочим союзам. При подготовке к вопросам по этой теме рекомендовался курс И. М. Кулишера. Привлечение крупного молодого историка-экономиста говорит не только о серьезном отношении жандармского ведомства к знанию офицерами экономики, но и об их стремлении следовать за самыми современными исследованиями. Интерес к экономике, пусть и в рамках популярного курса, объясняется ростом количества производственных конфликтов, экономических забастовок в начале века, дававших почву недовольствам и росту революционного движения.

В курсе русской истории особое внимание уделялось правителям, властным институтам и армии, а также развитию права. Курсивом выделяется пункт «Русская правда». Среди подразделов русской истории есть «Русь Юго-Западная», где рассматривалась история Киевщины, Подолии, Волыни и Галиции от князя Даниила Романовича до уничтожения Екатериной II Запорожской Сечи. Известный сепаратизм присоединенных от Польши Восточных Кресов определял и тематику вопросов, рассматривавшихся в истории Юго-Западной Руси. Борьба с униатами на территории Украины, проводившаяся в том числе и силами корпуса жандармов, ставила на первое место в истории этого региона религиозный аспект. Изучалась Брестская уния, деятельность ордена иезуитов, история православных братств, Киево-Могилянской академии, история казачества в ракурсе его борьбы с Польшей.

Курс всеобщей истории рассматривался в программе лишь в рамках новейшей истории Западной Европы 1815–1913 гг. Среди вопросов преобладали дипломатия, войны, революции и национальные во-

просы. Отдельное внимание уделялось панславизму и росту славянского национального самосознания. На славян отводилось шесть из тридцати (то есть 20%) вопросов по истории Европы. В основном авторы вопросника концентрировались на Германии, Франции, Австро-Венгрии, чуть меньше — на Великобритании. Вместо Османской империи рассматривался восточный вопрос и Крымская война в аспекте взаимоотношений великих держав. Около шести вопросов прямо или косвенно посвящены истории объединения Германии. Проблемы становления Германской империи и роста национальных движений в Европе, исходя из содержания программы, кажутся приоритетными для руководства корпуса жандармов. В то же время социально-экономическая история не выделялась специальным вопросом.

Отдельный блок из 46 вопросов посвящен истории Великой французской революции. Он в 1,5 раза превосходит по объему блок вопросов, посвященных всей новейшей истории Европы, хотя и меньше блока вопросов по русской истории. Предполагалось, что офицеры знали не только ход революции, но и всю историю Франции со времен Ришелье до Наполеона Бонапарта. Отвечающий на вопрос по Французской революции должен был разбираться не только в событиях и хронологии, но и иметь представление об идейной борьбе в предшествующие революции десятилетия, а также в лагере революционеров. После 1905 г. революция в России стала реальностью, поэтому пример французских событий должен был дать жандармам понимание механизмов революционного процесса.

Последним блоком устных вопросов шла география Российской империи, включавшая вопросы о добывающей и обрабатывающей промышленности страны, внутренней и внешней торговле. В географическом блоке были также вопросы об устройстве военных округов, военных портов и крепостей. Необходимо было также знать военное начальство.

На предварительное испытание вызывалась обычно группа из 20–40 офицеров. Каждому из них приходило личное приглашение на специальном бланке за подписью делопроизводителя комиссии²⁸. Форма одежды полагалась парадная. Офицеры надевали мундир того полка, в котором числились на момент сдачи экзамена. Состав экзаменационной комиссии был внушительным и мало отличался от того, с которым будущий жандарм сталкивался по окончании специальных курсов. Председательствовал в комиссии начальник штаба корпуса. В ее состав входили генерал или штаб-офицер для особых поручений при Главном управлении ОКЖ, чиновник от департамента полиции, а также будущие преподаватели жандармских курсов, в основном старшие адъютанты штаба²⁹. На устном экзамене предлагались своеобразные тесты на сообразительность и внимательность. Один из них в своих мемуарах приводит полковник Мартынов: «А что написано на спичечной бандероли? (надо было ответить, что на ней отмечена наличность семидесяти пяти спичек в коробке!)»³⁰.

Предварительное испытание проводилось в два этапа. Лицо, успешно выдержавшее устный экзамен, на следующий день допускалось до написания сочинения³¹. Каждый член комиссии ставил свою оценку за письменное и устное испытания. По итогам экзамена на претендента составлялась ведомость, в которую заносились все оценки, поставленные всеми преподавателями, а также два средних балла — по устной и письменной части. В конце ведомости ставился общий балл³². В корпусе не было принято округление средних баллов в сторону их завышения или занижения. Так, нередко можно было встретить такие общие

28. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15973. Л. 3.

29. Правила о приеме 1897 г. §10, прим. 1.

30. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 46.

31. *Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928. С. 31.

32. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15989. Л. 1.

оценки, как 9½ балла³³. Это говорит о пунктуальности и корректности офицеров при выставлении оценок.

Успешно пройдя предварительное испытание, офицер должен был приступить к непосредственной подготовке к службе в корпусе жандармов на учрежденных в 1871 г. штабных курсах³⁴. Их цель заключалась в «ознакомлении офицеров со всеми отраслями той специальной службы, которую несут офицерские и нижние чины корпуса жандармов»³⁵. На деле же, по воспоминаниям самих жандармов, они получали огромное количество сведений, но только не тех, которые имели непосредственное отношение к реалиям политического розыска³⁶. Современную оперативную практику начали преподавать на курсах только во второй половине 1900-х гг. В течение всего периода существования курсов формально декларировалась необходимость уделять большее внимание не теории, а практике сыска. Однако именно эта часть жандармской подготовки была организована из рук вон плохо. Вплоть до 1910-х гг. жандармов практически не знакомили со свежими делами, давая на разбор старые из архива департамента полиции. Это приводило к тому, что после окончания курсов офицеры должны были самостоятельно доучиваться³⁷.

В 1909–1913 гг. по инициативе командира ОКЖ генерал-майора П. Г. Курлова была проведена серьезная реформа жандармских курсов. Вот как он объясняет начатые преобразования: «Мое назначение дало мне возможность приступить к исправлению... недостатка в корпусе, на который я обратил внимание еще во время моей службы в департаменте полиции. Революци-

33. Там же. Л. 6.

34. Там же. Д. 4009.

35. Инструкция 1909 г. § 3.

36. *Спиридович А. И.* Записки... С. 37–38; *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 57.

37. *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 23.

онное движение не осталось без серьезных изменений со времени 60-х годов. К нему присоединилось широкое общественное движение, деятельность которого, будучи направлена против правительства, давала почву для развития работы революционных партий. Я был убежден, что бороться с этим разраставшимся движением одними полицейскими и карательными мерами невозможно, что правительству необходимо широкое ознакомление с движением... Жандармские офицеры были не в состоянии удовлетворить указанной жизненной потребности правительства, так как не обладали для этого необходимым образованием, причем недостаток его не пополнялся сведениями, которые они получали на кратковременных подготовительных курсах перед переводом в корпус»³⁸.

В связи с тем, что назначение Курлова совпало с началом выпускных экзаменов на курсах, он по собственной инициативе присутствовал на каждом экзамене и сделал необходимые выводы. Курлов пишет: «Я выработал целый ряд... мероприятий, настаивая на большей продолжительности занятий на курсах и расширении программы преподавания в сторону более подробного ознакомления с разветвлениями современной общественной жизни. Мне не удалось полностью осуществить эту мысль... и я должен был ограничиться расширением программ курсов по общеобразовательным предметам»³⁹.

По его поручению начальник штаба Д. К. Гершельман разработал и представил командующему корпусом Инструкцию о порядке ведения занятий на офицерских курсах при штабе Отдельного корпуса жандармов. 19 октября 1909 г. она была утверждена. Предметы были разделены на главные и второстепенные. В числе главных, кроме устройства корпуса, прав и обязанностей его чинов, были политический розыск

38. Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 140–141.

39. Там же. С. 141.

и история революционного движения. На этот предмет решили выделить наибольшее количество часов в неделю — 8. Еще по 4 часа было отведено на производство дознаний и устройство корпуса, 6 часов — на железнодорожную полицейскую службу. Для сравнения: на уголовное и государственное право отводилось по 1 часу в неделю. Это было связано с желанием руководства корпуса сократить преподавание теоретических дисциплин в угоду политическим партиям и практике розыска.

Распределение предметов по часам было таково, что 4 главных предмета занимали 22 часа в неделю, то есть более 90% времени, а 2 второстепенных — только 2 часа, или 10% времени. Кроме предметов, включенных в программу, преподавались также антропометрия и дактилоскопия⁴⁰. В рамках реформы в 1910 — начале 1911 г. коллективом чинов департамента полиции был составлен вопросник по истории революционного движения. По воспоминаниям П. П. Заварзина, почти все курсанты занимались с книгами и пособиями до поздней ночи каждый день⁴¹. Имело место массовое переутомление офицеров.

В 1909 г., еще до издания инструкции, департамент начал требовать от штаба корпуса усилить подготовку по праву. Большинство его сотрудников имели высшее юридическое образование и считали его отсутствие у жандармов недостатком. 15 февраля 1909 г. исполняющий обязанности вице-директора С. Е. Виссарионов пишет: «Программу прошлого года я признаю необходимым расширить, сообщив общие сведения из энциклопедии права, об обязанностях и правах подданных, об основных чертах государственного устройства Англии, Германии, Франции, Швейцарии и Американских Соединенных Штатов. Кроме того, я ввел в курс истории государственной власти возрождение и укрепление самодер-

40. Инструкция 1909 г. § 6, 7.

41. Заварзин П. П. Указ. соч. С. 23; Мартынов А. П. Указ. соч. С. 57.

жавия и общему учению о министерствах предпослал очерк учреждений, предшествовавших министерствам (приказы, коллегии). Несмотря на расширение программы, выполнить курс удалось вследствие того, что занятия велись хотя и раз в неделю, но, начинаясь с часу дня, заканчивались в 6-м часу. Последние недели чтения производились через день. Всего употреблено на чтения приблизительно 45 часов. Кроме того, два раза мной применялась репетиционная система, причем гг. офицеры вызывались отвечать по собственному желанию. Степень усвоения и уровень знания на репетициях оказались значительно выше средних»⁴².

Департамент полиции рассматривал корпус жандармов как некий исполнительный придаток и всеми силами старался переделать жандармское образование исключительно под свои нужды, не считаясь с функциональными потребностями корпуса. Курлов, Гершельман, а потом и Джунковский старались, принимая отдельные указания и помощь департамента, противостоять этой тенденции. Несмотря на то что докладная записка Виссарионова была одобрена, серьезного расширения курса государственного права так и не произошло.

По окончании чтения курса лекций каждый преподаватель был обязан докладывать о подготовке офицеров начальнику штаба корпуса⁴³. Комиссия, проводившая испытания, по своему составу ничем не отличалась от той, через которую проходили офицеры, только определявшиеся на курсы. Выпускные экзамены сдавали более или менее успешно большинство «курсантов»⁴⁴. Цель этого экзамена состояла в том, чтобы ранжировать офицеров по способностям и уровню подготовки. Это было важно для дальнейшего распределения по должностям. Если офице-

42. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 1–106.

43. Положение о приеме 1913 г. § 33; Правила о приеме 1897 г. § 16.

44. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 58.

ры не выдерживали выпускного экзамена, но были хорошо аттестованы преподавателями, то их могли допустить до переэкзаменовки. Эта практика говорит о том, что для корпуса было предпочтительнее подготовить хороших офицеров из заранее отобранных по складу ума и общему развитию кандидатов, а не проводить еще один отбор.

Всего офицеры сдавали 6 предметов. Антропометрия, дактилоскопия и шифровальное дело не выносились отдельным экзаменом, однако успеваемость по ним проверялась в ходе практических занятий. Оценка проводилась по 12-балльной системе, причем баллы ниже 6 считались неудовлетворительными⁴⁵. Офицеры, аттестованные оценками выше 5 баллов по каждому предмету, считались успешно сдавшими экзамен⁴⁶. По окончании экзаменов в тот же день определялся средний балл для каждого офицера по каждому предмету, а затем — персональный средний балл по всем предметам⁴⁷. Из этих персональных средних баллов и составлялся список офицеров по старшинству.

На следующий день после последних выпускных испытаний около 10 часов утра офицеры вызывались в штаб корпуса «для разборки вакансий»⁴⁸. Возглавлявшие список офицеры получали наилучшие вакансии⁴⁹. В понимании руководства корпуса, а также офицеров, желавших заниматься реальной борьбой с революцией, это были Московское, Петербургское и Варшавское охранные отделения и некоторые жандармские управления. Поэтому лучшим офицерам предлагались должности адъютантов именно при этих учреждениях. Среди офицеров, не интересовавшихся живо вопросами политического сыска, а ис-

45. Положение о приме 1913 г. § 36.

46. Там же. § 39.

47. Там же. § 37, 38.

48. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 59.

49. Положение о приме 1913 г. § 40.

кавших хороших денег и спокойной службы, особенно популярны были должности на частных железных дорогах. Там, кроме денежного довольствия и льгот, они получали еще и солидные премии от владельцев. Многие из первых в списке аттестации офицеров отказывались от элитных вакансий и выбирали частные железные дороги⁵⁰.

Единственная возможность получить не предложенный, а желаемый пост в корпусе состояла в том, чтобы заручиться рекомендательными письмами, иметь в корпусе хорошие дружеские или родственные связи. О некоторой закрытости для «не своих» людей поступления в корпус пишет генерал Спиридович: даже при удовлетворении всех формальных условий офицеру без протекции было очень тяжело даже попасть на жандармские курсы. Это было связано с большим количеством желающих служить в корпусе⁵¹. Так, будущий начальник Московского и Варшавского охранных отделений и выдающийся офицер политического сыска П. П. Заварзин смог поступить в корпус на желаемую должность только благодаря личному рекомендательному письму начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала от инфантерии Г. А. Леера⁵². А будущий крупный руководитель военной контрразведки князь В. Г. Туркестанов вообще провалился в самом начале, заняв одно из самых последних мест в списке кандидатов на прикомандирование к корпусу, и был включен лишь по личному ходатайству Могилевского губернатора⁵³.

Не менее выдающийся и одаренный, чем Туркестанов или Заварзин, офицер А. В. Герасимов, руководивший в 1905–1909 гг. Петербургским охранным отделением и фактически подавивший Первую рус-

50. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 58.

51. *Спиридович А. И.* Записки... С. 30.

52. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8318. Л. 3.

53. Там же. Д. 8208. Лл. 11–13.

скую революцию в столице, испытывал в свое время большие проблемы с поступлением в корпус. Происходивший из детей купеческого звания города Николаева Херсонской губернии и служивший подпоручиком в 61-м резервном пехотном полку, он не имел ни высокопоставленных родственников, ни друзей — покровителей семьи. В течение двух лет проживая за свой счет в Санкт-Петербурге, Герасимов безуспешно ходатайствовал о переводе его на курсы при штабе корпуса. В конце концов, отчаявшись, он написал личное письмо начальнику штаба генералу Н. И. Петрову, пожаловавшись на свое неопределенное служебное и отчаянное материальное положение⁵⁴. Только после такого неординарного поступка Герасимов был допущен к поступлению на курсы. Таким образом, не только получить распределение после экзаменов, но и просто попасть на жандармские курсы офицеру было крайне затруднительно.

Предметы и преподаватели

Решающую роль в процессе получения образования играл уровень преподавательского состава и учебные пособия. Изначально на жандармских курсах исключительно читались лекции, которые не только не были сведены в опубликованные сборники, но и не сопровождались никакими пособиями. Все, что было в распоряжении курсантов, — бывшие дела III отделения⁵⁵. В дополнение к лекционному материалу курсанты приобретали необходимые сборники законов. Если с учебниками по русской и всемирной истории, географии или политэкономии все обстояло довольно просто (использовались обычные университетские пособия), то по важнейшим предметам — истории революционного движения, ведению дознания,

54. Там же. Д. 6676. Л. 11.

55. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 57.

устройству корпуса жандармов — таких пособий долгое время не было.

В 1880-х гг. были предприняты две попытки систематизировать историю русского революционного движения. В 1882 г. по поручению директора департамента полиции В.К. фон Плеве чиновником особых поручений при министре внутренних дел графом С.С. Татищевым была издана книга «Социально-революционное движение в России. Судебно-полицейская хроника. 1861–1881»⁵⁶. Достоинством книги являлся биографический указатель упоминаемых революционеров и общественных деятелей. В связи с отставкой Татищева в 1883 г. издание затормозилось и работа была перепоручена чиновнику особых поручений при департаменте полиции князю Н.Н. Голицыну, опубликовавшему в 1887 г. десятую главу своей книги «История социально-революционного движения в России. 1861–1881», посвященную русской революционной эмиграции в Швейцарии.

Несколько лучше обстояло дело с пособиями по розыску и ведению дознания. Еще в 1851 г. в Санкт-Петербурге в типографии III отделения были изданы Правила о порядке производства следствий для руководства по корпусу жандармов. Издание представляло собой извлечение из законов 1842 г., систематизированное в 161 параграф. Позднее оно несколько раз дорабатывалось и было доступно для офицеров, обучавшихся на курсах. С разрешения начальника штаба ОКЖ генерала Н.И. Петрова в 1885 г. (первое издание), а затем в 1888 г. (второе издание, исправленное и дополненное) вышло в свет составленное полковником А.А. Поповым «Руководство для чинов корпуса жандармов при производстве следствий и дознаний». В книгу вошли объемные выдержки из Уложения о наказаниях, сведения о судебной системе и ее компетенции, дознание и уголовное судопроизводство, веде-

56. Сидорова М. В. Историк с Фонтанки, 16 // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 42.

ние протоколов с образцами и бланками, положение об усиленной охране, о полицейском надзоре, об административной высылке, железнодорожный устав, многочисленные приложения (определение закона, государственные и сословные учреждения), формы бумаг по жандармским дознаниям и многое другое. По сути, это было первое жандармское издание, использовавшееся как учебное пособие.

Со второй половины 1890-х гг. уровень жандармской подготовки значительно возрос. В числе первых авторов был глава комиссии по производству предварительного испытания, читавший на курсах лекции по организации корпуса жандармов, генерал-майор В. И. Добряков⁵⁷. С 1891 г., находясь на должности заведующего судной частью штаба ОКЖ, он взялся за систематизацию различных приказов и циркуляров по устройству корпуса. Результатом стал изданный в 1897 г. «Систематический указатель приказов по Военному ведомству, циркуляров Главного штаба, приказов по Отдельному корпусу жандармов и циркуляров штаба сего корпуса, объявленных для сведения руководства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям». Указатель охватывал почти все действовавшие приказы и циркуляры, изданные до 1 июля 1896 г., а вышедшее в 1900 г. Дополнение к указателю охватывало также период с 1 июля 1896 г. по 1 января 1900 г.

В 1900 г. выходит новая работа Добрякова — «Систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до служебной деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям». Это издание объемом более 450 страниц фактически являлось энциклопедией жандармской службы. В нем освящен широчайший круг вопросов — от состава, назначения и устройства

57. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 15989. Л. 27.

жандармерии до чинопроизводства, перемещений по службе и правил ношения орденов и медалей. Книга содержит как полные тексты, так и краткие выдержки из законов и подзаконных актов, касающихся жандармской службы, и является лучшим пособием по устройству корпуса жандармов. В связи со значительными изменениями в области дознания и розыска, произошедшими во второй половине XIX в., Добряков опубликовал в 1895 г. «Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний». Этот свод дважды дополнялся автором и переиздавался в 1897 и 1903 гг. В последнем, третьем издании 1903 г. его объем составил более 650 страниц. Несмотря на то что Добряков не читал этого курса лекций, его краткий свод с 1895 по 1908 г. был основным пособием, отражавшим все нормативные акты, касавшиеся производства дознаний.

На курсах при штабе в течение 1900-х гг. лекции по ведению дознания читал чиновник особых поручений V класса при департаменте полиции коллежский советник С. В. Савицкий. В 1908 г. он опубликовал «Систематический сборник циркуляров департамента полиции и штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний». В сборник были включены все действующие циркуляры, приказы и некоторые законоположения, вошедшие в программу курсов для занятий по производству дознания в порядке статьи 1035 Устава уголовного судопроизводства и переписок в порядке Положения об охране.

По политическому розыску пособий как таковых не было. В течение многих лет этот курс читал А. И. Спиридович, преподававший также историю революционного движения. Его лекции по политическому розыску, названные «Курс полковника Спиридовича», были не раз отпечатаны кустарным способом

и распространялись среди офицеров, обучавшихся на курсах. Свою первую лекцию он начинал так: «Во всяком государстве имеются люди, недовольные существующим политическим строем и стремящиеся к изменению такового. Изменение государственно-го строя может быть произведено двояким способом: 1) путем постепенных реформ, проведенных через законодательные учреждения страны, и 2) путем насильственным — революционным. В каждом государстве считается необходимым всеми мерами бороться со сторонниками насильственного изменения существующего строя. В России эта борьба возложена на чинов Отдельного корпуса жандармов, которые осуществляют эту борьбу чрез „политический розыск“. Сущность политического розыска заключается в знании всего того, что делают, кто делает и как делают революционное дело, а также что революционеры предполагают в будущем»⁵⁸.

Спиридович четко разделяет общественное и революционное движения, объявляя последнее главным врагом государства и полиции. Вообще жандармов после Манифеста 1905 г. не готовили к борьбе с легальной политической оппозицией. Причина этого таилась значительно глубже простого следования букве Основных законов империи. Она заключалась в духе самого законного строя, в понимании гражданского общества и связанной с ним политической борьбы как естественного явления общественной жизни. Вот, например, что в своем курсе лекций по государственному праву говорил сотрудник особого отдела жандармский полковник В. А. Беклемишев: «Человек по своей природе есть существо общественное... ибо только живя в обществе, человек может развиваться до такой степени, что удостоится названия Человека, то есть существа разумного и свободного»⁵⁹. В основе государства лежит, по мнению лек-

58. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 220. Л. 2.

59. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19859. Л. 110.

тора, не нация и не класс, а гражданское общество, включающее в себя все существующие племена, роды и семьи. Понятия «гражданское общество» и «государство» объединены надклассовой, внесловной и наднациональной природой. В виде вывода приводится формулировка понятия государства — «оно есть союз свободных людей, соединенных семейственными, родовыми и гражданско-общественными узами, живущих на определенном пространстве земли под управлением верховной власти»⁶⁰. Соответственно закон есть правило, по которому функционирует гражданское общество и государство. Интересно, что это преподавалось в самом охранительном учреждении самодержавного государства.

В тексте лекции имеется еще одно очень важное замечание, которое наставляет жандармов, каким должно быть их отношение к ведению следствия: «Во всяком случае дела должны быть решаемы на основании закона; если же какие-нибудь обстоятельства в законе не предусмотрены и не указаны, то тогда должно испрашивать разрешения высшего начальства только судом»⁶¹. Этот императив очень важен и объясняет известную корректность жандармов и педантичное соблюдение ими законодательства.

Возвращаясь к курсу Спиридовича, отметим, что он не только ввел общий понятийный аппарат, но и старался внушить и привить те деловые и личностные качества идеального жандарма, которые помогли бы максимально эффективно и с достоинством выполнять свою работу. По мнению Спиридовича, этими качествами являются: «1) моральное превосходство над врагами по убеждениям и по сознанию чувства долга, 2) образованность, 3) превосходство в знании деятельности революционных организаций, 4) служебная осторожность, или, как принято выражаться на революционном жаргоне, „конспирация“, 5) спо-

60. ГА РФ. Л. 110об.

61. Там же. Л. 113–113об.

койное отношение к делам розыска и вообще ко всем сведениям, поступающим в распоряжение заведующего розыском»⁶².

Мы видим, что на первое место среди необходимых для жандарма личных и служебных качеств полковник Спиридович ставит не глубокие познания и конспирацию, о которых он самым подробным образом говорит в своем курсе лекций, а именно моральное убеждение в борьбе с революцией. Основа его зиждилась на двух явлениях: с одной стороны, на этическом неприятии террора и революции, на преданности престолу, а с другой стороны, на уважении к верховенству закона. Первым необходимым условием, которое следует соблюдать при ведении политического розыска, автор лекций называет «полную закономерность всех поступков и нравственную чистоту всех предприятий лица, ведущего политический розыск»⁶³. В этом нравственный императив лекций Спиридовича совпадает с нравственным императивом Беклемишева.

Хочется отметить, что идейность борьбы многих жандармских офицеров существовала не только на словах — она была неотъемлемой частью повседневной профессиональной деятельности. Ярким свидетельством этого является значительное число жандармов, принявших участие в Гражданской войне на стороне белого движения. В качестве примера можно привести жандармского генерал-майора Е. К. Климовича, назначенного начальником Особого отдела штаба Русской армии генерала П. Н. Врангеля и помощником начальника гражданского управления Крыма. В руках Климовича была сосредоточена Государственная стража белых. Ему в рекордные сроки удалось полностью дезорганизовать работу большевиков в Крыму, предотвратить попытку противника устроить забастовки портовых рабочих и сорвать эва-

62. Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 220. Л. 206.

63. Там же.

куацию Русской армии в ноябре 1920 г. Было ликвидировано около 200 большевицких агентов⁶⁴. Генерал Врангель блестяще аттестовал своего начальника полиции: «Руководимая опытной рукой генерала Климовича работа нашей контрразведки в корне пресекла попытки противника. Неприятельские агенты неизменно попадали в наши руки, предавались военно-полевому суду и решительно карались»⁶⁵. Помощником Климовича по руководству контрразведкой был генерал-майор корпуса жандармов Л. А. Бардин.

Бывший начальник штаба ОКЖ генерал-майор В. П. Никольский являлся военным министром (исполняющим должность начальника военного управления) в правительстве Юга России. В контрразведке белых на Черноморском флоте служил бывший начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов⁶⁶. В Вооруженных силах Юга России (ВСЮР) служил и бывший помощник начальника Владимирского ГЖУ подполковник А. Т. Будницкий⁶⁷. В Добровольческой армии в составе Корниловского ударного полка воевал бывший начальник Тифлисского жандармского управления Закавказской железной дороги А. И. Зозулевский⁶⁸. Во ВСЮР в Особом отделе штаба Астраханского казачьего войска служил ротмистр Н. С. Мартос. Среди жандармских офицеров в Белом движении можно отметить генерал-майора Д. А. Правикова, братьев ротмистров

64. *Александров К. М.* «Уходили мы из Крыма среди дыма и огня...» // Новое время. 2005. № 47. С. 31–35.

65. *Врангель П. Н.* Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г. Т. 2. Минск, 2003. С. 338.

66. *Перегудова З. И.* «Охранка» глазами охранников // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 21.

67. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916. *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 97.

68. *Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 216–217.

Г. В. и М. В. Плотто, поручика В. В. Шлихтинга, братьев подполковников Е. О. и В. О. Щербовичей-Вечор и многих других. Прививавшаяся на курсах преданность и идейность борьбы с революцией сыграли свою роль в продолжении этой борьбы и после свержения самодержавия.

Говоря о преподавательской деятельности Спиридовича, следует отметить, что наибольшую ценность представляют его работы по истории революционных партий в России. К моменту написания этих исследований уже были составлены общие работы по истории революционного движения Ф. С. Рожанова и политических партий — Е. К. Климовича, однако ни одной работы, целиком посвященной какой-либо крупной русской революционной партии, не существовало. По личной инициативе Спиридович взялся за написание подробной истории партии социалистов-революционеров и истории РСДРП. Свое намерение он объяснял следующим образом: «Чтение лекций на жандармских курсах по истории революционного движения показало мне, сколь велика жажда у поступающих на курсы жандармов — офицеров к познанию тех элементов, на борьбу с которыми они себя обрекают. Своя же личная служба в корпусе, особенно в первые годы, показала мне, сколь беспомощны офицеры в отношении изучения революционного движения по причине отсутствия соответствующих пособий. Указанные обстоятельства побудили меня начать составлять очерки о деятельности главнейших революционных партий под общим заглавием „Революционное движение в России“, выпуск 1-й — „РСДРП“, выпуск 2-й — „Партия социалистов-революционеров и ее предшественники“»⁶⁹.

Эти две книги Спиридовича сразу же после публикации стали рассылаться для ознакомления в жандармские управления и были приняты как основные учебники по истории эсеров и РСДРП на жандарм-

69. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 159. Пр. 1. Л. 8.

ских офицерских курсах. Книги получили высокую оценку в департаменте полиции и расходились по ведомству огромными тиражами⁷⁰. Вопрос о переподготовке старых жандармских кадров стоял весьма остро, и рассылка книг Спиридовича и других авторов (Климовича, Рожанова) стала своеобразной мерой повышения квалификации жандармских кадров. Обе книги претендуют на роль исследовательских работ, лучших для своего времени. Так, в 1945 г. большевик В. Д. Бонч-Бруевич в своей научной деятельности активно пользовался ими, отмечая высокую достоверность и реалистичное описание истории⁷¹.

Об издании, посвященном эсерам, Бонч-Бруевич пишет: «Это интересно и документально написанная книга... Автор, очевидно, широко пользовался данными архива департамента полиции, почему ему и удалось дать обширные систематические сведения по истории партии социалистов-революционеров»⁷². Это достаточно высокая оценка, говорящая об уровне книги, так как Спиридович как раз не пользовался архивным материалом, основываясь лишь на официальных документах партии эсеров и публикациях в эсеровской прессе.

Книга, посвященная РСДРП, была опубликована в типографии штаба Отдельного корпуса жандармов в 1914 г.⁷³ Она была разделена на 11 глав. В конце каждой главы Спиридович делал основные выводы. Книга заканчивалась историей школы на Капри и положением партийных дел в России в конце 1910 г. В завершение книги автор не прогнозировал дальнейшего развития социал-демократии. В последней, XI главе он ненавязчиво проводил идею глубокого

70. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 348.

71. НИОР РГБ Ф. 369. Картон 71. Д. 31. Лл. 1–23.

72. Там же. Д. 30. Л. 11.

73. *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 1-й. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914.

кризиса, стагнации РСДРП, отмечая потерю прежнего влияния партии на пролетариат и плохую организацию работы на местах. При этом Спиридович обратил внимание на апатию меньшевиков (цитируются слова Мартова о кризисе в работе к концу 1910 г.) и неутомимость большевиков: «Но представители большевизма не смущались таким положением дел; летние рабочие забастовки, а также оживление, охватившее в ноябре месяце оппозиционные круги общества, благодаря смерти Льва Толстого, были использованы ими как показатели поднимавшегося в общественных кругах брожения, чем они и не замедлили воспользоваться»⁷⁴. Сама работа представляет собой хронологическое изложение фактов истории социал-демократии с минимальным их осмыслением. Цель ее состоит в информировании будущих жандармов, а не в субъективном исследовании. Интересно, что большинство выводов не противоречат современной российской историографии.

Примерно шестую часть книги занимают приложения, среди которых Манифест РСДРП, Программа 1909 г., Организационный устав РСДРП, принятый на Лондонском съезде 1909 г., Устав ЦК РСДРП 1910 г., Устав украинского социал-демократического союза «Спилка» 1904 г., Условия слияния Социал-демократии Польши и Литвы с РСДРП, Проект условий объединения СД Латышского края с РСДРП, Проект условий объединения Бунда с РСДРП и др. Книга изобилует цитатами из речей партийных лидеров, прессы, агитационных материалов.

В 1916 г., после полутороговой работы, Спиридович публикует книгу, посвященную эсерам⁷⁵. Она более чем в два раза объемнее выпуска об эсдеках: вместо 250 содержит 579 страниц, 80 из которых отведено

74. Там же. С. 209–210.

75. *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 2-й. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.

под приложения. Книга состоит из 20 глав. Хронологический охват работы также больше: с разгрома народолюбцев в начале 1880-х гг. до положения партии перед войной в 1914 г. Книга является не только учебником по истории ПСР, но и по всему русскому революционному движению эсеро-народовольческой направленности. Фактический материал гораздо богаче, чем в издании, посвященном РСДРП. Имеются даже таблицы приходов и расходов финансовых средств партии за 1906 г., итоги денежных отчетов за 1907 г.⁷⁶ Рассматриваются не только общие тенденции развития движения, но и биографии отдельных персоналий — Брешко-Брешковской, Гершуни, Бурцева и проч.

Акцент в книге ставится на партийный террор и борьбу с ним политического сыска. Это представляет определенный интерес, так как в работе, посвященной РСДРП, Спиридович не освещает этого аспекта в принципе. Описываются действия правительства, аресты и ликвидации, но без подробностей, которые жандармы вполне могли почерпнуть из курса политического розыска. Значительно меньше внимания уделяется партийной жизни эсеров. Не только представлены сухие факты и их взаимосвязь, но и даются многочисленные оценки. Автор даже берется прогнозировать.

Главный вывод работы Спиридович формулирует следующим образом: «К началу 1914 г. партийных организаций в России, в строгом смысле слова, не было. Были лишь разбросанные по разным городам социалисты-революционеры, мечтавшие о таких организациях и о партийной работе. За границей же оставалась эмиграция, разделенная на фракции, существовал Центральный комитет с его комиссиями и литературные органы. Была программа партии, устав и руководящие резолюции. Иными словами, сохранились партийные кадры, готовые начать, когда понадобится, революционную деятельность по вы-

76. *Спиридович А. И.* Революционное движение в России. С. 389–401.

работанному, вполне определенному плану. Крестьянство, пролетариат и военная среда — вот куда направят свои усилия партийные работники, стараясь привлечь их на свою сторону для борьбы с правительством. Террор, и особенно центральный, — вот главное средство борьбы, к которому обратится партия социалистов-революционеров, лишь только наступит время, благоприятное для ее работы»⁷⁷.

Кроме книг Спиридовича в начале XX в. было выпущено и одобрено для обучения на жандармских курсах еще три учебника. Первой вышла книга Е. К. Климовича (в 1907 г.). В секретном письме московскому градоначальнику А. А. Рейнботу от 2 сентября 1907 г. П. А. Столыпин писал: «Брошюра полковника Климовича „Краткая таблица важнейших современных политических партий в России“ содержит в себе некоторые существенные недочеты и пробелы: 1) пропущены две известные консервативные партии: а) Русское собрание и б) польская партия реальной политики (угодовцы), 2) изложение программ, тактики и организации партий сделано не с достаточной полнотой, рельефностью и не всегда объективностью и 3) в тексте встречаются чисто редакционные недосмотры, например: а) в сопоставлении крайних реакционеров и неограниченного самодержавия, б) выражение «правительственный террор» по отношению к действиям социалистов-революционеров»⁷⁸.

Специалисты политического сыска из департамента полиции, отметив некоторые недоработки, тем не менее дали «Краткой таблице...» гораздо более высокую оценку. Сотрудник особого отдела ДП (с 1910 г. — руководитель отдела) полковник А. М. Еремин в своем анализе брошюры писал: «Почин в этом деле никак нельзя не приветствовать, так как до сих пор не только чины полиции, но и корпуса жандармов не имели никакого пособия, объединяющего уче-

77. Там же. С. 495.

78. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1909. Д. 85. Л. 35.

ния всех наиболее распространенных революционных партий, и весьма часто не только жандармские управления, но даже и департамент полиции не находил у себя программы или устава той или иной революционной организации... Необходимость такого издания давно уже назрела»⁷⁹. Указывая на несоответствие брошюры Климовича идеалу, Еремин все же настаивал на необходимости внедрения ее в жандармское образование. «Краткая таблица...» была рекомендована как пособие для изучения истории революционного движения.

Работа над новым пособием была поручена в июне 1912 г. сотруднику Особого отдела ДП МВД подполковнику Рожанову. 7 ноября 1912 г. он был направлен директором С. П. Белецким на чтение лекций по истории революционного движения на курсах штаба корпуса⁸⁰. В короткий срок подполковник Рожанов написал и опубликовал в типографии штаба «Записки по истории революционного движения в России». Работу над книгой описывает историк М. В. Сидорова. Основным источником был архив департамента полиции: дела III отделения СЕИВК и департамента полиции до 1904 г., справки о произведенных в империи дознаниях в 1906–1910 гг., справки о переписках об охране в 1906–1908 гг. В целом подполковником Рожановым было изучено 12 823 дела, из которых использовано при написании книги только 162. Просмотренные дела он сгруппировал по 29 отделам: масоны, тайные общества и сборища, польский мятеж, прокламации, сборища в университетах и т. п., изучая при этом по 80 дел в день⁸¹.

В итоге текст «Записок...» был завершён описанием состояния революционного движения в 1913 г. и опубликован в январе 1914 г. в жандармской типо-

79. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1909. Д. 85. Л. 36.

80. Там же. Оп. 00. 1912. Д. 309. Лл. 57–5706.

81. Сидорова М. В. Указ. соч. С. 44–45; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 300. Д. 274, 275.

графии тиражом 1000 экземпляров. При общей численности корпуса 962 офицера и 38 классных чинов⁸² (то есть в сумме как раз 1000 человек) этот тираж следует признать огромным. Охватывалась вся целевая аудитория. Большой тираж был только у работ Спиридовича (первый выпуск, посвященный РСДРП, был опубликован тиражом 1800 экземпляров, а второй, посвященный эсерам и их предшественникам, — тиражом 2600 экземпляров)⁸³. Книга Рожанова была одобрена в качестве пособия для изучения истории революционного движения для поступающих в корпус жандармов офицеров. В «Записках...» особое внимание уделялось партиям и организациям, действующим в России и за границей, — не только истории их возникновения, но и внутреннему устройству, методам политической, в том числе и революционной, борьбы. Книга Рожанова стала основным пособием по истории революционного движения на жандармских курсах. Приказом командира корпуса жандармов генерала Джунковского она была признана полезной для всех офицеров ОКЖ, и каждому управлению было велено иметь по одному экземпляру в своей библиотеке⁸⁴.

Одним из наиболее важных предметов жандармской подготовки была криминалистика. Название это весьма условное, так как в указанный период оно не было в употреблении и используется нами в качестве общего термина для четырех предметов — антропометрии, дактилоскопии, шифровального дела и судебно-полицейской фотографии. Первые три преподавались на жандармских курсах в качестве отдельных дисциплин⁸⁵, а четвертый — в рамках курса политического розыска. Отдельных экзаменов по этим предметам не было, однако их основы спрашивались

82. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1914 года. Ч. 1, 2. Пг., 1914.

83. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 159. Пр. 1. Лл. 7–8.

84. Там же. Д. 159. Л. 31об.

85. Инструкция 1909 г. § 6, 7.

на экзамене по розыску. Преподавание антропометрии и дактилоскопии было поручено крупнейшему в России и одному из видных мировых специалистов по криминалистике — коллежскому советнику В. И. Лебедеву⁸⁶. 12 марта 1908 г. директор департамента полиции М. И. Трусевич издал приказ о создании уголовно-сыскной части, которая стала именоваться восьмым делопроизводством. Новое делопроизводство занималось руководством и организацией сыскного дела на местах, составлением инструкций и правил по сыскной части, заведовало школой инструкторов, фотографией ДП, а также связью с иностранными полициями по вопросам уголовного характера⁸⁷. Первым и единственным главой (с 1 мая 1908 до марта 1917 г.) делопроизводства был Лебедев, организовавший при своем ведомстве музей департамента полиции, по сути, центральный криминалистический музей России. Главной целью создания музея стало составление всевозможных коллекций для изучения и улучшения постановки сыска — по антропометрии (таблицы глаз, форм уха, форм носа и черепа), дактилоскопии, судебно-полицейской фотографии, все необходимое оборудование для регистрации преступников. При музее был создан специальный класс для подготовки офицеров.

Лебедев был одним из первых в России, кто увидел в системе Бертильона будущее криминалистики и вообще всей политической и уголовной полиции. В одной из своих книг он писал: «Я имел возможность ознакомиться [с методами криминалистики] в 1897 г. в Париже благодаря любезному мне содействию и личным указаниям самого Бертильона»⁸⁸. Будучи

86. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1906. Д. 46. Л. 170б.—18; Оп. 00. 1908. Д. 46. Л. 52; Оп. 00. 1912. Д. 309. Л. 36—36об.

87. Там же. Оп. 300. Д. 21. Л. 50.

88. Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого воровского словаря. М., 1903. С. 40.

главой Московской сыскной полиции, он считал необходимым повсеместное изучение и внедрение этого предмета, в частности в Отдельном корпусе жандармов. В 1903 г. он издал свою книгу «Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого воровского словаря». В этой работе Лебедев писал: «Антропометрия Бертильона имеет двоякую цель: во-первых, регистрацию преступников для отождествления их впоследствии и открытия преступного прошлого и, во-вторых, помощь полицейской и следственной власти в распознавании и отыскании преступников и вообще в ображениях и действиях по розыску»⁸⁹.

Вскоре после выхода книги Лебедеву поручили читать лекции по антропометрии и дактилоскопии на жандармских курсах, а в 1909 г. в Санкт-Петербурге в типографии МВД он выпустил свой главный труд — трехтомное «Искусство раскрытия преступлений». Первый том назывался «Дактилоскопия (пальцепечатание). Регистрация и установка личности преступников при помощи оттисков кожных линий пальцев рук. Дактилоскопический метод в расследовании преступлений», два следующих соответственно «Антропометрия» и «Судебно-полицейская фотография». Пособие это было составлено непосредственно для преподавания на открытых в 1908 г. при департаменте полиции по приказу Столыпина курсах уголовного сыска для начальников только что учрежденных 89 сыскных отделений. Однако оно было пригодно и для жандармов.

В 1903–1914 гг. В. И. Лебедев опубликовал 13 книг по фотографии, антропометрии, дактилоскопии, применению собак на жандармско-полицейской службе (он являлся одним из инициаторов направления и виднейшим полицейским собаководом в России) и прочим проблемам, связанным с теорией и прак-

89. Там же. С. 4–7.

тикой сыскной работы в империи. Одной из главных целей своей жизни он видел создание всемирной базы фотографий и антропометрических данных на преступников, чтобы можно было, делая запрос, в течение нескольких суток установить личность тех или иных эмигрировавших за рубеж преступников, арестовать их силами местной полиции и передать в руки русского правосудия. По сути, речь шла о создании Интерпола.

Перед Первой мировой войной эта мечта Лебедева начала сбываться. С 14 по 19 апреля 1914 г. в Монте-Карло под покровительством князя Монако Альберта I прошел Первый международный конгресс судебной полиции. В конгрессе приняли участие представители полиции и прокуратуры более чем из 23 стран — России, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Испании, Италии, Монако, Дании, Швейцарии, Сербии, Болгарии, Румынии, Турции, Португалии, Персии, Египта, Сальвадора, Бразилии, Гватемалы, Мексики и др. Не было только делегатов от Великобритании и США. Председателем выступил Фердинанд Ларнод, декан факультета права Парижского университета⁹⁰. Одним из почетных сопредседателей конгресса был делегированный на конгресс от российского МВД Василий Иванович Лебедев. Вместе с Мари-Франсуа Гороном, бывшим шефом парижской полиции, и доктором Рейссом, директором Института криминалистики при Лозаннском университете, он руководил работой первой секции, где рассматривались вопросы, касающиеся организации полиции (*Questions de Police*)⁹¹.

Резолюции второй секции, которая была непосредственно посвящена антропометрии и в работе которой также принимал участие Лебедев, были весьма определенными: «Ввиду создания Международного

90. ОР РНБ Ф. 403. Оп. 1. Д. 111. Лл. 4–5.

91. Там же. Лл. 6–6об.

бюро идентификации, Конгресс выражает пожелание, чтобы правительство княжества Монако выступило с инициативой и обратилось к правительствам стран мира с предложением сформировать состоящую из специалистов международную комиссию, в обязанности которой вошло бы проведение подготовительной работы по созданию в Париже, при условии согласия французского правительства, международной картотеки особых примет, системы классифицирования соответствующих карточек»⁹².

Другим видным криминалистом, читавшим лекции и проводившим практические занятия на жандармских курсах, был сотрудник Особого отдела статский советник И. А. Зыбин. Ему было поручено ознакомить с шифровальным делом готовившихся к поступлению в корпус офицеров⁹³.

Комплектование офицерского состава

С середины 1870-х по 1916 г. численность ОКЖ выросла почти в 2,6 раза — с 6011⁹⁴ до 15 718⁹⁵ человек. Доля офицерского состава в корпусе составляла в разные годы 7–8% от общего наличного состава. Из офицеров корпуса 86% придерживались православного вероисповедания, 12% были протестантами, 2% — католиками, 1 офицер — мусульманином. Только 3,5–4% офицеров имели высшее военное образование — окончили курс военных академий⁹⁶. Среди унтер-офицерского и рядового состава преобладали «русские», под которыми имелись в виду великороссы, малороссы и белорусы и вообще уроженцы центральных, восточ-

92. Там же. Л. 20.

93. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1908. Д. 46. Л. 52; Оп. 00. 1912. Д. 309. Л. 36–36об., 91–91об.

94. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 7–10.

95. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 10 октября 1916 года. Пг., 1916. С. 808.

96. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 7–10.

ных и сибирских губерний, Малороссии, Новороссии и Юго-Западного края. Их было 90%. По вероисповеданию 94,5% нижних чинов были православными, около 5% — лютеранами. Униатов, католиков и мусульман было незначительное число⁹⁷.

Если в первой половине XIX в. не существовало никаких национальных ограничений для приема в жандармерию, то с ростом революционного движения они стали появляться. В 1867 г. было принято положение Военного совета «о воспрещении принимать на службу в корпус жандармов лиц польского происхождения, католиков или лиц, женатых на католичках»⁹⁸. В 1869 г. запрет был внесен в состав Свода военных постановлений⁹⁹. В корпусе жандармов началась чистка нижних чинов¹⁰⁰. Однако по отношению к офицерам-католикам руководство проявило мягкость, позволив им продолжить службу. До Польского восстания 1863 г. в русском офицерстве процент поляков-католиков был очень высок (на 1862 г. в среднем по армии 20,06%, причем в кавалерии — 23,5%)¹⁰¹. Не вводя запрета на офицерскую службу поляков-католиков, государство обязало их представлять свидетельство местных властей о политической благонадежности и «преданности России». Полякам и другим офицерам, женатым на польках-католичках, воспрещалось служить в Варшавском военном округе, на Кавказе и в крепостях Европейской России. Эта мера дала некоторый результат: процент таких офицеров резко упал, и в 1912 г. поляков в офицерском корпусе было 5,4%, а в целом католиков чуть больше — 5,5% (за счет католиков-литовцев)¹⁰². Характерно, что жесткий запрет на прием поляков и католиков

97. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 5084. Лл. 10–150б.

98. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 5. Л. 3.

99. СВП 1869. Ч. 2. Кн. 6. Разд. 2. Гл. 15. Ст. 229 п. 2. СПб., 1891.

100. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 5. Л. 2.

101. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 311–313.

102. Там же. С. 396.

в жандармерию был принят на несколько лет позднее, чем антипольские меры в армии в целом. Вероятно, это было связано с тем, что в жандармерию изначально уже набирали людей политически благонадежных.

Аналогичная мера в жандармерии была принята и касательно евреев. 21 июня 1880 г. было утверждено положение Военного совета, воспрещавшее принимать на службу в корпус жандармов не только иудеев, но и всех евреев, включая выкрестов¹⁰³. В 1890–1900-х гг. это правило неукоснительно соблюдалось¹⁰⁴. Хотя в отличие от запрета на службу поляков аналогичная мера против евреев скорее была акцией превентивной, рассчитанной больше на перспективное, чем на немедленное внедрение в жизнь. Обилие евреев среди революционеров не могло не вызывать желания предотвратить проникновение их или симпатизирующих им лиц в политический сыск. При этом все состоявшие в ОКЖ выкресты продолжили службу, в частности начальник Петербургского ГЖУ генерал Петр (Пинхас) Васильевич Секеринский¹⁰⁵, происходивший из варшавской еврейской семьи.

По отношению к представителям других вероисповеданий ограничений не было. Например, протестанты занимали высокие должности в корпусе. Из известных лютеран можно привести в пример главу Тульского ГЖУ в 1907–1917 гг. генерал-майора Н. А. Иелита фон Вольского, а Смоленским ГЖУ руководил полковник Е. Г. фон Плато, чьи отец и дядя, Г. Э. и Э. Э. фон Плато, также служили в корпусе в штаб-офицерских чинах; начальника Херсонского ГЖУ в 1912–1917 гг. полковника В. Э. Тунцельмана фон Адлерфлуга, его отца генерал-майора Эдуарда, во второй половине 1890-х гг. состоявшего в штабе корпуса¹⁰⁶.

103. СВП 1869. Ч. 2. Кн. 6. Разд. 2. Гл. 15. Ст. 229 п. 3. СПб., 1891.

104. Правила для приема 1894 г. § 4; Правила для приема 1897 г. § 4; Положение о приеме 1913 г. Ст. 4.

105. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 60.

106. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандар-

Традиционно считается, что офицерам недворянского происхождения было запрещено поступать в корпус¹⁰⁷, что не соответствует действительности. Например, при поступлении в корпус жандармов подпоручика А. П. Мартынова, будущего начальника Саратовского и Московского охранных отделений, специально уточнялось его происхождение (сын коллежского регистратора) и наличие родственников в корпусе¹⁰⁸. Начальник Московского ГЖУ отдельно указывал на недворянское происхождение Мартынова¹⁰⁹. В корпусе служили подполковник И. Л. Крамаренко (из священнических детей), подполковник Н. А. Афонасьев (выходец из купеческой среды)¹¹⁰. В течение 9 лет, с 1904 по 1913 г., начальником Воронежского ГЖУ был выходец из потомственных почетных граждан генерал-майор В. З. Тархов¹¹¹.

Однако элитарный характер корпуса накладывал определенный отпечаток. Офицерский состав был преимущественно дворянским. Среди 40 офицеров, предназначенных к вызову для прикомандирования к штабу на 1 сентября 1899 г., 31 человек (то есть 77%) были потомственными дворянами¹¹². С целью сохранить дворянский состав корпуса 13 ноября 1896 г. штаб циркулярным распоряжением № 28 рекомендовал начальникам жандармских управлений принимать хо-

мов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916; Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлено по 5 июля 1878 г. СПб., 1878; Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1894 г. СПб., 1894.

107. Сафонов Д. А. Губернское жандармское управление: пособие к курсу «История государства и права». Уфа, 1998. С. 9–10.

108. ГА РФ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 8499. Л. 10.

109. Там же. Л. 11.

110. Там же. Оп. 17. Д. 358. Лл. 70б.-10, 595–690об.

111. Перегудов А. В., Страхов Л. В. Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 19.

112. ГА РФ. Оп. 2. Д. 8881. Лл. 9–120б.

датайства о зачислении в кандидаты на поступление в корпус преимущественно от офицеров дворянского происхождения. А в 1899 г. в циркуляре штаба корпуса № 25 говорилось: «По открытии приема от офицеров просьб о переводе их в корпус, объявлять им, что будут приниматься ходатайства лишь тех, кои происходят из потомственных дворян и окончили курс военных училищ. Этим же цензом по образованию и происхождению надлежит руководствоваться и командирам жандармских дивизионов при выборе офицеров для перевода во вверенные им части»¹¹³. Суть этого циркуляра состоит в улучшении образовательного и культурного уровня офицеров, поступающих на курсы, а не в создании сословного барьера. И после его публикации недворяне продолжали поступать в корпус, например братья А. П. и П. П. Мартыновы в 1899 и 1902 гг.

Эта мера скорее может быть расценена как часть общей государственной политики по привлечению дворян на военную службу. Тенденция к сокращению в 1890–1900-е гг. потомственных дворян в офицерском составе армии пугала правительство. Тогда в армейской пехоте дворян было 39,6%, в кавалерии — 66,7%, в артиллерии — 74,4%, и только в гвардии их представительство варьировалось (в зависимости от рода оружия) от 88,7 до 96,3%¹¹⁴. В среднем же процент дворян в 1890-е гг. колебался в районе 50–52%. В корпусе жандармов в то же время около 80% состава были представлены потомственными дворянами, то есть значительно больше, чем в среднем по армии.

В корпусе традиционно служили многие представители титулованных родов, в первую очередь традиционных для русской армии немецких и скандинавских баронских родов (В. Ф., Р. А. и С. Г. Энгельгардт,

113. Систематический свод законоположений и циркуляров об ОКЖ. С. 29.

114. *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX вв. М., 1973. С. 203–205.

Г. П. и Е. Г. фон Медем, К. В. Врангель, Н. Э. и Э. Ф. фон Нольде, Л. Н. Левендаль, Е. Е. Людинкгаузен-Вольф, Р. В. Крюденер, Д. В. Корф, К. П. Унгерн фон Штернберг и проч.). Наряду с ними были и многочисленны представители русской знати, а также верхов аристократии: князя В. Я., И. И. и С. Л. Шаховские, И. Д. Кропоткин, Ю. Д. Голицын, М. В. Волконский, В. А. и К. В. Путятины; представители других знатных фамилий: князя И. К. Эристов, А. Н. Багратион-Давидов, М. Г. Туманов, Г. Г. Кантакузин, Н. А. Урусов. Особо необходимо отметить, что все эти люди начали свою службу в ОКЖ с самых низших, адъютантских, постов; они не занимали сразу высокие посты по причине перемещений в Министерстве внутренних дел. Таким образом, устойчивые представления о малой престижности жандармской службы и закрытом социальном составе корпуса не имеют под собой реальных оснований.

Хочется отметить, что руководство корпуса активно поддерживало существование жандармских офицерских династий. Это было связано с затруднениями при проверке политической благонадежности переводящихся в корпус офицеров¹¹⁵. Наличие близких родственников, уже какое-то время служащих в жандармерии, давало некоторые гарантии благонадежности. По расчетным данным из 1012 офицеров корпуса жандармов 228 человек (то есть 22,5%) находились в родственных отношениях либо между собой, ибо с чинами департамента полиции. Из этих 228 человек 18 офицеров имели генеральский чин, а 113 человек — чины полковника и подполковника; 106 человек занимали командные должности в ранге помощников начальников ГЖУ и ЖПУЖД, начальников уездных жандармских управлений. Из 228 человек в разные годы должность начальника ГЖУ занимали 38 чело-

115. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 266–267.

век, а начальника ЖПУЖД — 13 человек. Сравнивая эти цифры с общим количеством управлений, видно, что около 47% всех высших руководящих жандармских постов на местах занимали родственники. Эти цифры дают возможность уверенно говорить об известной кастовости в руководстве корпуса жандармов.

Следует отметить, что с точки зрения генеалогии горизонтальные родственные связи встречаются гораздо чаще вертикальных, то есть отношения брат — брат преобладают над собственно династиями, где несколько поколений (отец — сын, дед — сын — внук) служили в жандармерии. Вероятно, не все родители желали своим детям такой достаточно нервной и сложной по сравнению с обыкновенной армейской службой карьеры. Можно привести следующие удачные примеры горизонтальных связей. Генерал-майор Е. В. Владимирский в 1882–1890 гг. был помощником начальника штаба корпуса, а его брат генерал-майор В. В. Владимирский возглавлял Ярославское ГЖУ¹¹⁶. Генерал-лейтенант К. Ф. Шрамм, начальник Московского ГЖУ, был родным братом полковника Н. Ф. Шрамма, возглавлявшего Омское ГЖУ¹¹⁷. Таких примеров десятки.

Можно выделить три типа жандармских семейств. Первый тип — жандармские военные династии, когда несколько представителей крупного русского офицерского дворянского рода идут на службу в жандармерию. К таким фамилиям, без сомнений, можно отнести подполковников братьев Владимира Ольгер-

116. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1894 г. СПб., 1894.

Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 15-е июля 1890 г. СПб., 1890.

Николай Михайлович, великий князь. Петербургский некрополь Т. 1. СПб., 1912. С. 457–458.

117. Расписание чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлено по 5 июля 1878 г. СПб., 1878.

«Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Именной указатель. Т. 2. М., 2004. С. 592.

довича и Евгения Ольгердовича Щербовичей-Вечор. Оба их брата, полковник артиллерии Сергей Ольгердович и капитан Александр Ольгердович Щербовичей-Вечор, а также сыновья, кадет Первого кадетского корпуса Юрий Владимирович и поручик Борис Евгеньевич, служили в императорской армии¹¹⁸. Также к первому типу относятся офицерские семейства Хартулари, Гибер фон Грейфенфельс, князя Путятины¹¹⁹ и многие другие.

Второй тип родственных отношений — это чисто жандармские династии. Их представители служили в основном в жандармерии, а число армейских родственников было невелико. Самым ярким примером второго типа были братья Петр, Николай и Александр Мартыновы. Дети чиновника, они не имели близких родственников в армии, но все трое пошли на службу в жандармерию. Схожий случай имел место с тремя братьями Меранвиль де Сент-Клер: братья полковник Андрей Николаевич и подполковник Борис Николаевич Меранвиль де Сент-Клер служили в ЖПУЖД, а их брат подполковник Константин Николаевич был старшим адъютантом штаба корпуса.

Третий тип родственных связей в жандармерии — это полицейские династии, когда часть представителей рода служили в Отдельном корпусе жандармов, а другая — в департаменте полиции МВД. Это была особая социальная группа, полностью оторвавшаяся от армии, — группа, для которой политический сыск стал, если так можно выразиться, семейным делом.

118. Волков С. В. *Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога*. М., 2004. С. 600; *Он же. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога*. М., 2002. С. 548; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916; Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1-е января 1910 г. СПб., 1910.

119. Волков С. В. *Указ. соч.* С. 433; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916.

Например, в корпусе служили братья А. Ф. и П. Ф. фон Притвицы, а в департаменте — коллежский регистратор Н. П. фон Притвиц¹²⁰.

Другим примером является жандармское семейство Беловодских, еще со времен Николая I служивших в корпусе. Этот род «эволюционировал» от первого, военного типа к третьему, полицейскому. Основателями рода были начальник Псковского ГЖУ генерал-майор Павел Евстафьевич Беловодский и его брат подполковник Михаил Евстафьевич¹²¹. Позднее на полицейскую службу поступили их внуки: в корпус жандармов — подполковник Владимир Васильевич¹²² и Константин Владимирович Беловодские¹²³, а в департамент полиции — надворный советник Евгений Васильевич Беловодский¹²⁴.

Значительное внимание руководство политического сыска уделяло семейным обстоятельствам и интимным отношениям офицеров жандармерии. Женились на дамах своего круга, часто имевших родственные связи в армейских кругах, в основном дворянского происхождения. Наличие любовниц категорически не одобрялось, это касалось даже заслуженных офицеров в высоких чинах. Например, начальник Самарского жандармско-полицейского управления железных дорог полковник К. С. Яниковский чуть не заплатил должностью за многолетнее (в течение 18 лет) сожительство с француженкой — воспитательницей своих детей, даже несмотря

120. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 295. Д. 47. Л. 306.

121. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10-е ноября 1889 г. СПб., 1889.

122. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 г. Пг., 1916.

123. Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М., Изд-во НКВД, 1940. С. 25.

124. Список чинов Департамента полиции. СПб., типография МВД, 1913.

на то, что воспитывал он их один, проживая отдельно от жены. А прикомандированный к штабу корпуса жандармов корнет В. В. Дацевич и вовсе распрощался со службой из-за скандальной любовницы¹²⁵.

На офицеров Отдельного корпуса жандармов были возложены разнообразные многоплановые задачи: политическая, военная и в ряде случаев уголовная полиция, контрразведка, борьба с контрабандой, полиция нравов, административные функции. При такой нагрузке численность корпуса была мизерной: на каждые 168 тыс. человек населения империи приходилось по 1 офицеру и 14 нижних чинов жандармерии. Подготовка новых кадров была штучной. Несмотря на высокий уровень преподавательского состава курсов и неплохие пособия, штаб технически не мог всесторонне подготовить жандармов и как специалистов по всем видам розыска, и как администраторов. Структура органов политического сыска была неоднородной: ГЖУ, охранные отделения, районные охранные отделения, ЖПУЖД, КЖК, жандармские дивизионы, будучи тесно связанные профессиональной деятельностью, имели различное политическое и строевое подчинение, разные источники финансирования. Указанные противоречия провоцировали серьезные внутренние конфликты, разрушали целостность корпуса жандармов, из-за того что офицеры служили в руководстве всех вышеупомянутых учреждений на разных условиях. После подавления Первой русской революции назрела необходимость проведения реформ, которые унифицировали бы внутреннее устройство, руководство, цели и задачи полиции вообще и политической в частности.

125. *Лаврёнова А. М.* Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 35, 36.

II. Реформы политического сыска в 1913–1914 гг.

Владимир Федорович Джунковский

ПЕРИОД, когда политическим сыском Российской империи руководил генерал-майор свиты Его Императорского Величества Владимир Федорович Джунковский, является стержневым для истории жандармерии и департамента полиции 1910-х гг. Проведенные им реформы и мероприятия предопределили характер работы специальных служб в годы Первой мировой войны. Оценки его деятельности крайне противоречивы. В то время как одни называли Джунковского чуть ли не наиболее преданным императору сановником¹, гие видели в нем одного из главных виновников Февральской революции². Отметим лишь, что ни один из коллег по политическому сыску, оставивших о нем воспоминания, не дал позитивной оценки его преобразованиям.

Полярные точки зрения на одни и те же события связаны во многом с невниманием к предыстории проводившихся реформ, например не была подробно рассмотрена история развития военной агентуры до ее роспуска в 1913 г., работа революционных партий в армии в 1907–1913 гг., а потому скудная информированность политического сыска о революционной работе в армии некоторыми исследователями

1. Романов А. В. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 176–177.

2. Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 112–113.

выдается за отсутствие таковой, а низкая информированность полиции становится в их работах основанием для вывода о том, что сыск ничего не потерял, лишившись данной агентуры. Такой подход представляется неверным, так как о необходимости агентуры и последствиях ее ликвидации разумно судить не столько по ее эффективности, сколько по интенсивности работы революционеров в армии. Общая черта историографии реформ Джунковского — это изъятие их из контекста борьбы оппозиции против политического режима. Оценка в основном дается исходя из частных особенностей работы самой полиции, а не из стоявшей перед ней основной задачи защиты государственного строя.

Джунковский был назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией 23 января 1913 г. Его назначению предшествовала долгая кадровая перестановка. Смена товарища министра, как правило, была следствием замены его непосредственного шефа — самого министра. После убийства П. А. Столыпина в Министерстве внутренних дел началась череда перестановок, связанная с уходом части ответственных за его гибель лиц, в первую очередь — товарища министра П. Г. Курлова, а также с попытками «столыпинской» команды сохранить власть. Следующим министром внутренних дел стал бывший прокурор Саратовской судебной палаты, бывший товарищ министра (в 1906–1908 гг.) А. А. Макаров. Это был опытный в вопросах права и юстиции, работоспособный, ответственный, но совершенно незнакомый с организацией полиции человек. Так его характеризует Курлов: «Всю жизнь провел он на службе по судебному ведомству, что развило в нем склонность к строгому формализму, который, по свойству его личного характера, осложнялся любовью к канцеляризму. Бумага отнимала у него массу времени: он зачастую работал до раннего утра, и это не могло не отражаться на творчестве, столь необходимом на посту министра внутренних дел. Несмотря на то, что боль-

шая часть его службы прошла в провинции, он жизни не знал и смотрел на нее под углом прокурорско-бумажного зрения»³. Наиболее известным успехом Макарова на его посту была деятельность созданной при нем Комиссии по реформе полиции в империи. Макаров довел до ума законопроект реформы полиции, утвердил его положения в Совете министров⁴ и передал на рассмотрение в Думу.

В области кадровых перестановок Макаров сделал ряд важных назначений. 21 февраля 1912 г. директором департамента полиции был назначен С. П. Белецкий, в прошлом самарский вице-губернатор. Как писал в своих воспоминаниях полковник Мартынов: «А. А. Макаров, еще в бытность прокурором Саратовской судебной палаты, знал Белецкого и при назначении своем на должность министра внутренних дел остановил выбор на нем при очередном замещении должности директора департамента полиции. Правой рукой по политическому розыску у Белецкого стал Виссарионов... До своего назначения на должность директора департамента полиции Белецкий некоторое время служил вице-директором этого департамента (в 1909–1912 гг. — *В. Х.-Г.*) и, обладая способностями быстро разбираться в делах, скоро освоился со своим положением. Такой помощник, как Виссарионов, с головой зарывшийся во все извилины политического розыска, чувствующий в себе талант розыскного специалиста, был совершенно необходим Белецкому, и при его директорстве ясно чувствовалась во всех наших делах режиссерская рука С. Е. Виссарионова»⁵. Положительную характеристику Белецкому дает генерал-майор К. И. Глобачев: «Степан Петрович Белецкий был человек весьма умный, работоспособный и прекрасно понимал поли-

3. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 185.

4. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1912 год. М., 2004. С. 28–42.

5. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 292–293.

тическое состояние тогдашней России... По политическим убеждениям это был человек ярко правой окраски, беззаветно преданный своему государю»⁶.

26 января 1912 г. на пост командира Отдельного корпуса жандармов, в то время не соединенный с постом товарища министра, был определен генерал-лейтенант Владимир Александрович Толмачев. По свидетельству Курлова, Толмачев был старым другом и непосредственной креатурой Белецкого⁷. Помощник начальника штаба ОКЖ генерал-майор Д. А. Правиков так комментирует это назначение: «Министр внутренних дел, покойный А. А. Макаров, усмотрел, что среди корпуса жандармов наблюдается упадок военной дисциплины, военного воспитания и выправки. Потому и назначил командиром корпуса строевого генерала Толмачева, без заведования делами департамента полиции, поставив ему указанную выше определенную военную задачу, которую он и выполнил. По этому вопросу можно только сказать, что мы значительно отставали в деле физического и военного воспитания чинов полиции по сравнению с государствами Западной Европы, но, конечно, с точки зрения охранной это не имеет смысла»⁸. Начальником штаба корпуса еще с 1910 г. являлся генерал-лейтенант Дмитрий Константинович Гершельман. Видное место генерала для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов при Макарове занимал А. В. Герасимов, бывший начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, активно участвовавший в руководстве подавлением революции 1905–1907 гг.

6. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 103.

7. *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 186.

8. *Хутарев-Гарнишевский В. В.* Жандармерия и охранка в правление Николая II. Статья генерала Д. А. Правикова. 1927 г. // Исторический архив. 2009. № 4. С. 86.

Макаров выстроил следующую схему работы жандармского ведомства: политическое руководство розыском ведут Белецкий, Виссарионов и начальник особого отдела Еремин. Военная и строевая подготовка жандармерии осуществляется близким к ним генералом Толмачевым, который по факту наличия неформальных связей и протекции при его назначении не мешает департаменту в деле руководства жандармскими управлениями по части розыска. Генерал Гершельман — правая рука Толмачева, как лицо, больше своего командира осведомленное в жандармской специфике. Однако эта налаженная конструкция держалась на личности одного человека — министра Макарова.

16 декабря 1912 г. Макаров, не имевший покровителей ни в правительстве, ни при царском дворе, был отправлен в отставку. Ему на смену пришел молодой черниговский губернатор действительный статский советник Николай Алексеевич Маклаков, пригласивший Джунковского занять кресло товарища министра. Назначение Маклакова не было неожиданностью, как писал об этом сам Джунковский⁹. По свидетельству Курлова, почти сразу после гибели Столыпина дворцовый комендант генерал В. А. Дедюлин рассказывал, что Николай II рассматривал на пост главы МВД две кандидатуры — Николая Маклакова и Алексея Хвостова¹⁰. Генерал Глобачев так описывает нового министра: «Маклаков был человек весьма поверхностный, недостаточно вдумчивый, решавший большие государственные вопросы, как говорится, с плеча»¹¹. По свидетельству Джунковского, впервые Маклакова заметил еще Столыпин и выдвинул на пост губернатора, а в 1911 г. при посещении Чернигова его отметил с положительной стороны уже сам император.

9. *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 93.

10. *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 186.

11. *Глобачев К. И.* Указ. соч. С. 93.

Джунковский в своих мемуарах характеризует деятельность Маклакова и его человеческие качества следующим образом: «Он все время своего управления губернией был в постоянных разъездах, успел за 2 года лично обревизовать до 180 волостных правлений, дела коих, как бывший управляющий казенной палатой, он отлично знал. Он вел упорную борьбу со взяточничеством и мордобойством, и не без успеха. Одно только у него не ладилось в Чернигове: он никак не мог столкнуться с земством, в отношении которого сразу занял непримиримую позицию. Произошло это от его прямолинейного, нетерпимого характера и горячности, свойственной молодому возрасту. Таким образом, напряженные отношения Маклакова с земством продолжались вплоть до назначения его министром внутренних дел, что, конечно, проникло и в другие земские круги, и земская Россия была настроена против Маклакова. Несмотря на это, назначение Маклакова было встречено скорее сочувственно. Ему лично, конечно, было очень трудно, так как он совершенно не был знаком с придворным и чиновничьим Петербургом»¹².

Сам Маклаков в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства связывал свое выдвижение с черниговским визитом Николая II. При этом Маклаков признает: «Никаких связей с теми, кто пользовался известным авторитетом в Петрограде, у меня тогда не было. В кругах служебных можно было бы назвать одного человека, с которым я до моего назначения познакомился и только раз видел его по поводу одной корреспонденции. Это был Мещерский, издатель „Гражданина“... Я виделся с ним только раз, и о назначении никакой речи не было... В некоторых случаях я шел гораздо левее его, а в других — правее»¹³. Как отмечает в своей моно-

12. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 94–95.

13. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следствен-

графии исследователь петербургских политических салонов Д. И. Стогов, не существует никаких прямых доказательств распространившимся в Петербурге слухов, что назначение Маклакова было инспирировано Мещерским¹⁴. Князь скорее использовал нового министра для борьбы против своего противника — премьера В. Н. Коковцова. Однако нельзя не признать крайне негативное отношение Мещерского к жандармам как таковым: князь выражался на страницах «Гражданина» весьма уничижительно о жандармах и охранниках, осуждая «безответственный террор»¹⁵. Именно эту позицию впоследствии занял и командир корпуса жандармов Владимир Джунковский.

Плохо зная столичные политические круги и будучи почти полностью неосведомленным в вопросах полиции, министр искал советников. Он с самого начала думал назначить своим заместителем Джунковского, которому совершенно доверял и на которого мог положиться. Они познакомились и сблизились еще во время совместной работы в Совете по делам местного хозяйства при МВД¹⁶. «Я давно знал его лично, у нас были добрые отношения», — говорил о Джунковском Маклаков¹⁷. Владимир Федорович был привлекателен Маклакову минимум по трем причинам: во-первых, он был его личным другом; во-вторых, Джунковский, бывший адъютант великого князя Сергея Александровича, любимого дяди Николая II, гость большинства великосветских мероприятий, мог помочь молодому министру разобраться в тонкостях придворной борьбы, стать гидом в высших сферах; в-третьих, Джунковский казался гораздо

ной комиссии Временного правительства. Т. 3. Л., 1925. С. 85 (далее — Падение царского режима).

14. *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 89.

15. *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. С. 486.

16. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 97.

17. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 114.

лучше осведомленным в вопросах организации полиции по службе в Москве.

Назначение Джунковского подробно описывает генерал Курлов. «На второй день после своего вступления в должность министра внутренних дел Н. А. Маклаков просил меня, жившего на даче вне Петербурга, приехать к нему вечером для разговора. Он желал узнать от меня некоторые подробности о службе в министерстве, а в особенности о положении полицейского дела, прибавив, что имеет в виду заместить должность товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов московским губернатором генералом В. Ф. Джунковским, его личным другом. Я счел своим долгом предупредить министра, что я хоть и уважаю генерала Джунковского, но нахожу его совершенно незнакомым с этим делом и опасаясь, что это обстоятельство, ввиду полного незнакомства с ним и самого Маклакова, может вызвать серьезные осложнения, тем более что генерал Джунковский склонен искать популярности, а потому всегда проявлял презрительное отношение к полиции и к чином Отдельного корпуса жандармов. Между тем жандармские офицеры очень ценят сердечное отношение к ним своего командира»¹⁸.

Нелюбовь Джунковского к офицерам политического сыска отмечали многие. И коллеги отвечали ему взаимностью. Отношение чинов розыска к Джунковскому красочно характеризует генерал Герасимов, пересказавший ходившие среди офицеров сыска слухи. Якобы «в октябрьские дни 1905 года он (Джунковский. — В. Х.-Г.), будучи московским вице-губернатором, вместе с революционерами-демонстрантами под красным флагом ходил от тюрьмы к тюрьме для того, чтобы освобождать политических заключенных»¹⁹.

18. Курлов П. Г. Указ соч. С. 188.

19. Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 333.

История эта, разумеется, анекдотическая, но она ярко характеризует психологическую атмосферу, сложившуюся между новым командиром корпуса и его подчиненными.

В своих воспоминаниях Владимир Федорович представляет свое назначение полной неожиданностью. Предложение последовало в начале января 1913 г. Маклаков позвонил в Москву и прямо сказал Джунковскому, что согласовал вопрос о его назначении с императором и просит принять новую должность. Однако московский губернатор не торопился соглашаться. Будучи уверенным, что пост у него почти в кармане, он решил выставить ряд условий. В Москве, по собственному признанию, Джунковский чувствовал себя хозяином, в то время как высочайший правительственный пост, как правило, не располагал к продолжительности пребывания на нем. Джунковский давно был предубежден против сыска и имел программу действий. Он прибыл в Петербург на встречу с Маклаковым, где сразу же выставил свои условия. «Я высказал ему все свои взгляды на дело полиции, рассказал ему все темные стороны этого дела, с которыми он лично мало был знаком, изложил ему весь план намеченных мною действий по упорядочению полицейского дела и корпуса жандармов; во всем он со мной согласился, но призадумался, как ему быть с командиром корпуса жандармов генерал-лейтенантом Толмачевым, так как я поставил непременно условием соединение в себе должности товарища министра по делам полиции и командира корпуса жандармов. Маклакову это и в голову не приходило, он очень мало был знаком с механизмом дела, и потому он думал, что я заменю только его товарища по должности И. М. Золотарева, а Толмачев останется командиром корпуса»²⁰.

Джунковский вполне правдиво отмечает, что именно он являлся в МВД главным организатором

20. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 97–98.

будущих преобразований, в необходимости которых убедил Маклакова. В 1917 г. в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Маклаков не называет себя инициатором реформ, а говорит «мы» (про себя и Джунковского)²¹, а не «я», что указывает на руководящую роль в преобразованиях именно товарища министра. Джунковский рассказывает на допросе в ЧСК о сущности поставленных им условий и реальном участии Маклакова в реформах. «Министр внутренних дел Маклаков никогда не принимал директора департамента без меня... Маклаков сказал, чтобы ему докладывали только те бумаги, которые я найду необходимым довести до его личного усмотрения, все же остальные бумаги докладывались только мне, и я ставил на них резолюцию»²². Товарищ министра стал полномочным хозяином всей полиции империи, через голову которого не было возможности обратиться к министру. Такая ситуация сложилась впервые в истории российского сыска.

Маклаков добился согласия военного министра В. А. Сухомлинова и императора Николая II на отставку командира корпуса жандармов Толмачева. 25 января 1913 г. он был уволен с назначением состоять при министре внутренних дел без поручений. Начальник штаба ОКЖ Гершельман был женат на Ольге Федоровне Джунковской, родной сестре Владимира Федоровича, и не являлся помехой. Таким образом, жандармерия оказалась под полным контролем Джунковского. Однако родственные связи могли сыграть против него, так как сама ситуация выглядела не очень этично. Поэтому, опасаясь, что Гершельмана заменят и пришлют из Военного министерства какого-либо неподходящего человека, Джунковский подготовил смену начальнику штаба в виде своего знакомого и приятеля полковника Генерального штаба В. П. Никольского. Они познакомились в 1912 г. в преддверии торжеств,

21. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 114.

22. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 76.

посвященных столетию Бородинской битвы, организованных московским губернатором. Командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П. А. Плеве прислал Никольского в помощь губернатору как толкового и инициативного офицера. Вот как Джунковский писал о нем: «Мою работу с ним я вспоминаю всегда с самой искренней признательностью. Это был умный, образованный офицер Генерального штаба, военный историк, очень способный, тактичный и прекрасный работник. Особую помощь он мне оказал в руководстве работами гренадерских саперов по восстановлению укреплений Шевардинского редута и Семеновских флешей, которые были восстановлены полностью, по всем историческим данным»²³. Когда во время самих торжеств император пожелал, чтобы Джунковский лично сопровождал его при осмотре поля и отвечал на все вопросы, губернатор оказался в затруднительном положении, так как не обладал необходимой глубиной знаний в истории Бородинской битвы. Никольский по его просьбе постоянно был рядом, подсказывая Джунковскому ответы на вопросы царя²⁴. Белецкий отмечал, что Никольский с Джунковским были лучшими друзьями и находились в столь близких человеческих отношениях, что при принятии решений по корпусу жандармов мнение Никольского было для Джунковского определяющим²⁵.

Приняв решение перевести его в корпус, Джунковский снял с поста помощника начальника штаба ОКЖ генерал-лейтенанта Ивана Петровича Залесского. 5 июля 1913 г. на место Залесского был назначен Никольский. Назначение это было сделано очень вовремя, так как генерал Гершельман заболел и уехал в деревню лечиться, а вскоре неожиданно скончался в самом расцвете сил. Новым начальником шта-

23. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 7–8.

24. Там же. С. 33–34.

25. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 267–268.

ба стал Никольский²⁶. Он был очень работоспособен, всегда вежлив и сдержан, быстро освоил жандармское дело, не испортив ни с кем отношений. Ему удалось пересидеть в кресле всех своих покровителей и противников. За время его руководства штабом корпуса жандармов (1913–1917 гг.) сменилось шесть директоров департамента полиции и пять министров внутренних дел. «Сняла» Никольского только Февральская революция.

Владимир Павлович Никольский родился 14 августа 1873 г. в военной семье, происходил из потомственных дворян Харьковской губернии. По первому разряду окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, два класса и дополнительный курс Николаевской академии Генерального штаба, из которой выпустился 2 июня 1899 г. в звании штабс-капитана²⁷. Был зачислен в Генеральный штаб и первые годы службы провел в штабе Московского военного округа. Кроме своих прямых обязанностей по службе он активно занимался военно-исторической деятельностью, с 1909 г. был членом Особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 года, участвовал в организации празднования 200-летия Полтавской баталии, 100-летия Бородинской битвы, 300-летия Дома Романовых и установке в Москве памятника генералу М. Д. Скобелеву. С 1911 г. занимался преподавательской деятельностью в Александровском военном училище. Был отмечен подарками, благоволениями и наградами императора. Никольский был человеком семейным: женат на дочери вице-адмирала Марии Владимировне фон Мейснер и имел от нее двоих детей — Георгия и Ксению. При этом он был человеком совершенно далеким от вопросов жандармерии и политического сыска. За все время службы он лишь раз привлекался к вопросам полиции: в 1903 г. Ни-

26. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 224, 227.

27. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 164103 (п/с 124–736) Лл. 1–90б.

кольский был членом заседавшей в Санкт-Петербурге Комиссии по охране императорских поездов²⁸. Таким образом, вторым человеком в корпусе жандармов стал совершенно не сведущий в полицейских вопросах человек.

Почему Джунковский опасался назначения на пост начальника штаба умудренного опытом генерала Залесского, которого все ждали в связи с тяжелой болезнью Гершельмана? Жандармская биография генерал-лейтенанта Залесского довольно внушительна. Иван Петрович происходил из потомственных дворян, родился 6 января 1854 г., был женат, имел семеро детей. Находился на службе в жандармерии с 1894 г., с 31 июля 1905 г. занимал пост помощника начальника штаба корпуса²⁹. Возглавлял хозяйственную часть корпуса и был блестящим штабистом. Им было составлено четыре сборника правил и документов по практической работе жандармерии³⁰. Вероятно, Джунковский опасался того, что старый жандарм может доставить ему много хлопот при реформировании системы политического сыска. Военный историк Никольский в этом плане был безопасен.

Серьезную оппозицию новому товарищу министра составляло руководство департамента полиции, а также Санкт-Петербургское и Московское охранные отделения, возглавлявшиеся полковниками фон Котеном и Мартыновым. Причина противоречий состояла в воззрениях Джунковского на реформиро-

28. Там же. Л. 70б.

29. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 10 октября 1916 г. Пг., 1916. С. 209.

30. *Залесский И. П.* Руководство для проверки сумм в управлениях Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1900; *Он же.* Подробное описание предметов обмундирования и снаряжения чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1907; *Он же.* Справочная книга для адъютантов частей и управлений Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1910; *Он же.* Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1910.

вание полиции: он видел только вред в секретной агентурной работе и прочих приемах политического сыска.

Первым делом 8 февраля 1913 г. Джунковский посетил здание департамента полиции. В своих воспоминаниях он приводит подробное описание своего визита и дает характеристики большинству его руководителей — кого он предполагал оставить, а кого заменить. После представления сотрудников департамента Джунковский прочитал программную речь: «Я человек новый и потому особенно надеюсь на дружеское содействие чинов департамента в отправлении трудных обязанностей моих по управлению всей полицией империи. При этом я высказал мои взгляды на службу, основанием коей должны быть честность, неподкупность, правдивость и глубокое знание своего долга»³¹. Интересно, что в данном перечне характеристик настоящей полицейской косточки нет очень важных качеств — высокого профессионализма и хороших навыков агентурной и аналитической работы. И это не было случайностью!

Отношение к политическому розыску в целом и секретной агентуре в частности у Джунковского было довольно специфическим. Жандармский полковник Александр Мартынов приводит меткую характеристику, данную его братом, помощником начальника Московского ГЖУ ротмистром Николаем Мартыновым: «Ты сделаешь большую ошибку, если, докладывая о каком-нибудь розыском случае, будешь употреблять непонятные ему и „неприемлемые“ для него технические розыскные термины и выражения вроде, например, такого: „По точным сведениям от секретной агентуры, близко стоящей к таким-то революционным центрам, я узнал, что“, и т. д.; или, если, докладывая ему о предположенных тобой розыскных шагах, ты скажешь: „Поручив моей секретной агентуре возможно ближе соприкоснуться с под-

31. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 126.

польной организацией такой-то, я рассчитываю на то, что“ и так далее... Нет, этого он не поймет и, главное, не поверит тебе, что ты что-то там узнаешь или достигнешь таким путем»³². Да и сам Владимир Федорович в своих воспоминаниях признает, что перед своим назначением видел много отрицательных сторон розыска, а его методы считал провокацией³³.

Первым своим врагом в департаменте Джунковский считал директора Белецкого, который, по его мнению, «совершенно не соответствовал занимаемому им высокому посту», обладал низкими моральными качествами и мог быть максимум вице-директором. Джунковский писал: «После первых же докладов я как-то невольно почувствовал сильное недоверие к Белецкому, который два раза в неделю являлся ко мне с докладом, а один раз в неделю имел доклад у министра в моем присутствии. Доклады у него длились не менее четырех часов каждый раз. После них я чувствовал себя совершенно разбитым, никуда не годным, он пичкал меня разным вздором, переутомлял меня всякой мелочью, испрашивая моего согласия на разные пустяки, стараясь отвлечь меня от главного, существенного. Я потерял к нему всякое доверие очень быстро и потому постепенно суживал рамки его самостоятельности, мечтая об одном: как бы с ним скорее расстаться, но это было не так легко»³⁴.

Индифферентность Джунковского к непосредственной ежедневной работе политического сыска и нежелание в ней разбираться отмечали и другие мемуаристы. Мартынов описывает нормальный для товарища министра вариант доклада руководителя сыскного органа: «Одним из его распоряжений ко всем начальникам отдельных частей корпуса жандармов было встречать его на вокзале и рапортовать

32. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 328.

33. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 97.

34. Там же. С. 128.

о состоянии части и прочем... Подумайте сами: по делам моего отделения что-то случалось почти ежедневно, многое из случившегося было весьма интересным и важным с государственной точки зрения, но, во всяком случае, не укладывавшимся в прокрустово ложе официального рапорта! Рапорт этот неизменно повторял казенный шаблон: „В таком-то отделении особых происшествий не было“. И в полном несоответствии с содержанием этого рапорта обычно мне назначался час для доклада в помещении, где останавливался Джунковский... До этого никогда ни один из начальников Московского охранного отделения не выезжал на вокзал для официальной встречи — и понятно почему: такие встречи только нарушали установленную деловую рутину и могли лишь мешать исполнению срочных дел; а какие дела, как не срочные, были у начальника Московского охранного отделения!»³⁵

Таков был подход Джунковского к работе — принятие формальных парадных отчетов и полное равнодушие к той самой рутине, составлявшей смысл его службы как главы всей полиции империи. Современники отмечали нежелание и неспособность командира корпуса вникать в реальную работу сыска. Однако была и другая причина враждебности Владимира Федоровича к Белецкому — последний являлся тормозом в преобразованиях, намеченных новым главой полицейского ведомства. Джунковский так описывает план реформ: «Когда я приехал и вступил в должность товарища министра, то у меня, прежде всего, была мысль очистить корпус жандармов. Мне хотелось отобрать от корпуса жандармов всю политическую часть и учредить политический орган, в который бы не входили офицеры. Вот в чем была моя основная мысль. Я хотел превратить жандармский корпус в боевую единицу и обставить его как жандармскую полицию на железных дорогах, ввиду

35. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 331–332.

того что железные дороги имеют весьма важную роль в стратегическом отношении, а потому для сохранения порядка в смысле чисто военном необходимо иметь там орган чисто военный. Затем я предполагал реорганизовать конно-полицейскую стражу, которая имелась в то время во всех губерниях в дивизии, подобные тем, какие были в Петрограде, Варшаве, Москве и Одессе. Я хотел достигнуть того, чтобы конная стража не имела наемного характера, чтобы это было настоящее войско по призыву. Я предполагал, что при таких условиях будут рассеяны по всей России боевые эскадроны, которые будут иметь в себе мало полицейского, но будут призываться, в случае надобности, туда и сюда для сохранения порядка»³⁶. Прибавим к этому также названную в его воспоминаниях борьбу с провокацией и вообще с агентурной работой, которую также предполагал вести Джунковский.

Первое преобразование, по сути, является ликвидацией политического сыска, так как единственными государственными служащими, специально обученными ведению политического розыска и дознания по государственным преступлениям, были офицеры корпуса жандармов. А железнодорожная жандармско-полицейская служба хоть и являлась весьма важной, но далеко не первоочередной для корпуса. Второе преобразование, связанное с реформой конно-полицейской стражи, вообще вызывает сомнения в степени компетентности Владимира Федоровича: дело в том, что никаких жандармских конных дивизий в столицах и Одессе и в помине не было. В Москве, Петербурге и Варшаве были расквартированы жандармские дивизионы, а в Одессе городская конная жандармская команда, но никак не дивизии. Численность жандармских дивизионов в 1913–1916 гг. колебалась между 430 и 460 строевыми чинами, включая офицеров, вахмистров, унтер-офицеров и рядовых, численность Одесской городской конной жандарм-

36. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 69–70.

ской команды составляла около 50 человек в разные годы³⁷. В состав же армейской кавалерийской дивизии входило, как правило, 4 полка, каждый численностью около 1000 человек. Итого — 4000 человек, в некоторых дивизиях — 6000 человек. Таким образом, Джунковский не только откровенно путает данные, но и высказывает явно абсурдную мысль, что 500 человек способны подавить массовые народные выступления в миллионном городе. Тем более не выдерживает критики предложение набирать дивизионы из призывников: если жандармский вольнонаемный постоянный костяк дивизионов был морально подготовлен к оказанию вооруженного сопротивления революционным волнениям, то вряд ли стоило ожидать такой же преданности от новобранцев, не успевших еще оторваться от предыдущей среды обитания и слиться взглядами и интересами с охраной общественного порядка. Изложенные Джунковским два преобразования, будь они проведены в жизнь, неизмеримо ослабили бы государственную безопасность.

Политический сыск в армии

В российской политической полиции основным способом получения информации о революционном и оппозиционном движении являлась агентурная работа. Агентура была внешней (наружное филёрское наблюдение) и внутренней, или секретной, состоявшей из сети осведомителей, внедренных или завербованных внутри политических и общественных организаций. Можно выделить следующие виды секретной агентуры: партийная (работала в политических партиях, включая революционные), парламентская (работала в Думе), военная (в армейских

37. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 10 октября 1916 г. Пг., 1916. С. 189–192 (см. также другие Списки общего состава за 1913–1915 гг.).

подразделениях), студенческая (в средних и высших учебных заведениях), железнодорожная (при ЖПУЖД) и иные, более мелкие разновидности. Существовала также дворцовая агентура, подчинявшаяся дворцовому коменданту, заграничная агентура департамента полиции с центральными бюро в Париже и Константинополе.

Военная агентура являлась одной из основных составляющих секретной агентуры политического сыска. Острая необходимость наблюдения за армией была осознана непосредственно во время событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг. 28 апреля 1904 г. начальник штаба Отдельного корпуса жандармов генерал-майор В. А. Дедюлин издал секретный циркуляр № 385, предписывавший привлекать военнотружеников к дознаниям политического характера. Жандармы были обязаны доносить в штаб военного округа о проводимых среди военных обысках и арестах, о существе обвинений и данных, послуживших основанием для начала следствия³⁸. Как писалось в справке департамента полиции о работе в армии: «В 1905 году противоправительственные организации направили особые усилия на пропаганду своих идей в среде войсковых частей... Означенная пропаганда заключалась как в массовой рассылке в войсковые части соответственных прокламаций, заключающих в себе призыв к соединению с пролетариатом и вооруженному восстанию, так и в устной агитации на митингах, тайных сходках и даже в казарменных помещениях, куда агитаторы проникали под благовидными предложениями»³⁹. Департамент решил поддержать жандармерию в ее почине контроля над армией. 15 ноября 1905 г. директор Э. И. Вуич выпустил циркуляр № 14517, обязавший начальников жандармских управлений и охранных

38. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 251.

39. Там же.

отделений усилить бдительность в этом направлении и по каждому случаю агитации в войсках начинать дознание и информировать департамент.

Жандармы не ограничивались только революционным движением — в поле зрения розыскных органов попадали и вопросы коррупции. В годы Русско-японской войны в обществе было распространено такое мнение, что успехи японцев отчасти связаны с повальным казнокрадством в армии. В ряде случаев жандармы обнаруживали факты разворовывания сумм интендантским ведомством. Как правило, речь шла о людях в невысоких чинах (не выше капитана или подполковника) и о небольших суммах (5–10 тыс. руб.)⁴⁰. На этом уровне руководство армии оказывало поддержку жандармерии. 17 августа 1905 г. главный интендант Военного министерства благодарил начальника штаба ОКЖ С. С. Саввича за произведенное расследование и просил и в дальнейшем расследовать факты казнокрадства⁴¹.

Работа в армии активизировалась в 1909 г., когда страна и сыск отошли от революции и начался процесс анализа предыдущей деятельности. Это было связано с новым витком в истории революционного движения в армии. Период активности революционеров после ликвидации в 1907 г. Всероссийского военного союза сменился затишьем. Если в течение 1908 г. активность отмечалась лишь эпизодически, то в 1909 г. в департаменте полиции констатировали явный рост революционной пропаганды в армии. Основным идеологом политического сыска в армии был директор департамента Нил Петрович Зуев. 15 июня 1909 г. он издал циркуляр № 131741, предписывающий начальникам районных охранных отделений принять все меры к своевременному освещению секретной агентурой военных кружков и организаций. Зуев приказал во время сходов и заседаний этих органи-

40. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 897. Л. 13, 13об.

41. Там же. Л. 11, 14.

заций немедленно их ликвидировать и арестовывать всех членов.

Однако армейские чины с самого начала стали оказывать сопротивление работе сыскных органов. Начался конфликт, не урегулированный вплоть до революции 1917 г. и сильно отразившийся на судьбе империи. В вышеупомянутой справке департамента по этому поводу сказано: «Некоторые представители военной администрации совершенно отрицательно относились к возможности иметь секретную агентуру в войсках вообще и из воинских чинов в особенности, находя, что означенный институт будет раздражающим образом влиять на армию и уничтожать достоинство последней»⁴².

Поначалу армию поддерживал Курлов, который издал циркуляр от 17 ноября 1909 г. №139097, требовавший от руководителей розыскных органов сообщать подлежащим воинским начальникам о фактах революционной агитации в войсках. Циркуляр имел негативное воздействие: многие воинские начальники воспринимали подобные сообщения за личное оскорбление, старались замять ситуацию, не допустить начала расследования, а зачастую и опорочить лиц, доставивших агентурные сведения, положенные в основу обвинений. Начались постоянные столкновения жандармов и армии. Некоторые военные, наоборот, торопились публично и самостоятельно ликвидировать организацию, что приводило к аресту лишь части ее членов и почти стопроцентному провалу секретной агентуры. Армия пыталась самостоятельно противостоять агитации, изолируя части от внешнего мира. В своем докладе об истории революционного движения в армии от 27 июля 1912 г. исполняющий обязанности директора департамента полиции П. К. Лерхе писал про события 1910 г.: «Пропагандою занимались особые группы агитаторов, ютившие-

42. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 252.

ся в расположении войск. Хотя военное начальство и приняло ряд мер к ограждению войск от тлетворного влияния окружающей среды (устранение раздробленности частей, казарменное расквартирование, усиление внутреннего надзора и т. д.), но меры эти, отчасти изолировав войска, не задели целых категорий не стесненных казарменным режимом чинов (писарей, музыкантов, фельдшеров, денщиков, вольноопределяющихся) и нестроевых; легко завязывая с такими воинскими чинами знакомства на гуляниях, в лавках, ресторанах, домах терпимости, агитаторы из вольных, наметив наиболее восприимчивых, увлекают таких на тайные собрания, снабжают революционной литературой и входят затем через их посредство в связь с воинскими чинами, где в дальнейшем постепенно создают кадры „сознательных солдат“, которые и должны всячески разжигать недовольство и хранить преемственно дух мятежа»⁴³.

Речь шла о том, что революционная пропаганда изначально заносилась в части извне, а потом уже передавалась от старослужащих новым поступлениям, то есть могла существовать в отрыве от внешних связей с гражданскими чинами, распространяясь уже по самим воинским частям. Изначально военно-революционные ячейки действовали самостоятельно и были обособлены, но уже с 1910 г. жандармская полиция начинает констатировать тенденцию к стиранию партийных разногласий и объединению (или координации действий) ячеек разных воинских частей, расположенных по соседству. Лерхе пишет: «Затем в военно-революционной работе стало наблюдаться стремление к объединению, как в виде взаимных, по инициативе самих местных военных кружков, тяготение друг к другу (например, в мае 1910 г. организация в Самурском полку завязала отношения с местными организациями в Осетинском дивизионе, интендантском складе, Аварском батальоне, инженер-

43. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 291. Лл. 34–35.

ной дистанции, лазарете и комендантском управлении), так и по устанавливавшейся в отношении военной работы согласованности самих партий; например, объединение Финляндского освободительного союза и партии социалистов-революционеров, давшее ряд кружков в разных городах Финляндии, объединение той же партии с Польской социалистической партией на почве агитации, объединение социалистов-революционеров и социал-демократов в Двинске, создавшее там в марте 1910 года военную организацию»⁴⁴.

Речь шла, разумеется, только о тактическом союзе без пересмотра основополагающих программных принципов левых партий. Разногласия на практике откладывались в сторону. Окрыленное кажущейся слабостью полиции, ЦК партии эсеров поручил поручику С. Ф. Михалевичу объединить силы с финнами и всеми петербургскими военными организациями. Был создан так называемый Всероссийский военный союз армии и флота, поначалу состоявший лишь из 10 человек, но вскоре раскинувший обширную сеть офицерских революционных организаций⁴⁵. В союз входили в основном офицеры в чине не выше штабс-капитана, хотя встречались отдельные полковники и подполковники, как, например, герой обороны Порт-Артура старший интендант 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии Бронислав Михайлович Вендзягольский⁴⁶. В июне 1910 г. Военный союз вместе с его печатным органом — «Народной армией» — был ликвидирован полицией.

Надо отметить, что основополагающие принципы работы эсеров в армии были одобрены еще на V Совете партии в мае 1909 г. В резолюции писалось, что «главное внимание должно быть обращено на постановку военной работы в тех местах, которые представляют особенно важное стратегическое значение для

44. Там же.

45. «Знамя труда». 1911. № 38.

46. ГА РФ. Ф. 111. Оп. 4. Д. 119. Л. 1.

революции», а именно: флот, Финляндия, Варшавский военный округ⁴⁷. Эсеры разделяли работу в армии по трем направлениям в зависимости от объекта своей пропаганды: 1) солдаты и матросы, 2) призывники, 3) офицерство. В целом ЦК полагал, что необходимо вести политическую обработку еще до поступления людей в военные части: распространять литературу среди подлежавших призыву крестьян и рабочих, вести агитацию среди учеников средних военно-учебных заведений и военно-школьной молодежи — будущих офицеров армии и флота. Цель такой политики состояла в том, чтобы в армии сформировалась благодатная почва для создания массовых организаций в будущем. Создание таковых в 1909 г. ЦК считал пока преждевременным. В целом работа в армии должна была лишь курироваться из центра. Непосредственное же руководство осуществлялось силами местных организаций⁴⁸.

Провал организации Михалевича убедил эсеров в необходимости отказаться от политики частных экспромтов и централизовать дело межпартийного объединения революционной работы в армии. В октябре 1910 г. ЦК партии эсеров созвал в Цюрихе тайную конференцию, на которую были приглашены делегаты от Польской социалистической партии, финляндской революционной партии «Войма», Всеобщего еврейского рабочего союза «Бунд», Социал-демократии Латышского края и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. В итоге было принято решение, что «надо главнейшую задачу поставить разоружение правительства и отторжение от него армии, что для этого надо забыть всю фракционную рознь, действуя в войсках беспартийно, и направить все усилия на офицеров, — конференция, сделала ввиду протеста

47. Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Июнь 1907 г. — февраль 1917 г. М., РОССПЭН, 2001. С. 358.

48. Там же. С. 361–363.

социал-демократов, оговорку, что последние могут вести пропаганду по своей программе, приняла формулировку социалистов-революционеров о беспартийности пропаганды общими совместными усилиями с таким расчетом, чтобы вооруженное восстание можно было подготовить к лету 1912 года, и, кроме того, постановила, что агитация должна быть словесной и осторожной, без крайних демократических требований и что каждая из участниц конференции обязана послать агитаторов в войска на места»⁴⁹.

Отсутствие координации действий между жандармерией и армией мешало наладить сеть секретной агентуры такого охвата, чтобы иметь возможность осветить пропаганду в армии в масштабах всей страны. В справке департамента полиции от 1912 г. сказано: «Революционная работа в армии оставалась не обследованной, а преступная пропаганда достигла таких успехов, что во многих войсковых частях образовались революционные ячейки»⁵⁰. В некоторых частях имелось сразу по несколько таких ячеек разных организаций, подготавливались и осуществлялись покушения на офицерский и командный состав, шла рассылка смертных приговоров некоторым начальствующим лицам, кражи казенного имущества, распространение литературы, устная агитация. В 1910 г. было совершено неудачное покушение на коменданта Харбина полковника графа А. Р. Дунтена, под Смоленском был также ранен полковник Иванов, убиты жандармский ротмистр П. Р. де Ливрон и подполковник Игнатъев. В целом в 1910 г. было возбуждено свыше 100 дел⁵¹. Особо активно агитация шла в специальных войсках, благодаря тому что они комплектовались новобранцами из фабричных рабочих, железнодорожных и почтово-телеграфных служащих,

49. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 291. Л. 36.

50. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 252.

51. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 291. Лл. 37.

зачастую распропагандированных еще до призыва в армию.

Наконец, армия невольно способствовала их революционизации путем изменения принципов комплектования частей. Не вдаваясь в чисто военную составляющую этой меры, приведем ее политический аспект. Совместная комиссия Морского министерства и МВД констатировала: «18 августа 1909 г. было испрошено Военным министром соизволение на то, чтобы войска получали новобранцев преимущественно из местностей своего военного округа, за исключением гвардии и некоторых окраинных округов с преобладающим инородческим населением. Затем 26 июня 1910 года последовало высочайшее повеление, определяющее процент новобранцев из местного населения. По отзывам губернских властей вновь установленный порядок вносит деморализацию в войска, причем в первый же год увеличилось число проступков — самовольные отлучки, неповиновение начальствующим лицам из земляков и т. п., и уже в настоящее время имеются симптомы, свидетельствующие, что в случае необходимости подавления силой оружия волнений, и в особенности аграрных беспорядков, трудно будет рассчитывать на содействие войск, комплектованных из числа родственников и знакомых бунтарей»⁵².

10 августа 1910 г. во время маневров в Подольской губернии было совершено покушение на командира 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, бывшего военного губернатора Дагестанской области генерала В. А. Альфтана. Ранение было не тяжелое, генерал выжил, но для Курлова, к тому времени уже усомнившегося в необходимости своего циркуляра, это событие стало последней каплей. После подробного изучения опыта работы военной агентуры 30 октября 1910 г. по его поручению директор департамента Зуев издает циркулярное письмо начальникам ГЖУ и охранных

52. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 288К Л. 5.

отделений №127306. Во-первых, документ отменяет действие циркуляра от 17 ноября 1909 г., фактически признавая его ошибочным. Во-вторых, Зуев требует «принять самые энергичные и действительные меры к безотлагательному приобретению войсковой агентуры и вести таковую самым осторожным образом, отнюдь не допуская сотрудников ни к организационной деятельности, ни к пропаганде, а лишь направляя агентуру для освещения действительной революционной работы в воинских частях»⁵³. Последняя мера была обусловлена необходимостью избежать обвинений со стороны военных в провокационных действиях. В-третьих, циркуляр требовал расширить состав агентуры — теперь это были уже не только военнослужащие, но и «вольнонаемный состав», который, не будучи на службе в армии, сопровождал ее. Наконец, циркуляр четко оговаривал круг лиц, посвященных в результаты сыска. О раскрытии целой ячейки или организации жандармы сообщали непосредственно в департамент полиции, который уже по собственному усмотрению и при особой необходимости информировал соответствующее военное начальство. Местные органы сыска сообщали руководству военных округов и командирам частей и подразделений о наличии у них революционной агитации, только если речь шла об одиночках. Это было сделано потому, что при неумело организованном военными властями аресте организации «крупная рыба» попадала в сети сыска, а рядовые члены организации иногда не были раскрыты и продолжали спустя некоторое время свою деятельность, в то время как арест одного человека военные могли провести без особой огласки и позора для себя и без негативных последствий для агентуры.

Генерал Курлов, осознавший огромную опасность для режима, исходящую из революционизации ар-

53. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 205.

мии, с присущим ему рвением и энергией взялся за решение этого вопроса. 15 декабря 1910 г. он приказал проанализировать работу в направлении секретной агентуры в войсках и принять экстренные меры в продолжение циркуляра от 30 октября. Через 5 дней, 20 декабря, Зуев издал наиболее важный среди всех посвященных агентуре в армии циркуляров — срочный совершенно секретный №127651. Он передавался лично в руки начальников ГЖУ и охраненных отделений.

В циркуляре было сказано: «Наряду, однако, с проявлениями чисто революционного характера в воинской среде все чаще замечаются признаки оппозиционного настроения, вызываемые в большинстве случаев различными условиями службы. Придавая этому обстоятельству весьма серьезное значение, тем более что революционные организации не преминут, конечно, прежде всего, использовать в своих целях оппозиционно настроенные элементы в воинской среде, господин товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов признал необходимым, чтобы со стороны местных жандармских учреждений были приняты самые энергичные меры к всестороннему освещению агентурным и иными путями вопроса о том, в какой мере развито недовольство в воинских частях и военно-учебных заведениях... Такие сведения, по мере их добывания в будущем, благоволите беззамедлительно сообщать департаменту и при этом всякий раз вполне откровенно высказывать Ваши соображения о причинах, вызывающих оппозиционное настроение в войсках, имея в виду, что таковые сообщения ни в коем случае не будут передаваться в распоряжение воинского начальства, а предназначаются исключительно лишь как материал для выработки общих мероприятий»⁵⁴.

Судя по тексту циркуляра, руководство политического сыска опасалось не только за нижних чинов,

54. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 391. Лл. 2, 20б.

но и во многом за офицерский состав, не зная даже до какой верхней планки может доходить недовольство. Вот почему они гарантировали секретность сведений и отказались информировать о них высшее армейское начальство. Так как жандармы формально были военные, конфликт начальника ГЖУ с крупным военным руководителем в ранге начальника военного округа или командира армейского корпуса мог закончиться серьезными неприятностями по службе. Тем временем данные свидетельствовали о том, что только в сухопутной армии сеть военно-революционных организаций (в которых активно участвовал и офицерский состав) охватила 3-ю саперную бригаду, окружные управления и артиллерийские части, а также все воинские части 9-го, 10-го, 11-го, 12-го и 21-го армейских корпусов⁵⁵.

В отдельных гарнизонах и военных округах сформировались не только офицерские военно-революционные союзы, но был силен и оппозиционный элемент. В своем докладе Лерхе отмечает, что в 1910 г. оппозиционное движение перешло в стадию глухого скрытого недовольства среди офицеров, проявлявшегося в критике мероприятий начальства, частом высказывании левых суждений, чтении левой литературы⁵⁶. Опасность оппозиционного элемента была очевидна: будут ли солдаты стрелять во время народных волнений, будут ли офицеры выводить свои части на подавление революционных выступлений? Не перейдут ли они на сторону открытой политической оппозиции режиму? Эти вопросы оставались открытыми.

В течение 1911 г. Зуев занимался практической организацией работы агентуры в армии. В мае он издал распоряжение о борьбе с клеветой на армию в революционной прессе, источником информации для кото-

55. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 254.

56. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 291. Лл. 38.

рой служили революционные организации в частях. Антиправительственно настроенные лица присылали в оппозиционные и революционные издания клеветнические, лживые или попросту искаженные данные с целью дискредитации армии в глазах общества, с одной стороны, и чтобы подорвать среди читающей части военных доверие к руководству и самой армейской системе — с другой. В этой части своей работы департамент принял решение полностью информировать оклеветанных командиров частей и подразделений, а также верховное руководство армии и флота. Мера была одобрена военным и морским министрами В. А. Сухомлиновым и И. К. Григоровичем⁵⁷.

Позднее Зуев издал два циркуляра от 7 июня и 3 июля 1911 г. В циркуляре от 7 июня департамент полиции рекомендует для расследования корней недовольств набирать агентуру не только среди самих военных, но и их общих друзей и знакомых — штатских. Цель в данном случае ставилась двоякая: с одной стороны, выяснить, чем недовольны военные, не подвергающиеся революционной агитации, каковы их настоящие проблемы, толкающие в оппозицию к режиму. Во-вторых, выяснить роль штатского окружения в радикализации и революционизации настроений армии. Также необходимо было освещать отношения воинского командования с подчиненными. Штатские агенты принимались на службу в качестве вспомогательной агентуры, они посещали клубы, собрания и частные квартиры офицеров и нижних чинов, не вызывая подозрений. Что касается нижних чинов, то они часто собирались в лавках или сапожных мастерских, с адресов которых и вели почтовую переписку. Хозяева этих лавок, мастерских, квартир и прочих заведений вербовались сотруddниками сыска⁵⁸.

57. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 255–256.

58. Там же. С. 219–220.

Циркуляр от 3 июля непосредственно предписывал создавать новые лавки, в которых будут собираться военные, или субсидировать уже существующие. «При этом надлежит иметь в виду, что означенные лавки должны быть поставлены на чисто коммерческих началах и могут рассчитывать на материальную поддержку только в самых исключительных случаях. Кроме того, при оборудовании лавок розыскными органами необходимо обратить внимание на приемы конкуренции, которые могли бы поставить эти лавки в привилегированное положение и привлекли бы к ним наибольшее число нижних чинов»⁵⁹. На открытие каждой такой лавки требовалось согласие департамента, что во многом было связано с выделением финансовых средств и необходимостью строго отделять сыскные мероприятия от провокации. Однако, как писал в своих мемуарах Курлов: «Проект этот был осуществлен в очень малом размере, так как для широкой его постановки не хватало денег»⁶⁰.

Принятые Зуевым меры дали существенные результаты — множество дел и расследований, разгром ряда организаций. Однако принятые меры оказались недостаточными. Движение в армии нарастало по объективным причинам: во второй половине 1911–1912 гг. заканчивался срок административной высылки для участников революции 1905–1907 гг., этапированных в отдаленные районы империи. Большую часть ссыльных составляли молодые люди, не отбывшие еще воинской повинности, которые должны были в 1912 г. быть призваны в армию⁶¹. «Революционный призыв» создавал благоприятные условия для развития военных организаций и пропаганды.

Кроме непосредственного состава революционных ячеек жандармам необходимо было выяснять и факультативных членов организации, в ней фор-

59. Там же. С. 224–225.

60. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 155.

61. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00–1912. Д. 288К Л. 10.

мально не состоящих, но близких и сочувствующих революционному делу. В феврале 1912 г. в совершенно доверительном циркулярном письме Зуев писал: «В департаменте полиции в последнее время получают указания, что революционные партии, помимо определенно поставленной цели самым интенсивным образом вести пропаганду и агитацию в войсках, в целях приготовления войск и использования их при общем вооруженном восстании, решили, имея в виду бывшие довольно многочисленные случаи покушения на начальствующих лиц во время маневров в виде мести за строгость и т. п., использовать отдельных нижних чинов и для совершения террористических актов первостепенной важности. Такого рода попытки кажутся революционерам тем более осуществимыми, что во время маневров и смотров высокопоставленные лица находятся обычно настолько близко к частям войск, что часто представляется возможным осуществить злодеяние не только путем выстрела, но и просто штыком»⁶².

Таким образом, в течение нескольких лет была создана мощная агентурная сеть, наработана база подзаконных актов, регулирующих политический сыск в армии. И военное руководство было весьма заинтересовано в результатах жандармской работы. Уже в октябре 1911 г. военный министр Сухомлинов просил министра внутренних дел Макарова информировать его лично обо всех случаях возникновения дознаний и переписок по революционному движению в армии. Также, опасаясь слишком бурной деятельности жандармерии, он требовал присылать ему копии всех донесений, посылаемых жандармскими офицерами в департамент. Фактически военное ведомство пыталось взять под контроль работу политического сыска в армии. Сухомлинов хотел в этом направлении опереться на своего старого знакомого — жан-

62. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 249.

дармского полковника С. Н. Мясоедова, к которому, по мнению военного министра, должны были стекаться все эти переписки и прочие документы департамента, ГЖУ и охранных отделений. Он должен был анализировать весь этот ворох бумаг по военной агентуре и представлять военному министру регулярные отчеты⁶³. Ранее Мясоедов возглавлял приграничный пункт в Вержболово, где весьма успешно занимался разведывательной деятельностью против Германии. Полковник Вальтер Николаи, шеф немецкой военной разведки, называл Мясоедова лучшим русским разведчиком в приграничной с Германией зоне. Благодаря дружескому знакомству с императором Вильгельмом II, часто охотившимся в Роминтере, неподалеку от Вержболово, и на этой почве сошедшимся со страстным охотником Мясоедовым, последний имел возможность вести разведывательную деятельность вне досягаемости германских спецслужб⁶⁴.

Однако кандидатура отставного жандарма была очень неудачной: он был чрезвычайно скомпрометирован в глазах собственного ведомства. Дело в том, что в 1906 г. Мясоедов серьезно поссорился с директором департамента полиции М. И. Трусевичем. Против Мясоедова по анонимному доносу было начато расследование, проводившееся молодым жандармским корнетом Пономаревым, организовавшим серию провокаций. Дело закончилось судебным процессом в апреле 1907 г. Мясоедов смог оправдать себя и своих коллег, обвинявшихся в серии государственных преступлений, только публично высветив провокации Пономарева, что бросало тень на весь политический сыск. Скандал подхватила газета «Речь», а за ней и вся оппозиционная пресса. Историей заинтересовался лично Столыпин: Пономарев был

63. Там же. С. 256; *Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 131–132.

64. *Nicolai W.* The German secret service. London, Stanley Paul and Co, Ltd., 1924. P. 26–27.

смещен с должности и направлен мелким чиновником в Ригу, а Мясоедова премьер приказал перевести на руководящую должность в самую глухую провинцию. Понимая, что карьера для него окончена, Мясоедов немедленно подал в отставку, чем еще больше настроил против себя МВД⁶⁵.

Британский историк Уильям Фуллер высказал предположение, что через Мясоедова военный министр хотел наладить контакты с департаментом полиции, но личность его доверенного офицера не дала этому состояться⁶⁶. При этом Фуллер отрицает, что Сухомлинов желал через сотрудничество с секретной агентурой поставить под контроль армейских офицеров. Однако с этим утверждением нельзя вполне согласиться. Известно, что в 1909 г. в Военном министерстве уже была должность офицера, который должен был заниматься сбором информации о революционной агитации в армии, но у ведомства не было для этого налаженной агентурной сети. Вскоре, 24 марта 1910 г., Главный штаб издал циркуляр № 982, фактически одобрявший наблюдение за офицерами. Циркуляр требовал от армейского руководства принимать во внимание донесения секретной агентуры об офицерских чинах⁶⁷. Курировать эту работу должен был все тот же Мясоедов. Сведения жандармерии были как нельзя кстати. Сухомлинов отстаивал агентуру потому, что надеялся со временем получить сведения о своих противниках, главными среди которых были, с одной стороны, политик А. И. Гучков и близкие к нему генералы, в первую очередь А. А. Поливанов, а с другой — великий князь Николай Николаевич.

Сухомлинов вовсе не был противником применения жандармерии в воинской среде в отличие от многих своих подчиненных. Но как военный министр

65. Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 39–43.

66. Там же. С. 80–81.

67. Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 67.

он хотел контролировать этот процесс. «Преследуя единственную цель — ограничить область так называемых агентурных непроверенных сведений и тем оградить войсковые части от возбуждения, я находил нужным, как выше отметил, только тщательное обследование и объективную проверку этих секретных сведений, прежде чем давать им дальнейший ход, используя в этом направлении опыт и знания состоящего при мне жандармского офицера»⁶⁸. В мемуарах министр пишет о наличии у него личных договоренностей со Столыпиным по поводу контроля над агитацией в армии.

Политический сыск опасался выдавать сведения военному министру по ряду причин: во-первых, на начальной стадии разработки революционной организации большая часть материала была сырым и непроверенным, что только вводило бы в заблуждение военное руководство; во-вторых, Сухомлинов мог начать предпринимать конкретные самостоятельные шаги по искоренению революционных ячеек в армии, что только запутало и усложнило бы работу сыска; в-третьих, выдача такого материала была запрещена рядом циркуляров товарища министра внутренних дел и директора департамента полиции. Наконец, Сухомлинов в любом случае вынужден был бы делиться данной информацией, в том числе и с теми военными, которые могли втайне сочувствовать оппозиционному или революционному движению. В конечном итоге Макаров дал твердый мотивированный отказ военному министру в письме от 8 ноября 1911 г. №109131, аргументировав его нарушением порядка письмоводства и отчетности, а также непроверенными данными. Министра также не устраивала личность Мясоедова, которого он в письме к Сухомлинову от 16 марта 1912 г. подверг уничижительной критике⁶⁹.

68. *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 248.

69. *Фуллер У.* Указ. соч. С. 107.

В своих мемуарах Сухомлинов, комментируя отказ Макарова, приводит цитату из письма Мясоедова секретарю военного министра А. И. Зотимову: «Министр внутренних дел указал на неудобства, которые представлялись бы при осуществлении желания военного министра о сообщении ему жандармскими офицерами сведений о революционной пропаганде в войсках. Он опасается, что военному министру будут сообщены сведения, которые потом придется опровергать. Видя, что министр внутренних дел, очевидно, введен в заблуждение докладчиком (имеется в виду Курлов. — В. Х.-Г.), я обратил его внимание на то, что военный министр желал бы быть осведомленным о возбуждении дознания о военнослужащих, дабы иметь возможность судить о ходе пропаганды в армии. На это министр внутренних дел мне сказал, что это, конечно, другое дело»⁷⁰. В дальнейшем согласование большинства технических вопросов шло уже в рабочем порядке, и к концу 1912 г. оставался не урегулированным лишь формальный порядок сношения жандармских чинов с военными властями.

По согласованию с военным ведомством вербовка сотрудников среди нижних чинов происходила следующим образом: командир части был поставлен в известность жандармским офицером, курировавшим работу секретного сотрудника, о личности последнего и характере предоставляемой им информации. Происшествия в Туркестане, волнения на Балтийском и Черноморском флотах дали МВД возможность осветить ненадлежащие отношения и антиправительственные настроения в воинских частях. Однако одновременно выяснилось, что и сами секретные агенты сгущают краски в своих показаниях. Выявленные политические выступления в войсках дали полиции возможность настаивать на урегулировании с военным и морским ведомствами вопроса работы агентуры.

70. Там же. С. 248–249.

От департамента полиции в работе комиссий приняли участие Белецкий и полковник Еремин. По туркестанским событиям министром Сухомлиновым было поручено провести дознание главному военному прокурору генералу Звонникову⁷¹, получившему в свое распоряжение соответствующее дело департамента полиции. Полковнику Сизых, помощнику начальника Варшавского охранного отделения⁷², было поручено оказать содействие и получить все сведения. Военным открылась нелюбезная правда. Оказалось, что при 50-градусной жаре, которая была в Туркестане, войска одевали в теплый зимний костюм и водили в самый разгар солнца, в 12 часов, на ученье и на работы; это, само собой, являлось причиной недоразумений. Вскрылись недостатки в питании, злоупотребления в пищевом хозяйстве. Как признавался впоследствии сам Белецкий: «Но вместе с тем были и сведения и другого характера, которые показывали, насколько сотрудники сгущали, так сказать, если не пропаганду, то неудовольствие, которое было в частях... Я не скажу, чтобы это была провокация»⁷³.

В Морском ведомстве неоднократно заседала комиссия под председательством адмирала Григоровича с участием начальника штаба Князева. Полученные от полиции сведения дали возможность адмиралу Эссену прекратить волнения в самом зародыше. Когда в 1912–1913 гг. возникли волнения на Черном море, туда лично выезжал товарищ министра внутренних дел Золотарев узнать, насколько начальник охранного отделения полковник Попов правильно вел дело, потому что слишком много лиц проходило по дознанию. Сведения, касающиеся воинских частей, были доложены государю императору. По поручению ми-

71. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914. С. 411.

72. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 10 октября 1916 г. Пг., 1916. С. 419.

73. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 327–328.

нистра Макарова Белецкий был вызван для доклада императору в Александрию, около Царского Села. Николая смущало нахождение секретных сотрудников на флоте, но произошедший военный переворот в Португалии изменил отношение монарха к этому вопросу. Он поручил министру внутренних дел внимательно изучить переворот.

«Таким образом, — подчеркивал впоследствии Белецкий, — ни Военное, ни Морское министерства не требовали от министра внутренних дел окончательного искоренения этой агентуры; так, вопрос стоял до назначения товарищем министра Джунковского, ему принадлежит исключительная инициатива снятия агентуры»⁷⁴. Также плохо дела обстояли на Балтийском флоте: за август 1910 г. — июль 1912 г. на броненосном крейсере «Рюрик», линейных кораблях «Император Павел I» и «Цесаревич» в общей сложности было зарегистрировано 78 сообщений о фактах революционной агитации и брожении среди нижних чинов⁷⁵.

В письме от 30 ноября 1912 г. Сухомлинов выразил свое окончательное согласие и одобрение основных положений вопроса об освещении революционной пропаганды в войсках⁷⁶. Несмотря на некоторый компромисс (жандармам все-таки пришлось посвятить командиров частей в работу секретной агентуры), сыску удалось получить полное одобрение руководства армии. Агентура выявила неуставные отношения, бесхозяйственность, плохие условия жизни и факты издевательства над нижними чинами со стороны офицерского состава, что могло волновать и интересовать военного министра, но не нравилось его подчиненным. Секретные сотрудники освещали политическое беспокойство в частях, хоть и не без некоторой доли преувеличения.

74. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 327–328.

75. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Л. 86–860б.

76. Там же. Л. 2.

Сам факт массовых военных выступлений имел место. К примеру, бунт 1-го и 2-го саперных батальонов инженерных войск Туркестанского военного округа был связан с условиями жизни, тем не менее проходил под руководством военно-революционной организации. Волнения же матросов в меньшей степени были связаны с бытом и в большей — с политической борьбой. Белецкий, описывая отношение царя к секретной агентуре в войсках, отмечает не только этическое неприятие Николаем II агентуры, которое последний проявлял довольно пассивно, но и его внимание к участию армии в политических переворотах. Императору была известна негативная роль военных в свержении в ходе революции 1910 г. короля Мануэла II и установлении республики. Белецкий, видя опасность в военной оппозиции, пытался донести до Николая мысль о необходимости наблюдения за армией. Первым же вопрос о военной оппозиции поднял еще Зуев в своем циркуляре от 20 декабря 1910 г., в аккурат через два месяца после свержения династии Браганса. Вряд ли это можно считать совпадением. Нельзя исключать, что именно революционные события на Пиренейском полуострове подтолкнули департамент полиции начать работу в этом направлении. И оно было особенно опасно для оппозиционной части высшего офицерства, той части генштабистов, которых в России называли «младотурками», по аналогии с турецкими военными, организовавшими переворот 1908 г. и свержение султана Абдул-Гамида II в 1909 г.

1912 год был наиболее плодотворным для политического сыска в армии. Морской министр Григорович активно включился в работу по организации агентуры и контролю за революционным движением на флоте. В июле 1912 г. Григорович созвал упомянутую выше межведомственную Комиссию для выработки наиболее целесообразных мер к возможному затруднению проникновения политической пропаганды среди нижних чинов морских команд. Председателем комиссии был назначен начальник Главного

морского штаба контр-адмирал Михаил Валерианович Князев. Членами комиссии от МВД были назначены Белецкий и Еремин. На первом заседании 26 июля были обозначены основные причины распространения пропаганды и меры борьбы с ней. Были выделены две основные меры противодействия: 1) «установление тесного и доверительного общения между военными начальниками и жандармским надзором, причем первые не должны ничего скрывать о происходящем во вверенных им частях революционном брожении»; 2) «установить строгую проверку политической благонадежности всех вольнонаемных матросов и рабочих на верфях, в доках и портовых мастерских, на коих работают команды матросов»⁷⁷.

Имелись серьезные основания для интенсификации работы в армии. 12–20 августа 1912 г. в Вене прошла большая конференция РСДРП, в которой приняли участие московская и Санкт-Петербургская организации меньшевиков, московская организация большевиков, Социал-демократия Латышского края, Бунд, Кавказский областной союз, Бакинская организация, Севастопольская социал-демократическая военная организация и другие группы. На втором заседании 13 августа обсуждался доклад севастопольцев о работе на флоте. Несмотря на то что агитация была неодинаково сильна на всех судах, по словам докладчика, «работа в войсках шла быстрым темпом». Ядро организации составляли 14 выслужившихся матросов Черноморского флота, однако значительное внимание с самого начала было уделено портовым рабочим, которые до этого оставались «реакционными». За все время своего существования (с конца 1910 г.) группа выпустила семь листовок тиражом от 150 до 2000 экземпляров каждая. Большая часть из них предназначалась матросам⁷⁸.

77. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00–1912. Д. 288К Лл. 1–60б.

78. Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 33, 35, 36.

На XV заседании 20 августа обсуждался вопрос ташкентского восстания. Юлий Мартов отмечал, что волнения, несмотря на свою стихийно-революционную сущность, были спровоцированы агентами охраны. Он выступал за тесную связь между военно-революционными кружками и общей революционной работой партии, против активных антиправительственных выступлений⁷⁹. В тексте резолюции конференции о событиях в армии и на флоте по инициативе Мартова говорилось: «Конференция в то же время считает нужным обратить внимание товарищей на нежелательность и крайнюю опасность всяких изолированных от народного движения вспышек в армии и флоте и попыток военного восстания... Конференция признает поэтому тяжелым, но священным долгом всех сознательных социалистов, служащих в войсках и флоте, удерживать своих менее сознательных и неопытных товарищей использовать для преждевременных и бесцельных выступлений то возмущение и отношение, которые создаются в солдатских массах... Социалистический пролетариат в моменты, подобные нынешнему, может признать неизбежность открытого возмущения лишь в одном крайнем случае — когда перед солдатами станет требование властей применить оружие против народа»⁸⁰.

Руководство меньшевиков понимало, что разрозненные выступления легко подавить, поэтому они на руку властям. После разгрома партийных ячеек уйдут годы на их восстановление. Понимал это и политический сыск. Так, агент московского охранного отделения А. А. Поляков, участвовавший в конференции в качестве «товарища Петрова», делегата от московской организации РСДРП(б) с правом решающего голоса, оппонировал Мартову, возмущаясь тем, что

79. Там же. С. 884, 885.

80. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. М., 1996. С. 337.

последний «не дает революции стрелять»⁸¹. Несмотря на то что никаких руководящих документов на уровне ДП МВД о провоцировании отдельных выступлений не было, вероятно, некоторые жандармы видели в них смысл.

Офицерство и оппозиция

Было бы неправильно утверждать, что существование внутренней агентуры в армии устраивало всех. Кроме МВД, Военного и Морского министерств существовала еще одна сила, глубоко посвященная в проблемы военного и политического сыска, — это группа руководящих членов партии «Союз 17 октября» во главе с ее лидером Александром Гучковым. В конце 1911 — начале 1912 г. его отношения с правительством и лично Николаем II накалились до предела: поводом стало письмо императрицы Александры Федоровны Распутину, тенденциозно процитированное и размноженное столичной прессой и использованное лидером октябристов в политических целях.

Конфликту с верховной властью сопутствовал личный конфликт Гучкова с министром Сухомлиновым. В 1908 г. по инициативе А. И. Гучкова и генерала В. И. Гурко с ведома военного министра А. Ф. Редигера собрался кружок из группы военных и умеренных членов думской Комиссии по государственной обороне. Цель кружка состояла в том, чтобы наладить неофициальный диалог между армией и народным представительство для облегчения прохождения военных бюджетов и прочих законопроектов через Думу. К тому же военный министр считал себя ответственным не только перед царем, но и перед Думой. Для Гучкова и парламентариев это был шанс установить рабочие отношения с военными и расширить

81. Конференции РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 885.

свое влияние на министерство в целом. Инструментом мягкого давления на генералов были экстраординарные расходы министерства, которые вотировались Думой. Немаловажной составляющей сотрудничества с думцами была поддержка Гучковым стремлений Редигера сосредоточить контроль над всей армией в руках военного министра⁸². Собрания проходили на квартирах В. И. Гурко, П. Н. Крупенского и самого А. И. Гучкова.

Участник кружка генерал А. С. Лукомский, в то время начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), вспоминал: «На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной думы, но даже и на заседаниях комиссии обороны. Это общение и даваемые разъяснения в значительной степени облегчало проведение различных законопроектов»⁸³.

По подсчетам историка О. Р. Айрапетова, со стороны военных в состав «кружка», прозванного с подачи М. Д. Бонч-Бруевича «младотурками», входило 10–12 человек: Н. Н. Янушкевич, А. С. Лукомский, Д. В. Филатьев, товарищ военного министра А. А. Поливанов, М. В. Алексеев, А. З. Мышлаевский, В. И. Гурко, Н. Н. Головин, А. М. Крымов, А. И. Деникин, Н. Н. Стогов, многих из которых причисляли к так называемой «Военной ложе»⁸⁴.

Участники кружка с уважением и доверием относились к руководству октябристов в лице Хомякова, Родзянко и Гучкова, даже несмотря на конфликт последнего с императором. В работе кружка прини-

82. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России: сборник статей / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002. С. 19, 24–28.

83. *Лукомский А. С.* Указ. соч. С. 256.

84. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 13–14.

мал участие и секретарь думской Комиссии по государственной обороне, близкий друг семьи Гучковых Александр Иванович Звегинцев. Часто совещания проводились на петербургской квартире Гучкова⁸⁵. Как писал Лукомский: «Это была вполне разумная и вполне государственная партия... оппозиционные настроения октябристов не отражались отрицательно на их отношении к армии и к вопросу государственной обороны»⁸⁶.

Однако неофициальный характер и полная неподконтрольность кружка руководству армии вызывали настороженность нового министра Сухомлинова: «Когда я принял министерство, мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства родилась какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов под председательством Гучкова, при Государственной думе. Совершенно случайно узнал я об этом... Я доложил об этом государю, как о факте ненормальном, и о том, что все эти чины давно уже стоят во главе списков кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения по мере открытия вакансий всех их выпроводить из столицы. Государю этот выход очень понравился, он улыбнулся и сказал: «Вполне одобряю, так и сделайте». Я так и сделал»⁸⁷. Опасения министра были вполне понятны — консультации военных с оппозицией не могли не касаться хоть каким-то образом политических вопросов.

Деятельность Гучкова сильно беспокоила Николая II, заявившего в разговоре Сухомлинову, что лидер октябристов чрезмерно вмешивается в дела армии⁸⁸. Император и лидер октябристов не скрывали сильной взаимной антипатии. Деятельность Гучкова в глазах правых и придворного круга была направ-

85. ГА РФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 10.

86. Архив-музей ДРЗ им. А. Солженицына Ф. 1. Оп. 1. Д. А-74. Л. 315.

87. *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 250–251.

88. *Сенин А. С.* Указ. соч. С. 67.

лена персонально против царя. Политик всеми возможными способами сеял к нему недоверие⁸⁹. Один из участников «младотурецкого» кружка полковник Генерального штаба В. А. Замбржицкий описывал реакцию императора со слов другого участника кружка, Д. Г. Щербачева, который 7 ноября 1913 г. собрал некоторых участников кружка и передал им следующее: «Я сегодня был у военного министра по его вызову, и он мне передал следующее: что до сведения Государя Императора дошло, что в академии (имеется в виду Николаевская академия Генерального штаба. — В. Х.-Г.) образовалась молодая партия профессоров академии на манер «младотурков», которая стремится приобрести популярность среди офицеров армии с тем, чтобы произвести государственный переворот»⁹⁰.

Как отмечает голландский историк Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе, эффективная ликвидация кружка Сухомлиновым не пресекла сложившуюся традицию неформальных контактов между офицерами и думскими политиками⁹¹. Наоборот, эти контакты расширились в дальнейшем, отталкиваясь именно от опыта ликвидированной комиссии. Следует отметить, что члены кружка были далеко не единственными военными, с которыми Гучков поддерживал тесные отношения. По данным филёрского наблюдения департамента полиции, в 1912–1913 гг. он часто подолгу беседовал с помощником начальника Главного морского штаба генерал-майором С. И. Зилоти, вице-адмиралом С. А. Воеводским, генерал-лейтенантом А. Н. Куропаткиным, генералами А. М. Крымовым, К. Н. Хагондоковым, Е. И. Мартыновым, С. А. Добронравовым, Н. В. Герасимовым, А. Ф. Редигером,

89. Гучков А. И. Московская сага. Летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005. С. 257, 443.

90. ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Лл. 16–17.

91. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 26.

В. М. Родзевичем⁹². Особую роль в этой группе играл Поливанов, которого думская оппозиция хотела видеть в кресле военного министра вместо Сухомлинова. С Поливановым постоянно контактировали и высоко его ценили не только октябристы, но и кадеты, причем первые выражали генералу полное доверие⁹³. Вышеупомянутые Воеводский и Зилоти были старыми противниками морского министра. Последнего министр называл одним из зловреднейших людей в своем ведомстве. В своих мемуарах И. К. Григорович писал: «Надо заметить, что на его сестре (Марии Ильиничне Зилоти. — В. Х. - Г.) женат известный А. И. Гучков, враг Морского министерства, всегда жестоко нападавший на Морское ведомство. Он так осведомлен, что у нас творится, что мне кажется, сведения свои он получает не без участия С. И. Зилоти. С другой стороны, С. И. Зилоти — большой друг адмирала Нилова, и тот также великолепно осведомлен обо всем, что у нас происходит»⁹⁴.

В курсе подробностей деятельности кружка Гурко — Гучкова был довольно узкий круг лиц. Среди них московский губернатор генерал Джунковский, большой друг братьев Гучковых. Владимир Федорович вспоминал: «На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые не могли быть оглашаемы в Думе. Благодаря этому работа Думы с Военным министерством проходила в Третьей, а затем и в Четвертой Думе без особых затруднений»⁹⁵. Источником этой информации был, вероятно, сам Гучков. Нужно отметить, что Джунковский давал в целом негативную оценку деятельности главы военного ведомства: «Сухомлинов представлял

92. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1913. Д. 144. Лл. 119–120.

93. Архив-музей ДРЗ им. А. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. А-74. Л. 352–353.

94. Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. Кронштадт — Москва, 2005. С. 41.

95. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 382.

из себя умного и хорошего военного администратора, но для поста военного министра он не подходил... Сухомлинов, будучи очень интересным собеседником и рассказчиком при небольшом числе слушателей, совершенно терялся в большой аудитории и потому в Думе всегда читал заранее составленную речь, что производило впечатление далеко не в его пользу»⁹⁶. Основным недостатком министра Джунковский считал неспособность договориться с думской оппозицией, отсутствие красноречия на парламентской трибуне. Кандидатурой, способной заменить его на посту министра, Джунковский считал Поливанова, которому давал весьма лестную характеристику: «Поливанов был как раз весьма подходящим для сего, он всякое дело изучал до мельчайших деталей, хорошо, свободно говорил, и работа Думы с Военным министерством благодаря ему шла очень гладко»⁹⁷.

Джунковский желал представить Сухомлинова как непопулярного в армии человека в отличие от талантливой, по его мнению, и выдающегося во всех смыслах слова Поливанова. Суть их конфликта он сводил к зависти военного министра и его недовольству контактами Поливанова с Гучковым⁹⁸. Однако такая оценка реальности более чем тенденциозна — оба генерала были талантливыми военными и организаторами, с той лишь разницей, что Сухомлинов не желал иметь каких-либо неофициальных отношений с оппозицией. Вышеприведенные оценки Джунковского важны не только для понимания сути его взаимоотношений с военными и октябристами, но и для понимания самой логики Владимира Федоровича как будущего главы всей полиции империи и товарища министра внутренних дел. Для него способность государственного деятеля догово-

96. Там же. С. 381.

97. Там же. С. 382.

98. Там же. С. 644–645.

риться с Думой представляется гораздо более важной, нежели деловые и организаторские качества данного руководителя. Постоянно подчеркивая свою приверженность столыпинской политической линии, Джунковский во многом имел в виду политику переговоров с Думой. Его предупредительное и трепетное отношение к общественному мнению, развившееся в годы пребывания на посту московского губернатора, стало одним из основополагающих принципов как государственного управленца.

Н. П. Харламов вспоминал, что, когда после немецкого погрома 1915 г. он был послан в Москву для ведения официального следствия, Джунковский требовал «быть особенно любезным с представителями московских общественных кругов» и первым делом по прибытии в город до официальных визитов и допросов навестить от имени Владимира Федоровича С. Н. Третьякова, П. П. Рябушинского и Н. И. Гучкова⁹⁹. Складывалась несколько двусмысленная ситуация, когда чиновник МВД перед ведением следственных действий передает оппозиционным политикам поклон от главы политического сыска империи.

Нельзя не отметить, что Джунковский водил близкое знакомство с рядом октябристов — братьями Гучковыми, братьями Рябушинскими, М. В. Родзянко, а также с наиболее близкими к ним военными — инициатором вышеупомянутого кружка генералом В. И. Гурко¹⁰⁰, А. А. Поливановым. При прощании Джунковский целовался с Гучковым. Историк А. Ю. Дунаева отмечает, что «ядро программы октябристов — системная модернизация при сохранении исторических основ — вполне соответствовала мировоззрению Джунковского»¹⁰¹. Теплые отношения

99. НИОР РГБ. Ф. 261. Картон 20. Е. х. 6. Л. 48 об.

100. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 308–309.

101. *Дунаева А. Ю.* В. Ф. Джунковский. Политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Дис. канд. ист. наук. ИАИ РГГУ. М., 2010. С. 132.

связывали его еще со времен московского губернаторства с либералами М. В. Челноковым и Д. Н. Шиповым¹⁰².

Прозвище «младотурки», данное военной группе Гучкова, было далеко не безобидным, так как младотурецкая революция в Османской империи была по факту государственным переворотом, осуществленным группой военных заговорщиков. Учитывая, что в 1909 г. вскоре после младотурецкой революции Гучков посетил Стамбул¹⁰³, прозвище это приобретало вполне определенный нелицеприятный политический оттенок. Добавим также, что основной опасностью для офицерской среды руководители департамента полиции Зуев и Белецкий считали именно возможность повторения младотурецкого опыта. В департаменте составлялись списки военных, находившихся в тесном контакте с Гучковым, за ним самим велось постоянное агентурное наблюдение.

Сухомлинов с одной стороны, политическая полиция — с другой вели наступление на «военный кружок». Политический контроль над армией с санкции военного министра в случае его реального и полномасштабного осуществления привел бы к опасному объединению противников Гучкова. В помощь Мясоедову Сухомлинов назначил жандармского полковника В. А. Ерандакова, который кроме прочего по поручению военного министра «ставил наблюдение за высшими чинами Военного министерства и лицами, коих ген. Сухомлинов заподозревал в их недоброжелательстве к нему»¹⁰⁴. Ерандаков работал в подчинении руководителя контрразведывательного (особого) делопроизводства ГУГШ Н. А. Монкевица¹⁰⁵.

102. Там же. С. 126, 131.

103. *Айранетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003 С. 17.

104. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 519.

105. *Гутнов Д. А.* Указ. соч. С. 305.

Почвой для объединения военных и полицейских властей была военная агентура. Именно против нее и развернулась политическая кампания оппозиции. Началом атаки стала серия писем военных Гучкову с жалобами на то, что складывающаяся система сыска в армии унижает достоинство офицеров. Лидер октябристов поднял волну критики военного ведомства в прессе, а затем продолжил агитацию в парламенте. По воспоминаниям Сухомлинова, «Гучков сообщал Думе, будто бы я, чтобы следить за корпусом офицеров, создал в Военном министерстве целую организацию»¹⁰⁶. Вскоре Александр Иванович пишет письмо председателю думской комиссии по государственной обороне князю Д. И. Шаховскому с требованием созыва срочного закрытого собрания комиссии. На состоявшемся 19 апреля 1912 г. заседании от военного ведомства присутствовали В. А. Сухомлинов, Ю. Н. Данилов и Н. Н. Янушкевич. В итоге после долгих прений министр пообещал отменить циркуляр № 982 и прекратить осуществлять политический контроль за офицерством¹⁰⁷. Однако на практике он не собирался выполнять требований думцев — агентура продолжала работать. Мясоедова, осуществлявшего контроль за пропагандой и настроениями в армии со стороны военного министра, пришлось уволить, но полковник Ерандаков продолжил работу. Белецкий давал высокую оценку его деятельности, отмечая, что Ерандаков активно делился с департаментом материалами по борьбе со шпионажем, а также совершенно секретными документами, касающимися международной политики. Одним словом, канал передачи информации был налажен вполне надежный¹⁰⁸.

106. *Сухомлинов В. А.* Указ. соч. С. 249.

107. *Сенин А. С.* Указ. соч. С. 68.

108. *Каширин В. Б.* Бухарестские гастроли русской контрразведки: неизвестный эпизод истории войны спецслужб в 1915 году // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 49. 2015. Апрель. С. 257.

Возвращаясь к сущности работы политического сыска в армии, рассмотрим аналитическую записку начальника Особого отдела жандармского полковника Еремина, представленную для сведения Белецкому 18 марта 1913 г., окончательно доработанную и утвержденную 29 марта 1913 г. Записка была составлена в самый разгар борьбы за военную агентуру, развернувшейся в марте — апреле 1913 г. Она являлась внутренним материалом и не выносилась на обсуждение военных или Джунковского, благодаря чему ее целью было не отстоять агентуру любой ценой, а предоставить руководству департамента наиболее полное представление о ежедневной работе военной агентуры. Документ назывался «О постановке в военно-сухопутных и морских частях революционной пропаганды и мерах для освещения последней»¹⁰⁹. Отметим, что она описывает борьбу именно с революционной агитацией, а не с оппозиционными настроениями, беззакониями или бесхозяйственностью в армии, которые также были объектом работы агентуры.

По утверждению Еремина, работа агентуры должна быть адекватна реалиям политического момента и соответствовать целям, которые ставят перед собой революционеры. «Убедившись, что массовые народные выступления могут рассчитывать в настоящее время на успех в том случае, если они будут опираться на вооруженную силу, революционные партии решили сосредоточить в войсках революционную подготовительную работу, то есть к постепенному накоплению в войсках революционной энергии, при отсутствии каких-либо выступлений, с целью сбережения сил до наступления момента общих действий»¹¹⁰.

В справке к докладу Еремин приводит одну из статей в газете «За народ» № 52 за декабрь 1912 г., где был опубликован наказ «к товарищам матросам о том, чтобы они ввиду происшествий в Черноморском фло-

109. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Лл. 27, 31–43об.

110. Там же. Л. 32.

те не спешили бы с восстанием, но получше, попрочнее бы организовались... Организация для восстания заключается не в одной только пропаганде и сговоре. Необходимо, кроме того, обдумать план будущей военной кампании, узнать, где находится нужное оружие и амуниция, как ими овладеть, как овладеть судами; определить, как обеспечить себе продовольствие, топливо и все необходимое для успешных военных действий, как согласовать эти действия с действиями на суше; надо наметить своих будущих революционных начальников и, наконец, сообразить, как все это выполнить без шума, отчетливо, но твердо»¹¹¹. Центральный орган партии эсеров «Знамя труда» в № 48 за январь 1913 г. пишет в статье «Волнения в армии и наши задачи»: «Пропаганда и агитация среди солдат и матросов на почве непосредственных, особенно материальных, нужд должна вестись с большой осторожностью во избежание таких обострений, которые могли бы привести к активным выступлениям на этой почве»¹¹².

Такая тактика «является по внешним признакам менее всего заметной и потому опасной, и для борьбы с нею необходимо прежде всего противопоставить постоянный скрытый внутренний розыск, который мог бы уловить первоначальные попытки революционной пропаганды в части и способствовать пресечению ее в зародыше; подобный розыск может осуществляться лишь при наличии секретных агентов из той среды, которая намечена партией для своей пропаганды»¹¹³. Еремин подчеркивает, что мало наличия самой агентуры в войсках, необходимо определенное ее количество, качество, а также внимание военных властей к жандармским донесениям.

Пропаганда на Черноморском флоте «готова была перейти в открытое выступление благодаря только

111. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Л. 43.

112. Там же. Л. 43об.

113. Там же. Л. 33.

тому, что морское начальство не придавало серьезного значения поступавшим к нему от местной жандармской власти агентурным сведениям и не приняло своевременных мер к ее пресечению в самом начале»¹¹⁴. И действительно, командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. А. Эбергард не проявлял интереса к сведениям о наличии у него нескольких сотен неблагонадежных и распропагандированных матросов. В августе 1912 г. начальник Севастопольского жандармского управления полковник П. К. Попов докладывал в департамент о реакции Эбергарда на сообщения о пропаганде, подготовке мятежа, тайниках с оружием. Товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев писал: «Придавая этим сведениям особо серьезное значение, полковник Попов счел нужным лично доложить их вице-адмиралу Эбергарду, но и этот доклад, как и доклад, имевший место 28 мая, оставлен адмиралом без всякого внимания. При этом докладе вице-адмирал Эбергард лишь высказал полковнику Попову неудовлетворение за сообщенные им в Петербург какие-то сведения, в результате которых адмирал получил 2 письма от морского министра и заявил, что он будет жаловаться и протестовать»¹¹⁵.

Сущность наружного наблюдения сводилась к выяснению внешних контактов пропагандистов или подверженных пропаганде военнослужащих. Зачастую революционеры выходили на связь с воинскими ячейками посредством своих людей, находящихся поблизости от расположения частей — в лавках, кабаках, клубах, местах встреч и т. п. При этом Еремин подчеркивает, что наружное наблюдение бессильно без внутренней агентуры и является вспомогательным средством, так как вне воинских частей солдаты и унтер-офицеры сами превращаются в массу и сливаются с массой лиц. Поэтому нужно с помощью вну-

114. Там же. Л. 35.

115. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00–1912 д. 288. Лл. 224, 226об., 248.

тренней агентуры узнать, за кем следить, и уже наружным наблюдением выяснять внешние контакты этих лиц¹¹⁶. На следующем этапе работы к постоянным контактам распропагандированных чинов приставляются секретные сотрудники вспомогательного наблюдения, проникающие внутрь этих революционных сборищ на воле.

Выяснение же политической благонадежности новобранцев, порученное и без того загруженным работой жандармским управлениям, находилось на тот момент на очень низком уровне и, по сути, почти не проводилось. В записке начальник Особого отдела предлагает передать эту деятельность целиком на попечительство центрального аппарата заинтересованных в том ведомств — МВД, Военного и Морского министерств. Справки о прохождении по политическим делам можно было навести через местные ГЖУ, откуда был призван на военную службу новобранец, и через центральный каталог департамента полиции при условии своевременного предоставления военными списков новобранцев¹¹⁷.

Для описания работы агентуры на конкретном примере рассмотрим работу жандармского управления Балтийского морского района. Центр управления находился в Кронштадте, в район входили базы флота в Гельсингфорсе, порте Петра I (г. Ревель), порте Александра III (г. Либава), Кронштадте, Риге, Балтийском порте, Ганге, Котке, Транзунде и на рейде в Бьерке. Работе Кронштадтского жандармского управления морского района содействовали по долгу службы Финляндское ЖУ, Курляндское, Эстляндское и Лифляндское ГЖУ, Петербургское охранное отделение. Приведем воспоминания¹¹⁸ одного из крупнейших специалистов в этом вопросе, помощ-

116. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316—1913 г. Д. 210. Л. 350б.

117. Там же. Л. 350б—360б.

118. В тексте воспоминаний я расшифровываю многочисленные сокращения и аббревиатуры. — В. Х-Г.

ника начальника Кронштадтского ЖУ подполковника В. В. Владимиров: «Согласно указаниям жандармского управления в морском районе должна была быть сеть осведомителей на судах, в судовых и береговых командах флота, сухопутных частях и городах и портах Ревеля, Либаве и Гельсингфорсе. Сношения велись через унтер-офицеров, живших в портах Ревеля, Либаве и Гельсингфорсе, у коих были квартиры для свиданий. Унтер-офицеры жили по паспортам, выданным Санкт-Петербургским охранным отделением, под другими фамилиями. Сведения от сотрудников и осведомителей записывались унтер-офицерами и пересылались почтой в Кронштадт на имя заведующего агентурой или же обрабатывались лично заведующим агентурой при посещении названных пунктов. Указания осведомителям давались через тех же унтер-офицеров, чтобы они сообщали о всем как касающемся настроения команд в политическом отношении, так и всех случаях употреблений (злоупотреблений.— В. Х.-Г.), жестокого и грубого обращения со стороны комсостава, дурной пищи и слухов, циркулирующих в матросской и солдатской среде, а равно и о случаях военного шпионажа. Компенсация выдавалась ежемесячно, а за особые сведения и удачные ликвидации выдавались награды, денежные, конечно, в коридоре от 3 до 25 руб. Все суммы на содержание наружного наблюдения и секретной агентуры, а равно и командировки не превышали 800–900 руб. в месяц»¹¹⁹.

Наибольший интерес представляет численность секретной агентуры в армии. Итак, военная агентура состояла из: 1) секретной внутренней агентуры в воинских частях; 2) секретной агентуры вспомогательного состава, освещавшей армию извне и сохраненной по итогам реформы; 3) штатных филёров жандармских управлений, направлявшихся на работу по военному сыску, не затронутых реформой. Вспомогатель-

119. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 22–23

ная агентура была очень малочисленна по причине ее зависимости от донесений внутренней агентуры. Филёры направлялись на данную работу по необходимости. Сама работа концентрировалась во внутривойсковой агентуре. Сводных данных о ее численности не существует. Однако в деле о ликвидации агентуры в 1913 г. имеются отчеты начальников ряда жандармских управлений. При ГЖУ обычно имелось от 2 до 10, в среднем — 4 секретных сотрудника. Исключение составлял флот — на Балтийском флоте, согласно списку уволенной агентуры, было 49 тайных осведомителей и 9 вспомогательных агентов¹²⁰. Численность агентуры на Черноморском флоте точно неизвестна, однако, судя по количеству дел и донесений, сохранившихся в фонде департамента полиции, она сопоставима с балтийской. Мы можем примерно рассчитать количество секретных агентов внутри воинских частей на всю империю. Географически работа велась в 50 губернских и областных жандармских управлениях, в 14 городах (Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Харбине, Одессе, Оренбурге, Кронштадте, Севастополе, Томске, Чите, Николаеве, Гельсингфорсе, Екатеринославе, Екатеринодаре), более чем в 10 жандармско-полицейских управлениях железных дорог и 2 флотах¹²¹. Сведений о численности агентуры на Тихом океане не имеется, хотя достоверно известно, что она там функционировала. По расчетным данным эта цифра составляет примерно 380 секретных сотрудников. При этом агентурная сеть не была развернута в полном объеме, даже не доведена до планировавшихся департаментом полиции цифр. Так, по свидетельству Владимирова, на 4 жандармские управления Балтийского морского района должно было приходиться до 120 осведомителей. По мнению подполковника, такой вопиющий недокомплект имел место «отчасти по недостатку средств,

120. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316—1913 г. Д. 210. Л. 87.

121. Там же. Ф. 102. Оп. 00—1912. Сама опись.

а отчасти по недостатку желаниа со стороны заведующего агентурой»¹²².

Самая мощная агентурная сеть была на морском флоте, наиболее политизированной и революционизированной части вооруженных сил империи. В большинстве же ГЖУ количество агентов было столь невелико, что никак не могло разрушить вышеупомянутую «спайку» между офицерским составом и нижними чинами, даже если предположить, что таковая имела в реальности. Эти несколько агентов не могли, конечно, охватить все воинские части, расквартированные в губернии, и предоставить подробное описание пропагандистской работы в армии, но вполне могли дать общую картину революционизации и выявить некоторые ячейки, с которыми непосредственно соприкасались. Работа сыска в армии только налаживалась, шел активный поиск методов, расширение числа сотрудников, поэтому обвинения в том, что жандармы наводнили армию своей агентурой, пытаясь поставить ее под контроль политического сыска, противоречат фактическому положению дел.

Разгон секретной агентуры

Приход Джунковского в руководство политической полиции способствовал резкой перемене курса в направлении политического сыска в армии. Он пошел на уступки той части военных, которые хотели, чтобы жандармов там не было в помине. Вот как сам Джунковский описывает свое отношение к военной агентуре: «Когда я вступил в должность товарища министра, по всей России, с согласия военного министра Сухомлинова и большинства командующих войсками, существовала войсковая агентура под руководством офицеров корпуса жандармов, а иногда даже и ун-

122. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 22.

тер-офицеров. Секретные сотрудники выбирались из нижних чинов офицерами корпуса жандармов случайно или по рекомендации ротных командиров. Бывали случаи, что в части все было тихо и спокойно, настроение хорошее, между тем жандармскому офицеру очень хотелось делать карьеру, и для этого он начинал что-нибудь выдумывать, угрожать своему сотруднику, что лишит его содержания, если он не будет давать ему сведений... Другой офицер, не получая сведений, прибегал к другому способу — он давал сотруднику пучок прокламаций, чтоб тот раздал у себя в роте и затем сообщил бы фамилии тех нижних чинов, которые набросятся на эти прокламации, проявят к ним сочувствие, — другими словами, провокация в полном смысле слова, и в части, где было все спокойно, начинались волнения. Когда я столкнулся с этим ужасом, то решил немедленно упразднить всякую агентуру в войсках»¹²³.

При этом Владимир Федорович в своих показаниях ЧСК ВП искренне признается, что даже и не намеревался разбираться подробно в том, что такое секретная агентура в армии и с чем она борется: «Фактических данных у меня не было, я судил по рассказам»¹²⁴.

Эти слова Джунковского не выдерживают никакой критики. Во-первых, если говорить о провокации, то можно привести воспоминания жандармского подполковника Владимирова: «Если сотрудник начинал заниматься провокацией, то есть активно работать и затем втягивать сам других в нее, то его удаляли иногда с высылкой в другие районы и сообщали (в департамент полиции. — В. Х.-Г.). Однако многие поощряли таких и возводили это в целую систему»¹²⁵. Провокация в политическом сыске была строжайше запрещена циркуляром директора департамента полиции М. И. Трусевича и начальника особого отдела

123. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 179–180.

124. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 70.

125. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 24.

Е. К. Климовича от 18 января 1909 г.¹²⁶, и отдельные ее проявления (как генерал Комиссаров, по воспоминаниям его сослуживца ротмистра Н. А. Кравца, сделавший на провокации карьеру и за это поплатившийся¹²⁷) так и оставались отдельными проявлениями, которые могли плачевно сказаться на карьере офицера.

Во-вторых, тезис о случайном подборе агентов также не соответствует действительности — выше были описаны критерии выбора сотрудников, зафиксированные в циркулярах директора департамента полиции. Никакие ротные командиры не могли подбирать сотрудников для жандармов, и командиры подразделений только ставились в известность о том, кто является секретным агентом. Это было запрещено циркулярами и существовало в виде частной практики в отдельных воинских частях по требованию Сухомлинова. Единственное сношение с военным начальством по агентуре жандармы имели в случае возможных волнений и покушений на жизнь офицеров. Отмечает это и Джунковский: «Все чаще и чаще среди бумаг, представляемых мне на подпись, стали попадать заготовленные на имя командиров корпусов и командующих войсками конфиденциальные письма, в которых доводилось до их сведения о разных недовольствах, готовящихся беспорядках, тревожных настроениях в частях вверенных им корпусов или округов. Иногда в письмах этих описывались и такие случаи, как в какой-нибудь роте какого-нибудь полка нижние чины не ответили на приветствие командира или отказались от пищи, найдя ее недостаточно хорошо приготовленной, как они демонстративно покинули столовую и т. д. Производило впечатление, что я как будто собираю всякие сплетни и сообщаю их

126. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 173.

127. «Ника». Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 548–551.

высшему военному начальству. Такая роль была, конечно, не по мне, и я не подписывал подобных писем, возвращая их в департамент полиции с требованием объяснения»¹²⁸. Получается, что Джунковский неосознанно потакал росту недовольств и волнениям в армии.

Циркуляр об отмене военной агентуры был подписан 13 марта 1913 г. Однако провести его было крайне сложно. Вокруг осведомителей в армии разыгралась борьба, продлившаяся с начала марта до 10 апреля. Джунковский не мог не знать о личной нелюбви императора Николая II к агентуре и вообще к сыску в армии. По воспоминаниям Курлова, в 1909 г. «государь император воспретил секретную агентуру в войсковых частях, считая совершенно достаточным наблюдение со стороны подлежащего военного начальства»¹²⁹. Однако в жизнь приказ императора так и не был проведен из-за его необязательного характера и всеобщего понимания вредности такого запрета. Формальное основание снова возбудить вопрос о военной агентуре имелось. В первую очередь Джунковский вызвал к себе на устный доклад Белецкого, который сообщил об истории и направленности действий агентуры, отстаивая ее необходимость¹³⁰. По словам Джунковского, директор департамента полиции считал, что «без этого все у нас пропадет»¹³¹.

В начале марта Белецкий пишет письмо Сухомлинову. Проект письма был составлен еще 1 марта. Директор напоминает военному министру, что агентура существует с его согласия, и пытается привлечь его на сторону полиции, предлагая ограничить деятельность агентуры исключительно информированием и предупреждением военных¹³². В то же время, 13 мар-

128. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 178–179.

129. *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 154.

130. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 329.

131. Там же. Т. 5. Л., 1926. С. 70.

132. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Лл. 2, 20б.

та, после совещания с министром внутренних дел Маклаковым Джунковский подписывает циркуляр о запрете использования секретной агентуры в войсках. Однако циркуляр не был опубликован, то есть не получил юридической силы. Борьба только началась. Военная агентура существовала с письменного разрешения военного и морского министров, и без их согласия ликвидировать ее было невозможно. Сам Джунковский, рассказывая о реформе, позднее признавал: «Встретил я в этом направлении большой отпор, так как многие из военных лиц с этим не соглашались, — находили, что только при такой агентуре и можно еще следить, чтобы в войска не проникла пропаганда»¹³³.

Джунковский сразу понял, что идея разгона агентуры не получит у военного министра поддержки, зато может получить одобрение у его противников, имевших основания опасаться перехода в руки Сухомлинова информации по политической сущности неформальных контактов военных с парламентской оппозицией. Владимир Федорович сделал ставку на великого князя Николая Николаевича-младшего, с которым Сухомлинов уже несколько лет находился в конфликте¹³⁴. В связи с тем, что по правилам субординации Джунковский должен был изначально посетить для консультаций по данному вопросу военного министра, он совершил визит вежливости и обрисовал план реформы. Владимир Александрович понял, что вопрос уже решен, но при этом занял выжидательную позицию: своего согласия он не дал, но и не отказал. Джунковский в мемуарах пишет, что именно Сухомлинов рекомендовал ему обратиться к Николаю Николаевичу, подчеркнув, что согласен на любое коллективное решение этого вопроса¹³⁵. Однако это маловероятно. Зная, что вскоре у него со-

133. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 70.

134. Сухомлинов В. А. Указ. соч. С. 251–252.

135. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 180.

стоялась еще и встреча с Григоровичем, скорее всего, Сухомлинов передал разрешение агентурного вопроса на совещание. Именно испугавшись совещания, которое могло провалить решение вопроса, Джунковский направился к Николаю Николаевичу.

Изложив свой взгляд на агентуру и предполагаемые мероприятия, Джунковский получил полное одобрение всех своих предложений. Великий князь также добавил: «Я вам верю безусловно и не сомневаюсь, что вы все сделаете с вашей стороны, чтобы помочь нам сохранить войска от преступной пропаганды... Не стесняйтесь никогда, если у вас до меня дело, помните это, звоните мне в телефон, а если надо, приезжайте ко мне в любое время; если вам скажут, что я сплю и меня нельзя будить, идите сами в спальню и тащите меня прямо с кровати. Для дела я всегда на службе — день и ночь»¹³⁶. Кроме обыкновенной для великого князя патетики, эти слова содержат важный посыл — он откровенно предлагает Джунковскому свою сторону, показывая, насколько важно для него благоприятное расположение главы политического сыска империи. Интересно, что протеже и друг Владимира Федоровича, начальник штаба ОКЖ Никольский, в годы Первой мировой, а потом и Гражданской войны также относился к кругу сторонников великого князя Николая Николаевича, о чем свидетельствует в своих мемуарах протопресвитер Русской армии и флота Георгий Шавельский¹³⁷.

Целью встречи была не только личная поддержка Николаем Николаевичем преобразований в сыске. Великий князь, вероятно, должен был подготовить будущих участников совещания от армии к принятию благоприятного для Джунковского решения.

Вскоре собралось упомянутое совещание. На нем присутствовали: от МВД — Маклаков, Джунковский

136. Там же. С. 181.

137. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 315–316.

и Белецкий, от Морского министерства — адмирал Нилов, начальник Главного морского штаба вице-адмирал Князев, вышеупомянутый Зилоти и некоторые представители военного ведомства. На заседание не явился генерал М. А. Беляев¹³⁸. Первым держал речь Джунковский, который «высказался в том смысле, что в нашей армии, благодаря издавна сложившимся и традиционно поддерживаемым тесным взаимоотношениям между нижними чинами и офицерским составом, преемственно создавалась прочная товарищеская спайка, с точки зрения коей, и в особенности военной этики, введение в военных частях агентуры представляется совершенно недопустимым»¹³⁹. Он предлагал оставить наблюдение лишь за внешними контактами нижних чинов, полностью распустив внутреннюю агентуру в частях. Далее выступил Белецкий. В своей речи он опирался на документы революционного движения и данные оперативной практики сыска. Кроме волнений среди нижних чинов двумя основными аргументами Степана Петровича был опыт революций в Португалии, Турции и Иране, в которых решающую роль сыграла армия. Директор департамента полиции также указывал на «возможность самозарождения в воинской среде революционных организаций на почве объединения неблагонадежных элементов, периодически вливающихся в армию при каждом наборе новобранцев»¹⁴⁰.

Большинство участников совещания приняли сторону руководства МВД, что было вполне ожидаемо, раз Джунковский и председатель совещания Маклаков сами желали ликвидировать собственную агентуру. На совещании присутствовали также лица, заинтересованные в ее ликвидации, как, например, Зилоти. Нельзя не отметить пикантную подробность: реше-

138. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 329.

139. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Л. 185об.

140. Там же. Л. 187.

ние было принято заранее, и совещание лишь утверждало его.

10 апреля 1913 г. циркуляр от 13 марта был издан и вступил в законную силу. Он был разослан не только в жандармские управления и охранные отделения, но и командующим военными округами, начальникам отдельных частей, крепостей, руководству армии и флота. Согласно сохранившимся в ГА РФ отчетам жандармских офицеров, внутренняя военная агентура была распущена в течение двух недель — с 12 по 24 апреля 1913 г.¹⁴¹

Теперь перейдем к содержанию самого циркуляра № 11346, вышедшего на имя начальников ГЖУ, охранных отделений и всех офицеров корпуса жандармов, ведающих розыском. В нем отражена особенность всех циркуляров Джунковского — первая половина документа составлена крайне абстрактно и мало связана с теми выводами и указаниями, которые делаются в конце. Так, в нем написано: «Чином корпуса жандармов, стражам государственного порядка и борцам с его врагами, надлежит особо зорко следить за проявлениями указанной преступной деятельности и рука об руку с войсковым начальством принимать все дозволенные законом меры к ее прекращению в самом зачатке»¹⁴². Джунковский отмечает необходимость быть корректными и осторожными в методах, не вмешиваться во внутреннюю жизнь части, обо всем докладывать ее офицерам.

В предпоследнем абзаце товарищ министра пишет: «Предостерегаю чинов Корпуса от привлечения нижних воинских чинов к сотрудничеству, так как признаю такую меру противною самим основам воинской дисциплины, а потому ничем не оправдываемой и впрямь недопустимой»¹⁴³.

141. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Л. 75–82об.

142. Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 331. Л. 35.

143. Там же. Лл. 35–35об.

Даже после опубликования циркуляра Белецкий продолжил борьбу. 10 апреля он приказал выработать и представить проект циркуляра, который бы разъяснил офицерам жандармерии, как вести розыск в армии в условиях отсутствия внутренней агентуры. 25 апреля, после окончательного отпуска всех агентов, он повторил свое требование¹⁴⁴. Составленный чинами департамента полиции документ отражал видение руководством сыска новых принципов работы. В первую очередь жандармские офицеры, ведущие розыск, должны были набирать секретную агентуру из частных штатских лиц, находящихся в постоянном соприкосновении с военными, — прежде всего из уволенных в запас нижних чинов, как близко стоящих к воинской среде¹⁴⁵. Также повторялись требования повышенной секретности и давались подробные указания по взаимодействию с непосредственным руководством военных частей, так как забота о безопасности в армии ложилась теперь исключительно на его плечи. Однако Джунковский циркуляр не подписал. Вместо этого он издал циркуляр, содержащий абсолютно бессмысленные и дилетантские указания по политическому розыску в войсках, сводившиеся к патетическим, но пустым требованиям дисциплины и усидчивости.

Фактически сыск в армии был ликвидирован одним росчерком пера. Причем речь шла не только о сухопутной армии, но и о военно-морском флоте. Ошибочность данного преобразования признается почти всеми сотрудниками сыска. Генерал Спиридович считал это преобразование наибольшей виной Джунковского перед сыском и страной в целом: «Правительство не знает, что делают революционеры в войсках, а работа у них идет, особенно на флоте»¹⁴⁶. Жандарм-

144. Там же. Оп. 316–1913 г. Д. 210. Лл. 67–68.

145. Там же. Лл. 72–74.

146. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 344.

ский полковник И. П. Васильев сетовал, что из-за отмены агентуры в войсках розыск захирел вплоть до 1915 г. и общественного подъема в стране¹⁴⁷.

Недоработки реформы дали знать о себе сразу. Не было прописано, что делать с бывшей военной агентурой после прекращения ее службы в армии. Так, например, 23 апреля 1913 г. начальник Полтавского ГЖУ В. Э. Зейдлиц запрашивает департамент полиции, можно ли ему оставить военного агента по кличке «Израилев» на денежной дотации, так как тот является членом партии эсеров и в сентябре уже демобилизуется из армии. Зейдлиц считал «Израилева» очень важным агентом при дальнейшей работе с партией эсеров. Несмотря на согласие департамента с начальником ГЖУ, 10 мая Джунковский требует немедленно уволить секретного сотрудника и на будущее прекратить с ним любые отношения, заплатив ему однократную компенсацию — деньги по сентябрь включительно¹⁴⁸. Таких переписок сохранилось довольно много. Особенно сопротивлялось жандармское руководство на Балтийском море — начальник Кронштадтского ЖУ полковник В. В. Тржецяк и его заместитель подполковник В. В. Владимиров. В своем письме на имя Белецкого Тржецяк прямо указывал на несостоятельность реформы, полную неясность, как теперь ограждать флот и армию от волнений¹⁴⁹.

Практически одновременно с отменой военной агентуры Джунковский распорядился полностью снять полицейское наблюдение за Гучковым, его ближайшими товарищами и подобными ему лицами¹⁵⁰.

147. *Щеголев П. Е.* Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004. С. 170.

148. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316—1913 г. Д. 210. Лл. 80, 98.

149. Там же. Лл. 82—85об.

150. *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М.: Воениздат, 1995. С. 184—185; *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 344.

Разгон военной агентуры и снятие наблюдения с близких к военным кругам политиков дали возможность не только революционерам создавать автономные военные ячейки в армии и на флоте, но и оппозиции спокойно продолжить работу в среде высшего офицерства императорской армии.

Следующие агентурные преобразования Владимира Федоровича были не менее громкими, хотя и не имели столь очевидных негативных последствий для политического сыска и режима в целом. Вскоре после ликвидации агентуры в войсках была распущена секретная агентура в средних учебных заведениях. Поводом стало дело петербургской Учредительной группы Революционного союза, разгоревшееся в декабре 1912 г. и продолжавшееся в 1913 г. В деятельности Союза было замечено немало студентов и гимназистов, в том числе и из Витмеровской гимназии. Доклад со списками агентуры был представлен Джунковскому. В своих воспоминаниях он пишет, что был возмущен привлечением к секретному сотрудничеству учеников гимназии и потребовал прекратить данную практику. Несмотря на все пояснения Белецкого, что эта агентура нужна, эффективна и является совершенно нормальной практикой¹⁵¹, 1 мая 1913 г. командир корпуса подписал совершенно секретный циркуляр № 11603 «О постановке агентурной работы в среде учащейся молодежи»¹⁵². Джунковский пишет: «Благодаря надзору за их поведением со стороны ближайшего учебного начальства, жительства большинства из них в своих семьях и благотворного влияния последних, воспитанники средних учебных заведений не могут представлять свободного в своих действиях элемента и подходящую почву для прочного развития преступной пропаганды и серьезных активных выступлений, а также для вредного влияния их на массу... Сообщая об изложенном для руководства при постановке агентурного

151. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 178.

152. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 391. Лл. 28–29.

освещения настроения учащейся молодежи, предлагая вместе с тем исключить немедленно из состава секретной агентуры воспитанников всех вообще средних учебных заведений и помнить, что иметь сотрудников из означенных учебных заведений я не допускаю»¹⁵³.

Таким образом, Джунковский отрицал роль гимназистов и гимназисток в революционных событиях на основании исключительно собственных умозаключений, не опираясь на оперативную практику. Гимназист не мог быть изолирован от общества, а именно юные неокрепшие умы были идеальной почвой для пропаганды любых радикальных политических теорий.

Агентурные преобразования продолжались в течение всего 1913 г. и в начале 1914 г. Самым громким делом было увольнение Романа Малиновского — главы фракции социал-демократов в Государственной думе, члена ЦК РСДРП в 1912–1914 гг. и одновременно секретного агента департамента полиции. Малиновский был сотрудником Белецкого и Виссарионова, поэтому с их отставкой лишился опоры в полиции. Генерал Джунковский, заигрывавший, как известно, с думской оппозицией, рассказал в личном разговоре ее председателю М. В. Родзянко о работе Малиновского на департамент полиции и пообещал немедленно исправить эту ситуацию, то есть уволить Романа Вацлавовича¹⁵⁴. Спиридович назвал это увольнение одним из самых важных преобразований Джунковского¹⁵⁵.

Действительно, по итогам работы Малиновского политический сыск полностью контролировал работу фракции РСДРП, был подробно информирован о деятельности социал-демократов в Центральном промышленном районе. На основе донесений Мали-

153. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 299–300.

154. «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 316.

155. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 345.

новского были арестованы многие видные деятели социал-демократии, как большевики, так и меньшевики. С 5 июля 1910 г. по 19 октября 1913 г. было составлено 88 агентурных записок, опиравшихся на данные, предоставленные Малиновским¹⁵⁶. После конфиденциальных переговоров через жандармских полковников Попова и Мартынова ему было предложено подать в отставку с поста лидера фракции РСДРП и отказать от депутатского мандата. 8 мая 1914 г. он подал соответствующее заявление на имя председателя Думы Родзянко¹⁵⁷. С санкции Джунковского Малиновскому была выплачена ничтожная денежная компенсация¹⁵⁸, составлявшая около 6000 руб. Увольнение лучшего секретного сотрудника полиции в Думе не было мотивировано никакими доводами, кроме общих рассуждений морально-этического характера. Общественность ничего не знала о роли Малиновского вплоть до его публичного разоблачения в 1917 г., зато Родзянко и проинформированные через него избранные думские деятели получили, таким образом, знак расположения Джунковского к народному представительству и демонстрацию политики невмешательства сыска в работу оппозиционных политических сил.

Реформа полиции и структурные преобразования

Начиная с 1850-х гг. обсуждался вопрос о централизации и унификации полиции. Однако решение его постоянно откладывалось вплоть до 1904 г., когда было сформировано Особое совещание по пересмотру «установленных для охраны государствен-

156. Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 11.

157. Там же. С. 18–19.

158. «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 318–320.

ного порядка особых законоположений»¹⁵⁹. В 1905 г. в рамках работы совещания за рубеж для изучения европейского опыта был командирован профессор права Санкт-Петербургского университета В. Ф. Дерюжинский¹⁶⁰, крупнейший отечественный юрист и специалист по административному и полицейскому праву, автор многих работ, учебников и курсов лекций¹⁶¹. Исследование Дерюжинского легло в основу большинства проектов реформы полиции, в том числе и окончательного, внесенного в Думу в 1913 г. Чуть ранее, в 1903 г., изучением иностранного опыта занимался В. Э. Фриш. 23 апреля 1906 г. в связи с революционными событиями совещание было закрыто, но через полгода была сформирована межведомственная комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Макарова. В состав комиссии позднее был включен и командир корпуса жандармов Курлов. С 1908 г. в рамках макаровской комиссии работала подкомиссия директора департамента полиции Трусевича, занимавшаяся непосредственным анализом российского законодательства, подзаконных актов, оперативной практики и иностранного опыта.

Инициатором и вдохновителем работ комиссии Макарова — Трусевича по реформе полиции был сам Петр Столыпин¹⁶². Премьер определил основные на-

159. *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 352.

160. Записка профессора В. Ф. Дерюжинского, командированного за границу для изучения некоторых вопросов по охране в западноевропейских государствах порядка и спокойствия. СПб., 1905.

161. *Дерюжинский В. Ф.* Лекции по полицейскому праву. СПб., 1899; *Он же.* Habeas corpus — акт и его приостановка по английскому праву. Очерк основных гарантий личной свободы в Англии и их врем. ограничения. Юрьев, 1895; *Он же.* Международная борьба с торговлею женщинами. СПб., 1902; *Он же.* Полицейское право: пособие для студентов. СПб., 1903, 1908, 1917; *Он же.* Новые явления в развитии английской демократии. СПб., 1906 и проч.

162. *Курлов П. Г.* Указ. соч. С. 137.

правления ее деятельности: 1) освобождение полиции от исполнения непрофильных обязанностей, 2) увеличение штатов полиции, улучшение материального положения, поднятие образовательного ценза и полный вывод из-под влияния местных властей, 3) объединение полиции и жандармерии как в центре, так и на местах, 4) согласование действий офицеров ОКЖ по производству дознаний о политических преступлениях с работой судебного ведомства¹⁶³.

В разные годы в этих комиссиях и параллельно им было разработано несколько проектов реформы: проект члена совета МВД Фриша, проект командира корпуса жандармов Таубе, проект подкомиссии Трусевица и, наконец, итоговый проект комиссии Макарова. Рассмотрим их вкратце.

Проект Фриша предполагал централизацию всех видов полиции в рамках единой военизированной структуры — Корпуса государственной стражи (КГС). Исключение составляли дворцовая полиция (она должна была подчиняться Министерству императорского двора), а также пограничная, таможенная и корчемная (в подчинении Министерства финансов). По проекту, в КГС должны были войти Отдельный корпус жандармов, общая наружная полиция, уездная полицейская стража, сыскная полиция, охранные отделения, портовая и речная полиция и земская стража¹⁶⁴. Опираясь на европейский опыт, Фриш рекомендовал по строевым и дисциплинарным вопросам подчинить КГС военному министру. По хозяйственной части, служебным обязанностям и охранению порядка и безопасности населения чины государственной стражи на местах подчинялись бы губернаторам или их помощникам по наружной (полицейской) части, а на общеимперском уровне через командира КГС — самому министру внутренних дел. Вся политическая часть, агентура и канцелярия должны были

163. Там же. С. 138.

164. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262 д. 74. Лл. 5–6.

сосредоточиться в руках названного помощника губернатора (или градоначальника в городах). Кадровый резерв для стражи должна была предоставлять армия: корпус пополнялся бы лицами действительной службы, окончившими курс новобранцев. При поступлении на службу подписывался своеобразный контракт — обещание прослужить в КГС не менее 5 лет.

Касательно внутреннего устройства и дислокации корпуса Фриш писал: «Корпус государственной стражи, состоящий из пехотных и кавалерийских частей, представлялось бы правильным разбить на бригады, по одной на каждую губернию, бригады — на отделения, по одному на каждый уезд. Как бригады, так и отделения должны состоять из конных и пеших стражников. В случае надобности пешие и конные отделения могут быть разбиты для расквартирования на отряды, но с тем, чтобы во всяком отряде было не менее десяти стражников с офицером или вахмистром (фельдфебелем) во главе». Квота распределения чинов стражи вводилась следующая: 1 стражник на 500 городских жителей или на 1000 уездных (сельских)¹⁶⁵. На каждые 50 стражников должно было приходиться по 1 офицеру. Руководящие функции станových полицейских приставов значительно расширялись и переходили к комиссарам и их агентам. В городе на каждый участок приходилось по 2 комиссара и 6 агентов. Таким образом, в губернском городе с населением 50 тыс. человек было бы 6 комиссаров и 18 агентов.

Фриш предложил две схемы организации КГС: первую — для всех губерний и вторую — для отдельно взятых крупных городов, таких как Санкт-Петербург, Москва, Варшава, Одесса и т. п. В губернии у каждого уездного начальника или градоначальника в подчинении находились помощник, руководивший работой комиссаров и их агентов, и командир стражи, управлявший офицерами, унтер-офицерами и рядовыми КГС. В крупных же городах губернатор имел в под-

165. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262 д. 74. Л. 60б., 9.

чинении, кроме прочих чинов, главного комиссара и помощника по наружной части. Главный комиссар руководил сыском посредством начальников уголовной и политической части и подчиненных им помощников, комиссаров и агентов. Помощник губернатора по наружной части являлся также начальником государственной стражи в городе и руководил всеми внутренними войсками — бригадой стражи, участковым управлением, пешим и конным отделениями КГС.

Таким образом, законопроект предусматривал наличие отдельных от розыскных органов внутренних войск. Фактически ликвидированные в 1864 г. внутренние войска (Отдельный корпус внутренней стражи) теперь возрождались в виде бригад государственной стражи. Органы же политического сыска освобождались от невыполнимой для них задачи подавления массовых народных выступлений. Реформа радикально увеличивала финансирование и кадровый состав чинов полиции. Однако именно ее радикализм, затрагивавший интересы всех ведомств, по мнению З. И. Перегудовой, привел к тому, что проект был быстро отклонен¹⁶⁶.

Одновременно с проектом Фриша выдвинул свои предложения по реформе член комиссии Макарова, командир ОКЖ генерал-майор барон Таубе. В отличие от проекта Фриша он не был проанализирован в историографии. Таубе предложил три варианта реформы полиции и жандармерии как ее составной части. Первый вариант предполагал вливание жандармерии в состав общей полиции и ее демилитаризацию с подчинением местным гражданским властям в лице губернаторов и градоначальников. Основными недостатками этого проекта являлись: 1) опасность потери кадровых жандармов-розыскников и ослабление политической полиции, 2) переход власти на местах в руки губернаторов и потеря полицией автономии, то есть имперское правительство видело бы карти-

166. Перегудова З. И. Указ. соч. С. 354.

ну страны только глазами всесильных губернаторов. Последние отнюдь не были заинтересованы в «вынесении сора из избы».

Второй вариант предполагал сохранение существовавших ведомств с их координацией и частичным слиянием. Вместо районных охранных отделений Таубе предлагал воссоздать жандармские округа. Начальник жандармского округа руководил бы одновременно и охранными отделениями, и жандармскими управлениями, что снимало бы остроту антагонизма между ведомствами и приводило бы к их медленному слиянию. В имперском центре руководство департаментом полиции и корпусом жандармов Таубе предлагал соединить в руках одного человека. При этом он подверг жесткой критике все предложения распустить жандармерию: «Мнение о том, что специальная служба корпуса жандармов составляет аномалию, от которой давно уже отrekliсь в Западной Европе, полагаю ошибочным и теоретичным. Надо сначала создать другую общую полицию, а потом уже думать об уничтожении корпуса жандармов»¹⁶⁷.

Третий проект предполагал не только сохранить, но даже углубить разделение полномочий между жандармским и полицейским руководством в центре, четко разграничив полномочия. Руководство ОКЖ не вмешивается в дело политического розыска, а департамент полиции не вникает в вопросы личного состава корпуса и не имеет права предоставлять доклады по ним министру внутренних дел без ведома командира корпуса. На местах создаются жандармские округа. Центральные охранные отделения находятся в подчинении руководителей округов и возглавляются жандармскими офицерами по выбору департамента полиции и с согласия штаба корпуса. Имеющиеся ГЖУ также подчиняются жандармским округам, а местные охранные отделения — начальникам ГЖУ. «Никаких непосредственных сношений охранных от-

167. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 17а Л. 80б.

делений и районных охранных отделений, помимо начальников губернских управлений и округов, между собою или с департаментом полиции не допускается. Начальники управлений и округов всецело ответственны за работу состоящих при них охранных отделений»¹⁶⁸.

Представляется важным сопоставить проекты Таубе и Фриша. При многочисленных различиях они сходятся в следующем: 1) вся полиция в империи должна быть по возможности объединена в единую структуру, 2) должны быть урегулированы отношения между полицией и губернаторами, но при этом сохранена высокая степень автономности офицеров полиции от местных властей, 3) органы внутренних дел должны носить военизированный характер со строгим соблюдением военной дисциплины и субординации, 4) кадровый офицерский состав жандармерии практически незаменим на данный момент, поэтому он должен быть влит в состав реформированной полиции или в виде корпуса жандармов, или, в случае ликвидации, отдельные жандармские офицеры персонально.

Самый успешный проект реформ включал предложения, разработанные подкомиссией М. И. Трусевича. Они были детально продуманы и легли в основу будущего законопроекта о реформе полиции, рассмотренного и утвержденного на заседаниях Совета министров 12 июля 1911 г. и 31 января 1912 г.¹⁶⁹ Несмотря на то что проект Трусевича в общих чертах был освещен в монографии Перегудовой, хотелось бы конкретизировать некоторые его положения, в том числе о роли и месте корпуса жандармов в полицейской системе. Без него невозможно понять суть внесенных Джунковским изменений в данный проект.

Согласно предложениям подкомиссии Трусевича, вся полицейская власть концентрировалась в им-

168. Там же. Л. 9–10.

169. *Перегудова З. И. Указ. соч. С. 360.*

перии в руках товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, являющегося одновременно и командиром корпуса жандармов, при котором функционируют штаб ОКЖ и департамент полиции. Различным видам жандармерии вменялось в обязанность заниматься практически всеми разновидностями полиции: наружной, административной, судебной, розыскной и сыскной, но только в рамках своей сферы деятельности и в согласии с иными полицейскими органами. Министру внутренних дел предоставлялась возможность разрешать соединение указанных выше видов полиции в тех местностях, где описанное разделение полиции по видам не могло быть осуществлено за недостатком личного состава¹⁷⁰. Все офицеры и чины ОКЖ по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям подчинялись непосредственно командиру корпуса, а не губернатору. Местные власти руководили лишь полицейскими действиями жандармов, не имея возможности их уволить, сократить им жалованье или отдать под суд. Более того, проект предполагал поднятие классов должностей чинов полиции, чтобы еще больше освободить их от зависимости от местной власти.

Принципиальным положением было упразднение ГЖУ и создание вместо них особых канцелярий при губернаторах и градоначальниках, возглавлявшихся помощником губернатора по полицейской части. Последний назначался из штаб-офицеров корпуса жандармов. Помощник по полицейской части непосредственно руководил всей полицией в губернии или городе. Ему подчинялись канцелярия, военное управление, офицеры корпуса жандармов и чиновники для особых поручений¹⁷¹. Основная работа политического сыска теперь возлагалась на охранные отделения, укомплектованные лучшими жандармскими офицерами-розыскниками.

170. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 33. Л. 10.

171. Там же. Лл. 4–5.

Отдельно прописывались непосредственные функции жандармерии: производство розыска в видах обнаружения, предупреждения и преследования государственных преступлений, исследование политической благонадежности отдельных лиц, соби́рание сведений о порочных лицах по приказу губернских властей, ведение дознания и следственных действий согласно Уставу уголовного судопроизводства, исполнение полицейских обязанностей в пределах полосы железнодорожного отчуждения и в крепостях, исполнение отдельных поручений канцелярии императора по принятию прошений на высочайшее имя¹⁷². Местную разрозненную полицейскую стражу предполагалось заменить сетью жандармских эскадронов во всех губерниях и крупных городах империи. Эскадроны должны были подчиняться губернатору и его помощнику по полицейской части¹⁷³.

Поддержку законопроекту Трусевича оказывал заведующий особым отделом департамента полиции, бывший начальник Московского охранного отделения жандармский полковник Е. К. Климович¹⁷⁴. Его отношение к реформе представлялось очень важным, так как именно Климовичу пришлось возглавить полицию империи в 1916 г., и под его руководством был предпринят ряд решительных мер по противодействию надвигавшейся революции и укреплению полиции. Именно он настаивал на сохранении и усилении системы охранных отделений, которые вместе с канцеляриями при помощниках губернаторов заменяли бы ГЖУ, неспособные, по его мнению, из-за сво-

172. Там же. Лл. 29–30.

173. Там же. Лл. 30–31.

174. *Сучков Е. Н.* Государственное управление политическим розыском Российской империи: проекты реформы на заседаниях подкомиссии М. И. Трусевича // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2008. № 2. С. 103.

ей малочисленности вести политический сыск в рамках целой губернии¹⁷⁵.

По замечанию Перегудовой, ряд положений законопроекта были сырыми и в целом, «несмотря на огромное количество конкретных предложений и мер, призванных повысить эффективность полиции, проектом практически не обеспечивалось главное — единство полиции»¹⁷⁶. Однако хотелось бы возразить и добавить, что именно проект Трусевиича — Макарова создавал реальную независимость полицейских органов от местных властей и давал возможность центральному руководству МВД следить за действиями власти на местах. Вся полиция в империи ставилась под контроль военизированного корпуса жандармов. Таким образом, устанавливался бы жесткий центральный контроль над внутренними делами в стране.

После назначения министром внутренних дел Маклакова проект был немедленно возвращен из Государственной думы, так и не успевшей принять его к рассмотрению. Основной изъян реформы Джунковский видел в жандармском вопросе. В своих воспоминаниях он пишет: жандарм, помощник губернатора по полицейской части «по делам розыска оставался подчиненным директору департамента полиции, а по строевой части — командиру Отдельного корпуса жандармов, и только по делам наружной полиции он являлся всецело подчиненным губернатору... Губернаторы протестовали и находили, что это не реформа и что такого помощника им не надо, что это только усложнит работу губернатора»¹⁷⁷. Маклаков и Джунковский, оба бывшие губернаторы, не только разделяли точку зрения недовольных, но и решили заручиться поддержкой губернаторов. Для этого законопроект был спешно отозван, и 8 февраля 1913 г. открылись заседания Особого совещания по обсуждению проек-

175. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 17а Л. 35.

176. Перегудова З. И. Указ. соч. С. 364.

177. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 135–136.

та реформы полицейских учреждений. Обсуждение продолжалось по 14 февраля, однако в нашем распоряжении имеются лишь протоколы заседаний за 8, 9, 10 и 11 февраля, а также окончательный текст законопроекта в редакции 1913 г.

В состав членов особого совещания вошли 11 губернаторов (астраханский И. Н. Соколовский, лифляндский Н. А. Звегинцев, санкт-петербургский граф А. В. Адлерберг, тверской Н. Г. фон Бюнтинг, курляндский С. Д. Набоков, московский граф Н. Л. Муравьев, харьковский М. К. Катеринич, курский Н. П. Муратов, седлецкий А. Н. Волжин, киевский Н. И. Суковкин, рязанский князь А. Н. Оболенский), екатеринославский предводитель дворянства князь Н. П. Урусов, министр Н. А. Маклаков, товарищи министра В. Ф. Джунковский и И. М. Золотарев, член совета министерства В. Э. Фриш, начальник главного управления по делам печати граф С. С. Татищев, а от департамента полиции — директор С. П. Белецкий и вице-директор К. Д. Кафафов. Последний был членом-докладчиком.

Первое заседание совещания открыл Маклаков: «Я полагаю, что первый день введения должности помощника губернатора по полицейской части обратит власть губернатора в одну бутафорию. От нее ничего не останется, губернатор будет сведен на нет. Полицейские чины перестанут быть его ушами и глазами, тем барометром, которым он определяет в разных местах губернии общественные настроения. Утверждение в должности помощника губернатора свелось бы к тому, что за губернатором осталось бы одно представительство, а за помощником — его власть. С этой постановкой дела я согласиться не могу, и В. Ф. Джунковский присоединяется к моему мнению.

Если мы согласимся с уничтожением этой должности, то это ведет к отмене всех канцелярий. Совершенно достаточно завести в губернском правлении только одно новое делопроизводство, в котором были бы сосредоточены дела личного состава полицейских сил. Это упростило бы дело и с экономиче-

ской точки зрения. Затем гегемония вернулась бы к губернатору. Подчинение чинов жандармского корпуса губернатору вполне возможно, если сделать оговорку, что они подчиняются в деле политическом. Необходимо установить, чтобы чины корпуса жандармов сносились с Петербургом не иначе, как через губернатора. Еще, казалось бы, можно ввести нововведение: аттестационные списки подчиненных начальник губернского жандармскому управлению офицеров должны быть направляемы в С.-Петербург через губернатора, который присоединяет к ним свою аттестацию деятельности начальника жандармского управления. Моя цель — поставить губернаторскую власть так, чтобы все видели, знали и чувствовали в ней носительницу верховной власти, с которой население бы считалось»¹⁷⁸.

Далее к наступлению на жандармерию перешли губернаторы; особенно много говорили Муратов, Набоков и Звегинцев. Они требовали для большей подконтрольности начальников жандармских управлений отменить повышение классов чинов полиции и жандармерии на местах¹⁷⁹. Основным идеологом переделки проекта Трусевича — Макарова был именно Джунковский; после первого же заседания Маклаков передал ему председательство в особом совещании¹⁸⁰. 14 февраля была утверждена новая редакция законопроекта о реформе полиции, включая все нововведения. Таким образом, за 6 дней заседаний, с 8 по 14 февраля, совещание под руководством Джунковского в корне пересмотрело и переделало проект реформы, разрабатывавшийся в течение многих лет. Вскоре изменения были одобрены императором Николаем II и 23 марта 1913 г. отправлены на рассмотрение в Совет министров¹⁸¹.

178. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262 д. 71. Лл. 23–24.

179. *Каффов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 85.

180. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 136.

181. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 72. Л. 1–10б.

В особом журнале Совмина от 30 мая 1913 г. подробно описывается разница между макаровским и маклаковским законопроектами. Жандармские управления сохранялись, должность помощника губернатора ликвидировалась. «Согласно измененному проекту, губернатор ставится в положение главного начальника губернской и уездной полиции во всех ее видах, не исключая и жандармской, чины которой подчиняются ему как в пределах их чисто полицейской деятельности, так и в области политического розыска... Губернатору присваиваются полномочия по наложению дисциплинарных взысканий, в том числе ареста до семи дней, на чинов полиции, состоящих в VI классе»¹⁸². Одобрялось также правило направления всех отчетов и аттестаций чинов жандармских управлений руководству МВД только через посредничество губернаторов¹⁸³.

Необходимо подчеркнуть, что предполагавшиеся нововведения совершенно изменили бы систему управления не только полицией, но и страной в целом. По сути, власть на местах стала бы совершенно неподконтрольной центральной — каждый губернатор или градоначальник получал почти неограниченные полномочия по управлению своим регионом. Начальник жандармского управления уже не мог написать доклад с критикой деятельности того или иного губернатора, так как все бумаги проходили через самого главу региона. Судить о порядке в регионе, о коррупции, антиправительственных настроениях, степени эффективности работы местной власти имперское правительство могло только со слов губернских властей, совершенно не заинтересованных в самокритике и отражении истинного положения дел. К тому же серьезно нарушались бы работа политической полиции, руководство которой поруча-

182. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1913 год. М., 2005. С. 261.

183. Там же. С. 263

лось местной власти — людям, совершенно не сведущим и не подготовленным к этой деятельности. Зато глава губернии или города получал в свои руки огромной силы рычаг в виде наделенных массой полномочий органов жандармерии. Фактически Джунковский, действуя в угоду губернаторам и заручаясь их поддержкой, невольно делал первый шаг в сторону ослабления связи центра с регионами.

Реформа полиции по Джунковскому состояла не только в данном законопроекте, переданном 1 сентября 1913 г. на рассмотрение в Государственную думу, предполагалась целая серия преобразований в сыске, которые товарищ министра мог провести без согласия законодательных учреждений. Еще до открытия заседаний думской комиссии в ноябре 1913 г. Владимир Федорович начал структурные реформы. 9 апреля он поручил Белецкому разработать план ликвидации не зафиксированных законодательно охранных отделений.

Дело в том, что только три охранных отделения — Санкт-Петербургское, Московское и Варшавское — были прописаны в Полном собрании законов, остальные же существовали на основании подзаконных актов и были созданы в течение 1903–1907 гг. Отлично проявив себя в годы Первой русской революции, охранные отделения вскоре стали центром конфликта между департаментом полиции и корпусом жандармов. Ярким примером этого противостояния было столкновение руководителя Саратовского ГЖУ полковника князя А. П. Микеладзе и начальника Саратовского охранного отделения ротмистра Мартынова, закончившееся переводом князя в Среднюю Азию¹⁸⁴.

Жандармский офицер Д. Мартов писал Джунковскому: «Весь корпус жандармов трепетал перед департаментом, перед всемогущим Виссарионовым — этим провокатором и воспитателем провокаторов.

184. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 212.

Последние годы мы, офицеры старого закала, старых традиций, были совершенно в загоне, на нас сыпались упреки и выговоры, а офицеры — послушные орудия в руках департамента — получали назначения, ордена, похвалы. Вы, Ваше Превосходительство, понятия не имеете, какие мы терпели обиды и унижения»¹⁸⁵. Это была проблема многих старых офицеров, прошедших подготовку еще в 1880-е гг. и не владевших современными приемами ведения сыска. Будучи некомпетентными в борьбе с революционным движением, неспособными к работе с секретной агентурой, они отправлялись в отставку, переводились в дальние регионы страны, назначались в железнодорожную жандармерию.

Поэтому у Джунковского, решившего ликвидировать охранку, была серьезная поддержка в среде недовольных. Для проведения своих реформ в жизнь, некоторых недовольных он выдвигал на руководящие посты. Среди них был генерал Д. А. Правиков, назначенный на высокий пост помощника начальника штаба ОКЖ. Он пишет: «Генерал Джунковский сделал совершенно правильные выводы из деятельности охранных отделений, стремился уничтожить такие, как совершенно недопустимые по своему существу и характеру деятельности органы, составлявшие болезненный нарост и окружение корпуса жандармов»¹⁸⁶. Тот же Правиков активно одобрял ликвидацию военной агентуры, увольнение Романа Малиновского и настаивал на полном отказе от секретной агентуры. Особенностью нового помощника начальника штаба корпуса была его чрезмерная услужливость и исполнительность, умение чувствовать и поддерживать любые начинания руководства. В 1888 г., когда молодой гренадерский поручик Д. А. Прави-

185. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 653. Л. 1

186. Хутарев-Гарнишевский В. В. Жандармерия и охранка в правление Николая II. Статья генерала Д. А. Правикова. 1927 г. // Исторический архив. 2009. № 4. С. 87.

ков только поступал в корпус жандармов, он получил не самую лестную характеристику от начальника Тверского жандармского управления полковника князя А. Л. Девлет-Кильдеева: «Усердный к службе и достаточно способный, он пользуется у начальства репутацией отличного офицера, но товарищи его по полку недолголюбивают его за желание быть постоянно на глазах у начальства и излишнее низкопоклонничество в ущерб чувству собственного достоинства»¹⁸⁷. Именно на таких «исправных служаках» сделал ставку Джунковский, противопоставив их не в меру ретивым молодым розыскникам.

У старых офицеров были насущные причины для недовольства. В 1910 г. департамент полиции начинает исследование руководящего состава ГЖУ, охранных отделений и жандармско-полицейских управлений железных дорог Центральной России, Юга России и Сибири. С августа 1910 г. по март 1912 г. были составлены подробнейшие справки почти на весь руководящий состав розыскных органов¹⁸⁸. Это были офицеры корпуса жандармов. В основном собирался материал на неспособных к розыскной деятельности и некомпетентных офицеров. Уже в 1911 г. в середине ревизии вице-директор Виссарионов пишет: «Не имея ранее ничего общего с розыском, сдав кое-как курсовые экзамены, подобные деятели впоследствии относятся по большей части к делу так, чтобы не навлекать на себя гнева начальства и отчисления от занимаемых должностей»¹⁸⁹. В 1912 г., когда работа была завершена, его тон становится еще более радикальным: «Офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно сознательно относились к нему»¹⁹⁰.

187. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 6790. Лл. 4–5.

188. Там же. Ф. 102. Оп. 314. Д. 90. Лл. 1–93 об.

189. Там же. Оп. 00. 1911. Д. 148. Л. 1.

190. Там же. Оп. 00. 1912. Д. 248 л. 44об.

10 апреля 1912 г. Белецкий приказал представить справки на высших офицеров ГЖУ и ЖПУЖД к докладу министру внутренних дел на понедельник, 16 апреля. Последовали кадровые выводы. Всего в течение 1911–1912 гг. были уволены со службы 14 начальников ГЖУ, еще четверо были перемещены по службе, 13 начальников ГЖУ были намечены к увольнению¹⁹¹. Многие офицеры, числившиеся в этих списках, желали любой ценой остаться в корпусе, и преобразованиям Джунковского была обеспечена поддержка.

Со спадом революционного движения конфликтный характер отношений ОКЖ и охранных отделений начал волновать и департамент полиции. В своем докладе на имя Джунковского в апреле 1913 г. Белецкий писал: «То ненормальное положение, которое создано между начальниками охранных отделений и губернских жандармских управлений... не замедлило быстро проявиться, и департамент полиции, считаясь с этими проявлениями, с одной стороны, и государственной пользой — с другой, не мог найти иного выхода из создавшегося положения, как только в том, что упразднял охранные отделения, где в таковых не имелось острой необходимости, за подавлением революционного движения, и при возможности подчинял охранные отделения начальникам губернских жандармских управлений там, где на должность начальника ГЖУ назначался офицер, знающий дело политического розыска и могущий научать таковому своих подчиненных. Эту систему департамент полиции проводил до последних дней и, таким образом, были упразднены: Выборгское, Житомирское, Казанское, Кишиневское, Красноярское, Полтавское, Симферопольское, Уфимское и Читинское охранные отделения и объединены с ГЖУ следующие охранные отделения: Виленское, Иркутское, Одесское, Пермское, Рижское, Саратовское, Томское и Харьковское. Такие же соображения вызвали назначение на долж-

191. Там же. Оп. ОО. 1912. Д. 194.

ность начальников Нижегородского и Ярославского ГЖУ полковников Глобачева и Шульца, бывших начальниками охранных отделений»¹⁹².

Таким образом, департамент сначала вычищал из ГЖУ неквалифицированные кадры, а потом уже ликвидировал охранные отделения или объединял их с жандармскими управлениями. Исходя из этого, Белецкий разделил все отделения на четыре категории. К первой категории относились те, которые можно слить с жандармскими управлениями незамедлительно в силу подготовленности местных руководителей ГЖУ к розыскной работе, а именно: Севастопольское, Тифлисское, Лодзинское, Нижегородское, Ярославское и Екатеринославское охранные отделения. Во вторую категорию входили те, которые было желательно присоединить к ГЖУ, но на данный момент это не представлялось возможным из-за неподготовленности местного жандармского руководства к розыску. Речь шла о Киеве и Баку. Охранные отделения третьей категории распускать было нельзя, так как «обслуживанию их подлежат бойкие в революционном отношении пункты и в то же время они находятся вне городов, где имеют штаб-квартиры начальники губернских жандармских управлений»¹⁹³. Речь шла о Донском и Николаевском отделениях. В четвертую категорию входили города, где не было ЖУ, а только охранные отделения: Ташкент, Асхабад, Верный, Владивосток, Никольск-Уссурийск, Благовещенск и Хабаровск. Эта группа была абсолютно неприкосновенна в силу своей незаменимости.

Рассмотрев доклад, 15 мая 1913 г. Джунковский издал циркуляр на имя начальников ГЖУ об упразднении охранных отделений. Все отделения первой и второй групп вливались в состав ГЖУ, а возглавлявшие их ранее офицеры становились подчиненными по отношению к начальникам ГЖУ. Отделения

192. Там же. Оп. 316–1913. Д. 139. Лл. 21–210б.

193. Там же. Л. 220б.

третьей категории переименовывались в розыскные пункты и подчинялись местным ГЖУ. Четвертая категория в циркуляре не упоминалась. Таким образом, с некоторыми изменениями была принята концепция Белецкого. Но Джунковский внес важную формулировку в текст циркуляра. Он открыто рекомендовал начальникам ГЖУ, куда вливались охранные отделения, сократить личный состав новой структуры, увольняя не только тех сотрудников, которые не соответствуют должности по своим отрицательным служебным или личным качествам, но и вполне подходящих сотрудников, ни в чем предосудительном не замеченных, «лишь в целях сокращения штата». При этом, учитывая известный кадровый голод в политической полиции, товарищ министра настаивал не на переводе последних в другие управления, а на увольнении и переводе в иные, не жандармские ведомства¹⁹⁴.

Практически через год, 22 февраля 1914 г., Джунковский ликвидирует также и районные охранные отделения, занимавшиеся централизацией дела политического сыска и руководством агентурой в нескольких губерниях, входивших в состав района. Еще со времен своего пребывания в Москве он испытывал антипатию к местному РОО и считал необходимым упразднить такого рода учреждения по всей империи¹⁹⁵. Эффективность работы РОО вызвала сомнения также и у руководства департамента полиции¹⁹⁶, полагавшего, что в последние годы отделения занимались в основном канцелярской работой и растрчиванием государственных средств. В итоге с 1 марта 1914 г. были упразднены Северное, Центральное, Поволжское, Юго-Восточное, Юго-Западное, Южное, Северо-Западное, Прибалтийское, Привислинское, Пермское, Севастопольское и Западно-Сибирское

194. Там же. Л. 31–32.

195. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 217–218.

196. Перегудова З. И. Указ. соч. С. 129.

РОО¹⁹⁷, а 19 июля 1914 г. ликвидированы Кавказское и Восточно-Сибирское¹⁹⁸. Нетронутым осталось лишь Туркестанское РОО, что было связано с неразвитостью русского политического сыска в Средней Азии. По распоряжению Джунковского от 4 мая 1914 г. часть офицеров ликвидированных отделений прикомандировывалась в резерв местных ГЖУ¹⁹⁹. Такова была ситуация и оценки мирного времени, но с началом мировой войны она кардинально поменялась. По мере усиления внутривнутриполитической напряженности в стране и ослабления органов сыска, в 1916 г. все чаще стали раздаваться голоса в пользу восстановления районных охранных отделений. Но этой «контрреформе» не суждено было осуществиться.

Интересно, что косвенно ликвидация районных охранных отделений привела к усилению положения губернских жандармских управлений. При общем сокращении финансирования политического сыска, бюджет ГЖУ, наоборот, немного увеличился²⁰⁰. Сняв деньги с розыскных структур, тративших их целевым образом, Джунковский не смог организовать эффективного расходования их жандармскими управлениями. В итоге средства были «размазаны» на разные цели, в основном на улучшение бытовых условий, а финансирование секретно-агентурной деятельности на местах, наоборот, сократилось.

Слияние ГЖУ и охранки, с одной стороны, укрепляло сыск, вводя в него некоторое единообразие, что было мерой, безусловно, позитивной. Однако необходимо оценивать данное мероприятие не изолированно само по себе, а вкупе с иными реформами струк-

197. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 437. Л. 79об.

198. Там же. Оп. 00. 1914. Д. 321. Л. 29.

199. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18576. Лл. 51, 125, 125об.

200. *Пылаева Е. И.* Финансовое обеспечение губернских жандармских управлений департаментом полиции МВД в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 2. С. 52, 53, 58.

туры сыска, проведенными в 1913–1914 гг., в контексте взглядов Владимира Федоровича. При таком подходе ликвидация охранных отделений была лишь первым шагом не к реконструкции, а именно к демонтажу устоявшейся системы сыска. Джунковский начал с наиболее очевидной и безболезненной меры, которая была спокойно принята большинством руководства сыска. Следующей целью его атаки стали только что усиленные им в плане политического розыска губернские жандармские управления.

Итак, вернемся к реформе полиции. 25 октября 1913 г. была образована, а 29 октября сформирована комиссия Государственной думы для рассмотрения законопроекта о преобразовании полиции в империи²⁰¹. Партийный состав 23 членов комиссии был смешанным — от правых до трудовиков. Наиболее интересен уход из комиссии А. Ф. Керенского и замена его А. С. Сухановым. Вероятно, Александр Федорович решил не портить своего яркого оппозиционного имиджа обсуждением проекта реорганизации полицейских органов.

По итогам замены четырех членов, к началу заседаний, 1 ноября, состав обрел окончательную форму. Основными действующими лицами были октябристы — председатель комиссии Н. А. Хомяков, главный докладчик граф Д. П. Капнист и весьма активный Н. Н. Львов. Вторую по значению роль в заседаниях комиссии играли представители фракции русских националистов и умеренно-правых Д. Н. Чихачев и В. П. Басаков. С ноября 1913 г. по апрель 1914 г. комиссия провела 16 заседаний, однако с весны 1914 г. и до 1917 г., формально существуя, она больше уже не собиралась²⁰². МВД представляли Джунковский, который старался не пропустить ни одного

201. Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Четвертый созыв. Сессия II. 1913–1914 гг. Пг., 1915. С. 512.

202. Там же; и Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. М., 2008.

заседания²⁰³, Белецкий (а после его отставки в начале 1914 г. — В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит), вице-директор К. Д. Кафафов и чиновник департамента А. С. Губонин²⁰⁴. Джунковский и Кафафов отмечали крайне благоприятные отношения членов комиссии к законопроекту. Однако опираться в данном вопросе на мемуары довольно сложно, так как Кафафов в своих эмигрантских воспоминаниях путает содержание заседаний маклаковской и думской комиссий, что доказывается документально, а Джунковский пишет, что жандармский вопрос по его просьбе не обсуждался на заседаниях до внесения особого жандармского законопроекта²⁰⁵, в то время как оставшиеся записи речей и интервью членов комиссии показывают, что он был ключевым.

Жандармский вопрос был поднят уже в конце ноября 1913 г. Авторы внесенного законопроекта давали высокую оценку роли корпуса жандармов в истории полиции, в том числе военной, но предлагали «уничтожить его обособленность в качестве отдельной отрасли полицейского строя, объединить его с другими видами полиции»²⁰⁶. При этом специальные функции жандармерии непосредственно не прописывались. Упоминались лишь те, которые совпадали с функциями общей полиции (статьи 8, 9, 10 законопроекта)²⁰⁷, порядок подчинения жандармов губернским властям (статьи 4, 5, 170, 171)²⁰⁸ и функционирование особых жандармских курсов (статья 102)²⁰⁹. Однако участникам комиссии даже ослабленный и за-

203. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 252.

204. Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 86.

205. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 252.

206. Законопроект о преобразовании полиции в империи. СПб., 1913. С. 24.

207. Проект учреждения полиции с постатейными объяснениями. СПб., 1913. С. 8–11.

208. Там же. С. 4, 191, 192.

209. Там же. С. 106, 107.

конодательно урезанный в своих полномочиях ОКЖ все равно казался крайне опасным. Высказывались мнения, что он превратился в «государство в государстве»²¹⁰, что необходимо лишить его военизированного статуса.

На заседании 20 ноября 1913 г. поступило предложение ликвидировать корпус жандармов и ГЖУ в связи с имеющимися трениями между ним и общей полицией или хотя бы отобрать у него право ведения розыска²¹¹. Следующее заседание было назначено на 27 ноября. В связи с особой значимостью обсуждаемого вопроса на заседание в первый и последний раз за всю историю работы комиссии прибыл министр внутренних дел Маклаков, а главным защитником должен был стать директор департамента полиции Белецкий²¹². Сохранился черновик речи Белецкого, составленный 22 ноября и согласованный на следующий день с начальником штаба ОКЖ Никольским.

Начав свою довольно долгую и пространную речь с рассказа о сущности работы политической полиции в странах Европы, директор перешел к сравнению ее с историей, структурой и обязанностями русской жандармерии. Основной упор Белецкий делал на следующее.

1. «Высшая государственная, так называемая политическая полиция необходима во всяком государстве, независимо от существующего в таковом образе правления. Защита интересов государства, предупреждение, обнаружение и исследование так называемых государственных (политических) преступлений... возлагается всюду на особый орган, на особое учреждение, входящее в состав полицейских учреждений страны»²¹³.

210. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 313. Л. 17.

211. Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3599. Лл. 20, 23.

212. РГИА Ф. 1278. Оп. 5. Д. 549. Л. 13–13об.

213. ГА РФ. Ф. 10. Оп. 3. Д. 3599. Лл. 2–3.

2. «Жандармы существуют во всех европейских государствах и лишь функции их разнообразны, но организация везде воинская»²¹⁴.
3. «Главные обязанности, лежащие на чинах губернских жандармских управлений — это политический розыск и производство дознаний. Кроме того, если все политические дела совершенно изъять из ведения чинов корпуса жандармов, то это неизбежно повлечет за собой необходимость значительно увеличить количество существующих следователей и товарищей прокуроров. Казалось бы, в этом никакой надобности нет, так как чины корпуса жандармов производят дознания вполне удовлетворительно, что показала судебная практика при разрешении массы дел, представленных в судебные установления с обвинительными актами, составленными по данным жандармских дознаний»²¹⁵.

Доводы Белецкого лишь частично подействовали на комиссию: было снято требование ликвидации корпуса и жандармских управлений, также думцы отказались от пересмотра военного статуса ОКЖ. Однако большинство членов комиссии поставили вопрос об освобождении чинов корпуса от производства дознаний по преступным деяниям всех видов, в том числе и государственных, и о возложении этих обязанностей на чинов общей полиции²¹⁶. По сути, речь шла о ликвидации политической полиции как отрасли государственной службы. На заседании 27 ноября думская комиссия единогласно проголосовала против прав жандармерии на ведение предварительного следствия²¹⁷. Уже 29 ноября комиссия направила на имя министра юстиции И. Г. Щегловитова

214. Там же. Лл. 3, 5, 7.

215. Там же. Лл. 16–18.

216. РГИА Ф. 1405. Оп. 532. Д. 489. Л. 2.

217. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России... С. 302.

запрос о том, в какой мере необходимо увеличить штаты прокуроров и общей полиции. Позицию думцев по данному вопросу сформулировал в интервью журналу «Гражданин» глава комиссии октябрист Хомяков: «Главный пункт рассмотрения в настоящее время — это судьба корпуса жандармов. За корпусом жандармов надо оставить функции полиции порядка, но он должен перестать быть полицией сыска и дознания... часть его функций перейдет к общей полиции, часть к суду»²¹⁸. Таким образом, думцы хотели поставить охрану государственной безопасности на один уровень с мелкоуголовным розыском.

Джунковский полностью поддержал в этом вопросе мнение комиссии Государственной думы. Он со своей стороны также обратился к Щегловитову по вопросу о возможности удовлетворения просьбы Думы, уточняя, что необходимо для этого с точки зрения работы прокурорского надзора. Ободренные поддержкой в этом вопросе самого командира корпуса жандармов, члены комиссии были настолько уверены в успехе, что Хомяков на вопрос: «Пройдет ли законопроект нормально?» — отвечал: «Думаю, что пройдет... а относительно корпуса жандармов, наверное, договоримся»²¹⁹.

Интересно, что вопрос о ликвидации жандармерии Джунковский начал обсуждать с представителями общественности и лично Гучковым еще в 1905 г. Во время заседания Московской городской думы на волне эйфории после подписания акта 17 октября В. В. Пржевальским был поставлен вопрос о ликвидации охранного отделения и корпуса жандармов. Тогда на эту тему много высказывались А. И. и Н. И. Гучковы, призывавшие не торопиться с выводами. Николай Гучков отмечал, что если поднимать вопрос об упразднении корпуса жандармов, то най-

218. О реформе полиции (Беседа с Н. А. Хомяковым) // Гражданин. 1913. № 48. С. 6.

219. Там же. С. 7.

дется немало полицейских учреждений, которые также стоит ликвидировать²²⁰. Джунковский тогда обратил внимание на мнение Гучковых. Он подробно описал прения по полицейскому вопросу в мемуарах и не раз мог общаться с Гучковым по этой проблеме. Октябристский состав думской комиссии в этом свете также представляется не случайным.

Для жандармерии сложилась крайне тяжелая ситуация. Джунковский прямо писал, что основной своей задачей он видел именно «отстранение чинов корпуса жандармов от политического розыска»²²¹. В случае согласия Щегловитова не существовало бы никаких препятствий для ликвидации политической полиции, а жандармерия превращалась бы отчасти в военную, отчасти в железнодорожную полицию, теряя свою основную функцию. Но министр юстиции отклонил оба запроса, мотивировав свой отказ отсутствием необходимого количества следователей, способных самостоятельно вести дознание по государственным преступлениям, а также высоким профессионализмом жандармов в этом вопросе²²². После этого отказа заседания комиссии надолго прервались и возобновились только 16 января²²³. Обсуждение продолжалось еще 4 месяца, но ни к чему не привело: решить жандармский вопрос не удалось, что и определило судьбу законопроекта.

После отставки Белецкого в конце января 1914 г., левые члены комиссии повторили попытку, подняв вопрос о полной ликвидации ОКЖ. Только на этом условии они соглашались продолжить рассмотрение законопроекта. Но, во-первых, руководство МВД понимало, что после твердого отрицательного отзыва Щегловитова это уже было невозможно, а во-вторых,

220. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 93.

221. Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России в начале XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012. С. 151.

222. РГИА Ф. 1405. Оп. 532. Д. 489. Л. 5.

223. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 275.

Джунковский совершенно не был намерен лишаться находившегося в его подчинении корпуса. Кафафов саркастически описывает совещание в МВД по предложению левых членов комиссии: «Мнения министра и его товарища больше касались подбора ласковых эпитетов по адресу Государственной думы, чем существа вопроса»²²⁴. В итоге на следующем заседании комиссии Джунковский заявил, что корпус невозможно ликвидировать, так как он находится в книге III Свода военных постановлений, который не подлежит рассмотрению Думы по представлению гражданского ведомства. Одним словом, командир корпуса рекомендовал согласовать с Военным министерством пересмотр Свода военных постановлений, на что ни Сухомлинов, ни другие высшие военачальники из-за вопроса о полицейской реформе не согласились бы. На этом де-факто законопроект был провален. За время работы думская комиссия успела принять 56 статей, исключить 6 и отложить после рассмотрения 19 из общего объема в 186 статей проекта Учреждения полиции²²⁵.

Запрет жандармским офицерам вести дознание по государственным преступлениям с передачей этой функции общей полиции и прокуратуре, совершенно не готовым к этому, не имевшим специальной подготовки и познаний, мог самым пагубным образом сказаться не только на работе политического сыска, но и военной контрразведки, в руководстве которой находились в основном жандармские офицеры. А запрет вести любые дознания вообще лишал бы ОКЖ смысла существования. Согласие на эти меры со стороны Джунковского было проявлением его политики поиска компромиссов с частью думской политической оппозиции, представлявшей ему наиболее для этого подходящей, в первую очередь с октябристами.

224. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 86–87.

225. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 76.

Отношение Джунковского к Государственной думе было вполне исчерпывающе им изложено еще в феврале 1913 г. во время беседы с Николаем II о напряженных отношениях между некоторыми депутатами, с одной стороны, и военным и морским ведомствами — с другой. Приняв во время дискуссии сторону думцев, на вопросы императора о работе комиссии по военным и морским делам, товарищ министра отвечал следующее: «Правительство не только не считается с желаниями народного представительства, но и игнорирует его требования, основанные на законе и желании выполнить высочайшую волю... В этом пренебрежении представителей правительства к запросам народных представителей кроется причина общего недовольства в стране, — недовольства, которое ищет выхода, и, если его не найдет, со стихийною силою вновь разразится пагубными эксцессами. Может быть, правительство и знает лучше народного представительства искусство государственного управления, но пусть же оно заставит проникнуться этим знанием и страну»²²⁶. Поставим под сомнение обоснованность утверждений Джунковского о том, что депутаты только и стремились выполнить волю императора и разобраться в реальных нуждах страны. Отметим лишь, что в этих словах заключена принципиальная позиция главы спецслужб империи по отношению к политической оппозиции: лучше идти на уступки, чем провоцировать конфронтацию.

Еще 15 мая 1913 г. своим циркуляром по вопросу о задержаниях депутатов социал-демократов Джунковский требовал соблюдения полной законности, максимальной корректности к депутатам, даже в случае совершения ими явных политических преступлений. Он запретил, основываясь на 15-й статье учреждения Государственной думы, привлекать депутатов к формальному дознанию, разрешив жандармам довольствоваться лишь предварительным следстви-

226. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 141, 142.

ем²²⁷. Задерживать депутата жандармы могли только на месте совершения преступления или не позднее чем на следующий день после него, что значительно сокращало их возможности, так как секретная агентура не всегда могла столь оперативно сообщить начальнику ГЖУ о совершении преступных с государственно-политической точки зрения поступков депутата. К тому же Джунковский при аресте депутата требовал немедленно передавать его в распоряжение судебных властей, что мешало жандармам провести необходимые следственные действия по свежим следам.

Многие из преобразований и действий Владимира Федоровича за годы его правления следует рассматривать как часть проводимой им политики уступок. При этом хочется отметить, что он не был человеком оппозиционных взглядов, а, наоборот, являлся по мировоззрению типичным бюрократом высшего звена. Кафафов справедливо замечал: «В поисках популярности он любил заигрывать с либеральными кругами, прикидываясь, что охотно исполняет просьбы их представителей, и поэтому пользовался в этих кругах некоторыми симпатиями, в особенности по сравнению с министром Маклаковым, который не скрывал своих крайне правых убеждений и, в частности, свою антипатию к Государственной думе»²²⁸.

Параллельно работе думской комиссии 24 декабря 1913 г. Маклаков утвердил составленный по поручению Джунковского проект Положения о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов²²⁹. Это положение должно было дополнять некоторые статьи Учреждения полиции. Дело в том, что кадровая реформа в жандармерии продолжалась с 1909 г. Осенью 1912 г. Белецкий выигрывает долгую борь-

227. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 391. Л. 30, 300б.

228. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 80.

229. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18310. Лл. 3–9.

бу с начальником штаба ОКЖ Гершельманом и создает с согласия министра Макарова так называемые повторные жандармские курсы при департаменте полиции. По оценке руководства сыска, существовавшая система подготовки жандармерии непропорционально мало внимания уделяла изучению права, ведения дознания и переписок по охране²³⁰. Реальная подоплека состояла в желании Белецкого взять в свои руки кадровую политику в корпусе. Одобрение Макаровым повторных курсов означало возможность бесконтрольного вмешательства особого отдела департамента в систему подбора и назначения на должности жандармских офицеров.

В Положении о повторных курсах сказано: «Офицеры, пробывшие на повторных курсах и обнаружившие *лучшие* познания, командируются в провинциальные охранные отделения для «практического ознакомления» с розыском, а затем для занятия в будущем ответственных должностей по розыску; выказавшие *средние* познания откомандировываются к прежним своим местам службы, для замещения ими в будущем должностей помощников начальника губернского жандармского управления, начальников уездных жандармских управлений или начальников отделений на железной дороге, и обнаружившие *слабые* познания также откомандировываются к месту службы и о слабых познаниях их сообщается штабу корпуса на усмотрение»²³¹.

Эта мера была радикальной для кадровой политики политического сыска. Впервые создавался орган, проверявший жандармских офицеров на профессиональную пригодность. К тому же если раньше карьера зависела от места офицера в списке выпускников курсов по общей успеваемости, куда входили и такие предметы как железнодорожный устав, то теперь —

230. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1912. Д. 309. Лл. 45–47.

231. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М., 2006. С. 271.

целиком от уровня его подготовки по политическому розыску и истории революционного движения. В то же время высокие посты закрывались для людей мало сведущих в политическом сыске. Положительной стороной повторных курсов являлось то, что составленная для них программа розыска была крайне насыщена и приближена к практической деятельности.

Сразу после назначения Никольского новым начальником штаба ОКЖ Джунковский поручил ему пересмотреть правила приема²³². В своем докладе командиру корпуса Никольский объяснял основную концепцию изменений: «разгрузить объем курсов, в настоящее время слишком загруженных научным материалом»²³³. Было сокращено преподавание государственного права и истории революционного движения, зато введена новая дисциплина — «телеграфное дело». В целом же преподавание теоретических предметов было еще сильнее сокращено, а практически необходимые для политического розыска знания стали изучаться подробнее. При всех достоинствах Положения 1913 г., а также вообще высоко поставленной при Джунковском работе по подготовке жандармских офицеров следует отметить, что основная его суть заключалась в прекращении деятельности повторных курсов и изъятии процесса подготовки жандармерии из рук Белецкого и департамента полиции.

Превентивная юстиция

Противостояние Джунковского с Белецким, начавшееся еще весной 1913 г., к осени достигло своего апогея. Степан Петрович пытался отстранить шефа от реальной работы секретной полиции, передавая на его рассмотрение множество второстепенных во-

232. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 288.

233. ГА РФ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 18310. Лл. 1–10б.

просов²³⁴. Наиболее взвешенную оценку характеру директора дал его заместитель Кафафов, состоявший в нейтральных отношениях с начальником: «Белецкий был человек, несомненно, даровитый, громадной трудоспособности и по природе очень добрый и искренно преданный тем, кто хорошо относился к нему, но в то же время очень хитрый и мстительный по отношению к тем, в ком видел своих недоброжелателей»²³⁵. По отношению к последним, в том числе Джунковскому, он был совершенно беспринципен и неразборчив в средствах. Так, после отставки генерала он инспирировал против бывшего шефа публикацию пасквильной брошюры известного правого журналиста Н. П. Тихменева²³⁶.

Отличительной особенностью Белецкого была способность прогнозировать. Трезво оценивая острую политическую ситуацию в стране и понимая, что он не получит в данном направлении со стороны Джунковского особой поддержки, Белецкий самостоятельно начинает одно из самых значимых и при этом несправедливо забытых историками дел своего директорства. Осенью 1913 г. по его приказанию в Особом отделе департамента полиции заводится отдельное дело № 220 «О выработке и принятию мер к предупреждению и возможности повторения революционного движения 1905 г.». Дела с таким титулом и номером заводились с 1913 по 1916 г. постоянно — в них рассматривались реальные и мнимые угрозы режиму, вырабатывались меры по предотвращению и подавлению надвигающейся революции. Нельзя ответить однозначно на вопрос, функционировала ли особая комиссия по выработке контрреволюционных мер. Но из содержания дел ясно, что существо-

234. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 128.

235. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 101.

236. *Тихменев Н. П.* Генерал Джунковский в отставке... Пг., 1915; *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 56.

вал определенный постоянный круг должностных лиц, принимавших участие в ее деятельности, — директор департамента, один из вице-директоров, начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, начальник Особого отдела, руководитель заграничной агентуры, отдельные привлеченные к работе начальники ГЖУ.

Работа по предотвращению революции при Белецком шла по трем направлениям: 1) анализ революционных событий 1905 г. и карательных мер, принятых правительством, 2) разработка новой стратегии превентивных мер борьбы с революционным движением, 3) анализ литературы и работы внутрироссийских и эмигрантских политических сил.

В конце сентября — октябре 1913 г. Белецкий отдает начальнику Петербургского охранного отделения жандармскому полковнику М.Ф. фон Котену приказание изучить динамику нарастания революционного движения в 1905 г. и систему мер, принятых столичной полицией, в частности охранным отделением, в целях предупреждения и прекращения революции. После проведенных работ 8 октября на стол директора департамента легла подробная официальная записка фон Котена за № 20172, содержащая в себе не только перечисление отдельных фактов, но и сделанные им выводы²³⁷. Полковник выделяет две группы причин революции: социально-экономические и политические. При этом термин «преступный» он употребляет только по отношению к сформировавшимся революционным центрам (Союзу союзов, Совету рабочих депутатов) и боевым дружинам при местных организациях эсеров и социал-демократов. В наибольшей степени автора записки интересуют не репрессивные меры правительства (такие, как ликвидации целых преступных групп и аресты отдельных лиц), а предупредительные шаги²³⁸.

237. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1913. Д. 220. Л. 7.

238. Там же. Лл. 8об., 9.

В принципе, записка не содержала новых фактов, но материал был хорошо систематизирован и лаконично подан. Новой была постановка социально-экономических причин революции на первое место по сравнению с революционной агитацией, в которой «охранники» обыкновенно видели причину всех волнений. В течение ноября–декабря 1913 г. шла интенсивная работа по анализу: Белецкий и фон Котен изучали французскую, германскую, австрийскую и отечественную прессу и нелегальную литературу на предмет упоминаний о возможности новой революции в России, расстановке и тактике политических сил, степени радикализации настроений общества. Работа была продолжена зимой–весной 1914 г. Пристальное внимание уделялось изучению опыта 1905 г. на основе оценок западной левой прессы²³⁹ (в основном германской и австрийской — *Vorwärts*²⁴⁰, *Stettiner Neueste Nachrichten*²⁴¹, *Zeit* и др.). При рассмотрении опыта подавления волнений сотрудники Особого отдела переходят от общей аналитики к изучению конкретных документов, циркуляров периода 1905–1907 гг.

По итогам первых исследований 26 ноября 1913 г. был издан совершенно секретный циркуляр Особого отдела № 107030 за подписью С. П. Белецкого и жандармского подполковника В. Э. Энгбрехта, адресованный начальникам ГЖУ, охранных отделений и всем офицерам ОКЖ, ведающим политическим розыском. Мы имеем чистовой и черновой варианты циркуляра. В первом несколько сглажены формулировки изначального варианта. При цитировании мы заключаем в квадратные скобки ту часть текста, которая не вошла в окончательный вариант циркуляра, но содержалась в черновике и важна для понимания смены курса в департаменте полиции. Суть циркуляра — ве-

239. Там же. Оп. 00. 1914. Д. 220. Лл. 22–31.

240. Там же. Лл. 22, 220б.

241. Там же. Л. 29.

дение новых способов превентивной работы. Отмечая в преамбуле документа активизацию работы революционных партий, Белецкий требует «подавления всяких преступных замыслов в области революционного движения в самом их зародыше, не ожидая развития преступного намерения, [хотя бы такая тактика иногда грозила недостаточностью улик для предъявления формального обвинения]»²⁴².

Делая ставку на работу секретной агентуры, департамент требует ее качественного усиления. Выказывая свое отношение к общей направленности политики превентивных мер, Белецкий пишет: «Находя, что уменьшение общей силы репрессий за счет количества случаев обнаружения преступных замыслов революционных групп даст, при применении предварительного метода, значительный выигрыш в общей силе подавления революционного движения, департамент полиции просит Вас, милостивый государь, ликвидировать революционные группы, как скоро агентура даст Вам определенные и достоверные сведения о наличии преступной деятельности, а наружное наблюдение осветит связи и взаимоотношения заподозренных лиц»²⁴³. При этом в черновом варианте Белецкий особо отмечает, что ликвидации стоит проводить без особых оснований для судебного преследования.

Сущность этой тактики очевидна: большинство лиц арестовывалось только при подготовке и задумке политического преступления, поэтому зачастую не могло быть привлечено к уголовной ответственности за нехваткой прямых доказательств вины. Однако, во-первых, эти лица немедленно попадали под постоянный пристальный контроль со стороны сыска, а во-вторых, жандармы давали им понять, что они находятся в курсе их действий и настроений. Такой метод отбивал у многих революционно настроенных

242. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1913. Д. 220. Л. 14.

243. Там же.

лиц, не состоящих в партиях или просто не имеющих твердых антиправительственных убеждений, желание продолжать деятельность.

Есть все доказательства того, что эта тактика имела практическое применение. Ее идеологом был не Белецкий, а полковник барон фон Котен, поставивший в столичном охранном отделении в 1912–1913 гг. практику превентивных задержаний на широкую ногу. Согласно данным инспирированной Джунковским ревизии столичной «охранки», с 1 января по 1 сентября 1913 г. ее сотрудниками было арестовано 872 человека. Из них в Санкт-Петербургское ГЖУ на формальное дознание было передано 131 арестованное лицо, в сыскную полицию и судебным следователям — 107 персон, о 51 человеке были возбуждены ходатайства об административной высылке, а 181 лицу было воспрещено жительство в Санкт-Петербурге. При этом 402 человека (то есть 46% всех арестованных) было освобождено без последствий²⁴⁴. Что касается ликвидированных групп, то за исключением повальных арестов перед 1 мая 1913 г. «произведено было отделением более 20 ликвидаций, по коим задержано было около 250 лиц. Большая часть этих ликвидаций носила предупредительный характер и не дала достаточного материала не только для судебного, но и для административного преследования задержанных»²⁴⁵. Согласно показаниям, данным ВЧК секретным сотрудником Санкт-Петербургского охранного отделения И. Добровольским: «В конце 1913 г. фон Котен решил во что бы то ни стало произвести ликвидации революцион[ных] организаций в Петрограде. Было заготовлено до 200-х сот ордеров»²⁴⁶.

Надо отметить, что целью фон Котена, разработавшего эту методику, было не посадить в тюрьму или выслать как можно больше людей, а предупре-

244. Там же. Оп. 261. Д. 65. Лл. 7, 7об.

245. Там же. Лл. 8, 8об.

246. Там же. Ф. 4888. Оп. 7. Д. 200. Л. 20б.

дить возможность их повторного участия в противозаконных действиях и предотвратить сами эти действия. Ревизовавший охранное отделение чиновник департамента в числе положительных сторон системы фон Котена отмечал, что «при строгом ее проведении она не дает возможности противогосударственным элементам вести планомерную пропаганду революционных идей и организовывать сложные предприятия»²⁴⁷. Отрицательными сторонами, по мнению ревизора, были безрезультатность арестов с точки зрения уголовного преследования и излишнее раздражение революционеров такими задержаниями.

Нововведения главы питерской «охранки» были результатом долгого служебного опыта этого офицера. Михаил Фридрихович родился в 1870 г. в Виленской губернии и происходил из финляндского баронского рода von Kothen. Во время обучения в Полоцком кадетском корпусе он сдружился со своим однокашником Е. К. Климовичем. С февраля 1904 г. по май 1906 г. фон Котен служил при Санкт-Петербургском охранном отделении, в 1906–1907 гг. был помощником начальника Московского охранного отделения при начальнике Климовиче, а с 5 апреля 1907 г. по декабрь 1909 г. занимал пост начальника этого отделения, и, наконец, 22 декабря 1909 г. он был назначен главой Петербургского охранного отделения²⁴⁸. По воспоминаниям Мартынова, группа офицеров, закончивших Полоцкий корпус, держалась в жандармерии довольно обособленно, во всем помогала друг другу и в шутку получила прозвище «половчане». Своей головокружительно быстрой карьерой полковник был обязан этому землячеству и дружбе с Климовичем²⁴⁹.

Находясь на посту главы Московского охранного отделения, фон Котен был дважды ранен при ис-

247. Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 65. Л. 90б.

248. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18362. Лл. 36–37.

249. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 368.

полнении обязанностей: 13 декабря 1908 г. и 8 мая 1909 г.²⁵⁰. Зимой 1906 г. он участвовал в спасении жизни генерала Курлова. В 1910 г. фон Котен принимал участие в предотвращении покушении штабс-капитана Лобысевича на Николая II²⁵¹. В январе 1912 г. он разработал подробные указания начальнику Центрального филёрского отряда по охране императора²⁵². В подчинении Котена, как главы Петербургского охранного отделения, находились также столичная охранная команда, Регистрационное бюро, Центральный филёрский отряд. В целом он командовал сильнейшей региональной структурой сыска в империи.

Сохранились характеристики фон Котена как человека и офицера. Кафафов называл его одним из самых воспитанных и образованных офицеров жандармерии. По его словам, «это был храбрейший и благороднейший человек»²⁵³. Комендант Кронштадтской крепости, а в дальнейшем начальник Главного артиллерийского управления генерал-лейтенант А. А. Маниковский, под руководством которого Михаил Фридрихович служил во время Первой мировой войны, отмечал способности по руководству личным составом, громадные познания, несомненный талант и трудолюбие фон Котена, который мог с одинаковой успешностью решать различные сложные задачи. Маниковский писал: «Генерал-майора фон Котена я считаю исключительно выдающимся во всех отношениях начальником»²⁵⁴.

250. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18362. Лл. 40.

251. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник документов. М., 2001. С. 375–376.

252. Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 243–247.

253. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 105.

254. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18362. Лл. 72, 720б.

Поражение охраны

Возвращаясь к борьбе Джунковского с департаментом полиции, охранными отделениями и их методами, отметим, что борьба эта развивалась не только в плане реформирования структуры, но и повлияла на отношение к личному составу. Началась атака на команду Белецкого. К департаменту для аналитической работы постоянно было прикомандировано определенное количество жандармских офицеров, как правило наиболее опытных в деле политического розыска. Еще товарищ министра внутренних дел Курлов установил для этих офицеров добавочное жалование в размере от 3600 до 4200 руб. в год независимо от того чина, в котором они состояли. При таком окладе вместе со средствами интендантства штаб-офицер получал 470 руб. в месяц, а обер-офицер — 408 руб.²⁵⁵ По утверждению нового директора департамента полиции Р. Г. Моллова, «означенный размер содержания давал возможность привлекать в департамент полиции лучших офицеров»²⁵⁶. Всего было прикомандировано восемь таких офицеров. Джунковский в рамках проводимой им политики сокращения расходов урезал финансирование жандармских аналитиков до 2148 и 2296 руб. в год добавочного содержания, реальная ежемесячная зарплата сократилась до 350 и 300 руб. для штаб- и обер-офицеров соответственно. То есть финансирование было урезано более чем на 25%.

Это привело к резкому оттоку офицеров из Особого отдела департамента: из восьми человек уволились шесть. Несмотря на то что в 1915 г. удалось набрать еще четверых человек и довести общее число прикомандированных до шести, на службу поступили те, кто согласился работать за более низкую зар-

255. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 50ч. 1. Л. 62.

256. Там же. Оп. 00-1915. Д. 201. Лл. 61–62об.

плату²⁵⁷. В целом же число жандармских офицеров в различных структурах департамента сократилось с 20 до 8 человек²⁵⁸. Это было огромной потерей, так как на службу в департамент полиции всегда брали жандармских офицеров, принадлежавших к категории выдающихся, зарекомендовавших себя упорным трудом и способностями в розыском деле. Предусмотренный для них повышенный по сравнению с жандармскими управлениями оклад обуславливался не только их способностями, но и трудностями прохождения карьеры. Для того чтобы быть зачисленным в департамент, офицер корпуса отчислялся из штата своего управления и переводился в резерв или же числился прикомандированным к корпусу жандармов. Резервники и прикомандированные не имели права ни на производство в чин полковника, ни на увеличение пенсии за службу. Производство же в чин подполковника «хотя и возможно, но сопряжено с настойчивыми неоднократными ходатайствами, которые удовлетворяются в виде исключения, а производство в полковники, хотя в этом чине невозможно состоять в резерве, считается незаконным»²⁵⁹. Проблемы были с награждением орденами. К примеру, для получения ордена Святого Владимира 4-й степени надо было находиться в чине не ниже подполковника, а Святого Владимира 3-й степени («Владимир на шее») — не ниже полковника. Для прослуживших в департаменте ротмистров и подполковников получить «Владимира на шее», дававшего серьезную прибавку к пенсии, было невозможно. Офицеры штаба корпуса жандармов и жандармских управлений и по орденам, и по чинам опережали департаментских.

В аналитической записке 1916 г. по этому вопросу писалось: «Отдавшись всецело занятиям в департа-

257. Там же.

258. Там же. Оп. 316–1916. Д. 50ч. 1. Л. 64.

259. Там же. Л. 63.

менте и совершенствуясь в этом направлении, офицер испытывает... застой в своем дальнейшем движении по службе; такое положение тревожит, нервнрует его и влияет на исполнение им служебных обязанностей. Некоторые офицеры департамента состояли ранее в корпусе на штатных должностях помощника начальника управления, а другие за всю свою службу в корпусе не занимали штатной должности, так как посвятили себя исключительно розыскной службе и занимали места, для которых Высочайше утвержденных штатов нет»²⁶⁰. Именно поэтому считалось крайне важным высокими зарплатами сохранить опытных розыскников в МВД.

Политика сокращения финансирования политического сыска сложно объяснима. Владимир Федорович не только сокращал оклады, но даже и служебные телеграммы просил писать короче. В целом траты на политический сыск Джунковский сократил с 5,3 млн руб. в 1913 г. до 1,5 млн руб. в 1915 г. Формальным объяснением была экономия бюджетных средств²⁶¹.

Вскоре товарищ министра инициировал широкомасштабную кампанию против сыска, начались увольнения руководителей управлений. Наиболее серьезное давление было оказано на Санкт-Петербургское охранное отделение. Еще весной 1913 г. служащий охранной команды при отделении штабс-капитан Улезко растратил 9,5 тыс. руб., в результате чего в апреле он был отстранен от работы, а всю бухгалтерию принял на себя начальник охранной команды подполковник А. А. Озеровский. Фон Котен предупредил об этом Белецкого 5 апреля 1913 г., и инцидент был сочтен исчерпанным²⁶². Начальник отделения начал проверку охранной команды, что сильно замед-

260. Там же. Л. 67.

261. *Daly J. W.* The watchful state. Security police and opposition in Russia 1906–1917. Northern Illinois, 2004. P. 142.

262. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 562. Л. 90.

лило ведение дел по бухгалтерии, и с апреля начались задержки по выплате зарплат агентам. Из 390 человек 267 недополучили жалование в сумме 14 013 руб. 54 коп., то есть в среднем каждый агент недополучил по 8 руб. 75 коп. за каждый месяц с апреля по август. По итогам внутреннего расследования оказалось, что причиной этого было «крайне медленное и беспорядочное требование подполковником Озеровским из департамента полиции сумм, причитающихся на оплату счетов агентов по иногородним командировкам»²⁶³. То есть в данном случае речь шла лишь о частичной задержке командировочных в связи с нерасторопностью нового завхоза охранной команды. Но 19 сентября 1913 г. подполковник Озеровский был отстранен от руководства, и на его место был определен проводивший проверку подполковник М. Н. Волков²⁶⁴.

8 февраля 1912 г. фон Котен лично явился в Маринский театр для проверки постов агентов команды. О своих наблюдениях он писал: «Я обнаружил, что агент, находящийся на посту у внутреннего входа в великокняжескую ложу, спал, запершись в том помещении, где он обязан был находиться, спал он настолько крепко, что ни стуки в дверь, ни окрики не могли его разбудить»²⁶⁵. В итоге Котен добился у Джунковского согласия на реструктуризацию охранной команды и большую ее военизацию. Приказ об этом товарищ министра подписал 11 июня 1913 г., полностью поддержав стремление полковника навести в команде порядок.

Однако у Джунковского появился повод для начала ревизии столичного охранного отделения и всех подчиненных ему структур. В октябре 1913 г. по приказанию Джунковского Белецкий сформировал особую комиссию для ревизии отделения, которую воз-

263. Там же. Л. 91, 91об.

264. Там же. Л. 127.

265. Там же. Л. 3.

главил близкий друг²⁶⁶ и ставленник Джунковского вице-директор департамента Лерхе²⁶⁷. В состав комиссии вошли делопроизводители департамента В. И. Дидрихс и А. С. Губонин, подполковники ОКЖ В. М. Щегловский и В. М. Долгов, замененный вскоре подполковником С. С. Сушковым. От штаба ОКЖ для выяснения психологического климата среди офицеров и их отношения к растрате был направлен полковник С. М. Пискунов²⁶⁸. В обязанности комиссии входило ознакомление с расходованием средств, проверка денежных журналов, сличение расходов со сметами ассигнований, опрос филёров, подробное изучение канцелярских дел и прочей документации охранного отделения, охранной команды, Центрального филёрского отряда, Регистрационного бюро. Производилась массовая выемка документов²⁶⁹.

Резюме комиссии было неутешительным не столько для фон Котена, сколько для Джунковского. Серьезных нареканий не было. Выводы комиссии были таковы: 1) «течение дел в канцелярии отделения можно признать удовлетворительным. Дефекты в архиве связаны с нехваткой рабочих рук»²⁷⁰, 2) «заслуживает похвалы заведенная полковником фон Котеном регистрация арестованных»²⁷¹, 3) превентивная система ликвидаций получила неоднозначную оценку: были выделены как ее плюсы, так и минусы, 4) комиссия признала ошибки в финансовой документации несущественными и рекомендовала в целях экономии и упрощения отчета сократить число командировок²⁷², 5) все недочеты в работе Регистрационного бюро были отнесены на нехватку людей и времени с рекомендацией расширить штат бюро: «Осмотр ви-

266. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 638. Л. 1, 10б.

267. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18362. Л. 18.

268. Там же. Ф. 102. Оп. 261. Д. 65. Лл. 1–2.

269. Там же. Оп. 33. Д. 516. Л. 1–89.

270. Там же. Оп. 261. Д. 65. Л. 6.

271. Там же. Л. 70б.

272. Там же. Л. 14–15.

дов на жительство, поступающих в бюро ежедневно в количестве до 10 000, является для троих лиц обременительным, так как даже при навыке и опытности все-таки для тщательного и кропотливого осмотра каждого паспорта времени недостаточно»²⁷³, 6) для упрощения работы с внешней агентурой комиссия рекомендовала влить центральный филёрских отряд в состав охранного отделения²⁷⁴, 7) в охранной команде, кроме вышеупомянутой растраты Улезко, остальные дела находились в совершенно удовлетворительном состоянии.

В ноябре 1913 г. комиссия подготовила итоговый многостраничный доклад²⁷⁵, в котором не было приведено никаких негативных оценок фон Котена как руководителя. В целом была дана позитивная оценка работе полковника и подчиненных ему ведомств. А существующие недочеты были признаны системными недостатками (крайняя малочисленность кадрового состава и низкое финансирование), устранение которых находится вне власти начальника охранного отделения.

Безусловно, Джунковский был недоволен такими выводами. Уже 5 декабря 1913 г. он ввел новый штат Петербургского охранного отделения, сокращающий (а не увеличивающий, как рекомендовала комиссия!) число прикомандированных к отделению офицеров²⁷⁶. Помощником начальника отделения назначили Щегловского, одного из ревизоров. Еще пять офицеров были откомандированы²⁷⁷. В связи с увольнением большинства офицеров отделения учить новичков было почти некому. 14 января 1914 г. вопреки выводам комиссии не без подачи своего заместителя Маклаков пишет санкт-петербургскому

273. Там же. Л. 23.

274. Там же. Л. 26.

275. Там же. Л. 29–36.

276. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18576. Л. 31.

277. Там же. Л. 31об.

градоначальнику генерал-майору Д. В. Драчевскому, что в охранном отделении и всех связанных с ним структурах найдены многочисленные неправильности, главным виновником которых является фон Котен, который не может справиться со своими обязанностями и не соответствует служебным требованиям начальника отделения²⁷⁸. Через два дня, 16 января 1914 г., Джунковский направил довольно формальное ходатайство на имя Драчевского о необходимости увеличения финансирования охранного отделения, так как «смета названного отделения, установленная в 1909 году, ныне не соответствует действительным потребностям розыска в столице»²⁷⁹.

Дальнейшие меры Джунковского были направлены на окончательное ослабление охранного отделения. Финансирование в итоге было сокращено, а не увеличено. На секретную агентуру охранной команды было выделено вместо 20 700 всего 10 000 руб., на секретную агентуру непосредственно охранного отделения вместо 75 660 было отпущено 75 000 руб., кредит суточных и расходных денег филёрам центрального филёрского отряда сокращен с 27 000 до 15 000 руб. Из 135 филёров охранного и районного охранного отделения было уволено 35 человек, численность агентов охранной команды сокращена с 287 до 250 человек. Личный офицерский состав команды сокращен до четырех человек²⁸⁰. В феврале 1914 г. реорганизации продолжились — из столичной охранной команды было уволено еще не менее 98 агентов²⁸¹. Всего за свое правление Джунковский четырежды урезал бюджет Петербургского охранного отделения²⁸².

278. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 562. Лл. 136–136об.

279. Там же. Л. 130.

280. Там же. Л. 130об.–134.

281. Там же. Оп. 260. Д. 437. Л. 82.

282. *Daly J. W.* The watchful state. Security police and opposition in Russia 1906–1917. P. 142.

Однако ключевым вопросом оставалась отставка начальника отделения, на защиту которого встал сам Драчевский, работавший с ним с 1909 г. Градоначальник всеми силами пытался сопротивляться разгрому охранного отделения, убеждал Джунковского в том, что тот не имеет права ревизовать отделение, а на требование замены начальника прямо отвечал, что не может отвечать за безопасность в столице в случае увольнения фон Котена²⁸³. Джунковский любой ценой желал убрать Михаила Фридриховича, но формально начальника охранного отделения он мог снять только с согласия градоначальника. Процесс отставки затягивался. В конце концов Котен сам написал рапорт об увольнении из рядов жандармерии по болезни. Драчевский настоял на присвоении полковнику звания генерал-майора и выделении солидной пенсии²⁸⁴. Командир корпуса жандармов немедленно 14 февраля 1914 г. приказом по ОКЖ № 60 отстранил фон Котена от должности с прикомандированием к штабу и направлением в двухмесячный отпуск, а 11 апреля было получено высочайшее согласие на его окончательное увольнение из корпуса²⁸⁵.

Одновременно с сокращениями агентуры в Петербурге Джунковский взялся за всю империю. 12 января 1914 г. Белецкий по его указанию подписал циркуляр № 165514 об изменениях в комплектовании филёрских отрядов. Если ранее на самые ответственные участки работы внешнего наблюдения привлекали жандармских унтер-офицеров как более обязательных и опытных по сравнению с вольнонаемным филёрами, то теперь эта практика воспрещалась. Циркуляр требовал к 1 апреля уволить из филёрских отрядов всех унтер-офицеров. Их было разрешено привлекать эпизодически, «по отдельному

283. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 113.

284. ГА РФ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 18362. Л. 2.

285. Там же. Лл. 10, 11, 30, 31.

случаю»²⁸⁶. При этом проводилось общее сокращение числа филёров в империи, вводились особые штаты наружного наблюдения. Согласно им, всего во всех губернских жандармских управлениях и розыскных пунктах страны должно было служить не более 747 агентов-филёров (для сравнения: ранее в одной столичной охране их было 135). При этом в крупных и стратегически важных городах, таких как Санкт-Петербург, Москва, Севастополь, Кронштадт и Ростов-на-Дону, должно было быть не более 10 филёров на ГЖУ²⁸⁷. Даже учитывая, что в Москве и Петербурге оставались охранные отделения со своими штатами филёров, 10 человек было числом крайне мизерным, так как охранные отделения работали в основном в городе, а ГЖУ — в уездах губернии. Таким образом, на уезд приходилось по 1–2 агента наружного наблюдения. В то же время на не столь важные ГЖУ, так же как Иркутское, Тифлисское, Лифляндское, Киевское, предполагалось выделить от 24 до 30 агентов наружного наблюдения. Даже в Перми, Баку и Енисейской губернии филёров было больше, чем в столицах. Наименьшее число сотрудников наружного наблюдения выделялось на Подольскую и Волынскую губернии — 8 и 9 человек соответственно. Это при наличии австрийских шпионов в этих губерниях, не говоря уже о революционном движении, работе польских и украинских националистов.

Через две недели после отстранения фон Котена от должности начальника Петербургской охраны, 28 января 1914 г. Джунковский наконец-то смог добиться увольнения директора департамента полиции Белецкого. Еще ранее был уволен вице-директор Виссарионов. Весной 1914 г. некогда грозный Особый отдел был упразднен, а его дела были переданы вновь создаваемому 9-му делопроизводству. Несмо-

286. Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 437. Лл. 17–18.

287. Там же. Л. 18–19.

тря на сохранение тех же функций, политический вес подразделения резко снижался. Этим переименованием Джунковский еще раз давал понять о своем отношении к политическому сыску.

Итоги преобразований

Реформаторская деятельность Джунковского завершилась весной 1914 г., несмотря на то, что он находился на своем посту по август 1915 г., то есть больше года. Даже разработанный подполковником Энгбрехтом к декабрю 1914 г. «Наказ по ведению политического сыска», содержащий новые правила и инструкции, касавшиеся ведения внутреннего и наружного наблюдения, составления жандармской отчетности, был отложен без вынесения по нему окончательного решения²⁸⁸. Вероятно, приостановление преобразований было связано с окончательным провалом реформы полиции и прекращением заседаний комиссии Государственной думы по этому вопросу. Товарищ министра исчерпал возможности для реформирования сыска при помощи указов и циркуляров, а системная реформа провалилась.

В историографии высказывалось мнение, что Джунковский был продолжателем столыпинской линии во внутренней политике²⁸⁹. Исследователь Дунаева пишет, что Джунковский оценивал Столыпина «как национального лидера и одобрял курс его реформ, направленный на строительство правового государства и гражданского общества... Джунковский в своей деятельности в полной мере воплотил стратегическую линию политики Столыпина»²⁹⁰. С этим невозможно согласиться: Столыпин был сто-

288. *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 212.

289. *Перегудова З. И.* В. Ф. Джунковский и его воспоминания // Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 16–17.
290. *Дунаева А. Ю.* В. Ф. Джунковский: политические взгляды и го-

ронником функционирования мощной сети охранных отделений и секретной агентуры, в то время как Джунковский нанес серьезный урон этой системе; по инициативе Столыпина был составлен законопроект реформы полиции, в который Джунковский внес серьезные концептуальные изменения; в правление и с ведома Столыпина была создана военная агентура, которую распустил Джунковский; Столыпин конструировал третьеиюньскую политическую систему, выступал активным игроком в своем взаимодействии с Государственной думой, губернаторами, верховной властью, а Джунковский, наоборот, пытался встроиться в эту систему путем последовательных уступок губернаторам, военным, оппозиционным парламентариям. Главным его принципом был вышеупомянутый принцип бюрократического лавирования.

Преобразования Джунковского представляют собой единый комплекс мер по переводению управления империей из режима усиленной охраны в режим регулярного мирного правления. Не понимая сути сложившегося политического момента и плохо зная природу революционного движения, Владимир Федорович искренне полагал, что страна прошла полосу потрясений и России больше не грозит революция. По меткому замечанию вице-директора департамента полиции Кафафова, «девизом Джунковского было известное, оставшееся от турецкой кампании 1877 г.: „На Шипке все спокойно“. Не веря запугиваниям Белецкого о надвигавшейся угрозе — революции, Джунковский утверждал, что все эти страхи есть результат трусости, что страна переживает мир и тишину, и под заранее придуманные трафареты он подгонял работу политической полиции»²⁹¹.

сударственная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Автореферат дисс. канд. ист. наук, ИАИ РГГУ. М., 2010. С. 16, 17.
291. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 84.

Соответственно и в качестве сотрудников он подбирал себе людей близких взглядов, как правило бесцветных, не имевших своего мнения бюрократов, готовых к выполнению приказаний шефа, а также обиженных за что-то на охранку В 1916 г. в коллективном письме на имя нового командира корпуса графа Д. Н. Татищева группа жандармских офицеров так писала о назначениях Джунковского: «Не позволяйте много выскоккам: начальнику штаба Никольскому и его помощнику Правикову, нагло издевающимся над людьми, из коих первый отличается тем, что обладает душой крокодила и совестью глиняного истукана, а второй — типичный кретин»²⁹². Такая атмосфера сложилась в корпусе после реализации кадровой политики Джунковского. До этого офицеры жандармерии никогда не позволяли себе подобных писем на имя командира корпуса.

С точки зрения внутренней политики Джунковский пытался найти компромисс с той частью оппозиции, которая представлялась ему наиболее договороспособной. Такой политической силой ему казались октябристы. Именно поэтому, внешне идя на конфронтацию с Думой (появление на заседаниях в жандармском мундире), на практике он шел на поводу у депутатских требований. Стиль управления Владимира Федоровича состоял в том, чтобы, с одной стороны, подавить любую фронтду в собственном ведомстве, зачастую даже ценой беспрецедентных акций, как, например, разгромная ревизия Петербургского охранного отделения, а с другой — найти надежную опору вовне, среди губернаторов и наиболее влиятельных политиков.

Надо отметить, что Джунковский достиг своей цели. За два с половиной года пребывания в кресле командира корпуса жандармов он практически не подвергался критике с парламентской трибуны в отличие от своего шефа Маклакова и предшественников на посту. После отставки Джунковского Гучков при-

292. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 829. Л. 136об.

слал ему письмо, полное соболезнований и сожалений: «Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите, „они“ — обреченные, их никто спасти не может. Пытался спасти их Петр Аркадьевич... Пытался спасти и я. Но затем махнул рукой. Пытались сделать и Вы, но на Вас махнули рукой. Но кто нуждается в спасении, так это Россия. И она от Вас не отмахнется. Она нуждается в таких людях, как Вы. Послужите ей. Крепко жму Вашу руку. Глубоко уважающий Вас и искренне преданный А. Гучков»²⁹³. Джунковский поехал, чтобы лично переговорить со старым другом, для которого так много сделал во время своего правления, но, не застав дома, прислал официальное письмо: «Вы знаете меня хорошо, Вы знаете мои идеалы и всю мою службу, и, что бы со мной ни было, что бы ни случилось, какие бы испытания ни выпали еще на мою долю, я не изменю тем идеалам и завету, с которыми начал свою службу монарху и России».

Однозначно отвергнув, таким образом, скрытые политические намеки Гучкова, Джунковский, однако, подчеркнул степень их близости. Владимир Федорович прекрасно знал, что после отставки за ним будет установлено наблюдение и поэтому был крайне осторожен в письмах. Именно по этой причине он ехал переговорить лично. В ответе он пишет, что «часть письма вызвала у меня недоумение». Исследователи часто оценивают эту фразу по цитате в воспоминаниях Джунковского. Но если обратиться к подлиннику письма из фонда Джунковского в ГА РФ, то внизу документа мы увидим небольшую приписку: «Верно: Л. Сенько-Поповский»²⁹⁴. Л. А. Сенько-Поповский был секретарем Джунковского по должности товарища министра внутренних дел. Эта виза показывает, что письмо носило официальный характер — предусмотрительный товарищ министра знал, что оно попадет

293. *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 637.

294. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 431. Л. 1.

в руки жандармов, знал о политических взглядах Гучкова, знал о всеобщей осведомленности, об их близости и решил, во избежание могущих последовать неприятностей, отвергнуть протянутую Гучковым руку политического сотрудничества.

Если беспристрастно взглянуть на реформы Владимира Федоровича, то можно однозначно утверждать, что они вели к беспрецедентному ослаблению безопасности политического режима и были объективно выгодны как революционерам, так и оппозиции, то есть значительно приближали наступление революции. Однако это было не следствием злой воли Джунковского, а результатом его политических просчетов и некомпетентности в столь сложной и специфичной отрасли государственной службы, как полиция и жандармерия. Отдельный корпус жандармов, благодаря ослаблению департамента полиции и охранных отделений, временно усилил свое положение в межведомственной борьбе, но был также ослаблен как орган политического розыска. Осознанно или неосознанно Джунковский действовал под влиянием партии октябристов и лично А. И. Гучкова. Именно в их интересах и при их поддержке шли наиболее неоднозначные его преобразования, такие как отмена военной агентуры, снятие наблюдения с депутатов Государственной думы, реформа полиции, увольнение Романа Малиновского.

Особо необходимо отметить, что в начале 1910-х гг. без участия Джунковского в политическом сыске одерживает верх мнение о неизбежности скорой революции. Наиболее перспективные меры по ее предотвращению руководство политического сыска видело в установлении политического контроля над армией в целом (как рядовым, так и офицерским составом, вплоть до генералитета), разворачивании системы превентивной юстиции, унификации полицейской системы на местах под руководством опытных в политическом розыске офицеров Отдельного корпуса жандармов. Джунковский поставил заслон на пути развития всех трех указанных направлений.

III. Спецслужбы на мировой войне

«**В**ИДИМО, война назревает. Я боюсь только нашего обожаемого полковника. В нем главная опасность. Затем опасность в том, что успел наблудить Джунковский»¹ — такие слова 14 июля 1914 г. записал в дневнике известный монархист приват-доцент юридического факультета Юрьевского университета Борис Никольский. Под «полковником» имелся в виду Николай II, состоявший именно в этом воинском чине. Суть опасений, высказанных одним из отцов-основателей Союза русского народа, была весьма проста. Глава государства не обладал качествами сильного, решительного правителя и не пользовался широкой популярностью, а аппарат специальных служб, призванный защищать его власть и самодержавие как таковое, сам нуждался в помощи. Случайно брошенная в дневнике фраза стала очень точным прогнозом: война еще больше ослабила государственный аппарат, открыв двери революции. Однако в первые месяцы это немногие могли предвидеть.

Казалось, вся страна сплотилась в едином патриотическом порыве, который так поэтично обрисовал 21 июля в своем дневнике искусствовед барон Николай Врангель: «Невозможно описать волнение и энтузиазм, охватившие Петербург после объявления войны. Такого возбуждения, восторга и спокойной покорности воле Судьбы я никогда не видел. Толь-

1. *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 195.

ко в такие высокие минуты, когда человек соединяется с человеком всеми своими помыслами и ощущениями, понимаешь все величие и необходимость войны. Только война, потрясая всё человечество, может пробудить в нем чувства, которые, казалось, уже не существуют, и как ни странно сказать, но пока будет война, не умрет и благородство ощущений. И обратно: при воцарении мира, о котором так бесплодно мечтают все пацифисты, настанет и день бездушного безразличия и сытого равнодушия, этого злейшего врага всякой поэтической мысли и духовного усовершенствования. Нет, как ни ужасно, как ни страшно кровопускание мировой бойни, но необходимо оно, и только ею очистится и облагородится оупевшее и разжиревшее человечество. Вот почему, как ни трагичны для отдельных людей и стран войны, но для истории человеческой мысли и рыцарства войны необходимы...»² За день до этого барон записал в дневнике: «Война, объявленная Германией России, — не случайный эпизод ссоры или алчности двух держав, а поворотная точка. После которой, быть может, вся Европа переменит свою географическую карту и полная перетасовка понятий и ценностей создаст новый мир. Мне думается, что грядущая война, в которой все великие державы примут участие, — разрешение векового вопроса о борьбе двух начал: Божеского и человеческого»³.

Н. Н. Врангель, личность художественно одаренная, служил в Красном Кресте, раскрыл ряд злоупотреблений на фронте, начал писать книгу, но не успел завершить: до окончания войны не дожил, умер в 1915 г. в госпитале от скоротечной желтухи. Столь длинная цитата из его дневника важна не только благодаря очень точному описанию творившейся во всех слоях общества романтической эйфории, связанной

2. *Врангель Н. Н.* Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001. С. 19–20.

3. Там же. С. 15–16.

с началом мировой войны, но и отражает немаловажную деталь — с первых дней война многими рассматривалась как конец старого мира, как испытание, которое изменит Россию до неузнаваемости.

Самодержавие рассчитывало укрепить свои позиции и опору в народе благодаря победе в войне, политическая оппозиция восприняла ее как возможность, эксплуатируя тему патриотической помощи армии, заработать весомый политический капитал и конвертировать его министерские портфели, промышленники — как способ обогатиться, ну а революционные партии рассматривали войну как открытое окно возможностей для свержения власти. Сделав ставку на победу в войне, направив на нее все ресурсы государства, Николай II и в целом царское правительство проигнорировали соображения внутренней безопасности в империи, что привело в итоге к тому, что искусствовед Врангель назвал победой человеческого начала над Божественным.

Мобилизация корпуса жандармов

Несмотря на то что Первая мировая война не стала неожиданностью для военных и политических элит России, страна не была должным образом подготовлена к затяжной и кровопролитной войне. Неготовность эта проявлялась в различных сферах, в том числе в сфере государственной безопасности.

В первую очередь речь пойдет о работе контрразведывательных отделений и политической полиции в прифронтовой зоне и в действующей армии. Военная контрразведка была создана только в 1911 г. и не была еще опробована в условиях войны. Согласно Положению о контрразведывательных отделениях, Инструкции начальникам КРО и Положению об управлении войск в военное время издания 1914 г., начальник КРО и его заместитель назначались из жандармских офицеров по согласованию с коман-

диром корпуса и штабом ОКЖ. Таким образом, работа по контрразведке в первую очередь легла на офицеров жандармерии.

Другой важной особенностью жандармской работы в указанный период была деятельность по предотвращению революции в том виде, в котором ее понимали руководители сыска и МВД. Речь шла не только о стандартных мерах, но и о специфике военного времени — контроле над армией.

Третья группа задач состояла в содействии армии в организации тыла: доставке новобранцев, усилении офицерского состава штабов фронтов, конвоировании и слежке за военнопленными, работе на оккупированных территориях Турции и Австро-Венгрии и более мелких нуждах военного времени.

В. Ф. Джунковский так описывает в своих воспоминаниях значение начала войны для корпуса жандармов: «Именно во время войны, когда деятельность чинов корпуса значительно расширилась, становясь еще более почетной, ответственной, помимо контрразведки, потребовавшей в полевые штабы очень много лучших офицеров для очень серьезной работы, на всех чинов приграничной полосы легла особо ответственная роль при наступлении противника, когда им приходилось последними покидать районы, подлежавшие эвакуации, охраняя порядок и принимая все меры против паники, показывая пример бодрости и присутствия духа. Кроме того, вновь завоеванные места требовали организации гражданского управления, а на это нужны были опять офицеры корпуса жандармов. Надо отдать справедливость офицерам вверенного мне корпуса, они во всех этих командировках и при исполнении всех обязанностей во время войны всегда бывали на должной высоте»⁴.

Отдельный корпус жандармов был мобилизован не единовременно, а частями. Непосредственно с начала войны были мобилизованы жандармские

4. Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 397.

управления, находившиеся в пределах театра военных действий,— Финляндия, Петроградская губерния с городом Петроградом, Эстляндская и Лифляндская губернии, Валдайский, Боровичский, Тихвинский, Новгородский, Старорусский, Крестецкий и Демянский уезды Новгородской губернии, Курляндская, Ковенская, Сувалкская, Виленская, Витебская, Псковская, Ломжинская, Полоцкая, Варшавская, Калишская, Петроковская, Люблинская, Гродненская, Келецкая, Радомская, Холмская, Волынская, Подольская, Бессарабская, Киевская, Минская, Могилевская, Херсонская и Таврическая губернии, Краснинский, Поречский и Смоленский уезды Смоленской губернии, Золотоношский, Переяславский, Пирятинский, Прилукский и Кременчугский уезды Полтавской губернии, Черниговская губерния, Верхнеднепровский, Екатеринославский, Новомосковский, Павлоградский и Александровский уезды Екатеринославской губернии, Архангельский, Онежский и Холмогорский уезды Архангельской губернии, Темрюкский отдел Кубанской области, Черноморская губерния, Сухумский округ, Зугдидский, Сенакский и Озургетский уезды Кутаисской губернии и Батумская область⁵.

16 июля 1914 г. помощник начальника штаба ОКЖ генерал-майор Правиков по распоряжению начальника штаба Никольского приказал всем офицерам корпуса немедленно явиться в свои управления, за исключением лиц, находившихся на лечении⁶.

Мобилизованные части и управления жандармерии должны были находиться непосредственно в подчинении местного военного начальства. 9 августа 1914 г. Николай II обязал жандармов в прифронтовой зоне носить походное армейское обмундирование и снаряжение вместо синих мундиров. Офицерская форма состояла из мундира серо-зеленого цвета

5. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Л. 397.

6. Там же. Л. 6а.

по образцу кителя, установленного в 1907 г., серо-синих шаровар, защитной фуражки и шинели⁷.

12 декабря 1914 г. военный министр В. А. Сухоминов отдал распоряжение о мобилизации главного управления и штаба корпуса жандармов с отнесением расходов на военный бюджет⁸. Сложно точно объяснить причину полугодового разрыва в мобилизации между центральным аппаратом и местными жандармскими учреждениями, однако, вероятно, это могло быть связано с сопротивлением руководства ОКЖ массовому привлечению жандармов для занятия армейских должностей. Уже через полтора месяца после начала войны кадровый голод в ОКЖ достиг значительных размеров. 19 августа 1914 г. Сухоминов вышел на Совет министров с предложением расширения штатов жандармерии⁹. А 23 августа он направил официальное письмо на имя главы МВД Маклакова. В письме было сказано: «В Министерстве внутренних дел находится на службе довольно значительное число офицеров, переведенных туда из войск. Ввиду сего и принимая во внимание, что в настоящее время в войсках ощущается большая потребность в офицерах, было бы весьма желательным привлечь в строевые части и тыловые учреждения армии офицеров означенного ведомства из числа выразивших на то желание»¹⁰.

Генеральный штаб требовал предоставления офицеров и унтер-офицеров корпуса для различных должностей в армии. 2 сентября 1914 г. командующий корпусом Джунковский направил на имя начальника Генерального штаба ответ, в котором требовал упорядочить систему привлечения жандармов на военные нужды. В документе сказано: «Со времени объявления мобилизации и начала военных действий сразу выяс-

7. Там же. Лл. 175–176об.

8. Там же. Оп. 19. Д. 199. Л. 1.

9. РГИА. Ф. 1276. Оп. 25. Д. 49. Лл. 252–252об.

10. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Лл. 240–240об.

нилась довольно значительная потребность в офицерах Отдельного корпуса жандармов как для нужд самих действующих армий, так и для обслуживания тех местностей, на которых происходило сосредоточение таковых. По отношению к удовлетворению означенных потребностей все части и управления Отдельного корпуса жандармов могут быть разделены на две категории: 1) части и управления, находящиеся в районах действующих армий, и 2) все остальные, не входящие в таковые районы. Предъявленные в военное время к офицерским чинам частей и управлений первой категории новые требования и усиленная работа, непосильная их штатному составу мирного времени, вынудили начальство корпуса, по ходатайству главнокомандующих армиями или подчиненных им начальников военных сообщений, усилить состав означенных частей и управлений путем командирования в наиболее важные пункты офицеров из состава частей и управлений второй категории»¹¹.

Всего за полтора месяца в прифронтовую полосу и в действующую армию было переведено и представлено к переводу 47 офицеров, на усиление жандармских управлений пограничной полосы было направлено еще 34 офицера, а на увеличение состава ЖПУ Финляндских железных дорог по требованиям военного времени — еще 7 человек. Таким образом, в самом начале Первой мировой войны с непосредственной работы по политическому розыску было снято 88 офицеров, то есть более 9% всего офицерского состава ОКЖ. При этом штатный состав прифронтовых управлений не только не усилился, но из-за больших вливаний чинов в состав армейских структур и подразделений оказался еще более ослабленным, чем раньше. Уже в июле 1914 г. из прифронтовых жандармских управлений стали поступать телеграммы с жалобами на крайний недостаток офицеров и просьбы уси-

11. Там же. Лл. 291, 291об.

лить личный состав несколькими новыми¹². 13 августа командование корпуса срочным циркуляром требовало немедленно сообщать в штаб о командированиях и назначениях жандармских чинов с точным указанием, когда это произошло и по чьему распоряжению¹³. В одном только Привислинском крае было мобилизовано 19 офицеров, занимавших должности до помощника начальника ГЖУ включительно¹⁴.

На какие же должности назначались жандармы? Во-первых, большая часть переводилась по усмотрению военных на усиление или формирование с нуля жандармских управлений и команд. Во-вторых, немало жандармов назначались в разведывательные (офицерами для поручений и заместителями начальника) и контрразведывательные (начальниками и их заместителями) отделения штабов фронтов и армий. Часть жандармов определяли в распоряжение штабов армий и фронтов, зачастую в санитарную и эвакуационную части¹⁵.

Как было сказано выше, значительная часть чинов направлялась на формирование недавно распущенных крепостных жандармских команд. Еще 13 января 1909 г. император одобрил упразднение Варшавской и Ивангородской крепостей, однако процесс ликвидации значительно растянулся. 31 декабря 1912 г. Главное управление Генерального штаба пришло к выводу о необходимости упразднения штабов данных крепостей вместе с имеющимися Ивангородской и Варшавской крепостными жандармскими командами. Одновременно предполагалось расформировать Либавскую крепостную жандармскую команду (сама крепость по факту была ликвидирована в 1908 г.) и Ломжинскую жандармскую команду, а штаты оставшихся крепостных жандармских команд в империи подде-

12. Там же. Л. 60.

13. Там же. Л. 174.

14. Там же. Лл. 196–197.

15. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18655. Лл. 45, 52.

жали значительному пересмотру в сторону сокращения. 30 мая 1913 г. данное мнение ГУГШ было рассмотрено и одобрено Военным советом¹⁶. По плану ГУГШ, от Варшавской крепости должна была остаться лишь Александровская цитадель, в которой планировалось создать небольшую жандармскую команду. С началом войны распущенные жандармские команды стали в срочном порядке восстанавливаться. Так, распущенная Ивангородская крепостная жандармская команда стала восстанавливаться уже 12 августа 1914 г.¹⁷ Работа крепостных жандармских команд заключалась в борьбе со шпионажем и в поиске дезертиров. К примеру, Новогеоргиевской крепостной жандармской командой с января по апрель 1915 г. было поймано 84 солдата-дезертира¹⁸.

Еще 23 июля 1914 г. Совет министров по ходатайству главы МВД Маклакова принял решение все не находящиеся на осадном и военном положении местности Российской империи объявить в состоянии чрезвычайной охраны¹⁹, что требовало максимального напряжения сил от тыловых ЖУ, усиленного несения службы. На деле же шло сокращение личного состава управлений.

«При таких условиях дальнейшее ослабление офицерского состава корпуса... представляется довольно затруднительным», — резюмировал в письме от 2 сентября Джунковский²⁰. Столь мягкий протест был вызван позицией его непосредственного начальника Маклакова, который на следующий день, 3 сентября, направил на имя Сухомлинова письмо, в котором предлагал перевести в армию еще 13 офицеров ОКЖ, в большинстве своем не занимающихся рутин-

16. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78012. Лл. 1–2.

17. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152. Лл. 217–218.

18. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы за 1915 г. Пг., 1915. Приказ № 179.

19. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1914 год. М., 2006. С. 222.

20. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652 — Л. 292.

ной работой сыска, а состоящих при министре внутренних дел или в распоряжении командира корпуса. Министр также «признал возможным предложить наличным офицерам полицейской стражи перейти в действующие войска для замещения некомплекта в строевых частях»²¹. Поначалу МВД довольно мягко сопротивлялось требованиям военного начальства, пытаясь найти компромисс. Предложение Маклакова, по сути, было попыткой сохранить штат ОКЖ (и так весьма малочисленный), перенося основную тяжесть потерь на более многочисленную полицию.

Положение с рядовыми нижними чинами было не менее сложным. Патриотический энтузиазм, вызванный началом войны, привел к тому, что многие унтер-офицеры и иные нижние чины начали подавать прошения о переводе их на фронт. Начальники управлений запрашивали руководство ОКЖ о возможности удовлетворить данные прошения. 26 июля 1914 г. в циркуляре № 99 начальник штаба корпуса генерал Никольский подчеркнул, что «на чинах корпуса жандармов лежит серьезная обязанность, заключающаяся в охране государственного спокойствия и общественной безопасности, которая приобретает наиважнейшее значение в военное время», и передал приказ командующего корпусом отклонять все подобные прошения. Подписанным в тот же день циркуляром № 98 Никольский разъяснял позицию начальства ОКЖ: всех находящихся на службе нижних чинов нужно оставлять, а тех, у кого заканчивается срок подписки (контракта с ОКЖ), необходимо было убеждать эту подписку продолжить; уволенных со службы рекомендовалось принимать обратно. Отправлять в распоряжение местных воинских начальников он приказывал только те нижние чины, которые отказались продлить сроки подписки или подлежали увольнению по иным причинам²².

21. Там же. Лл. 288, 288об., 296.

22. Там же. Лл. 81, 82.

31 июля 1914 г. циркуляром №101 штаб ОКЖ признавал большой некомплект унтер-офицеров и требовал брать на службу отставных унтеров, если они были годными к службе²³. Несмотря на то что закон это вполне разрешал²⁴, ранее такая практика не имела места: руководство корпуса предпочитало набирать только нижние чины, находящиеся в запасе.

Армия забирала не только сотрудников сыска вне зависимости от их чина, но даже и вспомогательный персонал. Например, массово на фронт стали мобилизовывать врачей при жандармских управлениях и дивизионах. 26 июля 1914 г. товарищ министра внутренних дел Золотарев издал специальный циркуляр, требовавший заменять мобилизованных врачей «докторами медицины иностранных университетов из русских подданных, студентами 5 курса медицинских факультетов и слушательницами 5 курса высших женских медицинских учебных заведений»²⁵. Это была установленная по всей империи практика, применявшаяся в городских, земских и благотворительных учреждениях. В условиях патриотического подъема такой предлог, как «обстоятельства военного времени», иногда превращался в настоящий бич для нормальной организации работы ведомств.

К концу октября 1916 г. была практически парализована работа типографии штаба ОКЖ, печатавшей различные документы, приказы и циркуляры (в том числе секретные) корпуса жандармов, департамента полиции, инспекции императорских поездов по охране путешествий Его Императорского Величества, Главного артиллерийского управления, Главного военно-технического управления, мобилизационных отделов Николаевской и Северо-Западной железных дорог, офицерской стрелковой школы.

23. Там же. Л. 98.

24. Свод Военных Постановлений 1869 г., 2-е изд. СПб., 1907. Книга VI. С. 184.

25. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Лл. 142, 153.

На военную службу были призваны почти все рабочие типографии, а общий состав служащих доведен до минимального предела²⁶. Важность вопроса была настолько велика, что начальник штаба ОКЖ Никольский направил от имени командующего корпусом срочное секретное письмо на имя и. д. начальника Генерального штаба П. И. Аверьянова с просьбой немедленно предоставить отсрочку в призыве всем сотруди-никам типографии²⁷.

4 октября 1914 г. начальник Военно-медицинской академии ввиду необходимости обучить верховой езде слушателей выпускного курса, которых предстояло отправить на фронт в качестве военных врачей, просил о выделении ему помещений манежа столичного жандармского дивизиона и жандармских лошадей, на что получил полное согласие как командира названного дивизиона, так и самого Джунковского²⁸. Отставные жандармские офицеры, вплоть до генерал-майоров, начальников ГЖУ, выходили из отставки не на службу в корпус, где были очень нужны, а как раз на военную службу. Несмотря на то что в последний раз они командовали военными частями лет за двадцать до начала войны, Главный штаб удовлетворял данные ходатайства²⁹.

Необходимо признать, что правительство пыталось отчасти компенсировать потери полиции. Еще в июле 1914 г. Николай II распорядился сохранять за лицами, прикомандированными в действующую армию из других ведомств, право «возвратиться по окончании военных действий на занимаемые ими должности»³⁰. 2 сентября 1914 г. Совет министров выделил Министерству внутренних дел дополнительный кредит в размере 500 000 руб. для приня-

26. Там же. Д. 18657. Л. 218 «б».

27. Там же. Л. 218 «б» об.

28. Там же. Д. 18653. Л. 44.

29. Там же. Лл. 57, 57об., 97, 97об.

30. Там же. Л. 109.

тия особых мер охраны по случаю военного времени, а именно «на образование военно-полицейских команд, на наем особых надзирателей для надзора за политическими ссыльными, на содержание поднадзорных, на сыскные надобности, на усиление секретной агентуры и на прочие экстренные расходы, не подлежащие оглашению»³¹. Несмотря на то что эта сумма соответствовала требованиям самого МВД, проблема набора кадров не могла быть решена лишь путем финансовых вливаний.

По данным историка полиции К. С. Романова, некомплект только полицейской стражи составлял 13% по империи в целом, а в ряде крупнейших губерний (в том числе Московской и Петроградской) варьировался между 30 и 60%³². Армия также старалась помочь МВД в решении проблем некомплекта, но чисто механическим путем: 23 мая 1915 г. военный министр Сухомлинов в письме Маклакову, ссылаясь на разрешение императора, предлагал раненых и признанных врачебными комиссиями непригодными к дальнейшему несению строевой службы назначать на вакантные штатные должности в МВД³³. Однако замена обученных и опытных специалистов по сыску на строевых офицеров, не знакомых с работой розыска, не имела смысла.

К лету 1915 г. кадровая проблема обострилась еще сильнее. По данным штаба ОКЖ, на начало июля некомплект унтер-офицеров в жандармских частях и управлениях составлял 900 человек. Плюсом к тому из имеющихся в списках 950 чинов было командировано в распоряжение штабов действующих ар-

31. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. /1914 год. М., 2006. С. 337.

32. Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2002. С. 163.

33. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 258.

мий³⁴. Таким образом, армия забрала 8% штатного состава унтер-офицеров жандармерии, а общая нехватка унтерских чинов составила 15,7%. Некоторое время пополнение происходило за счет железнодорожных и полицейских стражников, которых переводили в состав жандармерии. Однако уже 27 августа 1915 г. ГУГШ запретило определять их в жандармские управления и команды³⁵. Руководству ОКЖ пришлось смириться с этим требованием: 1 сентября начальник штаба Никольский запретил нанимать унтер-офицеров, демобилизованных с фронта, в связи с полученными ими ранами и увечьями³⁶, но об офицерском составе речи не шло. В условиях, когда лучшие нижние чины оказались на фронте или подлежали призыву, приходилось нанимать людей, совершенно не подходящих для специальной службы. 24 апреля 1915 г. в циркуляре № 54 Никольский отмечал, что «на службу в жандармские управления принимаются нижние чины, которые, как выясняется впоследствии, в момент определения на службу в корпус жандармов, были одержимы туберкулезом, венерическими и другими серьезными заболеваниями, дальнейшее развитие которых делает таких нижних чинов совершенно неспособными к продолжению службы... Кроме того, в то же время поступают уже ходатайства нижних чинов, раненых и контуженных на войне»³⁷.

К 29 сентября 1915 г., согласно справке по Отдельному корпусу жандармов, составленной в недрах департамента полиции, под руководством военных оказалось 162 офицера и 3638 нижних чинов корпуса³⁸. Таким образом, армия «изъяла» 25% нижних чинов, а если прибавить к ним некомплект унтеров в 900 че-

34. Там же. Д. 18655. Лл. 100г-100г об.

35. Там же. Л. 100а.

36. Там же. Л. 105-106об.

37. Россия. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Циркуляры за 1915 г. Пг., 1915. Циркуляр № 54.

38. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 54. Л. 60об.

ловек, то получится, что общая нехватка унтер-офицеров, вахмистров и рядовых на работе по охране государственной безопасности составит 31,5%. Нехватка офицерского состава в политическом сыске составила 16,3%. Несмотря на то что штатное число офицеров корпуса выросло на 3% (с 962 в 1914 г. до 993 в 1915 г.)³⁹, реального увеличения штатов не произошло, так как данный рост был обусловлен исключительно появлением новых жандармских управлений на оккупированных территориях.

По оценке руководства политического сыска, «существующая прочная организация жандармских полицейских управлений стала нарушаться»⁴⁰. Касалось это не только пострадавших в наибольшей степени ЖПУЖД, но и непосредственно политических ГЖУ, ужу и ОблЖУ. Исключение составлял прифронтовой Привислинский край, в девяти ГЖУ и одном жандармском дивизионе которого был полный комплект офицерских и нижних чинов, а Варшавское ГЖУ было даже усилено пятью прикомандированными офицерами и одиннадцатью унтерами,⁴¹ что объясняется тем, что эти управления почти в полном составе работали на армию.

25 ноября 1915 г. в штабе корпуса жандармов был составлен следующий документ — «Сведение о чинах ОКЖ, командированных и выбывших по разным случаям в связи с обстоятельствами военного времени». Согласно ему, политический сыск потерял прикомандированными с начала войны 178 офицеров и 1161 унтер-офицера (без учета прочих нижних чинов)⁴², то есть 18% офицеров и 10% унтеров. Таким образом, только за 2 месяца (октябрь и ноябрь) 1915 г. нехватка

39. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1915 года. Части 1 и 2. Пг., 1915; и Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1914 года. Части 1 и 2. Пг., 1914.

40. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 54. Л. 610б.

41. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 212–213.

42. Там же. Д. 19816. Лл. 1, 10б.

офицеров увеличилась на 16 человек. То есть с начала августа 1914 г. по конец ноября 1915 г. «на военные нужды» прикомандировывалось в среднем 8–11 офицеров в месяц. Если мы допустим сохранение таких темпов и в дальнейшем, то можно предположить, что к концу 1916 г. жандармерия могла потерять более 300 офицеров, то есть треть состава.

В сводке за 25 ноября 1915 г. приводятся данные по распределению командированного личного состава ОКЖ. Так, наибольшее число командированных офицеров было направлено на усиление ГЖУ и ЖПУЖД по ведению военных работ 65 человек (или 36,5%), в разведывательные отделения штабов армий — 45 человек (или 25%), в части действующих армий — 43 человека (24%), а остальные 25 офицеров были откомандированы в штабы главнокомандующих армий фронтов, в распоряжение начальника секретной охраны Управления дворцового коменданта, в крепостные команды, на укрепленные позиции, в различные органы власти на оккупированных территориях Австро-Венгрии. Большинство же унтер-офицеров направлялись на усиление ГЖУ и ЖПУЖД по ведению военных работ — 706 человек (или 61%), в крепости и на укрепленные позиции — 232 человека (20%), в разведывательные отделения — 94 человека (или 8%), на обслуживание и охрану этапов действующих армий — 73 человека (или 6%), а также в Галицию (около 3%), на радиотелеграфные станции и в иные военные структуры.

Следует отметить, что командирование офицеров из ряда жандармских управлений, находящихся на театре военных действий, совершалось зачастую по одному лишь требованию штабов армий без предварительного согласования или хотя бы информирования руководства корпуса жандармов. Данная ситуация вызывала серьезные конфликты и разногласия между руководством армии и сыска, вылившиеся в отдельную переписку. Только 23 февраля 1915 г. по твердому настоянию жандармского руководства

начальник Штаба Верховного главнокомандующего письмом №1639 на имя Джунковского уведомил последнего, что сделал распоряжение о командировании жандармских офицеров в армию исключительно по согласованию с руководством корпуса⁴³.

Кроме разведывательных отделений и КРО офицеры ОКЖ направлялись на руководящую работу в военно-эксплуатационный отдел управления начальника военных сообщений армии фронта⁴⁴, заведующим передвижением войск, комендантом станции, на военную цензуру⁴⁵, в санитарную и эвакуационную часть⁴⁶, в военно-дорожный отдел управления военных сообщений армии фронта⁴⁷, генералом для поручений при главном начальнике военного округа⁴⁸, корпусным комендантом⁴⁹, дежурным генералом военного округа⁵⁰ и проч.

На все работы, связанные с путями сообщения, назначались, как правило, офицеры ЖПУЖД. Джунковский издал два циркуляра, 9 декабря 1914 г. №15015 и 27 декабря 1914 г. №419, а также приказ от 31 января 1915 г. №30 по данной сфере жандармской работы. В приказе сказано: «С началом военных действий одной из самых существенных обязанностей чинов жандармских полицейских управлений является поддержание полного порядка на станциях и в поездах при воинских перевозках и оказание в этом полного содействия чинам, заведующим передвижением войск и начальникам военных команд, следующих по железным дорогам. Высшее военное начальство обратило самое серьезное внимание на принятие мер против само-

43. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 19. Д. 176. Л. 3.

44. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Лл. 166, 191; Ф. 110. Оп. 2. Д. 18655. Л. 8.

45. Там же. Д. 18652. Л. 202.

46. Там же. Д. 18655. Л. 45.

47. Там же. Л. 218 «6».

48. Там же. Д. 18654. Л. 115.

49. Там же. Д. 18653. Л. 162.

50. Там же. Л. 195 «а».

вольных поездов нижних чинов по железным дорогам и присутствия таковых чинов в полосе отчуждения»⁵¹. Впоследствии руководство ОКЖ издало еще 2 циркуляра, предписывавших «принять самые энергичные меры по задержанию бежавших нижних чинов из эшелонов, едущих на пополнение действующих армий, и вообще установить неослабное наблюдение за нижними чинами, следующими по железным дорогам»⁵².

Волнения среди новобранцев начались еще в августе 1914 г. Так, 18 августа на станции Тлуц Северо-Западных железных дорог нижние чины 235-го Белевского пехотного полка разгромили и ограбили несколько еврейских лавок, нанеся убытков на 7800 руб.⁵³ Отсутствие согласованности между военными и жандармами приводило к тому, что офицеры эшелона не предпринимали никаких мер для прекращения беспорядков. На следующей остановке Вольмин повторилась та же история: новобранцы Белевского полка вновь разгромили лавки частных лиц, на этот раз уже без разбора национальности их владельцев. Ситуация с охраной эшелонов с новобранцами особенно обострилась в 1916 г. Инциденты на различных железных дорогах происходили почти каждый день. 21 мая на станции Подсевы Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги товарный поезд столкнулся с военным поездом № 86, который вез новобранцев, по причине того, что последние в шутку перевели стрелку. Погибли 13 новобранцев, ратник ополчения и две местные женщины, ранения разной степени тяжести получили 26 человек⁵⁴. 26 мая на станции Трусевич Николаевской железной дороги пьяные новобранцы военного поезда № 242 забросали камнями и бутылками пассажирский

51. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы за 1915 г. Пг., 1915. Приказ № 30.

52. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18655. Л. 172.

53. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152. Лл. 276–278об.

54. Там же. Ф. 110. Оп. 4. Д. 4538. Лл. 1, 3–4об.

поезд №19. В тот же день на разгоне Дубасовский Рязанско-Уральской железной дороги произошел конфликт между новобранцами военных поездов №69 и 204, стоявших рядом. Начальник эшелона №69 был ранен в голову камнем. При подавлении волнений убит один новобранец. 30 мая на станции Кавказская Владимирской железной дороги толпа новобранцев разгромила комнату дежурного жандарма, кондукторскую и квартиру помощника начальника станции. Волнения умирил жандармский унтер-офицер Соляной, открыв из револьвера огонь в воздух⁵⁵.

С каждым месяцем волнения становились все более массовыми. В октябре — ноябре 1916 г. стрельба в воздух уже не останавливала толпу. Приходилось вызывать на подмогу местную жандармскую команду и подкрепление с соседних станций⁵⁶. Осенью 1916 г. в связи с конфликтами между военными и жандармами по вопросу, кто кому должен помогать в подавлении выступлений, на некоторых железных дорогах стали принимать местные договоренности. Например, на Московско-Рижской железной дороге между начальником военно-дорожного отдела и местным ЖПУЖД было согласовано следующее: «В случае участвовавших беспорядков жандармы должны немедленно передавать командирам станций роты резерва и энергично содействовать в соблюдении порядка»⁵⁷. Однако жандармы за малочисленностью не могли контролировать ситуацию. 21 декабря на станции Унеча Полесских железных дорог новобранцы эшелона №40538 разгромили и разграбили буфет и девять лавок. Более 500 новобранцев преследовали и избивали камнями и палками дежурных унтер-офицеров жандармерии. Подполковнику Виленского ЖПУЖД Д. И. Осипову, руководившему подавлением и имевшему в своем распоряжении всего одну запасную роту,

55. Там же. Лл. 4, 5.

56. Там же. Д. 4695. Л. 1–2.

57. Там же. Л. 6.

пришлось обратиться за помощью к начальнику гарнизона, который выделил еще две роты⁵⁸. К тому же жандармско-полицейские управления железных дорог были дополнительно перегружены работой, когда 16 июля 1915 г. решением первого департамента Министерства юстиции по согласованию с Сенатом судебным следователям было официально разрешено поручать жандармским чинам производство дознаний и сбор справок⁵⁹.

Потери и кадровый голод

Боевые потери корпуса жандармов были невелики. К декабрю 1915 г. убитыми числились один офицер (ротмистр Варшавского ЖПУЖД В. Э. фон Гюббенет) и два унтер-офицера, ранеными и контуженными — три офицера того же управления (подполковник Ф. К. фон Мейер, ротмистр Н. Ф. Принцев и ротмистр Ф. П. Евецкий) и 15 унтер-офицеров, в плену находились четыре офицера и 64 унтер-офицера, включая Новогеоргиевскую крепостную команду в полном составе во главе с подполковником В. А. Скалоном⁶⁰. На 1 декабря 22 нижних чина были награждены георгиевскими крестами 2, 3 и 4-й степеней, а 148 — георгиевскими медалями⁶¹. Большинство офицеров были награждены орденами разных степеней.

31 марта 1915 г. по требованию начальника Штаба Верховного главнокомандующего Н. Н. Янушкевича командующий корпусом В. Ф. Джунковский издал приказ об отправлении нижних чинов жандармских дивизионов срока службы 1911 г. в распоряжение штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного

58. Там же. Д. 4538. Лл. 11–12.

59. Россия. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Циркуляры за 1915 г. Пг., 1915. Циркуляр № 75.

60. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19816. Лл. 8, 9.

61. Там же. Л. 10.

фронта на усиление полевых жандармских эскадронов⁶². Эскадроны не подчинялись командиру корпуса, их офицеры не проходили жандармской подготовки на курсах при штабе ОКЖ и не входили в состав корпуса, являясь чисто военной полицией в подчинении военных властей. Таким образом, жандармерия и на этом направлении теряла значительное число своих сотрудников.

Нельзя сказать, чтобы руководство корпуса жандармов не принимало никаких мер. Скорее эти действия носили паллиативный характер и не решали проблему в корне. В первую очередь была предпринята попытка временно «закрепостить» нижние чины: дважды — в 1914 г. и 12 августа 1915 г. — командир корпуса накладывал запрет на увольнение нижних чинов на время войны, несмотря на то что они призывались лишь на годичную службу в корпус. Служба становилась сверхсрочной, и ее сроки ежегодно пролонгировались на год вплоть до 1917 г. Разрешалось увольнять только в дисциплинарном порядке (за неодобрительное поведение) и по болезни (исключительно после медицинского освидетельствования)⁶³.

9 ноября 1915 г. помощник начальника штаба ОКЖ Правиков направил рапорт в Главный штаб следующего содержания: «Доношу, что главное начальство Отдельного корпуса жандармов... разъяснило начальникам жандармских частей и управлений, что последствия ран и травматических повреждений, послуживших основанием к увольнению унтер-офицеров в отставку, не могут служить препятствием к определению их на сверхсрочную службу в корпус жандармов»⁶⁴. Однако реальный результат данной меры был мизерным. За шесть месяцев, к маю 1916 г., на службу в корпус было зачислено всего лишь 27 раненых и увечных отставных унтер-офицеров, причем десять

62. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 534.

63. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18655. Л. 63.

64. Там же. Л. 221–221об.

из них — в жандармско-полицейские подразделения Петроградской губернии⁶⁵.

На некоторое время остроту кадрового голода сняла эвакуация жандармских управлений из оккупированных германской армией областей Польши и Литвы. Отступление российской армии почти по всей линии фронта в 1915 г. вызвало срочное перемещение жандармских частей и управлений вглубь страны. Этот процесс был не единовременным и занял вторую половину лета и часть осени 1915 г. В июле все русские административные учреждения и армия покинули Варшаву, а вскоре была окончательно оставлена Польша. Во внутренние губернии страны было эвакуировано 18 жандармских управлений, в том числе два из оставленной ранее Галиции и пять — из Литвы и Прибалтики. Однако штаты не были слиты с местными органами политического сыска.

22 августа 1915 г. штаб ОКЖ выпустил секретный циркуляр № 98, в котором приводился табель распределения вывезенных управлений по городам, в основном Центральной России и Белоруссии⁶⁶. В Москву было эвакуировано Варшавское ГЖУ — крупнейшее жандармское управление края, в Смоленск переведены четыре управления: Калишское, Келецкое, Петроковское, Радомское ГЖУ, в Тулу — Виленское ГЖУ, в Минск — Плоцкое и Люблинское ГЖУ, в Калугу — Гродненское ГЖУ с Гродненской крепостной жандармской командой, в Курск — Холмское ГЖУ, в Рязань — Сувалкское, в Полоцк — Ломжинское, в Оршу — Ковенское, в Юрьев — Курляндское, в Белгород — Галицийское ГЖУ, в Волочиск — Галицийское ЖПУЖД, в Гомель — Виленское ЖПУЖД, а в Петроград — Варшавское ЖПУЖД. Это было срочное первичное распределение.

Руководство сыска попыталось принципиально решить кадровую проблему среди офицерского со-

65. Там же. Д. 18656. Л. 231.

66. Россия. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Циркуляры за 1915 г. Пг., 1915. Циркуляр № 98.

става путем реформы системы приема и обучения будущих чинов ОКЖ. Последний довоенный набор в корпус был произведен в апреле 1914 г. В войну кадровое офицерство было мобилизовано в действующую армию, и количество людей, имевших право и возможность поступить на службу в корпус, сократилось. Если в 1900-е гг. в год с курсов поступало около 40 офицеров, то в 1915 г. — 31 человек, в 1916 г. — 19.

Задачами «военных» наборов жандармерии стали подготовка офицеров к ведению контрразведывательной деятельности, организации безопасности в прифронтовой полосе, работе военной полиции. Для этого нужна была особая подготовка, ранее не являвшаяся основной для жандармерии. Четырехмесячные курсы совсем не подходили для этих целей. Необходимо было обучить новые офицерские кадры в кратчайшие сроки.

В 1915 г. с целью разрешения вставших перед корпусом задач товарищ министра внутренних дел, главноначальствующий над ОКЖ С. П. Белецкий поручил начальнику штаба Никольскому разработать новое временное положение о жандармских курсах, ориентированное на нужды войны. Положение было разработано очень оперативно и предоставлено на утверждение командиру корпуса жандармов Д. Н. Татищеву. Курсы должны были продолжаться от 6 до 8 недель и готовить офицеров по основным необходимым дисциплинам (производство дознаний и политический розыск, правила ведения хозяйства, военная администрация, военный розыск, железнодорожная служба). По сути, речь шла скорее о подготовке офицеров военной полиции с политическим уклоном, нежели полноценных чинов политической полиции.

Положение вместе с программой были посланы для ознакомления в департамент полиции. Однако чины департамента не только не смогли по достоинству оценить всю сложность и серьезность момента, но и стали оттягивать официальное одобрение Положения и начало работы новых жандармских курсов.

Экспертизу проводил вице-директор Виссарионов. Свой отчет он предоставил директору департамента Кафафову. А 9 декабря 1915 г. Кафафов писал Белецкому: «Я согласен вполне с мнением д. с. сов. Виссарионова о необходимости дополнить программу курсов указанными им предметами, хотя бы в самом сокращенном размере. Кроме того, за 2-годичное преподавание полицейского права на означенных курсах, ознакомившись с общим уровнем знания и развития поступающих на эти курсы офицеров даже в мирное время, я нахожу что 6–8-недельные курсы слишком краткосрочны и, безусловно, надо их увеличить насколько возможно. А так как по докладу штаба курсы можно было открыть с 1 февраля, то я не вижу препятствий продлить их хотя бы до 1 мая, т. е. сделать трехмесячными».⁶⁷ В итоге был принят компромиссный вариант, и курсы стали двухмесячными⁶⁸.

Сохранился черновик предлагаемых изменений. Вводились четыре не предполагавшихся по проекту штаба предмета: история революционного движения, уголовные законы, курс государственного и полицейского права. Количество часов, выделенных на политический и военный розыск, предполагалось сократить, оставив по три часа в неделю на каждый вид розыска, а административный курс предлагалось соединить с ведением хозяйства, которое являлось дополненным курсом устройства корпуса. При этом из административного курса исключался краткий обзор административного устройства Российской империи⁶⁹. Таким образом, высвобождалось якобы шесть лишних часов, которые предполагалось выделить под преподавание революционного движения и различных видов права.

Предложения Виссарионова — Кафафова нельзя назвать разумными. В условиях боевых действий,

67. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 93.

68. Романов К. С. Указ. соч. С. 198.

69. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 94.

распущенной секретной агентуры в армии, первых солдатских волнений и общей политической напряженности сокращение курса военного и политического розыска, то есть обучения жандармов практике борьбы с революционными элементами и военными шпионами в угоду повышению теоретической и юридической подготовки, было неоправданным. Растягивание продолжительности курсов не способствовало улучшению практических розыскных качеств и изрядно увеличивало сроки подготовки, чем сокращало возможность массового выпуска новых офицеров.

Также неуместным можно считать сокращение курса административного права, изъятие из него устройства империи, а также ликвидацию отдельного изучения устройства жандармерии. В кризисных условиях жандарм был должен наизусть знать полномочия всех должностных чинов и расположение всех штабов, военных округов и прочих органов военной и гражданской власти в губерниях и прифронтовой зоне. Замена столь полезных в военное время познаний общими сведениями из государственного права свидетельствует об оторванности чинов департамента от реалий переживаемого момента.

Если проанализировать предлагавшиеся Каффовым и Виссарионовым дополнения в программу, то не все из них были нужны. Введение истории революционного движения, необходимой для мирного времени, приводило бы к тому, что офицер вместо изучения тактики только ныне существующих политических партий революционной направленности проходил бы все, начиная с Французской революции и восстания декабристов, то есть дела давно минувших дней, не имеющие отношения к современности и не могущие помочь ему в его профессиональной деятельности. Если введение уголовного и полицейского права в сокращенном варианте можно признать уместным, то изучение государственного права, куда лектор Виссарионов включал и обширные сведения из энциклопедии права, не было нужно жандарму во-

енного времени, отрывало его от изучения розыска, приводило к переутомлению и худшему усвоению более важных практических дисциплин.

Работа над составлением временного Положения и программы рельефно обрисовали неспособность ряда чиновников и выходцев из департамента полиции, в большинстве своем юристов, окончивших училище правоведения, понять экстремальный и кризисный характер ситуации. По старинке настаивая на фундаментальном изучении юриспруденции и теоретических дисциплин, они не только не способствовали, но и невольно мешали работе политического розыска.

Товарищ министра Белецкий полностью одобрил доклад Кафафова. 24 декабря 1915 г., по прошествии более двух недель, он написал командиру корпуса Татищеву: «Прежде всего, программы курсов необходимо дополнить преподаванием слушателям хотя бы самых кратких сведений по: 1) истории революционного движения, 2) уголовному законодательству и 3) государственному праву в связи с административным (полицейским) правом, причем время, необходимое для чтений лекций по этим предметам (6 часов в неделю), представлялось бы возможным получить путем сокращения числа часов по остальным предметам, а именно: по полицейскому розыску — с 5 часов до 3 часов в неделю, по военному розыску — с 4 до 3-х, и по административному курсу вместе со сведениями по ведению хозяйства в жандармских управлениях — с 7 часов до 4-х. Последняя мера представляется тем более достижимой, что ввиду введения в программу особого курса — государственного права в связи с административным правом — из административного курса может быть исключен краткий обзор административного устройства Российской империи. На деле продолжительность курсов должна быть не менее 8 недель»⁷⁰.

70. Там же. Лл. 95–95об.

Татищев скептически оценил замечания Белецкого, выдвинув компромиссный вариант, который, сохраняя основу, разработанную в штабе корпуса, учитывал все же ряд предложений департамента. Через месяц после получения доклада Белецкого 23 января 1916 г. в приказе по Отдельному корпусу жандармов №18 он одобрил проект Положения, приказав открыть курсы в период с 1 марта по 1 апреля 1916 г.⁷¹ К приказу была приложена выписка из Положения. В конечном варианте оно именовалось Временным положением об офицерских жандармских курсах, учреждаемых при штабе корпуса жандармов на время войны.

В основу были положены следующие принципы: 1) курсы вводились только на время войны; 2) наибольшее внимание при жандармской подготовке уделялось интересам армии; 3) подготовка офицерского состава ориентирована на решение конкретных практических задач, а не на освоение общего теоретического курса; 4) подготовка производится не более чем в течение восьми недель и охватывает только основы жандармской службы⁷².

На временных жандармских офицерских курсах преподавались производство дознаний и политический розыск, военный розыск, история революционного движения, уголовное законодательство, государственное право, железнодорожная служба, военно-административный курс, правила ведения хозяйствования. Эта программа имеет явно компромиссный характер. С одной стороны, в нее были включены история революционного движения, государственное и уголовное право, но с другой — не был включен курс полицейского права и был сохранен отдельный курс правил ведения хозяйствования в корпусе. Военно-административный курс не потерял административного устройства империи.

71. Там же. Л. 96.

72. Там же. Л. 96об.-97.

Также произошли серьезные изменения в преподавательском составе. Некоторые преподаватели продолжили чтение своего курса, но большинство было заменено. «История революционного движения» осталась за Ф. С. Рожановым, а «Устройство корпуса», переименованное в связи с внесенными в курс изменениями в «Правила хозяйствования», продолжил читать полковник С. М. Пискунов. Остальные преподаватели были новыми. Нововведенный курс военного розыска был поручен талантливому офицеру полковнику князю В. Г. Туркестанову. Он был одним из отцов русской военной контрразведки: с 1911 г. возглавлял контрразведывательное отделение штаба Московского военного округа, а с 4 сентября 1915 г. занимал одновременно две должности — начальника контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба и начальника Центрального военно-регистрационного бюро при ГУГШ, то есть фактически руководил русской военной контрразведкой⁷³. Объединенный курс производства дознаний и политического розыска читал крупный аналитик МВД, бывший начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор П. К. Попов. Привлечение к организации временных курсов таких выдающихся профессионалов, как Попов, Рожанов и Туркестанов, говорит о важности, которую им придавало руководство жандармерии.

Главная проблема была в наборе самих офицерских чинов для их подготовки на курсах. Большая часть старого кадрового офицерства находилась в действующей армии или погибла. Из 72 985 боевых потерь офицеров и военных чиновников за всю Великую войну в 1914–1915 гг. погибло 45 115 человек, то есть почти 62%. Если принять в расчет, что на 1 ноября 1914 г. в русской армии служили 38 156 офицеров, то получается, что за первые два года погибло или было выведе-

73. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 174707 (п/с 150–814) Л. 28.

дено из строя почти все кадровое офицерство⁷⁴. В основном офицерский состав армии пополнялся за счет офицеров с незаконченным сроком обучения в военных училищах или окончивших ускоренные курсы при военных училищах, школы прапорщиков. Все чаще в офицеры производились отличившиеся в бою унтер-офицеры, солдаты, студенты. С начала войны до мая 1917 г. было выпущено 172 358 прапорщиков⁷⁵, что составляло более 90% офицерского состава армии. В таких тяжелых условиях Военное министерство не разрешило бы переводить в корпус жандармов старых кадровых офицеров, ценившихся в армии на вес золота.

Временное положение разрешало эту проблему следующим образом: «К переводу в корпус жандармов допускаются те из эвакуированных офицеров, которые согласно распоряжению Главного управления Генерального штаба (по эвакуационному управлению) будут причислены к третьей категории, то есть будут признаны способными нести службу в обстановке мирного времени, причем первый разряд этой категории признается безусловно пригодным, а из второго и третьего разряда могут быть выбраны офицеры, по усмотрению начальства корпуса (не исключая возможности медицинского освидетельствования комиссией врачей при штабе корпуса), кои будут признаны вполне соответствующими для специальной службы в корпусе жандармов»⁷⁶. Получалось, что в жандармерию военного времени брали эвакуированных офицеров, не способных по состоянию здоровья служить в действующей армии, но и не инвалидов. Такой подбор был заранее обречен на провал, так как в основном легкораненые возвращались на фронт.

В Положении подробно описывалась процедура поступления: «Обер-офицеры, желающие быть ко-

74. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 112, 363.

75. Там же. С. 114.

76. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 97.

мандированными на курсы, заявляют о том письменно начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов или начальникам местных жандармских управлений, с приложением копии послужного списка или краткой записки о службе и медицинского свидетельства, удостоверяющего принадлежность их к третьей категории эвакуированных офицеров». После подачи записки офицера проверяли на политическую благонадежность и вызывали для прохождения предварительных испытаний, которые, как и в мирное время, состояли из письменного и устного экзаменов. Письменное испытание заключалось в написании небольшого сочинения на заданную тему. Устный экзамен не требовал от поступающих тех глубоких познаний, которые проверялись на предварительных испытаниях в довоенный период. «Устное испытание состоит в предложении обер-офицерам вопросов из общих сведений, почерпнутых ими при прохождении курсов учебных заведений или военных училищ, а равно и тех вопросов, ответы на которые осветят комиссии способность обер-офицера сознательно относиться к окружающей его обстановке и к текущим политическим и общественным событиям»⁷⁷. То есть выяснялся минимальный интеллектуальный уровень офицеров, а также усвоение ими материала.

Предварительные испытания проводились в ГЖУ, в зоне ответственности коих размещался эвакуационный пункт, где находился претендент на поступление в жандармерию офицер, или в районе ближайшего штаба военного округа. В случае успешного прохождения офицера должны были вызвать в Петроград для прохождения восьминедельных курсов при штабе корпуса жандармов.

Однако эту внешне простую систему было достаточно сложно запустить. Прежде всего возникли проблемы с оповещением офицеров о возможности перевода в жандармерию. 4 февраля 1916 г. директор

77. Там же.

департамента Кафафов, тормозивший в течение полугода принятие Положения, был снят с должности. На его место назначили решительного бывшего московского градоначальника Климовича.

Между ним и Никольским произошла личная встреча, на которой обсуждалась проблема набора офицеров в жандармерию. Понимая бессилие заложенной во Временном положении системы поступления на курсы, они, не отбрасывая этой системы, приняли новую тактику. Со стороны Никольского и руководства корпуса на курсы отбирались и направлялись дети и родственники давно служивших и проверенных жандармских офицеров, а со стороны Климовича и департамента начался поиск офицеров общей полиции, способных нести жандармскую службу. По первому направлению было выдвинуто несколько кандидатур: поручик Петроградского жандармского дивизиона В. В. Шлихтинг⁷⁸, сын бывшего начальника Ковенского и Тверского ГЖУ генерал-майора В. А. Шлихтинга⁷⁹, поручик лейб-гвардии Измайловского полка А. Д. Правиков, сын помощника начальника штаба корпуса Правикова. Кроме проверенных представителей известных жандармских семейств штаб отобрал офицеров, проходивших службу в строевых частях — жандармских дивизионах. На курсы поступили поручик Варшавского жандармского дивизиона А. Н. Бонч-Бруевич, поручик Московского жандармского дивизиона В. А. Орлицкий, штабс-ротмистр Петроградского жандармского дивизиона Н. А. Куличенко.

Директор департамента полиции Климович вскоре после встречи с Никольским, 4 мая 1916 г., шлет своему преемнику на посту московского градоначальника В. Н. Шебеко телеграмму: «Необходимость

78. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 121–121об.

79. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 314 д. 90. Л. 68.

положения корпуса жандармов побуждает просить Ваше Превосходительство рекомендовать достойных молодых обер-офицеров полиции из находящейся [в] Москве земской стражи поступить [в] корпус жандармов. Лекции начнутся 20 мая. Не откажите предложить желающих возможно срочно подать докладные [в] штаб корпуса»⁸⁰. 17 мая докладные записки четырех помощников приставов Московской столичной полиции — штабс-капитанов А. А. Воинова и П. Г. Гончарова, поручиков Величковского и Емельянова — были направлены в штаб. У последних двоих имелись близкие родственники в корпусе жандармов. Таким образом, среди курсантов не оказалось ни одного армейского офицера, который ни по долгу службы, ни по родственным отношениям не имел бы отношения к Отдельному корпусу жандармов, департаменту полиции или местным полицейским органам.

Занятия на курсах начались с большим опозданием (20 мая вместо 1 апреля) и продолжились до середины июля. С 18 по 29 июля курсанты сдавали выпускные экзамены, а 9 августа были официально зачислены в корпус. Интересна характеристика, данная чиновником особых поручений при министре внутренних дел статским советником П. М. Митровичем, командированным Климовичем для присутствия на экзаменах: «Вследствие предписания от 19-го минувшего июля за № 107516 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что я присутствовал на окончательных испытаниях офицеров, прошедших жандармские курсы при штабе Отдельного корпуса жандармов, что эти испытания выдержали удовлетворительно все двенадцать офицеров, подвергшихся означенным экзаменам, что из них наиболее выдающимися по своим познаниям и способностям были пять офицеров: 1) штабс-капитан Гончаров, 2) штабс-капитан Воинов, 3) штабс-капитан Марконтун, 4) штабс-ротмистр Куличенко и 5) поручик лейб-

80. ГА РФ. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 98.

гвардии Измайловского полка Правиков и что по политическому розыску весьма удовлетворительные ответы давали на экзамене в особенности офицеры Гончаров, Куличенко и Маркотун»⁸¹.

Такая формулировка означала, что в довоенное время из 12 офицеров только означенные пять смогли бы поступить в корпус. К сожалению, руководству политического сыска приходилось не выбирать, а готовить офицеров к жандармской службе.

Интересно проследить за распределением выпускников курсов. Поручик Шлихтинг прикомандировывался в распоряжение начальника штаба Кронштадтской крепости, Бонч-Бруевич — в распоряжение начальника штаба морской крепости и порта императора Петра Великого на Балтике. В декабре оба были ускоренно произведены в штабс-капитаны⁸². Офицеры Воинов, Маркотун и Харитонов были направлены на стратегически важные прифронтовые Северо-Западные железные дороги, штабс-ротмистры Тучемский и Куличенко — в Петроградское ГЖУ (последний — в распоряжение начальника отдельного отряда подвижной охраны столицы), Гончаров — в Галицию. Таким образом, все без исключения новоиспеченные жандармские офицеры были направлены на театр военных действий. Зимой 1916–1917 гг. была подготовлена вторая партия жандармов военного времени. По иронии судьбы последний экзамен курсанты сдали 20 февраля 1917 г.⁸³

Говоря о Временном положении об офицерских жандармских курсах, истории его создания и опыте применения в 1916–1917 гг., хочется отметить, что большим его недостатком была привязка к довоенным правилам приема. Документ такого рода было необходимо принимать не зимой–весной 1916 г., а летом–осенью 1914 г., когда еще можно было успеть по-

81. Там же. Л. 119–119об.

82. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Л. 496.

83. Там же. Ф. 102. ОО 1912. Д. 309. Л. 127.

ставить на поток подготовку военной жандармерии как нового типа специальных служб. За десятилетия борьбы с революционным движением жандармерия потеряла военный облик. Считавшаяся военной полицией, она фактически перестала ею являться уже с 1890-х гг. В довоенный период это было достоинством и способствовало борьбе с революционными партиями, но в военное время большим недостатком: политическому сыску было некого противопоставить разложению армии и солдатскому мятежу.

Жандармерия на оккупированных территориях

В ходе боевых действий Первой мировой войны российская армия заняла ряд территорий: Турецкую Армению, часть Восточной Пруссии, Галицию и Буковину. На время оккупации данных территорий требовалась организация местного управления. Как правило, первыми на формирование новой русской администрации направлялись чины полиции и жандармерии.

В Восточной Пруссии русская армия пребывала недолго — неполных два месяца, август–сентябрь 1914 г. Вновь занимаемые территории состояли из восьми уездов немецкого Гумбиненского округа. Они были отнесены к ведению Сувалкского ГЖУ, направившего в регион нескольких своих сотрудников⁸⁴. Это вызвало некоторую неразбериху. Инициатива исходила непосредственно от командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа, который требовал от Сувалкского губернатора «командировать в его распоряжение необходимое число чинов полиции и предоставить ему избрать умное и энергичное лицо для несения трудных обязанностей вице-губернатора в занятых областях, командировать соответственных лиц

84. Там же. Оп. 71. Д. 82.

для исполнения обязанностей начальников уездов и начальников земской стражи»⁸⁵. При этом губернатор Н. Н. Купреянов не имел в своем распоряжении необходимых для расширения штатов финансовых средств, а начальник Двинского военного округа оказывал сопротивление. Он изначально отказал в командировании дополнительных чинов полиции, так как это не было предусмотрено Положением о полевом управлении войск. Главком Северо-Западного фронта Я. Г. Жилинский предложил организационно-финансовые проблемы перенести на плечи МВД.

В Восточную Пруссию для поддержания порядка предполагалось командировать 200 конных полицейских стражников, 100 пеших чинов полиции, в том числе 6 офицеров или гражданских чинов, 3 офицера корпуса жандармов и 20 жандармских унтер-офицеров при двух автомобилях. В результате переписки между Жилинским и Купреяновым было «сформировано» 8 уездных полицейских управлений с усиленными штатами. 14 августа 1914 г. Джунковский обратился к военному министру Сухомлинову с просьбой не ослаблять полицейские силы отвлечением столь значительного числа офицерских и нижних чинов на Восточную Пруссию⁸⁶.

Еще в 20-х числах июля военные власти озаботились необходимостью налаживания разведывательной деятельности в приграничной полосе на случай войны. К формированию разведчиков-лазутчиков было привлечено Сувалковское ГЖУ. Совместно с военными 29 июля даже была разработана и утверждена схема допроса прусских подданных и взаимодействия военных и полицейских властей. Арест подозреваемого в шпионаже должен был производить командир конкретного воинского соединения. Допрос полагалось проводить начальнику уездного жандармского управления, а при наличии значимых сведений

85. Там же. Л. 5.

86. Там же. Лл. 14, 14об.

по вопросам контрразведки арестованного немца передавали городскому полицмейстеру, который далее отправлял его в штаб действующей армии⁸⁷. Несколько запутанная и не осуществленная на практике схема была одной из первых «проб пера» болезненного процесса налаживания взаимодействия разных органов русской оккупационной администрации.

Насущная необходимость в формировании полицейского аппарата стала очевидной уже к середине августа. В занятых немецких областях были нарушены водопровод и иные коммуникации, начались грабежи, расхищение имущества мирного населения, разгромы и поджоги лавок и магазинов. Преступный элемент, чувствуя безнаказанность, поднял голову. Купреянов командировал два отряда. Один — в составе уездного начальника, начальника земской стражи и 46 стражников, другой — в составе жандармского офицера, 4 полицейских стражников и 4 жандармских унтер-офицеров. В город Голдап был направлен инженер для восстановления коммуникаций⁸⁸. Таким образом, несмотря на очевидную недостаточность этих сил и несогласованность действий руководства МВД и армии, русская администрация на территории Восточной Пруссии все же появилась. Это был первый опыт, тот самый «блин комом», столь важный для формирования в дальнейшем масштабных оккупационных администраций на территориях Османской и Австро-Венгерской империй.

Турецкая Армения

До начала мировой войны русские спецслужбы в Османской империи были представлены так называемой Балканской или Константинопольской агентурой департамента полиции. Однако она была малочислен-

87. Там же. Оп. 316–1914. Д. 39. Л. 118.

88. Там же. Оп. 71. Д. 82. Лл. 17, 25.

на. Оба руководителя агентуры, коллежский асессор (бывший штабс-ротмистр) В. В. Ленчевский и жандармский ротмистр К. Д. Кречунеско, были раскрыты турецкой полицией и были вынуждены покинуть страну в 1914 г. Сама агентура была ликвидирована 1 сентября 1914 г. Ленчевский и Кречунеско пользовались в качестве прикрытия Русским генеральным консульством в Константинополе, но после установления турками плотного наблюдения над его сотрудниками оставаться в столице Османской империи стало небезопасно⁸⁹. Кроме наблюдения за деятельностью российских революционных партий в Турции, и прежде всего армянской Дашнакцютун, агенты занимались сбором разведывательной информации, изучением связей российских мусульман с турецкими политиками и военными. Координатором контактов с российскими панисламистскими организациями до войны был Махмуд-Эссед, заведующий личной канцелярией султана Мехмеда V, что говорит о большом значении, которое турки придавали этому вопросу⁹⁰.

В центре внимания русской агентуры была младотурецкая партия «Единение и прогресс» («Иттихад ве таракки»). Именно она занималась массовой засылкой исламистских проповедников и резидентов в Россию с целью организации антиправительственного движения в приграничных областях. В условиях войны эти силы могли сыграть роль пятой колонны в тылу войск. Так, например, в декабре 1912 — январе 1913 г. из Дагестана в Трапезунд через русско-турецкую границу прошло около 300 боевиков Сеида Акаева, одного из помощников широко известного бандита Зелимхана, вооруженных 700 винтовками

89. *Каширин В. Б.* Русская охранка на берегах Босфора. Бюро заведующего агентурой Департамента полиции в Константинополе (1910–1914 гг.) // *Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX вв.* М., 2011. С. 192–193.

90. ГА РФ. Ф. 529. Оп. 1. Д. 13. Л. 17–170б.

и большим числом патронов. На границе южнее Батума около Атвины или Ризе имелась брешь в пограничном контроле⁹¹. Вероятно, батумское восстание 1914 г., когда турецкая армия смогла занять Аджарию, было хорошо подготовлено.

Вплоть до начала 1913 г. константинопольская агентура давала хорошие результаты. Это объясняется просто. У власти находилась негативно настроенная к младотуркам партия «Свобода и согласие» («Хюрийет ве иттилаф»), которая была не прочь ослабить панисламистов. Материалы русским разведчикам передавал сам вице-директор стамбульской полиции Исмаил-эфенди. И только после массовых арестов всех видных членов «Иттилафа» сторонниками «Иттихада» этот канал информации был закрыт. Российское посольство спасло своего информатора, дав ему убежище. Спасением Исмаила-эфенди руководил генконсул в Константинополе А. Ф. Шебунин. 14 января 1913 г. под его прикрытием бывший вице-шеф столичной полиции по поддельным документам на пароходе «Александр Второй» был эвакуирован в Одессу⁹². Однако после этой операции под носом турецких спецслужб работа русского сыска крайне осложнилась.

После такого позорного провала турецких спецслужб координирование их работы по панисламистскому вопросу на себя взяли прибывшие в Константинополь сотрудники германской военной миссии. Они прорабатывали возможность (в случае начала войны) поднять вооруженные восстания мусульман в России, французских и английских колониях⁹³, что оттянуло бы значительные воинские силы Антанты на их подавление и облегчило продвижение турок по Закавказью и Северной Африке.

В конце декабря 1913 г. иттихадисты заключили тайный союз с сионистскими партиями. Сиони-

91. Там же. Л. 1.

92. Там же. Л. 3.

93. Там же. Л. 69об., 70.

сты должны были оказывать поддержку младотуркам не только внутри страны, но и в вопросах материального обеспечения революционных мусульманских и татарских партий в России⁹⁴. Реализовать это на практике, правда, не удалось. Взамен еврейская община получила высокие чины в руководстве политического сыска в Константинополе: начальником охранного отделения столицы был назначен Самуил-эфенди, а помощником полицмейстера стал Авраам-бей⁹⁵. Оба вошли в партию «Иттихад» и находились под покровительством министра внутренних дел Мехмеда Талаат-паши, одного из главных идеологов пантюркизма. В январе 1914 г. им удалось раскрыть сначала Ленчевского, а потом и Кречунеско. Русский сыск в Константинополе прекратил свое существование.

Надо заметить, что на приграничные территории Турции Россия имела весьма недвусмысленные планы. Еще в начале 1915 г., до серьезных территориальных приобретений на этом фронте, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин в письме министру иностранных дел С. Д. Сазонову определяет, какие территории Османской империи и Персии с экономической точки зрения необходимо присоединить. Это восточная часть Черноморского побережья — Трапезундский вилайет (от русской Аджиарии до порта Самсун) и собственно Турецкая Армения (Эрзерумский, Ванский и часть Битлисского вилайета). В Персии для хозяйственного освоения предполагалось забрать провинции Гилян и Мазендеран, завоеванные еще в 1723 г. Петром I, но позднее возвращенные Персии. Гипотетически рассматривалось присоединение всего персидского Азербайджана⁹⁶. Управление необходимо было налаживать с уче-

94. Там же. Л. 71.

95. Там же. Д. 14. Л. 1.

96. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. министерства иностранных дел/под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 360–362.

том экономической привлекательности региона. Трапезундский вилайет должен был стать важным курортным регионом. Там даже начали раскупать земли под строительство дач. Документально планы раздела Азиатской Турции были зафиксированы путем обмена дипломатических нот между Россией, Англией и Францией в апреле–мае 1916 г. К России по настоянию Сазонова отходили Эрзерум, Трапезунд, Ван, Битлис и часть Курдистана⁹⁷. Турецкая Армения делилась на две неравные части — русскую и французскую.

В 1915–1916 гг. в результате серии успешных операций русской армии были заняты крупные города Турции: Эрзерум, Ван, Эрзинджан, Битлис, Ризе и, разумеется, имевший не только военное, но и большое политическое значение порт Трапезунд (Трабзон). Появилась необходимость наладить систему управления огромными оккупированными территориями. Наибольшую проблему с точки зрения управления составлял Ванский округ, где кроме национального турецко-армянского конфликта большое значение имел курдский элемент. Шайки курдов, руководимые турецкими офицерами, доставляли немало неприятностей тыловым структурам русской армии, отвлекали силы, сеяли панику среди мирного населения. Нападения курдских повстанцев на город Ван продолжались весь 1916 г., самое крупное их наступление пришлось на 13–15 ноября⁹⁸. Серьезный очаг гуманитарной напряженности существовал в Артвине, куда ринулись толпы турецких граждан из охваченных голодом прифронтовых районов⁹⁹.

Инициатором создания системы гражданского управления и военно-полицейского надзора в Тур-

97. *Бахтурина А. Ю.* Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 218–219.

98. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 642. Лл. 93, 94.

99. Там же. Л. 54.

ции можно назвать командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича. Еще 17 мая 1915 г. он направил главнокомандующему Кавказской армией и наместнику графу И. И. Воронцову-Дашкову телеграмму: «Ввиду занятия нашими войсками обширного района в Ванском вилайете и необходимости установить в этом районе управление населением на прочных основаниях и трудности справляться с этой задачей войсковым начальникам, ходатайствую перед Вашим Сиятельством о назначении туда соответствующих опытных гражданских чиновников с необходимым числом стражников»¹⁰⁰.

Первоначально речь шла о создании отдельного Ванского военного генерал-губернаторства. В связи с отказом МВД направлять в район чинов конно-полицейской стражи, военные предполагали обойтись своими силами¹⁰¹. В мае же наместнику на Кавказе поступила пространная записка состоявшего при штабе военного округа генерал-лейтенанта М. Н. Дрягина на ту же тему¹⁰². Началась продлившаяся почти целый год разработка нормативного документа об управлении оккупированными территориями. За концептуальную основу был положен проект Положения об управлении Дагестанской областью, составленный князем А. И. Барятинским в 1860 г. на завершающем этапе Кавказской войны.

Интересно, что генерал Дрягин в самом начале войны, после занятия русскими войсками Баязетского санджака, недолгое время успел побывать в должности «военного губернатора и начальника ближайшего тыла в пределах Турции в районе действия Эриванского и Макинского отрядов»¹⁰³. Од-

100. Там же. Д. 566. Лл. 28, 29.

101. Там же. Л. 36.

102. Там же. Л. 23.

103. Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914–1917 гг. Ереван, 1971. С. 352.

нако структура эта, существовавшая более на бумаге, чем на деле, не прижилась и была ликвидирована уже к весне 1915 г. Вообще особенность российской администрации на оккупированных территориях Турции заключалась в ее изменчивости, зависимости от ситуации на фронте и воли военного начальства. Различные административные единицы время от времени создавались, реформировывались, сливались по мере необходимости вплоть до введения положения об управлении занятыми областями летом 1916 г., когда возникла некоторая определенность со структурой, подчиненностью и набором управленческих задач. Организация оккупационной администрации в Турции резко контрастирует с аналогичной в австрийских землях Галиции и Буковины, более стабильной и независимой от военных властей, в том числе и в политическом аспекте.

Первоначально учредить всеобъемлющую структуру управления всей оккупированной территорией Османской империи не удалось. Поэтому на основе штатов управления округами Карсской области был разработан и вскоре одобрен наместником Воронцовым-Дашковым штат административных военных управлений в занятых неприятельских областях. Штат был объявлен в приказе Верховного главнокомандующего от 4 июля 1915 г. Именно с этой даты можно говорить о формировании русской оккупационной администрации в Турции¹⁰⁴. Было учреждено шесть округов с центрами в Ване, Сарае, Баязете, Диадине, Арджише и Башкале под общим руководством командира 4-го Кавказского армейского корпуса генерала от инфантерии П. И. Огановского¹⁰⁵. К начальникам округов «придавался» минимальный штат рядовых и унтер-офицеров. Компенсировать отсутствие полицейского аппарата управления должны были казаки-добровольцы Кубанского войска. Им было пред-

104. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 566. Л. 70.

105. Там же. Лл. 39–44.

ложено безвозмездно переселиться на занятые территории для ведения сельского хозяйства и несения службы. В июне 1915 г. таких желающих набралось 269 человек.

Вскоре на основе районов военных действий были учреждены укрупненные территориальные единицы на правах генерал-губернаторств. В состав района входили административные округа, начальникам которых была доверена непосредственная работа по управлению территориями. 18 сентября 1915 г. великий князь Николай Николаевич утвердил Инструкцию о начальниках округов, подробно, с учетом накопившегося за два месяца опыта описавшую их полномочия¹⁰⁶. Одной из причин необходимости точного разграничения полномочий и вопросов подчинения стал конфликт военных и гражданских властей в Ванском округе.

Округа были сформированы в соответствии с административно-территориальным делением Османской империи, но с учетом этнографических особенностей местности. Начальники округов назначались теперь не генерал-губернатором Пешковым, а командующим армией Юденичем из числа его офицеров. В случае наличия в местности военного гарнизона разрешалось начальнику округа совмещать и должность командира гарнизона. Канцелярия начальника округа формировалась из командированных штатных военных чиновников и нижних чинов, а переводчики и стражники могли быть вольнонаемными. Округ состоял из мелких административных единиц трех типов: нахия (волости), карие (сельские общества) и больших торговых и административных центров. Руководство этими административными единицами осуществляли должностные лица из местных жителей, назначенные начальником округа или зачастую выбранные населением. Более того, гражданско-правовые споры между местным населением разреша-

106. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 642. Лл. 115–116об.

лось отдавать на рассмотрение местным судам. Таким образом, система управления не только учитывала религиозные и национальные особенности территории, но и давала населению определенные политические права, вводила низовое самоуправление под контролем военных властей. Нельзя не отметить разумность этой меры, причин которой было несколько. Во-первых, в генерал-губернаторстве не хватало специалистов со знанием турецкого и армянского языков, знакомых с местной спецификой. Во-вторых, представители местной элиты куда лучше справлялись с восстановлением нормального функционирования хозяйственной жизни и низового судопроизводства, нежели армейские офицеры.

Функции начальника округа были трех типов. Военные обязанности подразумевали оказание содействия войскам фуражом, топливом, квартирами, транспортом и санитарной помощью. Административные функции определялись как «поддержание порядка путем восстановления нормальной жизни во всем округе» вкупе с кадровой политикой. Для осуществления непосредственного направления повседневной жизни населения округа создавались хозяйственные комитеты. Политическая функция включала в себя проведение русской государственной политики на местах и разведывательную работу. Последний тип задач определялся напрямую штабом армии.

Юденич обязал начальников округов бороться со злоупотреблениями войск по отношению к мирным жителям, принуждать военных расплачиваться с населением за реквизированное имущество. Любые реквизиции могли осуществляться только с ведома начальника округа. По отношению к населению начальники округов обладали широкими полномочиями по поддержанию порядка. К санкционным мерам относились штраф до 3000 руб., тюремный арест до трех месяцев и немедленная высылка опасных в политическом плане элементов за пределы округа. Для поддержания порядка в экстренных случаях

разрешалось прибегать к помощи войск. Но основой обеспечения безопасности и проведения распоряжений в жизнь стали сотни стражников, по одной на округ.

«Оттоманское» генерал-губернаторство

По мере успехов на фронте и захвата новых территорий остро встал вопрос о необходимости создания единого генерал-губернаторства. Н. Н. Юденич принял самое активное участие в разработке Временного положения по управлению территориями Турции, занятых по праву войны. Он хотел лично контролировать работу будущего губернаторства. Предвидя возможные конфликты между военными и гражданскими войсками в регионе, Юденич предложил расширить границу губернаторства на всю прифронтовую и тыловую зоны вплоть до государственной границы империи. В направленном на имя императора Николая II докладе он подверг жесткой критике проект генерал-губернаторства, разработанный в штабе нового уже наместника и главкома на Кавказе великого князя Николая Николаевича. Сыграв на неприязни императора к дяде, Юденич добился одобрения доклада. Ссылаясь на статью 13 Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, он потребовал подчинить гражданское управление Турции себе как непосредственному командующему Кавказской армией, а не Николаю Николаевичу как номинальному главкому. Генерал полагал, что за губернатором должен осуществляться контроль исключительно гражданских властей и военно-полицейской стражи без права приостанавливать распоряжения военных властей и отдавать им приказания. А командующий армией имел право отменять решения генерал-губернатора, в том числе «касающиеся сохранения государственного порядка

и общественного спокойствия», давать предписания и распоряжения¹⁰⁷.

Однако тотальное подчинение гражданской оккупационной администрации воинским командирам имело и свои негативные стороны. На практике это приводило к безотчетности последних. Характерным является конфликт между начальником Ванского округа подполковником А. И. Терменом и командиром Ванского отряда генерал-майором П. П. Вороновым. В августе 1916 г. Термен написал в докладной записке: «По всему городу и в селениях идут грабежи. Генерал Воронов приказал всюду забирать сено, за которое ничего не платят, никаких расписок не дают, моим чинам воспрещено задерживать грабящих солдат. На мой протест не обращается внимание, никакого взыскания на грабителей не накладывается, возвращающееся население в отчаянии»¹⁰⁸. В результате губернатор принял сторону начальника округа, а Юденич поддержал генерала «во избежание двоевластия», заручившись согласием наместника на Кавказе Николая Николаевича. Через несколько месяцев после перевода Термена на другую должность у Воронова случился аналогичный конфликт с уже новым начальником округа.

Итак, 5 июня 1916 г. император утвердил Временное положение по управлению территориями Турции, занятых по праву войны, учредив соответствующее генерал-губернаторство. Военным генерал-губернатором был назначен весьма незаурядный человек генерал-лейтенант Николай Николаевич Пешков — бывший харьковский губернатор в годы Первой русской революции, специалист по Балканам, генштабист, видный русский националист, председатель Русского собрания. С турками познакомился еще в войну 1877–1878 гг. в рядах лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, впоследствии служил вице-консулом в Ризе,

107. Там же. Лл. 51–52 об.

108. Там же. Лл. 28, 48.

военным агентом в Константинополе, входил в состав международной комиссии по устройству жандармерии на Крите. Был хорошо знаком не только с турецкой спецификой, но и с местностями, переданными ему в управление. Генерал-губернаторство было разделено на области, а те, в свою очередь, на округа, где и был сосредоточен административно-полицейский аппарат. Кроме сельских округов создавались еще и городские — во главе с городскими полицейскими управлениями. Формирование округов продолжалось вплоть до января 1917 г. Всего было учреждено 29 округов, каждый из которых делился на полицейские участки¹⁰⁹. Несмотря на то что генерал-губернаторство являлось органом гражданской власти, руководители отдельных административных единиц пользовались правами воинских начальников.

В статье 8 Положения было исчерпывающе изложены цели и задачи генерал-губернаторства. Они заключались в «восстановлении и поддержании спокойствия и порядка, охране жизни, чести, имущества, религиозной и гражданской свободы населения и обеспечении последнему, при полном равенстве перед российским правительством всех народностей, возможности мирного спокойного труда на почве безусловного подчинения русской власти»¹¹⁰. Власти должны были заниматься сбором налогов, осуществлением правосудия и всемерным содействием нуждам армии. Местное самоуправление и общественная и благотворительная деятельность разрешалась, но ставилась под контроль военных властей. Официальным языком сношений был объявлен русский, но власти были обязаны при необходимости использовать языки местного населения.

Что касается работы жандармско-полицейских органов на занятых территориях, то Положение прописывало лишь основные принципы, не останавлива-

109. Арутюнян А. О. Указ. соч. С. 359.

110. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

ясь на деталях. В статье 41, например, было сказано, что «по вопросам политического розыска жандармские власти действуют в пределах области с ведома военного губернатора»¹¹¹. Точное взаимоотношение чинов жандармского корпуса и военного губернатора области должно было регулироваться приказами генерал-губернатора. То есть единого жандармского управления на все занятые территории, как это имело место в Галиции, создано не было. Напротив, предполагалось, что в каждом регионе будут созданы собственные структуры политического сыска. Областной военный губернатор становился начальником не только над жандармами, но и над всей военно-полицейской стражей и городской полицией. Непосредственное руководство деятельностью полиции осуществлял штаб-офицер для поручений, занимавший одновременно должность инспектора военно-полицейской стражи в области (статьи 46 и 48)¹¹².

Одновременно с одобрением положения о генерал-губернаторстве были утверждены и штаты его структурных единиц. На каждом участке должно было быть два переводчика (письменный драгоман и устный), 3 урядника и 26 стражников. В округе 1 помощник начальника по полицейской части (он же начальник окружной военно-полицейской стражи) и 3 переводчика, а также конная и пешая полицейская стража в числе 1 вахмистра, 12 урядников, 53 конных и 54 пеших стражников. Итого — 121 чин полиции в округе. В области штат полиции не прописывался, так как он был распределен по округам, указывался лишь курировавшей ее штаб-офицер для поручений в чине полковника¹¹³.

Городские полицейские управления были разделены на три разряда. Их штаты были утверждены лишь 6 сентября 1916 г., когда формирование окруж-

111. Там же. Л. 7.

112. Там же. Л. 70б.

113. Там же. Лл. 14, 15об., 16, 17об., 18.

ной стражи шло полным ходом. Самыми многочисленными были управления 1-го разряда. В них должно было состоять 68 человек, кроме приставов и околоточных надзирателей, число которых определялось по нормативу — 1 пристав на 25 тыс. жителей, 1 надзиратель на 6 тыс. горожан. В городах были исключительно конные полицейские стражники. В отделениях 2-го и 3-го разрядов стражников вообще не предусматривалось, но допускались вольнонаемные внештатные чины¹¹⁴.

Формирование военно-полицейской стражи генерал-губернаторства началось 15 июля 1916 г., когда наместник на Кавказе Николай Николаевич распорядился командировать в Трапезундский и Офский округа 300 стражников¹¹⁵. Однако выполнение распоряжения затягивалось из-за физического отсутствия такого количества готовых к командированию чинов. В начале августа, в связи с полным отсутствием русской полиции в регионе, в распоряжение генерал-губернатора было выделено три сотни Лабинского казачьего полка, а в приграничный с Батумской областью округ Лазистан дополнительно направлена 102-я ополченская конная сотня¹¹⁶. Только осенью в оккупированные земли Турецкой Армении и порт Трапезунд было командировано значительное число чинов полиции¹¹⁷. Наиболее многочисленной структурой стала конная сотня, достигшая к концу сентября 1916 г. численности в 160 стражников. Имелось также несколько рот пешей стражи численностью в среднем по 40–60 человек¹¹⁸.

Основой кадрового состава военно-полицейских структур на занятых территориях Турции стали эвакуированные при отступлении из польских губер-

114. Там же. Лл. 23, 24, 25 об., 26 об.

115. Там же. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 642. Л. 31.

116. Там же. Л. 22.

117. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 255. Д. 88 «а». Лл. 1–4.

118. РГВИА. Ф. 13228. Оп. 1. Д. 3. Лл. 33–69, 92.

ний чины местной полиции. Они концентрировались в Минском военном округе и по распоряжению его главного начальника партиями направлялись в урочище Царские Колодцы в 120 верстах от Тифлиса, а оттуда в само генерал-губернаторство. Одна из первых партий в составе 2 офицеров, 8 околоточных надзирателей и 100 солдатских стражников прибыла в урочище Царские Колодцы 15 сентября¹¹⁹. А самая крупная прибыла в декабре 1916 г., когда было командировано 170 рядовых чинов полиции и стражи. Наибольшая их группа (51 человек) ранее служила в Радомской уездной и городской полиции, на втором месте по численности были чины Лодзинской полиции. Были также выходцы из Варшавского, Петроковского, Ловичского, Скреневицкого, Серадского, Блонского, Гроецкого, Ченстоховского, Козеницкого уездов, из Сосновцев и Ново-Радома¹²⁰. С одной стороны, это был значительный приток сил. Но отрицательной их характеристикой стало полное незнание польской полицией турецкого и армянского языков и неподготовленность к климатическим особенностям региона. До наших дней дошло большое число рапортов чинов военно-полицейской стражи с просьбой откомандировать их во внутренние губернии на старые места службы именно в связи с резко ухудшившимся состоянием здоровья и тяжелыми условиями быта. Военный губернатор старался компенсировать это сохранением высокого жалованья на уровне предыдущего места службы как для самих урядников и стражников, так и для членов их семей¹²¹. Тем не менее некоторые чины полиции, в том числе классные, в конце декабря вернулись в Россию¹²².

Остро стояла проблема с организацией полиции в Эрзеруме. Сам Эрзерумский округ был разделен на несколько участков. Так, полицейская стража пер-

119. Там же. Д. 18. Л. 1.

120. Там же. Д. 5. Лл. 29–320б.

121. Там же. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 30. Л. 38.

122. Там же. Ф. 13228. Оп. 1. Д. 17. Л. 12–130б.

вого участка разместились в октябре 1916 г. в здании бывшей армянской школы. Состав стражи был мизерным: один урядник и семь младших стражников, вооруженных шашками, винтовками с боезапасом на 50 патронов. У трех стражников было еще по браунингу и по семь патронов к нему¹²³. Это примерно 7% от положенного по штату округа.

В штабе Юденича придавали особое значение взятию Эрзерума. Как справедливо отмечал в воспоминаниях генерал Е. В. Масловский, этот город представлял собой символ власти османов в Азиатской Турции, важнейший политический, экономический, административный и стратегический центр, контролировавший торговые пути от Черного моря в Персию и Месопотамию и с Кавказа вглубь Анатолии¹²⁴. Здесь русские военные власти проявили значительную гибкость. 4 февраля 1917 г. по инициативе генерал-губернатора Пешкова в Эрзеруме прошло совещание местной администрации, пришедшее к единогласному мнению о необходимости расширить штаты полиции, ввести должность Эрзерумского полицмейстера, экстраполировав, таким образом, внутрисоссийскую систему управления на занятые территории¹²⁵. То, что русская армия в этих краях останется надолго, никто из участников совещания не сомневался. Целью было отойти от «чрезвычайщины» в управлении и наладить диалог с населением и местной общественностью. Однако начавшаяся вскоре революция помешала реализации этих планов.

На обслуживание занятых областей Турции были направлены жандармы из Эриванского ГЖУ и Карсской крепостной жандармской команды. Кроме того, некоторые жандармы назначались на административные посты: так например, подполковник ОКЖ

123. Там же. Ф. 13249. Оп. 2. Д. 5. Лл. 13, 16об.

124. *Масловский Е. В.* Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М., 2014. С. 253.

125. Там же. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 26. Лл. 7–8.

В. Е. Марциновский занимал пост помощника начальника Архавского округа¹²⁶.

31 октября 1916 г. приказом М. В. Алексеева был утвержден штат Трапезундского укрепленного района, в состав которого была включена жандармская команда, по штату равная команде Свеаборгской крепости¹²⁷, то есть 1 обер-офицер, 1 вахмистр и 24 унтер-офицера¹²⁸. Общий жандармский надзор над территориями осуществлял помощник начальника Кутаисского ГЖУ в Батумской области, работавший рука об руку с контрразведывательными отделениями штаба Кавказской армии и Черноморского флота. 1 ноября в Трапезунде было создано также полицейское управление 1-го разряда¹²⁹. Оно состояло из 5 офицеров во главе с подполковником М. И. Бабичем и 13 классных чинов, ключевые посты среди которых занимали надворный советник Утгоф, выходец из знаменитой жандармско-полицейской династии, и коллежский советник Н. Л. Жилло¹³⁰. С октября 1916 г. функционировал и Трапезундский контрразведывательный пункт, которым заведовал армейский поручик Раев. Правда, к работе последнего имелись значительные нарекания: его неоднократно обвиняли в вымогательствах денег у населения и безосновательных арестах. Военно-следственные органы вплоть до ноября 1917 г. вели против Раева дознание, но кроме жалоб нескольких турок иных весомых доказательств не нашли¹³¹.

Также на важные должности в генерал-губернаторстве были расставлены чины разведки, сотрудничавшие с ней дипломатические работники и военные востоковеды. Еще в конце 1915 — начале 1916 г.,

126. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18657. Л. 179, 213.

127. Там же. Оп. 19. Д. 126. Л. 27.

128. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Части 1 и 2. Пг., 1916. С. 72.

129. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

130. Там же. Ф. 13228. Оп. 1. Д. 18. Лл. 12, 13, 67.

131. Там же. Ф. 2302. Оп. 7. Д. 92. Лл. 12, 18—20.

то есть до принятия Временного положения, в регион были командированы надворный советник В. Т. Маевский и переименованный в подполковники титулярный советник Б. Г. Шелковников¹³², а также бывший консул в Дамаске статский советник князь Б. Н. Шаховской¹³³. Все трое сотрудничали с разведывательным отделением штаба Кавказской армии. Маевский изучал регион с начала 1900-х годов, успев побывать в должности вице-консула в Ване, Трапезунде и Ризе. Им были составлены и опубликованы важнейшие материалы по рекогносцировке этих местностей, налажена разведывательная сеть¹³⁴.

В Тифлисе был организован массовый набор военных и гражданских чинов, владеющих восточными языками, прежде всего персидским, турецким и армянским. Значительную поддержку по разведывательной части оказывал и русский вице-консул в персидском Хое Николай Михайлович Кирсанов¹³⁵, на которого кроме прочего было возложено наблюдение за курдами и ассирийцами.

При генерал-губернаторе Н. Н. Пешкове главными идеологами русской политики в регионе стали братья А. И. и Р. И. Термены. Начальником штаба генерал-губернаторства стал генерал-майор Ричард Иосифович Термен, еще в 1905–1907 гг. осуществивший серию путешествий с разведывательными задачами в Ванский, Битлисский, Диарбекирский и Эрзерумский вилайеты¹³⁶. По итогам этих экспедиций были изданы две книги с описанием маршрутов, географии и этнографии края¹³⁷. В 1911 г. он участвовал в работе междуна-

132. Там же. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 605. Лл. 33–34.

133. Там же. Д. 566. Лл. 139, 145.

134. *Ter-Oganov N.* Kurdistan and the «Kurdish Issue» in the «Oriental Policy» of Russia // *History and Historians in the Context of the Time.* 2017. 15(1). P. 51.

135. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 605. Л. 25.

136. Там же. Д. 642. Л. 110.

137. *Добошинский Н. Р.* Маршрутные описания путей в Эрзерумском и Ванском вилайетах, составленные Н. Р. Добошинским

родной четырехсторонней комиссии по Персидско-турецкому разграничению. Его правой рукой и начальником Ванского округа стал подполковник востоковед Альфред Иосифович Термен, активно сотрудничавший с разведкой Кавказского военного округа. В 1914 г. он даже успел издать теоретическую работу об управлении «инородцами», практическое осуществление которой попытался осуществить в Турецкой Армении.

В основе взглядов А. И. Термена лежала необходимость учитывать социальные, культурные, этноконфессиональные особенности подвластных народов. Игнорирование их он называл одной из основных причин антиправительственных выступлений на национальной почве. Подполковник отмечал, что администратор над инородцами с самого начала своей деятельности должен показать, что он солидарен с населением на почве традиционных устоев, принятых у этого народа. «Администратор всегда должен помнить, что он есть воспитатель и что поэтому он должен изучать вверенный ему народ в его прошлом, постоянно изучать его меняющееся настоящее и снизойти до его понятий»¹³⁸. Надо отметить, что под влиянием его идей или исключительно по соображениям здравого смысла к административному аппарату занятых территорий Турции было привлечено немало востоковедов, знавших региональную специфику. Были даже сохранены органы местного управления и низовые суды, чего не было на оккупированных территориях Австро-Венгрии. Братья Термены были привлечены к организации управления оккупированными территориями одними из первых еще в 1915 г. по личному ходатайству Юденича¹³⁹. Можно предположить,

и Р. И. Терменом в 1905, 1906 и 1907 годах. Тифлис, 1908; *Термен Р. И.* Отчет о полевой поездке 1907 г. в Ванском, Битлисском и Диарбекирском вилайетах. Тифлис, 1909.

138. *Термен А. И.* Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцами. Пг., 1914. С. 2–3.

139. РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 566. Лл. 31, 32.

что как главный инициатор и куратор русской гражданской администрации в Турции он частично разделял их взгляды — в той мере, в которой они не нарушали главенства военных властей.

Серьезной проблемой для русских властей был вопрос, на кого же сделать ставку: на армянское население, пострадавшее в результате геноцида и в целом пророссийски настроенное, но жаждавшее в будущем возрождения независимой Армении (что совершенно не входило в планы Петербурга), или, наоборот, на менее образованных и политически активных местных мусульман, как большинство населения предполагаемых к присоединению по окончании войны территорий? Этим вопросом, в частности, задавался министр иностранных дел С. Д. Сазонов в письме великому князю Николаю Николаевичу 14 июля 1916 г.

Сазонов предлагал в вопросах судопроизводства, образования, местного землевладения и колонизации ввести принцип законности и беспристрастности. Захваченные мусульманами после геноцида армянские земли должны были быть возвращены наследникам убитых. В то же самое время и армянскому, и турецкому населению гарантировалось городское и сельское самоуправление с соблюдением при выборах процентного соотношения населения, право свободного пользования языком, школьная и церковная автономия, в том числе право управления церковными капиталами и имуществом¹⁴⁰. Эта точка зрения МИД совпадала с позицией военных властей, но не давала ответа на вопрос о методах разрешения национальных конфликтов, которые сохранялись на оккупированных территориях.

В работе жандармско-полицейских служб на территории Турции существовало две важные проблемы: 1) крайняя малочисленность специалистов, знакомых с восточными языками (фактически их были единицы), 2) размытость образа врага. Кроме поддержания

140. Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Лл. 1–2.

порядка на местах, необходимо было выявить группу лиц, потенциально опасных с точки зрения шпионажа. Если на европейском театре военных действий к таким традиционно относили немцев, евреев и поляков-католиков, то в Османской империи приходилось сталкиваться с вопросом, считать ли неблагонадежными христианских подданных султана, в массе своей настроенных пророссийски. Если чины полиции считали их неопасными, то руководство военной контрразведки было противоположного мнения.

Приведем оценку генерал-квартирмейстера ГУГШ Леонтьева, данную им на одном из совещаний 1914 г., по вопросам управления оккупированными территориями. «Нельзя забывать, что Турция теперь фактически в руках у немцев, и последние могут свободно пользоваться проживающими в России турецкими подданными для шпионских целей. Наиболее для этого подходящими являются именно турецкие подданные не мусульмане — сирийцы, греки, может быть, даже армяне и вообще родившиеся в Турции представители других национальностей. Настоящие турки-мусульмане к этого рода работе по своим личным качествам и умственному развитию менее всего пригодны... Кроме всего, не следует упускать из виду, что в Турции вероисповедные вопросы находятся в тесной связи с политическими интересами. И что многочисленные немецкие школы, содержащиеся в Турции главным образом в Армении и Сирии за счет различных государств и частных организаций, в значительной степени являются центрами политической пропаганды. Посему турецкие подданные-христиане, получающие образование в американских, французских и, тем паче, в немецких школах, по духу, симпатиям и национальным идеалам едва ли могут быть рассматриваемы как близкие нам элементы, заслуживающие особого доверия и покровительства»¹⁴¹.

141. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 138. Лл. 400, 400об.

Оценка Леонтьева совпадает с реальной практикой работы русской оккупационной администрации в Турецкой Армении. Контрразведывательное отделение флота Черного моря отмечало, что осенью 1916 г. в Батум и Трапезунд начали массово прибывать греки, армяне, персы и мусульмане-сунниты под различными благовидными предложениями. Среди них было немало лиц, подозреваемых в шпионской деятельности¹⁴². 16 ноября генерал-губернатор Пешков рекомендовал особому делопроизводству штаба Кавказского военного округа перекрыть доступ иностранных граждан в Трапезунд, в особенности греческих подданных, оформивших гражданство после июня 1914 г., как потенциальных шпионов¹⁴³. Под видом благотворительной деятельности иностранцы, в том числе союзники России, пытались создать свою осведомительную сеть. Так, в 1916 г. в Тифлис прибыл британский журналист Гарольд Бекстон, вошедший в контакт с членами армянской революционной организации Дашнакцутюн, пообещав финансировать создание благотворительного армянского сиротского дома в Эрзеруме за счет мэра Лондона¹⁴⁴.

Дашнаки и сами были не прочь усилить свои позиции в регионе. 18 августа 1916 г. в газете «Кавказское слово» вышла программная статья «Будущее Турецкой Армении». Формально лояльная России позиция автора предусматривала возможность создания армянской автономии. МИД рекомендовал цензурным органам подобные материалы до печати более не допускать¹⁴⁵. Из реальных попыток давления на администрацию занятых территорий был визит в Алашкертский округ бывшего депутата Государственной думы С. Ф. Тигранова, одного из видных деятелей Дашнакцутюна, организатора армянских доброволь-

142. РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 8. Л. 48.

143. Там же. Лл. 30, 30об.

144. Там же. Л. 15.

145. Там же. Лл. 6, 8.

ческих отрядов. Он поставил своей целью в обход русских военно-полицейских властей насадить в округе параллельные органы управления, расставив на все руководящие должности коллег по партии. Под давлением полиции Тигранов был выслан с театра военных действий¹⁴⁶.

Внедрение армянских политических и общественных деятелей в занятые территории было опасно еще и тем, что в шести крупнейших вилайетах (Эрзеруме, Ване, Битлисе, Диарбекире, Сивасе и Харпуте) армяне были крупнейшей группой населения, составлявшей в среднем 38,9% населения, в то время как враждебных России турок было лишь 25,4%, а курдов — чуть более 16%¹⁴⁷. Складывалось потенциальное ядро очередного национально-освободительного движения демократической направленности. Эти и другие многочисленные попытки армянских революционеров под видом благотворительной и гуманитарной деятельности получить реальную власть на территории Турецкой Армении, ставили перед русскими спецслужбами задачу борьбы не только с внешним врагом и его агентами, но и с чересчур настойчивыми «добровольными помощниками» из числа националистов.

Генерал Юденич выступал за депортацию во внутренние районы империи, прежде всего в Тифлискую губернию, всех мигрантов и жителей, вызывающих хоть малейшие сомнения в их лояльности. Так, в июне 1915 г. он настаивал на депортации 184 жителей Верхнего Сарыкамышы и около 1000 турецкоподданных армянских беженцев¹⁴⁸. Наиболее жесткие меры планировались по отношению к курдам. Командующий армией приказал выслать в Турцию «всех курдов, не исключая и стариков, иначе курды при заключении мира могут остаться владельцами земель»¹⁴⁹.

146. Там же. Л. 62.

147. Арутюнян А. О. Указ соч. С. 347.

148. Там же. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 566. Л. 57.

149. Там же. Л. 65.

Семьи курдов из нескольких селений были вывезены в Каракилису, откуда должны были быть доставлены на подконтрольную турецкой армии территорию. Однако они наотрез отказались двигаться дальше, опасаясь казни на родине и заявляя о верности русскому правительству. Депортацию пришлось отменить.

Чины жандармерии и полиции, проводившие в 1910-е годы по инициативе С. П. Белецкого глубокую разработку панисламистской и пантюркистской темы, ставили перед собой иные цели. В годы Первой мировой войны они продолжили разрабатывать эту тематику, хотя под внешним иностранным влиянием находились в основном панисламисты Средней Азии. Военные годы стали поворотными для многих панисламистов в империи, поставив их перед нелегким выбором между Россией и Турцией. Умеренная часть исламистов стала создавать комитеты помощи российским воинам-мусульманам, в то время как радикалы, как и во время Балканских войн 1912–1913 гг., начали сбор денежных средств для помощи султану и готовились выступить в роли пятой колонны в тылу в случае успехов османской армии на фронте. Ситуация изменилась после взятия русскими войсками Эрзерума 4 февраля 1915 г. По всему Кавказу прошли митинги поддержки, в которых участвовали не только христиане, но и мусульмане. Панисламисты были удручены новостью и даже, подкупив бандитов, активно провоцировали армянские погромы, пытаясь столкнуть христиан с мусульманами.

Однако исследование подтверждает скорее мнение генерала Леонтьева: лишь единичные панисламистские группы были связаны с турецкой разведкой. Наиболее крупным был панисламистский кружок в Нахичевани. Он одновременно сотрудничал с турецким консулом в персидском Реште, арестованном в сентябре 1915 г. русскими властями, и с персидскими панисламистами в Хое. Лидером нахичеванской организации «Муджаидин» был Гаджимир Гейдарзаде, из потомков пророка Мухаммеда. Как и многие

панисламисты, Гейдарзаде начал свою политическую карьеру в российском революционном движении в рядах социал-демократов. В 1905–1907 гг. находился под стражей в Тифлисе, впоследствии бежал в Персию, где участвовал в местной революции и обзавелся широкими политическими связями. Два его ближайших помощника — Кербалай и Рауф-бек Сафарилибековы — были подданными Персии. Начав с собраний в чайных под видом устных бесед, нахичеванские панисламисты перешли к пропаганде в мечетях, а с 1910-х гг. активно занимались контрабандой оружия из Персии малыми партиями: по 15–20 винтовок и до 10 тыс. патронов за одну ходку¹⁵⁰. Небольшой кружок в годы Первой мировой войны разросся до крупной организации «Муджахид», насчитывавшей до 60 членов, которая кроме пропаганды панисламизма и дружбы между суннитами и шиитами занималась сбором денег для помощи турецкой армии. Муджахидами было по секретным каналам передано туркам около 20 тыс. руб. золотом. Таким образом, панисламисты не только не находились на турецком содержании, но и оказывали посильную финансовую помощь османской армии. Член организации Саид-Али Абдуллаев ежедневно выходил на вокзал Нахичевани к прибытию военных эшелонов, собирая сведения о направлении их движения, количестве людей и оружия, передавая их турецкой агентуре¹⁵¹.

В 1916 г. нахичеванская группа перебазировалась в персидский город Хой, занятый русскими войсками. Здесь они вышли на связь с германской и турецкой разведками, работавшими под прикрытием американского госпиталя Красного Креста. Заведующим лазаретом был немец Петерсон, также там работало несколько врачей-немцев и значительное число обслуживающего персонала из местного населения, в состав

150. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 545. Лл. 124–128об.

151. Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начала XX века (1900–1917). Баку, 1997. С. 272, 273.

которого внедрилось немало панисламистов. Своих людей им удалось устроить на работу и в американскую миссию в Урмии, через которую беспрепятственно велась передача разведывательной информации турецким военным. Врачи-немцы приглашали в гости русских офицеров, выведывая у них секретную информацию, расспрашивали и поступивших раненых и беженцев. Панисламисты работали связными, а также активно настраивали персидское население против русских войск, призывая поднять мятеж в тылу. Им удалось организовать забастовку персидских рабочих на станции Подгурская Тебризской железной дороги. В 1916 г. департаменту полиции удалось вычислить шпионскую сеть. В декабре была произведена ее ликвидация: Гейдарзаде и еще 10 членов «Муджахиды» были арестованы в Нахичевани, Рауф-бек Сафаралибеков в Джульфе, еще 9 человек в Хосе, а также около 40 членов и сочувствующих организации в различных селениях¹⁵². Однако из-за неумелых действий офицера, нарушившего конспирацию, половина участников шпионской группы сумела скрыться¹⁵³.

Тем не менее Османская империя продолжала активно засылать своих агитаторов на Кавказ и в Закавказье, особенно на оккупированные территории и смежные с ними губернии, финансируя местных общественно-политических деятелей. 27 мая (9 июня) 1916 г. начальник Парижской агентуры Департамента полиции А. А. Красильников докладывал, что бывший турецкий генеральный консул в Париже доктор Луфта-бей, изгнанный за панисламскую пропаганду среди арабов из Франции и осевший в Лозанне, активно готовит и переправляет через Персию на Кавказ агитаторов-панисламистов, которые должны настроить мусульманское население против России. Прикрытием для деятельности Луфта-бея было так называемое Международное мусульманское бюро в Лозанне,

152. Там же. С. 273.

153. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 1. Д. 545. Лл. 131–138.

располагавшееся на авеню Рюмин, 57. А финансирование организации велось турецким и германским правительством через бывшего хедива Аббаса Хильми¹⁵⁴. В марте того же года начальник Астраханского ГЖУ И. И. Минкевич сообщал, что бывший мулла соборной мечети города Абдрахман Умеров, уличенный ранее в сборе средств в помощь Турции, и его ученики Мухамед Баширов и мулла Файзулла Абдрахманов внушали жителям Северного Кавказа идеи борьбы с русским правительством и автономии кавказских мусульман, а также говорили о необходимости объединения всех мусульман в едином государстве — Османской империи¹⁵⁵. Несмотря на эти и другие случаи, никто из крупных деятелей российской панисламистской партии в связях с иностранными спецслужбами и агитации за отделение мусульманских регионов страны замечен не был.

Несмотря на явную эпизодичность действий иностранных агентов, еще 19 февраля 1916 г. вице-директор департамента полиции МВД И. К. Смирнов, курировавший мусульманский вопрос, докладывал руководству, что главным оплотом панисламизма является Германия. Его орудие — немецкая агентурная сеть, ставящая своей целью поднять восстание на Кавказе и в Закавказье¹⁵⁶.

Основная проблема противостояния мусульман властям Российской империи в годы Первой мировой войны была характерна не для прифронтовой полосы, а для внутренних районов Кавказа, прежде всего Терской области. Причина состояла в нежелании мусульман участвовать в войне, массовом уклонении от мобилизации. Обострение ситуации началось летом 1916 г. 19 июля жители селения Аксай Хасавюртовского округа оказали вооруженное сопротивление властям. Для подавления выступления было направ-

154. Там же. Оп. 00-1916. Д. 74. Л. 108.

155. Там же. Л. 33-34об.

156. Там же. Л. 19-22.

лено 400 солдат из Хасавюрта, что вызвало восстание в большинстве соседних сел¹⁵⁷. К концу года боевые действия разрослись и продолжались по июль 1917 г.¹⁵⁸ Власти не контролировали уже большую часть территории округа. А 23 июля 1916 г. в ставке Терекли Терской области восстали ногайцы, встревоженные слухами о привлечении их на военные работы¹⁵⁹. С 1 по 16 августа произошли вооруженные волнения в слободе Воздвиженке на окраине Грозного среди осетин, направленных туда на формирование осетинской пластунской бригады и не желавших выполнять воинскую повинность. Из 1200 мобилизованных осетин семьсот бежали, десять были убиты и пятнадцать ранены при подавлении мятежа. Начальник Терского областного жандармского управления полковник А. К. Гладышевский докладывал, что «местное чеченское население помогало им убегать из Воздвиженки, давая поводы, относилось к этому сочувственно... вели агитацию среди осетин, убеждая не служить, бежать к себе в селения, обещая помогать в побегах деньгами и подводами»¹⁶⁰.

Участие турецких эмиссаров в подготовке терского восстания является крайне сомнительным. Даже в довоенный период турецких шпионов в этом регионе было мало, и их деятельность носила скорее разведывательно-пропагандистский характер. Доподлинно известно лишь о существовании двух турецких подданных, направленных в Темир-Хан-Шуру для подготовки мятежа. 9 марта 1912 г. предшественник Гладышевского на посту начальника Терского жандармского управления В. С. Устинов писал в особый отдел ДП: «По имеющимся у меня агентурным сведениям, в пределах Терской области в последнее время появились турецко-подданные, которые собирают в мусульман-

157. Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 373. Л. 2.

158. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 442. Л. 80–90

159. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 373. Л. 3

160. Там же. Л. 6–7.

ском населении деньги на неизвестный предмет. Прямых же указаний о пропаганде панисламизма и подготовке мусульман к восстанию ко мне не поступало»¹⁶¹.

Равно сомнительно участие турок в подготовке Аджарского восстания 1914–1915 гг. Еще до войны сотрудники Особого отдела наместничества на Кавказе были пессимистичны по отношению к жителям Батумской области. Здесь, собственно, не велось панисламистской пропаганды в отличие от других регионов Кавказа, так как население было абсолютно исламистски и протурецки настроено еще задолго до войны, ожидая лишь повода для выступления¹⁶². Его не надо было агитировать. Но и сам ход восстания показал, что значительные массы населения оно не затронуло. Отчасти был прав грузинский социал-демократ А.И Чхенкели, когда уже после подавления восстания на заседании мусульманской фракции Государственной думы в феврале 1916 г. охарактеризовал бытовавшие в этих местностях настроения аджарского населения Карсской и Батумской областей как совершенно лояльные России. Умирать за Турцию ценой сожженных домов и расхищенного имущества местным мусульманам не хотелось¹⁶³. Идеалы панисламизма быстро разбились о прозу войны. Да и сами представители мусульманской фракции Государственной думы признавали неготовность к борьбе против царского правительства. Как писал депутат И. А. Ахтямов своему коллеге, члену российской партии «Иттифак эль муслимин» кадету К. Б. Тевкелеву, мусульманские круги «обнаружили полное политическое банкротство, что особенно ясно выяснилось за этот военный период»¹⁶⁴.

161. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1912. Д. 74ч. 78 лит. Б Лл. 3, 30б.

162. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): сборник материалов / сост. Д. Ю. Арапов. М., 2006. С. 411.

163. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 74. Л. 140б.

164. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 456.

Во время войны члены младотурецкой партии «Единение и прогресс» пытались провести на руководящие должности в занятых русскими войсками землях своих членов, но зачастую это заканчивалось провалом. Наиболее известный случай произошел в г. Ризе. Войдя в доверие к русским военным властям во время Аджарского восстания, местный иттихадистский политик Тефик-эфенди в 1916 г. с легкостью стал градоначальником Ризе. Вместе с сыном Османом он относился к ярым сторонникам политики Энвер-паши по отношению к армянскому населению — геноциду армян. Более того, у себя в доме они содержали подпольную мастерскую по изготовлению ручных гранат. Пока Тефик-эфенди «показательно» просил у русских военных укрытия во время восстания в Батумской области, его сын Осман активно участвовал в организации четников для вторжения в Россию. Двойное дно градоначальника Ризе было раскрыто Кутаисской жандармерией, и в декабре 1916 г. его сын Осман был арестован силами контрразведки и доставлен в Батум в распоряжение контр-адмирала князя Н. С. Путятин¹⁶⁵.

Некоторую опасность для русской оккупационной администрации составляли турецкие дезертиры. Группы солдат объединялись под командованием оказавшихся в тылу офицеров султанской армии и создавали партизанские отряды и разбойничьи шайки, укрывавшиеся в горных районах и организовывавшие нападения на военный транспорт и местное население. Большое их число было зафиксировано в Архавском округе. Однако в силу «крайне ограниченного числа полицейской стражи и отсутствия половины штатного числа участковых начальников и их помощников» поймать эти банды было невозможно. Поэтому по распоряжению военного генерал-губернатора Пешкова над дезертирами был установлен негласный контроль с помощью лояльных к русским

165. РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 8. Лл. 24, 44.

властям местных жителей, но с ликвидациями банд, не представляющих серьезной угрозы, было приказано повременить¹⁶⁶. Малочисленность военно-полицейской стражи не позволяла проводить масштабные операции.

В Галиции и на Буковине

Наиболее завершенная структура жандармско-полицейского надзора была сформирована на занятой территории Австро-Венгрии, где с 1914 по 1917 г. функционировало три крупных подразделения: 1) Временное жандармское управление военного генерал-губернаторства Галиции (далее — ВЖУ Галиции), 2) Жандармско-полицейское управление железных дорог в Галиции (далее — ЖПУЖД Галиции), 3) Временное жандармское управление военного генерал-губернаторства в областях Австро-Венгрии, занятых по праву войны (далее — ВЖУ Австро-Венгрии). Также параллельно за ситуацией в крае следило Холмское ГЖУ, так как в Холме пребывал главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

В августе 1914 г. русская армия довольно быстро заняла значительную часть Галиции и Буковины: с 5 августа по 13 сентября были захвачены города Галич, Львов, Жолкиев, Тарнополь, Черновцы, Рава-Русская, взят в осаду Перемышль, войска перешли Карпаты. 9 марта 1915 г. по итогам второй осады был взят Перемышль. Таким образом, русская армия продвинулась вглубь австро-венгерских владений на 300 км. Данные территории требовали организации регулярной администрации, и в кратчайшие сроки.

По поручению главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н. И. Иванова генерал-лейтенантом графом Г. А. Бобринским и главным начальником снабжения генералом А. Ф. Забелиным

166. Там же. Лл. 25, 25об., 32.

было составлено Временное положение об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны¹⁶⁷. А 25 августа Георгий Александрович Бобринский принял руководство краем, став его генерал-губернатором. Им было учреждено новое административно-территориальное деление, сформированы три губернии — Львовская, Тарнопольская и Черновицкая. Первые две были разделены на 15 уездов каждая, а третья состояла из 10 уездов. Неопределенность возникла лишь с Буковиной, в трех из тринадцати уездов которой население было преимущественно румынским, и генерал-губернатор сомневался в необходимости введения там русской администрации. Границы большинства уездов совпадали с австрийскими, лишь несколько небольших уездов были объединены друг с другом. Таким образом, изначально получилось 40 уездов. Весной 1915 г. к ним добавилась Перемышльская губерния, состоявшая из 15 уездов. На первых порах частично было сохранено даже местное австрийское самоуправление. Несмотря на то что местные городские думы и земские собрания свою деятельность на время войны прекратили, те чиновники и гминные войты, которые были признаны русской администрацией благонадежными, продолжили работать. Более того, уездные власти активно привлекали на службу и в качестве консультантов представителей русинских организаций Галиции¹⁶⁸.

В конечном итоге к весне 1915 г. Галиция была окончательно разделена на 4 губернии и 55 уездов, для управления которыми понадобилась полиция. В отчете о своем правлении Бобринский пишет: «Низшая полицейская стража вербовалась путем командирования ее из губерний империи, первоначаль-

167. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 1.

168. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Лл. 8–9об.

но из губерний Юго-Западного края распоряжением бывшего генерал-губернатора его, а затем и из других губерний распоряжением Министерства внутренних дел. Командирование это производилось медленно, и лишь к концу оккупации нами Галиции уезды были обеспечены штатным составом низших полицейских чинов»¹⁶⁹. По данным самого МВД, в 1914 — начале 1915 г. в общей сложности в Галицию было командировано более 1800 нижних чинов полиции¹⁷⁰. По требованию генерала Иванова большинство чинов полиции были направлены не из губерний Юго-Западного края, полицейский штат которых (особенно в Полтавской и Черниговской) был и так чрезвычайно ослаблен, а из Центральной России¹⁷¹. Если говорить о городских, по которым сохранилась точная статистика, то в октябре 1914 г. их было направлено 370 человек, от 12 до 30 человек из каждой губернии¹⁷².

Жандармский надзор в регионе был введен в середине осени. Стоит отметить, что Бобринский активно привлекал жандармов к управлению краем. Например, на должность помощника градоначальника Львова он прочил подполковника В. С. Фролова¹⁷³, помощника начальника Финляндского ЖУ¹⁷⁴.

Временное жандармское управление военного генерал-губернаторства Галиции было сформировано согласно приказу Верховного главнокомандующего от 2 октября 1914 г. № 80¹⁷⁵, а 13 октября начальни-

169. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 5.

170. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 54. Л. 9.

171. Там же. Оп. 71. Д. 81. Л. 3.

172. Там же. Л. 52, 52об.

173. Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 18652. Л. 369; Д. 18654. Л. 59.

174. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Части 1 и 2. Пг., 1916. С. 43б.

175. Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня

ком управления был назначен бывший начальник Во-
лынского ГЖУ полковник А. В. Мезенцов¹⁷⁶. Штаб-
квартирой стал город Львов. Однако реально ВЖУ
начало функционировать лишь с 25 ноября того же
года. Согласно Схеме управления Восточной Гали-
цией ВЖУ напрямую подчинялось генерал-губерна-
тору¹⁷⁷. Приказом от 29 декабря 1914 г. ограничива-
лись территории, подведомственные ВЖУ Галиции,
населенные пункты следующих уездов: «а) Львовско-
го — Городок, Жолква, Рава-Русская, Сокаль, Рогатин;
б) Бродовского — Золочев, Зборов, Перемышляны;
в) Тарнопольского — Збараж, Скалат, Трембовля, Под-
гайце, Гусятин, Чортков, Борщев, Залещик; г) Стани-
славовского — Бучач, Тлумачев, Калуш, Богородчане,
Надворна; д) Стрийского — Дрогобыч, Жидачев, Тур-
ка, Сколе, Долина; е) Самборского — Старый Самбор,
Драгомыль, Санок, Леско; ж) Перемышльского — Мос-
циска, Яворов, Цишанов, Ярослав; з) Коломыйского —
Городянка, Косов, Снятин; и) Черновицкого — Коц-
ман, Вашкауц, Вижниц, Старожинец, Радауц, Серет,
Кемполунг, Гура-Гумора»¹⁷⁸.

Русские войска заняли огромный край, и спи-
сок задач, стоявших перед жандармской админи-
страцией, был также велик и далеко выходил за пре-
делы чисто полицейской работы. В своем приказе
от 23 февраля 1915 г. № 1032 начальник ВЖУ Галиции
писал: «В такой стране, как Галиция, при настоя-
щих обстоятельствах и при условии, что жандарм-
ские чины появились здесь впервые, все решительно
должно заслуживать нашего внимания, наблюдения,

1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губерна-
тора Галиции). Киев, 1915. С. 1.

176. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18653. Л. 67.

177. Отчет деятельности штаба временного военного генерал-гу-
бернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года
по 1 июля 1915 года (Приложение № 14 к отчету военного ге-
нерал-губернатора Галиции). Киев, 1916. Приложение № 22.

178. Центральный государственный исторический архив Украи-
ны, г. Киев (ЦГИАК). Ф. 365. Оп. 1. Д. 191. Лл. 7, 8.

сбора сведений, разработки и донесения по команде. Все сведения в будущем и теперь пригодятся и ничем нельзя теперь не интересоваться. Высшее начальство часто задает мне вопросы, на которые я, не имея с места донесений, ответить не могу, — это значит, что нам надо знать и собирать все и всякие сведения и доносить их. Конечно, главнейшими должны быть сведения о революционных, враждебных лицах, шпионах, но, кроме того, необходимы все сведения по наблюдению и настроению населения, положению его, по условиям жизни, порядку и безопасности»¹⁷⁹.

Процесс формирования управления шел медленно. Согласно штату управления от 2 октября 1914 г., в нем служили 5 штаб- и обер-офицеров (начальник, 2 его помощника, адъютант и офицер для поручений), 60 унтер-офицеров и 4 писаря. Помощниками были назначены полковник Петроградского ГЖУ И. Т. Покрошинский и ротмистр Московского ГЖУ Н. Н. Кирпотенко¹⁸⁰. В своем отчете Мезенцов пишет: «Означенный штат, как в численном, так и в окладном отношении, оказался не соответствующим действительным потребностям службы и жизни в Галиции, при обстановке военного времени. Взамен его был издан штат, объявленный в приказе Верховного главнокомандующего от 5 ноября 1914 г. за № 143, который и лег в основу сформирования вверенного мне управления»¹⁸¹. Ситуация, сложившаяся вокруг ВЖУ Галиции, обсуждалась также 4–6 ноября 1914 г. во Львове на проходившем совещании в составе командира ОКЖ В. Ф. Джунковского, начальника штаба В. П. Никольского и помощника военного генерал-губернатора Галиции генерал-майора А. П. Половцова.

179. Там же. Л. 40б.

180. Список общего состава на 1914 г. С. 76. Список общего состава на 1916 г. С. 339, 676.

181. Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1915. С. 1.

Однако и этого оказалось недостаточно. Начальник Холмского ГЖУ полковник М. П. Мадатов отмечал в секретном докладе от 2 декабря 1914 г., что при поездке по приграничным с Холмской губернией районам Галиции его «унтер-офицерами была посещена и местность за р. Саном, а также гг. Лежанск, Соколов и Рудка. При этом всюду местное население заявляло им о полном отсутствии военной и полицейской власти и администрации в городах, благодаря какому положению наблюдается общее развитие угрожающей преступности, сильно беспокоящей мирное население»¹⁸². 11 января 1915 г. Мадатов вновь пишет на имя Холмского губернатора: «По имеющимся во вверенном мне управлении сведениям, после занятия нашими войсками Галицийской территории, население Галичан, прилегающей к Белгорайскому уезду местности, уже около 2-х месяцев не имеет над собой никакой правительственной власти, и благодаря отсутствию на местах администрации в занятом нашей армией крае царит полный беспорядок, произвол и развивается в угрожающих размерах преступность... Воровство и грабежи растут, причем таким промыслом занимаются, кроме местных порочных людей, многие из отставших от своих воинских частей нижние чины нашей армии, которых возможно обнаружить по несколько человек чуть ли не в каждой деревне, где они проживают по 5–6 недель и занимаются грабежом и чинят всякого рода бесчинства среди беззащитного населения. Такие солдаты располагаются преимущественно у женщин, мужья которых находятся на войне»¹⁸³.

Состояние края усугублялось пожарами, эпидемиями, нехваткой продовольствия и средств первой необходимости. В составленном на следующий день, 12 января, донесении в департамент полиции начальник Холмской жандармерии приводит поис-

182. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 34.

183. Там же. Л. 35.

тине ужасающую картину. «Среди населения Галиции наблюдается нищенство и голод. Скотины и корма для нее сохранилось очень мало и то лишь у очень немногих крестьян, а подвоза продуктов ниоткуда не производится... Крестьяне целыми вереницами тянутся в пос. Тарногород и Белгорай за покупкой съестных продуктов, невзирая на опасения быть задержанными нашими властями или же ограбленными в пути злоумышленниками... В одной из деревень над рекой Саном мать с 4-мя детьми на руках, муж коей на войне, бросилась в отчаянии в реку, и когда ее спасли, ответила, что к тому привел ее голод. В некоторых погорелых и разгромленных селениях вокруг пепелищ своих очагов с диким хохотом и воплями ходят полоумные, потерявшие рассудок от пережитого ужаса войны»¹⁸⁴.

Власти осознавали масштаб надвигавшейся гуманитарной катастрофы. Для выяснения степени нужды населения и выдачи пособий в каждом уезде были образованы комитеты из местного сельского и городского населения под руководством уездных начальников, подчиненные Краевому благотворительному комитету во Львове, который возглавлял родственник генерал-губернатора депутат Государственной думы от русских националистов граф Владимир Алексеевич Бобринский. Он собирал сведения о нуждающихся, распределял продуктовую и денежную помощь из экстраординарных сумм генерал-губернаторства. Именно этот вполне опытный политик и формировал в целом идеологический курс русской оккупационной администрации¹⁸⁵.

15 января 1915 г. полковник Мадатов запросил главу штаба ОКЖ Никольского о возможности проведения совместных скоординированных с ВЖУ Галиции действий¹⁸⁶. И вскоре при содействии графа

184. Там же. Ф. 102. Оп. 123. Д. 176. Л. 12.

185. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Лл. 44–4406.

186. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 18.

Г. А. Бобринского во Львове прошли переговоры руководства Холмской и Галицийской жандармерии о выработке совместных мер по наведению порядка¹⁸⁷. Неспособность ВЖУ Галиции самостоятельно справиться со своими проблемами исходила из мизерного размера выделенного ей числа сотрудников. В отчете о прошедших 25 января переговорах полковник Мадатов писал начальнику штаба главкома Юго-Западного фронта, что Львовский район и прочие местности завоеванной части Галиции находятся в одинаково неблагоприятных условиях в результате «отсутствия подлежащих штатов администрации вообще и полиции во всех ее видах»¹⁸⁸. До нас дошло описание состояния администрации Ярославского уезда Галиции, в котором процветали мародерства, дезертирство солдат, начинались эпидемии. Некомплект чинов полиции и стражи в уезде составлял 81% от положенного по штату. Так, наличный состав уездной полиции на 5 полицейских участках состоял из 5 урядников и 10 стражников, в то время как полагалось иметь 25 стражников и 50 конных и пеших нижних чинов казачьих войск. И это на 160-тысячное население огромного разоренного войной уезда площадью 100 тыс. гектаров¹⁸⁹. Железные дороги были парализованы, выделенные губернатором Бобринским 500 тыс. пудов зерна голодающему населению было технически невозможно быстро доставить, врачей и фельдшеров для борьбы с начинавшимися эпидемиями катастрофически не хватало. Самое печальное, что, по оценке Мадатова, город Ярослав с уездом находился в еще сравнительно неплохом состоянии по сравнению с другими территориями Галиции.

В хаотическом состоянии находились все сферы управления краем, включая судебную. Осенью 1914 г.

187. Там же. Л. 38.

188. Там же. Ф. 102. Оп. 123. Д. 176. Л. 23.

189. Там же. Л. 25.

часть бывших австро-венгерских судов продолжала функционировать по австрийским же законам, но под наблюдением российских чиновников (в Тарнополе и Львове). Жалованья они, правда, не получали. В других же местах судебная власть была возложена на уездных начальников, судивших по русским законам. Параллельно работали и военно-полевые суды, рассматривавшие дела о шпионстве, утайке оружия населением, порче производств и казенного имущества, о спаивании нижних чинов русской армии¹⁹⁰. Власти генерал-губернаторства не вполне понимали, по каким законам и какому порядку судопроизводства необходимо рассматривать дела иностранных подданных, попавших в оккупацию. Поэтому на всякий случай судебные определения составлялись от имени императора без указания, какого конкретно — русского Николая II или австро-венгерского Франца Иосифа. Управленческую неразбериху лучше всего характеризует следующая цитата из отчета Г.А. Бобринского в штаб Главковерха от 20 октября 1914 г.: «Сельские установления в своем делопроизводстве пользуются русским языком, а все остальные — польским; сношения местных установлений с русскими властями делаются большей частью на польском языке с приложением русского перевода, а обратно только на русском языке»¹⁹¹. По предложению В.А. Бобринского украинский (мазепинский) язык в официальном делопроизводстве не использовался. Это было его старой идеей, сформировавшейся задолго до начала Первой мировой войны, — остановить продвижение украинского национализма на Днестре и Сане, пока он не захватил Малороссию и не дошел до Днепра¹⁹². По утверждению генерал-губернатора, русский вполне был понятен сельскому населению,

190. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–100б.

191. Там же. Л. 100б.

192. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 41–42.

а польский — городскому¹⁹³. Правда, обоснованность этих суждений вызывает большие сомнения.

Однако взять необходимое количество квалифицированных управленцев, судей, чинов полиции и жандармерии было просто неоткуда. К тому же вскоре выяснилось, что и кадровый состав командиремых чинов оставлял желать лучшего. Если жандармы стояли на защите интересов русского государства, то о полицейских этого сказать было нельзя. В мае 1915 г. начальник жандармского управления Галиции Мезенцов утверждал, что высшие и низшие чины полиции и железнодорожники, направляемые в Галицию из Подольской и Киевской губерний, где было сильно украинское националистическое (мазепинское) движение, оказались крайне неудовлетворительными в нравственном и политическом отношении. Кажалось бы, российские полицейские должны были содействовать дружественно настроенному русинскому населению. На деле же они оказывали поддержку националистам-мазепинцам, поддерживавшим противников России. По утверждению Мезенцова, это вносило чувство разочарования и беспомощности в среду русин, терявших веру в российскую администрацию¹⁹⁴. Лучшее всего 18 января 1917 г. эту мысль выразил архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) в письме к Ф. Ф. Трепову, сменившему в 1916 г. Г. А. Бобринского на посту генерал-губернатора: «Плачутся галичане, что их одолевают в Галиции поляки и мазепинцы; по мазепинским учебникам преподают в школах, в каковых учебниках поносятся Россия и православию и восхваляются Франц Иосиф и Иван Мазепа. Принцип правительства нашего: „никакой политики“ практически превратился в принцип „политика польская и мазепинская“»¹⁹⁵.

193. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 46.

194. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 176. Л. 290б.

195. Представительные учреждения Российской империи в 1906–

И галичане действительно были крайне недовольны. Общие мысли местной русофильской интеллигенции изложил в своем обращении в Ставку выдающийся русинский общественный деятель, помощник Черновицкого губернатора А. Ю. Геровский: «Черновицкий губернатор не принимал присылаемые из России на места уездных начальников отбросы полиции и отсылал их сейчас после их прибытия обратно, в остальных же губерниях они устраивались великолепно, всячески обирали население и сближались с богатыми польскими панями и жидами, угнетали вместе с ними коренное русское население, роняя этим престиж русской власти»¹⁹⁶. Реальность самым болезненным и обидным образом разошлась с ожиданиями той и так незначительной в масштабах жителей региона пророссийской части населения. За годы войны исправить эту ситуацию не удалось, равно как не удалось в годы первого генерал-губернаторства решить ситуацию с жандармско-полицейским аппаратом.

3 февраля 1915 г. был утвержден третий по счету штат ВЖУ Галиции. Согласно ему, в управлении числилось 15 штаб- и обер-офицеров (включая начальника, его помощника (заместителя), адъютанта, 3 помощников начальника по городу Львову и 9 помощников по губерниям Галиции), 1 секретаря, 95 унтер-офицеров и вахмистров, 4 писарей¹⁹⁷. В приложении к приказу по ОКЖ № 45 предполагалось, что назначенные в ВЖУ чины будут служить до окончания войны. Учитывая прифронтовое расположение жандармского управления, его чины получили усиленное вооружение: 95 боевых трехлинеек, револьверы системы Нагана, драгунские сабли и несколько тысяч патронов¹⁹⁸.

1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 535.

196. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 131 об.

197. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы за 1915 г. Пг., 1915. Приказ № 45.

198. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 5. Д. 1183. Л. 24.

Несмотря на неоднократные увеличения штата, его численность не доходила даже до размеров австро-венгерской жандармерии в Галиции довоенного периода. В одном Львове австрийцы в мирное время содержали 80–90 жандармов, в то время как русская жандармерия в городе во время войны составляла 36 человек¹⁹⁹. Всего же австрийская жандармерия в Галиции составляла 68 офицеров, в то время как русская в 1915 г. — 29 офицеров, включая 14 железнодорожных жандармов.

24 декабря 1914 г. Мезенцов издал приказ, в котором наметил характер ближайшей деятельности ВЖУ. Его помощникам на местах поручалось немедленно исследовать влияние на Галицию войны, выяснить степень разорения края в результате боевых действий, а также наличие мест, уцелевших от разгрома; разобратся в роде и видах занятий местных жителей, составить представление об экономическом потенциале края; установить, как относится местное население к России, императору, русским властям и тому факту, что Галиция может отойти к Российской империи. Он требовал узнать, как относится к России и ведет себя католическое и униатское духовенство, определить характер общественно-политической жизни Галиции, установить всех партийных деятелей²⁰⁰. Начиная с января 1915 г. чины жандармерии были обязаны представлять сведения по данной программе ежемесячно, к 20-му числу каждого месяца.

Для реализации этих целей необходимо было наладить широкую агентурную сеть. 29 января 1915 г. приказом № 513 полковник Мезенцов обрисовал условия работы и первоочередную цель чинов ВЖУ: «Как господам офицерам, так и унтер-офицерам на пунктах надлежит все силы употребить на подыскание обширной, верной и осведомленной агентуры. Чем шире

199. Айрапетов О. Р. Участие России в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. С. 235.

200. ЦГИАК Ф. 365. Оп. 1. Д. 163. Лл. 1–10б.

и разнообразнее поставится агентура на местах, тем полнее будет общая осведомленность всех и результаты явятся более широкими и полными. При приеме сведений здесь надо быть очень осторожным, так как теперь многие лица начинают давать сведения во вред другим, сводя старые с ними счета, по злобе и так далее»²⁰¹. Последний абзац приказа явно учитывает опыт работы жандармерии и контрразведки в Польше, когда дела о шпионаже зачастую являлись не более чем необоснованными наветами частных лиц.

В рамках реализации данного приказа сразу после формирования ВЖУ Галиции при нем был создан розыскной отдел в городе Львове, состоявший из двух чиновников, одного переводчика с местных языков, двух писцов, заведующего наружным наблюдением и 47 наблюдательных агентов, 30 из которых работали во Львове, четверо — в Станиславове, шестеро — в Тернополе и семеро — в Черновцах²⁰². С самого начала шло формирование также и внутренней агентуры: во Львове было завербовано 14 человек, а по всей Галиции и Буковине — еще 53 сотрудника²⁰³.

Следует отметить, что внутренняя организация работы в ВЖУ была налажена только в январе–феврале 1915 г. Опасаясь характерной для прифронтовых контрразведок безалаберности, Мезенцов требует от подчиненных соблюдения традиционной для жандармских управлений педантичности в ведении делопроизводства на самом важном, розыскном направлении деятельности. 17 января 1915 г. он выпускает совершенно секретное предписание следующего содержания: «Для правильного ведения делопроизводства как по 2-му отделу (розыскному) управле-

201. Там же. Ф. 365. Оп. 1. Д. 158. Л. 8.

202. Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1915. С. 3.

203. Там же. С. 6.

ния, так и у господ помощников моих, необходимо ввести одинаковое и единообразное исполнение этого производства, для чего предписываю: 1. Все бумаги, касающиеся розыска и агентуры, должны на левом поле иметь надпись: „По 2-му отделу управления“. 2. По розыскной части должны вестись следующие дела и ведомости: а) отдельные дела по каждой организации; б) отдельные дела на каждого сотрудника или агента; в) отдельные, по каждой организации, сводки наблюдений; г) общий список сотрудников по их кличкам; д) листки на дугах для установок и домов; е) отдельное дело по розыскным циркулярам департамента полиции; ж) отдельное дело с розыскными предписаниями; з) отдельное дело к руководству по розыску; и) регистрация — на обороте общих карточек или отдельно; i) регистрация фотокарточек и дактилоскопий; к) книги по розыску, алфавиты, алфавит фотографий; л) книга агентурных расходов и отчетности. Необходимым условием правильной постановки дела считаю обязательное внесение в сведение всех получаемых агентурою сообщений и отметки, что по ним исполнено»²⁰⁴.

Особое внимание секретной агентуры направлялось на исследование польского, украинского и еврейского вопроса, а также деятельности иезуитских организаций. Первым успехом стала ликвидация мазепинской революционно-террористической группы Н. Зализняка и М. Горникевича, уличенной в сотрудничестве с австрийской разведкой. Проводились многочисленные аресты и обыски, в том числе на квартире украинского общественного и политического деятеля М. С. Грушевского. Борьба с местным польским национализмом занимала второе по важности место и не приносила столь обильного материала, как разработка украинских самостийников²⁰⁵.

204. ЦГИАК Ф. 365. Оп. 1. Д. 184. Л. 8.

205. Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня

По иудейскому вопросу, сравнивая его с польским, Мезенцов писал следующее: «Вопрос еврейский был освещен несколько шире и в общем результат дал указание на крайнюю враждебность Галицийской еврейской интеллигенции ко всему русскому, но проявлений этой враждебности, по крайней мере в первый период, совершенно не было вследствие того, что эта часть населения, можно сказать, полностью оставила пределы Галиции»²⁰⁶. Однако политика Г. А. Бобринского по отношению к евреям основывалась на терпимости. Конфискации еврейского имущества были большой редкостью. В отличие от жандармских и военных властей, генерал-губернатор не видел в евреях опасности и старался обращаться с ними на равных основаниях с прочими группами населения Галиции, «дабы не поселить в них убеждения в нашей национальной враждебности к евреям вообще»²⁰⁷.

Благодаря политике национальной терпимости, проводимой Бобринским, многие польские и украинские националисты, а также прогерманские еврейские предприниматели не только сохраняли видные посты в управлении, экономической и общественной жизни Галиции, но и открыто вели антироссийскую агитацию. Начальник ВЖУ Мезенцов не мог повлиять на Бобринского и был вынужден написать 8 мая 1915 г. докладную записку в Ставку. После этого поступило категорическое требование начальника штаба Янушкевича немедленно арестовать всех названных в записке Мезенцова антироссийских деятелей вне зависимости от национальной и выслать в Брест-Литовскую или Киевскую крепость²⁰⁸.

В целом деятельность жандармского управления заключалась в политическом и военном розыске, ли-

1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1915. С. 8.

206. Там же.

207. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 1150б.

208. Там же. Л. 294.

квидации противоправительственных организаций, арестов, охране высокопоставленных особ, включая императора Николая II во время его визита в Галицию, поиске беглых австрийских и германских военнопленных, взаимодействии с военной контрразведкой по борьбе со шпионажем. Также штаб военного генерал-губернаторства Галиции возложил на чинов управления обязанность ведения военной цензуры, перлюстрации корреспонденции²⁰⁹. Начиная с 18 апреля 1915 г. служащие ВЖУ вели работу по разведке передвижений австро-венгерской армии. Объем работ был столь велик, что управление было вынуждено перейти на ускоренный режим ведения дознания: 23 апреля 1915 г. Мезенцов распорядился «расследование возникающих дел и переписку по ним проводить быстрее, заканчивая последние в месячный срок. По каждому делу, задержанному и перешедшему почему-либо на следующий месяц, давать подробные объяснения лично мне»²¹⁰.

Товарищ министра внутренних дел Джунковский был весьма доволен работой ВЖУ Галиции. В воспоминаниях он приводит один из многостраничных докладов главы управления о проделанной работе. Не углубляясь в украинскую тематику, подробно освещенную в докладе, отметим основные вехи работы управления на так называемом мазепинском направлении (по терминологии жандармов). Мезенцов концентрируется на отдельных организациях, особое внимание уделяя Украинской социал-демократической партии, Украинской радикальной партии, Украинской национал-демократической партии, Союзу освобождения Украины, роли Грушевского в формировании украинского националистического движе-

209. Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1915. С. 4.

210. ЦГИАК Ф. 365. Оп. 1. Д. 184. Л. 11.

ния, причем не только в Галиции, но и в Малороссии, а также «сечевым» и польским «сокольским» военно-политическим националистическим организациям²¹¹.

Нам неизвестно точное количество дел, заведенных за время существования ВЖУ Галиции, однако при их эвакуации летом 1915 г. общий вес секретной документации управления за неполных полгода составил 200 пудов, то есть 3276 кг²¹² — очевидно, что объем работ был проведен значительный.

Кроме очевидных успехов были и неудачи, самой болезненной из которых была контрразведка. В своем отчете Бобринский писал: «Борьба с несомненно существовавшими в крае шпионскими организациями была крайне затруднительна. В состав моего штаба был командирован лишь один офицер корпуса жандармов, на которого пришлось возложить организацию контрразведки по всему тыловому району... кроме нескольких лиц, лишь заподозренных в шпионстве и высланных мною вследствие этого из Галиции, контрразведывательному отделению штаба не удалось обнаружить ни одного достоверного случая шпионства. Образованное впоследствии жандармское управление генерал-губернаторства лишь косвенно могло содействовать контрразведке, так как обратило преимущественное внимание на борьбу с кругами, политически недоброжелательными к русской власти, безотносительно к вопросу о сношении их с штабами австрийской армии. Кроме того, невыясненность прав и обязанностей жандармского управления вызывала трения между чинами его и контрразведывательным отделением штаба, а также губернаторами. При этом попытки мои координировать деятельность властей, ведавших розыском, затруднялись тем, что командированные в Галицию офицеры корпуса жандармов не сразу уяснили себе характер возложенных на них задач, обуславливав-

211. Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 502.

212. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 5. Д. 1183. Лл. 33, 33об.

шихся деятельностью именно в неприятельской стране, и даже нарушали принцип объединенности военной власти в моих руках, сносясь помимо меня с штабом корпуса жандармов»²¹³.

Следует отметить, что неурегулированные отношения между военной контрразведкой и жандармскими властями в прифронтовой полосе являлись общей проблемой для всего театра военных действий. В данном смысле Галиция не была исключением. В регионе существовало несколько препятствий для ведения политическим сыском работ по контрразведке: языковой барьер (плохое знание местного украинского языка), отсутствие понимания, какое из ведомств обязано отвечать за итоги работы по борьбе со шпионажем (КРО или ВЖУ), незначительный штат управления, который был доведен до минимально приемлемой численности лишь к середине весны 1915 г., многообразие возложенных на управление разноплановых задач, дотошность и строгое следование закону при ведении дознания.

Несмотря на то что число доказанных случаев шпионажа стремилось к нулю, минимальная численность высланных из Галиции по подозрению в шпионстве была весьма значительной. Особую активность на направлении высылки за шпионаж развило КРО штаба генерал-губернатора, расход средств на которое менее чем за год вырос более чем в два раза: с 2773 руб. в 1914 г. до 6282 руб. в 1915 г.²¹⁴ За год существования генерал-губернаторства Галиции на военную контрразведку было потрачено 9055 руб., или 36% всех экстраординарных трат штаба Бобринского²¹⁵. Кроме КРО

213. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 21.

214. Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года (Приложение № 14 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916. С. 58.

215. Там же.

штаба генерал-губернатора в Галиции и на Буковине работали КРО штаба Юго-Западного фронта, КРО штабов действующих армий²¹⁶. В отчете штаба читаем: «...как офицеры, так и агенты контрразведывательных отделений армий зачастую не только вели совершенно самостоятельные розыски, но и даже проводили обыски и аресты»²¹⁷.

По данным того же отчета графа Бобринского: «Выслано было из Галиции за проявление враждебности и по подозрению в шпионаже 1962 лица; переданных военным начальством и поселенных в восточных уездах Галиции — 2364... Главная масса выселяемых войсками лиц относилась лишь к категории подозреваемых, и первое по численности место среди них занимали евреи. Из войсковых районов они выселялись часто целыми семьями, забирая с собой весь домашний скраб. Массовое выселение их достигало до десяти тысяч человек, в особенности в феврале месяце 1915 года из района крепости Перемышль. Но не только из этого района, но и из района южных армий... Дело высылки значительно осложнялось тем, что военным начальством в большинстве случаев не составлялось на выселяемых никаких документов, и препровождались они часто при одних лишь записках, в которых указывалось только, что они подлежат выселению, но по чьему распоряжению, куда и за что именно — сведений не сообщалось»²¹⁸. Представители КРО штабов армий направляли запросы на арест в жандармерию в виде записок с именем подозреваемого и обвинением («по подозрению в шпионстве», «как неблагонадежный», «подозрительный» и т. п.). Но ВЖУ Галиции не могло принять решение об аресте без материалов дознания и каких-либо до-

216. Там же. С. 27.

217. Там же. С. 29.

218. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 16, 17.

казательств. Массовая волна арестов началась только после того, как главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта приказал арестовывать и высылать в Сибирь даже без наличия доказательств, по одному подозрению²¹⁹.

Обязательному выселению из мест постоянного жительства подлежали германские и австро-венгерские подданные в возрасте от 18 до 45 лет, за исключением заведомо больных и неспособных к воинской службе, однако на практике это привело к массовым необдуманным репрессиям. Участниками совещания по вопросу депортации в МВД, прошедшего в ноябре 1914 г., «было отмечено, что и применение огульной высылки уже имело место из местностей, граничащих непосредственно с районом военных действий, причем в числе высланных лиц оказались заведомо больные, престарелые, не имеющие возможности даже передвигаться без посторонней помощи, высылка коих едва ли могла быть признана настоятельно необходимой»²²⁰.

В штабе военного генерал-губернатора Галиции точно не знали, сколько же было выслано. Если в тексте отчета речь идет о 6000 человек, то хоть сколько-нибудь точные сведения удалось собрать и изложить в таблице только по 1568 жителям Галиции. Штаб приводит данные по национальному составу высланных, 38% из которых были евреи и 29% местные «русины», украинцы²²¹. Первоначально евреев высылали в Томскую губернию, поляков и русинов в Симбирскую, Пермскую и Уфимскую губернии, а с 1915 г. представителей всех национальностей стали высылать

219. Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года (Приложение № 14 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916. С. 30.

220. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 138. Лл. 414об., 415.

221. Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года (Приложение № 14 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916. Приложение № 17.

в Енисейскую губернию²²². При этом в штабе учитывали лишь тех, на кого были оформлены все документы, была известна национальность, причина высылки и которые были зарегистрированы в штабе. Таким образом, штабными структурами генерал-губернаторства (к которым не относилось ВЖУ, подчиненное лично Бобринскому) было депортировано с соблюдением хоть каких-то бюрократических формальностей около 10% от общей массы высланных. В целом штаб выслал около 42% всех депортированных по Галиции. Сложно сказать, как КРО штаба могло привлечь к дознанию столько людей, имея в 1914 г. в своем штате лишь 7 наблюдательных агентов²²³.

В отчете штаба приводится список из 13 оснований для высылки жителей Галиции: 1) подозрение в шпионаже (43% высланных), 2) неблагонадежность и подозрительность (22%), 3) вредность и нежелательность (9%), 4) военнопленные и военнообязанные (15%), 5) польские соколы, сечевые стрелки и украинцы (националисты) (3%), 6) за содержание военно-почтовых голубей (около 1%), 7) за содействие австрийским войскам (3,6%), 8) за неимение удостоверений на жительство (1,6%), 9) заложников (около 1%), 10) по подозрению в краже и грабеже (около 1%), 11) за уклонение от военной службы (около 1%), 12) за хранение оружия (около 1%), 13) жен, изъявивших желание следовать за мужьями (около 1%).

Следует отметить, что жандармские власти, как было указано в приведенной выше инструкции Мезенцова, работали на основании подробного документального фиксирования всех производимых розыскных или репрессивных действий. И ВЖУ Галиции было непричастно к данным депортациям зачастую ни в чем не повинных людей, проводимым в основном военными и частично местной гражданской администрацией.

222. Там же. С. 30.

223. Там же. С. 28.

Вопрос депортации враждебных элементов, вставший перед военными и жандармско-полицейскими властями с самого момента занятия Галиции, был, безусловно, вопросом скорее политическим. Он был неразрывно связан с пониманием администрацией образа врага. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич вынес его на обсуждение Совета министров еще в октябре 1914 г. В результате в ноябре–декабре прошел ряд совещаний. 8 ноября 1914 г. внутри Министерства внутренних дел прошло расширенное заседание с участием 10 представителей руководства департаментов полиции и общих дел, начальников отделений под председательством товарища министра И. М. Золотарева. Центральным вопросом стала высылка германских и австро-венгерских подданных во внутренние районы империи. Было признано опасным и нежелательным выдворять их на родину в силу их осведомленности с ситуацией внутри страны. Равно принятие ими после начала войны российского подданства могло быть уловкой.

Отдельной страницей истории оккупационной администрации была система заложничества. Жандармы не принимали участия и в распространенной в военной среде практике взятия заложников из местного населения. Брать их начали согласно распоряжению главнокомандующего Юго-Западным фронтом от 22 сентября 1914 г., преимущественно из состоятельных и уважаемых представителей еврейской общины — это были директора банков, городские головы, торговцы и промышленники, представители интеллигенции. Их вывозили в Киевскую, Черниговскую, Полтавскую и Симбирскую губернии²²⁴. По данным Г. А. Бобринского, таких заложников было не менее 700 человек²²⁵. Заложники должны были

224. Бахтурина А. Ю. Политика Российской империи... С. 193–194.

225. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 17.

стать гарантией лояльности местных галицийских элит. Однако роли своей не выполнили — во многом из-за непоследовательной политики самих русских оккупационных властей. Значительное число поляков было взято в заложники при отступлении армии весной–летом 1915 г. «в обеспечение оставшихся жителей, благожелательно относившихся к России, от мести австрийских войск»²²⁶. Они были вывезены в Киев, а осенью заложников обязали за собственный счет выехать из Киева в отдаленные губернии. Среди 104 захваченных поляков было немало людей пожилого возраста, все они не имели никакого содержания и средств к существованию, за исключением материальной помощи от польских общественных организаций. Доведенные до отчаяния, 22 января 1916 г. они направили коллективную просьбу М. В. Алексею разрешить им остаться в Киеве²²⁷. В результате было принято паллиативное решение. Взятые в заложники славянам (полякам и украинцам) было разрешено остаться в Киеве или выбрать себе комфортное для проживания место вне театра военных действий с сохранением за ними надзора полиции. Заложников не славян (в основном евреев) было решено этапировать в Сибирь²²⁸.

В ноябре–декабре 1915 г. поднимался вопрос о другой партии из 114 заложников и 34 административно высланных из Галиции лиц. Когда наступили морозы, выяснилось, что они, захваченные в летний период, не имеют ни теплой одежды, ни средств к существованию, приобретению пищи и лекарств. Была сформирована комиссия во главе с генерал-майором А. Р. фон Кноррингом, служившим ранее генералом для поручений при губернаторе Бобринским. Было принято решение выделить единовременное денежное пособие в размере 50 руб. на приобретение теплой

226. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. Л. 323об.

227. Там же. Лл. 310–313.

228. Там же. Л. 318.

одежды и ввести ежемесячное пособие на пропитание по норме для военнопленных²²⁹. При разбирательстве оказалось, что на большинство задержанных и административно высланных не имелось ровным счетом никаких компрометирующих сведений, доказывающих их антироссийскую направленность. Более того, комиссия Кнорринга разрешила больным, немощным и лояльным России заложникам вернуться в Австро-Венгрию через третьи страны. Тот факт, что при отступлении значительная часть заложников была взята из числа пророссийски настроенной части населения и интеллигенции, комиссия объясняла спешкой. Из 114 заложников были освобождены 90, в том числе 22 заложникам разрешили выехать на родину²³⁰. Оставшееся меньшинство (24 действительно антироссийски настроенные) были высланы в Казанскую губернию и Сибирь.

В конце апреля — начале мая 1915 г. под натиском австро-германских войск началось отступление русской армии из Галиции. Все административные и полицейские учреждения были выведены из края за месяц, в период с 7 мая по 7 июня 1915 г.²³¹ Согласно распоряжению Мезенцова от 23 февраля 1915 г., жандармы, в случае общего отступления армии, должны были уходить одними из последних, «затем именно, что они должны твердостью, спокойствием и обстоятельностью действий своих показывать пример населению»²³². Кроме нравственных и воспитательных начальник ВЖУ преследовал и чисто практические цели: «При вынужденном отступлении перед неприятелем унтер-офицерам следует оставаться на пунктах до самого последнего момента, до по-

229. Там же. Лл. 324об., 329.

230. Там же. Лл. 329об., 330.

231. Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1 сентября 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 45.

232. ЦГИАК Ф. 365. Оп. 1. Д. 158. Л. 13.

следнего поезда, на который и садиться для отъезда, а до того следует именно наблюдать, кто и как действует, кто и как ведет себя, кто проявляет тревогу, вносит панику и как действуют в это время разные власти. В то же время унтер-офицеры, оставаясь до последнего момента на пункте, именно могут отметить, кто из населения и жителей проявит сразу враждебное к нам настроение и откроет себя, как наш враг и недоброжелатель»²³³. В результате таких действий случалось, что некоторые жандармы попадали в австрийский плен²³⁴.

Впоследствии начальник Штаба ОКЖ генерал В. П. Никольский признавал в рапорте М. В. Алексееву печальные последствия тактики сохранения жандармов на местах до последнего момента. Несмотря на то что казенное имущество, архив, дела и секретные документы были вывезены полностью, собственное имущество сотрудников галицийской жандармерии оказалось брошенным. Более того, многие унтер-офицеры, застигнутые немцами врасплох, были убиты, ранены или контужены; некоторые, отступая с войсками, не успели вывезти своих жен и детей. Особенно пострадали сотрудники железнодорожной жандармерии, пропустившие последние эшелоны²³⁵.

В условиях общего отступления русской армии и отсутствия надежд вернуть Галицию 21 августа 1915 г. приказом Верховного главнокомандующего № 732 ВЖУ Галиции было расформировано. Из 34 унтер-офицеров, эвакуированных из Галиции, тридцать были переданы в состав продолжавшего действовать ЖПУЖД Галиции, а четверо переведены в армию; большинство из офицеров получили назначения в тыловые управления, а 29 сентября 1915 г. Мезенцов был назначен начальником Полтавского

233. Там же.

234. ГА РФ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 18653. Л. 118.

235. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Лл. 191 об.

ГЖУ²³⁶. Само же генерал-губернаторство было упразднено только 4 марта 1916 г.²³⁷

Параллельно с ВЖУ Галиции в регионе функционировала железнодорожная жандармерия. 3 февраля 1915 г. был подписан приказ Верховного главнокомандующего № 85 о формировании Жандармско-полицейского управления железных дорог в Галиции. К приказу прилагался штат вновь создаваемого управления, согласно которому в нем служило 14 офицеров (в том числе начальник управления, адъютант, 10 начальников отделений и 2 помощника начальников отделений), 207 унтер-офицеров и вахмистров и 3 писаря²³⁸. Управление было подчинено начальнику военных сообщений штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта и располагало собственной воинской командой для охраны железных дорог и телеграфа²³⁹. Начальником ЖПУЖД Галиции был назначен опытный офицер полковник Ф. Н. Оже де Ранкур. С 1898 по 1915 г. он служил исключительно в Киевском ЖПУЖД на различных должностях и очень хорошо знал жандармскую службу на Юго-Западных железных дорогах²⁴⁰. Однако нижние чины управления оставляли желать лучшего: имелись случаи непрофессионализма, пьянства, превышения полномочий²⁴¹.

В целом возложенные на ЖПУЖД Галиции обязанности ничем не отличались от остальных аналогичных управлений в прифронтовой зоне. Особенностью было то, что работа железных дорог в регионе

236. Там же. Ф. 110. Оп. 5. Д. 1183. Лл. 25, 70, 71.

237. Там же. Оп. 2. Д. 18656. Лл. 207, 208.

238. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы за 1915 г. Пг., 1915. Приказ № 47; ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18984. Лл. 3–40б.

239. Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года (Приложение № 14 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916. Приложение № 22.

240. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18984. Л. 16; Список общего состава на 1916 г. С. 329.

241. Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 764. Лл. 11, 30, 31.

была организована из рук вон плохо. Документы ЖПУЖД пестрели бесконечными рапортами о расследовании крушений поездов. Наиболее вопиющих случаев было два: 26 января 1915 г. на направлении Львов — Стрый по вине дежурного по станции столкнулось и разбилось два поезда, были убитые и раненые²⁴², а 4 марта 1915 г. недалеко от Тарнополя потерпел катастрофу военный поезд генерала хана Гусейна Хан Нахичеванского, были убитые и раненые, генерал получил сильные ушибы²⁴³. Зачастую аварии происходили по бытовым причинам: по путям разгуливал скот, машинисты или не умели водить, или были в состоянии сильного алкогольного опьянения, повсеместно наблюдалось нарушение техники безопасности и гибель людей²⁴⁴. За 1916 г. только в одном случае авария была результатом подготовленной диверсии — 29 октября под Черновцами²⁴⁵.

Начиная с ноября—декабря 1916 г. нарастало число оставшихся безнаказанными волнений среди солдат, отправлявшихся на фронт, разгромов железнодорожных эшелонов, вокзалов и лавок торговцев. Было две причины неспособности властей решить эти проблемы: малочисленность жандармско-полицейских сил и отсутствие дружин охраны, которые прежде служили для поддержания порядка. Эти дружины были сняты с охраны железных дорог и полосы отчуждения и направлены на фронт²⁴⁶.

В целом стоит отметить, что работа управления была налажена довольно посредственно. Во многом это было следствием значительной нехватки офицерского состава, а тыловые ЖПУЖД с неохотой отдавали хорошие чины. Поэтому, несмотря на усилия Оже де Ранкура, аварии продолжались вплоть

242. Там же. Л. 11.

243. Там же. Л. 15.

244. Там же. Д. 791. Лл. 1–14.

245. Там же. Л. 11.

246. РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1399. Лл. 482–485об.

до самой революции: последнее крушение военного поезда в регионе имело место 23 января 1917 г.²⁴⁷ На ведение уголовного и политического розыска управлению выдавалось всего по 250 руб. в месяц²⁴⁸. Эта сумма была явно недостаточна для организации работ. Жандармы жаловались на отсутствие даже вестовых и элементарной прислуги, технического персонала. Нанимать же местных жителей, граждан государства-противника, и доверить им доступ к оружию, секретным документам и личным вещам жандармы не решались²⁴⁹. При этом казенная прислуга, согласно приказу по армии, жандармским чинам не была положена. Проблема была и в обеспечении сотрудников управления квартирными, так как в самом ОКЖ денег на квартирное довольствие для ЖПУЖД Галиции не было, а местное военное начальство не торопилось обеспечивать их жильем²⁵⁰.

Зачастую из-за нехватки сотрудников даже начальникам отделений приходилось одновременно работать и в составе ЖПУЖД Галиции, и в армейских структурах. Так, ротмистр Н.А.Кравец, руководивший железнодорожным жандармским отделением на станции Тарнов, одновременно являлся военным цензором 3-й армии²⁵¹. В конце января 1917 г. начальник штаба ОКЖ Никольский констатировал значительную нехватку офицеров для данного жандармско-полицейского управления²⁵². В сентябре 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А.А.Брусиллов, заинтересованный в нормальном функционировании транспортных артерий, пытался помочь ЖПУЖД Галиции, распорядившись выделить 100 ар-

247. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 824. Л. 1.

248. Там же. Ф. 102. Оп. 316. Д. 50. Ч. 126. Л. 306.

249. РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1400. Лл. 22–23.

250. Там же. Лл. 41–42.

251. «Ника» (Кравец Н.А.) Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 561.

252. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 18657. Лл. 315, 3161399. Лл. 26, 2606., 33–3406.

мейских унтер-офицеров из числа негодных к строевой службе, однако фактически на пополнение было направлено лишь 29 унтеров, половина из которых не были даже нормально снабжены²⁵³. По состоянию на 2 декабря 1916 г. из 14 положенных по штату офицеров в управлении состояло 9, а из 207 унтеров — всего 140, то есть некомплект составлял 32%. А зона их обслуживания распространялась на 76 станций²⁵⁴.

Весной-летом 1915 г. русская армия стала отступать. В октябре обсуждалась возможность роспуска ЖПУЖД Галиции. Приказом от 20 октября № 326 по Отдельному корпусу жандармов управление должно было быть распущено, и его офицеры получили назначения на различные железные дороги империи²⁵⁵. Однако Оже де Ранкуру удалось в своем докладе от 4 ноября 1915 г. убедить главкома Юго-Западного фронта в необходимости сохранения управления на случай повторного наступления на Западной Украине²⁵⁶. ЖПУЖД было сохранено и функционировало в сокращенном составе: 49 сотрудников обслуживали 11 железнодорожных станций²⁵⁷. После Брусиловского прорыва ЖПУЖД вновь заработало в полную силу. В его составе были сформированы 4 отделения (Днестровское, Коломейское, Тарнопольское и Черновицкое), а также Подволочиский пункт.

В ходе Брусиловского прорыва, с 22 мая по 31 июля 1916 г., российская армия захватила всю Волынь, большую часть Буковины и значительную часть Галиции. Уже 11 июня начальник канцелярии по гражданскому управлению А. А. Лодыженский предложил в письме начальнику штаба Ставки более серьезно подойти к вопросам организации оккупационной администрации, чем это было при первом занятии этих

253. РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1399. Лл. 26, 260б., 33–34об.

254. Там же. Лл. 382–383об., 437.

255. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18984. Лл. 30–31.

256. Там же. Л. 50.

257. РГВИА. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1400. Л. 40.

областей в 1914 году. «Управление таким краем, как Галиция и Буковина, стоящим в смысле культуры во многих отношениях значительно выше соответствующих местностей Российской империи — задача весьма сложная... обойтись силами, подобными тем, которые намечаются для назначения во вновь занятые турецкие области, где население не избаловано и соотношения гораздо проще. Все это приводит к мысли о том, что в штаты Галицийского управления придется включить лиц, имеющих достаточный опыт и знания. Главные же качества, которые необходимы для будущих администраторов, как крупных, так и мелких, — это честность, порядочность и здравый смысл»²⁵⁸.

Лодыженский предлагал в помощь новому военному генерал-губернатору привлечь опытных губернаторов из внутренних областей империи, доверив им кадровую политику и разработку нового Положения об управлении занятыми областями. Во избежание вакханалии бесправия, творившейся от переизбытка власти в первой оккупационной администрации, надворный советник посчитал уместным полностью удалить военных от занятия средних и низших административных должностей, а командированных МВД чинов подвергнуть тщательной проверке²⁵⁹. Называя военно-полицейский режим первого генерал-губернаторства «отбросами нашей имперской администрации», автор записки не был далек от истины.

На самом деле за спиной Лодыженского стоял, безусловно, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусиллов, за 5 дней до этого также изложивший М. В. Алексееву свое видение ситуации. Позицию генерала можно изложить в простой формулировке: никаких реформ, особенно политических, в Галиции до окончания войны проводить нельзя; единственная задача оккупационной адми-

258. Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1, 10б.

259. Там же. Л. 2.

нистрации состоит в том, чтобы обеспечить войскам спокойный предсказуемый тыл посредством поддержания законного порядка и комфортного существования для местного населения. Брусилов категорически не хотел видеть на посту военного генерал-губернатора креатуру своего предшественника на посту командующего фронтом генерала Н. И. Иванова — графа Г. А. Бобринского. Последний не оставлял надежд вновь возглавить Галицию и еще до начала наступления русской армии успел составить обновленный проект административного устройства. Брусилов создал специальную комиссию по рассмотрению этого проекта с участием Бобринского и прикомандированного к своему штабу доверенного генерала В. Е. Бухгольца. Комиссия ожидаемо раскритиковала проект.

Однако для отстранения от управления Галицией Бобринского требовалось больше, чем воля Брусилова. Заручившись поддержкой Лодыженского, чей отец был видным октябристом и членом думской комиссии по военным и морским делам, он смог добиться и поддержки Алексеева. Начальника штаба не устраивал не столько Георгий Александрович Бобринский, сколько его троюродный брат граф Владимир Алексеевич, который привносил в управление краем несогласованную с армейским командованием политическую составляющую. Интересно, что В. А. Бобринский в начале войны успел без особых нареканий послужить в штабе 8-й армии у Брусилова, что делает несколько странным негативное отношение к нему главнокомандующего. Алексееву удалось убедить Николая II отказать Г. А. Бобринскому вновь возглавить оккупационную администрацию Галиции, «имея в виду необходимость лица твердого характера, не склонного поддаваться постороннему влиянию»²⁶⁰. Видя возможную перемену в руководстве Галицией, в ситуацию попытался вмешаться МИД. С. Д. Сазонов, имевший определенное влияние на оккупационную администрацию

260. Там же. Л. 5.

в Турции, решил поставить в Западной Украине своего человека — А. В. Кривошеина, но кандидатура гражданского чина, к тому же лица политизированного, не была принята Ставкой²⁶¹. Император доверил назначение кандидатуры нового генерал-губернатора лично Брусилову. Главкоюз немедленно предложил 62-летнего генерала Ф. Ф. Трепова²⁶², занимавшего в 1908–1914 гг. должность Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора и хорошо осведомленного о политических и экономических реалиях этих земель. Сложилась ситуация, сходная с занятыми областями Турции, — в обоих случаях власть решила доверить выбор генерал-губернатора командующему фронтом. Однако из-за бюрократических проволочек назначение Трепова, согласованное с императором в июне, было официально объявлено приказом лишь 4 октября 1916 г.

6 июля 1916 г. император утвердил Положение об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны. Не дожидаясь официальных утверждений чинов генерал-губернаторства в должностях, Трепов начал формирование жандармско-полицейского аппарата. Приказом Верховного главнокомандующего № 895 от 3 июля 1916 г., то есть за три дня до утверждения Положения, вместо ликвидированного ВЖУ Галиции было сформировано Временное жандармское управление военного генерал-губернатора в областях Австро-Венгрии, занятых по праву войны²⁶³. Штат управления был утвержден расширенный даже по сравнению с полноценными ГЖУ. Кроме начальника управления, адъютанта и секретаря в него входило 10 помощников начальника управления в чине подполковников или ротмистров, 10 вахмистров, 85 унтер-офицеров и 4 писаря²⁶⁴. По чис-

261. *Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи... С. 221.

262. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 14. Л. 22.

263. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3843. Л. 1.

264. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Л. 361 об.

ленности оно было сопоставимо только с Московским или Петроградским жандармскими управлениями 1-го разряда, значительно превосходя все вторые и третьеразрядные управления. К примеру, в МГЖУ было всего 7 помощников начальника, 6 вахмистров и 75 унтер-офицеров при 3 писарях, то есть численно оно было даже меньше галицийского.

Изначально содержание сотрудникам ВЖУ Австро-Венгрии было определено идентичным тому, которое было в ВЖУ Галиции. Однако уже 2 августа 1916 г. командир корпуса жандармов Татищев и начальник штаба генерал Никольский выступили с инициативой значительного увеличения жалования, штатов и в целом финансирования управления, на что 13 августа было получено полное одобрение Ставки²⁶⁵. Распоряжением М. В. Алексеева на секретные расходы ежемесячно начальнику ВЖУ Австро-Венгрии выделялось по 100 руб., а каждому его помощнику — по 50 руб.²⁶⁶ Наконец, в начале сентября в административном плане жандармерия Буковины была выделена из состава галицийской жандармерии и подчинена эвакуированному Келецкому ГЖУ²⁶⁷.

В 1916 г. жандармерия рука об руку работала с военными контрразведками в Галиции. В июне контрразведывательное отделение штаба Юго-Западного фронта направило в департамент полиции сводку об организации шпионажа против России на оккупированных территориях Австро-Венгрии. Основным противником было обозначено украинизаторское движение. По данным, германское командование направило к русским военнопленным около 80 школьных учителей из Галиции, которые вели агитацию среди малороссов за прекращение войны, революцию и создание независимого украинского государства. Распропагандированных военнопленных отпускали

265. Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3843. Лл. 1–3.

266. Там же. Л. 80б.

267. Там же. Лл. 10–11.

(позволяли «бежать») на родину в целях продолжения антиправительственной пропаганды²⁶⁸. Именно этот контингент и оказался в фокусе внимания жандармских властей.

Жандармерия на занятых территориях Галиции и Буковины испытывала общие для прифронтовой полосы проблемы. Острый кадровый голод и нехватка финансирования не давали возможности организовать работу управления на должной высоте. Необходимость обрабатывать значительные объемы информации и выполнять дополнительные задания от военных властей приводили к переутомлению личного состава. Отсутствие четкого круга обязанностей ВЖУ Галиции распыляло усилия на многих направлениях зачастую в ущерб основному — политическому сыску. Не была прописана схема взаимодействия с военной контрразведкой, что негативно влияло на расследование дел о шпионаже. Жандармам приходилось работать в условиях шпиономанской истерии и развертывания юридически необоснованных репрессий, начинавших приобретать массовый характер.

268. Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. 23 июня 1916 г. С. 68, 69.

IV. Жандармерия и контрразведка (1914—лето 1915)

« **П**ОЖАЛУЙСТА, пожалуйста, господин Орлов, расскажите мне, как вы ловите этих ужасных шпионов», — умоляет изящная фрейлина императрицы. — «Видите ли, сударыня, в мире нет проще занятия, чем ловля шпионов! Шпионов ловят точно так же, как львов в Сахаре». — «Ах, как интересно! А как ловят львов?» — «Очень просто. Нужно собрать весь песок Сахары и просеять его через сито. Понимаете? Песок, разумеется, высыплется, а львы останутся в сите. Именно так мы и ловим шпионов». — «Какой ужас!» — восклицает фрейлина и, трепеща, пересказывает эту историю приятельнице».

Этот комичный диалог приводит в своих воспоминаниях один из выдающихся царских контрразведчиков, следователь по особо важным делам Владимир Орлов¹. В годы Первой мировой войны отношение к борьбе со шпионажем стало по-настоящему общенациональным развлечением. На любых подозрительных лиц писались доносы, тысячами оседавшие в государственных архивах. Писали прибалтийские крестьяне на немецких помещиков, поляки и евреи в Привислинском крае друг на друга, писали офицеры, солдаты, общественные деятели, равнодушные обыватели, либералы и черносотенцы, антишпионскую тематику подогревали журналисты. При помощи обвинений в шпионаже устраняли политических

1. Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 49.

и коммерческих конкурентов, оправдывали поражения на фронте, делали себе имя и патриотическую репутацию. Выловить в этом песке зачастую совершенно безосновательных, а иногда и прямо клеветнических обвинений настоящих шпионов было занятием, действительно сравнимым с просеиванием песка Сахары. И это с учетом того, что контрразведчики должны были вести собственную агентурную работу.

Особенностью контршпионской работы в начале XX в. являлся ее межведомственный характер. Изучая историю взаимоотношений жандармско-полицейских властей и военных контрразведок, следует учитывать сходство между ними — как в кадрах, так и в общности поставленных задач. Формально жандармские управления и дивизионы должны были заниматься политическим сыском, только при необходимости оказывая содействие контрразведке; разведывательные отделения (РО) отслеживали передвижения войск и действия администрации противника; контрразведывательные отделения (КРО) ловили шпионов. Однако реальность была такова, что контрразведка активно участвовала в политике, а жандармерия в прифронтовой полосе занималась в основном контршпионской работой и даже непосредственно разведкой. Перед тем как исследовать, как закручивался и куда на практике привел данный клубок противоречий, вкратце рассмотрим предпосылки его появления.

Предыстория вопроса

Как отдельная структура военная контрразведка появилась в Российской империи в 1911 г. А ранее этим родом деятельности в разной степени занимались Военное министерство, МВД и МИД. В самом законе имелось некоторое противоречие. С одной стороны, борьба с военным шпионством составляла специальную обязанность военного ведомства, а с другой —

в крепостных и приграничных районах она возлагалась на чинов Отдельного корпуса жандармов². После реформы политического сыска 1880-х гг. департамент полиции издал минимум 7 циркуляров, в которых предписывал приемы наблюдения за военными разведчиками: 5 июля 1882 г. № 1861, 16 июля 1883 г. № 1534, 20 ноября 1888 г. № 3104, 1892 г. № 1165, 20 июля 1893 г. № 2167, 31 января 1897 г. № 1094 и 25 декабря 1910 г. № 19955.

В циркуляре 1910 г. руководство департамента следующим образом обрисовало работу политического сыска на направлении борьбы со шпионажем: «К этой отрасли деятельности корпуса жандармов далеко не все начальники жандармских управлений и охранных отделений относились с должным вниманием и усердием. Лишь весьма немногие из них оказывали действительное содействие окружным штабам и военно-разведочным чинам Генерального штаба, подвергая тщательной разработке полученные от последних сведения, и в свою очередь доставляли в подлежащие штабы подробные отчеты о произведенных жандармскими учреждениями по собственной инициативе изысканиях в области контрразведки. Некоторые жандармские управления и охранные отделения хотя и проявили более или менее деятельное участие в борьбе с военным шпионством, но борьбу эту вели совершенно обособленно от военно-окружных штабов... Придавая прекращению развития военно-шпионской деятельности в России исключительное значение, господин товарищ министра внутренних дел, командир корпуса жандармов (П. Г. Курлов. — В. Х.-Г.) приказал обратить самое серьезное внимание всех офицеров корпуса жандармов на усиление в настоящее время наблюдения за военными разведчиками, приобретение в этой области секретной агентуры, сообщение всех получаемых в этой области сведений в окружные штабы и районные охранные отде-

2. Свод военных постановлений. СПб., 1869. Кн. III. Ст. 700.

ления»³. Курлов требовал от жандармов не исключительно исполнительских функций, а проявления инициативы в расследовании, но в согласии лишь с военно-окружными штабами⁴. Следует отметить, что именно он спустя 13 лет после выхода последнего руководящего циркуляра ДП МВД по контрразведке поднял этот вопрос и обрисовал методы его решения. Он же в 1914 г. был одним из основных действующих лиц в межведомственной борьбе за руководство прифронтовыми КРО.

Особое внимание контрразведывательной деятельности уделяли жандармские и охранные структуры на территории Польши. Так, 3 ноября 1908 г. начальник Варшавского охранного отделения подполковник П. П. Заварзин представил генерал-квартирмейстеру штаба Варшавского военного округа С. А. Воронину доклад «О мобилизационных приготовлениях в Австрии», из содержания которого следовало, что Заварзин обладал значительной разведывательной агентурой в регионе⁵. Доклады Варшавского охранного и районного охранных отделений по разведке поступали и в дальнейшем — в 1910, 1912 гг.⁶ А в январе 1909 г. начальник Сувалкского ГЖУ в докладной записке на имя помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части четвертым по важности направлением деятельности жандармского управления назвал наблюдение за военными разведчиками⁷, в подробностях описывая цели, задачи и характер борьбы со шпионажем в приграничной зоне.

Борьба между Военным министерством и МВД за руководство контрразведкой продолжалась с 1908 по 1911 г. В декабре 1908 г. была сформирована со-

3. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 147, 148.

4. Там же. Л. 150.

5. Там же. Д. 242. Лл. 216–222.

6. Там же. Лл. 223, 224.

7. Там же. Д. 373. Л. 161.

ответствующая межведомственная комиссия под председательством директора департамента полиции М. И. Трусевича. В комиссию вошли выдающиеся представители политического сыска (Виссарионов, Климович, Беклемишев) и не менее видные руководители военной разведки (Монкевиц, Доливо-Добровольский, Самойло, Марков). Члены комиссии сошлись в том, что для контршпионажа необходимо создать особый орган, который занимался бы исключительно этой проблематикой⁸. Далее было рассмотрено 4 проекта создания контрразведки: 1) контрразведывательные бюро находятся в непосредственном ведении военного начальства, а ДП МВД оказывает лишь спорадическую помощь, 2) военная контрразведка возлагается на охранные отделения под непосредственным руководством ДП, 3) контрразведывательные бюро подчиняются одновременно штабу округа и охранному отделению, 4) КРО создается отдельно от районного охранного отделения и подчиняется непосредственно ДП МВД, обращаясь с местными охранными отделениями и жандармскими управлениями на равных. При этом ГУГШ, Морской Генеральный штаб и штабы военных округов ведут с данным КРО полный обмен информацией. Большинство голосов (пять против двух) была принята последняя схема, остальные отвергнуты.

Комиссия решила поставить во главе КРО жандармского офицера «ввиду необходимости не только теоретической, но и практической подготовки лиц, состоящих во главе розыска, и для установки более тесной внутренней органической связи вновь учреждаемых отделений с существующими ныне розыскными учреждениями, во главе коих в большинстве случаев стоят офицеры корпуса жандармов»⁹. Комиссия желала всех офицеров КРО набрать из жандармерии, но в силу недостатка личного состава корпу-

8. Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 441. Лл. 1, 90б.

9. Там же. Лл. 90б.-11.

са было принято решение о возможности допускать до ведения розыска по контршпионажу и строевых офицеров военного и морского ведомств, но лишь в случае прохождения ими специальной подготовки при департаменте полиции¹⁰.

Однако 29 марта 1909 г. Трусевич подал заявление об отставке с поста директора департамента и был назначен сенатором. По мнению как современников, так и историков полиции, сыск потерял одного из самых выдающихся, знающих и энергичных своих руководителей¹¹. Пришедший ему на смену директор Нил Петрович Зуев был родным братом Дмитрия Петровича Зуева, бывшего начальника штаба ОКЖ, а на тот момент видного руководителя военной разведки, и мог прислушиваться к точке зрения брата. Так или иначе, военные смогли пересмотреть решение комиссии Трусевича и переподчинить КРО себе при практически полном непротивлении со стороны руководства МВД.

Положение о контрразведывательных отделениях и Инструкция начальникам КРО были утверждены начальником Генерального штаба Я. Г. Жилинским и военным министром Сухомлиновым только в начале июня 1911 г., а реально сеть КРО на территории империи была сформирована лишь к середине декабря того же года¹². Активная работа тыловых КРО началась только в 1912 г. — разоблачением ряда крупных германских агентурных организаций в Варшавском и Виленском округах¹³. Центральное руководство контрразведкой находилось в руках КРО Главного управления Генерального штаба и Центрального военно-регистрационного бюро при ГУГШ (ЦВРБ). На местах было сформировано 11 КРО воен-

10. Там же. Л. 11.

11. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 г.). М., 2000. С. 53.

12. *Греков Н. В.* Русская контрразведка... С. 141.

13. Там же. С. 145.

ных округов. Общий бюджет всей контрразведки составлял 583 500 руб.¹⁴

На большинство руководящих постов были назначены жандармские офицеры: подполковник князь В. Г. Туркестанов возглавил КРО штаба Московского военного округа¹⁵, подполковник Н. Н. Аплечеев — Одесского округа, ротмистр А. А. Немысский — Санкт-Петербургского округа, ротмистр С. В. Муев — Варшавского округа, ротмистр В. В. Беловодский — Виленского округа, ротмистр Александр И. Зозулевский — Туркестанского округа, ротмистр А. И. Куприянов — Иркутского¹⁶. В июне 1911 г. по просьбе начальника Генерального штаба и руководства ГУГШ Курлов командировал на все руководящие посты в КРО жандармских офицеров¹⁷. Выдающийся российский контрразведчик генерал Батюшин так охарактеризовал назначение жандармов на руководство контрразведкой в мирное время: «Благодаря привлечению к этому нелегкому делу опытных в политическом сыске жандармских офицеров контрразведка значительно скорее встала на ноги, чем не имевшая у себя поначалу опытных руководителей тайная разведка. К началу Великой войны мы имели кадры опытных контрразведчиков, которыми и поделились с формировавшимися с объявлением мобилизации штабами армий»¹⁸.

Борьба за руководство контрразведкой закончилась компромиссом: КРО возглавили жандармы, но сами отделения подчинялись штабам военных округов и ГУГШ. В качестве содействия вновь созданной структуре 13 сентября 1911 г. ДП МВД выпустил совершенно секретный циркуляр № 107398 по вопросам контрразведки, отменявший действие циркуляра

14. Там же. С. 133.

15. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 174707 (п/с 150–814) Л. 28.

16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15/с Д. 93. Лл. 101, 113.

17. Там же. Л. 93.

18. *Батюшин Н.С. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов.* М., 2007. С. 174.

1910 г. ГЖУ и охранным отделениям вменялось прекратить работу по контрразведке, а все имеющиеся или случайно полученные в будущем сведения передавать окружным генерал-квартирмейстерам для дальнейшей передачи в местные КРО¹⁹.

Однако окончательно развести политическую полицию и военный контршпионаж не удалось. Уже 5 февраля 1912 г. разразился первый скандал: чины КРО начали принимать на службу секретных сотрудников ГЖУ без ведома и согласия начальников последних. Последовала острая переписка между генерал-квартирмейстером ГУГШ и вице-директором ДП МВД. В итоге генерал Монкевиц в самой строгой форме распорядился принимать на службу секретных сотрудников ГЖУ, ЖПУЖД и охранных отделений только с согласия жандармского начальства и о каждом таком случае доносить в ГУГШ²⁰. Кроме внутренней агентуры начальники КРО стали в массовом порядке обращаться к местным жандармским органам за помощью в организации наружного наблюдения силами филёров ГЖУ и охранных отделений. Возмущенный Белецкий 22 июня 1912 г. опубликовал совершенно секретный циркуляр № 104171, в котором писал: «Содействие, оказываемое чинам упомянутых отделений (КРО. — В.Х.-Г.), отнюдь не должно отражаться на успешном выполнении прямых своих обязанностей по ведению политического розыска, и потому наружное наблюдение должно устанавливаться лишь в случаях экстренной надобности, до прибытия на место чинов отделений и только в местах постоянного квартирования филёров»²¹.

3 сентября 1912 г. в совершенно секретном циркуляре № 105824 департамент полиции отмечал, что для выполнения собственных задач КРО активно обращаются в устной форме за содействием к местным ГЖУ

19. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 215, 216.

20. Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 425. Л. 406.

21. Там же. Л. 7.

и охранным отделениям, в основном по части проведения обысков у лиц, заподозренных в шпионстве. Ответственность в таких случаях ложилась всецело на жандармско-полицейские структуры. Руководство департамента настойчиво рекомендовало жандармскому начальству требовать от руководства КРО письменных или в крайнем случае телеграфных запросов²². Реальная работа сыска была такова, что на местах розыскные и разведывательные органы были вынуждены сотрудничать. 22 марта 1911 г. начальник Гродненского ГЖУ доносил в департамент: «В целях военной разведки, согласно распоряжению штаба Варшавского военного округа, при штабе крепости Осовец формируется разведывательное отделение; главное руководство разведкой возложено на коменданта крепостью, непосредственное наблюдение и необходимые указания даются начальником штаба, ближайшее участие в разведке, наблюдении за разведчиками, а также приискание агентов и вообще лиц, полезных в деле разведки, возложены штабом Осовецкой крепости на начальника Осовецкой крепостной жандармской команды ротмистра Миляшкевича»²³.

Руководством политического сыска (циркуляром ДП № 1188 от 1911 г. и секретным циркуляром начальника штаба корпуса жандармов Д. К. Гершельмана № 22 от 20 марта 1913 г.) на жандармские управления также была возложена обязанность по борьбе с военно-воздушной разведкой иностранных держав, производившейся в то время через «путешествия» различных «любопытных граждан» через границу на воздушных шарах. В организации данного вида контрразведки жандармские управления должны были действовать в непосредственном контакте с губернатором и начальником местного военного округа²⁴. Несмотря

22. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 145, 146; Ф. 110. Оп. 7. Д. 3000. Л. 1.

23. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Л. 442.

24. Там же. Ф. 102. Оп. 260. Д. 425. Л. 13.

на возникавшие конфликты в работе двух ведомств, такие как превышение полномочий (как военными, так и жандармами²⁵), их сближение продолжалось. По соглашению между ГУГШ и департаментом полиции весной 1914 г. началось слияние фотографических картотек подозреваемых и проходивших по делам о шпионаже. При КРО создавались отдельные фототеки по шпионажу, в которые ГЖУ и охранные отделения передавали копии данных своих фототек²⁶.

По имеющимся сведениям, незадолго до начала войны активность полиции на направлении контрразведки была высокой. 25 июня 1914 г. по поручению Джунковского департамент выпустил секретный циркуляр №173431 о борьбе с военным шпионством. Он не только доводил до сведения начальников жандармских управлений и охранных отделений новые методы иностранного военного шпионажа, но и требовал самостоятельно вести дознание и аресты, сообщая о них местным КРО лишь в уведомительном порядке²⁷.

С другой стороны, сами жандармские управления и охранные отделения с марта 1912 г. вновь приступили к контрразведывательной деятельности. Можно сравнить данные историка Н.В Грекова по количеству арестов по делам о шпионаже, проведенных КРО²⁸, с данными о задержаниях, произведенных жандармерией из отчетов регистрационного бюро департамента полиции. За 1912–1913 гг. доля арестованных жандармскими управлениями по подозрению в шпионаже в общем числе арестованных по этому обвинению выросла с 14,6 до 19,4%. В количественном же выражении жандармами было арестовано почти в 2 раза больше подозреваемых — 14 и 27 человек соответственно. В то же самое время число арестованных КРО выросло всего в 1,4 раза — с 82 до 112 человек.

25. Там же. Лл. 14, 14об.

26. Там же. Лл. 16, 16об.

27. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 140–142.

28. *Греков Н. В.* Русская контрразведка... С. 179.

В среднем же в предвоенные годы более 15% всех задержаний по обвинению в шпионаже было произведено жандармскими властями.

Из вышеприведенных данных становится очевидно, что масштаб контрразведывательной деятельности органов политического сыска стремительно рос. И перед началом Первой мировой войны жандармские управления и охранные отделения вели почти пятую часть всех работ по контрразведке.

Неизбежно начались первые столкновения между КРО и начальством ОКЖ. Для их разрешения в декабре 1913 г. было собрано межведомственное совещание в составе генерал-квартирмейстера Генерального штаба Монкевица и начальника штаба корпуса жандармов Никольского. В первую очередь был определен порядок назначения офицеров ОКЖ на должности по контрразведке. Было признано желательным, чтобы начальники контрразведывательных отделений преимущественно назначались из числа помощников начальников этих отделений, числящихся в ОКЖ. В случае неимения соответствующих кандидатов начальники и помощники начальников КРО должны были избираться Генеральным штабом из числа жандармских обер-офицеров, рекомендованных командиром корпуса²⁹.

По вопросу о предоставлении начальникам КРО прав производства ликвидаций и обысков было решено «зачислять начальников контрразведывательных отделений на должности помощников начальников губернских жандармских управлений»³⁰. А по вопросу, как приводить в действие издаваемые ГУГШ и штабами военных округов частные инструкции по борьбе со шпионством, постановили сообщать их для сведения начальникам ЖУ не иначе как через ШОКЖ, куда они направляются исключительно через ГУГШ³¹.

29. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 122 «б».

30. Там же. Лл. 122 «в», 122 «г».

31. Там же. Л. 122 «г».

Наконец, был решен самый болезненный вопрос о порядке подчиненности состоящих в КРО офицеров ОКЖ. Они продолжали числиться в списках соответствующих жандармских управлений и считались откомандированными для несения службы в распоряжение ГУГШ и штабов военных округов по принадлежности. Чины ГУГШ и окружных штабов объявлялись начальниками состоящих в КРО жандармских офицеров, но пользовались в отношении последних дисциплинарной властью исключительно при нарушении воинского чинопочитания и обязанностей службы по контрразведке. Начальники ГЖУ должны были пользоваться дисциплинарной властью по отношению к офицерам, состоящим в КРО, лишь при совершении ими поступков, противоречащих долгу службы и присяги, если таковые поступки не имели прямого отношения к службе по контрразведке. В обязанности начальников ГЖУ входил также разбор ссор состоящих в КРО офицеров ОКЖ с иными офицерами и гражданскими лицами. Руководство жандармских управлений и штабов военных округов взаимно оповещало друг друга о совершенных служащими в КРО жандармами проступках и наложении взысканий. Состоящие в КРО офицеры ОКЖ имели право обращаться за получением необходимых им служебных справок или содействия непосредственно к начальникам своих управлений³².

Столь запутанная схема на практике была очень важна, ибо вопросы чести мундира, корпоративной этики и амбиций зачастую создавали конфликтные ситуации по самым незначительным поводам, нанося вред делу контрразведки. Решения совещания были одобрены командиром ОКЖ Джунковским и начальником Генерального штаба Жилинским и введены в действие секретным приказом по ОКЖ №17 от 17 января 1914 г. Таким образом, последние

32. Там же. Лл. 122 «е»-122 «ж».

вопросы организации контрразведывательных отделений были согласованы только зимой 1913–1914 гг. На детальное урегулирование работы КРО ушло целых три года.

Сотрудничество и дублирование функций

Если в мирное время работа контрразведки еще как-то была налажена, то организация ее во время войны была прописана только на бумаге. Практического опыта не имелось почти ни у кого. Как справедливо отмечал Н. С. Батюшин, и в военной разведке, и в контрразведке были «ясно видны неподготовленность высших военных руководителей в Великой войне в понимании их значения, с одной стороны, и неумении использовать сведущих в этом отношении лиц — с другой»³³.

Согласно Положению о полевом управлении войск в военное время в редакции 1914 г., генерал-квартирмейстер штаба фронта «по общим указаниям начальника штаба организует и руководит делом разведки о противнике и местности, а также принимает меры для борьбы со шпионством; вместе с тем он разрабатывает общие соображения по согласованию мероприятий, принимаемых в отношении разведки и борьбы со шпионством штабами армий, входящих в состав армий фронта» (статья 117)³⁴. В состав управления генерал-квартирмейстера штаба фронта должно было входить РО. Его полномочия и назначение описаны в статье 124: «К предметам ведения разведывательного отделения относятся: разработка соображений и подготовка распоряжений по разведке о противнике и местности, а равно по борьбе

33. Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 189.

34. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. С. 14.

со шпионством; организация и ведение разведки распоряжением штаба армий фронта; сбор данных, полученных разведкой штабов армий и других органов; обработка всех этих данных и своевременное осведомление о них соответствующих полевых управлений и войск; исчисление сумм, потребных на разведку и борьбу со шпионством, организуемые штабом; заведение этими суммами и отчетность по ним»³⁵. Согласно штатному расписанию, в данном РО должно было состоять на службе три офицера и неустановленное число переводчиков. Один из помощников начальника отделения назначался из числа офицеров корпуса жандармов³⁶.

Более подробных указаний по работе контрразведки в военное время не было. На фронте началась неразбериха: в ряде штабов армий и фронтов создавались разведывательные и контрразведывательные отделения простым путем формирования их из старых КРО военных округов. Таким образом, КРО становились отделениями при РО, то есть не имели прямого права доклада начальнику штаба. Контрразведывательные отделения штабов армий, существуя по факту, не были внесены в организационно-штатную структуру и финансировались по безликой графе «на секретные расходы»³⁷. По справедливому замечанию историка А. А. Здановича, командование армий и фронтов поначалу недооценивало роль КРО³⁸, не придав им весомого положения и регулярной структуры. Генерал Батюшин прямо полагал, что ГУГШ бросило их на произвол судьбы³⁹.

В докладе от 31 августа 1915 г. начальник Варшавского охранного отделения подполковник П. Т. Са-

35. Там же. С. 15.

36. Там же. Приложения. С. 10.

37. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18653. Л. 28.

38. Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 22, 23.

39. Батюшин Н. С. Указ. соч. С. 174.

мохвалов писал: «Бессистемность работы контрразведывательных отделений особенно ярко обрисовалась в момент перехода пограничных местностей Российской империи на военное положение и с началом военных действий. Так, например, контрразведывательные учреждения, существовавшие в мирное время в Киеве, Варшаве и Вильне, имевшие в своем архиве результат работы мирного времени, обладавшие кадром опытных служащих... а также опытных руководителей, были перекинуты в штабы действующих армий, архивы их были куда-то отправлены, а на место этих уже опытных начальников были назначены молодые офицеры, буквально не имеющие представления о ведении порученного им дела»⁴⁰.

Прекрасно понимая, что своих кадров по ведению разведки и контрразведки в армии почти нет, военное начальство стало массово требовать переводить жандармских офицеров на руководство РО и КРО с оставлением в списках ОКЖ. 13 июля ротмистр В. Г. Шредер был назначен начальником КРО Проскуровской группы⁴¹, 18 июля назначены ротмистр А. И. Волков — штаб-офицером в РО полевого управления 2-й армии, поручик К. Г. Ремишевский — помощником штаб-офицера в РО штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта⁴², 18 и 20 июля 1914 г. подполковник Белевцев назначен начальником КРО штаба 3-й армии, а ротмистр К. К. Ширмо-Щербинский — начальником КРО штаба 8-й армии⁴³, 21 июля ротмистры М. В. Науменко и Г. К. Красильников прикомандированы начальниками КРО при штабах Варшавского военного округа на театре военных действий⁴⁴, 22 июля 1914 г. ротмистр В. В. Сосновский назначен помощником начальника РО полевого штаба главно-

40. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Л. 469.

41. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Л. 1.

42. Там же. Д. 18653. Лл. 236, 236об.

43. Там же. Л. 18.

44. Там же. Д. 18652. Л. 35, 37.

командующего 6-й армией⁴⁵, а с октября переведен на должность штаб-офицера при РО штаба 9-й армии⁴⁶, в тот же день, 22 июля, в Проскуров и Жмеринку по приказу Джунковского командирует два офицера для военной цензуры и борьбы со шпионажем⁴⁷, 14 августа 1914 г. штабс-капитан М. С. Алексеев определен начальником КРО при штабе Двинского военного округа⁴⁸, 17 сентября 1914 г. ротмистр Г. В. Темников назначен штаб-офицером для поручений РО штаба 10-й армии⁴⁹. Формирование КРО шло в течение всего 1914 г. и было в целом завершено к весне 1915 г. Назначения продолжались и осенью: 22 октября 1914 г. подполковник В. В. Беловодский был назначен начальником КРО при штабе 1-й армии⁵⁰.

Военные стали забирать жандармов не только на разведывательную и контршпионскую работу, но даже и на ведение цензуры, причем в таких масштабах, что 8 ноября 1914 г. помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Л. К. Утгоф с возмущением писал в штаб ОКЖ: «Сообщаю, что мне не известно, почему военное ведомство предварительно назначения жандармских офицеров военными цензорами не делает сношений с командующим корпусом или мною»⁵¹. Приведенный Утгофом факт свидетельствует о медленно нараставшем конфликте между военным и политическим сыском.

Армия обнаружила огромную нехватку кадров контрразведчиков не только в прифронтовой полосе, но даже в центральном аппарате: 4 августа ротмистр А. Я. Пахомов назначен помощником начальника КРО при отделе генерал-квартирмейстера ГУГШ⁵². Не было

45. Там же. Л. 104.

46. Там же. Д. 18653. Л. 67.

47. Там же. Д. 18652. Л. 47.

48. Там же. Л. 198.

49. Там же. Д. 18653. Л. 6; Д. 18652. Л. 234.

50. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18653. Л. 116.

51. Там же. Л. 142.

52. Там же. Д. 18652. Л. 194.

даже квалифицированных дешифровщиков: в ГУГШ некому было разбирать и переводить поступавшую секретную переписку агентов вражеских государств. Генерал Н. А. Монкевиц 21 июля 1914 г. обратился с просьбой к В. П. Никольскому о выделении для работ по дешифровке в распоряжение давно уже работающего в Главном штабе жандармского подполковника В. А. Ерандакова⁵³ жандармского подполковника Г. Г. фон Мец⁵⁴. Неразбериха в контрразведке была столь велика, что уже через месяц, 22 августа, Мец докладывал Ерандакову, что перевод австро-венгерских и бельгийских шифрованных телеграмм завершен, а германские и турецкие удалось расшифровать не все. «Остальной материал, состоящий из шифрованных телеграмм других государств, не может быть вообще дешифрован частью по неимению кодов соответствующих государств, частью по недостаточности данных для установки ключей к имеющимся кодам⁵⁵. Очевидно, что к ведению военной контрразведки не было готово даже ГУГШ, не имевшее современных кодов к прочтению секретной переписки противника.

Уже в конце июля 1914 г. стало понятно, что начальник Киевского ГЖУ полковник А. Ф. Шредель не справляется с огромным объемом работ⁵⁶. Ему приходилось командировать на военные нужды 6 офицеров собственного управления⁵⁷, то есть 80% офицерского состава. Работа ГЖУ в уездах Киевской губернии полностью парализована, нормально идет только в Киеве. Схожая ситуация в Минском ГЖУ — на охрану Верховного главнокомандующего и борьбу со шпионажем в штаб Ставки в место Барановичи командированы подполковник А. И. Солтан, адъютант В. В. Гусаков, 9 унтер-офицеров, 2 филёра, а еще 2 ун-

53. Там же. Лл. 28, 53.

54. Там же. Лл. 26, 260б.

55. Там же. Л. 229.

56. Там же. Д. 18652. Л. 94.

57. Там же. Л. 58.

тер-офицера переданы главному начальнику Минского военного округа. Начальник Минского ГЖУ полковник Н. Ф. Бабчинский пожаловался в штаб ОКЖ, что на всю работу в городе и губернии у него осталось всего 2 офицера и 22 унтера, филёров почти нет⁵⁸.

При этом работу по контрразведке вели не только КРО, но и сами жандармы. Например, штаб корпуса направил 5 августа 1915 г. ротмистра Бурдюгова в Подольское ГЖУ на ведение контрразведывательной работы⁵⁹. В конце июля 1914 г. департамент полиции выпустил два циркуляра: о борьбе со шпионскими радиостанциями на территории России и о борьбе с разведчиками-китайцами⁶⁰. Наконец, в связи с тем, что КРО военных округов были переведены на фронт, работа по организации контрразведывательной деятельности в польских губерниях была возложена на местные жандармские управления.

Жандармским управлениям поручалась зачастую не только контрразведка, но и непосредственно военная разведка. Так, в Сувалкском ГЖУ 25 июля 1914 г. по распоряжению коменданта Ковенской крепости в двухдневный срок была образована команда агентов-лазутчиков⁶¹. А 15 сентября 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба 2-й армии Северо-Западного фронта генерал-майор Н. Г. Филимонов выпустил секретную инструкцию № 380 по ведению военной разведки с возложением ответственности не только на чинов разведывательных отделений, но и на начальников уездных жандармских управлений⁶². Как показывает практика 1914 г., жандармские офицеры занимались на данном участке работ в основном ведением допросов военнопленных и составлением сводных сведений для чинов РО⁶³.

58. Там же. Л. 161.

59. Там же. Л. 250.

60. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 129–132.

61. Там же. Д. 242. Л. 467.

62. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1153. Лл. 45–460б.

63. Там же. Лл. 60–62.

Шпиономания и репрессии в Польше

Шпиономания стала одним из новшеств Первой мировой войны наряду с танками и отравляющими газами. Массовая шпионская истерия была характерна не только для России — она распространилась по всем странам Европы, в большей или меньшей степени в Германии, Австро-Венгрии, Франции, Италии и Великобритании. Начавшись с первых дней войны, она то вспыхивала во время поражений, то стихала в удачные периоды. Тонко подмеченное историком Грековым различие между русской шпиономанией, с одной стороны, и австрийской, немецкой и французской — с другой, заключалось в отношении к ней правительства. Если царские власти и общественные организации её искусственно раздували, то кайзеровские и французские старались контролировать и подавлять⁶⁴.

Летом—осенью 1914 г. в организации работ по контрразведке творился совершенный хаос. Непонятно было, кто кому подчиняется, кто обязан вести дознание, как принимать решения по лицам, уличенным и заподозренным в шпионаже и иной антиправительственной деятельности. В условиях тотальной дезорганизации работы тыла начались настоящие репрессии. Рассмотрим их на примере Польши и конкретно в сфере деятельности Варшавского ГЖУ, где данные репрессии имели наиболее массовый характер.

В конце июля 1914 г. в связи с переездом разведывательного отделения из Варшавы в Волковыск Гродненской губернии распоряжением военного губернатора Варшавы на Варшавское ГЖУ было возложено ведение борьбы со шпионажем помимо ежедневных работ по борьбе с политическими преступлениями⁶⁵.

64. Греков Н. В. Русская контрразведка... С. 270—271.

65. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152. Л. 19.

Таким образом, через жандармское управление, а также через помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части Л. К. Утгофа стали проходить почти все материалы по репрессивным действиям русской армии в Польше. Уже 3 августа начальник ГЖУ генерал-майор А. П. Бельский писал военному генерал-губернатору города о том, что военные и полиция присылают настолько много людей, обвиненных в шпионстве, что унтер-офицеры только и вынуждены заниматься конвоированием арестованных⁶⁶. Он требовал присылать вместе с арестованными хотя бы какие-нибудь материалы, доказывающие их виновность. При аресте же германских и австрийских подданных военными патрулями на улицах Варшавы и доставке их в управление Бельскому не предоставляли не только никаких сопроводительных бумаг, но и изложения причин и обстоятельств, места и времени производства задержания⁶⁷. В первой половине августа ситуация стала медленно выходить из-под контроля. 6 августа 1914 г. Бельский потребовал от подчиненных ему начальников уездных жандармских управлений докладывать обо всех задерживаемых полицией лицах, заподозренных в военном шпионстве, приступать к производству переписок на месте и предоставлять ему только мотивированные постановления⁶⁸. При этом на следующий же день перегруженный работой Бельский попросил варшавского губернатора направлять всех задержанных в уездах на ведение расследования в УЖУ, а не в центральное ГЖУ⁶⁹.

К сожалению, в первые месяцы войны не велось почти никакого учета, и мы имеем лишь приблизительные данные о количестве арестованных и высланных по обвинению в военном шпионаже. Однако следующие данные колоритно обрисовывают ситуацию.

66. Там же. Л. 31.

67. Там же. Л. 39.

68. Там же. Л. 45.

69. Там же. Л. 53.

Уже к 8 августа Варшавская пересыльная тюрьма, Варшавский полицейский арестный дом, Следственная тюрьма и помещения жандармского управления были забиты до отказа. Обер-полицмейстер попросил начальника жандармского управления всех арестованных отправлять в губернские тюрьмы, а 12 августа варшавский губернатор, в свою очередь, по договоренности с главным тюремным управлением предоставил все тюрьмы губернии в распоряжение Варшавского ГЖУ⁷⁰.

11 октября 1914 г. начальник вновь сформированной Ивангородской крепостной жандармской команды штабс-ротмистр В. В. Ган направил рапорт на имя Бельского, в котором содержались некоторые данные по масштабам репрессий. Из различных мест Келецкой и Радомской губерний в крепость ежедневно присылались арестованные военными лица, для которых не хватало даже арестных помещений, тем более не имелось никакой возможности вести дознание по данным делам. «Ввиду этого комендант крепости приказал серьезных арестованных, среди коих было много с лаконичными записками „шпион“, „уличенный в шпионаже“ и т. п., отправлять первым этапом в г. Варшаву, как в ближайший центр этапа, менее же важных сдавать в этапы для простого выселения в тыл армии. Из списков коменданта крепости Ивангород видно, что ежедневно число отправляемых по этапу в тыл армии доходило до 200 человек, на коих нужно было заготовить хотя [бы] краткие сопроводительные бумаги. Причем докладываю Вашему Превосходительству, что все эти серьезнейшие и разнообразные обязанности исполнял я лично, так как помощников у меня нет и наличный состав 18 человек унтер-офицеров для обслуживания крепости и всего укрепленного района был крайне недостаточным... большинство из арестованных доставляются мне при одном лишь листке полевой книжки, и при кратком допро-

70. Там же. Лл. 40, 65, 68.

се сами не знают своей вины, причем из местностей, занятых противником, так что произвести хотя бы краткое расследование их проступков или установить их личности в настоящее время для меня не представляется никакой возможности и дабы не оставлять их в крепости без надзора и не переполнять переполненные места заключения, я вынужден немедленно их отправлять в тыл армии и лишь с теми бумагами, как я сам получил, слагая за это с себя вину на арестовавших»⁷¹.

Если верить цифрам, приведенным в докладе штабс-ротмистра Гана (а оснований не верить им нет, так как кроме Ивангорода схожая ситуация имела место и в уездных жандармских управлениях), то получится, что за один август только через Ивангородскую крепость должно было быть депортировано более 6 тыс. в большинстве своем невиновных людей. А с начала депортаций и до октября, когда пыл выселений стал несколько стихать, — более 12 тыс. человек. Нужно учитывать, что это был хоть и крупный, но далеко не центральный пересыльный пункт. Цифра по всей Польше, Прибалтике и Правобережной Украине должна быть значительно больше.

К этому числу стоит прибавить данные историка Нелиповича о том, что за 1914 г. по всей России было подвергнуто высылкам и депортациям около 50 тыс. граждан держав-противниц, проживавших на территории империи⁷². С началом боевых действий против Турции военный министр Сухомлинов предлагал главе правительства Горемыкину начать высылку вообще всех турецких граждан⁷³. Сочетание централизованных депортаций граждан стран-противников

71. Там же. Лл. 217–218.

72. *Нелипович С. Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны // *Российские немцы. Проблемы истории, языка, современного положения. Материалы международной научной конференции.* М., 1996. С. 264.

73. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 454. Л. 25.

и массовой высылки подозреваемых в шпионаже создавало полнейшую неразбериху во внутренней администрации.

Для сравнения отметим, что в конце 1914 — начале 1915 г. на территории прифронтовых районов России численность всей австро-венгерской агентурной сети составляла не более 1000 шпионов, включая самых мелких и незначительных агентов⁷⁴. Масштабы немецкого шпионажа были сопоставимы с австрийским. Следовательно, большинство подвергнутых административным репрессиям были совершенно не причастными к шпионской деятельности.

В своем исследовании Первой мировой войны О. Р. Айрапетов указывает, что шпиономания, то есть скверная бдительность, доведенная до абсурда, возникла в тылу русской армии еще в первые дни войны. Он приводит цитату из статьи военного теоретика А. А. Свечина: «Надо опасаться легенд о шпионах — они разъедают то доверие друг к другу, которым сильно государство... Сеется страх перед шпионами; создается какая-то тяжелая атмосфера общего предательства; в народной массе ежедневно тщательно культивируется тупая боязнь; а страх измены — нехороший страх; все это свидетельствует прежде всего о неуверенности в своих силах...»⁷⁵

Бывший командир корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел, а осенью 1914 г. помощник начальника Двинского военного округа генерал Курлов так охарактеризовал ситуацию: «Местное население было совсем сбито с толку и не понимало, что было запрещено и что дозволено. Положение сделалось прямо катастрофическим, когда в деле гражданского управления стала принимать участие прославившаяся контрразведка. Не подлежит никакому сомнению, что такое учреждение было необходимо

74. Ронге М. Разведка и контрразведка. СПб., 2004. С. 135.

75. Айрапетов О. Р. Участие России в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014. С. 314, 315.

в чисто военных целях борьбы с вражеским шпионажем, но и эта специальная задача выполнялась очень слабо, ввиду полного незнакомства с делом личного состава, пополняемого чисто строевыми офицерами и даже прапорщиками запаса, из которых некоторые, получившие юридическое образование, не имели никакого понятия ни о существе розыска, ни о технической его стороне»⁷⁶.

Генерал Курлов приводит случаи, когда контрразведчики при обвинениях в шпионаже пользовались доносами давно уволенных из политического сыска сотрудников, скомпрометировавших себя провокацией и шантажом. «Начальник контрразведывательного отделения, на самой прусской границе, на мой вопрос о количестве у него секретных агентов с гордостью ответил, что у него имеется полторы тысячи, и когда я, зная размер отпускаемых на этот предмет сумм и думая, что, вследствие важности пункта, он получает какие-либо чрезвычайные ассигнования, спросил об их размере, он с полной наивностью ответил мне, что получал на агентурные расходы положенные по штату три тысячи рублей в месяц»⁷⁷. Следует прокомментировать, что зарплата одного среднего по качеству агента контрразведки составляла, как правило, около 150–250 руб., но никак не 2 руб. в месяц. То есть данный начальник КРО или врал Курлову о количестве агентов, или просто раздал разным людям небольшие суммы денег — по 2–3 руб., надеясь получить сведения о немецком шпионаже. Качественный состав сотрудников, особенно в тех КРО и РО, которые возглавлялись армейскими офицерами, повсеместно оставлял желать лучшего.

В архивном фонде Варшавского ГЖУ сохранился комплект дел по обвинению в шпионаже и пособничестве германской армии. В эту сумму входят как дела контрразведки, переданные на расследова-

76. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 214–215.

77. Там же. С. 215–216.

ние в ГЖУ, так и сами жандармские расследования. Нельзя утверждать, что этими цифрами исчерпываются репрессии, наоборот, это та очень незначительная часть дел, которая получила относительно законный ход. Комплекс дел состоит из коллективных сборников дел (о привлечении одновременно нескольких групп лиц вплоть до нескольких сотен), дел «шпионских» организаций («Скаут», «Польская конфедерация», «Ренессанс»), а также персональных расследований в отношении отдельных лиц или небольших групп (дело С. Голембиовского или Ленчицкой группы, например). Сведем данные в несколько таблиц⁷⁸.

Из произведенных на основе архивных материалов подсчетов (см. табл. 3) следует, что, несмотря на незначительное (около 4%) сокращение количества привлеченных по обвинениям в шпионаже и пособничестве германской армии, количество только получивших законное дознание в жандармерии в одной Варшавской губернии было велико. За первый год войны, с июля 1914 г. по июль 1915 г., по этому обвинению было привлечено 3200 человек, из которых более 75% (2419 человек) проходило по коллективным делам. Среди коллективных дознаний встречались и совершенно очевидно сфабрикованные, как, например, дело по обвинению в шпионаже 346 человек⁷⁹. Несмотря на то что в первом полугодии 1915 г. удельный вес коллективных дел в общем числе шпионских дознаний сократился с 80 до 71%, общая картина оставалась неизменной. Следовательно, степень законности и ответственности при ведении дознания о шпионаже была очень низкой.

При этом имелись значительные колебания в количестве персональных дел (см. табл. 4). Оба серьезных всплеска количества таких дел (в сентябре–октябре 1914 г. и мае–июне 1915 г.) хронологически

78. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Дд. 630–1145.

79. Там же. Д. 806.

совпадают с циркулярами Джунковского о борьбе за повышение законности в ведении расследований.

В кампании 1914 г. волна беззаконий была связана не с установкой военных властей на репрессии, а с хаосом на местах. Реквизиции имущества армией превращались зачастую в грабежи. Например, в октябре 1914 г. солдатами под предлогом реквизиций было разграблено имение Глинки, принадлежавшее помещику Антону Луневскому. Стоимость награбленного составляла более чем 35 тыс. руб., в имении Иосафа Завадского Собекурск было награблено более чем на 22 тыс. руб.⁸⁰ Грабили в основном наиболее состоятельных людей — польских помещиков и евреев-коммерсантов. 17 октября 1914 г. начальник Варшавского ГЖУ распорядился немедленно производить подробные негласные дознания обо всех грабежах, совершенных воинскими чинами и частными лицами, и доставлять результаты дознаний в ГЖУ⁸¹.

В своих мемуарах генерал Курлов отмечает массовый характер бесплатных реквизиций. Он же приводит характерный пример непонимания и незнания руководством армии законов и реальной ситуации. Курлов доложил о ситуации с реквизициями начальнику снабжений Северо-Западного фронта генералу Н. А. Данилову, отмечая, что общая стоимость изъятого имущества составляет несколько миллионов рублей. «Генерал Данилов возразил мне, что такие реквизиции допускаются законом, но, когда я показал ему статью Положения о полевом управлении, которая разрешала бесплатные реквизиции только в неприятельской стране, он возмутился, что гражданское отделение сделало неправильный доклад и ввело его в заблуждение»⁸².

В условиях неразберихи и злоупотреблений военных властей постоянные столкновения между жан-

80. Там же. Д. 1152. Лл. 337–338об.

81. Там же. Л. 269.

82. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 213.

дармерией и контрразведкой стали неизбежными. Начальник Варшавского охранного отделения запрашивал жандармское управление на предмет доказательств по переданным ему шпионским делам от начальника КРО 2-й армии ротмистра Муева, который по жандармской линии был подчинен ГЖУ, а по контрразведывательной — начальнику штаба армии. Начальник ГЖУ рекомендовал пересылать все недовольства охранного отделения не ему, а непосредственно военному начальству, распоряжения которого и выполнял Муев⁸³. Вопрос взаимного подчинения и ответственности за производимые расследования по шпионажу был запутан настолько, что в этой ситуации нельзя согласиться с точкой зрения историка Грекова о том, что в объявленных на военном положении губерниях «контрразведка производила аресты самостоятельно, а местные жандармские органы беспрекословно выполняли приказы армейского командования»⁸⁴.

Регламентация хаоса

Первые попытки систематизации работы по контрразведке были предприняты летом—осенью 1914 г. в районе действия Северо-Западного фронта. 7 сентября 1914 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский издал приказ № 58 о порядке расследования дел о военном шпионстве и государственной измене. Согласно приказу, полицейские и гражданские власти должны были немедленно передавать в подлежащие ГЖУ все переписки о заподозренных в противогосударственных преступлениях лицах. Подробные расследования должны были вестись жандармами под наблюдением лиц прокурорского надзора. Последние

83. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1153. Лл. 75–76.

84. Греков Н. В. Русская контрразведка... С. 246–247.

были обязаны непосредственно наблюдать за производством расследований и собирать максимально полный материал, препровождая его военному прокурору для дальнейшего направления дела. Если расследованием не было найдено доказательств виновности привлеченного лица в государственной измене, то, согласно распоряжению министра внутренних дел, бывшего подозреваемого высылали во внутренние губернии⁸⁵. С одной стороны, приказ развязывал руки для административных высылки. Но при этом обязанность производства дознаний под контролем прокурорского надзора ограничивала возможности для необоснованных репрессий по голословным обвинениям в измене и шпионаже. Каждое дело должно было быть объективно расследовано.

В связи с краткостью и непроработанностью приказ Рузского не облегчил ситуацию, а добавил дополнительной неразберихи. Разрешить проблему взялся генерал Курлов. Он разработал и опубликовал 24 октября 1914 г. секретный приказ № 794, содержащий Правила о ведении контрразведки в районе Двинского военного округа на театре военных действий⁸⁶. Правила состояли из 14 параграфов. Ведение контрразведки передавалось начальникам губернских жандармских управлений под наблюдением главного начальника округа. Им в помощь направлялись чины общей полиции, ЖПУЖД и военной цензуры. В обязанности руководства ГЖУ входило приобретение и ведение агентуры, разработка всех сведений по шпионажу, поступающих как от агентуры, военной цензуры, так и из иных источников. Штабу военного округа доносились лишь самые важные и не терпящие отлагательств дела. В компетенции общей полиции и ЖПУЖД должен был находиться лишь сбор сведений, но никак не их разработка. Курлов подходил с точки зрения тщательного соблюдения закон-

85. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 425. Л. 23.

86. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1153. Л. 93.

ности. Только в тех случаях, когда преступное деяние очевидно, ГЖУ должно было передавать дело в военную прокуратуру. В остальных же ситуациях, когда требовалось формальное дознание и предварительное следствие, жандармы вели работу сами, под руководством прокуроров окружных судов. В штаб военного округа начальники ГЖУ должны были обращаться лишь в том случае, если достаточных доказательств вины не было, но имелись основания для административной высылки, или же за разрешением о прекращении дознания⁸⁷.

Публикации правил предшествовала переписка их автора с товарищем министра внутренних дел Джунковским. Еще 7 октября Курлов направил на его имя проект правил. После внимательного изучения документа Джунковский нашел предложения противоречащими взаимным соглашениям ГУГШ и штаба ОКЖ, отметив при этом: «Если же ввиду военного времени организовать таким способом (как это было до войны. — В. Х.-Г.) борьбу против шпионажа и с целью контрразведки при штабе Двинского военного округа не представляется возможным, то я полагаю бы, что в интересах единообразия и успешности дела... ведение контрразведки и борьбы со шпионажем должны быть возложены только на ГЖУ, как на наиболее подготовленные к этого рода деятельности»⁸⁸. Командир ОКЖ был категорически против привлечения общей полиции, ЖПУЖД и военно-цензурного отделения штаба к контршпионажу, так как данные структуры ему не были обучены⁸⁹.

25 октября, на следующий день после подписания приказа № 794, Курлов ответил Джунковскому. Он настаивал на том, что соглашение между ГУГШ и штабом ОКЖ было заключено в мирное время, а в условиях широкомасштабной войны «оказалось невыполни-

87. Там же. Лл. 81–82.

88. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1914. Д. 39. Л. 126об.

89. Там же. Л. 127.

мо»⁹⁰. С точки зрения Курлова, главное препятствие и сложность контрразведки в военное время заключались в необходимости завершения дознаний с высокой скоростью, а также в невозможности перепроверки данных секретных сотрудников с помощью заграничной агентуры. Зона ответственности контрразведки Двинского военного округа простиралась от Риги до границы с Германией, а также в Плоцкой и Варшавской губерниях, при этом армия выделила для контрразведки всего лишь одного офицера. Курлов пишет: «Несоответствие личного состава и неподготовленность общей полиции к ведению дела контрразведки, на которую Вы указываете, совершенно устраняется, по моему мнению, компетентным и умелым руководством их со стороны чинов командуемого Вами корпуса. Что касается до чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог, то считаю, со своей стороны, оставление полосы отчуждения, в пределах коего осуществляются все передвижения воинских частей, без наблюдения крайне опасным»⁹¹.

Отметим, что обе схемы ведения контрразведывательной деятельности (Рузского и Курлова) были не плодами кабинетной работы столичных теоретиков, а результатом каждодневной практики. Интересно, что оба приходят к одному и тому же выводу — необходимости передать работу по контршпионажу исключительно в жандармские руки, оставив за военными контрразведками лишь непосредственную работу на линии фронта.

Смысл преобразования состоял в прекращении необоснованных репрессий и придании борьбе со шпионажем законный ход. В направлении законности ориентировал подчиненных и Джунковский. 14 сентября в приказе по Отдельному корпусу жандармов № 317 он писал: «Начальникам губернских жандармских управ-

90. Там же. Л. 129.

91. Там же. Л. 130.

лений и их помощникам надлежит всегда памятовать, что служба чинов корпуса жандармов, в особенности в условиях переживаемой ныне эпохи, имеет не только местное, но общегосударственное значение... им надлежит пуще всего заботиться о том, чтобы своими законными, строго обдумантыми и разумными действиями оберегать интересы лояльных подданных и подвергать законному преследованию лишь тех, чья деятельность действительно угрожает государственной безопасности и общественному спокойствию»⁹². Джунковский отмечал, что большинство дел является следствием оговоров, доносов и сведения личных счетов зачастую материально заинтересованных лиц. Он пишет: «При возникновении в переживаемое время дел о шпионстве и о государственной измене, надлежит, предварительного возбуждения формального дознания и привлечения в качестве обвиняемых лиц, весьма часто ни в чем неповинных, исследовать, негласным путем, возможно глубже взаимоотношение свидетелей и оговариваемых»⁹³.

Как отмечает историк Греков, в тылу жандармы действительно часто старались стоять на стороне закона и доказательности, сопротивляясь «показательным» процессам, несмотря на давление со стороны военных властей и КРО⁹⁴. Инициативы Рузского и Курлова встретили активное неприятие военных. Еще 7 октября 1914 г. и. о. начальника Генерального штаба генерал М. А. Беляев в письме начальнику штаба главковерха генералу Н. Н. Янушкевичу отметил необходимость полностью удалить жандармские управления от руководства контрразведывательной деятельностью, а все аресты по делам о шпионаже возложить на КРО, которым жандармы вынуждены были бы беспрекословно подчиняться вне зависимости от своего согласия или несогласия с действиями

92. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18652. Л. 337 «б» об.

93. Там же. Л. 337 «б».

94. Греков Н. В. Русская контрразведка... С. 259, 266.

военных контрразведчиков. Основной довод Беляева заключался в том, что жандармы некомпетентны и слишком критично относятся к ведению дознания и выводам КРО, а потому задерживают или срывают выполнение ликвидаций⁹⁵.

16 октября 1914 г. Беляев пишет Джунковскому: «При всем этом остается недостаточно выясненным вопрос о том, являются ли сказанные обращения контрразведывательных органов обязательными к исполнению для чинов Отдельного корпуса жандармов в тех случаях, когда они не будут согласны с означенным заключением военного начальства о необходимости или своевременности ликвидации... Вследствие изложенного представлялось бы существенно желательным устранить возможность возникновения описанных неудобств. Поэтому я, имея в виду, что санкционирование штабами военных округов в местностях, не объявленных на военном положении, производства ликвидаций является достаточной гарантией ответственности ее данным обстоятельствам, имею честь просить ваше превосходительство, если вам угодно будет согласиться с приведенными здесь соображениями, не изволите ли признать возможным установить, чтобы в местностях, не состоящих на военном положении, чины высочайше вверенного вам корпуса приводили в неперемное исполнение обращения к ним начальников контрразведывательных органов о ликвидациих, производство коих утверждено в установленном порядке»⁹⁶.

Особое сопротивление Курлову оказал начальник штаба 6-й армии М. Д. Бонч-Бруевич⁹⁷, который, по мнению ряда историков, был одним из организаторов перегибов в работе контрразведки⁹⁸. Под напо-

95. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 452. Лл. 37, 43.

96. Там же. Лл. 42–44.

97. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 217.

98. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 74; Фул-

ром критики со стороны военных Курлову пришлось отступить. В телеграмме от 3 ноября 1914 г. на имя начальника Варшавского ГЖУ генерала Бельского он писал: «Ввиду изменившихся обстоятельств прошу приостановить исполнение номеру 794 штаба округа»⁹⁹, что на практике означало временное прекращение использования разработанных им правил до согласования данного вопроса между МВД и Ставкой.

В ответе Беляеву от 11 декабря 1914 г. Джунковский выразил мотивированное несогласие с его предложениями¹⁰⁰. Ссылаясь на статью 21 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности и статью 23 Положения о местностях, объявленных на военном положении, командир корпуса жандармов делает следующие выводы.

1. «Из изложенного следует, что начальники жандармских управлений и их помощники, для того чтобы использовать предоставленное им по закону право обыска и ареста по отношению к тем или иным лицам, должны иметь основательное подозрение, т. е. более или менее определенные данные, устанавливающие принадлежность этих лиц к противозаконным сообществам или дающие определенные основания предполагать участие их в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним».

2. «Нельзя обязать начальников жандармских управлений и их помощников проводить обыски и арестовывать лиц, о коих разведывательное отделение сообщит лишь общие сведения о том, что такие-то лица подозреваются в шпионстве, а потому и подлежат обыску и аресту».

3. «Наиболее целесообразным способом постановления в известность начальника жандармского управления о необходимости производства ликвида-

лер У. Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 199.

99. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1153. Л. 91.

100. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 452. Л. 47.

ции являлось бы сообщение тех сведений из агентурной разведки, кои дают основание для ликвидации, в условиях применения ст.ст. 21 и 23, самими начальниками штабов особой секретной запиской, в которой бы и сообщались все сведения, необходимые для закономерного производства ликвидации»¹⁰¹.

Джунковский защитил находящиеся вне театра военных действий ГЖУ от попыток поставить их под контроль военных властей, однако, по справедливому мнению Курлова, не стал при этом и на себя брать ответственность за руководство контрразведкой¹⁰². Его цель скорее состояла в том, чтобы оградить себя и подчиненное себе ведомство от связанных с контрразведкой неприятностей, а не решать насущные проблемы. Вскоре Курлов был назначен военным генерал-губернатором Прибалтийских губерний, и его инициативы по обустройству прифронтовых контрразведок были отклонены. А в недрах ГУГШ стали готовить собственный проект реорганизации контрразведки. До мая–июня 1915 г. работа контрразведки шла в том же направлении, что и в 1914 г. В январе департамент полиции продолжил издавать циркуляры о борьбе со шпионажем¹⁰³, в целом не приносящие ничего нового в работу на данном направлении. Последовали новые назначения жандармов в контрразведку¹⁰⁴.

Отдельно следует сказать о евреях-шпионах. По данному вопросу наблюдалось удивительное единодушие армии, руководства МВД, контрразведок и местного населения. Во второй половине августа 1914 г. начальник Варшавского ГЖУ Бельский отметил значительный всплеск антисемитских настроений населения губернии¹⁰⁵, а 31 августа он и сам направил

101. Там же. Лл. 47–50об.

102. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 217.

103. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Лл. 123–128.

104. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Лл. 69, 69об.

105. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152. Лл. 95, 105.

в ДП МВД, Варшавскому военному генерал-губернатору и помощнику Варшавского генерал-губернатора по полицейской части сообщение о том, что евреи приветственно встречают немецкие войска¹⁰⁶. 11 сентября 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба 2-й армии Н. Г. Филимонов направил Бельскому секретное распоряжение следующего содержания: «По имеющимся достоверным сведениям еврейское население местностей, прилегающих к границе, оказывает содействие германскому правительству, переводя немецких шпионов из района действия наших войск на возах, укрывая сверху соломой, мешками и т. п. предметами. Сообщая об изложенном на распоряжение, прошу объявить подведомственным Вам чинам на предмет самого тщательного наблюдения за еврейским населением и при первом же случае обнаружения виновных возбуждать переписку и препровождать мне в штаб армии для предания их военно-полевому суду»¹⁰⁷. 17 сентября Бельский дал распоряжение подчиненным ему УЖУ препровождать всю переписку о евреях в Варшавское ГЖУ¹⁰⁸. Также особо пристальное внимание уделялось польским помещикам, которых, зачастую необоснованно, подозревали в шпионаже на стороне немцев¹⁰⁹.

Маховик шпионских дел раскручивался. Если в начале декабря 1914 г. в Варшавском ГЖУ, согласно списку, подписанному лично Бельским, состояло под следствием по обвинению в шпионаже 289 человек¹¹⁰, то к 29 декабря 1914 г. по делам проходило уже 542 обвиняемых¹¹¹. Как с горечью писал в своих воспоминаниях видный контрразведчик жандармский подполковник В. В. Владимиров: «Вешали без разбора жидов

106. Там же. Л. 120, 120об.

107. Там же. Лл. 142, 142 об.

108. Там же. Лл. 160–161об.

109. Там же. Л. 223.

110. Там же. Лл. 235–247.

111. Там же. Л. 424.

и поляков, как германских шпионов, а сами довольствовались только случайными сведениями добровольцев доносчиков»¹¹².

Отстранение Бельского и Ерандакова

Противодействие репрессивной политике контрразведок со стороны Варшавского жандармского управления вызвало незамедлительную и жесткую реакцию армейского начальства. Всем хорошо известно дело бывшего жандармского полковника С. Н. Мясоедова. Оно имело значительный политический резонанс и последствия. Полковник русской армии, контрразведчик, бывший жандарм был казнен за шпионаж в пользу Германии. Как оказалось впоследствии, обвинения были ложными и политически мотивированными. Однако совершенно неизвестна другая история — генерала Бельского, начальника Варшавского ГЖУ. Она не закончилась ни осуждением, ни порицанием — лишь переводом на другую должность в тыловое жандармское управление. Но при этом она является не менее показательной для понимания механизма репрессий. С началом отступления русской армии в головах военачальников зародилась идея списать военные поражения на германский шпионаж и нежелание с ним бороться отдельных «чистоплюев» из политического сыска.

Алексей Петрович Бельский перевелся на службу в Отдельный корпус жандармов весной 1881 г., вскоре после убийства императора Александра II. В 1907 г. был начальником Варшавского ГЖУ¹¹³, а весной 1913 г. его произвели в генерал-майоры. Как было сказано выше, военная контрразведка и прокурорский надзор оказывали давление на жандармские управления с целью повышения «раскрываемости» дел о шпиона-

112. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 12.

113. Список общего состава на 1916 г. С. 65, 226.

же. Особенно сильным оно было в 1915 г., когда армия начала отступать почти по всем фронтам европейского театра военных действий. Некоторые жандармские офицеры присоединялись к общей репрессивной политике в ожидании повышений. Генерал Бельский к ним не относился и не давал хода безосновательным преследованиям. Несмотря на возросшее количество дел по государственным преступлениям, по нуждам мобилизации, военной цензуры, управление работало эффективно: с августа 1914 г. по март 1915 г. в управлении было возбуждено 780 переписок, закончено из них 652, остальные оставались в производстве¹¹⁴. Бельский получил благодарность командира корпуса жандармов и был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени за успешные труды по переводу отделения на военные рельсы. Это был крайне внушительный результат не только для военного, но и для мирного времени.

Военные власти нанесли удар по нему чужими руками. 8 апреля 1915 г. на имя министра юстиции Щегловитова поступил секретный рапорт прокурора Варшавской судебной палаты действительного статского советника А. А. Федорова на якобы бездействие (и даже противодействие) Бельского и его подчиненных по расследованию ряда дел. В чем же прокуратура обвиняла жандармов? «Ротмистр Гудим в особенности своими неуместными ироническими замечаниями и шутками по поводу, — как выражаются он и генерал Бельский, — „шпиономании“ военных властей, подрывает авторитет и военных властей, и лиц, наблюдающих за дознаниями и расследованиями, и умаляет значение и важность во время войны таких дел, как расследования о шпионстве. Особые условия военного времени в связи с необходимостью более быстрой репрессии и устранения из района действующей армии неблагонадежного в отношении интересов государственной обороны элемента побудили... Невзирая

114. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1915. Д. 10олит.Б. Лл. 36, 36об.

на всю тяжесть такой работы, отличающейся своей многочисленностью, прокурорский надзор отнесся к ней надлежащим образом, имея в виду возможность, при всестороннем расследовании обстоятельств дела, передачи последнего, без обращения к формальному дознанию или следствию, непосредственно на распоряжение военного прокурора для внесения в соответствующих случаях в полевой или военно-окружной или корпусный суд по принадлежности»¹¹⁵.

Варшавское ГЖУ стало скрывать подобные переписки от прокурорского надзора, после расследования и допросов при отсутствии доказательств вины задержанных отпускали. Большинство отделялось высылкой за пределы Привислинского края. При этом формальных нарушений в ведении дознания жандармами прокурор Федоров смог насчитать лишь пять, умолчав о раскрытых немецких шпионах, равно как и о существовании при Варшавском управлении собственной секретной агентуры, собиравшей сведения об австро-германских войсках и передававшей их русскому военному начальству. Поддержал прокуратуру и Варшавский генерал-губернатор генерал-лейтенант П. Н. Енгальчев, бывший начальник Николаевской академии Генерального штаба.

Прокуратура с подачи жандармского же генерала М. Я. Клыкова требовала скорейшего удаления Бельского из прифронтовой зоны. Однако руководство МВД сплотилось, ведь именно в это время шла борьба за контроль над контрразведками. История Варшавского ГЖУ была не более чем предлогом, чтобы уличить жандармов в неспособности к ведению этой работы. В защиту Бельского выступили начальник штаба корпуса жандармов Никольский, директор департамента полиции Брюн-де-Сент-Ипполит, командир корпуса Джунковский и лично министр Маклаков.

3 апреля Джунковский разразился тирадой в телеграмме на имя губернатора князя Енгальчева: «Ге-

115. Там же. Лл. 20б., 4, 40б.

нерал Бельский за всю свою 24-летнюю службу аттестовался выдающимся и считается у меня одним из лучших начальников управлений и по своим нравственным качествам человек безукоризненный. Если принять во внимание эвакуации всех правительственных учреждений и отсутствие в течение значительного промежутка времени из-за нее прокурорского надзора и полное ослабление жандармского надзора в Варшаве командированием означенных чинов в штабы армий без моего ведома, то для меня станет ясным сложившееся положение генерала Бельского и подчиненных ему чинов точка»¹¹⁶. Джунковский заметил, что не видит замены Бельскому, предложив генерал-губернатору самому выбрать подходящего ему жандармского офицера.

Еще более жестко 20 мая написал министр внутренних дел Маклаков министру юстиции Щегловитову. В тексте письма не только прозвучало слово «бестактность», но и сами чины прокурорского надзора были заподозрены министром в некомпетентности в розыскной специфике и субъективной оценке дел по шпионажу¹¹⁷. Однако «дерзкий» тон письма, как его оценили сотрудники Минюста, был не на пользу Джунковскому и Маклакову. Щегловитов был возмущен вольным к нему обращением и дал делу ход, наложив на обращение резолюцию: «Еще лишнее доказательство, что борьба с представителями администрации невозможна»¹¹⁸.

Тем не менее полиции пришлось уступить, и 3 апреля 1915 г. Бельский был назначен начальником Лифляндского ГЖУ, где также не прижился из-за конфликтных отношений с военными властями. Вскоре помощник начальника Варшавского жандармского управления ротмистр В. А. Гудим был переведен на службу в Омск, в качестве компенсации получив

116. Там же. Лл. 28–30.

117. Там же. Лл. 40–43.

118. Падение царского режима. Т. VII. М.; Л., 1927. С. 268.

чин подполковника. 8 октября 1915 г. генерал-квартирмейстер Северного фронта М. Д. Бонч-Бруевич в телеграмме командиру корпуса жандармов категорически потребовал отстранения Бельского. «В настоящее время принимаются срочные меры по очистке Лифляндской губернии от германских шпионов и лиц, в той или иной мере сочувствующих противнику, ввиду чего во главе Лифляндского губернского жандармского управления необходимо иметь энергичного знакомого со своим делом, вполне стойкого в русских убеждениях человека, отдающего себе отчет в серьезности переживаемого нами времени. Генерал Бельский, как не отвечающий этим требованиям, был переведен по просьбе штаба фронта из Варшавы в Ригу, а потому прошу о переводе его в одну из губерний, не входящих в район военных действий»¹¹⁹.

Однако и здесь руководство жандармерии высказало возражения. Через несколько дней лично генерал Н. В. Рузский написал министру внутренних дел А. Н. Хвостову, что работа подчиненных Бельского «не дает желаемых положительных результатов»¹²⁰. В итоге генерала перевели во внутренние губернии. Сначала он возглавил Владимирское управление, а с 1916 г. руководил третьеразрядным Тверским ГЖУ¹²¹. На место Бельского был определен начальник Бакинского управления полковник И. А. Леонтьев, вскоре арестовавший за провокацию и вымогательство четырех сотрудников военной фронтовой контрразведки.

Через полгода история повторилась уже с другим жандармским офицером. В октябре 1915 г. по настоянию начальника Генерального штаба от контрразведывательной работы был отстранен один из крупнейших практиков, долго проработавший начальником контрразведывательного отделения, генерал-квартирмейстер ГУГШ жандармский полковник

119. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 377. Лл. 1, 2.

120. Там же. Л. 4.

121. Список общего состава на 1916 г. С. 65, 226.

Василий Андреевич Ерандаков. Вновь причиной отставки стала «малая продуктивность» его деятельности¹²². Ранее он заведовал наблюдением за иностранными военными атташе и контрразведкой в столице, вел наблюдение за офицерским составом русской армии. Историк Василий Каширин основной причиной отставки Ерандакова называет провал миссии по налаживанию агентурной работы в Румынии, отмечая при этом, что рядовые сотрудники контрразведки, участвовавшие в данной операции, мест не лишились¹²³.

Раздраженный историей Варшавского ГЖУ и видя, что ситуация с бесчинствами контрразведок при попустительстве прокуратуры только ухудшается, 30 мая 1915 г. Джунковский повторно поднял вопрос об ужесточении контроля за законностью при проведении дознаний. «За последнее время ложные доносы особенно стали часты в крестьянской среде, направляясь, главным образом, против землевладельцев или доверенных их лиц... Чинам Отдельного корпуса жандармов известно, что в крестьянских массах, в связи с ликвидацией немецкого землевладения в России, усиленно циркулируют слухи о предстоящих после войны земельных реформах. Как и всегда, подобные слухи вызывают у некоторой части крестьянства стремление освободиться от лиц, кои по мнению их, будут противодействовать осуществлению их аграрных мечтаний... Обвинение представляется обыкновенно в оскорблении Величества, сочувствии к врагам России, шпионаже и т. п. Как я усматриваю из поступающих в департамент полиции сведений, схема подобных обвинений с внешней стороны всегда однообразна. Несколько согласившихся между собою

122. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1307. Л. 12.

123. *Каширин В. Б.* Бухарестские гастроли русской контрразведки: неизвестный эпизод истории войны спецслужб в 1915 году // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 49. 2015. Апрель. С. 271.

лиц свидетельствуют против кого-либо, создавая материал, формально достаточный для возбуждения судебного или административного преследования»¹²⁴.

Далее Джунковский строго выговорил тем жандармам, которые формально относились к решению таких сложных вопросов, находя повод для «раскрытия» нового дела. Он призвал к всемерной борьбе с ложными доносами и требовал от подчиненных офицеров не поддаваться общей нервозности, овладевающей населением, подавая пример спокойствия и беспристрастности. «Не по количеству возбуждаемых дел, а по добросовестности и тщательности их расследования я буду судить о пользе службы каждого лица в корпусе и тем более о том, достоин ли он поощрения и повышения в должности», — писал Владимир Федорович¹²⁵.

Армейские подходы к шпионажу

Документы Осовецкой крепости дают хорошее представление о разнице в подходах жандармерии и военной контрразведки к борьбе со шпионажем. Если у разведчиков имеется огромное количество «развалившихся», не доведенных до конца и просто бездоказательных дел, то крепостная жандармская команда проводила дознаний немного, но дотошно и доводила дела до логического конца. Среди сохранившихся материалов есть дело о немецких шпионах А. А. Кениксмане и А. Ранте. Было установлено точно, в какой разведшколе Рант проходил подготовку, какая ему была выдана сумма и какие указания. Следствие вел лично начальник Осовецкой крепостной жандармской команды полковник Д. Н. Вишневский, имевший за плечами 18-летний опыт службы в жандармерии. Первая информация о том, что Рант готовит прово-

124. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Лл. 248 «б» об., 248 «в».

125. Там же. Л. 248 «в» об.

кацию в Осовецкой крепости, появилась еще в августе 1914 г., и с тех пор через секретную агентуру жандармы за ним внимательно следили¹²⁶, пока он не прибыл в крепость и не был арестован 23 февраля 1915 г. К моменту ареста все доказательства и большая часть дознания уже были завершены. 25 февраля 1915 г. Рант был приговорен, а утром 26 февраля расстрелян¹²⁷.

Различие в подходах к ведению розыска в жандармерии и военной контрразведке заключалось в требованиях, выдвигавшихся руководителями этих структур. Если жандармское руководство на первое место ставило вопросы законности, то военные требовали высокой раскрываемости. Именно отсутствием результативности были недовольны в штабах армий и фронтов. Летом 1915 г. М. Д. Бонч-Бруевич, имевший влияние в Ставке, предпринял попытку выгнать жандармско-полицейских чинов из контрразведывательных структур¹²⁸. Одним из поводов к этому было печально известное дело С. Н. Мясоедова, бывшего жандармского полковника, служившего в контрразведке при штабе 10-й армии и расстрелянного 19 марта 1915 г. в Варшавской цитадели по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии. Стоит привести слова, сказанные в 1945 г. на допросе полковником Вальтером Николаи, занимавшим пост руководителя немецкой внешней разведки в годы Первой мировой войны: «Я не верю также утверждениям, что было доказано сотрудничество полковника Мясоедова с германской разведкой. В Германии об этом ничего неизвестно. Его имя я знаю только как имя одного из успешнейших помощников русской разведки против германской разведки»¹²⁹.

126. РГВИА. Ф. 13140. Оп. 1. Д. 797. Лл. 1–4.

127. Там же. Ф. 15306. Оп. 1. Д. 1. Лл. 3–10.

128. Фуллер У. Указ. соч. С. 199.

129. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М.: Гея, 1998. Т. 1: Как начиналось изгнание, 1920–1922 гг. Кн. 1: Исход. С. 695.

Причиной не любить жандармерию для Бонч-Бруевича было также инспирированное им дело компании «Зингер», которую военная контрразведка хотела представить как крупную немецкую сеть шпионажа. Однако благодаря объективному и непредвзятому подходу жандармов к расследованию к середине 1915 г. дело начало рассыпаться, а Бонч-Бруевич снят с его кураторства¹³⁰.

Одной из крупных попыток весной–летом 1915 г. инициировать еще одно масштабное шпионское дело, подобное мясоедовскому, но затрагивающее уже более широкие круги, было так называемое дело немецких баронов. В апреле начальником штаба расквартированной в Петроградской губернии и Прибалтике 6-й армии был (на недолгое время) назначен М. Д. Бонч-Бруевич, которому Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем лично были даны исчерпывающие директивы: «раскрыть» немецкую агентурную сеть в Прибалтике, найти ее связи с Царским Селом и Петроградом, по возможности доказать связь с германской разведкой великого князя Кирилла Владимировича¹³¹, третьего в очереди наследования престола (после сына и младшего брата Николая II) и главного конкурента великого князя Николая Николаевича в случае отречения потомков Александра III. Одновременно решались две задачи: военные поражения и отступление русской армии объявлялись результатом происков высокопоставленных шпионов, а влиятельная ветвь потомков великого князя Владимира Александровича отстранялась от активной политической деятельности.

Вскоре после прибытия Бонч-Бруевича в штаб 6-й армии гнездо немецкого шпионажа было обнаружено в городе Аренсбурге, центре Эзельского уезда

130. Греков Н. В. Русская контрразведка... С. 257–259.

131. Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам! М.: Воениздат, 1958. Электронный ресурс: http://militera.lib.ru/memo/russian/bonch-bruevich_md/06.html.

Лифляндской губернии. Место было выбрано не случайно, поскольку остров Эзель, входивший в состав Моонзундского архипелага, имел ключевое значение для обороны Петрограда в случае возможного военно-морского десанта германских войск. В качестве заправки были использованы многочисленные рапорты и письма нервнобольного ротмистра пограничной стражи И. И. Рябцева, направлявшего их во все возможные органы военной власти, указывая на якобы огромные масштабы германского шпионажа в Эзельском уезде, охватившего чуть ли не все немецкое население края¹³². Одно из писем Рябцева попало в руки начальника Аренсбурга полковника П. В. Родзянко, родного брата председателя Государственной думы М. В. Родзянко. История была доведена до председателя Думы, который немедленно включился в создание контрразведки и борьбу с германским засильем на островах¹³³.

Однако физическое и умственное переутомление ротмистра Рябцева и отсутствие у него полномочий и навыков ведения дознания не давали возможности поручить ему ведение следствия. Для изучения немецкого шпионажа в Лифляндии и Эстляндии Бонч-Бруевич направил помощника начальника подчиненного 6-й армии Кронштадтского жандармского управления ротмистра В. В. Владимирова, который за две командировки (с 21 по 31 мая и с 19 по 29 июня 1915 г.) провел масштабное расследование. Была проведена негласная агентурная разработка вызывавших подозрения персонажей, опрошено 17 свидетелей, арестовано и помещено в Петропавловскую крепость 9 подозреваемых, собран компрометирующий материал против 25 представителей аристократии и влиятельных лиц немецкой диаспоры¹³⁴. Среди подозреваемых и скомпрометированных оказались

132. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 24. Л. 76.

133. Там же. Лл. 331–332.

134. Там же. Лл. 3–10, 188.

два члена Государственного совета — О.Р. фон Экс-парре и Ю.А. Иксуль фон Гильденбандт; двоюродный брат П.А. Столыпина, один из основателей партии «Союз 17 октября» барон А.Ф. Мейендорф, к тому времени уже как два года вышедший из партии; бывший сенатор гофмейстер двора граф К.К. Пален; эстляндский предводитель дворянства, бывший член Государственного совета барон Э.Н. Деллингсгаузен; один из идеологов и лидеров христиан-евангелистов России барон П.Н. Николаи; представители нескольких громких немецких фамилий, занимавших высокие военные и гражданские чины. Владимирову удалось «вплотную подобраться» даже к представителю романовской династии, правда не к Кириллу Владимировичу, как того хотело военное начальство, а к герцогу М.Г. Мекленбург-Стрелицкому, владельцу Ораниенбаума. Жандармский ротмистр подозревал его чуть ли не в подготовке шоссейных дорог и просек для удобства немецкого десанта при возможном штурме форта «Красная горка»¹³⁵. Сразу после возвращения Владимирова из командировки вдохновленный подробным отчетом и внушительными результатами Бонч-Бруевич немедленно (1 июля) представил его к ордену Святого Владимира 4-й степени¹³⁶.

Однако перспективное дело неожиданно развалилось. Начальник контрразведывательного отделения 6-й армии С.А. Соколов вопреки ожиданиям Бонч-Бруевича не спешил разворачивать крупное дело. Контрразведка завела сразу несколько дел, но расследование проводило тщательно, не торопясь. Начальник же Лифляндского жандармского управления генерал-майор А.П. Бельский не оказал необходимой агентурной поддержки в расследовании, как и начальник Двинского военного округа П.Г. Курлов, скептически воспринимавший попыт-

135. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Лл. 29–33, 40–42.

136. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18828. Л. 271.

ки военного командования породить новый масштабный шпионский скандал. Ни отстранение Бельского от руководства ГЖУ, ни замена С. А. Соколова на не отличавшегося щепетильностью М. М. Федорова не принесли Бонч-Бруевичу ожидаемых результатов. Разработка материала не дала фактических оснований для выдвижения обвинений в шпионаже, и большинство подозреваемых из расследования Владимира не были привлечены к ответственности или в крайнем случае высланы во внутренние губернии. Отставка в августе 1915 г. великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего решила судьбу шпионского дела о лифляндских баронах: политический заказ отменился сам собой. Но выводы были сделаны: военным властям срочно требовалось повысить результативность работы контрразведывательных органов и отсеять недостаточно исполнительных офицеров.

После нескольких крупных шпионских провалов в Ставке была заведена переписка, которая касалась начальников контрразведывательных отделений штабов фронтов, армий и военных округов и в которой речь шла в основном о жандармских офицерах. 26 июня 1915 г. генерал-квартирмейстер Штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилов затребовал от начальников штабов Северо-Западного, Юго-Западного фронтов, 6-й и 7-й армий, Кавказской армии списки начальников КРО штабов фронтов, армий и военных округов на театре военных действий. Вместе со списками необходимо было передать краткие записки о прохождении службы до назначения на должности начальников КРО, сведения о степени пригодности этих лиц для занятия начальствующих должностей с указанием справок, которые о них наводились, а также краткую оценку означенных лиц в должности начальников КРО¹³⁷.

137. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Лл. 3, 30б.

Как правило, аттестации содержали оценки трех лиц: начальника разведывательного отделения, генерал-квартирмейстера и начальника штаба. Информация была собрана о 15 жандармских офицерах, руководивших КРО. Интересен критерий оценки — какие качества начальника КРО были важны для военного начальства. Положительными чертами военные называли расторопность, быстрое проведение расследований, результативность. Так, жандармскому ротмистру Г. В. Темникову, начальнику КРО штаба 10-й армии, давалась высокая оценка: «Энергичный, не лишенный инициативы офицер. Опытный в делах сыска, работает с увлечением. Много способствовал ликвидации дела Мясоедова и продолжает его разработку с должной энергией»¹³⁸. По правде сказать, не все жандармы были согласны с обвинением Мясоедова в военном шпионаже в пользу Германии¹³⁹. С февраля по май 1915 г. Темников по ходатайству военных властей был трижды награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны 2-й степени, Святого Владимира 4-й степени. Учитывая, что до войны, с 1911 по 1914 г., ротмистр служил в Московском охранном отделении, то есть был опытным жандармом, совершенно очевидно, что он сознательно участвовал в незаконии, связанном с делом Мясоедова.

Высокие оценки также получил подполковник С. В. Леонтович, один из ближайших сподвижников генерала контрразведки Н. С. Батюшина. Он много работал совместно с КРО Варшавского военного округа, а потом возглавил КРО при штабе Северо-Западного фронта, то есть активно организовывал ту репрессивную вакханалию, которую развязала батюшинская контрразведка на территории Польши. Современники не стеснялись в выражениях по поводу батюшин-

138. Там же. Л. 26.

139. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 78, 79.

ской «спецслужбы». Наиболее категоричен был видный контрразведчик В. Г. Орлов: «Для приобретения невольных сотрудников намеченные лица арестовывались и выпускались на свободу лишь при условии сотрудничества с комиссией генерала Батюшина. Эта комиссия была настоящим разбойничьим вертепом, где широко применялись все разбойничьи приемы: произвол, насилие, шантаж, угрозы, вымогательство, при этом „вертеп“ обладал всею полнотою власти, игнорируя все действующие законы, распоряжался имуществом и жизнью граждан по своему усмотрению или даже по усмотрению одного из своих сотрудников. В распоряжении Батюшина имелась вся полиция и жандармерия. Стоило одному из сотрудников комиссии генерала Батюшина пожелать устранить своего соперника, как немедленно к этому лицу предъявлялось обвинение в сношении с воюющей с нами державою, — это обвинение фабриковалось с необычною легкостью, и обвиняемые рисковали не только имуществом, но и жизнью, на основании ст. 108 Уложения, за государственную измену... Шантаж и вымогательство достигли своего апогея. Следует заметить, что комиссия арестовывала исключительно богатых людей, причем мотивами арестов были главным образом обвинения в сношении с воюющими с нами державами, то есть, проще говоря, обвинение в государственной измене»¹⁴⁰. Современный исследователь А. С. Опилкин подтверждает мнение современника¹⁴¹.

Вот как деятельность Леонтовича оценил начальник РО штаба главкома фронта полковник П. А. Базаров: «Прибыв к сему штабу 1 января 1915 года, подпол-

140. Орлов В. Г. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 140, 152.

141. Опилкин А. С. Контрразведка и политическая полиция Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Взаимоотношение военных и гражданских спецслужб // Великая война 1914–1917 гг. Возвращение памяти: сборник статей и докладов/под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М.: РИСИ, 2015. С. 178.

ковник Леонтович в кратчайший срок сформировал личный и наблюдательный состав контрразведывательного отделения, объединил работу по контрразведке на всей территории фронта и умелым, энергичным и настойчивым ее руководством поставил такую на прочную основу. Опыт, энергия и знание дела розыска подполковника Леонтовича дали возможность разработки и ликвидации наиболее серьезных и обширных шпионских организаций противника, причем розыск, руководимый названным штаб-офицером, дал во всех случаях положительные результаты»¹⁴². Особенно показательна последняя фраза, свидетельствующая о том, что расследования Леонтовича не страдали доказательностью, если среди привлеченных им к дознанию никто не был оправдан.

Интересна характеристика другого, с точки зрения военных, «положительного» жандарма — начальника КРО штаба 6-й армии подполковника М. М. Федорова, которому Бонч-Бруевич давал высокую оценку. Другие его начальники, кроме прочего, отмечали: «В своей деятельности руководствуется преимущественно желанием угодить начальству, а не принципиальными соображениями... По-видимому, более склонен к «действиям», т. е. фактическим обследованиям, обыскам, арестам и т. под., а не к канцелярии»¹⁴³. Таким образом, угодливость начальству и склонность не столько к ведению следствия, сколько к ликвидации также являлись отличительными чертами подходившего для военной контрразведки жандарма. Интересна оценка Федорова, данная жандармским подполковником В. В. Владимировым, постоянно занимавшимся с ним шпионскими расследованиями в Прибалтике: «Тупой, надутый, с большим самомнением, толстый, но хитрый и подыгрывающийся начальству»¹⁴⁴.

142. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Лл. 50, 51.

143. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Лл. 40б., 5.

144. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 6.

Так же высокую оценку военных получил ротмистр С. В. Муев, возглавлявший печально известную своими необоснованными репрессивными действиями контрразведку штаба 2-й армии¹⁴⁵.

В данной связи имеет смысл также ознакомиться с отрицательными характеристиками. Например, начальник штаба 7-й армии генерал-лейтенант Н. П. Стремоухов так аттестовал своего начальника КРО подполковника В. М. Якубова: «Обращает несоизмеренно большое внимание на письменную часть, что свидетельствует о неправильном направлении, данном работе отделения, к своему делу прилагает много усердия, но специальными качествами, необходимыми для него, судя по незначительности результатов его деятельности за годовой срок заведывания отделением, он, по-видимому, не обладает. Полагаю, что подполковник Якубов, как честный, деятельный и усердный офицер, мог бы быть полезен на других должностях, но к порученному делу мало способен»¹⁴⁶. При этом генерал-майор В. А. Соковнин, начальник Якубова в мирное время, отмечал: «В высшей степени корректный, дисциплинированный, служебным тактом обладает в полной мере. Работает по своей должности начальника контрразведывательного отделения с полным рвением и усердием. Порученное ему дело знает, ведет его умело и достаточно настойчиво, достигая нередко положительных результатов»¹⁴⁷. Таким образом, в военное время требовались не отдельные положительные результаты при дотошном ведении расследования, а значительное количество обвиненных в шпионаже, что совершенно не предполагало излишнего педантизма в делопроизводстве.

При исследовании отчетов становится ясно, что многие жандармы, оказавшись в подчинении воен-

145. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 829. Лл. 1–2.

146. Там же. Лл. 32, 33.

147. Там же. Лл. 19–21.

ных, ради карьерных успехов стали пренебрегать характерной для корпуса педантичностью в ведении дел. Не пошедшие по этому пути имели значительные проблемы с начальством. Массового изгнания жандармов из КРО так и не произошло — военные ограничились частными переменами. Однако другая инициатива Бонч-Бруевича — составление нового Положения о контрразведке — была осуществлена.

20 февраля 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилов писал генерал-квартирмейстеру М. Н. Леонтьеву: «С началом войны, по сформировании контрразведывательных отделений при штабах армий, прекратилась та связь, которая существовала между всеми контрразведывательными органами, и деятельность их как бы раскололась в соответствии с разделением территории на район действующей армии и на местность, не входящую в состав театра военных действий... Прошу Ваше Превосходительство не отказать наметить проект тех мероприятий, которые желательно было бы провести для объединения контрразведывательных органов на театре военных действий с таковыми же органами в местности, не входящей в район действующей армии, и с центральными контрразведывательными отделениями»¹⁴⁸. 3 марта начальник штаба Ставки Янушкевич обратился с аналогичным письмом к главе ГУГШ Беляеву¹⁴⁹. Вероятно, только получив распоряжение Беляева, 10 марта Леонтьев отчитался Данилову о начале работ в данном направлении¹⁵⁰. А уже в начале апреля Ставка направила генерала Бонч-Бруевича в командировку по штабам фронтов и армий, чтобы выяснить мнение военного руководства о методах объединения работы КРО на театре военных действий и в тылу¹⁵¹.

148. Там же. Д. 828. Л. 1.

149. Там же. Л. 206.

150. Там же. Л. 4.

151. Там же. Л. 10.

По окончании работ им было составлено «Наставление по контрразведке в военное время», в разработке которого принимали участие начальник Центрального КРО ГУГШ жандармский полковник Ерандаков, следователь по особо важным делам Ставки В. Г. Орлов и начальник отделения управления генерал-квартирмейстера при главковерхе П. Л. Ассанович¹⁵². Работа велась, можно сказать, тайно, и руководство МВД к ней не пригласили.

Зная нелюбовь Бонч-Бруевича к синим мундирам, руководство жандармерии забило тревогу. 20 апреля 1915 г. начальник Холмского ГЖУ полковник Мадатов направил совершенно секретный доклад в департамент полиции, в котором писал, что разведывательным отделением штаба Юго-Западного фронта спешно разрабатывается новое Положение о КРО при штабах армий с отделением таковых от РО и полной самостоятельностью производства следственных действий и без какого-либо соглашения с начальниками ГЖУ. При этом жандармские управления должны были бы подчиняться КРО в целях общего якобы руководства контршпионажем¹⁵³.

12 мая 1915 г. Янушкевич официально направил составленный проект Джунковскому и начальнику штаба ОКЖ Никольскому¹⁵⁴. Владимир Федорович дал ответ лишь 22 мая: «Почитаю своим долгом сообщить, что при ознакомлении с настоящим Положением у меня получилось впечатление недостаточной систематизации его, ибо в нем смешаны учредительного характера статьи с указаниями как бы практическими, а вся система проектируемых отделений в общем отличается громоздкостью»¹⁵⁵. В целом, сохраняя нейтральный тон, командир ОКЖ подверг критике почти все пункты проекта Бонч-Бруевича, касающиеся

152. *Зданович А. А.* Указ соч. С. 27.

153. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 39. Лл. 16, 16об.

154. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 828. Л. 107.

155. Там же. Л. 118.

жандармского вопроса. Джунковский напомнил о достигнутых в декабре 1913 г. договоренностях, твердо отказываясь менять порядок соподчинения жандармских и контрразведывательных чинов: «Представляется желательным порядок назначения жандармских офицеров на штатные должности контрразведывательных управлений в районах армий и штаба армий фронта установить тот же, который принят, по соглашению моему с начальником Генерального штаба, для замещения упомянутых выше должностей в штабах военных округов в мирное время»¹⁵⁶.

Он прямо настаивает на участии руководства МВД в кадровой политике КРО, предлагая назначать начальников контрразведывательных отделений и их помощников только по соглашению с командиром корпуса жандармов¹⁵⁷. Содействие жандармов должно было выразиться в безотлагательном уведомлении о всяком обнаруженном или подозрительном случае военного шпионства только одного начальника КРО, входящего в состав штаба армии или военного округа, а также в полном содействии КРО в раскрытии или ликвидации шпионских дел¹⁵⁸.

Джунковский писал, что жандармские чины вправе по требованию чинов и агентов КРО устанавливать наружное наблюдение в местах постоянного квартирования филёров ГЖУ только в случаях экстренной надобности, исключительно до прибытия на место чинов контрразведки. Привлекать же к иногородним командировкам филёров разрешалось лишь в крайних случаях и при условии возмещения расходов из сумм самих КРО¹⁵⁹.

Джунковскому удалось отстоять ГЖУ от попыток поставить их под контроль контрразведок. В качестве «благодарности» Бонч-Бруевичу за «Наставле-

156. Там же. Л. 114.

157. Там же.

158. Там же. Л. 116.

159. Там же.

ние о контрразведке в военное время», изменения в которое с большим трудом удалось внести, Джунковский вскоре послал Янушкевичу официальный запрос с требованием поймать и удалить из армии известного социал-демократа Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича, родного брата Михаила¹⁶⁰. Почти все замечания Джунковского были приняты: 6 июня 1915 г. «Наставление...» было утверждено Верховным главнокомандующим по представлению генералов Янушкевича и Данилова¹⁶¹. Новая система контрразведки мало отличалась от того Положения, которое имело место в 1914 — первой половине 1915 г. Можно согласиться с историком спецслужб Здановичем, что КРО на театре военных действий не имели жестких структурно-функциональных связей и строгого подчинения ГУГШ¹⁶².

Переходный характер «Наставления...» понимали и современники. В августе 1915 г. было реорганизовано КРО ГУГШ, переименованное в Центральное военно-регистрационное бюро¹⁶³, ставшее аналитическим и справочным центром контрразведки. В своих мемуарах Н. С. Батюшин писал: «Главный недостаток этого „Наставления“ — отсутствие органа для руководства всей контрразведкой вообще и на театре военных действий в частности, ибо Ставка этим делом совсем не занималась; Главное же управление Генерального штаба являлось лишь регистрационным и отчетным учреждением, а не руководящей инстанцией»¹⁶⁴.

Одной из самых острых проблем военных контрразведок был набор агентуры. Там, где этим занимались строевые, а не жандармские офицеры, это делалось крайне непрофессионально. Получая солидный аванс от сотрудников КРО, «агенты» зачастую сбегали

160. НИОР РГБ. Ф. 369. Карт. 83. Е.х. 25. Лл. 1, 2.

161. *Зданович А. А.* Указ. соч. С. 29.

162. Там же. С. 31, 32.

163. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 516. Л. 4.

164. *Батюшин Н. С.* Указ. соч. С. 176.

ли с деньгами. Многие из них работали параллельно как на русскую, так и на австрийскую и германскую контрразведки. Зимой 1914 г. — летом 1915 г. в Варшаве имелась группа из 8 агентов КРО, которые составляли и продавали контрразведчикам ложные сведения о германской армии. Некоторые из них, входя в доверие к офицерам штабов и КРО, доставали секретные документы и продавали их немцам¹⁶⁵. История была раскрыта, и расследование велось под личным контролем нового начальника Варшавского ГЖУ полковника Р. В. Домбровского. Таких дел было множество. Другой вопиющий случай имел место в городе Пултуске. Агент КРО штаба 2-й армии Ф. К. Краинский напился в ресторане до невменяемого состояния и рассказывал всем подряд, что он военный агент, ругал русскую армию, выражая уверенность в победе немцев и удивляясь, за что КРО платит агентам деньги, так как они в большинстве ничего не делают. Арест действующего сотрудника контрразведки был настолько важным событием, что его производил лично начальник УЖУ Пултуского и Плонского уездов ротмистр А. А. Семека, который и доставил пьяного агента к сотруднику разведывательного отделения Н. В. Терехову, нанявшему его в секретные сотрудники¹⁶⁶.

По имеющимся данным по разведывательному отделению 1-й действующей армии, к осени 1914 г. в нем служило 129 агентов¹⁶⁷, а к концу года — 146 человек¹⁶⁸. Из них с 1 ноября по 26 декабря 1914 г. было уволено 38 агентов, то есть 26%¹⁶⁹. Если обратиться к причинам увольнений, то окажется что 22 из 38 агентов были уличены в неудовлетворительной работе (58%), двое — в двойном шпионстве (5%), двое признаны жандармскими властями подозрительными (5%), четве-

165. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1134. Лл. 3-4.

166. Там же. Д. 1114. Лл. 68, 68об.

167. Там же. Лл. 21-22об.

168. Там же. Л. 25.

169. Там же. Л. 89.

ро агентов были уволены по болезни (10%) и 8 агентов — раскрыты немцами (22%)¹⁷⁰. С 27 декабря 1914 г. по 23 февраля 1915 г. было уволено 24 агента, а еще 34 секретных сотрудника РО разыскивались Варшавским ГЖУ по просьбе генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии¹⁷¹. То есть уровень агентуры продолжал падать. РО потеряло уволенными и скрывшимися 58 агентов, то есть около 40% секретных сотрудников. С ноября 1914 г. по 1 мая 1915 г. РО 1-й армии уволило 127 сотрудников. Из них 39 агентов скрылись в неизвестном направлении (31%), 23 были переданы жандармским властям за различные преступления, в основном за двойной шпионаж (18%), 21 агент уволен за неудовлетворительную работу (16,5%), 10 агентов — как не заслуживающие доверия (8%), 9 агентов находились в розыске (7%), остальные были скомпрометированы, заболели, уличены в шантаже и уволены по прочим причинам¹⁷². Для сравнения: за все время с начала войны до конца 1916 г. из всех агентов австро-венгерской армии были признаны непригодными 88 агентов и 62 агента-афериста¹⁷³, то есть почти столько же, сколько в одной российской 1-й армии к маю 1915 г.

С осени 1914 г. поимкой, арестами и дознанием по сбежавшим или изменившим Родине агентам контрразведки занимались жандармские управления Привислинского края, в том числе Варшавское ГЖУ¹⁷⁴. Отсутствие хорошей организации контрразведки создавало лишние заботы для жандармерии. В то же время в Австро-Венгрии борьбой с ненадежной агентурой занималась сама контрразведка — организованное при «Эвиденц-бюро» Центральное учетное бюро.

О качестве агентуры 31 августа 1915 г. писал начальник Варшавского охранного отделения Само-

170. Там же. Д. 130. Лл. 2, 206.

171. Там же. Д. 114. Лл. 112–114 об.

172. Там же. Д. 130. Лл. 3–4 об.

173. *Ронге М.* Указ. соч. С. 135.

174. ГА РФ. Ф. 217. Оп. 1. Д. 130. Л. 1; Д. 114. Лл. 19, 44, 88, 112, 167.

хвалов в докладе на имя помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. Он приводил подробные сведения о деятельности РО и КРО и об оказании им содействия со стороны охранных отделений и жандармских управлений: «Контингент сотрудников и разведчиков, передаваемых в армию охранными отделениями и жандармскими управлениями, являлся во всяком случае добросовестным, так как за этих лиц были в некотором роде ответственны начальники, рекомендовавшие их, и если последние не всегда оправдывали доверие, то только потому, что от них требовали совершенно новой работы при отсутствии должных указаний и руководства. Что же касается вербовки агентов и разведчиков начальниками контрразведывательных и разведывательных отделений при посредстве доверенных лиц, то в данном случае на практике получился полный провал этой системы. Во-первых, сами доверенные лица большею частью оказались не заслуживающими ни малейшего доверия, с темным прошлым и действующими исключительно в интересах наживы... По требованию начальников контрразведывательных и разведывательных отделений подобные „доверенные лица“ доставляли армии агентов и разведчиков к известному сроку десятками и даже сотнями, совершенно игнорируя вопрос о нравственных качествах вербуемых и нередко убеждая начальников, что именно неблагонадежный элемент и может быть полезен в качестве разведчика»¹⁷⁵.

Непрофессионализм работы военных контрразведчиков оставался проблемой и в 1915 г. 6 мая 1915 г. заведующий агентурой при штабе Осовецкой крепости подал секретный рапорт на имя начальника штаба крепости: «В последние 3 дня агенты контрразведки штаба 12-й армии задержали нескольких лиц, виновность коих по собранным мною сведениям совсем не подтверждается, и, как видно, аресты

175. Там же. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Лл. 471, 472.

этих лиц произведены по настоянию лиц, сводящих свои личные счеты, и такой порядок может при недобросовестности и ненадежности агентов привести к вымогательству и другим незаконным действиям... Поэтому прошу о направлении этой переписки в разведывательное отделение штаба 12-й армии для соответствующих распоряжений и прошу ходатайства об исключении из контрразведки агента Осипа Белевича»¹⁷⁶. Пристыженным контрразведчикам пришлось ответить, что ни о каком агенте Белевиче они ничего не знают и не представляют себе¹⁷⁷, кто бы мог выдать ему удостоверение сотрудника РО штаба 12-й армии.

В своем докладе подполковник Самохвалов писал: «Деятельность контрразведывательного отделения, в район которого входила Варшава, все время носила характер бессистемного розыска шпионов среди варшавского населения и выражалась в многочисленных требованиях о производстве охранным отделением обысков. Из дел охранного отделения видно, что за период времени с 1 по 23 число июля сего года было произведено около 200 обысков, оказавшихся безрезультатными, причем большинство из них производилось по чрезвычайно характерным требованиям без указания причин и оснований»¹⁷⁸. В КРО штаба 2-й армии были случаи, когда офицеры арестовывали проституток по обвинению в шпионаже, в то время как жандармское дознание вскрывало тот факт, что какой-нибудь офицер КРО банально поссорился с одной из этих женщин из-за качества оказанных ему сексуальных услуг¹⁷⁹.

К осени 1915 г. — весне 1916 г. ситуация с контрразведывательной агентурой не только не улучшилась, а, наоборот, обострилась. По донесениям КРО шта-

176. РГВИА. Ф. 13140. Оп. 1. Д. 619. Л. 77.

177. Там же. Л. 86.

178. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 242. Лл. 473.

179. Там же.

ба 6-й армии Петроградскому охранному отделению, только в ноябре 1915 г. было уволено 44 секретных сотрудника КРО, 10 из которых (23%) — по обвинению в вымогательствах и шантаже¹⁸⁰. Всего с 1 ноября 1915 г. по 1 апреля 1916 г. контрразведка Северного фронта была вынуждена исключить из своих списков 245 агентов¹⁸¹. Основными причинами увольнений были некомпетентность и малая пригодность к службе, склонность к шантажу, трусость и безынициативность, пьянство и девиантное поведение. Очень небольшое число было исключено из списков по болезни, смерти или раскрытию и пленению немцами. Часть агентов были арестованы Лифляндским и Свеаборгским жандармскими управлениями по обвинению в двойном шпионаже в пользу Германии. Контрразведчики просили жандармов выловить сбежавших агентов, но в большинстве случаев не могли представить не только фотокарточек, но даже словесного описания внешности.

Ситуации, когда жандармы обнаруживали произвол и некомпетентность армейских чинов КРО, значительно ухудшали отношения между МВД и военным ведомством. Характерен конфликт жандармского ротмистра Н. С. Заинчневского, который состоял при штабе Юго-Западного фронта для ведения разведки, и начальника РО данного штаба полковника А. А. Носкова. Суть конфликта была в том, что Заинчневский отвечал в РО за агентуру и потребовал у своего начальника выдать специально отведенные для этого деньги на выполнение полученных от генерал-квартирмейстера М. С. Пустовойтенко заданий. Полковник Носков заявил, что выдал 5 тыс. руб. своему приятелю, сотруднику РО штабс-капитану Б. А. Юрьеву на поездку в Румынию, в которую тот отправился вместе со своей любовницей и «уже на нее истра-

180. Там же. Ф. III. Оп. 2. Д. 290. Лл. 27–28об.

181. Там же. Д. 301. Лл. 52, 53, 56, 56об., 123, 123об., 198–199 об., 229, 260.

тил тысячу рублей. Вот если она у него не вытащит остальных, и он привезет что-нибудь из Румынии при возвращении в Холм, то я Вам их вышлю»¹⁸². Также Носков требовал установить слежку за личным адъютантом генерала Н. И. Иванова полковником М. Ф. Бакулиным, негласно ревизовавшим агентуру и деятельность РО штаба Юго-Западного фронта. На это он получил отказ Заинчневского и добился увольнения последнего. Причем, несмотря на отмечавшиеся наградами и благодарностями заслуги жандарма, и генерал М. С. Пустовойтенко и сам М. В. Алексеев поверили докладу Носкова. Не помогло даже личное заступничество Джунковского¹⁸³. Проблема заключалась в корпоративной этике: доклад военного почти всегда был в глазах высшего командования весомее доклада жандарма вне зависимости от его содержания. Только через месяц после увольнения Заинчневского новый генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта М. К. Дитерихс ознакомился со служебной деятельностью Носкова и немедленно отстранил его от должности¹⁸⁴.

Многие военные сами хотели заниматься контрразведкой; так, командир 98-й пешей Орловской дружины полковник Макаров задерживал многих агентов КРО, отбирал документы и всячески мешал их работе, вскрывая секретные пакеты, предназначенные на имя начальника РО штаба 12-й армии¹⁸⁵. По-своему полковник Макаров тоже пытался бороться со шпионажем, подозревая всех и каждого.

И все же в некоторых регионах страны работа жандармско-полицейских и контрразведывательных структур по противодействию шпионажу была налажена и эффективно работала. К таким приятным исключениям относился Дальний Восток. Еще в февра-

182. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 148.

183. Там же. Л. 140 «а».

184. Там же. Л. 189.

185. РГВИА. Ф. 13140. Оп. 1. Д. 619. Лл. 87–88.

ле 1914 г. военный губернатор Приморской области М. М. Манакин потребовал от всех спецслужб региона выполнять в срочном и секретном порядке жандармские донесения и запросы по контрразведке¹⁸⁶. Это привело к расстановке приоритетов еще до начала войны и слаженной работе впоследствии. Однако пример Приморья так и остался редким исключением из правил, результатом личной воли руководителя региона и предельной отдаленности его от театра военных действий и министерских интриг.

Борьба с политизацией армии

Не менее важным направлением работы жандармерии в прифронтовой полосе была борьба с агитацией в войсках. Кроме революционеров к ней присоединились еще и агенты противника, расшатывавшие боевой дух солдат. 22 октября 1914 г. департамент полиции опубликовал секретный циркуляр №176987 о борьбе с антивоенной пропагандой среди нижних чинов запасных батальонов и ополченских частей, ведомой евреями на немецкие деньги¹⁸⁷. Через три дня вышел секретный циркуляр №177026, в котором говорилось, что по «агентурным данным германское правительство предложило будто бы русским революционным партиям три миллиона рублей на ведение революционной агитации в наших войсках и этим путем вызвать бунты; причем агитаторы должны якобы внушить нижним чинам, что их семьи правительством оставлены на произвол судьбы, тогда как семьи офицеров обеспечены вполне»¹⁸⁸.

186. Качкин А. Н. Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. №1(24). С. 282.

187. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Л. 136.

188. Там же. Л. 139.

3 октября 1914 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал Попов сообщал дворцовому коменданту В. Н. Воейкову, что революционная среда решила путем агитации революционных идей среди армии и эвакуированных из нее раненых подготовить войска к замышляемому после войны перевороту. Это проходило под флагом патриотического порыва, лазареты и штабы армий снабжались книгами, брошюрами политически неблагонадежного содержания для чтения нижними чинами. Попов писал: «При Императорском вольно-экономическом обществе, искони являвшемся очагом объединения революционных элементов столицы, в настоящее время сгруппировались интеллигентные работники из партии социалистов-революционеров и социал-демократов, образовавшие там как бы две комиссии: лазаретную и библиотечную... Личный состав библиотечной комиссии при Вольно-экономическом обществе исключительно партийный, состоящий из лиц, давно известных отделению (охранному. — В. Х.-Г.), например член Государственной думы Керенский... Эти лица, учредив как бы свою цензуру, пропускают в лазаретные библиотеки издания хотя и разрешенные, но специфически тенденциозного направления, подстрекающие к умалению правительственного престижа и подчеркивающие его недостатки. Книги иного направления, за исключением, конечно, классиков, задерживаются; так, из массы книг, пожертвованных Святейшим Синодом, были отправлены только Евангелия, другие же книги не посланы, равно как не были посланы книги, пожертвованные правым изданием „Свет“»¹⁸⁹.

При этом Попов отмечал, что некоторые социал-демократы по поручению ЦК также готовят для отправки книги на фронт. Известный Петроградскому охранному отделению своей противоправительственной деятельностью социал-демократ А. Е. Аксельрод

189. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 2. Д. 1 «а» Лл. 194–195.

с 29 сентября по 1 октября на свободную квартиру в доме №12 по 10-й Рождественской улице свез около 500 пудов (более 8 тонн) книг партийной литературы¹⁹⁰. Различные оппозиционно настроенные личности зачастую пытались выйти на произвольные нижние чины и завязать с ними переписку об особенностях службы и быта в частях. Такие случаи вызывали большое подозрение у руководства сыска и требовали проведения подробной агентурной разработки¹⁹¹. Жандармы понимали необходимость восстановления военной агентуры. Начальник КРО ГУГШ В.А. Ерандаков одним из первых заинтересовался вопросом. Он хотел найти лазейки в циркуляре об отмене войсковой агентуры, с этой целью 10 января 1915 г. запросил его текст у департамента полиции¹⁹².

Но самой серьезной сложностью в работе жандармерии с началом войны стал призыв секретной агентуры на фронт. Начальник Кронштадтского ЖУ полковник В.В. Тржецяк писал 29 июля 1914 г.: «С объявлением войны и с мобилизацией флота многие из числа сотрудников и осведомителей, обслуживавших вверенный мне морской район, приняты на действительную военную службу, чем значительно ослаблена осведомленность района. Ввиду сего... испрашиваю разрешения Вашего Превосходительства в изъятие правил, изложенных в циркуляре 13 марта 1913 года за №11346, разрешить мне на время военных действий продолжать сношения с подобными лицами»¹⁹³. На данный запрос 26 августа был получен резко отрицательный ответ Джунковского¹⁹⁴, который был совершенно непоколебим в своей борьбе с секретной агентурой.

190. Там же. Л. 195об.

191. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18654. Л. 14 «в».

192. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 158.

193. Там же. Л. 147.

194. Там же. Л. 148.

Итоги первого года войны

Подводя итог первому году мировой войны (июль 1914 г. — июль 1915 г.) для жандармерии, можно сказать, что он проходил под знаком политики Джунковского. После провала в Государственной думе законопроекта о реформе полиции, а также под давлением огромного количества новых проблем, связанных с войной и волнениями внутри страны (в Баку в 1914 г., в Москве в 1915 г.), Владимир Федорович прекратил реформирование политического сыска. Если до декабря 1914 г. он во всем последовательно поддерживал армейское руководство (отмена военной агентуры, соглашение о разделении полномочий между ГЖУ и КРО, массовые «поставки» жандармов по первому требованию в действующую армию), то с конца 1914 г. он начал оказывать настойчивое противодействие военным в их попытках поставить жандармерию под контроль контрразведки. Одновременно он не пытался в корне решить проблему кадрового голода, до предела обострившуюся к осени 1915 г., ограничиваясь лишь полумерами, чем подорвал реальную способность жандармерии противостоять политическим врагам режима и принимать меры к предотвращению надвигающейся революции. Война вовлекла политический сыск в затяжной конфликт с армией, избежать которого было практически невозможно в силу отсутствия единой четкой системы работы и взаимодействия жандармской полиции и военной контрразведки.

Летом 1915 г. серьезно изменилась расстановка сил во властных кругах. 13 июня в итоге интриг Ставки, в лице главкома великого князя Николая Николаевича, части членов Совета министров во главе с Кривошеиным и политической оппозиции¹⁹⁵ на фоне во-

195. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984; НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. г. Е.х. 38. Лл. 37, 38, 53, 54; Курлов П. Г. Указ. соч. С. 226, 227.

енных поражений и скандального дела Мясоедова лишился своего поста военный министр Сухомлинов¹⁹⁶. Этому предшествовала длившаяся полгода кампания Гучкова, Родзянко, Поливанова и князя Андроникова по очернению персоны министра. Яркий ее пример описывает Владимир Иосифович Гурко, член Государственного совета, брат генерала Василия Гурко. По его словам, видный октябрист, один из политических лидеров русской буржуазии П. П. Рябушинский, вернувшись с фронта в Петроград, сделал сенсационный доклад о том, что «на фронте ни орудий, ни снарядов, что целые части не имеют даже ружей и вооружены лишь палками... Поскольку докладчик имел в виду своим сообщением усилить общественное негодование на правительство, то слова его дышали глубоким патриотическим чувством, и впечатление, им произведенное, было огромное»¹⁹⁷. Патриотическая истерика, основанная на голословных фантастических обвинениях, имела успех по всей стране. Речь обсуждали, а военного министра нещадно критиковали в прессе и коридорах власти.

За неделю до отставки Сухомлинову через посредство его знакомого, действительного статского советника С. С. Хрулева, было сделано недвусмысленное предложение встретиться в частной обстановке с Родзянко и заявить о намерении работать в согласии с Государственной думой. Министр ответил отказом¹⁹⁸. Свое отношение к Думе он очень емко и недвусмысленно изложил в дневнике: «Этот, с позволения сказать, парламент пристал России, как корове седло»¹⁹⁹. В итоге несговорчивого вояку заменили на старого гучковского соратника А. А. Поливанова. 5 июля

196. *Айрапетов О. Р.* Генералы... С. 72, 74; *Фуллер У.* Указ. соч. С. 227.

197. *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 658–659.

198. НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 9. Е.х. 38. Л. 53.

199. Там же. Л. 97.

1915 г. в отставку был отправлен министр внутренних дел Маклаков, замененный на князя Н. Б. Щербатова. Был отставлен министр юстиции И. Г. Щегловитов, а 15 августа 1915 г. был снят с должности Джунковский. В августе же император отправил в отставку великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего. Наконец, 4 сентября директор департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит был сменен на Р. Г. Моллова.

В целом оппозиция ликовала. Почти одновременное удаление Сухомлинова, Маклакова и Щегловитова казалось реализацией заветной мечты. На смену тактике уговоров правительства пришло неприкрытое давление. Уже в начале августа 1915 г. П. П. Рябушинский, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, Г. Е. Львов и М. В. Челноков провели ряд встреч, формально посвященных проблемам работы военно-промышленных комитетов, но реально нацеленных на формирование новой политической повестки дня. Радикальнее всех высказывался Павел Рябушинский, требовавший «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти», правда, пока не путем государственного переворота, а через выдвижение ультимативных требований царю. На квартире Рябушинского даже был составлен список желательного для октябристов состава Совета министров, который вскоре, 13 августа, был опубликован в его газете «Утро России»²⁰⁰.

200. Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997. С. 100–101.

V. Борьба за контроль над армией (осень 1915 г. — 1916 г.)

Возвращение Степана Белецкого

«**С**НАЧАЛОМ Первой мировой войны в борьбе власти и политической, прежде всего думской, оппозиции наступило временное затишье, известное как «священное единение». Революционное движение действительно временно приостановилось, так как на патриотическом подъеме первых месяцев войны оно не снискало бы популярности в народных массах. Крупные революционные ячейки были или разгромлены, или находились под контролем агентов полиции. Думцы же использовали «единение» с правительством как средство налаживания диалога и влияния на последнее. Однако ни сами оппозиционные политики, ни царские охранники не верили в его искренность и продолжительность. 2 сентября 1914 г. директор департамента полиции В.А. Брюнде-Сент-Ипполит разослал циркуляр начальникам жандармских управлений и охранных отделений, в котором указал на возможность крупных революционных выступлений по окончании войны. Именно оппозиционное общественное движение, по его мнению, играло главную руководящую роль в русском революционном движении, и от него исходила основная угроза ниспровержения государственного строя¹. Однако пока во главе спецслужб стоял симпатизиру-

1. Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского: сборник документов. М.; СПб., 2014. С. 278.

вавший думцам и искавший их расположения генерал Джунковский, разработка этого направления, тем более связей оппозиционеров с армией, не могла проводиться на должном уровне. Тем не менее снегопад отставок лета–осени 1915 г. вновь открыл эту, казавшуюся уже недоступной, перспективу.

28 сентября 1915 г. управляющий Министерством внутренних дел А. Н. Хвостов подал всеподданнейший доклад о назначении Белецкого своим заместителем — товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией². С возвращением Степана Петровича в новой обстановке появилась надежда разрешить старые проблемы — военной контрразведки, армейской агентуры и борьбы с политической оппозицией.

Донесение агента Пьера

Отставка Сухомлинова, которой так яростно добивались лидеры октябристов Гучков и Родзянко³, свершилась и открыла путь для активизации работы в армии. Еще 15 апреля 1915 г., за несколько месяцев до увольнения, министр записал в дневнике: «А. И. Гучков основательно запускает свои лапы в армию. В Ставке не могут этого не знать и никаких мер против этого не принимают, не придавая никакого очевидно значения экскурсиям Гучкова и членов Государственной думы. По-моему, это может создать очень опасное положение для существующего государственного нашего строя»⁴.

В общественных кругах циркулировали слухи об оппозиционных настроениях ряда генералов. Так, 9 ноября 1915 г. генерал-квартирмейстер Пустовойтенко сказал прикомандированному по его протекции к Ставке в качестве переводчика журналисту

2. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 249. Д. 21. Л. 53.

3. Лукомский А. С. Указ. соч. С. 279.

4. НИОР РГБ. Ф. 259. Карт. 9. Е.х. 38. Л. 43.

М. К. Лемке, что видит в начальнике штаба М. В. Алексееве диктатора. Комментируя слова Пустовойтенко, Лемке отметил в дневнике: «Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то зреет, что-то дает основание предполагать такой исход... Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удастся узнать, а часто и фамилии их не установишь. Да около Алексеева есть несколько человек, которые исполняют каждое его приказание, включительно до ареста в могилевском дворце... (имеется в виду возможный арест Николая II в здании Ставки. — В.Х.-Г.) Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли около набитого дурака и мерзавца; что у него есть что-то, связывающее его с генералом Крымовым, именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности»⁵.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант А. А. Брусилов вспоминал, что офицерский корпус был недоволен положением дел в стране и в армии: «Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии Николая Николаевича... Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну. Зная свойства Алексеева, я был убежден, что он это не выполнит»⁶.

Данные полицейской перлюстрации также давали неприятную картину: многие военные и находящиеся в армии чиновники и гражданские лица с надеждой смотрели на политическую оппозицию. Гучкову и Родзянко писали с просьбой, чтобы тыл в своем натиске на верховную власть не отставал от фронта в его

5. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920. С. 215.

6. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 231.

натиске на врага внешнего⁷. Теплые дружеские тона преобладали в 1915 г. и в переписке генерала Рузского с Родзянко⁸.

25 октября 1915 г. глава заграничной агентуры департамента полиции статский советник А. А. Красильников направил на имя директора департамента совершенно секретный доклад о революционной активности в армии. В первую очередь он основывался на данных агента Пьера, бывшего сотрудника Петербургского охранного отделения по кличке Петровский, переведенного в конце 1913 г. по распоряжению Джунковского в Париж⁹. Без сомнения, это был один из выдающихся агентов полиции. Под агентурной кличкой Пьер на самом деле скрывался выпускник Пажеского корпуса, отставной подпоручик лейб-гвардии барон Сергей Александрович фон Штакельберг. Он родился в семье генерала от инфантерии барона Александра Карловича фон Штакельберга¹⁰. Его дядьями были генералы от кавалерии Георгий Карлович и Константин Карлович фон Штакельберги, а также генералы Николай и Александр фон Каульбарсы. То есть по самому праву рождения будущий агент Пьер входил в придворные и военные верхи и был весьма осведомлен о настроениях в армии.

По окончании Русско-японской войны Сергей Александрович вышел в отставку и сблизился с депутатом Первой Государственной думы от партии трудовиков Вениамином Якубсоном. Когда депутат выступил с критикой военного начальства, он был вызван на дуэль неким поручиком А. А. Смирнским. Штакельберг официально через прессу согласился принять вызов за Якубсона¹¹. В 1910-е гг., уже будучи агентом охраны, Штакельберг сблизился с Васи-

7. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1040. Л. 2201.

8. Там же. Д. 1042. Л. 132.

9. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Л. 3.

10. Там же. Ф. III. Оп. 1. Д. 4143. Л. 4206.

11. Там же. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1448. Л. 8.

лием Егоровичем фон Деном, отставным корнетом гвардейской кавалерии, членом масонских лож и русским вице-консулом¹². Через него он получил доступ к русской революционной эмиграции во Франции и был там принят. Военно-аристократические связи помогли ему сблизиться с генерал-майором бароном Р.К. фон Майделем (революционный псевдоним Макс), бывшим гвардейским артиллеристом и одним из основателей Военного союза партии эсеров. Майдель состоял в родственной связи с руководителем Боевой организации партии эсеров Борисом Савинковым¹³. Вскоре Штакельберг оказался в самой боевой группе и даже весной пытался выманить из Франции целую группу террористов-эмигрантов под предлогом покушения на Николая II. Дружил Штакельберг и с молодым Леонидом Каннегисером. К началу мировой войны связи Пьера в среде социалистов-революционеров пополнились видными руководителями партии эсеров — В.М. Черновым, М.А. Натансоном и Е.Е. Лазаревым. Последнего Штакельберг использовал втемную для получения по эсеровским каналам документов из швейцарского военного департамента, то есть занимался параллельно и военным шпионажем¹⁴.

Проживал Пьер в Париже на улице *Gustave Courbet*, 9. Он был одним из наиболее высокооплачиваемых сотрудников: в месяц получал 1300 франков при средней зарплате секретного сотрудника в 500–700 франков и специализировался на военных кругах и партии эсеров, среди которых был известен под фамилией Бронский¹⁵. Даже В.Л. Бурцев относил Штакельберга к крупнейшим провокаторам охраны наряду с Евно Азефом, Зинаидой Жученко-Гернгросс

12. Там же. Ф. III. Оп. 1. Д. 4143. Лл. 26, 26об.

13. Там же. Ф. III. Оп. 4. Д. 119. Лл. 3, 3об.

14. Там же. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 308. Л. 3–3об.

15. *Агафонов В.К.* Парижские тайны царской охраны. М., 2004. С. 392.

и Романом Малиновским. Он был разоблачен уже после Февральской революции бывшим сотрудником Петроградской охраны И. В. Доброскоком в доверительной беседе с Бурцевым¹⁶.

Вернемся к тексту донесения. Красильников передавал сведения своего агента о наличии в России так называемого антиправительственно настроенного «Военного союза», а также его просьбу о командировании на Родину для продолжения расследования революционного следа в армии¹⁷. Сохранились два экземпляра доклада — в материалах заграничной агентуры, составленный на бланке Красильникова¹⁸, и в фонде департамента полиции в качестве приложения к докладу Красильникова. Вероятно, глава Парижской агентуры, составивший сначала отчет в МВД от своего имени, решил снять с себя ответственность за столь важную информацию и в итоге приложил записку самого Пьера, но без подписи последнего.

Автор записки утверждал, что по полученным от агентуры сведениям, «как легальные, так и нелегальные осведомительные источники сходятся в одном утверждении, что в армии наблюдается недовольство, вызванное военными неудачами, которые приписываются неспособностью правительства создать в мирное время необходимые для сильной военной организации условия... Октябристские и умеренно прогрессистские круги все время входят в тесное общение с армией, намереваясь создать в ней военно-политические организации по образцу младотурецких, которые обеспечили бы удачу военного переворота фактически передавшего власть в руки указанных монархически-прогрессивных групп без революционной борьбы с крайне левыми политическими группировками...

16. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 298, 318, 319.

17. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Лл. 8, 8об.

18. Там же. Ф. 10003. Оп. 1. Reel 398. Директору ДП для сведения.

Революционные круги считают, что использование неудовольствия и господствующего в армии критического духа может послужить непосредственно широкому демократическому перевороту, сопровождаемому созывом Учредительного собрания, созданием Особого комитета национальной обороны, взявшего бы на себя функции правительственной власти — закончившейся бы, наконец, переустройством России на началах демократически-социальной республики...

Если социал-демократы остались в стороне, то социал-революционеры, трудовики и народные социалисты объединились в сплоченную демократическую организацию... К захвату власти при помощи одновременного военно-народного восстания в России склоняются уже и социал-патриотические элементы социалистов-революционеров и потому ожидать существенных разногласий, а тем более раскола в демократическом блоке не приходится»¹⁹. Именно этим стиранием граней можно объяснить то, что информацию Пьер получал как от близкого по тактическим воззрениям к Ленину пораженца-интернационалиста Натансона²⁰, так и от оборонца Лазарева²¹.

Наиболее значимыми военными, работавшими с партией эсеров, были подполковник Александр Иванович Верховский, будущий военный министр во Временном правительстве А. Ф. Керенского и комбриг Красной армии, а также генерал-майор артиллерии Александр Николаевич Петров (предположительно речь идет о полковнике 20-й артиллерийской бригады А. Н. Петрове). Оба они еще до войны создали вокруг себя армейские революционные организации. Вот какую характеристику дал Верховскому

19. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Лл. 10–12.

20. Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 65, 66.

21. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 197.

Пьер еще в 1914 г. в записке начальнику Петроградской охраны: «Очень умный и осторожный революционер. Хотя вел крайне осторожно солдатские кружки, но на мелкую работу не пойдет и рисковать не будет»²². Петров же организовывал кружки офицеров. «Эти кружки не являлись революционными в смысле подполья, а являлись революционно-офицерскими, сохраняя офицерские традиции и т. п. условия офицерской жизни, но в то же время вели революционную пропаганду»²³.

По мнению эсеров, созданное Учредительное собрание должно было объявить полную политическую амнистию, равноправие национальностей, а после окончания войны перестроить территориальное устройство страны по федеративному принципу. Стоит отметить, что меньшевики надеялись на амнистию в связи с войной, мечтая вернуть в Россию из Парижа газету «Призыв» (издавалась с октября 1915 г. по март 1917 г.). От меньшевиков координировал работу с военными издатель Николай Иванович Иорданский, планировавший создать на Родине офицерскую революционную организацию «Призыв».

Агент Пьер полагал, что умеренным прогрессистам и Гучкову не удастся договориться с «демократическим блоком», численность которого на май 1914 г. автор оценивал не менее чем в 80 штаб- и обер-офицеров, а к осени 1915 г. — значительно больше²⁴. По данным агента Пьера, центр «демократического блока» располагался в Петрограде. Ему были известны лишь некоторые участники собраний блока: от умеренных социалистов-революционеров присяжный поверенный С. П. Елисеев, Эраст Серебряков, двое представителей левых эсеров, в том числе народник М. П. Сажин, трудовик А. Ф. Керенский и народные социалисты В. А. Мякотин и А. В. Пеше-

22. ГА РФ. Ф. 111. Оп. 4. Д. 119. Л. 1.

23. Там же. Л. 106.

24. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Л. 12.

хонов. Собрания проходили как в редакции журнала «Русские записки», так и на квартире А. Е. Мякотиной на Матвеевской улице, д. 11²⁵.

В докладе отмечается, что ни разу с 1905 г. не было столь благоприятного момента для осуществления целей левых, как в годы Первой мировой войны. Агент Пьер объясняет это следующими причинами: 1) тактическим объединением трудовиков, народных социалистов и эсеров по вопросу о революционизации армии, достигнутым в июле 1915 г. в Петрограде, 2) определенностью целей и планов революционеров, диктуемых не лозунгами, а обстоятельствами войны и ростом антиправительственных настроений в широких массах, 3) неформальным соглашением с национальными революционными партиями и группами, достигнутым 14–17 февраля 1915 г. во время конференции социалистов стран Антанты в Лондоне, 4) демократизацией армии, ослаблением кадрового офицерства, массовым занятием офицерских постов представителями интеллигентных профессий, революционно настроенной частью студенчества²⁶.

Конечный вывод доклада состоял в том, что «попытка демократически-революционного блока к подчинению армии своему влиянию в целях революционного использования не остается [ни] праздною, ни бесплодною»²⁷. Приведенные сведения имели огромное значение. Речь шла, по сути, о разветвленном заговоре, точнее, минимум о двух антиправительственных группировках внутри армии: октябристско-прогрессистской и революционно-демократической. 12 ноября 1915 г. Белецкий дал добро на приезд Пьера в Россию, поручив кураторство над ним вице-директору департамента полиции коллежскому советнику И. К. Смирнову²⁸.

25. Там же. Лл. 8об., 12об.

26. Там же. Лл. 13об., 14.

27. Там же.

28. Там же. Л. 15.

Для Белецкого стала совершенно очевидной необходимость выяснить ситуацию в армии, но этому мешали два фактора: во-первых, сыск в армии находился в руках военной контрразведки, подчинявшейся непосредственно воинскому начальству, то есть все расследования немедленно могли стать известны штабам армий, фронтов и военных округов; во-вторых, секретная полицейская агентура в воинских частях была распущена и запрещена.

Несостоявшаяся реформа контрразведок

Свое «наступление» на военных Белецкий решил начать с контрразведки, получив контроль над которой, он мог бы совершенно свободно расследовать имевшуюся информацию об офицерском заговоре под предлогом военного шпионажа. В связи с данной реформой Белецкий утверждал, что «шпионство не только имеет тесную связь с политическим движением в России, но можно с известной достоверностью сказать, что оно даже питает таковое движение»²⁹.

Однако для пересмотра «Наставления о контрразведке в военное время» необходимо было найти предлог, который не вызвал бы излишних подозрений у военных. Таких предлогов было два. Во-первых, еще летом 1915 г., в бытность свою главнокомандующим, великий князь Николай Николаевич, не удовлетворенный половинчатым и компромиссным решением вопроса о КРО, просил прокурора Одесской судебной палаты Р. Г. Моллова заняться разработкой более подробного и продуманного закона о контрразведке³⁰. Вскоре Моллов стал директором департамента полиции и даже начал действовать в данном направлении. Одной из возможных причин могло быть

29. Лемке М. К. Указ. соч. С. 735.

30. Из истории русской контрразведки. М., 1946. С. 198.

желание Николая Николаевича остановить нарастающий вал шпионской истерии в работе контрразведок. 9 июля 1915 г. он подписал приказ № 524, в котором отмечал опасность «необоснованных слухов об обнаруженном предательстве»³¹.

Второй предлог состоял в том, что за день до назначения Белецкого, 27 сентября морской министр И. К. Григорович просил министра внутренних дел Хвостова дать отзыв на составленный при Морском генеральном штабе проект положения о контрразведке, выделявшем морскую контрразведку из общевойсковой³². Через несколько дней после своего назначения Степан Петрович немедленно поручил Русчу Моллову завершить и представить ему записку о мерах борьбы со шпионством, что и было сделано 17 октября 1915 г.³³

За образец организации контрразведки Русчу Георгиевич взял австро-венгерскую, где к ее ведению, кроме армии, было привлечено немало гражданских структур. Далее разгромной критике была подвергнута система КРО. При организации русского контршпионажа Моллов выделил 5 системных ошибок Военного министерства и Генерального штаба.

Раздвоение разведывательной и контрразведывательной служб. Офицер-генштабист во главе РО и жандарм во главе КРО были совершенно самостоятельными, имели каждый свою особую агентуру и не знали о действиях друг друга. При пересечении расследований они вступали в длительную переписку, упуская удобный момент для оперативных мероприятий³⁴.

Отсутствие легального статуса КРО. Военное министерство засекретило их существование. Начальникам КРО, жандармским офицерам приказано было

31. Айрапетов О.Р., У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. [Рецензия]//Русский сборник. Т. IX. М., 2010. С. 333.

32. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 356. Лл. 1, 106.

33. Там же. Л. 3.

34. Там же. Л. 100б.

носить не синюю, а штабную адъютантскую форму, в то же время запросы писать следовало не на бланке КРО, а на жандармском бланке, что вносило путаницу в работу³⁵. КРО конспирировали не только секретную агентуру, но и свое существование, так что рассчитывать на содействие правительственных учреждений, а тем более общества, они не могли. Моллов писал: «Конспирация приводит к такому странному положению, что за границей не только все власти, но и общество знают об учреждении бюро, а в России о нем осведомлены из губернских должностных лиц только жандармские чины, некоторые лица прокуратуры и несколько полицейских чиновников, население же и общество никакого понятия об их существовании и деятельности не имеет»³⁶.

Кадровый голод. Если ГЖУ не хватало сотрудников для борьбы со шпионажем, то гораздо более скромному по штату КРО такая масштабная деятельность оказалась совершенно не под силу³⁷. Например, в КРО Одесского военного округа состояли начальник, его помощник, чиновник для поручений, несколько писцов и около 10 филёров. При этом в зону ответственности КРО входили Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии и вся Область Войска Донского. Такого штата было недостаточно даже для одной Одессы. Начальник КРО был вынужден прибегать к помощи жандармских властей. Огромные расстояния, плохая связь, необходимость согласовывать каждый шаг с многочисленным начальством делали работу невероятно медленной.

Низкое качество и малочисленность агентуры приводили к ошибочным выводам следствия, а также провалам. «Не видя по целым месяцам агентуры и не имея возможности руководить ею, начальник бюро находится в полной от нее зависимости, дол-

35. Там же. Л. 11.

36. Там же. Лл. 12–12об.

37. Там же. Л. 11об.

жен принимать на веру ее сообщения, не может получить личного впечатления о качестве сообщаемых донесением сведений и потому никогда не может быть гарантирован от злонамеренных проступков своего агента, который может вести двойную [игру]»³⁸.

И наконец, самая важная ошибка заключалась в *подчинении КРО военным властям*. «Отделения находятся в полном подчинении и под непосредственным руководством окружных штабов, которые едва ли можно признать учреждениями достаточно осведомленными в деле розыска... К жандармским чинам военная среда вообще относится недружелюбно, и потому, когда в окружных штабах появились жандармские офицеры, то встречены они были холодно, их терпят по необходимости»³⁹.

Моллов сделал два основополагающих вывода о дальнейшем направлении работы по контршпионажу, получивших полное одобрение Белецкого.

Необходимо придать контрразведке значимость и масштаб общеимперской задачи: «Дело борьбы с иностранным шпионажем должно быть популярным, национально-патриотическим, широко охватывающим все население, все слои общества, все правительственные учреждения, независимо от того, к какому они принадлежат ведомству»⁴⁰. Фактически предлагалось начать «охоту на шпионов» в масштабах всей страны. Белецкий выделил эти слова в тексте доклада и поставил одобрительный знак на полях.

Следовало вывести КРО из подчинения армейского начальства и перевести их в подчинение ГЖУ, то есть опосредованно — департамента полиции МВД, «при каковом условии дело военного розыска сразу перейдет в руки компетентных лиц, положение отделений легализуется естественным путем и начальник его получит столь необходимую исполнительную

38. Там же. Л. 14.

39. Там же. Лл. 12об.-13.

40. Там же.

власть, а чины корпуса жандармов, отстранившиеся теперь от контршпионажа, должны будут вновь взять на себя эти важные в государственном отношении обязанности и дело от этого только выиграет, потому что каждое жандармское управление имеет в разных местах губернии офицерские и унтер-офицерские наблюдательные пункты, которые тоже могут быть привлечены распоряжением своего начальства к службе по контршпионажу»⁴¹.

Дополнительным аргументом ко второму выводу было то, что в сложившихся условиях практически невозможно было произвести своевременные оперативно-розыскные мероприятия (ликвидации, аресты и т.п.), так как сначала КРО должны получить для этого согласие штаба округа, а потом обратиться к ГЖУ с просьбой о ликвидации. ГЖУ должно было запросить по каждому случаю подробную мотивировку предпринимаемой ликвидации, что привело бы к затягиванию дела и упущению удобного момента. По мысли Моллова, если бы контрразведка была передана в ГЖУ, то ведущий ее офицер получил бы возможность и право руководить ликвидацией, присутствовать при обысках, разработке вещественных доказательств, допросах и проч. Агентура была бы известна начальнику управления, а потому основания следственных действий ему были бы ясны, и никаких разногласий и проволочек не могло возникнуть⁴².

В проекте преобразований автор выдвинул конкретные предложения⁴³. Мероприятия по реорганизации учреждений, осуществляющих военные разведку и контршпионаж, должны были состоять в следующем: объединить КРО и РО в самостоятельные структуры, поставив во главе не генштабистов, а профессионалов розыска (неважно, военных или

41. Там же. Л. 13

42. Там же. Л. 13об.

43. Там же. Лл. 15–20.

гражданских) — офицеров жандармерии и чинов ДП МВД. В случае если во главе объединенных органов решено будет оставить генштабистов, снять с них все неразведывательные обязанности и набрать квалифицированных в деле розыска помощников из полиции и жандармерии. Значительно увеличить штат объединенного разведывательно-контрразведывательного отделения. Полностью легализовать КРО, передав право производства следственных и оперативно-розыскных действий по статье о государственных преступлениях под контроль прокурорского надзора. Если РО и КРО будет невозможно объединить, то РО оставить за армией, а КРО передать в состав ГЖУ и изъять из подчинения окружных штабов.

В случае если руководство Военного министерства и ГУГШ откажут в этом, Моллов считал возможным ограничиться тем, чтобы легализовать КРО и дать им следственные и дознавательные права ГЖУ и полиции, увеличить штат и во всех важных пунктах военного округа образовать филиальные отделения КРО с особой командой филёров и правом ведения агентуры на месте. Для предоставления большей свободы действий предполагалось наделить классные чины КРО правом выемки корреспонденции без санкции судебных органов и освободить начальников КРО от необходимости испрашивать разрешение на следственные действия у штаба округа. Штабы и управления генерал-квартирмейстеров должны были упростить до минимума письменные сношения с КРО и РО, вступать в личное общение с начальником отделения лишь в интересах осведомленности и контроля за его деятельностью.

С учетом низкого качества наемных сотрудников агентуры Моллов считал крайне важным избавиться от случайных людей в контрразведке, предоставив всем канцелярским чиновникам и филёрам отделений право перейти на государственную службу. Доверять обслуживанию важных интересов империи вольнонаемным людям, не приносящим присяги

и не заинтересованным в преимуществах правительственной службы, Моллов посчитал рискованным.

В рамках проекта реформы были разработаны меры по объединению деятельности контрразведки с другими правительственными учреждениями. Директор департамента полиции хотел обязать жандармские власти не только всемерно оказывать содействие КРО, но и самостоятельно вербовать секретных сотрудников по шпионажу и контршпионажу, осуществлять надзор и вести наружное наблюдение в тех местностях, где нет чинов КРО. Жандармы и контрразведчики должны были посвящать друг друга в существо получаемых агентурных данных и в результаты разработки наружным наблюдением с тем, чтобы ликвидации производились по взаимному соглашению, при этом избегая провала агентуры. В частности, жандармским властям в случае производства ими не терпящих отлагательств арестов рекомендовалось тотчас же сообщать по телеграфу о принятых мерах начальникам КРО, чтобы они могли немедленно ликвидировать все связи арестованного, не дав возможности другим подозреваемым скрыться или уничтожить улики.

Для разрешения наболевшей проблемы служебной субординации департамент полиции предлагал сделать начальника КРО помощником начальника местного ГЖУ, а во главе филиальных отделений поставить жандармских офицеров из управления той губернии, в районе которой находится филиал. Для придания борьбе со шпионажем уровня общегосударственной межведомственной задачи все чины сыскной, уездной и сельской полиции, военного, морского и таможенного ведомств, пограничной, корчемной, лесной и полицейской стражи, рыболовного надзора, почтово-телеграфного ведомства должны были не только оказывать содействие в деятельности КРО, но и по собственной инициативе принимать меры к обнаружению иностранных шпионов. Это напоминало уже «охоту на ведьм», которая могла закончиться неконтролируемым ростом шпионских дел.

Особое место (и, наверное, это было оправдано розыскной практикой) уделялось почтовому ведомству. Его сотрудники должны были немедленно докладывать своему начальству для передачи заведующим КРО обо всех подозрительных почтовых операциях, в особенности исходящих от иностранцев, а также обо всех странных по своему содержанию телеграммах. Почтовое ведомство должно было принять особые меры предосторожности при хранении секретной переписки военного характера, тщательно проверять всех чиновников, удаляя сомнительных в нравственном отношении. Банковские учреждения по требованию начальника КРО должны были выдавать справки по переводным операциям.

Не забыл Моллов и про сотрудников дипломатического корпуса, которым вменялось в обязанность оказывать содействие русским розыскным органам за границей и беспрекословно принимать от агентов донесения для отправки в Россию со своими курьерами. Он хотел усилить сотрудничество дипломатического корпуса с армией и полицией.

Проект реформы интересен своей подробностью, продуманностью каждой детали. Департамент полиции хотел регулировать все самые незначительные вопросы путем издания обширной инструкции по борьбе с иностранным шпионажем, доведя ее до сведения всех ведомств.

В связи с некомпетентностью большинства армейских чинов в секретном сыске, нехватку кадров профессиональных контрразведчиков можно было компенсировать повышением общего уровня осведомленности военных в технологиях борьбы со шпионажем. Для этого начальники РО и КРО должны были лично объехать все части войск, собрать офицеров и прочитать им подробные лекции об иностранной разведке, объяснив, кто занимается шпионажем и какие технические приемы использует. В выпускных классах военно-учебных заведений округа кадетам и юнкерам должны были быть прочитаны подробные

лекции о шпионаже и борьбе с ним. О том, что такое иностранный шпионаж, чем интересуются разведчики и как за ними следить, необходимо было разъяснять и солдатам на занятиях в учебных командах.

Офицеров хотели обязать следить за надежным хранением мобилизационных документов, карт, планов, шифров и печатей. Секретная переписка должна была вестись собственноручно начальниками или их адъютантами и храниться в кабинетах в особых опечатанных шкафах. Писарей предполагалось лишить допуска к секретным бумагам, что было вполне разумно, так как именно низкооплачиваемые наемные писари очень часто вербовались иностранными шпионами и имели доступ почти ко всей документации. В штабах секретные бумаги должны были печататься, размножаться и конвертироваться офицерами, а в военных типографиях штабов — в присутствии офицеров. Вся секретная переписка должна была перевозиться полевыми жандармами в матерчатых конвертах, тщательно запечатанных металлическими кнопками и сургучными печатями. Такой способ конвертирования, в отличие от традиционного бумажного варианта, не давал возможности вскрыть пакет и запечатать обратно, не оставив следов физического вмешательства. Если бумагу можно было отпарить вместе с сургучной печатью и потом бесследно заклеить обратно, то такой конверт пришлось бы разрезать.

Наконец, самый важный пункт проекта реформы. Посредством подчиненных жандармерии контрразведчиков департамент полиции хотел *установить контроль над офицерством*. Пока формально — в интересах борьбы со шпионажем, хотя фактически проведение в жизнь этой меры поставило бы военных и под полный политический контроль. Моллов рекомендовал чинам КРО завести внутреннюю агентуру в частях войск округа, в особенности в штабах, и собрать самые точные сведения о нравственных качествах, образе жизни и знакомствах всех лиц, имеющих отношение к секретной переписке. В частности, он пред-

лагал чинам контрразведки вести особое наблюдение за теми офицерами, которые ведут крупную карточную игру, имеют долги или проводят время в обществе иностранцев и иностранок, в частности артисток. Допуск в распоряжение частей любых посторонних лиц (в том числе представителей различных благотворительных и общественных организаций) требовалось ограничить, да и самим офицерам запрещалось вести разговоры о службе с посторонними. Департамент хотел увеличить число полевых жандармов при штабах округов и возложить на них в зимнее время несение караульной службы в учреждениях штабов, а в летнее — исполнение полицейских обязанностей в лагерях и во время маневров. Это фактически гласное наружное наблюдение за всеми перемещающимися по воинской части лицами.

По сути, Моллов предлагал отнять у высшего военного командования контроль над контрразведкой, а по возможности и военной разведкой, предоставить практически неограниченные полномочия подконтрольным жандармскому начальству КРО и полевым жандармам, поставить все неслужебные контакты офицерского корпуса под ежедневное наблюдение сыска. Он хотел создать жестко централизованную спецслужбу, которая объединяла бы все три отрасли государственной безопасности и имела возможность отдавать распоряжения иным ведомствам. Руководя контршпионской деятельностью, она подспудно контролировала бы всю секретную переписку военных и собирала справки о нравственных качествах (компромат) на весь личный офицерский состав. Моллов отдавал себе отчет в том, что руководство армии может не согласиться на такое радикальное преобразование, заложив в проект возможность торга с генералами.

В целом предложения соответствовали идеям Белецкого, однако нуждались в серьезной доработке. Нельзя сказать, чтобы все чины ОКЖ разделяли мнение Моллова. Например, начальник Петроградского

охранного отделения генерал К. И. Глобачев, наоборот, предлагал координировать военную контрразведку с разведкой Генерального штаба, не вовлекая в данную сферу политической сыск⁴⁴. Судя по пометкам Белецкого на полях доклада Моллова, он принял сторону последнего. Однако вышеприведенный проект нельзя было подать в Военное министерство и Ставку без должного повода. Был найден уже много раз обсуждавшийся предлог: военная контрразведка арестовывает и высылает большое количество невиновных людей.

11 ноября 1915 г. Белецкий направил секретное письмо № 104076 на имя начальника штаба, Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексева. Констатируя, что в Енисейской губернии скопилось более 4000 высланных из прифронтовой зоны, Степан Петрович отмечал, что в их числе попадают лица, деятельность коих, являясь нетерпимой в районе военных действий, не требовала применения к ним столь суровой меры, как высылка в Сибирь⁴⁵. Он предлагал во всех случаях высылки людей передавать предполагаемых к депортации гражданским властям и одновременно сообщать ДП МВД сведения, на основании которых было принято данное решение. «Сведения эти будут рассматриваться в спешном порядке Особым совещанием, образованным согласно ст. 34 Положения о государственной охране, причем лица, заподозренные в шпионстве и вообще в проступках более серьезного характера, будут высылаться совещанием в сибирские губернии под гласный надзор полиции на срок до пяти лет, а остальные будут водворяться под надзор же полиции на определенный срок в избранном ими месте жительства»⁴⁶.

Хитрость хода Белецкого состояла в том, что КРО высылали людей, как правило, без каких-либо серъ-

44. Там же. Лл. 28–28об.

45. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Л. 7.

46. Там же. Л. 8

езных оснований, по навету или неподтвержденному подозрению. Таким образом, предоставление всех данных на заподозренных в шпионстве руководству политического сыска дало бы массовый компромат на фронтовые контрразведки и основания для пересмотра всей организации контрразведывательной службы.

Одновременно 13 ноября по требованию Моллова генерал-квартирмейстер ГУГШ Леонтьев направил ему экземпляр одобренного Верховным главнокомандующим 6 июня 1915 г. «Наставления по контрразведке в военное время» и Положения о КРО⁴⁷. А уже 18 ноября в здании ДП МВД было созвано совещание по реформе контрразведки. В нем приняли участие: бывший начальник Варшавского ГЖУ А. П. Бельский, начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, видный жандармский контрразведчик В. А. Ерандаков, директор департамента Р. Г. Моллов, член Совета министра внутренних дел С. Е. Виссарионов, вице-директор И. К. Смирнов и генерал для поручений при министре внутренних дел П. К. Попов⁴⁸. Состав участников имел принципиальное значение, он говорил о направлении этой работы в законное русло. Именно Бельский и Ерандаков были одними из главных оппонентов армейского начальства в вопросе о шпиономании, обоих их отстранили от ведения контрразведывательной работы из-за низкой раскрываемости и нежелания массово фабриковать дела.

Вскоре 24 ноября в газете «Новое время» вышла заметка «Новое делопроизводство», в которой подавалась не соответствовавшая действительности информация о том, что якобы в департаменте полиции было образовано особое делопроизводство по борьбе с немецким засильем и по делам, связанным с войной⁴⁹. Смысл статьи состоял в том, чтобы атаковать

47. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 356. Л. 30.

48. Там же. Л. 109.

49. Новое время. № 14264. 1915. 24 ноября.

министра внутренних дел Хвостова, поставившего одним из основных направлений своей политики борьбу с немецким засильем. Возможно, ее автор был в курсе внутренней работы в ДП МВД. Есть косвенные данные, что контрразведка Северного фронта под руководством Батюшина и с ведома Бонч-Бруевича перехватывала телеграммы и прочие сообщения, которые вели местные жандармские управления,⁵⁰ — не исключено, что они смогли перехватить и информацию о подготовке преобразования контрразведки. На то, что авторство статьи принадлежало сотрудникам батюшинской контрразведки, указывал тот факт, что в ноябре 1915 г. «Новое время» находилось под влиянием контрразведки Северного фронта и некоторые журналисты издания были ее штатными сотрудниками⁵¹.

На следующий день, 25 ноября 1915 г., главнокомандующий армиями Северного фронта Н. В. Рузский направил А. Н. Хвостову официальное письмо, довольно резкое по тональности. Используя текст статьи в качестве повода, генерал писал: «Независимо от сего до меня дошли слухи, будто бы Министерство внутренних дел и, в частности, департамент полиции, озабочиваясь «несовершенством постановки контрразведывательного дела в армии», намерено развить и дополнить правила, коими оно должно руководствоваться, для чего якобы было созвано особое совещание, вытребовавшее у Главного управления Генерального штаба «Наставление по контрразведке в военное время» и ныне его перерабатывающее. Если эти слухи основательны и если возникновение нового делопроизводства представляет собою их осуществление, прошу Ваше Превосходительство не отказать уведомить меня в возможно непродолжительном времени, насколько это соответствует действительности, в каких именно целях учреждено делопроизводство

50. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 171.

51. Там же. Оп. 316–1915. Д. 356. Л. 100б.; Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 376.

и в какое отношение предположено поставить его деятельность к контрразведке штабов армий и фронта»⁵². В тот же день Рузский направил копию этого письма председателю Совета министров Горемыкину, с просьбой дать оценку действиям Белецкого⁵³.

Однако 30 ноября начальник штаба главковерха Алексеев препроводил генералу Рузскому письмо Белецкого, прибавив, что «с своей стороны вполне разделяю соображения, изложенные в означенном письме»⁵⁴. Сложилась непростая ситуация: Алексеев пошел на поводу у Белецкого, не зная о масштабности его планов; Рузский не мог доложить этих планов официально, так как ему пришлось бы осветить свои источники информации, которые могли не понравиться Михаилу Васильевичу. В течение недели после получения письма Рузский тянул с ответом — вероятно, он не был уверен в том, что Алексеев его поддержит против МВД. Однако это ожидание было не случайным. Во второй половине ноября, после того как до штаба Северного фронта дошла информация об инициативах Белецкого, в Петроград для выяснения ситуации выехал Батюшин. Вероятно, его ответа ожидал командующий Северным фронтом.

7 декабря 1915 г. Батюшин отправил Рузскому телеграмму. Обращение на «ты» и стилистика документа говорит о высокой степени доверительности, дружеском характере отношений между отправителем и адресатом. Батюшин здраво отметил хитрость руководства МВД, заключающуюся в том, что Алексеев счел предложение Белецкого «облегчающим дело» в силу того, что значительно выросла «за последнее время масса жалоб на несправедливые и неосновательные высылки, доходящие до высших сфер»⁵⁵. Контрразведчик рекомендовал частично принять предложение

52. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Лл. 4–4об.

53. Там же. Л. 5.

54. Там же. Л. 6.

55. Там же. Лл. 19–20.

Белецкого: «Признать желательным распределять высланных по усмотрению совещания, но не признать возможным выдавать им (политическому сыску. — В.Х-Г.) всех сведений о высланных, так как эта часть связана со сведениями оперативного характера»⁵⁶.

Батюшин отметил, что генерал-квартирмейстеру неизвестно письмо Алексеева и что, «несомненно, вопрос по письму Белецкого будет окончательно разрешаться по управлению генерал-квартирмейстера, и тогда все это будет весьма полезно»⁵⁷. Речь шла о генерале Леонтьеве, генерал-квартирмейстере ГУГШ и яром противнике вмешательства политического сыска в военные дела.

В тот же день, 7 декабря, Рузский выразил Алексееву свое полное несогласие с предложением Белецкого⁵⁸. В качестве аргументов он отметил, что директор ДП МВД смотрит на высылку, как на карательную меру, между тем как армейское начальство видит в ней профилактическую — отнять у высланного возможность вредить интересам армии⁵⁹. Рассуждая о возможности передачи жандармам контрразведки, Рузский отмечал их якобы непрофессионализм в данной сфере: «Считаю долгом ответить, что чины жандармской и общей полиции не могут никоим образом успешно исполнить порученных им обязанностей по контрразведке за недостатком специальных знаний и навыка; доказательством служит то обстоятельство, что контрразведка фронта в своей работе наталкивалась неоднократно на непринятие никаких мер против заподозренных в шпионстве начальниками жандармских управлений, когда у них имелись достаточные сведения (дела Бредриха, барона Радена, барона фон Мирбаха, Нилендера, Расмана, Грегуса, Фрейната, барона Остен-Сакена, барона Розена и других, высланных

56. Там же.

57. Там же. Лл. 19, 23.

58. Там же. Л. 9.

59. Там же.

в последнее время из Прибалтийского края)... Только со времени формирования контрразведывательного отделения при штабе моего фронта производится очистка от вредных элементов»⁶⁰.

По поводу последнего тезиса Рузского отметим, что за две недели до этого Лифляндское ГЖУ в официальной переписке с РО и штабом Северного фронта уличило батюшинскую контрразведку в использовании провокационных методов, фальсификации данных и провалах в ведении дознания⁶¹. Фрейнат проходил по делу Мясоедова и был ложно заподозрен военной контрразведкой в шпионаже. О ситуации с высылкой немцев из Прибалтики замечательные воспоминания оставил генерал-губернатор Курлов: «Генерал Батюшин. Его деятельность являлась формой белого террора, так как им подвергались аресту самые разнообразные личности, до директоров банков включительно... В Риге я получил телеграмму за подписью Бонч-Бруевича, в то время полковника и начальника штаба 6-й армии, выслать по приказанию главнокомандующего губернского предводителя дворянства острова Эзель барона Буксгевдена и шесть человек местных помещиков, в числе которых был и член Государственного совета по назначению Экеспаре. Считая такую меру совершенно невозможной, тем более что в моем распоряжении не было решительно никаких сведений о вредной деятельности названных выше лиц, я запросил полковника Бонч-Бруевича о причинах высылки и получил ответ, что это составляет секрет контрразведывательного отделения»⁶².

На следующий день, 8 декабря, Хвостов написал ответ Рузскому на его письмо от 25 ноября. В письме он развел увязанные Рузским вопросы о борьбе с немецким засильем (Хвостов подтвердил и подроб-

60. Там же. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Л. 100б.

61. Там же. Лл. 110–117об.

62. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 216–217.

но описал свою деятельность в этом направлении) и о реформировании контрразведки. Здесь Рузский не смог противопоставить ничего его аргументации. Министр напомнил и личное поручение бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича Русчу Моллову, и обращение морского министра с просьбой о формировании морской контрразведки, и комиссию Трусевича 1908 г., а также отметил, что начальник Генштаба генерал от инфантерии Беляев и военный министр Поливанов выразили намерение созвать Особое совещание из представителей военного ведомства и МВД о реформе контрразведки⁶³. Последнее было результатом формального обращения к ним Белецкого по поручению самого Хвостова⁶⁴.

В тот же день, получив ответ от Хвостова, Рузский немедленно написал Беляеву и Поливанову письма практически одинакового содержания. Он апеллировал к тому, что контрразведка — структура молодая, функционирует недолго, недостатки в ее работе имеются, но ее следует реформировать только по окончании войны. Просил обоих поддержать его точку зрения, в случае если совещание будет иметь место⁶⁵.

17 декабря Белецкий доложил в личной беседе Алексееву предложения Моллова и получил ряд замечаний на доработку. Особый акцент Степан Петрович делал на том, что «настроение в стране очень беспокойное, революционное»⁶⁶. Это было, вероятно, одним из аргументов для передачи контрразведки в руки политического сыска. Учитывая, что Алексеев крайне негативно относился лично к Бонч-Бруевичу⁶⁷, руководство полиции могло рассчитывать, что

63. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Лл. 120б.-13.

64. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 42.

65. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Лл. 15–18.

66. *Лемке М. К.* Указ. соч. С. 296, 734.

67. Архив-музей ДРЗ им. А. Солженицына Ф. 1. Оп. 1. Д. А-74. Л. 218.

это отношение он перенесет и на инициативы Бруевича по контрразведывательному вопросу. К концу декабря 1915 г. определил свою позицию и Горемыкин, в письме к командующему войсками Московского военного округа П. А. Плеве поддержавший позицию Хвостова⁶⁸.

В надежде на успех в январе 1916 г. в недрах департамента полиции по распоряжению С. П. Белецкого был подготовлен альбом лиц, уличенных и заподозренных в шпионстве, составленный не только на основе сведений жандармских управлений, но во многом на фотографических и текстовых материалах, предоставленных фронтовыми контрразведками⁶⁹. Однако дальше создания единой фотокартотеки дело слияния жандармских и контрразведывательных структур не зашло.

Борьба за возвращение агентуры в армии

Параллельно с попыткой получить контроль над контрразведкой, Белецкий начал борьбу за восстановление секретной агентуры в войсках, распушенной Джунковским. Инициатива в данном направлении шла от самих военных. Как и в случае с контрразведкой, процесс был начат руководством Военно-морского флота. На судах Балтийского флота произошли сначала незначительные волнения команд. Крупные волнения случились на линкоре «Гангут». Матрос гвардейского экипажа Петров призывал команду к расправе над начальником штаба командующего флотом Балтийского моря вице-адмиралом Л. Б. Кербером. На крейсере «Рюрик» команда, вызванная для конвоирования арестованных бунтовщиков с «Гангута», хотела силой воспрепятствовать караулу до-

68. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Л. 24.

69. Там же. Ф. 2126. Оп. 7. Д. 95. Л. 16.

ставить матросов в распоряжение военных властей. По данным руководства Балтийского флота, брожение наблюдалось на всех судах, особенно сильное — на линейных кораблях «Павел I» и «Андрей Первозванный»⁷⁰.

В сложившейся ситуации 26 октября 1915 г. новым начальником штаба флота контр-адмиралом Н. М. Григоровым был вызван помощник начальника Кронштадтского ЖУ подполковник В. В. Владимиров. Встреча состоялась 30 октября на линейном корабле «Севастополь». Отмечая строгость офицеров и наличие у многих из них немецких фамилий, Григоров отрицал, что волнения связаны с плохими условиями содержания. Он требовал от Владимирова разобраться в ситуации и навести порядок, прямо заявив, «что если бы для этого потребовалось восстановление практиковавшегося ранее, при адмирале Эссене, способа освещения настроений судовых команд при посредстве осведомителей из числа матросов, то на таковой способ, как единственно могущий вполне раскрыть все то, что творится на кораблях, штаб командующего флотом пойдет с полной готовностью»⁷¹.

Владимиров был вынужден пояснить Григорову, что агентура отменена циркуляром Джунковского и для ее восстановления необходимо соглашение между Морским министерством и МВД. Начальник штаба обещал доложить ситуацию командующему флотом и возбудить ходатайство⁷². Однако начальник Кронштадтского ЖУ полковник В. В. Тржецяк в докладе на имя директора департамента полиции от 2 ноября 1915 г. выступил против восстановления агентуры, несмотря на то, что она могла бы решить проблемы с волнениями на флоте. Полковник апеллировал к тому, что с ее возрождением обострятся

70. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 165об.

71. Там же.

72. Там же. Лл. 166, 166об.

отношения жандармерии и военных и, как и раньше, на ЖУ начнет поступать масса нареканий⁷³. С другой стороны, такая реакция Тржецяка была связана с тем, что он опасался конфликтовать не с флотом, а с Северным фронтом. Сфера деятельности морского района, где работало Кронштадтское ЖУ, кроме портов Финляндии включала в себя и всю Прибалтику, в которой пересекалась с деятельностью батюшинской контрразведки. Без согласия штаба Северного фронта ввести изменения было невозможно. 2 декабря Белецкий потребовал от Тржецяка «установить строжайшее наблюдение за общением матросов с населением береговой линии»⁷⁴.

Однако подполковник Владимиров почувствовал, что руководство политического сыска ждало с нетерпением инициативы, подобной той, которую проявил Григоров, и составил «Доклад о реорганизации розыска на Балтийском флоте». Автор документа пришел к выводу о необходимости организовать внутреннее и внешнее наблюдение на флоте по соглашению между ДП МВД, штабом Северного фронта, штабом командующего флотом Балтийского моря и Главным Морским штабом. Он предлагал передавать все сведения о настроениях на флоте, полученные как ЖУ, так и местными КРО, в департамент полиции для дальнейшей проработки и принятия решений. Организацию секретной агентуры Владимиров хотел поручить лицу, пользующемуся доверием как со стороны департамента, так и со стороны штабов фронта и флота, вероятно подразумевая под таким человеком себя⁷⁵.

Контрразведка Северного фронта очень внимательно отслеживала действия жандармерии. На следующий день после конфиденциального разговора с Григоровым Владимиров был вызван в штаб фрон-

73. Там же. Лл. 164, 164об.

74. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 323.

75. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316—1913. Д. 210. Лл. 168об., 169.

та. Беседа произошла 7 ноября. Бонч-Бруевич и Батюшин расспрашивали его о сути разговора с начальником штаба флота, а также о положении с революционной агитацией на флоте⁷⁶. Бонч-Бруевич согласился в целом с выводами Владимирова о причинах и масштабе брожения на флоте, однако наотрез отказался поднимать вопрос об отмене циркуляра 1913 г. и восстановлении жандармской агентуры⁷⁷. Получив рапорт об этом разговоре, Тржецяк немедленно направил его копии Моллову и Белецкому. Руководство сыска решило дождаться официального мнения командования флота, заручиться поддержкой адмиралов.

Командующий флотом Балтийского моря адмирал В. А. Канин обратился 5 декабря 1915 г. с секретным письмом на имя Белецкого. Адмирал писал: «Ввиду беспорядков, недавно имевших место в командах некоторых судов вверенного мне флота, мною было назначено следствие для выяснения виновных и обстоятельств, сопровождавших эти беспорядки. Из рассмотрения представленного мне следственного дела я убедился, что путем официального расследования крайне трудно установить действительных виновников беспорядков и совершенно нельзя определить, явились ли эти беспокойства результатом деятельности тайных береговых, может быть германских, организаций, есть ли такие организации в Гельсингфорсе и Ревеле или же пропаганда шла в самих командах. Для более полного освещения дела я полагаю необходимым установить временно негласный надзор за командой, поручив это жандармскому офицеру, имеющему в этом отношении известный опыт, каким является ротмистр Владимиров»⁷⁸.

8 декабря Белецкий поручил вновь назначенному командиру корпуса жандармов графу Татищеву вы-

76. Там же. Л. 171.

77. Там же. Л. 172об.

78. Там же. Лл. 180–180об.

полнить прошение Канина⁷⁹. По поручению Белецкого «политический» вице-директор департамента И. К. Смирнов разработал письмо на имя начальника Генштаба М. А. Беляева о пересмотре циркуляра Джунковского от 13 марта 1913 г.⁸⁰

Спустя три недели, 29 декабря 1915 г., Белецкий направил Беляеву совершенно доверительное личное письмо о военной агентуре. Описав историю ее роспуска и запрета, Степан Петрович особое внимание заострил на участии армии в революциях и военных переворотах в Турции, Португалии и Персии. Вторая половина письма была посвящена реалиям мировой войны, когда противник, не рассчитывая одной лишь силой оружия поколебать военную мощь России, стремится сделать это путем развития в населении и войсках революционного движения⁸¹.

Белецкий писал: «Энергичная в этом направлении деятельность неприятеля, отмеченная в свое время Верховным главнокомандующим, нашла себе живой отклик в левых кругах русского общества, которые, следуя принятому революционными партиями решению приурочить всенародное вооруженное восстание в империи к моменту окончания войны, стали в массовом количестве выделять из своей среды агитаторов, специально занимающихся пропагандированием войск. Хотя к пресечению таких извне исходящих попыток вызвать смуты в войсках и принимаются жандармскою полициею все возможные меры, тем не менее из задерживаемых военною цензурою писем воинских чинов явствует, что широко распространившиеся внутри страны оппозиционные настроения коснулись уже отчасти тыла армий... Ввиду сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать уведомить меня о том, не встречается ли с Вашей сто-

79. Там же. Л. 181

80. Там же. Л. 184.

81. Там же. Лл. 186–188.

роны препятствий к предоставлению жандармской полиции права заводить в тыловых частях военную агентуру»⁸².

6 января 1916 г. Беляев дал согласие на формирование особой комиссии для рассмотрения вопроса о возрождении агентуры из представителей МВД, Военного и Морского министерств. Он предлагал рассмотреть техническую сторону предполагаемого мероприятия на предварительном частном совещании в помещении генерал-квартирмейстера ГУГШ Леонтьева⁸³. Белецкий понял, что передача дела в ГУГШ не может предвещать успеха. Немедленно по получении ответа Беляева он направил письмо А. И. Русину, начальнику Морского Генерального штаба, аналогичного содержания со своим письмом Беляеву⁸⁴. Расчет Белецкого был прост: почувствовав, что руководство армии решило провалить преобразование, он решил опереться на флот.

Через три дня, 9 января, в помещении ГУГШ состоялось предварительное совещание по вопросу о возможности восстановления внутренней агентуры в тыловых частях. На нем присутствовало 5 человек: от МВД — вице-директор департамента полиции И. К. Смирнов и начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, а от военного ведомства — прикомандированный к ГУГШ военный агент в Черногории генерал-майор Н. М. Потапов, начальник особого делопроизводства управления генерал-квартирмейстера Генерального штаба полковник А. М. Мочульский, а председательствовал генерал-лейтенант М. Н. Леонтьев⁸⁵. Важно отметить, что еще до начала войны Мочульский был

82. Там же. Лл. 188об., 189.

83. Там же. Лл. 193, 193об.

84. Там же. Лл. 197–201.

85. *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 95.

известен полиции как человек, близкий к оппозиционной прессе — газетам «Речь», «Биржевые ведомости», «Новое время»⁸⁶.

В отчете о работе совещания Смирнов писал, что представители Генерального штаба отказывались рассматривать вопрос с принципиальной точки зрения. Строевые части, по мнению представителей ГУГШ, не нуждались в агентурном освещении вовсе, а создать сеть секретных сотрудников можно было лишь в лазаретах и административных учреждениях тылового характера — наблюдение за писарями, например. «По поводу отмены циркуляра, воспрещающего заведение агентуры в войсках, представители военного ведомства высказались в том смысле, что на предстоящих заседаниях призналось бы желательным не поднимать вовсе об этом вопросе»⁸⁷. Участвовавший в совещании Глобачев в своих мемуарах прямо написал, что вопрос об отмене циркуляра был поставлен на голосование и тремя голосами военных против двух представителей МВД решен отрицательно⁸⁸.

В качестве «приватного переговорщика» снова выступил генерал Н. С. Батюшин, с конца декабря 1915 г. по конец января 1916 г. курсировавший между Ставкой и Петроградом. 28 января после настоятельной просьбы М. Д. Бонч-Бруевича он был принят министром внутренних дел А. Н. Хвостовым⁸⁹. Однако содержание их разговора осталось неизвестным. Именно в это время Батюшин с ведома начальства начал сбор компромата на начальника Генерального штаба М. А. Беляева. Уличив его в знакомстве с неким уездным начальником Бирнбаумом, имевшим родственные связи в Германии, Батюшин пустил слух о германофильстве Беляева. Впоследствии контрразведчик демонстративно заявил, что никаких подозрений

86. Лемке М. К. Указ. соч. С. 562.

87. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Лл. 194, 195.

88. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 95.

89. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 68. Лл. 29, 43–44.

и обвинений против генерала не выдвигал⁹⁰. Нельзя исключать, что эта история была способом обеспечить лояльность и подконтрольность генерала Беляева.

Окончательный провал попытки Белецкого восстановить секретную агентуру в армии случился 5 февраля 1916 г. В тот день совершенно доверительным личным письмом начальник Морского генштаба Русин дал отрицательный отзыв этой реформы, сославшись на то, что получил негативные отзывы от командующего флотом Черного моря Эбергарда и командующего флотом Балтийского моря Канина. Сложно установить, какими мотивами руководствовался адмирал Канин, который изначально являлся одним инициатором восстановления агентуры. Адмиралы полагали, что «организация внутреннего наблюдения в воинских командах может развить систему доносов на начальников, которые, по своей строгости и требовательности по службе, нежелательны для ленивых элементов команд»⁹¹. Нельзя исключать, что мнение руководства флота было скоординировано с позицией руководства сухопутной армии.

Морское министерство, безусловно, не хотело ссориться с командованием Северного фронта, тем не менее адмиралы понимали необходимость укрепления безопасности на стратегических позициях. Поэтому, в дополнение к уже существовавшим Кронштадтскому и Финляндскому жандармским управлениям было создано несколько новых структур. Самой первой еще осенью 1914 г. была учреждена крепостная жандармская команда Морской крепости и порта императора Петра Великого, располагавшаяся в Ревеле и на близлежащих островах, подчиненная Эстляндскому ГЖУ. Ею руководил подполковник В. М. Зеленко, прежде несший пограничную жандармскую службу в Финляндии. По штату в команде числилось 4 офицера, 60 унтеров и 2 вахмистра. Учитывая стратегиче-

90. Там же. Лл. 34–39.

91. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Лл. 202, 202об.

ское положение Ревеля и наличие недоброжелательно настроенного германоязычного общества, в январе-феврале 1916 г. при Морской крепости было сформировано дополнительно контрразведывательное отделение, которое возглавил жандармский поручик А. Н. Бонч-Бруевич⁹².

26 декабря 1915 г. приказом командующего флотом Балтийского моря была создана жандармская команда Або-Аландской шхерной позиции в составе одного офицера и 30 нижних чинов⁹³. Это была первая мотоциклетно-велосипедная часть корпуса жандармов. Как и Свеаборгская жандармская команда, она была включена в состав Финляндского жандармского управления и находилась под командой подполковника В. И. Ковалева, ранее 8 лет отслужившего помощником начальника жандармской команды порта Александра III⁹⁴. Або-Аландская позиция, располагавшаяся на Аландских островах на юге Финляндии, была крайне важна для флота, так как являлась его передовой маневренной базой. Она была прикрыта 23 артиллерийскими батареями. 29 февраля 1916 г. приказом начальника Морского генерального штаба была сформирована конная жандармская команда при управлении Моонзундской позиции, ключевой серии береговых батарей, прикрывавших вход в Рижский залив. Штат команды состоял из двух офицеров и 15 нижних чинов⁹⁵. Оперативно она была подчинена Эстляндскому жандармскому управлению. Руководил Моонзундской жандармской командой ротмистр Ф. А. Кудржицкий, знавший специфику работы и с 1914 по 1916 г. служивший помощником начальника жандармской команды Морской крепости Петра Великого⁹⁶. Таким образом, к весне 1916 г. все круп-

92. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 552. Лл. 159–160об.

93. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Лл. 89–90.

94. Список общего состава на 1916 г. С. 72, 454.

95. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Лл. 174, 174об., 179.

96. Список общего состава на 1916 г. С. 76, 749.

ные русские военно-морские сооружения на Балтике имели свои жандармские структуры. Разрастающиеся недовольства на флоте, которые были более масштабными и чувствительными, чем в сухопутной армии, были обеспечены строевыми подразделениями, призванными наводить порядок.

Расследование «военного заговора»

Таким образом, к концу декабря 1915 г. — началу февраля 1916 г. желаемого решения вопросов о контрразведке и о военной агентуре Белецкому достигнуть не удалось — оба были отложены по причине сопротивления руководства армии. Однако на третьем направлении — в расследовании обстоятельств так называемого военного заговора — были достигнуты определенные результаты. 31 декабря 1915 г. сотрудник заграничной агентуры «Вебер» представил Красильникову сообщение, которое последний немедленно совершенно секретным донесением направил на имя директора ДП МВД Кафафова. Его важность была столь велика, что в январе 1916 г. Белецкий лично встретился с дворцовым комендантом Воейковым и подробно обсудил с ним настроение в войсках⁹⁷.

Представляется необходимым привести полностью текст документа:

«В армии существует крепкое ядро офицеров, имеющее твердое основание в Петрограде и особенно солидную опору в Москве, желающее и организующее государственный переворот и способное провести его. Оно работает бок о бок с партией социалистов-революционеров, отчасти с социал-демократами (РСДРП) и солидаризируется и систематически поддерживается кадетами. Вожаки этих групп вполне согласны в целях и средствах и находятся в прочном постоянном сношении. Особенно сильная поддержка, как

97. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Л. 19.

указано выше, существует в Москве. Цель: установление действительно конституционной монархии с великим князем Михаилом во главе, согласным будто бы на очень значительные уступки, которые уже сформулированы. Царствующий государь должен быть устранен от престола в подходящий момент. Общество и армия будут приветствовать перемены, а дворцовый круг будет задавлен и обессилен. В проведении плана уверены. Обеспечено содействие некоторых крупных генералов. Об изложенном в верхах партии С.Р. говорится как о чем-то неизбежном. Все это будто бы лишь вопрос времени. W»⁹⁸.

Агент Weber (Вебер) занимал пост руководителя 2-й Парижской группы содействия партии социалистов-революционеров⁹⁹. Под этим псевдонимом скрывался елецкий мещанин Николай Петрович Селиванов, проживавший в Париже под фамилией Шабельский (Шабельский) и являвшийся секретарем В. Л. Бурцева. Вебер также часто бывал в Лондоне, где являлся вторым агентом департамента полиции и одновременно работал на Скотланд-Ярд¹⁰⁰. В 1914 г. Селиванов окончательно переехал в Лондон и работал в российском правительственном комитете по приемке военных заказов на заводе Виккерса. Расследовавший работу заграничной агентуры В. К. Агафонов отмечал глубокие познания Селиванова в военных вопросах¹⁰¹. Вероятно, в силу близости к армейской проблематике и соответствующим кругам именно ему поручили разработку информации о заговорщических тенденциях в среде офицерства.

В ключе донесения Вебера нельзя считать случайным совпадением тот факт, что многие из тех во-

98. Там же. Ф. 10003. Оп. 1. Reel 398. Донесение агента Weber.

99. Там же. Reel 372.

100. *Сватиков С. Г.* Заграничная агентура Департамента полиции. М., 1941. С. 85, 86.

101. *Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. М., 2004. С. 382.

енных, которые оказывали сопротивление Белецкому осенью–зимой 1915 г. (Бонч-Бруевич, Потапов, Мочульский) заняли впоследствии высокие посты в Красной армии и в целом у большевиков. Так, например, Потапов с июля 1917 г. сотрудничал с военной организацией Петроградского комитета РСДРП, в ноябре 1917 г. — мае 1918 г. был начальником Главного управления Генштаба, а в июне 1918 г. стал членом Высшего военного совета¹⁰². Мочульский в 1918 г. добровольно вступил в ряды Красной армии¹⁰³.

Через три недели пришло еще одно важное сообщение. 19 января 1916 г. сотрудник заграничной агентуры Пьер утверждал, что находившийся в составе специальной русской военной миссии в Париже офицер Преображенского полка П. А. Веденяпин в частном разговоре утверждал, что в гвардии якобы существует группа офицеров, решивших активно поддерживать общественность в случае конфликта с правительством¹⁰⁴. Это сообщение Белецкий также приказал немедленно довести до сведения Воейкова, а уже 22 января Пьер получил прогонные в размере 1023 руб. и выехал в Петроград, где поступил сначала в непосредственное распоряжение вице-директора Смирнова, а потом начальника Петроградского охранного отделения Глобачева¹⁰⁵. В феврале барон Штакельберг (агент Пьер) был направлен на секретную работу в Главное артиллерийское управление Петрограда¹⁰⁶, в комиссию, занимавшуюся снабжением русской армии амуницией¹⁰⁷. Учитывая известные трения между руководством ГАУ и политизированным ЦВПК,

102. *Глобачев К. И.* Указ. соч. С. 497 (Примечания З. И. Перегудовой).

103. *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 248.

104. ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 1. Reel 397. Донесение агента Пьера 19 января/1 февраля 1916 г. № 16.

105. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Лл. 17, 18, 25, 34.

106. *Агафонов В. К.* Указ. соч. С. 392, 393.

107. ГА РФ. Ф. 5824. Оп. 1. Д. 308. Л. 2.

имевшие место осенью 1915 г., а также сильную личную неприязнь между начальником ГАУ Маниковским и ставленником оппозиции военным министром Поливановым¹⁰⁸, направление Пьера именно в ГАУ было явной ошибкой его куратора — Глобачева. К слову, способности шефа столичной охранки как розысчника и организатора секретно-агентурной работы невысоко оценивались еще в довоенные годы¹⁰⁹. Несмотря на то что конкретных компрометирующих данных на руководителей предполагаемого военного заговора Пьер собрать не смог, он добыл дополнительную информацию, которая была изложена в новом отчете.

Белецкий не успел предпринять никаких решительных мер в связи с сообщениями Вебера и Пьера, кроме перенесения центра расследования из-за границы в Россию. Увидев серьезную силу в новом председателе Совмина Б. В. Штюрмере, Белецкий вступил в противоборство с министром внутренних дел Хвостовым, который вел борьбу против главы правительства и его покровителя — Распутина¹¹⁰. Однако Степан Петрович потерпел фиаско и в середине февраля 1916 г. получил отставку с поста товарища министра. Генерал Глобачев писал: «Вся беда была в том, что он слишком широко раскидывал сети интриг и невольно сам запутывался в них. Много способствовало этому и то, что он, как и Хвостов, пользовался иногда людьми совершенно беспринципными, которые его предавали»¹¹¹. Но жандармы его любили за заботу о чинах корпуса и в личной переписке сожалели об уходе¹¹². А 14 февраля в отставку был отправлен директор департамента полиции Кафафов.

108. *Айрапетов О. Р.* Генералы... С. 125, 149.

109. *Перегудова З. И.* Политический сыск... С. 99, 100.

110. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 572–573.

111. *Глобачев К. И.* Указ. соч. С. 103.

112. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 100. Л. 144об.

Это было связано с тем, что он по соглашению с Белецким не руководил политической работой департамента, а также не распоряжался суммами департамента полиции, передав всю эту работу Белецкому, но являлся скорее техническим руководителем ряда делопроизводств¹¹³. С уходом «всесильного Степана» понадобился полноценный директор департамента.

Евгений Климович во главе политического сыска

Найти адекватную замену такой величине, как Белецкий, было довольно сложно. По протекции Хвостова должность директора департамента полиции с правами товарища министра внутренних дел занял генерал-майор корпуса жандармов Евгений Константинович Климович. Он не был назначен товарищем министра одновременно с занятием кресла директора ДП МВД, как того хотел Хвостов, только потому, что «государь сказал, что он не желает, чтобы было всесильное политическое министерство»¹¹⁴. Это говорит не столько об определенной доле недоверия Николая II к деятельности политической полиции, сколько о нежелании раздражать думскую оппозицию назначением товарищем министра одиозного жандарма. Однако сама практика политического сыска в тяжелых условиях войны и нестабильности политического режима требовала соединить руководство общей и политической полицией в одних руках. Сначала Климович отказывался от должности директора департамента¹¹⁵, и только после того как были согласованы условия его назначения — сохранение высокого жалования и перевод в Сенат после остав-

113. *Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 92.

114. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 109.

115. Там же. С. 56.

ления поста директора департамента полиции — согласился¹¹⁶.

Климович был известной фигурой в политическом сыске: выдвигенец С. В. Зубатова¹¹⁷, начальник Виленского охранного отделения, в разгар первой русской революции 1905 г. он исполнял обязанности виленского обер-полицеймейстера, а позднее, с января 1906 г. по апрель 1907 г., руководил Московским охранным отделением. В 1908–1909 гг. был начальником особого отдела департамента полиции, дважды занимал должность московского градоначальника (в 1907–1908 и 1915 гг.). Такую характеристику Климовичу дал В. А. Маклаков в письме Б. А. Бахметеву: «Челноков (московский городской голова и видный либерал. — В. Х.-Г.) не раз отзывался мне о Климовиче с большой похвалой. Он наш враг, говорил он, но дельный, энергичный, не берущий взяток, вполне лояльный по отношению к своим политическим противникам»¹¹⁸.

Климович проявил себя еще в Вильно: чиновники департамента полиции отмечали в своем докладе правильное понимание задач розыска, значительные способности, любовь к делу и корректность приемов, предрекая ему большое карьерное будущее в сыске¹¹⁹. Во время службы в Литве на него было совершено покушение: он был серьезно ранен в ногу, из-за чего хромотал до конца дней. Жандармский полковник А. П. Мартынов так оценивал его работу во главе Московского охранного отделения: «Евгений Константинович большой службист, днюет и ночу-

116. *Кафафов К. Д.* Указ. соч. С. 95.

117. *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004. С. 364.

118. «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951: в 3 т. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001. С. 247–248.

119. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 88.

ет в отделении, других интересов и склонностей или слабостей у него нет; очень ценит, если служащие отделения сидят по своим кабинетам до поздней ночи (вернее, до раннего утра) и всегда «под рукой» на случай вызова в кабинет начальника... Е. К. Климович выбрал путь быстрых шумных успехов»¹²⁰.

Это был не только практик, но и аналитик политического сыска. В 1909 г. он выпустил более чем 500-страничный обзор революционного движения. За недолгое руководство Особым отделом департамента полиции ему удалось профессионально организовать работу по политическим партиям и организациям в губерниях и крупных городах¹²¹. Даже Джунковский, недолюбливавший большинство работавших с секретной агентурой чинов сыска, давал ему более чем лестную характеристику: «Климович представлял собой выдающегося по уму администратора. Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, это был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным. В то же время это был большой ловкач, не без хитрости и себе на уме, карьерист, но не в ущерб делу»¹²².

Назначение Климовича А. Н. Хвостов проводил через своего родственника, министра юстиции А. А. Хвостова. В письме ему от 13 февраля 1916 г. он писал: «Назначенный в Москву тотчас после погрома генерал Климович за время пребывания в Москве быстро достиг успокоения твердыми и разумными мерами и завоевал определенное авторитетное положение среди высших военных властей Москвы и среди всех слоев общества, как умеренных, так и оппозиционных»¹²³. 24 февраля А. А. Хвостов доложил кандидатуру Климовича Николаю II и получил на его назначение полное одобрение. Правые круги частично

120. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 366, 367.

121. Перегудова З. И. Указ. соч. С. 91.

122. Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 213.

123. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1002. Л. 106.

приветствовали кадровую перестановку. Право ориентированный чиновник МВД Н. Д. Тальберг писал в частном письме черниговскому вице-губернатору Д. Н. Матвееву: «Директором департамента полиции будет московский градоначальник Климович. Это очень удачное назначение. Человек испытанный, пострадавший от революции и очень порядочный»¹²⁴. Издатель и публицист, член президиума Совета монархических совещаний Н. П. Тихменев, близкий товарищ Белецкого, характеризовал генерала в письме к руководителю одесского Союза русских людей Н. Н. Родзевичу как человека энергичного, правых взглядов, склонного серьезно смотреть на свой долг борьбы с «освободительством»¹²⁵.

Вскоре сам А. Н. Хвостов был уволен, а 3 марта 1916 г. новым министром внутренних дел был назначен Б. В. Штюрмер, занимавший с конца января должность председателя Совета министров. Весной товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией был назначен А. В. Степанов, и Климович остался лишь директором департамента полиции¹²⁶. Несмотря на увольнение своего патрона и потерю части полномочий, Евгений Константинович развил самую активную деятельность. Впрочем, Александр Васильевич, свыше 30 лет прослуживший по ведомству Министерства юстиции в должности прокурора, не оказывал противодействия. Основным принципом работы он считал строгое соблюдение законности¹²⁷, в чем совершенно сходилась с Климовичем.

Произошли перемены и в руководстве корпуса жандармов. Косный, не уважавший секретно-агентурные методы и в целом отрицательно воспринимавший политический розыск, генерал-майор Правиков был смещен с поста помощника начальника шта-

124. Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 422.

125. Там же. Д. 1054. Л. 160–160об.

126. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 63.

127. Вестник полиции. 1916. № 14 (1 апреля).

ба корпуса и переведен на столь любимую им строевую службу — начальником железнодорожного жандармского управления¹²⁸. Одна из последних креатур Джунковского была удалена из руководства сыска.

Победа над генералами

19 марта, то есть через 4 дня после увольнения в отставку ставленника оппозиции, военного министра Поливанова, Климович вновь поднял вопрос о военной агентуре. Он издал циркуляр, предназначенный начальникам жандармских управлений и охранных отделений, в котором потребовал направить все усилия на борьбу с политической агитацией в войсках, намекнув при этом на возможность скорого пересмотра циркуляра Джунковского об отмене агентуры¹²⁹. В своих показаниях ЧСК Временного правительства Климович прямо говорил, что совершенная неосведомленность относительно состояния войск его сильно тревожила¹³⁰. А уже 24 марта Климович запрашивал у начальников жандармских управлений и охранных отделений списки призванных на действительную военную службу секретных сотрудников, прямо указывая на необходимость освободить их от таковой и вернуть в распоряжение сыска¹³¹. Однако по вопросу освобождения секретных сотрудников Климовичу пришлось уступить, чтобы не обострять отношений с военными¹³², которые сухо отнеслись к циркуляру 24 марта, и чтобы достигнуть основной цели — восстановления военной агентуры. Хотя отдельные редкие случаи демобилизации ценных

128. Вестник полиции. 1916. № 15 (8 апреля).

129. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 207 об.

130. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 99.

131. Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006. С. 361, 362.

132. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 110.

секретных сотрудников во время Первой мировой войны имелись — например, агентов Деметрашвили и Кокочинского¹³³.

19 апреля 1916 г. Климович написал Беляеву доверительное письмо, в дополнение к письму Белецкого от 29 декабря 1915 г., с просьбой созыва официального совещания по вопросу об армейской агентуре¹³⁴. Начиная с 6 мая шла переписка между Беляевым и Климовичем о дате проведения совещания и его составе, и в итоге оно было назначено на 14 часов 20 мая 1916 г. в помещении ГУГШ. Климович прибыл на совещание¹³⁵. Надо отметить, что одновременно (в апреле–мае 1916 г.) шла переписка о революционной агитации и забастовках на оборонных заводах между руководством Военного министерства в лице помощника министра Н. П. Гарина и МВД в лице товарища министра А. В. Степанова. Климович живо заинтересовался этой темой и сам вступил в переписку. Военные требовали от МВД «безотлагательно принять самые решительные меры к искоренению упомянутой агитации и установить бдительный надзор за заводскими предприятиями»¹³⁶. 15 апреля Климович потребовал от Главного артиллерийского управления допустить жандармерию на заводы для проведения регистрации всех работников и проверки их благонадежности, а уже 6 мая Евгений Константинович издал секретный циркуляр, в котором в самых общих чертах требовал от руководства жандармских управлений и охранных отделений «напрягать силы розыска в эту область»¹³⁷, о чем Степанов вскоре доложил Гарину. При этом товарищ министра подчеркнул, что, «несмотря на принимаемые МВД меры к пресечению преступных начинаний революционных органи-

133. *Агафонов В. К.* Указ. соч. С. 208.

134. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 218.

135. Там же. Лл. 236–237.

136. Там же. Оп. 00.1916. Д. 341. Л. 306.

137. Там же. Л. 706.

заций, эти меры едва ли могут достигать своей цели при наличии в то же время печальной возможности для противоправительственной организации рабочих, осуществляемой путем преступной деятельности рабочих групп при военно-промышленных комитетах»¹³⁸. На следующий день, 11 мая, Климович потребовал от всех начальников ГЖУ и охранных отделений в обязательном порядке предоставить к 20 мая сведения за март и апрель 1916 г. о количестве забастовок на оборонных заводах, числе бастовавших на каждом из них, числе пропущенных вследствие забастовки рабочих дней на каждом предприятии, мотивах забастовщиков, а также ассортименте изготавливаемых предприятиями военных товаров¹³⁹.

На 20 мая было назначено заседание по вопросу о судьбе военной агентуры под председательством Беляева. Именно к этому заседанию Климович торопил своих подчиненных с данными по забастовкам на военной промышленности. Он хотел увязать этот вопрос с политическим контролем над войсками. Нельзя исключать, что на совещании в ГУГШ был некий элемент торга: представители МВД преподнесли военным статистику по забастовкам на военной промышленности и ее последствиям для армии, пообещав помощь, а военные согласились возродить (пусть и не в полном объеме) секретную полицейскую агентуру в войсках. Этим можно объяснить ту легкость, с которой генералы, в течение нескольких лет оказывавшие сопротивление существованию данной агентуры, согласились на ее восстановление — практически безо всякого сопротивления.

Совещание приняло компромиссное решение: 1) циркуляры 1911 г. об организации военной агентуры оставить в силе, 2) вопрос об агентуре в действующей армии не обсуждать (то есть не было вынесено ни положительного, ни отрицательного решения),

138. Там же. Л. 9, 9об.

139. Там же. Л. 10.

3) восстановить агентуру в войсках внутреннего района империи и тыловых военных учреждениях. Для выполнения последнего пункта было решено использовать секретных сотрудников, принятых на службу в войска, на условиях соблюдения их полной конспиративности и с гарантией невмешательства в дела, не имеющие отношения к политическим вопросам. Участники совещания договорились назначать секретных сотрудников на такие должности, где они могли бы свободно развивать свою деятельность по освещению военной среды и которые обеспечивали бы возможность их свиданий с руководителями. Определять необходимость этих переводов нужно было путем переписки между департаментом полиции и ГУГШ¹⁴⁰.

В тот же день Климович опубликовал циркуляр, доведивший до офицерского состава политического сыска решения совещания. А 24 мая департамент полиции официально объявил, что «считает допустимым приобретение агентуры в частях войск, но только таких, которые не находятся в боевой или резервной линии»¹⁴¹ — то есть, по сути, речь шла уже не только о тыловых частях, но и ограниченно о театре военных действий. Уже 1 июля 1916 г. начальник Севастопольского ЖУ полковник М. А. Редров докладывал Климовичу о серьезных революционных настроениях нижних чинов сухопутного гарнизона города¹⁴². 8 сентября в совершенно секретном письме Н. М. Григорову Климович констатировал значительные результаты работы секретной агентуры в судовых и береговых командах флота Балтийского моря¹⁴³. Однако заметил, что одного Владимирову для этой работы не хватает и необходимо передать

140. Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 330–331.

141. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Л. 238.

142. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 190.

143. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1913. Д. 210. Лл. 239, 240.

береговые команды в отношении политического сыска в руки местных ГЖУ. По распоряжению Климовича в ночь с 8 на 9 сентября 1916 г. была ликвидирована Кронштадтская военно-революционная организация РСДРП: обыскано 107 и арестовано 14 матросов. Аресты продолжились до конца сентября¹⁴⁴.

Нельзя не отметить, что начиная с лета 1915 г. военные власти придавали большое внимание волнениям в войсках. Однако вплоть до заседания 20 мая 1916 г. они пытались решить эту проблему путем поднятия дисциплины, улучшения снабжения нижних чинов и просветительскими беседами офицеров с рядовыми и унтерами¹⁴⁵. В целом Климовичу удалось достигнуть значительных успехов. Однако для организации сети секретной агентуры в армии не хватало кадров. Работа шла очень медленно. Актуальный вопрос с введением политического розыска в частях действующей армии в прифронтовой полосе остался нерешенным.

Забастовочное движение

В 1916 г. резко обострилась проблема забастовок (см. табл. № 5). На основе отчетов департамента полиции за март — октябрь этого года мы можем составить представление о количественном и качественном изменении забастовочного движения, охватившего 40 губерний, областей и крупных городов России¹⁴⁶. В общей сложности за это время в империи произошло 582 забастовки, 40% из которых приходилось на Петроград и Москву. Третьей по масштабам забастовочного движения была Владимирская губерния. Можно выделить два пика забастовочно-

144. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 386–388.

145. Там же. С. 98, 99, 128, 129, 161, 162.

146. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Лл. 291–293, 306, 308, 309об., 314, 383.

го движения: май (126 стачек) и октябрь (104 стачки). В среднем ежемесячно бастовало около 72 тыс. рабочих (минимум — 38,9 тыс. в августе, максимумы — почти 112 тыс. в октябре и 104 тыс. рабочих в мае 1916 г.). Как и в 1915 г., когда за весь год произошло около 1000 стачек¹⁴⁷, большинство забастовок затронуло оборонные заводы, работавшие по заказам военного ведомства. Причем принятое еще по инициативе А. Н. Хвостова 7 февраля 1916 г. Положение Совета министров о порядке борьбы с забастовками на заводах, работающих на оборону, никак не способствовало улучшению ситуации. Акцент был поставлен на работу фабричных инспекторов с рабочими и предпринимателями и миролюбивых разрешениях конфликтов, а увольнение признавалось крайней мерой, когда компромисса найти не удавалось. Отправка бастовавших рабочих на фронт разрешалась лишь в том случае, если они были призваны по мобилизации и получили отсрочку. Полиции же предоставлялось право вести негласное наблюдение и борьбу с антиправительственной агитацией, которая и без того находилась в ее полномочиях¹⁴⁸. Столь нерешительная мера ожидаемо не принесла никаких плодов. Только за период с марта по октябрь 1916 г. общее количество пропущенных рабочих дней (трудодней из расчета на каждого рабочего) составило почти 3,4 млн что нанесло огромные (десятки миллионов) убытки экономике, затормозив процесс производства вооружения и боеприпасов для армии и флота.

При оценке масштабов рабочего движения сложно оперировать только количественными данными. За показатель качественного изменения, отражающий радикализацию рабочих масс, можно условно принять продолжительность забастовки на одного рабочего. Интересно, что это число практически

147. Там же. Л. 124.

148. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1916 год. М., 2008. С. 78, 79.

не привязано к объемам стачечного движения. Оно волнообразно нарастало в течение всего года, сохраняя высокие показатели даже в моменты спадов забастовочного движения. К примеру, с мая по апрель 1916 г. среднемесячное число бастующих рабочих выросло незначительно, с 94 тыс. до 104 тыс., а средняя продолжительность забастовки одного рабочего — более чем в два раза, с 4 до 9 дней. При этом на фоне резкого спада стачечного движения в июне (в 2,5 раза) продолжительность забастовки одного рабочего сократилась незначительно (всего в 1,3 раза), а к сентябрю даже несколько выросла (до показателя в 7,7 дня). Удельный вес столицы в забастовочном движении был неоднороден в течение 1916 года. Если 9 января 1916 г. бастовало 60 тыс. петроградских рабочих¹⁴⁹, то вплоть до октября это число неуклонно снижалось вне зависимости от изменений (роста или спада) забастовочного движения в целом по империи. В августе в столице бастовало 1429 рабочих, в сентябре — 3792, то есть за девять месяцев, начиная с января по сентябрь, забастовочное движение в Петрограде сократилось в несколько десятков раз. Только в октябре произошел резкий скачок забастовочной активности, когда не вышли на работу 71 тыс. рабочих. Интересно, что рост забастовочного движения, начавшийся в октябре 1916 г. и уже не прекращавшийся вплоть до февраля 1917 г., был характерен исключительно для Петрограда. Если в октябре в целом по империи продолжался спад количества участвовавших в стачках рабочих (примерно, на 9,5%), то в столице это число выросло с 3,8 тыс. до 71 тыс., то есть в 18,75 раза. Более 63% всех бастовавших в России рабочих были сосредоточены в Петрограде. Объяснить это можно значительной активностью социалистически настроенных рабочих групп и оппозиционных общественных организаций, работавших в городе. Понимая их роль, Климович вел активные консультации с бывшим ми-

149. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Л. 124.

нистром юстиции, а ныне членом Государственного совета Щегловитовым по поводу целей и методов борьбы с ЦВПК и в особенности с его рабочей группой¹⁵⁰.

Для борьбы с забастовками на предприятиях, выполняющих государственные заказы, Климович предпринял решительные меры. В начале июня Степанов, опиравшийся на мнение директора департамента полиции, прямо заявил, что забастовки являются не только следствием революционной агитации, но и работы иностранных шпионов, что требует привлечения и жандармерии, и военной контрразведки. Он повторно требовал установить жандармский контроль за всем персоналом на заводах, выпускающих оборонную продукцию, от чего отказывалось военное ведомство и особенно ГАУ. 19 июня 1916 г. Климович издал циркуляр, адресованный всем органам политического сыска, который предписывал арестовывать всех подстрекателей к забастовкам, подчеркивая, что в военное время нет разницы между экономическими и политическими забастовками¹⁵¹. Этим директор департамента пытался расширить охват стачечной активности, 2/3 которой приходилось на экономические забастовки, где выдвигались требования повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Меры, предпринятые летом, привели к резкому сокращению забастовочного движения в стране.

По данным сменившего Климовича директора ДП МВД Васильева, с 1 октября по 15 ноября 1916 г. только в Петрограде «было арестовано за агитацию по устройству забастовок 106 человек, работающих на различных предприятиях столицы, а кроме того, предназначено к отправке на фронт за участие в стачках 1750 человек, из коих 1140 уже взяты, а остальные разыскиваются»¹⁵². Но в отличие от империи, рост

150. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 178. Лл. 1–25.

151. Там же. Ф. 102. Оп. 00. 1916. Д. 341. Лл. 18, 18об.

152. Там же. Л. 58.

забастовочного движения в столице не остановился. Это было особенностью Петрограда. Адресные репрессивные меры в столь крупном и насыщенном политическими очагами городе не давали никакого эффекта. Например, зная о подготовке социал-демократами массовых выступлений рабочих 9 января 1916 г., Белецкий пытался предотвратить его теми же средствами, заблаговременно арестовав с 18 по 27 декабря 1915 г. 24 видных деятелей местной ячейки РСДРП. Было изъято 330 листовок обращения «К солдатам» и типографский станок¹⁵³. Однако массовая забастовка и демонстрация состоялись.

Климовичу не удалось установить контроль над внутренней ситуацией на заводах оборонной промышленности, в чем ему мешали не только военные и чины Министерства торговли и промышленности, предпочитавшие все же больше работать с фабричной инспекцией, нежели с жандармерией, но и представители либеральной оппозиции. В письме Тихменева Родзевичу приводился любопытный инцидент: «Около месяца тому назад была накрыта шайка революционеров, агитировавшая на петроградских фабриках и заводах. Во главе шайки стояли Брамсон и др. довольно крупные «освободители», остальные — мелюзга. Шайку накрыли и в департаменте полиции образовали совещание по вопросу о высылке их в Нарым. Докладывал Климович, участвовали три товарища министра внутренних дел и Милюков и Шингарев. Конечно, Климовичу, докладывая, пришлось как сквозь строй проходить, — так и сыпались кадетские «хи-хи» да «ха-ха». А в результате почтеннейшие ех-парламентарии кн. Волконский и гр. Бобринский по обыкновению смалодушничали, и решено было мелюзгу выслать, а Брамсона и руководителей — не трогать»¹⁵⁴. Интересно, что Л. М. Брамсон входил в центральный комитет партии трудовиков и был близок

153. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Лл. 33, 33об.

154. Там же. Оп. 265. Д. 1054. Л. 160, 160об.

к А. Ф. Керенскому¹⁵⁵. Вне зависимости от того, насколько Тихменев правильно передал ход заседания, факт присутствия на нем и вмешательства представителей политической оппозиции говорит о значительной ограниченности действий полиции и эрозии ведомственного аппарата.

На пути к военному перевороту

Рост оппозиционных настроений в армии и ее руководящем составе в 1916 г. опережал меры полиции. Материалы перлюстрации свидетельствуют о том, что высшее офицерство и генералитет видели в думской оппозиции, в первую очередь в Гучкове, Родзянко, Коновалове и Милюкове, реальную политическую силу. Неустановленный капитан II ранга Черноморского флота одобрительно писал П. Н. Милюкову после его знаменитой речи в Государственной думе 1 ноября 1916 г.¹⁵⁶ Некто полковник Соколов из Саратова просил Родзянко повлиять на неприятных ему начальника Казанского военного округа генерала от инфантерии А. Г. Сандецкого и подполковника Г. М. фон Фест, обвиняя их в жестокости и вредности для военного округа¹⁵⁷. Генерал-майор П. П. Залесский, занимавший пост генерала для поручений при начальнике штаба Верховного главнокомандующего, находился в постоянной переписке с Гучковым и Родзянко с февраля 1916 г., подвергая чудовищной критике устройство армии, обсуждая необходимые преобразования. При этом он открыто писал Родзянко: «Я теперь обращаюсь к Вам, так как в Гос. думе вижу единственно светлое пятно на темном фоне русской жизни. Сделайте и Вы «всё», что в силах чело-

155. Николаев А. Б. Революция и власть. IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года: монография. СПб., 2005. С. 486.

156. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060 № 1030.

157. Там же. Д. 1061 № 1179.

веческих в Вашем положении»¹⁵⁸. Командир 7-го армейского корпуса генерал от инфантерии Э.В. фон Экк писал своей знакомой графине Е.Ф. Соллогуб: «Я никак не понимаю, почему у министров не хватает ни силы, ни умения, ни желания твердо идти рука об руку с Думой»¹⁵⁹. Такого рода писем имелась масса.

Разрастались и контакты Гучкова с военными. По данным филёрского наблюдения департамента полиции, в 1915–1916 гг. на квартире у Гучкова побывали многие видные генералы. Среди них — главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Н.В. Рузский, начальник Петроградского военного округа генерал-лейтенант Н.Е. Туманов, генерал-квартирмейстер 7-й армии генерал-майор Ю.Д. Романовский, представитель русской армии в Военном совете союзных армий Антанты генерал от инфантерии бывший начальник ГУГШ Ф.Ф. Палицын, бывший командир лейб-гвардии Московского полка, генерал для поручений при начальнике Генштаба А.А. Михельсон, комендант Карсской крепости генерал-майор А.В. фон Шварц, генерал-майор А.М. Крымов, генерал-лейтенант И.А. Овчинников, начальник Главного военно-технического управления генерал-лейтенант Г.Г. Милеант, генерал от артиллерии Н.К. Шведов, генерал от инфантерии, член Государственного совета А.Н. Меллер-Закомельский и многие другие генералы и офицеры¹⁶⁰. Посещал Гучкова и начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Д.А. Правиков, близкий товарищ и креатура В.Ф. Джунковского. Сравнивая списки участников кружка Гурко, визитеров Гучкова довоенного периода и его связей в армии, в годы Первой мировой находится немало совпадений, что говорит о постоянстве отношений. Интересно, что среди постоянных визитеров Гучкова был известный разоблачениями секретных сотрудников

158. Там же. Д. 1050. Л. 283, Д. 1051. Лл. 309–310об.

159. Там же. Д. 1055. Л. 143.

160. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1913. Д. 144. Лл. 155–162.

охранки революционный журналист Владимир Львович Бурцев. Последний зафиксированный его визит к Гучкову приходится на 12 марта 1916 г., накануне Всероссийского съезда Союза городов.

На следующий день, 13 марта, в Москве, выступая на съезде Союза городов, кадет Н. В. Некрасов подвергнул острой критике власти и отметил, что именно командный состав армии является защитником деятельности Земгора перед правительством и сотрудничество общественности и армии является залогом внутреннего обновления страны¹⁶¹. Это был недвусмысленный намек на тесные политические контакты с командованием. В том же духе выступал и гласный Петроградской городской управы В. Н. Новиков: «За нами имеются реальные силы — мобилизованный народ и мобилизованная армия»¹⁶². Конечно, весной 1916 года это были декларативные заявления, отражавшие скорее направление деятельности оппозиции и отдельные успехи, чем реально достигнутый результат. Однако слова Некрасова и Новикова крайне воодушевили съезд, на котором прозвучало немало резких выступлений. В частности, поступило предложение отправить приветственные телеграммы армии не на имя императора как главнокомандующего, а отдельным командующим армиями¹⁶³. Только П. Н. Миллюков дипломатично убедил съезд приветствовать армию в лице Николая II как Верховного главнокомандующего.

Слова Некрасова о работе по политической агитации в войсках имели практическое подтверждение. Минский губернатор князь В. А. Друцкий-Соколинский вспоминал: «Создавая... недовольство в тылу, оба союза и Земгора вели на фронте, на самой его линии, и во всей прифронтовой полосе плохо маскированную антигосударственную революционную про-

161. Там же. Ф. 97. Оп. 1а Д. 34. Лл. III, 128–128об.

162. Там же. Л. 128.

163. Там же. Лл. 95, 98.

паганду. В этом отношении исчерпывающую роль и значение помимо лечебных заведений союзов сыграли различные питательные пункты, этапы, склады и лавочки, разбросанные густой сетью вдоль всего фронта и в ближайшей к фронту местности... Чины штаба фронта неоднократно говорили мне, что продажа солдатам спирта и раздача нелегальной и революционной литературы являются точно установленными. Для борьбы с этой преступной деятельностью агентов союзов по приказанию генерала Эверта были привлечены мною и чины полиции... Руководители союзов и в данном случае выполняли определенный, составленный ими план политического разложения армии... Руководители союзов преследовали единственную цель — взорвать изнутри существовавший государственный строй, и единственно для этого ими и были созданы эти союзы»¹⁶⁴. Из приведенных воспоминаний непосредственного очевидца и участника событий видно, что далеко не все крупные военачальники потворствовали деятельности городского и земского союзов, а ведение этими союзами антиправительственной агитации в войсках отнюдь не было преувеличением.

Решающее значение в политическом самоопределении командного состава армии имела позиция начальника штаба Ставки М. В. Алексеева и командующего кавказскими войсками великого князя Николая Николаевича. Либеральная оппозиция одной из первых начала «политическую обработку» Алексеева. Во вторник 29 декабря 1915 г. М. К. Лемке сделал запись в дневнике: «Члены Государственной думы М. В. Челноков и А. И. Шингарев хотели приехать к Алексееву для общей беседы, потом отдумали, зная, что это будет истолковано не в его пользу. Кадеты спят и видят войти в связь с начальником штаба. Хочется им окружить Алексеева своими путами и сделать ору-

164. Друзикой-Соколинский В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010. С. 113–114.

дием своих длинных, но немощных рук. И я думаю, что они могут иметь некоторые шансы, потому что начальник штаба начинает, кажется, понимать сладость самодержавия, ну, а дальше конституционализма его, конечно, не выбросить»¹⁶⁵. Уже в январе 1916 г. Лемке отмечает заметное разочарование Алексеева в Николае II как Верховном главнокомандующем¹⁶⁶.

Правая оппозиция, прежде всего Гучков, также вела с ними постоянные и, вероятно, более успешные переговоры¹⁶⁷. Переписка М. Бордухова с С. А. Коноваловым свидетельствует о частых контактах Гучкова со Ставкой¹⁶⁸. По свидетельствам, регулярная переписка Гучкова непосредственно с Алексеевым началась в январе 1916 г. и продолжалась в течение всего года¹⁶⁹. Г. Е. Червинский писал 31 октября 1916 г. депутату Государственной думы Я. С. Гарусевичу, что Алексеева посещал князь Г. Е. Львов и они обсуждали исход войны¹⁷⁰. В первых числах января 1917 года председатель кавказского отдела Земгора городской голова Тифлиса А. И. Хатисов по поручению Г. Е. Львова также вел переговоры с великим князем Николаем Николаевичем¹⁷¹. Об этой встрече узнал Климович, к тому времени уже отставленный с должности переводом в Сенат. Он частным порядком доложил об этом Николаю II перед отъездом из Петрограда в Ставку¹⁷². Царь якобы наметил снять дядю с поста наместника на Кавказе и перевести на Дальний Восток.

Надо отметить, что Петроградское охранное отделение в течение всей войны вело негласное наружное наблюдение за Николаем Николаевичем. Изначально

165. Лемке М. К. Указ. соч. С. 329.

166. Там же. С. 348.

167. Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 191–194.

168. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1052. Л. 418.

169. Сеин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 93.

170. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 878.

171. Айрапетов О. А. Указ. соч. С. 192.

172. ГА РФ. Ф. Р5856. Оп. 1. Д. 325. Л. 1.

оно было установлено еще в бытность его Верховным главнокомандующим под предлогом обеспечения безопасности великого князя, но позднее после перевода на Кавказ наблюдение не было снято. То, что речь идет именно о наблюдении, можно сделать вывод из того, что в департамент полиции почти ежедневно направлялась информация обо всех его встречах и перемещениях. Более того, в конце сентября 1916 г. наблюдение было усилено агентом охранной команды Павлом Корневым из Петрограда, а общую координацию работы по «обеспечению безопасности» координировал подполковник А. А. Басов, прикомандированный в апреле 1916 г. к Тифлисскому ГЖУ¹⁷³.

В своих воспоминаниях последний директор департамента полиции А. Т. Васильев, характеризуя переписку между Гучковым, Милюковым и Родзянко, с одной стороны, и высшим генералитетом, включая Рузского и Алексеева, — с другой, отмечал, что значительная часть ее «пересылается с помощью специальных почтальонов и поэтому мне недоступна»¹⁷⁴. Рассматривая проводившиеся разными политиками переговоры с представителями генералитета, следует учитывать, что либеральная оппозиция не была единой и лишь временно могла объединяться для согласованной борьбы с престолом. Существенные разногласия между лидерами оппозиции Гучковым, Львовым, Милюковым, Родзянко, Рябушинским и прочими сохранялись вплоть до свержения самодержавия¹⁷⁵.

В историографии высказывалось мнение, что Алексеев шел на контакты с оппозицией не в силу своих антиправительственных взглядов, а потому

173. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 210. Лл. 1.

174. *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 469.

175. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003. С. 373.

как полагал, что и войну, и революцию Россия могла не вынести, и искал пути решения политических проблем. Однако в июне 1916 г. Николай II отверг не только предложенные Ставкой идеи ответственного перед Думой министерства и «правительства доверия», но даже и введение в стране диктатуры. Ряд историков полагает, что в составлении этих политических проектов Алексееву помогал начальник ГАУ генерал Маниковский¹⁷⁶. Члена ЦК Союза городов и зампред Московского военно-промышленного комитета Сергей Алексеевич Смирнов утверждал, что Маниковский был одним из немногих высших военных чинов, кто сочувствовал дворцовому перевороту и мог оказать поддержку¹⁷⁷.

Дворцовый комендант Воейков вспоминал: «Поведение начальника штаба в тоне общественной жизни нравилось его подчиненным, в то время уже находившимся в постоянном контакте с главарями Земского и Городского союзов. Один из офицеров штаба даже не постеснялся открыто высказать, что не раскаивается в том, что его образ мыслей не подходит к носимому им мундиру»¹⁷⁸.

С 8 ноября 1916 г. генерал Алексеев пребывал в Севастополе на лечении. В это время у него якобы произошла встреча с Гучковым и думскими политиками, на которой начальнику штаба якобы предлагалось принять участие в государственном перевороте по свержению императора Николая II. Дворцовый комендант Воейков пишет, со слов находившихся при Алексееве в Севастополе людей, что в ответ на предложения думцев Михаил Васильевич сказал: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду»¹⁷⁹. Эти слова подтверждаются и другими вос-

176. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 599, 600.

177. ГА РФ. Ф.Р5856. Оп. 1. Д. 325. Л. 1.

178. *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 184.

179. Там же. С. 212.

поминаниями¹⁸⁰. Генерал Деникин вспоминал, что Алексеев в ответ на предложения оппозиции в самой категорической форме указал на недопустимость каких-либо государственных потрясений во время войны¹⁸¹. Однако имеется информация о том, что переговоры с Алексеевым прошли более успешно для «заговорщиков».

Начальник Московского охранного отделения А. П. Мартынов вспоминал: «В 1916 году, примерно в октябре или ноябре, в так называемом «черном кабинете» Московского почтамта было перлюстрировано письмо, отправленное на условный адрес одного из местных общественных деятелей, и копии письма, согласно заведенному порядку, получили департамент полиции и я. Письмо — без подписи — по своему содержанию было совершенно исключительным... Смысл заключался в следующем: сообщалось для сведения московским лидерам Прогрессивного блока (или связанным с ним), что удалось окончательно уговорить Старика, который долго не соглашался, опасаясь большого пролития крови, но, наконец, под влиянием наших доводов сдался и обещал полное содействие. Письмо, не очень длинное, содержало фразы, из которых довольно явственно выступали уже тогда активные шаги, предпринятые узким кругом лидеров Прогрессивного блока в смысле личных переговоров с командующими нашими армиями на фронте, включая и великого князя Николая Николаевича... О том, что кличка Старик относится именно к генералу Алексееву, мне сказал директор департамента полиции А. Т. Васильев, к которому для личных переговоров по поводу этого письма я немедленно выехал из Москвы. Я помню, как во вре-

180. *Кирилин Ф.* Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919. С. 12.

181. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Paris. С. 37, 38.

мя моего разговора с А. Т. Васильевым я доказывал ему необходимость вывести из Москвы недисциплинированные и ненадежные запасные воинские части... В 1918 году осенью... А. Т. Васильев снова подтвердил мне идентичность Старика с генералом Алексеевым и добавил, что при положении генерала Алексева как правой руки Государя, при решающей в то время роли военных в управлении вообще и при умаленном значении Министерства внутренних дела все представления и доводы департамента полиции, очевидно, клались под сукно и до Государя не доходили»¹⁸².

Генерал-майор П. А. Половцов в своих воспоминаниях утверждал существование военного заговора во главе с Гучковым. «Существовал заговор. Предполагалось уговорить царя поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить царя из Ставки и, при помощи кавалергардов, совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства. Все это должно было произойти в середине марта» 1917 г.¹⁸³ С 6 декабря 1916 г. командиром Кавалергардского полка был Николай Николаевич Шипов, родной племянник Д. Н. Шипова, отошедшего от политических дел бывшего лидера кадетов и управляющего сахарных заводов миллионеров Терещенко.

Рассказ Половцова можно было бы считать преувеличением, если бы не неожиданное и несвязанное подтверждение его в воспоминаниях великого князя Александра Михайловича. В феврале 1917 г., незадолго до последнего отъезда императора из столицы в Ставку, автор мемуаров встречался с императором Николаем II, убеждая принять срочные меры по предотвращению бунта Петроградского гарнизона, но царь

182. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 384–386.

183. *Половцов П. А.* Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. М.; Берлин, 2016. С. 34.

недооценивал опасность ситуации. Александр Михайлович пишет: «Я спросил у военного начальства, собирается ли оно вызывать с фронта надежные части? Мне ответили, что ожидается прибытие с фронта тринадцати гвардейских кавалерийских полков. Позднее я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной думы, осмелились этот приказ Государя отменить»¹⁸⁴. Информация получает свое подтверждение и уточнение в мемуарах директора департамента полиции Васильева. По его словам, император, по совету министра внутренних дел Протопопова и после консультации с начальником военного округа Хабаловым, приказал передислоцировать в Петроград 4 гвардейских кавалерийских полка¹⁸⁵.

Наиболее подробное описание этого сюжета присутствует в показаниях министра А. Д. Протопопова. «В половине февраля царь с неудовольствием сообщил мне, что он приказал ген. В. И. Гурко прислать в Петроград Петергофский уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков 2-го гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными; они при призыве пополнялись из фабричной и мастерской среды). Я ответил царю, что моряки, действительно присланы неудачно, и я считаю полезным увеличение числа лишь благонадежных частей войск в Петрограде, но не удивлен слушанием ген. Гурко; думаю, что царь пожелает настоять на исполнении своего приказа. Царь сказал: «Да, конечно!»¹⁸⁶. Генерал от кавалерии Василий Гурко в связи с болезнью М. В. Алексеева с 11 ноября 1916 до 17 февраля 1917 гг. исполнял обязанности начальника штаба Ставки. Рассказ Протопопова не противоречит,

184. Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 2001. С. 269, 271.

185. Васильев А. Т. Указ. соч. С. 469.

186. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 93.

а лишь дополняет более краткие сведения А. Т. Васильева и великого князя Александра Михайловича. Несмотря тот факт, что Гурко задолго до войны был лидером известного кружка «младотурок», дать однозначную оценку мотивации его отказа выполнить прямой царский приказ затруднительно.

Приведенные воспоминания однозначно говорят лишь о том, что части гвардейской кавалерии предполагалось использовать в случае революции в Петрограде. Возможно одни силы видели в них последнюю опору монархии, другие наоборот оружие против нее. Не вызывает сомнений, что кто-то подсказал императору идею переброски гвардейской кавалерии. Впрочем, если утверждения Половцова верны, следует отметить, что условные заговорщики предполагали перебросить в столицу не весь гвардейский кавалерийский корпус, которым командовал искренне преданный царю генерал от кавалерии Гусейн Хан Нахичеванский, а именно по отдельности некоторые полки, те, в которых была проведена политическая работа среди офицерского состава. 28 января 1917 г. Николай II встречался с Хан Нахичеванским и новым военным министром генералом М. А. Беляевым в Царском Селе¹⁸⁷. Переброска гвардейской кавалерии в столицу с большой долей вероятности могла на встрече обсуждаться. Принятое решение переводить в Петроград весь корпус, наоборот, нарушало планы заговорщиков. После окончания Владимир-Волынской операции в октябре 1916 г. корпус находился в резерве в районе Ровно, и его вполне реально было перебросить в столицу.

Интересные воспоминания об умонастроениях Алексея накануне Февральской революции оставил бывший жандармский генерал Д. А. Правиков, встречавшийся с начальником Ставки 14 февраля 1917 г. в Курске по долгу службы. После официального об-

187. Дневники и документы из личного архива Николая II. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 16.

суждения безопасности на железных дорогах генералы уединились в железнодорожном вагоне для обсуждения политической ситуации в стране. Алексеев не только выражал крайнее разочарование персоной царя и монархией в принципе, но был уверен в том, что революция произойдет в ближайшее время. Когда жандарм Правиков предположил, что революция возможна через три месяца, начштаба парировал: «Многое может измениться боюсь, что раньше»¹⁸⁸. Из беседы явствовало, что Алексеев был мало осведомлен о политической деятельности общественных организаций, будучи близко знаком лишь с Г. Е. Львовым и М. В. Челноковым. Он подробно расспрашивал о работе общественных организаций, их возможностях и силе влияния, одобряя созыв Государственной думы. Обсуждая необходимые кадровые перестановки в стране, в том числе замену министра внутренних дел А. Д. Протопопова на графа П. Н. Игнатъева, генерал сильно волновался. Правиков напрямую предложил ему спасти государственный строй, предотвратить революцию и взять ответственность на себя. Алексеев отказал на повышенных тонах, мотивировав это разочарованием в императоре: «Что я могу сделать? Поймите — ведь Вы знаете государя»¹⁸⁹.

Гучков «обрабатывал» не только Алексеева. В момент его болезни и лечения в Крыму обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего исполнял уже известный генерал В. И. Гурко. Строго говоря, именно он не выполнил приказ императора о переброски в столицу гвардейской кавалерии. По данным столичной охраны, в 20-х числах января 1917 г. он лично приезжал к Гучкову на квартиру в Петроград и пробыл у него более трех часов¹⁹⁰. Сам факт, безусловно, ничего не доказывает, но дает повод для

188. ГА РФ. Ф.Р5856. Оп. 1. Д. 325. Л. 4.

189. Там же. «Ведь мы знаете» — так в тексте. — *Прим. В. Х.-Г.*

190. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1913. Д. 144. Л. 167.

размышления. То, что второй после императора человек в армии, ведущей мировую войну, находит время приехать в столицу и провести вечер у оппозиционного политика, вряд ли можно объяснить исключительно их знакомством по давно распавшемуся кружку «младотурков».

В своих воспоминаниях Гурко отмежевывается от политических контактов с Гучковым. По его утверждениям, в феврале 1917 г. императору было донесено о существовавшей между начштаба и оппозиционером тесной связи. Гурко пришлось иметь личный разговор с Николаем II, в котором он сообщил о довоенной деятельности кружка «младотурок» и своем близком знакомстве и сотрудничестве в те годы с Александром Ивановичем, однако в годы войны он имел с ним всего одну рабочую встречу на фронте в 1915 г., по делам Красного Креста. Поименный состав младотурок он отказался назвать. На вопрос, не встречался ли Гурко с Гучковым в 1917 г. как уже с одним из лидеров оппозиции, генерал слукавил, опасаясь потерять должность начальника Штаба Ставки. Гурко пишет, что во время своего визита в Петроград лидер октябристов не приходил к нему и не приглашал его в гости, однако признает, что все же виделся с ним однажды на нейтральной территории¹⁹¹. Это противоречит данным наружного наблюдения, что наводит на размышление о содержании разговора. Впрочем, одного факта встречи было недостаточно для масштабных выводов¹⁹².

Дворцовый комендант Воейков прямо называл три очага революционного брожения: Думу во главе с Родзянко, Земский союз во главе со Львовым, Городской союз во главе с Челноковым, Центральный военно-промышленный комитет, руководимый Гуч-

191. *Gourko B.* Memories and impressions of war and revolution in Russia, 1914–1917. London, 1918. С. 259–261.

192. *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г). М., 2003. С. 254.

ковым, и, наконец, Ставку во главе с Алексеевым¹⁹³. Именно последняя группа, по мнению Воейкова, нанесла самый сильный удар по монархии. Материалы явственно показывают, что все группы были связаны друг с другом и работали рука об руку.

В складывавшейся ситуации руководство МВД уже не могло положиться на сочувствие армии при подавлении революции. Е. К. Климович открыто говорил, «что если войска переходят [на сторону революции], то это конец»¹⁹⁴. А централизованных внутренних войск не существовало. Имевшиеся отдельные городские и портовые команды полицейской стражи были слишком немногочисленными для подавления массовых беспорядков.

Еще в мае 1915 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал Попов отмечал, что в случае революционных выступлений на обычную в таких случаях поддержку армии, деморализованной длительной кампанией, нельзя рассчитывать¹⁹⁵. А данные о возможности вооруженного восстания имелись. Так, в августе 1915 г. в комиссию по предотвращению революционных событий 1905 г. новый начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев направил записку о деятельности Петроградской биржи труда, реальную власть в которой захватили кадеты, эсеры и народные социалисты, связанные с Центральным военно-промышленным комитетом.

На заседании руководства биржи труда 5–7 августа 1916 г. эсер Н. Н. Ермолаев говорил, что «на случай эвакуации Петрограда предположено организовать милицию в количестве 10000, что оружие для милиции уже есть и им заведует кто-то из Государственной думы». Учитывая, что реальным организатором столичных бирж труда в марте 1915 г., державшим их под своим полным политическим контролем,

193. *Воейков В. Н.* Указ. соч. С. 199.

194. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 97.

195. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1915. Д. 220. Л. 16.

был А. Ф. Керенский, несложно догадаться, о каком неизвестном думском депутате шла речь. Не случайно в одной из сводок департамента полиции отмечалось, что Александр Федорович использовал их в деле подготовки будущей революции¹⁹⁶. Именно Керенский незадолго до Февральской революции был уличен в распространении прокламаций с прямыми призывами к восстанию¹⁹⁷. Начальник охранного отделения Глобачев прибавлял от себя: «Кто именно и где хранится оружие, агентуре выяснить не представилось возможным, но агентура указала, что оружие для милиции — германское, скупленное лицами, ездившими на передовые позиции от Союза городов и других общественных организаций, почему возможно предположить, что оружие для милиции хранится не в виде одного или нескольких складов, а находится на руках отдельных лиц в 1–2 экземплярах. В связи с этими разговорами, по указанию агентуры, в Петроградской городской думе обсуждался на закрытом заседании у городского головы вопрос о введении милиции, о составе Временного правительства на случай отъезда из столицы настоящего правительства и т. п. Кадеты при этом подчеркивали необходимость единой программы действий всех прогрессивных партий»¹⁹⁸.

Еще 9 апреля 1916 г. по поручению вице-директора ДП МВД Смирнова бывший сотрудник заграничной агентуры, а на тот момент агент Петроградского охранного отделения Пьер составил секретный отчет о революционном и оппозиционном течении в армии¹⁹⁹. Он был доложен директору департамента полиции Климовичу только 16–17 мая. По мнению сотрудника, оппозиционные и революционные силы окончательно разочаровались в легальных спо-

196. Там же. Оп. 308. Д. 224. Л. 6.

197. *Васильев А. Т.* Указ. соч. С. 473.

198. ГА РФ. Оп. 00. 1915. Д. 220. Лл. 450б., 46.

199. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Л. 42.

собах борьбы с правительством, осознав свое бессилие во время перерыва в заседаниях Государственной думы осенью 1915 г. Разочарование подтолкнуло их к поиску союзников по захвату власти среди военных. Пьер подчеркивал, что единства нет как среди самих оппозиционеров, так и между революционно настроенными силами в армии.

Основную угрозу он видел в объединении военных на почве недовольства ходом войны и политикой правительства. Наряду с откровенно фантастическими и нереалистичными вариантами развития событий автор доклада приводит и весьма трезвые оценки. Он выделяет два вида конфликтов — между армией и исполнительной властью и внутри самой армии. По его мнению, политическое объединение армии против правительства может произойти вследствие активных действий властей, угрожающих осуществлению намерений революционных или оппозиционных групп.

Автор доклада излагает четыре варианта действий военных: 1) «патриотическое» выступление в поддержку оппозиции, в случае атаки на нее властей без привлечения народных масс, с опорой на офицерство, 2) более решительное выступление, но уже с привлечением к перевороту тыловых частей, на фоне народных выступлений, 3) военный путч («пронунциamento») в Петрограде силами гарнизона или путем переброски подконтрольных заговорщикам частей с фронта для смещения императорского правительства и замены его демократически-революционным, 4) превращение войны с Германией в Гражданскую войну внутри страны между проправительственными войсками и революционизированными частями.

Согласно первым двум вариантам, действия армии могут выразиться в коллективном протесте под предлогом национальной обороны, могущим произойти как в форме политических действий, так и в революционной форме. При этом не обязательно, чтобы народное восстание предшествовало бы военному мятежу, возможен и обратный сценарий.

Последний, четвертый, вариант представляет собой восстание в армии, находящейся на фронте, согласованное с внутренней революцией, истребление части высшего командного состава армии, присоединение армии к вооруженным народным дружинам. По мнению Пьера, революционеры могут втянуть восставшие войска в вооруженный конфликт с верными правительству войсками, надеясь на то, что Германия при активном участии немецкой социал-демократии не будет продолжать войну в случае революции в России²⁰⁰. Заграничные революционеры, проводившие с ведома немецких и австрийских властей открытую агитацию среди русских военнопленных рассчитывали, что в случае восстания в России именно распропагандированные военнопленные сыграют роль пороха. Действительно, по агентурным данным, эмигрантские социалистические группы взяли «на себя инициативу по созданию кадров для будущего революционного войска»²⁰¹. В Женеве было создано Общество помощи русским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии и Комиссия по распространению литературы между русскими военнопленными, массово рассылавшие антиправительственные революционные издания и ведущие личную переписку с солдатами.

Предположения Пьера интересны тем, что в Февральской революции, как известно, решающую роль сыграли взбунтовавшиеся части столичного гарнизона, что близко к варианту «пронунциamento», а четвертый вариант, по сути, в искаженном виде напоминает историческую канву событий Гражданской войны.

Отмечая разнообразие и противоречивость сведений о настроениях в войсках, автор доклада выделяет и общие места в полученной информации: начинающееся падение дисциплины, глубокий политический

200. Там же. Лл. 420б.-440б.

201. Там же. Ф. 10003. Оп. 1. Д. 397. Index XXIV-k № 1411.

и мировоззренческий разрыв между старшим офицерством, преимущественно кадровым, и массой младших офицеров, вышедших из школ прапорщиков, искусственная демократизация младшими офицерами взаимоотношений с нижними чинами, что приводит как к обострению отношений последних с требующим сохранения жесткой дисциплины кадровым офицерством, так и к потере уважения к младшим офицерским чинам среди рядовых. При этом большинство унтер-офицеров настроено резко оппозиционно («все бунтовщики»). Пьер ссылается на свидетельства приезжавших с фронта офицеров, в том числе подполковников С. М. Тиссаревского и А. Ф. Пац-Помарнацкого²⁰², штабс-капитана А. С. Кошкарева²⁰³.

Готовность к антиправительственным действиям наблюдалась даже в гвардии. Наиболее оппозиционными считались Преображенский и Семеновский полки, а также лейб-гвардии 3-й стрелковый полк. Последнее утверждение имеет под собой серьезные основания, так как полковник Преображенского полка Дмитрий Дмитриевич Зуев во время Гражданской войны с некоторыми офицерами действительно перешел на сторону «красных» и воевал в составе РККА. Пьер писал: «Настроение в них резко критическое и оппозиционное, офицеры оживленно обсуждают события и заявляют о своей полной солидарности с обществом. В случае необходимости поддержать последнее полки эти с готовностью обратятся против правительства. Чисто революционных организаций в этих частях, по-видимому, нет, но офицеры настолько полевели, что не нуждаются ни в чьем стороннем влиянии... То же настроение наблюдается в артиллерии и даже кавалерии... Характерно также, что некоторые официальные представители от военного ведомства за границей охвачены резко оп-

202. «Пьер» по ошибке Пац-Помарнацкого называет Бонч-Помарнацким.

203. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Лл. 430б., 44.

позиционным к своему правительству настроением, которого не скрывают в беседах с французами»²⁰⁴. В антиправительственных высказываниях были замечены военный атташе при бельгийской армии капитан А. К. Прежбяно, помощник военного атташе в Париже артиллерийский полковник В. А. Свидерский, корреспондент газеты «Новое время» в Париже капитан В. И. Семенов, член русской военной миссии в Париже полковник П. А. Веденяпин и др.

При этом в докладе приводится весьма пугающая характеристика состояния не элитных армейских подразделений: «Что касается линейных частей войск — последние считаются в революционных и заграничных кругах, чуть ли не готовыми к выступлению по первому требованию так называемого «общества». Так, например, в одном из дивизионных штабов Кавказской армии подпоручиком электротехнической роты членом партии эсером Александром Николаевичем Худадовым и его единомышленниками издавался нелегальный орган «Военный листок», предназначенный для чтения нижними чинами и пользовавшийся большим успехом. Разработку Худадова Пьер вел еще с 1914 г.»²⁰⁵

17 мая 1916 г. Климович ознакомился с докладом Пьера, оставив на полях критическую пометку. Однако дальнейшее расследование не дало ожидавшихся результатов. 1 сентября он был уволен из числа секретных сотрудников Петроградского охранного отделения, а накануне революции, 11 января 1917 г., активно обсуждался вопрос возвращения его к работе на Заграничную агентуру²⁰⁶.

Однако мог ли политический сыск, ослабленный кадровыми потерями, реально противостоять приближавшейся революции, мог ли полноценно функционировать? В тот же день 17 мая, когда Климович

204. Там же. Л. 46об.

205. Там же. Ф. 11. Оп. 4. Д. 119. Л. 2.

206. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1915. Д. 362. Лл. 58–60.

читал доклад Пьера, на основе сообщений от территориальных органов сыска в недрах департамента полиции был составлен интересный документ — сводная таблица о числе филёров в розыскных жандармских учреждениях и охранных отделениях. Филёры, они же агенты наружного наблюдения, являлись одним из основных орудий политического сыска. Именно они сообщали о передвижениях, встречах, поездках и иных публичных действиях находившихся под их наблюдением подозреваемых. Были представлены сведения по 68 жандармским управлениям, 6 розыскным отделениям и 4 охранным отделениям, а также знаменитому «летучему» Центральному отряду филёров. Общий некомплект агентов наружного наблюдения по империи составлял более 19% от положенного по штату состава: из 1075 вакансий 208 оказались пустующими; 108 сотрудников было командировано в войска. Наиболее остро, почти катастрофическое, положение сложилось в Прибалтике и Литве. Некомплект составлял 61%, из 90 положенных по штату, на деле в распоряжении руководителей ГЖУ было лишь 35 сотрудников. Чуть лучше, но тоже плачевно обстояли дела в губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока, где из 115 положенных по штату сотрудников имелось лишь 64, то есть нехватка составляла 49%. В Гроденской, Ковенской и Тобольской губерниях не было ни одного филёра.

В Петрограде было лишь 85 филёров (некомплект 15%), в Москве 51 филёр (некомплект 21,5%), а от знаменитого Центрального отряда осталось всего 49 человек (некомплект 35,5%, то есть почти в два раза больше, чем в среднем по империи)²⁰⁷. Цифры говорят сами за себя. Учитывая, что для наблюдения за одним подозреваемым лицом требовалось от 2 до 4 филёров, их общая численность не позволяла политическому сыску вести несколько крупных расследований одновременно. Аналогичная ситуация скла-

207. Там же. Ф. 102. Оп. 316—1916. Д. 50ч. 1. Лл. 9—100б.

дывалась и в сфере перлюстрации корреспонденции. Европейские спецслужбы еще в начале войны быстро перестроились под новые условия, связанные со значительным расширением сферы деятельности. Лидером по увеличению штатов сотрудников полиции была Британия. К примеру, число цензоров, отвечавших за перлюстрацию корреспонденции в стране, за годы войны выросло более чем в 32 раза — со 170 в 1914 г. до 4861 в 1917 г.²⁰⁸ В России число перлюстраторов было практически неизменным и равнялось 49. Таким образом, Фонтанке, 16 приходилось довольствоваться отрывочными, часто случайными данными.

Революция неизбежна Подготовка к подавлению

Летом в недрах департамента полиции была составлена «Записка об общем положении к июлю 1916 г.», из которой следовал главный вывод о том, что революционного взрыва после войны «едва ли удастся избежать»²⁰⁹. Основными факторами эскалации политического недовольства, по мнению чинов ДП МВД, были антиправительственная агитация в армии, грядущее по окончании войны возвращение из германского и австрийского плена распропагандированных там русских солдат, несколько сотен тысяч дезертиров, как революционная армия. Анализируя имевшиеся силы полиции и жандармерии, авторы записки констатируют: «Сопоставляя размеры революционного движения текущего момента с наличием имеющихся в распоряжении департамента полиции сил для борьбы с ним, приходится констатировать, что

208. *Lauchlan I.* Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002. P. 65.

209. Общее положение к июлю 1916 г. (Записка Департамента полиции)//Былое. 1918. № 4. С. 25.

силы эти и качественно и количественно не соответствуют выполнению упавших на них задач», а личный состав корпуса жандармов «не подготовлен к розыску в тех размерах, в которых его приходится вести сейчас и придется вести в будущем»²¹⁰.

В бытность московским градоначальником уже после известного немецкого погрома Климович являлся последовательным сторонником взаимодействия войск и полиции в деле подавления беспорядков²¹¹; 59 раз он направлял воинские отряды ополченского корпуса в помощь гражданским властям²¹². Однако его принципиальная позиция заключалась в том, что вся власть в городе, несмотря ни на какие беспорядки, должна, безусловно, находиться в руках гражданских, а не военных властей: «Полиция сама должна прекратить беспорядки, а войскам передавать власть sporadически в том лишь случае, если она не может известный эпизод ликвидировать собственными силами немедленно, вслед же затем опять устранять войско, после ликвидации эпизода, и опять распоряжаться этим делом полицией»²¹³. 6 января 1916 г. он издал секретный приказ по градоначальству, согласованный с руководством штаба Московского военного округа, с приложением инструкции о подавлении волнений²¹⁴. В своих показаниях ЧСК ВП Климович так передает суть плана: «Полиция, в случае беспорядков, сводилась в команды полицейских чинов... Сводились городовые в команды. А затем... приглашались войска и каждой воинской части придавался отряд полиции. Город был распределен на районы, и в каждом районе полицейский чин ознакомлял военных чинов с расположением казначейств, банков и про-

210. Там же. С. 30.

211. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 93.

212. Романов К. С. Департамент полиции МВД накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. СПб., 2002. С. 219.

213. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 94.

214. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 297. Л. 32.

чих учреждений, которые подлежали охране, особенно военных складов, а также тех, если можно выразиться, дефиле, занятие которых должно было бы препятствовать чрезмерному скоплению толпы в одном месте. Конечно, система сводилась к тому, чтобы по возможности, пользуясь реками, в Москве — Москвой и Яузой, разделить и избежать большого скопления толпы в данном месте»²¹⁵.

Возглавив политический сыск, он издал циркуляр от 19 марта 1916 г. № 70253 о принятии мер на случай беспорядков, в котором требовал в каждом городе «разработать план распределения и вызова полицейских и военных нарядов и составить инструкцию о порядке действия чинов городской и уездной полиции отдельно и совместно с войсками, призванными для содействия гражданским властям»²¹⁶. Разработка планов шла медленно — большинство градоначальников не ответили ничего, кроме пустых отписок, что план разрабатывается²¹⁷. В основе Климович хотел положить свой московский проект и даже направил его к сведению петроградскому градоначальнику²¹⁸, однако ответа не получил. 6 апреля Климович укрепил Московское ГЖУ, переведя на его руководство опытного розысника полковника Сергея Викторовича Савицкого²¹⁹, ранее заведовавшего судной частью корпуса жандармов. 10 апреля Савицкий «авансом» был произведен в генерал-майоры²²⁰.

Наиболее полные и подробные предложения по координации сил полиции и войск были разработаны начальником Тифлисского ГЖУ полковником И. И. Пастрюлиным и московским градоначальником генерал-майором В. Н. Шебеко.

215. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 96.

216. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 105. Л. 106.

217. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 94.

218. Там же. С. 96.

219. Вестник полиции. 1916. № 15 (8 апреля).

220. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916. С. 235.

План Пастрюлина был представлен Климовичу 1 сентября 1916 г. и состоял из трех разделов: «Меры для охранения порядка и общественной безопасности», «Меры борьбы с забастовками» и «Борьба с революционными организациями». Полковник предлагал сохранять военное положение вплоть до конца мобилизации и наступления полного успокоения в губернии. Для поддержания порядка в Тифлисе и уездных центрах назначались войска (пехота и казаки) из расчета 4 полка на губернский центр и по батальону пехоты с сотней казаков на уездный город. Кроме того, создавался резерв войск быстрого реагирования на грузовых и легковых автомобилях и военных мотоциклистов для связи между частями армии, полиции и властными органами. Пастрюлин хотел разделить город по числу полицейских участков на военные участки, прикомандировав к каждому определенное количество войск для несения патрульной и караульной службы. Особо надежные караулы должны были быть выставлены около артиллерийских и оружейных складов, банков, сберегательных касс, почтово-телеграфных контор, водопровода, электрической станции, станций трамвая, а также на мостах и окраинах города для недопущения рабочих и групп празднично шатающихся из уезда. Все частные оружейные магазины закрывались, а оружие, патроны и порох сдавались по описи на государственные склады²²¹.

При первых указаниях на возможность возникновения беспорядков и при возникновении таковых немедленно закрывались все магазины, прекращалось трамвайное движение, вагоны передавались для нужд полиции и администрации, ворота домов должны были быть закрыты с 9 часов вечера до 7 утра. Требовалось безотлагательно арестовать всех подстрекателей к забастовкам и агитаторов. В случае начала забастовки направлять на предприятия военные караулы и всех отказывающихся работать заставлять трудить-

221. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00. 1916. Д. 220. Лл. 10–11.

ся принудительно. Всех революционных агитаторов и организации ликвидировать заблаговременно и постепенно, не дожидаясь конца войны. Стоявших во главе революционных организаций лиц подвергать аресту и высылке.

Автор проекта считал необходимым установить предварительную цензуру всех периодических изданий, вне зависимости от их направленности. У владельцев типографий под угрозой административной кары брать подписку, что ни одна рукопись, не прошедшая цензуру, не попадет в печать. Близкие или принадлежащие революционным партиям издательства закрывать на все время военного положения, изымать адресные и денежные книги, конфисковывать все финансовые средства. Запрещать любые митинги и собрания вне зависимости от их целей, состава или места проведения²²².

Пастрюлин, опасаясь перехода войск на сторону восставших масс, предлагал заблаговременно отобрать наиболее надежные части с авторитетными офицерами во главе. Материальное положение войск, назначенных для подавления беспорядков, должно было быть улучшено путем назначения всем офицерам и нижним чинам суточных денег в возможно большем размере²²³.

Московский план градоначальника Шебеко был разработан также в соответствии с циркуляром Климовича, но введен в действие только 8 января 1917 г. В его основу была положена «Инструкция чинам Московской столичной полиции на случай возникновения беспорядков в столице». Согласно ей, вводилось три уровня опасности, на каждом из которых должны были предприниматься свои действия.

I уровень определялся возникновением или ожиданием беспорядков на каком-либо участке. Для их ликвидации использовались дежурная полицейская

222. Там же. Лл. 10–13об.

223. Там же. Л. 14.

часть и конные подразделения в распоряжении местного полицмейстера.

II уровень наступал в момент вызова на место беспорядков всех дежурных частей отделения. Снимались все пешие и конные части полиции и жандармерии. На их место временно переводились дворники. Блокировались мосты, фабрики, учреждения. В известность ставился начальник войскового отделения.

III уровень обозначал наивысшую опасность, вызов войск, когда полиция и жандармерия не могли подавить беспорядки своими силами и находящимися в их распоряжении конными частями. Привлекались и приводились в полную боевую готовность все чины полиции, включая финансовую и уголовно-розыскную. Гражданская власть на местах при необходимости могла передаваться начальникам воинских частей²²⁴.

План Шебеко также предполагал и общие меры предосторожности. Чины полиции должны были безотлучно находиться в своих районах. Усиливалось наблюдение за местами, где были возможны агитационные или демонстративные сборища публики и неблагонадежных элементов (народные гуляния, площади, бульвары, а также фабрики, заводы, мастерские, трамвайные парки, высшие учебные заведения и т. п.). Усиливалось наблюдение в эти дни за театрами, разрешенными лекциями и собраниями, народными домами и кинематографами, где злонамеренные лица могли устроить демонстрацию. Дежурные по театрам офицеры и полицейские надзиратели должны были особое внимание обратить на дешевые места, где бывает учащаяся молодежь и рабочие.

В случае начала беспорядков, согласно плану, необходимо было, пользуясь всеми телефонами, имеющимися в градоначальстве, немедленно сообщить о случившемся градоначальнику и его помощнику по наружной части, всем полицмейстерам, где

224. Там же. Оп. 316–1916. Д. 297. Л. 340б.

не было еще беспорядков, начальнику охранного отделения, главе сыскной полиции, старшему врачу для высылки кареты скорой медицинской помощи и начальнику Московского жандармского полицейского железнодорожного узла. При подавлении беспорядков прекращалось трамвайное движение. Вся связь на местах осуществлялась по телефону²²⁵.

Нужно отметить, что план Шебеко был намного мягче плана Пастрюлина. Он предполагал сохранение общественной и культурной жизни в городе, минимальное использование армейских подразделений. При подавлении беспорядков Шебеко делал ставку на высокую скорость передачи информации при принятии решений местными жандармско-полицейскими властями, предполагая передачу власти военным только в самом крайнем случае. Пастрюлин же ратовал за сворачивание городской жизни до самых минимальных потребностей, строгий режим и высокую концентрацию воинских частей и их мобильное перемещение по городу. Последовавшие события Февральской революции доказали, что «либеральный» расчет московских властей не оправдался. 1 марта 1917 г. одним из самых первых в Москве в подчинение революционного комитета перешел командир Московского жандармского дивизиона полковник И. К. Терпелевский²²⁶, вероятно, реально оценив неспособность дивизиона противостоять революции. А оперативная информированность о происходящем так и не смогла повлиять на нерешительность военных властей города.

27 июня 1916 г. товарищ министра внутренних дел Степанов разослал циркуляр губернаторам и градоначальникам с требованием при возникновении беспорядков на почве дороговизны принимать энергичные меры по их подавлению. Степанов видел результативность мер правительства в солидарных действиях полиции и местных воинских подразделений по за-

225. Там же. Лл. 33–34.

226. Мартынов А. П. Указ. соч. С. 40.

ранее разработанному плану. Для того чтобы не оказаться застигнутыми врасплох, товарищ министра рекомендовал «широко использовать осведомительную деятельность местных органов жандармского надзора и чинов полиции»²²⁷. Судя по стилистике и содержанию, его напутствия являлись продолжением циркуляра Климовича от 19 марта; авторство обоих документов также, возможно, идентично.

Летом 1916 г. Климович начал концентрировать в центральном промышленном районе разбросанные по всей империи эвакуированные жандармские управления. К сентябрю в Москве были размещены Варшавское, Келецкое, Люблинское ГЖУ, Варшавский жандармский дивизион, а также канцелярия помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, а в Московской губернии (в Серпухове и Можайске) — Плоцкое и Радомское ГЖУ, Брест-Литовская крепостная жандармская команда²²⁸. Вместе с частями полиции на конец 1916 г. — начало 1917 г. в Москве имелось 27 полицейских рот, 2 эскадрона Московского жандармского дивизиона, 2 эскадрона Варшавского жандармского дивизиона (1 конный и 1 пеший), 1 сотня и 7 взводов казаков, 3 отделения конной стражи²²⁹.

Командиром корпуса жандармов графом Д. Н. Татищевым была произведена проверка жандармских подразделений в Москве. Если состояние ЖПУЖД, ГЖУ и жандармского дивизиона получило высокие оценки, то содержание эвакуированных частей было крайне неудовлетворительным. Так, проверка Варшавского жандармского дивизиона, на службе в котором состояло 10 офицеров, 372 строевых нижних чина и 75 прочих, выявила многочисленные нарушения. Жандармы были рассредоточены по двум казармам — на Ходынском поле и на Петроградском шоссе.

227. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 100. Ч. 2. Лл. 6–7.

228. Там же. Ф. 110. Оп. 19. Д. 205. Лл. 1–2.

229. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 297. Л. 35.

Первые представляли собой бывшие частные беговые конюшни, ветхое деревянное здание с низкими потолками. Нары для нижних чинов были двухъярусными, частично трехъярусными. Свободных проходов между нарами не было, все углы были буквально завалены солдатскими вещами, воздух в помещениях стоял несвежий. Карабины и сабли также были свалены по углам. Новые казармы на Петроградском шоссе только обустраивались, но и они не отличались простором и удобством²³⁰. Татищев отметил, что у чинов сохранялась хорошая воинская выучка, но потребовал как можно скорее привести дивизион в нормальное состояние.

В Петроград на усиление было направлено бывшее Варшавское ЖПУЖД. Калишское и Петроковское ГЖУ разместились в Смоленске. Остальные эвакуированные жандармские управления в крупных губернских центрах Центральной России — Курске, Ярославле, Калуге, Рязани, Пскове²³¹. Три жандармские крепостные команды забрали в свое подчинение военные: Гродненская подчинялась штабу 1-й армии, Ковенская — штабу 10-й армии, Особая (Ивангородская) — производителю работ военного строительства в Минске генерал-майору В. К. Фельдту²³². Фактически эти три подразделения были изъяты из подчинения МВД и не могли быть задействованы для поддержания порядка в случае революционных выступлений.

В наибольшей степени силы жандармерии были сконцентрированы в Московской и ближайших к ней губерниях, но не в Петрограде. Причина этого может заключаться в том, что столица относилась к театру военных действий, и применение сил жандармерии здесь зависело от подчинявшегося командующему Северным фронтом начальнику гарнизона. В то же время расквартированные в Москве части жандарме-

230. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Лл. 329–330.

231. Там же. Ф. 110. Оп. 19. Д. 205. Л. 106.

232. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 102. Л. 118.

рии и полиции находились полностью в руках МВД. Но было ли такое решение рациональным? Возможно, сказалась перенасыщенность Петрограда воинскими, в основном запасными, соединениями, а также представление о Москве, как о центре и рассаднике активного неповиновения: опыт боев на Пресне во время Первой русской революции и немецкий погром 1915 г. также давали знать о себе.

Проблема военно-полицейского двоевластия в Петрограде неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне и выносилась на рассмотрение императора. Еще в июле 1915 г. председатель Совета министров И. Л. Горемыкин писал Николаю II, что с введением в столице военного положения в ней прекратится действие Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Иными словами, руководство действиями по охране государственного порядка в городе перейдет к главнокомандующему фронтом, а с министра внутренних дел эта обязанность сложится. Это приводило к изданию военными и полицией не только несогласованных, но зачастую и противоречивых распоряжений. Горемыкин отмечал, что «Петроград состоит на военном положении, что поддержание в нем полного порядка, несомненно, отражается на настроении страны и что все распоряжения, издающиеся для столицы, вызывают широкий интерес и приобретают значение руководящего характера для прочих местностей империи»²³³. 8 июля Николай II согласовал создание в столице Особого комитета под председательством главнокомандующего армией в составе товарища министра внутренних дел, директора департамента полиции, градоначальника, представителей министерств юстиции, двора, торговли и промышленности и других лиц по приглашению главнокомандующего армией. Однако структура не заработала.

233. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 70. Л. 60.

Через полгода в декабре 1915 г. — январе 1916 г. был снова поднят вопрос об урегулировании отношений между МВД и начальником Петроградского военного округа. На этот раз двоевластие препятствовало организации нормального снабжения города. Новый глава правительства Б. В. Штюрмер ходатайствовал перед императором с просьбой обязать военных издавать распоряжения по столице только после обсуждения в Совете министров. Николай II наложил резолюцию «Согласен», но дальше слов дело межведомственной координации не ушло²³⁴. За безопасность в столице должен был отвечать кто-то один. В итоге по инициативе столичного градоначальника А. П. Балка была создана комиссия под председательством командующего войсками Петроградского военного округа С. С. Хабалова, состоявшая преимущественно из представителей армии и городских властей. Комиссия разрабатывала проект «дислокации войск для совместных их действий с полицейскими частями», и к концу января 1917 г. завершила, не уведомив о проекте ни МВД, ни департамент полиции²³⁵.

Один из упущенных шансов по предотвращению вооруженного противостояния в случае революции случился в то время, когда Климович был назначен руководителем департамента полиции, формально являясь товарищем министра внутренних дел. 22 марта и 7 апреля 1916 г. в Совете министров обсуждался вопрос об изъятии огнестрельного оружия у населения для нужд армии. Главным инициатором обсуждения было Военное министерство. Дело в том, что ранее реквизиция длинноствольного оружия шла медленно и в форме выкупа у населения. На заседаниях Совмина было принято решение начиная с 1 июля организовать безвозмездное изъятие всего огнестрельного оружия, а не только необходимого войскам. Выполнение решения было поручено чинам полиции

234. Там же. Лл. 74, 74об.

235. Романов К. С. Департамент полиции МВД... С. 225.

и жандармерии в тесном сотрудничестве с военными властями, на что последние охотно шли. Министры рекомендовали МВД и Военному министерству войти в сношение по этому вопросу и разработать четкий алгоритм действий²³⁶. Однако, как известно, в полной мере эта инициатива получила воплощение только при советской власти, в первые годы ее существования. Возможность под предлогом обороны государства и вооружения армии лишить потенциально взрывоопасные слои населения, прежде всего рабочих и крестьян, огнестрельного оружия царским МВД была упущена.

Не полагаясь на надежность армейских подразделений, понимая объективную малочисленность сил полиции и жандармерии, в 1916 г. руководство МВД предприняло робкие попытки по восстановлению в стране внутренних войск. Речь шла о проекте организации внутри империи отрядов полицейской стражи. Он был инициирован еще 13 января 1916 г. в записке министра А. Н. Хвостова на имя директора Белецкого. После создания стражи в Галиции, Хвостов приказал сформировать под председательством командира ОКЖ графа Татищева комиссию «для образования внутри России 5 отрядов по 1000 человек с необходимым количеством офицеров и снабженных конными пулеметами»²³⁷. Только 19 февраля записка попала в руки Татищева, и внутри жандармского руководства началась работа над проектом. 25 февраля был сформирован состав комиссии. Председательствовал сам командир корпуса жандармов, от штаба в работе участвовали: начальник генерал-майор В. П. Никольский, офицер для поручений при Главном управлении ОКЖ полковник Е. А. Обермиллер, старший адъютант штаба подполковник С. К. Чуйкевич и ротмистр А. М. Каменнов. От департамента по-

236. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1916 год. М., 2008. С. 150, 151.

237. ГА РФ. Оп. 11. Д. 1003. Л. 2.

лиции в комиссию входили вице-директор К. Д. Каффов и делопроизводитель действительный статский советник А. А. Волков²³⁸.

Проект был составлен и 31 марта 1916 г. передан на рассмотрение командиру ОКЖ ротмистром Александром Каменновым, восемь лет прослужившим в полицейской страже. Изучавший документ Никольский подчеркивал временность введения данной стражи — пока есть угроза беспорядков. Генерал опасался, что армия откажется финансировать стражу, а огромные расходы лягут целиком на жандармерию и МВД. Поэтому он предлагал сократить личный состав предполагаемой стражи на четверть²³⁹.

Основная цель существования стражи по проекту Каменнова состояла в подавлении беспорядков и погромов при демобилизации армии²⁴⁰. Таким образом, политический сыск предполагал возможность революции скорее по окончании войны, чем в ходе ее. Мобильная конно-полицейская стража должна была состоять из 4 полков, каждый численностью 775 человек под командой подполковника, полковника или генерал-майора, назначавшегося высочайшим приказом по представлению командира корпуса жандармов. Офицеры и чиновники назначались бы непосредственно приказом командира корпуса²⁴¹.

Полк №1 предполагалось расквартировать в Екатеринославе для ликвидации возможных волнений колонистов и рабочего движения на Украине. Он должен был состоять из стражников, эвакуированных из Ковенской, Курляндской губерний и Галиции. Полк № 2, состоявший из стражников Лифляндской и Гродненской губернии, располагался бы в Саратове для борьбы с волнениями в Поволжье и, в частности, в наиболее беспокойной Саратовской губернии.

238. Там же. Л. 5.

239. Там же. Лл. 26–26об.

240. Там же. Л. 30.

241. Там же. Лл. 33–33об.

Полк № 3, укомплектованный в основном эвакуированными из Галиции стражниками, расквартировался в Воронеже и должен был содействовать подавлению волнений в средней полосе России. Полк № 4 располагался в Москве ввиду концентрации в городе большого количества промышленных предприятий и для переброски его на подавление волнений в северные губернии. Московский полк должен был быть в основном укомплектован по набору лучшими полицейскими стражниками из всех губерний Центральной России²⁴². В Петрограде размещать отдельный полк не предполагалось. Судя по концентрации эвакуированных сил жандармерии и конной полиции в Москве, в 1916 г. руководство политического сыска предполагало именно здесь начало революционных беспорядков (по аналогии с декабрьским восстанием 1905 г. и немецкими погромами 1915 г.), что оказалось грубым просчетом.

Конно-полицейская стража должна была находиться в подчинении министра внутренних дел и командира корпуса жандармов. Служба стражников приравнивалась к службе унтер-офицеров ОКЖ, им назначалось повышенное содержание, давалось право на пенсию и единовременное пособие. Особенно хорошо следовало финансировать офицерский состав, доходивший до 60 человек²⁴³. Значительное участие в разработке проекта на завершающей стадии в апреле 1916 г. принимал и сам Климович²⁴⁴.

Однако проект 4-полковой стражи вызвал нарекания в МВД прежде всего своей дороговизной. 21 апреля комиссия Татищева была распущена и собрана новая под председательством товарища министра Степанова²⁴⁵, который придерживался линии сокращения финансирования офицерского состава стражи

242. Там же. Лл. 300б., 56–56об.

243. Там же. Лл. 31–31об.

244. Там же. Лл. 7–8.

245. Там же. Л. 13.

и увеличения дисциплинарных наказаний и взысканий для чинов стражи вплоть до ареста на 30 суток²⁴⁶. Комиссия Степанова трижды собиралась на заседания (22 и 29 апреля, 26 мая) на квартире министра внутренних дел на Морской, 61²⁴⁷.

В итоге никакого решения не было принято, и вопрос о конно-полицейской страже, которая должна была быть сформирована непосредственным распоряжением МВД, был включен в общую канву реформы полиции — иными словами, оставлен до решения Государственной думы. Вопрос о повышении окладов жандармско-полицейским чинам также был отложен²⁴⁸.

Последней попыткой Климовича укрепить систему безопасности в империи был проект возрождения районных охранных отделений. По его поручению разработкой конкретных предложений занялся жандармский полковник П. П. Заварзин, в 1916 г. возглавлявший эвакуированное Варшавское ГЖУ, а фактически занимавшийся организационной работой в аппарате политического сыска. 15 июля он представил доклад «о предстоящей розыскной работе». Констатируя факт осведомленности полиции о революционных намерениях общественных организаций, имея в виду Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты, полковник тем не менее утверждал, что для сбора конкретной доказательной базы необходима усиленная агентурная и розыскная работа. Признавая необходимым роспуск союзов, Заварзин предлагал его отнести на момент окончания войны. Однако он опасался того, что еще до этого момента могут вспыхнуть массовые забастовки и вооруженные выступления по типу 1905 г. Для установления жесткого контроля над населением

246. Там же. Лл. 17–23.

247. Там же. Лл. 10, 11, 15.

248. Там же. Л. 14об.

и общественностью необходимо было укрепить жандармско-полицейскую структуру.

Автор доклада предложил заново учредить 10 районных охранных отделений с центрами в Петрограде, Москве, Саратове, Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе и Могилеве. В отличие от предыдущей системы районных отделений у вновь создаваемой была тематическая направленность. Петроградское РОО отвечало за политическую безопасность столицы, флота Балтийского моря и основных крепостей и военных гарнизонов в Прибалтике. Московское РОО должно было контролировать размещавшиеся в городе штабы основных общественных организаций, революционное и особенно рабочее движение в наиболее взрывоопасном Центральном промышленном районе. Вообще Москва, по мнению жандармов, считалась основным центром революционной опасности, с которого и начнется революция. Саратовскому отделению поручалось ведение всем Поволжьем, где оставались крупные ячейки партии эсеров. Киевское не только курировало губернии Правобережной Украины, но и брало под опеку оккупированные территории Галиции, уделяя основное внимание украинскому национализму. Одесское РОО должно было сосредоточить свое внимание на флоте Черного моря и безопасности императорских резиденций в Крыму. Тифлисское непосредственно подчинялось наместнику на Кавказе, и кроме общих проблем политического характера должно было поставить под контроль сепаратистские пантюркистские и панисламистские настроения народов Закавказья. Нельзя не отметить и создание нового, ранее не существовавшего Могилевского РОО, в подчинении которого должны были находиться всего лишь три губернских жандармских управления — Могилевское, Минское и Витебское²⁴⁹. До 1914 г. существовало Северо-Западное РОО с центром в Вильно, объединявшее в два раза больше губер-

249. Там же. Ф. 102. Оп. 316—1916. Д. 100. Лл. 1—6.

ний. Заварзин ни слова не пишет о назначении этого крохотного (по сравнению с 9 другими огромными) отделения. Рискну предположить, что задача максимум у Могилевского РОО могла быть одна — получить легальный способ наводнить секретной агентурой Ставку Верховного главнокомандующего.

Проект был доработан в 6-м делопроизводстве департамента полиции подполковником И. П. Васильевым и завизирован вице-директором департамента И. К. Смирновым. Поводом для восстановления РОО стал тезис о скачкообразном росте революционного движения и неготовности к нему политического сыска. В преамбуле окончательного проекта, составленного 26 июля 1916 г., И. П. Васильевым было сказано: «При сопоставлении размеров революционного движения текущего момента и ближайшего будущего с наличием имеющихся в распоряжении департамента полиции розыскных сил и имея в виду, что эти силы как количественно, так (что особенно важно) и качественно совершенно не соответствуют грандиозности упавших на них задач, — приходится констатировать, что борьба с предстоящим революционным движением представляется крайне затрудненной. Должно признать, что наличный состав той части Отдельного корпуса жандармов, на которой лежит политический розыск, то есть губернских, областных и городских жандармских управлений и охранных отделений в большинстве, главным образом, начальствующих лиц, не подготовлен к ведению розыска в тех размерах, в которых надлежит вести это дело теперь и придется вести в будущем по окончании войны. Кроме того, корпус жандармов ослаблен и численно, ибо в нем имеется значительный некомплект офицеров (до 150)... Недостаток подготовленных руководителей розыска не дает возможности даже восстановить в полном объеме организацию существовавших в период времени с 1907 по 1914 г. районных охранных отделений»²⁵⁰.

250. Там же. Лл. 23об.-24об.

Департамент предлагал учредить сначала лишь три районных отделения — Московское, Киевское и Саратовское. Приоритеты в их работе были определены следующим образом: поставить под контроль рабочее движение и руководящие центры оппозиционных общественных организаций, ликвидировать сохранившиеся нелегальные группы социалистов-революционеров и направить усилия на борьбу с сепаратизмом и украинским национализмом в Юго-Западном крае. По сравнению с проектом Заварзина это было значительным шагом назад, однако департамент пытался исходить из скромных финансовых возможностей сыска. Деятельность новых РОО должна была значительно отличаться от довоенной. Они были освобождены от утомительной канцелярской переписки. Основная их задача стояла в приобретении новой центральной и местной агентуры, замене функций местных розыскных органов и их подстраховке. РОО должны были координировать проведение ликвидаций во всем районе, объединяя работу жандармских управлений, инструктировать и направлять работу губернских управлений для проведения совместных действий. Предполагалось поставить на новые должности 14 опытных жандармских офицеров, выделив им на наём секретной агентуры 27 тыс. руб. Всего создание трех новых РОО должно было обойтись бюджету в дополнительные 86800 руб. в год²⁵¹.

Климович изучил оба доклада — Заварзина и Васильева. Он понимал паллиативный характер предлагавшихся мер и направил министру внутренних дел А. А. Хвостову совершенно секретное письмо с предложением о проведении масштабной реформы политического сыска. В первую очередь надо было завершить строительство системы жандармских управлений, распространив ее на всю без исключения территорию империи, везде, где есть резиденции высших представителей административной власти (губернаторы,

251. Там же. Лл. 270б.-29.

начальники областей, градоначальники). Железной мотивацией для этого было уже два месяца полыхавшее восстание в Средней Азии, где в силу отсутствия системы политического сыска спецслужбы «проморгали» момент его начала. Предлагалось создать 13 новых региональных подразделений сыска: Акмолинское, Забайкальское, Закаспийское, Приамурское, Самаркандское, Семипалатинское, Семиреченское, Сырь-Дарьинское, Тургайское, Уральское и Ферганское губернские и областные жандармские управления, городское жандармское управление Ростова-на-Дону (отдельное от Донского ОблЖУ), Кушкинскую крепостную жандармскую команду²⁵². Не остались без внимания и действовавшие жандармские управления, чьи штаты были признаны вообще не соответствующими не только масштабам розыскной работы 1916 г., но даже потребностям сыска предвоенного периода. Увеличение штатов Климович охарактеризовал как безотлагательное дело большой государственной важности. Он предложил в губернских центрах ввести новые должности помощников начальников управлений в городе, действующих независимо от уездных властей, а также увеличить число делопроизводителей. Новые штатные единицы должны были заниматься исключительно вопросами революционного движения, прежде всего радикальными направлениями социал-демократии, эсерами и анархистами. Увеличение штатов предполагалось в 52 жандармских управлениях. Вместе с вновь учреждаемыми управлениями численность корпуса жандармов необходимо было увеличить в общей сложности на 17 начальников управлений, 149 штаб- и обер-офицеров, 80 делопроизводителей, 1251 строевых унтер-офицеров и вахмистров, 388 нестроевых чинов и 32 переводчика²⁵³.

Рассмотрев предложения по восстановлению районных охранных отделений, директор департамента

252. Там же. Лл. 61, 63об., 64об.-67об.

253. Там же. Лл. 72-75об., 81, 81об.

полиции решил принять компромиссное решение. Взяв из проекта И. П. Васильева подробно разработанные функциональные обязанности и штаты, с точки зрения численности этих отделений он согласился с точкой зрения П. П. Заварзина, распространив сеть на всю территорию империи. Климович справедливо опасался, что восстановление районных охранных отделений, ликвидированных циркуляром Джунковского, потребует отмены этого циркуляра и может вызвать непредсказуемые политические проблемы. Он решил переименовать районные охранные отделения в жандармские инспекции. Такого названия еще не было в истории спецслужб. Поэтому формально речь шла не о воссоздании признанной (пусть и ошибочно) неэффективной системы, а об учреждении «совершенно новой структуры». Климович хотел провести введение инспекций и утверждение их штатов в обход рассмотрения Государственной думы через статью 96 Основных законов²⁵⁴. Согласно ей, постановления по строевой, технической и хозяйственной частям, а также положения и наказания учреждениям и должностным лицам военного и военно-морского ведомств непосредственно представлялись императору. Если постановления относились к одному лишь военному ведомству, не касаясь предметов общих законов, и если новый расход из казны покрывался ожидаемыми сбережениями по финансовой смете военного министерства, за согласованием кредитов к Государственной думе можно было не обращаться. Так как корпус жандармов по хозяйственной и строевой части подчинялся военному министерству, то логичнее было использовать 96-ю статью, в то время как создание РОО как учреждений МВД упиралось в заблокированную Думой реформу полиции. Это был весьма мудрый ход опытного аппаратчика.

Жандармских инспекций должно было быть учреждено двенадцать (с соответствующими центрами):

254. Там же. Л. 77об.

Северная (Петроград), Центральная (Москва), Западная (Рига), Юго-Восточная (Екатеринослав), Южная (Одесса), Юго-Западная (Киев), Поволжская (Саратов), Уральская (Пермь), Западносибирская (Томск), Туркестанская (Ташкент) и Кавказская (Тифлис)²⁵⁵. Во главе каждой из них назначался инспектор — жандармский генерал или полковник из числа состоявших в распоряжении министра внутренних дел. Оклад инспектора должен был превышать оклад начальника жандармского управления 1-го разряда. При инспекторе формировалось управление из двух жандармских офицеров, секретаря, трех опытных строевых унтер-офицеров для производства специальных розыскных действий и четырех нестроевых унтеров для письмоводства.

В условиях мировой войны Климович не лелеял надежд найти массу офицеров и унтеров, желающих поступить на службу в органы политического сыска. Он понимал неминуемость приближающейся революции. Времени на подготовку новых кадров с нуля не было. Приходилось изыскивать внутренние ресурсы, и Климович решил пожертвовать железнодорожной жандармерией. Выбирая между ослаблением надзора за железными дорогами и предотвращением революции, Евгений Константинович выбрал второе. Согласно проекту реформы, при департаменте предполагалось учредить постоянно действующие курсы переподготовки кадров для политического розыска. На них должны были преподаваться исключительно практические дисциплины: ведение внутренней агентуры, наружное наблюдение, история революционного движения, фотография и дактилоскопия, шифры и тайнопись, контршпионаж, ведение дознания и переписка. Основными слушателями должны были быть как молодые офицеры, недавно поступившие в корпус и прослушавшие курсы при штабе, так и опытные штаб-офицеры, служившие в жандарм-

255. Там же. Лл. 76–77.

ско-полицейских управлениях. Последние были хорошо знакомы со строевой жандармской службой, но не знали дело политического сыска и нуждались в дополнительном обучении²⁵⁶.

Кроме расширения штатов жандармерии и увеличения финансирования всего сыска, необходимо было укрепить опытными специалистами по розыску и сам департамент полиции. После того как Джунковский на четверть сократил зарплаты жандармских офицеров, состоящих на службе в департаменте, их число сократилось на 60%. Уже 3 ноября 1915 г. директор департамента Русчу Моллов писал: «В настоящее время ощущается крайняя необходимость усилить при департаменте полиции состав офицеров... восстановить норму добавочного содержания»²⁵⁷. Однако провести эту меру С. П. Белецкий не успел.

Нельзя сказать, чтобы верховная власть совершенно не заботилась о защитниках правопорядка. Еще до войны сам император выразил желание улучшить материальное положение чинов полиции и жандармерии. Однако в связи с провалом проекта реформы полиции в Государственной думе этого не произошло²⁵⁸. В ноябре 1915 г. А. Н. Хвостов вернулся к этому вопросу, поставив его на рассмотрение Совета министров, и получил одобрение коллег. 17 февраля 1916 г. Николай II распорядился улучшить на время войны материальное положение чинов полиции и Отдельного корпуса жандармов. Офицерам жандармско-полицейских железных дорог суточные были увеличены в зависимости от региона страны и чина офицера на сумму от 75 коп. от 2 руб. в день. Оклады унтер-офицеров и нижних чинов в Сибири, Средней Азии, на Кавказе и в Степном крае были увеличены на 15%, в губерниях Европейской России — на 20–30%. Полицейстерам, уездным

256. Там же. Лл. 78–79.

257. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1915. Д. 201. Л. 63.

258. Там же. Оп. 249. Д. 21. Лл. 68–69.

начальникам, начальникам сыскной полиции и их помощникам оклады были увеличены на 20–25%, полицейским и становым приставам, чиновникам сыскной полиции — на 35%, полицейским надзирателям и помощникам приставов — на 40%, околоточным надзирателям, переводчикам и канцелярским служащим общей и сыскной полиции — на 45%, городским и земским стражникам — на 50%. Таким образом, чем ниже был чин полиции и жандармерии, тем существеннее увеличивался его оклад. В целом на увеличение заработных плат сотрудников общей и сыскной полиции было ассигновано почти 253 тыс. руб., на усиление жандармерии — 24,5 тыс.²⁵⁹ Учитывая, что цены на основные товары к 1916 г. выросли в 3 раза, рост зарплат был мизерным. Главное заключалось в том, что на материальное положение сотрудников политического розыска, офицеров жандармерии и классовых чинов, служивших в губернских и областных управлениях, охранных отделениях, центральном аппарате департамента полиции, увеличение окладов никак не повлияло.

12 мая 1916 г. по распоряжению генерала Климовича была составлена аналитическая записка. Предлагалось пополнить штат департамента полиции 8 должностями для офицеров корпуса жандармов с правом производства в чин полковника и с содержанием в размере не менее содержания начальника жандармского управления, также учредить не менее 8 штатных должностей для штаб-офицеров корпуса жандармов для поручений при Министерстве внутренних дел с преимуществами по службе, предусмотренными для аналогичных гражданских чинов. Если произвести предусмотренное законодательным путем изменение штатов было невозможно, автор записки предлагал учредить аналогичные временные штаты²⁶⁰.

259. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 101. Лл. 137–139.

260. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 50ч. 1. Л. 68об., 69.

Евгений Климович затребовал на всю реформу жандармских учреждений 2,3 млн руб.²⁶¹ Это была значительная сумма для МВД, учитывая, что на весь 1916 г. департаменту полиции, включая секретные суммы, было выделено 3,35 млн из которых к 1 августа оставалось всего 1,08 млн руб.²⁶² Но она была посильна для военного ведомства при согласии на то Совета министров. Радикальная реформа жандармерии совместно с введением четырех полков мобильной конно-полицейской стражи могла значительно укрепить спецслужбы, дать им инструментарий для деятельной борьбы с революцией. Однако осуществиться столь нужным, хотя и запоздавшим преобразованиям не было суждено. 12 сентября начальник штаба корпуса жандармов Никольский написал директору департамента письмо с просьбой немедленно внести в Совет министров ходатайство об увеличении штатов жандармерии. На документе стоит виза Климовича: «Уже исполнено». Через три дня и Климович, и Хвостов были отправлены в отставку, а проект положен под сукно.

Штюрмер и Рузский против МВД

Провал реформ был связан с нежеланием министра внутренних дел Штюрмера вникать в проблемы полиции. И это имело место на фоне начавшихся массовых беспорядков по всей территории империи, вызванных ростом цен²⁶³. В показаниях ЧСК Временного правительства Климович вспоминал об отношении Штюрмера к делу: «Сколько я ни просил министра назначить мне определенный день для доклада, мне было сказано: «По мере надобности». Каждый раз, как я являлся с докладом, мне всегда говорилось, что време-

261. Там же. Д. 100. Л. 53об.

262. Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1072. Лл. 73об., 78.

263. Там же. Оп. 124. Д. 120. Л. 135.

ни нет, пожалуйста, кончайте скорей. Доклады продолжались 10–15 минут — такие, которые требуют два-три часа времени. По существу, у меня создалось такое настроение, что я не исполняю своих обязанностей, ибо одну из главных служебных обязанностей я видел в том, что я обязан переложить в голову министра экстракты тех сведений, которые собственно поступают в департамент полиции. Тем более что сведения были с точки зрения существовавшего тогда режима далеко не благоприятные. И в политическом отношении совершенно определено, так сказать, обрисовывалось общее недовольство»²⁶⁴. На вопрос председателя ЧСК, поступали ли от Штюмера, как министра внутренних дел, в департамент полиции какие-либо распоряжения общего политического характера, Климович отвечал: «Ни одного, кажется, распоряжения общего характера не было... В этом-то была вся горечь службы, что я тщетно просил Христом Богом дать мне какие-нибудь общие директивы»²⁶⁵. Директору департамента полиции приходилось работать практически целые сутки, уделяя сну 45 часов²⁶⁶, принимая многие решения на свой страх и риск.

Еще определеннее выразился по поводу руководительских качеств Штюмера начальник Петроградского охранного отделения Глобачев: «Он не проявил ни инициативы, ни воли, ни желания даже облегчить те тяжелые условия, в которых очутилась страна в годину серьезных испытаний, а главное, не обнаружил даже попытки оградить верховную власть от осады не в меру зарвавшейся пресловутой общественности. Одним словом, как министр внутренних дел Штюмер был буквально пустым местом»²⁶⁷.

Понимая невозможность при таком министре предпринять какие-либо меры по выполнению своих

264. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 60–61.

265. Там же. С. 72.

266. Там же. С. 87.

267. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 108.

обязанностей как главы политического сыска, Климович начал действовать самостоятельно, в обход шефа. Весной 1916 г. в недрах департамента по его поручению был составлен «Обзор политической деятельности общественных организаций за период времени с 1-го марта по 16-е апреля 1916 года». Документ этот имел многоплановые задачи и большое политическое значение. Он был подан не только Штюрмеру, но и предусмотрительно разослан всем членам Совета министров, начальникам управлений МВД, губернаторам, начальникам жандармских управлений, прокурорам судебных палат и командующим войсками военных округов²⁶⁸. Позднее сам Климович пояснял веерный характер рассылки документа тем, что он надеялся, что «Совет министров, прочтя это, найдет нужным поставить и доложить Его Величеству о создавшемся положении, ибо на то, что Б. В. Штюрмер будет докладывать Его Величеству, у меня надежды не было»²⁶⁹.

Текст «Обзора...» был опрарвлен также в Ставку Верховного главнокомандующего²⁷⁰. Общий тираж записки превышал 500 экземпляров²⁷¹. В июне произошла, вероятно, запланированная Климовичем утечка информации, и текст попал в руки прессы. Газета «Русские ведомости» опубликовала заметку «Доклад об общественных организациях», в которой кроме краткого изложения содержания были приведены и отдельные наиболее яркие выдержки из него. Климович решил перехватить инициативу у оппозиции и начать действовать против нее ее же главным оружием — информационной войной.

Основными целями доклада были дискредитировать ЦВПК, Земский и Городской союзы в широких кругах высшей бюрократии, раскрыв их революцион-

268. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Л. 281.

269. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Л. 50б.

270. Лемке М. К. Указ. соч. С. 764.

271. Там же. С. 772.

ную направленность, концентрированно представить руководству страны и императору имеющиеся основания для их ликвидации, а сами общественные организации перевести в состояние обороны, принудить хотя бы на время отказаться от активной политической деятельности, разорвать связи с радикально антиправительственными силами. Частично эти задачи были выполнены.

В чем же заключалось содержание этого обзора? В его основу были положены материалы Всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов, прошедшего 26–29 февраля 1916 г. в Петрограде и Всероссийских съездов Общеземского и Общегородского союзов, состоявшихся с 12 по 14 марта в Москве, на которых впервые в деятельности этих организаций была публично и весьма радикально высказана задача изменения политического строя. В первой части обзора, посвященной деятельности ЦВПК, основной акцент был поставлен на целях и задачах рабочей группы, планировавшей проведение Всероссийского рабочего съезда, организационный комитет которого был сформирован уже к 14 марта. Климович смог явственно оттенить неспособность А. И. Гучкова контролировать группы и потакание революционной риторике. Доказательством может служить следующий отрывок из письма лидера группы Гвоздева к Гучкову. «Я и мои товарищи по группе считаем необходимым твердо и категорически заявить: ни мира, ни перемирия с руководителями того устаревшего уклада русской жизни, который был всегда враждебен интересам страны и привел ее ныне к катастрофе, мы не признаем... Ваши указания нам на опасность каждого безработного дня для русской армии направлены не по адресу»²⁷². 20 марта на заседании Московского ВПК лидер московской рабочей группы В. А. Черегородцев недвусмысленно заявил, что «русские рабочие примут все меры к ско-

272. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Л. 243об.

рейшему заключению мира без аннексий и контрибуций»²⁷³. Для реализации своих политических задач рабочие группы пытались объединить вокруг себя всю социалистическую общественность. Наибольшего успеха удалось добиться в Харькове, где в апреле 1916 г. был создан Объединенный рабочий комитет, в который вошли рабочая группа местного областного ВПК, представители профессиональных союзов, больничных касс, рабочих кооперативов, бывшей группы содействия «Голос социал-демократа», железнодорожной инициативной группы, крупные общественные деятели. Возглавил ее Ф. И. Цедербаум, видный нелегальный революционер-меньшевик, бывший секретарь Г. В. Плеханова. Свои основные задачи он видел в подготовке Всероссийского рабочего съезда, координации рабочих организаций Малороссии и создании революционного Южного рабочего центра²⁷⁴. В конце обзора ЦВПК Климович как бы невзначай упоминает об активных контактах его лидеров А. И. Коновалова и В. В. Жуковского со Ставкой и штабами командующих армиями, подчеркнув, что на заседании бюро ЦВПК 24 марта было принято решение установить непосредственный тесный и постоянный контакт с руководством всех фронтов. Учитывая общую оценку организации как скрыто революционной, упоминание этого факта в официальном обзоре, направленном в том числе всему руководству армии, было плохо прикрытым намеком генералам на осведомленность политического сыска о характере их политических контактов.

Вторая часть обзора была посвящена работе Земского и Городского союзов. Климович обвинил эти организации в попытке воссоздания Союза союзов образца 1905 г., но в новой оболочке, в форме Центрального продовольственного комитета. Его официальной задачей должно было стать координирование работы зем-

273. Там же. Л. 244.

274. Там же. Л. 245.

ского и городского управления, военно-промышленных комитетов, кооперативов и профессиональных объединений с целью улучшения продовольственного дела в империи. Эксплуатируя в общественном пространстве тему реальных проблем со снабжением продуктами и роста цен, земцы добивались дискредитации политики властей в этом направлении. По аналогии с лоббировавшимся А. И. Коноваловым Всероссийским рабочим съездом, кадетом Ф. А. Головиным предлагалось созвать аналогичный Сельскохозяйственный съезд, а П. П. Рябушинским и А. И. Гучковым — учредить еще и Торгово-промышленный союз²⁷⁵. На основе решения продовольственного вопроса — легально свести сельскую левую интеллигенцию и представителей рабочих, среди которых большинство составляли социал-демократы. Такая идея выглядела почти как провозглашенная Лениным в 1921 году смычка города с деревней. Центральный продовольственный комитет, учрежденный на Всероссийском сельскохозяйственном съезде, должен был, по мысли лидеров оппозиции, стать высшим руководящим центром государственного переворота.

На заседании Союза городов 13 марта 1916 г. было решено, что в состав нового Продкомитета должны были войти по три члена от руководства Земского и Городского союзов, пять членов от Центрального военно-промышленного комитета, в том числе двое от его рабочей группы, три члена от центральных кооперативных учреждений и еще по три члена от объединений торговцев и промышленников. Итого 20 человек. Штаб-квартира комитета должна была находиться в Москве, а отделения — в городах и губерниях²⁷⁶.

Не обошел Климович вниманием и Пироговский съезд врачей, проходивший в Петрограде 14–16 апреля 1916 г. в здании Женского медицинского института и объединивший около 1500 медицинских работников

275. Там же. Лл. 246, 246об.

276. Там же. Лл. 248об., 249.

со всей страны. Большинство ораторов были врачами из упомянутых Земского и Городского союзов. Выступал по продовольственному вопросу и борьбе с дороговизной также народный социалист Н. В. Чайковский, «дедушка русской революции», еще в далеком 1905 г. поставивший оружие революционерам. Вообще речи на Пироговском съезде отличались эмоциональностью и левизной. Радикально была составлена и резолюция съезда, содержавшая куда больше требований политических, чем медицинских. «Вместе с тем съезд считает, что никакие частичные реформы государственного строя страны, никакие частичные обновления власти, указанные предшествующими съездами общественных организаций не дадут должного результата в деле переустройства русской жизни, пришедшей в столь глубокое расстройство. Лишь полная реорганизация государственного строя, приемов и навыков государственного управления, центральных и местных государственных учреждений сможет быть достойным ответом страны на переживаемые ею события... Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер»²⁷⁷. Далее появились призывы к объединению всех сознательных граждан, требования введения избирательного равноправия, права голоса для женщин, всех гражданских свобод, равноправия национальностей, изменения рабочего и кооперативного законодательства, придания особого статуса общественным организациям и коалициям. То, что земские деятели опасались сказать открыто на своем съезде, они смогли провести через предполагавшийся совершенно аполитичным врачебный съезд.

Вывод из «Обзора политической деятельности общественных организаций» был весьма краток. Департамент полиции признал, что антиправительственное общественное движение приняло угрожающие масштабы, и потребовал пресечь общественно опасную деятельность его лидеров и главных участников. Од-

277. Там же. Л. 251.

ними из первых на содержание записки отреагировали военные. Их взволновал пункт раздела о деятельности Земского и Городского союзов, посвященный обилию евреев во фронтовых структурах этих организаций. Дело в том, что среди задержанных по подозрению в шпионаже в 1914–1915 гг. на первом месте находились евреи, составлявшие 20% от всех привлеченных²⁷⁸. Учитывая, что земские служащие состояли в питательных пунктах, банях, чайных, лазаретах, перевязочных отрядах, санитарных поездах и прочих учреждениях, непосредственно соприкасавшихся с солдатами и офицерами, они могли быть идеальными шпионами, не вызывая подозрений внедренными в войска. Хотя доказанных случаев шпионажа среди сотрудников земско-городских обществ было немного, расчет Климовича был сделан верно: командование армии не могло не встревожиться и не проникнуться недоверием к земцам.

Так и произошло. 4 июля 1916 г. начальник штаба Ставки М. В. Алексеев обратился к командующим фронтами с требованием расследовать направленные МВД сведения. С вниманием к этому вопросу отнесся командующий 8-й армией генерал А. М. Каледин. Расследование было поручено начальнику контрразведывательного отделения жандармскому ротмистру К. К. Ширмо-Щербинскому, который вел его вплоть до десятых чисел сентября. В итоге проверок общественных учреждений при 8-й армии выяснилось, что в числе служащих Союза городов все руководящие чины имеют отсрочку от призыва до 1 января 1917 г., никто из служащих предъявить иные документы, кроме отсрочки, не мог, в том числе на основании чьего распоряжения они были направлены. Среди служащих Земского союза на фронте было выявлено очень

278. Альбом лиц, зарегистрированных жандармской, сыскной и общей полицией по подозрению в шпионстве. Вып. 1. Составлено по материалам присланным в регистрационное бюро департамента полиции по 31 декабря 1915 года. Пг., 1916. С. 337.

много богатых евреев-белобилетников (в санитарно-эпидемиологических отрядах до 50–75% наличного состава), а также австрийских подданных, не имевших документов, удостоверяющих личность. Причины получения отсрочек от мобилизации многие не могли объяснить, путались в показаниях. Так, у одного земца основанием освобождения от призыва числилась ба-зедова болезнь, но он упорно утверждал, что проблем с глазами не имеет и отсрочен в связи с перенесенным аппендицитом. Повсеместно земские руководители среднего уровня выдавали или продавали еврейским торговцам пропуска на въезд в прифронтовую зону, а под видом сестер милосердия к солдатам попадали не только настоящие медицинские сестры, но и женщины легкого поведения, проститутки²⁷⁹. По сообщению начальника ЖПУЖД Галиции Ф. Н. Оже де Ранкура, больше всего нарушений пропускного режима на въезд в прифронтовую зону Юго-Западного фронта приходилось именно на служащих Всероссийского земского союза²⁸⁰. На пропусках в большинстве своем отсутствовали даже фотокарточки, что крайне затрудняло идентификацию въезжающих. Доклад был доведен до командующего Юго-Западным фронтом А. А. Брусилова. Аналогичные масштабные расследования с привлечением чинов жандармерии и контрразведки велись и на Западном фронте²⁸¹.

Как только либеральная оппозиция заполучила текст «Обзора политической деятельности общественных организаций», она подняла тревогу. По сути, речь шла уже об объявленной войне. Оппозиция совершенно справедливо трактовала цель обзора: «Дать реакционным кругам основу для их антиобщественного похода, а если возможно, и для разгрома общественных организаций»²⁸². Лидерами Земско-

279. РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 9. Лл. 8–14, 28–29, 38–39.

280. Там же. Ф. 2070. Оп. 1. Д. 1400. Лл. 404–405.

281. Там же. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 645. Лл. 146–147.

282. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 343зс. Лл. 36, 39.

го и Городского союзов Г. Е. Львовым и М. В. Челноковым на некоторое время овладело паническое настроение. Они не только заподозрили информаторов полиции в своих рядах, но и приступили к их активному поиску.

Агентура Московской охраны сообщила, что «М. В. Челноков, придавая большое значение упомянутому докладу, находит, что главным инспириатором похода против союзов является г. директор департамента полиции генерал Климович и Московское охранное отделение»²⁸³. В частных разговорах он призывал повременить с политическим объединением общественных организаций в том или ином виде, предлагал решительно отстраниться от левых партий и неоднократно критиковал А. И. Коновалова и лидеров ЦВПК. В пылу гнева Челноков даже назвал Коновалова «главным осведомителем» охраны. Критикуя излишнюю «болтовню» общественных деятелей, он уловил главную мысль полиции — показать военно-промышленные комитеты как центр создания «армии пролетариата», а различные кооперативные структуры, в которых было немало членов партии кадетов, — как центры воссоздания «крестьянского союза», массовой революционной организации крестьян и левой интеллигенции. Челноков и Львов решились идти к Штюмеру с пояснениями по докладу департамента²⁸⁴. Понимая невозможность и бессмысленность опротестования доклада, основанного исключительно на фактах, они сделали ставку на сглаживание наиболее острых его фрагментов и решительное отмежевание от антиправительственной направленности.

На заседании внутриведомственной комиссии по вопросу о легализации и составлении уставов Городского и Земского союзов, Евгений Константинович прямо заявил, что «положение идет, безуслов-

283. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Л. 284об.

284. Там же. Лл. 285–286.

но, к изменению существующего строя в России, что правительство, министры не могут относиться к этому пассивно, что вопрос о том, быть ли строю ответственного [перед Государственной думой] министерства, о котором тогда шла речь, или существующему министерству, принадлежит компетенции Его Императорского Величества и что обязанность Министерства внутренних дел — довести о создавшемся положении до сведения его величества»²⁸⁵. Никакой реакции Штюрмера на предупреждения о приближении перемены политического режима снова не последовало.

В конце июня, не рассчитывая на поддержку Штюрмера, крайне негативно воспринявшего распространение «Обзора политической деятельности общественных организаций»²⁸⁶, Климович обратился за помощью к дворцовому коменданту Воейкову. Последний по долгу службы живо интересовался политическими событиями. Начиная с 1915 г. в дворцовую комендатуру регулярно отправлялись отчеты о важнейших событиях революционного и оппозиционного движения. Белецкий регулярно встречался с Воейковым, разделявшим взгляд на союзы и комитеты как потенциально революционно опасные организации. Климович продолжил эту традицию личных контактов. Он намекнул коменданту на необходимость доведения содержания обзора лично до Николая II. Пока не удалось установить, в какой форме этот доклад произошел, но он имел очень серьезные последствия. На заседание Совета министров был вынесен вопрос об установлении контроля за расходованием выделяемых государственных средств и финансовыми оборотами Всероссийского земского и городского союзов, а также общественных организаций по призрению больных и раненых воинов²⁸⁷. 14 июня 1916 г. в Совете министров состоялось совещание по этим вопросам. Участ-

285. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 61–62.

286. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Л. 5.

287. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 343зс. Л. 35.

ники совещания констатировали, что Земгор не выполнил своего обещания привлечь к делу заботы о раненых и обустройству быта армии серьезные частные средства. Более того, на его структуры, а также близким к нему организациям, за исключением Красного Креста, из имперского бюджета была выделена астрономическая сумма, превышающая 366 млн руб., большая часть которой являлась безвозвратными пособиями²⁸⁸. По согласованию с МВД Государственным контролем было принято решение для начала разобраться с расходованием средств только Земским и Городским союзами, на которые было выделено $\frac{3}{4}$ вышеуказанной суммы. Министры приняли решение сформировать комиссию при Государственном контроле по проверке сумм Земгора с участием в ней Минфина, МВД, Военного министерства, а также представителей самих союзов — по два человека от каждого ведомства и комитета. Проверке подлежали периодические, денежные и материальные отчеты общественных организаций и их учреждений. Также должен был производиться фактический контроль за наличием выделенных из казны капиталов и состоянием осуществляемых на эти средства мероприятий²⁸⁹. 10 июля решения были одобрены императором. Однако вплоть до января 1917 г. комиссия так и не успела собраться.

Через четыре дня, 18 июня, прошло заседание Совмина, посвященное деятельности военно-промышленных комитетов. Составленный по его итогам особый журнал был выдержан в более резких формулировках, прямо писалось о противоправительственной направленности работы ЦВПК. Нарекания были и к непосредственной работе на оборону государства, ради которой эти комитеты и были сформированы. «Располагая крупными ассигнованиями из казны, достигающими в настоящее время нескольких сот миллионов

288. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1916 год. М., 2008. С. 261.

289. Там же. С. 264.

рублей, военно-промышленные комитеты выполняют полученные от военного ведомства наряды по артиллерийскому снабжению с длительными задержками против договорных сроков и к тому же по преувеличенным, сравнительно с казенными и отдельными частными заводами, ценам», — констатировали министры²⁹⁰. ЦВПК повсеместно заявлял о том, что именно частная промышленность снабжает боеприпасами войска, в то время как на практике ее удельный вес по сравнению с государственными оборонными заводами был мизерный. Комитет, позиционировавший себя чуть ли не как главного спасителя Отечества и радетеля за интересы армии, считал себя вправе давать крайне критические оценки работе правительственных органов, выдвигать политические требования. Министры рекомендовали без стеснения публиковать в прессе сведения о реальной деятельности ВПК, в том числе о качестве поставляемых им боеприпасов и вооружений и об их удельном весе в общих государственных работах по обеспечению армии.

Также было принято решение без колебаний привлекать сотрудников комитетов к предусмотренной законодательством ответственности, в том числе в порядке военного положения или положения чрезвычайной охраны, установить цензурный контроль за распространяемыми ЦВПК и его рабочей группой агитационными и прочими политическими заявлениями. 27 июля Николай II написал на особом журнале Совмина: «Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвою буквою». В развитие принятых по ЦВПК решений министр юстиции А. А. Хвостов 5 июля 1916 г. выпустил циркуляр, в котором требовал от чинов прокурорского надзора отбросить сомнения и колебания в вопросе привлечения к ответственности членов и сотрудников военно-промышленных комитетов, которые пытались обосновать свою неприкосновенность яко-

290. Там же. С. 276.

бы работой на оборону страны. Он признал наличие «крупных злоупотреблений или незакономерных выступлений комитетов», но рекомендовал относить на рассмотрение высшей власти лишь наиболее масштабные из них, решая все остальные в рабочем порядке²⁹¹. Но вплоть до ареста рабочей группы ЦВПК в январе 1917 г. все сделанные распоряжения и пожелания так и оставались на бумаге.

Директор департамента полиции решился на крайнюю меру. Член совета министра внутренних дел статский советник С. Н. Палеолог вспоминал: «Летом 1916 года Е. К. Климович, будучи директором д-та полиции, представил правительству доклад о тогдашнем положении России. Он наметил ряд твердых и решительных мер, дабы предупредить подготовляющуюся революцию. Вывод из столиц революционно настроенных запасных частей, замена их дисциплинированными полками кавалерии с крепким офицерским составом, арест «головки» революционного штаба в Москве, прогрессивного думского блока в Петербурге, и проч., и проч. Доклад Е. К. Климовича заканчивался предупреждением, что если эти меры немедленно не будут приведены в исполнение, то близок день, когда все правительство будет арестовано... Доклад Е. К. я читал в августе 1916 года собственными глазами»²⁹². Подлинный текст данного документа не найден. Однако, анализируя текст переписки с Щегловитовым о методах борьбы с рабочей группой ЦВПК и обзор деятельности общественных организаций, приведенный С. Н. Палеологом, доклад вполне укладывается в общую канву действий и намерений директора департамента полиции.

Натолкнувшись даже внутри МВД на стену противодействия своим инициативам, в первые дни июля 1916 г. Климович подал Штюрмеру заявление об от-

291. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 75. Д. 51. Л. 26.

292. Палеолог С. Н. Генерал Е. К. Климович // Часовой. Париж. 1930. 15 августа. № 37. С. 28.

ставке²⁹³. Однако через два дня, 7 июля, Штюрмер был снят с поста министра внутренних дел и назначен министром иностранных дел, сохраняя пост главы правительства. А министром внутренних дел стал министр юстиции А. А. Хвостов, испытывавший теплую симпатию к Климовичу и поддерживавший его в вопросе борьбы с ВПК. Штюрмер несколько раз пытался принудить нового министра принять отставку: «А. А. Хвостов, которому я напомнил о необходимости дать движение этой просьбе генерала Климовича, просил меня не торопить его принятием такого решения, так как он желает ознакомиться с деятельностью департамента полиции по докладам самого Климовича и лично убедиться в невозможности для сего последнего продолжать службу по министерству внутренних дел. Через неделю на вторичное заявление мое по тому же предмету АА. Хвостов сказал мне, что он на некоторое время еще отложил свое окончательное по сему предмету решение»²⁹⁴. Благодаря этому Евгений Константинович продолжил работу, а конфликт с главой правительства только усилился.

Намеченные Белецким реформы в контрразведке также не были оставлены без внимания Климовичем. К тому же надо было институционализировать работу жандармских управлений в этом направлении. О ее масштабах можно судить по тому факту, что на момент вступления Е. К. Климовича в должность директора департамента полиции 52 из 127 переписок, которые велись всеми жандармскими управлениями, были посвящены борьбе со шпионажем²⁹⁵. Это больше 40% всей работы жандармерии. Сложность состояла в том, что ранее благосклонный Алексеев весной 1916 г. в частных беседах резко негативно отзывался о работе

293. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 64.

294. Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 236, 251.

295. Там же. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Лл. 129об., 130.

жандармерии на этом направлении²⁹⁶. Поднимать вопрос напрямую в масштабах всей армии было несвоевременно. Нельзя исключить, что это было результатом работы Рузского и близких ему людей из командования Северного фронта, настраивавших Алексеева против политического сыска. Так, начальник штаба армий Северного фронта генерал-майор Н. Н. Сиверс 5 апреля 1916 г. в письме Алексееву прямо называл предложения Белецкого вредными и якобы уничтожающими права военного начальства²⁹⁷.

5 марта Климович на правах товарища министра направил губернаторам и градоначальникам секретный циркуляр, в котором требовал, «чтобы в случае поступления к Вам или к подведомственным Вам органам полицейской власти требований военных властей о высылке тех или иных лиц в порядке п. 17 ст. 19 Правил военного положения, переписки о таких лицах незамедлительно препровождались в департамент полиции для расследования их в порядке, указанном в ст. 34 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»²⁹⁸. Таким образом, он решил проверять по возможности каждый случай высылки, что доставило бы военным массу неприятностей и значительно сбило бы волну репрессий.

Весной–летом 1916 г. Климович издал серию циркуляров на имя губернаторов, градоначальников, начальников жандармских управлений и охранных отделений: 27 марта № 103208 — об усилении борьбы с германским шпионажем²⁹⁹, 29 апреля № 104828 — о наблюдении за малолетними шпионами³⁰⁰, а также от 8 июня — о розыске шпионов из подростков³⁰¹.

С конца 1915-го и в 1916 г. наметилась тенденция к отказу в командировании в армейские структуры

296. Лемке М. К. Указ. соч. С. 766.

297. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 619. Л. 30.

298. Там же. Л. 400б.

299. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 373. Л. 113.

300. Там же. Л. 114.

301. Там же. Л. 116.

жандармских офицеров, а также в целом к выводу жандармов из подчинения армии. 5 октября 1915 г. в письме начальнику военных сообщений Западного фронта временно командующий ОКЖ заявил, что не обязан предоставлять железнодорожную жандармерию военному начальству даже в прифронтовой зоне и что интересы внутренней безопасности в империи требуют полного подчинения ЖПУЖД исключительно руководству ОКЖ³⁰².

Политика эта была связана с деятельностью командира корпуса графа Татищева. 4 февраля 1916 г. начальник штаба ОКЖ Никольский пишет официальное письмо начальнику штаба 8-й армии генералу С. А. Сухомлину, в котором излагает официальную позицию руководства жандармерии: «С приведением армии на военное положение комплектование офицерского состава Отдельного корпуса жандармов прекратилось, а вследствие естественной убыли офицеров за увольнением по болезни в отставку или за смертью в настоящее время образовался значительный некомплект... О назначении на штатные должности офицеров корпуса жандармов и в настоящее время продолжают поступать требования от штабов армий, но командующий корпусом, ввиду приведенных выше обстоятельств, вынужден многие из них отклонять»³⁰³. Причем руководство жандармерии пыталось вернуть некоторых офицеров из прикомандирования к армейским структурам обратно к работе в корпусе, но получало отпор со стороны военных³⁰⁴. Политика отказов в командировании одобрялась директором департамента полиции Климовичем, также мотивировавшим их некомплектом³⁰⁵. Лишь для дворцовой контрразведки МВД делало исключение³⁰⁶.

302. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18984. Лл. 14, 140б.

303. Там же. Д. 18656. Л. 470б.

304. Там же. Д. 18657. Лл. 314, 3140б.

305. Там же. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 39. Л. 155.

306. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18657. Лл. 92, 920б.

Следует отметить, что сами жандармские управления крайне активно вели контрразведывательную деятельность: например, в первой половине 1916 г. из 49 человек, арестованных Витебским ГЖУ по подозрению в контрразведке, только половина (25) были задержаны по представлению КРО северного и западного фронтов, а другая половина (24) — по собственной инициативе жандармского управления³⁰⁷. Особенно активно действовало на данном направлении Кронштадтское ЖУ. С 27 августа 1915 г. по май 1916 г. оно направило Батюшину 285 агентурных сообщений, посвященных в основном прогерманским настроениям, коррупции в армии, недовольствам солдат, нелегальным пересечениям границы, произошедшим волнениям в войсках³⁰⁸.

Весной 1916 г. получило огласку дело полковника Клевезата и группы офицеров, арестованных батюшинской контрразведкой и ложно обвиненных в шпионаже в пользу Германии. Один из арестованных — прапорщик Р. Р. Гольст — не выдержал оказанного на него контрразведчиками давления и покончил с собой в камере Рижской городской гауптвахты³⁰⁹. Климович немедленно довел ситуацию до главы правительства Штюрмера: скандал вышел на уровень правительства, и контрразведка передала дело на исследование в Лифляндское ГЖУ, где оно полностью развалилось за недоказанностью, а арестованные были признаны невиновными по всем пунктам обвинения³¹⁰. Скандал совпал с арестом начальником этого ГЖУ полковником И. А. Леонтьевым четырех агентов КРО за шпионаж в пользу Германии³¹¹. Стало очевидно, что в вопросе контроля за КРО руководство политического сыска проводило старую линию.

307. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 532. Лл. 1–532.

308. Там же. Д. 110. Лл. 1–18906.

309. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 356. Л. 35.

310. Там же. Лл. 74–75.

311. Там же. Лл. 37–38.

Одержав верх в борьбе за возрождение военной агентуры, Климович с полного согласия Степанова вернулся к вопросу о контрразведке. В конце мая 1916 г. он поручил начальнику Люблинского ГЖУ полковнику П. П. Осипову подготовить доклад на имя товарища министра внутренних дел по вопросу о постановке контрразведки в частях действующей армии с тем, чтобы выявить слабые стороны ее организации.

В своем докладе Осипов сделал разгромную критику КРО. По утверждению автора, военные власти выбирали начальников КРО по собственному усмотрению, вследствие чего на эти должности назначались нередко офицеры, недостаточно опытные в розыском деле. Выбор начальников этих отделений и их помощников целесообразно было предоставить командиру корпуса жандармов по соглашению с департаментом полиции. Отсутствовали кадры заблаговременно подготовленных агентов-разведчиков, что вызывало необходимость форсированного комплектования, при котором в агентуру попадали лица, несоответствующие назначению. Выбор разведчиков производился без предварительного сбора точных справок о прошлой деятельности, нравственности и степени политической благонадежности. ГЖУ в этом вопросе помочь не могли, так как у них имелась только политическая агентура, и та в недостаточном числе, чтобы делиться ею с военной контрразведкой.

В школы разведчиков брали лиц, чья благонадежность и пригодность предварительно не была проверена, их слишком поспешно направляли на работу в район неприятельских войск. Приняв во внимание знакомство агентов с приемами контрразведки и личным составом школы, начальники КРО обычно предъявляли ГЖУ требование о высылке заподозренных или непригодных разведчиков из района театра военных действий и даже в отдаленные губернии Сибири. Такие меры вызывали у лиц вполне лояльных, но неуверенных в признании их пригодности после

проверки их практической деятельности, опасения поступать в школу.

Задержанные по подозрению в шпионстве преждевременно передавались в распоряжение жандармских управлений для производства расследования, на основании только общих сведений, собранных контрразведчиками без всяких конкретных улик. Наблюдались случаи неосведомленности одного КРО о мерах, предпринятых другим по одному и тому же делу. Например, по делу ликвидации компании «Зингер», были получены телеграфные требования почти одновременно от четырех разведывательных органов. Резиденты, насаживаемые в местностях, которым угрожало занятие неприятелем, набирались спешно из местных жителей, не пожелавших эвакуироваться, из которых многие могли принять на себя эти обязанности исключительно в целях получения авансом денежных субсидий при полной безответственности за дальнейшие свои действия. Поручиться за их добросовестность в условиях войны и за их пригодность в совершенно новой для них обстановке и деятельности не представлялось возможным³¹².

Однако в решение вопроса о реформировании военной контрразведки вновь вмешался Н. С. Батюшин. Он начал действовать через И. Ф. Манасевича-Мануйлова, работавшего на контрразведку Северного фронта в качестве информатора³¹³. Батюшин был близко знаком со Штюмером с 1909 г. и пользовался большим доверием³¹⁴. Зная нелюбовь и откровенно враждебные отношения Климовича с главой правительства, Манасевич начал активно предлагать главе правительства назначить директором департамента полиции Батюшина. По утверждению генерала Лукомского, М. В. Алексеев доверял Батюшину ведение

312. Там же. Лл. 328–330.

313. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 48.

314. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Лл. 706.

деликатных дел³¹⁵. Видный контрразведчик Орлов писал: «Генерал Батюшин уверил генерала Пустовойтенко, а этот в свою очередь генерала Алексеева в том, что все неудачи армии зависят от банков, банкиров и промышленников, и вот генералу Батюшину дается поручение «потрусить» банкиров и промышленников. Первым пострадавшим явился Д. Л. Рубинштейн»³¹⁶. Интересно, что весьма скупо описывая в своих мемуарах дело директора Русско-французского банка Рубинштейна, Батюшин особо подчеркивает близкую дружбу последнего с директором департамента полиции Климовичем³¹⁷. Занимательное совпадение. В результате обыска у банкира никаких доказательств его шпионской деятельности найдено не было, но контрразведчики на этом не угомонились.

Широкие полномочия Северного КРО были связаны с тем, что в мае 1916 г. по ходатайству Батюшина Алексеев убедил Николая II создать под руководством Николая Степановича специальную оперативно-следственную комиссию по расследованию деятельности столичных банкиров. Реальный контроль за деятельностью новой комиссии имели Рузский и Бонч-Бруевич. Ключевыми ее сотрудниками, кроме В. Г. Орлова, стали полковник Александр Семенович Резанов, Манасевич-Мануйлов, сотрудники столичного КРО Барт и Логвинский, КРО Северного фронта Манасевич-Мануйлов, а также товарищ прокурора Варшавской судебной палаты Василий Дмитриевич Жижин³¹⁸. Последний в 1915 г. успел поучаствовать в отстранении генерала Бельского с поста главы Варшавского ГЖУ. Интересно, что прапорщик П. Я. Логвинский попал

315. *Лукомский А. С.* Указ. соч. С. 314.

316. *Орлов В. Г.* Указ. соч. С. 140.

317. *Батюшин Н. С.* Тайная разведка и борьба с ней // Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 223.

318. *Васильев И. И., Зданович А. А.* Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н. С. У истоков... С. 40–42.

в батюшинскую контрразведку в июне 1916 г. по ходатайству начальника штаба Северного фронта генерала Н. Н. Сиверса, а до этого момента служил офицером для поручений при начальнике штаба Главковерха М. В. Алексева, командировался в Петроград с его личными поручениями³¹⁹.

Штюрмер даже успел сделать Батюшину предложение возглавить департамент полиции. Однако Николай Степанович отказался от этого поста, не желая расставаться с находившейся в его руках мощной контрразведкой, тем более что в структуре Северного фронта он имел серьезный тыл и поддержку, а должность директора ДП МВД была сопряжена с многочисленными рисками, и потерять ее было несложно. На место директора он порекомендовал своего помощника полковника Резанова, известного коррумпированностью и вымогательством денег на контрразведывательной работе³²⁰. Штюрмер одобрил кандидатуру. Оппозиционная газета «Речь» успела уже даже написать о назначении Резанова³²¹.

Узнав об интригах Манасевича и Батюшина, товарищ министра внутренних дел Степанов выступил категорически против отставки Климовича. Штюрмеру пришлось отступить³²². Надо отметить, что кандидатуру Резанова на должность директора ДП МВД Манасевич предлагал еще Белецкому, в бытность его товарищем министра в начале 1916 г. При этом сам Манасевич «оттенил, что полк. Резанова знает лично. и хорошо к нему относится не только ген. Рузский, но и ген. Алексеев»³²³. Белецкий кандидатуру Резанова не принял. Таким образом, очевидно, что часть высшего армейского начальства еще с конца 1915 г. настойчиво пыталась провести в руководство

319. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 68. Л. 60.

320. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 93, 513.

321. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 398.

322. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 513.

323. Там же. С. 393.

полиции своего человека. Летом 1916 г. стало известно, что Штюрмер возжелал сменить главу парижской агентуры Красильникова на Манасевича-Мануйлова, в то время как Климович хотел поставить туда бывшего начальника Петербургского охранного отделения барона М.Ф. фон Котена³²⁴.

В той ситуации, когда речь шла, по сути, о подчинении политического сыска чинам военной контрразведки, а через Резанова и Батюшина — реально руководству Северного фронта и генералу Рузскому, считавшемуся своим человеком в революционных кругах³²⁵, серьезную поддержку Климовичу оказали товарищ министра Степанов, начальник Петроградского охранного отделения Глобачев и сенатор Белецкий,³²⁶ — руководство сыска сплотилось.

Не сумев уволить Климовича, Батюшин через Манасевича и Резанова выдвинул идею формирования Канцелярии по политическим вопросам — центрального органа контрразведки, подчиненного непосредственно главе Совета министров³²⁷. По проекту, написанному Резановым с правкой Манасевича, все тыловые контрразведки должны были быть переподчинены из ведомства ГУГШ непосредственно Канцелярии по политическим вопросам. Кроме контрразведки канцелярия должна была заняться политической безопасностью в стране в целом. Революционные силы по проекту объявлялись детищем иностранных разведок, и поэтому борьба с ними должна была вестись органами контрразведки при содействии полиции³²⁸. Возглавить канцелярию должен был контрразведчик. Это лишало политический сыск во главе с департаментом полиции его основных обя-

324. Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 85, 86.

325. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 84.

326. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 513.

327. Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 48, 49.

328. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 102. Лл. 95, 96.

занностей. Штюрмер всецело поддержал идею создания канцелярии³²⁹.

Учитывая сформировавшееся в руководстве политического сыска убеждение в наличии военного заговора или, по меньшей мере, военной оппозиции, отдавать в руки военной контрразведки внутреннюю безопасность режима представлялось крайне опасным.

Вероятно, атака батюшинской контрразведки на представителей МВД была инспирирована именно генералитетом с ведома начальника штаба Ставки М. В. Алексеева. Он был в курсе подробностей всей операции. Первым «заходом» на генерала Климовича стало дело директора Русско-французского банка Рубинштейна. Штюрмер прямо пишет, что ведение расследования Батюшину поручил Алексеев. Сбором компромата занимался Манасевич-Мануйлов, который, состоя помощником главы правительства и сотрудником контрразведки, имел возможность неофициально налаживать коммуникацию. Он же лично присутствовал при аресте и обыске у Дмитрия Рубинштейна. Батюшин, составив выжимку из манасевичского компромата, сообщил главе правительства о причастности к делу члена совета МВД Гурлянда и директора департамента полиции Климовича. Штюрмер немедленно доложил этот еще сырой материал Николаю II, давая всяческие нелестные характеристики Климовича и требуя его отставки, однако согласия императора не получил³³⁰.

Второй «заход» осуществлялся уже лично Манасевичем-Мануйловым. За два года работы в батюшинской контрразведке он превратил борьбу со шпионажем в эффективный бизнес, сколотив огромный капитал — 300 тыс. руб.³³¹ И этот случай не был единственным в контрразведке. Например, его коллега пра-

329. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 514.

330. Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 234–237.

331. *Былинин В.К.* «Оппоненты» генерала Батюшина // Н. С. Батю-

порщик П. Я. Логвинский, по информации журналистов газеты «Русская воля», настолько преуспел в деле борьбы с внутренним врагом империи, что за 9 месяцев службы у Батюшина сколотил состояние в 600 тыс. руб., приобрел квартиры в Москве и Пскове и имел купчую на дом в 350 тыс. руб.³³² Полагая, что псковская квартира была скорее конспиративной и записанной на него номинально, равно как и сами цифры черных доходов прапорщика завышены, полагаем, что они дают представление о масштабах коррупции в батюшинской контрразведке.

После Рубинштейна следующими жертвами на очереди было четыре банка: Русско-азиатский, Русский для внешней торговли, Сибирский и Соединенный, на каждый из которых шел «сбор» доказательной базы по обвинению в спекуляциях и шпионаже³³³. Первым контрразведчики взялись за Соединенный банк. Здесь решались две задачи — коммерческая и политическая, так как руководство банка было в тесных родственных отношениях с семьей Хвостовых. Манасевич же и его куратор полковник Резанов по распоряжению Батюшина наблюдали за действиями А. Н. и А. А. Хвостовых³³⁴. Однако коррумпированность и опора на связи загубила начинание провокаторов.

Манасевич потребовал у товарища директора московского Соединенного банка И. С. Хвостова 25 тыс. руб., угрожая тем, что в противном случае комиссия Батюшина «обследует» деятельность банка. Но Иван Федорович не рассчитал своих сил. И. С. Хвостов, будучи племянником министра внутренних дел А. А. Хвостова³³⁵, пожаловался напрямую Климовичу, у которо-

шин. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 310.

332. *Васильев И. И., Зданович А. А.* Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Там же. С. 63.

333. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 688. Л. 8.

334. Там же. Лл. 3, 30б.

335. Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 432.

го появился шанс остановить атаку генерала Рузского на МВД. Климович рекомендовал взять шантажиста с поличным. Он уже несколько месяцев вел расследование против Манасевича и контрразведки Северного фронта, собрав информацию по нескольким доказанным фактам шантажа³³⁶. Полную поддержку ареста Манасевича высказали товарищ министра внутренних дел Степанов и министр Хвостов, советовавший «действовать решительно»³³⁷. 16 августа председатель правления Соединенного банка граф В. С. Татищев выделил для передачи Манасевичу 25 тыс. руб. пятидесятирублевыми купюрами. Номера банкнот были заранее переписаны полицией, а их список был отправлен считавшемуся надежным и преданным офицером начальнику Петроградской контрразведки жандармскому подполковнику В. М. Якубову. По предложению Климовича И. С. Хвостов письменно доложил о факте вымогательства начальнику Петроградского военного округа С. С. Хабалову, так как речь шла о действиях сотрудников военной контрразведки в столице³³⁸. Таким образом, департамент полиции решил накануне проведения спецоперации заручиться поддержкой некоторых военных чинов во избежание противодействия.

19 августа Хвостов явился на петербургскую квартиру сотрудника контрразведки на Жуковской улице, 47 и лично передал всю сумму, после чего сразу Манасевич был арестован жандармами³³⁹. Планы по созданию спецслужбы при Штюрмере под контролем военных провалились. Однако отношения Штюрмера с руководством МВД совершенно испортились³⁴⁰. По личной просьбе генерала Батюшина начало расследования дела Манасевича удалось затянуть

336. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 688. Л. 11, 110б.

337. Архив-музей ДРЗ им. А. Солженицына Ф. 1. Оп. 1. Д. М-195. Л. 65.

338. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 688. Л. 130б.

339. *Спиридович А. И.* Великая война... С. 350.

340. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 12.

до осени³⁴¹. Однако первые допросы начались уже через три дня после ареста. 22 августа был опрошен И. Ф. Манасевич-Мануйлов, 4 сентября — И. С. Хвостов, а 5 сентября — В. С. Татищев. Дело вел следователь по важнейшим делам Петроградского окружного суда В. Н. Середя. Полученных в ходе дознания сведений было достаточно для привлечения к ответственности всего руководства столичной контрразведки. Выяснилось, что из вымогаемых 25 тыс. часть должна была быть передана членам комиссии, генералу Батюшину и полковнику Рязанову. Сверх этих денег контрразведчики требовали себе долю в бизнесе. В. С. Татищев должен был приехать в Петроград, встретиться с указанными офицерами за хорошим завтраком и предложить им финансовую комбинацию, в результате которой Батюшин и Рязанов смогут на двоих заработать еще 25 тыс. руб. сверх первоначальной суммы³⁴². Кроме того, при обыске жандармы обнаружили запись «Дадено Штюрмеру», указывавшую на коррупционную связь сотрудника контрразведки с председателем Совмина³⁴³.

Доведение расследования до своего логического конца, безусловно, наносило вред престижу высшего руководства армии и могло завершиться крупными кадровыми выводами на уровне Северного фронта. Раз замять скандал не удалось, было принято решение найти виновного. В этой ситуации Ставка пришла на помощь запутавшимся в собственных интригах контрразведчикам, поручив расследование злоупотреблений в историях Мануйлова и Рубинштейна не кому иному, как Н. С. Батюшину, их и инспирировавшему. Уже в начале сентября тот рапортовал о результатах своего молниеносного рас-

341. *Былинин В. К.* Указ. соч. С. 31.

342. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 688. Л. 110б.

343. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 477.

следования генералу Рузскому. С точки зрения Батюшина, виновным был не его заместитель Резанов, а руководитель контрразведки штаба Петроградского военного округа жандармский подполковник Якубов. Ему было предъявлено обвинение в превышении полномочий и противодействии работе членам Батюшинской комиссии по расследованию дел Рубинштейна и Мануйлова, выразившееся «в расспросах относительно деятельности этих лиц». Иными словами, Якубов, выяснивший сомнительный характер этих дел, позволил себе их обсуждать, чем мог помочь своему старому жандармскому начальству в раскрытии провокации и вымогательств. 14 сентября генерал Н. В. Рузский в личном письме М. Д. Бонч-Бруевичу требовал «произвести расследование о действиях подполк. Якубова в деле Мануйлова и ознакомиться вообще с постановкой контрразведки в штабе Петроградского военного округа»³⁴⁴.

Полученные судебным следователем В. Н. Середой сведения были столь серьезны, что и главе правительства, и командованию Северного фронта потребовалось немедленно расправиться с непокорным МВД. Штурмер обратился непосредственно к императрице Александре Федоровне, сыграв на ее особом отношении к судьбе Распутина, лечившего наследника престола. Глава правительства солгал, что именно Манасевич-Мануйлов отвечал за охрану Распутина и якобы его арест был направлен против «целителя», хотя на самом деле охрана была поручена начальнику Петроградской охраны Глобачеву. Климович вспоминал: «Я очень скоро был обрисован в глазах Царского Села как человек крайне безнадежный, при наличии которого жизнь Распутина может находиться в опасности. Я был охарактеризован как хвостовец»³⁴⁵. Судьба руководства полиции была предрешена. 15 сентября 1916 г. получил отставку Кли-

344. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 68. Лл. 71, 71об.

345. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Л. 10.

мович, 16 сентября — Хвостов, а в октябре — Степанов. И. С. Хвостову прямо угрожали убийством³⁴⁶. Произошла последняя серьезная перемена в руководстве МВД. Отказавшийся остановить расследование дела Манасевича министр юстиции А. А. Макаров также поплатился должностью³⁴⁷. Ирония судьбы заключалась в том, что сама царица Александра Федоровна активно лоббировала отставку Хвостова и Климовича³⁴⁸. 6 ноября 1916 г. член Государственного совета от группы правых Н. А. Зверев прямо писал по поводу действий Штюрмера своему коллеге графу С. Д. Шереметеву: «Нельзя безнаказанно приближать к себе людей с уголовным прошлым, вроде Мануйлова. Нельзя, наконец, ради подобных господ устранять людей безупречных и чистых, как А. А. Хвостов. Что посеешь, то и пожнешь. На мой взгляд, Борис Владимирович — человек уже оконченный»³⁴⁹.

Следственные действия по делу о вымогательстве денег у Соединенного банка продолжались до самой революции. Измученный противостоянием с батюшинской контрразведкой, которая пыталась спасти свою испорченную репутацию, 16 февраля 1917 г. директор Соединенного банка В. С. Татищев обратился к Николаю II с личным письмом. Указывая на факты давления контрразведчиков на деловые круги, он просил передать ведения дела другим следователям и оградить его от вмешательства контрразведчиков. «Применяемые комиссией генерала Батюшина меры, постоянно угрожающие чести и доброму имени со-

346. Архив-музей ДРЗ им. А. Солженицына Ф. 1. Оп. 1. Д. М-195. Л. 65.

347. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 132.

348. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 471.

349. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / отв. ред., автор предисловия В. В. Шелохаев; сост. и автор коммент. и предисловия К. А. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 489.

вершено невинных людей, своей недостаточной обоснованностью и резкостью вызывают неуверенность за будущее в среде торгово-промышленных кругов Москвы», — писал Татищев³⁵⁰. Информационный эффект от скандала получился на руку только думским политикам: и Штюмер, и военные оказались дискредитированы, представители деловых кругов были напуганы и настроены против правительства, а активно защищавшие самодержавие и противостоявшие легальной оппозиции чиновники были уволены.

Финалом этой «пьесы» стала отставка Штюмера с поста председателя Совета министров 10 ноября 1916 года. Определенные усилия к ней приложили и кадеты, которые публично возмущались отставке Хвостова и Климовича, инспирированной главой правительства. Кампания в прессе и в Думе была направлена на максимальное очернение Штюмера. Журналисты постоянно педалировали его связи с Манасевичем-Мануйловым и банкирским домом Рубинштейна³⁵¹.

Новым главой Совета министров стал Александр Федорович Трепов. Уже на следующий день, 11 ноября, на квартире видного деятеля кадетской партии Н. М. Кишкина состоялось заседание Московского комитета партии, созванное по инициативе Милюкова. Несмотря на отсутствие надежды провести в новое правительство представителей общественности, кадеты уже саму отставку считали большой победой, за которой должна была последовать полная капитуляция правительства. Обсуждался и вопрос сотрудничества с руководством армии. В одном из выступлений была высказана точка зрения, что, «почувыв первые всплески поднимающейся народной волны, Ставка струсила и быстро стала искать путей примирения с Государственной думой»³⁵².

350. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1103. Л. 2.

351. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1а Д. 34. Лл. 301–302.

352. Там же. Л. 349об.

Кадеты полагали использовать опасения генералитета нарастающей волной недовольства для понуждения царя к созданию ответственного перед Думой министерства. 28 ноября 1916 г. начальник Московской охраны Мартынов писал заведующему Особым отделом управления дворцового коменданта, что московские кадеты в качестве имитации народного возмущения планируют «инсценировать» единовременное решительное оппозиционное выступление общественности — Земского и Городского союзов, военно-промышленных комитетов, университетов и словесных учреждений.³⁵³

Но защищать режим было уже некому. Начальник штаба ОКЖ генерал-майор Никольский в разговоре с протопресвитером армии и флота Георгием Шавельским в конце октября — начале ноября 1916 г. так оценивал сложившуюся политическую ситуацию после отставки Климовича: «Вы не можете представить, какой хаос в правительстве... Кажется, все делается, чтобы государственная машина остановилась, и если еще вертится колесо ее, то только потому, что раньше она была хорошо заведена. Мы живем на вулкане. Месяц тому назад можно было поправить дело. А сейчас... боюсь, что уже поздно. Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы»³⁵⁴. Шавельский встретился с Николаем II и сообщил о том, что армия ненадежна, а в гвардии прямо говорят о необходимости государственного переворота. В подтверждение своих слов он привел аналогичные мнения генерала В. П. Никольского и товарища министра внутренних дел В. М. Волконского. Император предупреждение проигнорировал, а императрица вообще высказала свое возмущение³⁵⁵.

353. Там же. Л. 356.

354. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 204.

355. Аврех А. Я. Указ. соч. С. 60.

VI. Накануне революции

Кризис политического сыска

ПОСЛЕДНИЙ период в истории императорской политической полиции (с середины сентября 1916 г. по конец февраля 1917 г.) связан с именами министра внутренних дел А. Д. Протопопова, директора департамента полиции А. Т. Васильева и сохранивших свои посты командира корпуса жандармов Татищева и начальника штаба Никольского. Несмотря на то что период этот как по сути принимавшихся мер, так и по степени активности руководства сыска являлся в целом продолжением линии Белецкого — Климовича, в отличие от предыдущего года (с осени 1915 г. по сентябрь 1916 г.) действия сыска стали фрагментарными и непоследовательными. Во главе сыска не было ни сильного и харизматичного администратора, ни крупного профессионала, пользующегося уважением подчиненных ему органов.

Назначение министром внутренних дел Александра Дмитриевича Протопопова, октябриста, товарища председателя Государственной думы, члена оппозиционного Прогрессивного блока стало неожиданностью для всех. Он не был ни компетентным, ни политически опытным, но постоянно проявлял особую лояльность императорской фамилии, за что и получил расположение Александры Федоровны. Предполагаемая уступка оппозиции не удалась. Руководство кадетской фракции с самого начала восприняло его негативно, опасаясь, что октябристы поддержат «своего» министра, что нарушит единство

Прогрессивного блока¹. Сам же министр не мог определиться со своей линией поведения, то обещая депутатам координировать действия правительства и парламента, то являясь в Думу в жандармском мундире. Двусмысленность его положения как министра и члена парламента вынудила Протопопова пойти на закулисный разговор с думцами, прежде всего с коллегами по партии октябристов. Поручив ее организацию Родзянко, он оказался в западне, так как последний пригласил лидеров всех фракций Прогрессивного блока. Не получилось не только душевного разговора, но более того — министр был высмеян и подвергнут остракизму. Несмотря на то что подлинной стенограммы заседания не имелось, кадетами была подготовлена краткая ее имитация на основе записей П. Н. Милюкова, растиражированная и распространенная по столице и всей стране. Протопопов был представлен в ней в комическом виде. Смеялись даже сотрудники департамента полиции, подчеркивавшие в тексте самые острые моменты.

Несмотря на манерную любезность и желание понравиться всем, новый министр очень быстро рассорился не только со своими бывшими коллегами по партии, но даже и с подчиненными. В довершение к этому в декабре 1916 г. произошла серьезная личная ссора между Протопоповым и руководством жандармерии в лице Татищева и Никольского, которая, по сути, привела к тому, что ОКЖ и МВД стали работать совершенно автономно друг от друга. Конфликт произошел в силу интриги начальника Петроградского жандармского дивизиона генерал-майора М. И. Казакова, которым было очень недовольно руководство корпуса. Татищева не устраивало падение дисциплины, а также недобросовестное отношение к хозяйственным заготовкам в дивизионе. Казаков

1. *Гайда Ф. А.* Председатель отдела древесного топлива. Протопопов: «салонный шармёр» у кормила власти // *Родина*. 2011. № 5. С. 112.

начал искать поддержки у Протопопова и Курлова, пытаясь войти к ним в доверие. Несмотря на то что праздник дивизиона отмечался в день общекорпусного праздника, то есть 6 декабря², он неожиданно установил собственную дату празднования 100-летнего юбилея Петроградского дивизиона, пригласив на него Протопопова. Командир ОКЖ и начальник штаба не явились на празднование, так как не признали этого необъяснимого нововведения, а министр внутренних дел приехал. В результате сделанного Казаковым доклада у Протопопова сложилось мнение, что неявка Татищева и Никольского на праздник означала их осознанный демарш против него лично³. Протопопов прислал им личное требование явиться на праздник, однако оба не последовали ему, извинившись и сославшись на служебную занятость и то, что изменение даты не было согласовано со штабом корпуса. Известный своей обидчивостью Протопопов сделал доклад Николаю II о неуважительном отношении командования корпуса жандармов к главе МВД. Однако отставок не последовало. В дальнейшем еще хуже сложились отношения Протопопова с собственными товарищами министра В. М. Волконским и В. А. Бальцем, подавшими в отставку в связи с нежеланием работать под его началом⁴.

После вышеописанного конфликта жандармерия сконцентрировалась на вопросах взаимодействия с военной контрразведкой и кадровой политики, а ДП МВД — на увеличении штатов полиции и поддержании безопасности в столице. Министр был настолько негативно настроен против командира ОКЖ, что практически не вводил его в курс дел и только искал замену. На допросах в ЧСК Татищев прямо признался: «Издавались ли какие-либо распоряжения бывшим министром внутренних дел Протопоповым для

2. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 7. Д. 306. Л. 10.

3. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 480, 481.

4. *Гайда Ф. А.* Председатель отдела древесного топлива... С. 114.

подавления могущих возникнуть народных волнений, я не знаю»⁵. За все время министр, бывший одновременно и главноначальствующим над ОКЖ, лишь один раз обратился к командиру корпуса с серьезным политическим поручением: «Протопопов приказал мне послать циркулярный телеграфный запрос начальникам губернских жандармских управлений для выяснения как настроения населения, так и расквартирования войск, что мною и было сделано»⁶. В остальном поручения министра носили мелочный характер.

Александр Федорович Трепов в разговоре с минским губернатором в декабре 1916 г. дал уничижительную характеристику Протопопову: «Протопопов Вас не принял потому, что Вы и Ваша губерния, как и вся остальная Россия, его совершенно не интересуют, и он ее не знает. Это маньяк, большой человек, да к тому же еще и паяц, разгуливающий в каком-то мундире шефа жандармов, им же самим придуманном и созданном... Это фатальный человек для России, несмотря на свое ничтожество»⁷.

Протопопов был совершенно не сведущ в работе политического сыска. Как с юмором описывал его начальник Петроградской охраны Глобачев: «Он никак не мог понять, что такое большевики, меньшевики, социалисты-революционеры и т. п. Не раз он просил меня всех их называть просто социалистами»⁸. Хуже того было то, что Протопопов не читал докладов директора департамента и прочих чинов политического сыска. Поэтому новому министру срочно требовался сильный директор департамента полиции или товарищ министра по полицейской части. Изначально он попытался вернуть Климовича, даже несмотря на нелюбовь к нему Штюмера⁹. Но Кли-

5. ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 40. Л. 17.

6. Там же.

7. Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 194.

8. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 113.

9. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 64–65.

мович отказался. Это могло быть связано как с пониманием безысходности положения, так и с его презрительным отношением к личности Протопопова¹⁰. 9 октября Штюрмер доложил Николаю II о необходимости отставки Татищева и назначении командиром корпуса жандармов и директором департамента одного человека — П. Г. Курлова. Но император колебался, не давая согласия¹¹.

Протопопову не удалось назначить Курлова на должность в силу репутации последнего. Попытка министра договориться с бывшими коллегами по Государственной думе также потерпела фиаско. 19 октября 1916 г. на упоминавшемся выше совещании у Родзянко Протопопов получил жесткий отпор и по вопросу предлагаемой кандидатуры своего заместителя, и по общему курсу министерства. Милюков и Родзянко во всеуслышание заявили, что Дума требует не смены персоналий в правительстве, а перемены всего правящего режима¹². В итоге, как писал Глобачев: «Протопопов был предоставлен самому себе, не имея хороших ответственных помощников и советчиков»¹³. По совету Курлова 28 октября 1916 г. новым директором был назначен трудолюбивый, но нерешительный А. Т. Васильев.

Осенью генерал Курлов, отошедший от руководства политическим сыском еще в 1911 г., попытался разобраться в сложившейся ситуации. Он вспоминал: «В течение октября, ознакомившись с делами департамента полиции, я пришел к убеждению, что положение государства представлялось угрожающим, и крайне затруднительно было наметить полицейские мероприятия, которыми можно было восстановить порядок. Революционные деятели рассеялись в ле-

10. *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции: в 22 т. М., 1993. Т. 22. С. 348.

11. Дневники и документы из личного архива Николая II... С. 254.

12. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1а Д. 27. Лл. 31–314.

13. *Глобачев К.И.* Указ. соч. С. 11.

гальных организациях Городского и Земского союзов, военно-промышленного комитета с его рабочей группой по преимуществу, а равно и соприкасавшихся с ними фабриках и заводах. В этих учреждениях велась пропаганда чисто антидинастического характера и овладела, ввиду близости тыла к фронту, действующими войсками. В Петрограде сосредоточивалось громадное количество запасных, являвшихся скорее революционными вооруженными массами, чем воинскими дисциплинированными частями. Все мероприятия Министерства внутренних дел по поддержанию порядка встречали противодействие со стороны главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-адъютанта Рузского»¹⁴.

Ощущение безысходности было у многих чинов политической полиции. Значительный рост общественных недовольств и забастовок, отмеченный в конце 1916 — начале 1917 г. сказался и на органах государственной безопасности. Сначала в Москве прошла стачка рядовых чинов общей полиции, вызванная низкими окладами и общим вздорожанием жизни. Но вскоре серьезные недовольства начались в жандармерии. Командир граф Татищев получил коллективное анонимное письмо от офицеров ОКЖ. Они жаловались на неуважение и нелюбовь общества («даже близкие нам с омерзением отворачиваются от нас»¹⁵), произвол, коррупцию и доминирование личных связей при продвижении по карьерной лестнице¹⁶, невнимание и низкую оценку жандармской работы со стороны руководства. 24 июля 1915 г. из Петроградского жандармского дивизиона самовольно бежало в армию трое рядовых¹⁷. Особенно активно эта тенденция получила развитие в марте 1916 г., когда унтер-офицеры и прочие нижние чины Петроградско-

14. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 280, 281.

15. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 829. Л. 136.

16. Там же. Л. 137.

17. Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 191. Л. 4.

го жандармского дивизиона, призванного подавлять беспорядки в столице, потребовали от командира генерал-майора Казакова отчислить их из ОКЖ с переводом в действующую армию. Схожие проблемы были в Московском дивизионе. В итоге из Московского жандармского дивизиона было решено перевести на фронт 47 унтер-офицеров, а из Петроградского — 24.

В циркуляре штаба корпуса № 705 от 26 апреля 1916 г. писалось: «По докладе командующему корпусом этих сведений, его сиятельство нашел, что генерал-майором Казаковым было возбуждено изложенное выше ходатайство без достаточных знаний тех условий, при которых протекает в настоящее время служба во вверенном дивизионе. Самый факт объявления нижним чинам решения командующего корпусом пойти навстречу их желаниям и неосуществление этого решения в действительности его сиятельство находит недопустимым, так как это подрывает авторитет начальствующих лиц и может послужить лишним поводом к нежелательному брожению среди нижних чинов дивизиона»¹⁸. 17 марта, через несколько дней после просьбы нижних чинов Петроградского дивизиона, начальник штаба ОКЖ Никольский разрешает перевод только в тех случаях, если нет необходимости в этих рядовых и унтерах и если их можно немедленно пополнить из нового призыва¹⁹.

Причина «бегства» жандармов на театр военных действий, подальше от столиц, была очень проста. Осознав неспособность правительства противостоять надвигающейся революции, они спасали свои жизни. Очень откровенно написал об этом в своих воспоминания ротмистр Н. А. Кравец: «В наших же кругах открыто и даже довольно спокойно говорили о том, что без революции не обойтись. В одном только ошибались, предполагая, что революция начнется по-

18. Там же. Лл. 1–2.

19. Там же. Л. 5.

сле войны, к этому мы были готовы и многие из наших офицеров, попав в Галицию, думали там просто остаться и не возвращаться в Россию, так как прекрасно знали, что первые же удары обрушатся на нас»²⁰.

Ситуация в корпусе накалялась по мере ослабления правительства. Настоящий жандармский бунт произошел в конце 1916-го — начале 1917 г., когда из Петроградского жандармского дивизиона подали прошение о переводе в действующую армию 301 унтер-офицер и рядовой, то есть 66% всех нижних чинов. Из них 222 (74%) человека были призваны на службу в дивизион во время войны. Причем наибольшее число желающих уволиться из жандармерии (93 человека или 32%) были призваны в 1916 г.²¹ С каждым годом войны жандармская служба становилась все более непопулярной, притом что старослужащие унтер-офицеры практически не просились на фронт и оставались верны синему мундиру. Кадровая проблема настолько обострилась, что 26 апреля 1916 г. командующий корпусом граф Татищев был вынужден отказать коменданту Гельсингфорса в командировании двух жандармских унтер-офицеров в Свеаборгскую крепостную жандармскую команду «ввиду неимения свободных унтер-офицеров корпуса, которых в настоящее время не хватает даже для исполнения прямых обязанностей»²².

В сентябре 1916 г. Татищев обратился в Совет министров и к руководству армией за помощью в разрешении ситуации. В связи с этим 11 января 1917 г. штаб ОКЖ выпустил циркуляр №1 о беспрепятственном переводе в корпус запасных унтер-офицеров²³, занимающих должности в гражданском ведомстве. А 13 января был издан циркуляр №6, в котором говорилось, «что начальник штаба Верховного главно-

20. «Ника» (Кравец Н. А.). Указ. соч. С. 561.

21. ГА РФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 191. Л. 6.

22. Там же. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18656. Л. 213.

23. Там же. Оп. 19. Д. 176. Л. 1.

командующего не встречает препятствий к переводу в корпус соответствующих службе в нем унтер-офицеров из числа признанных по состоянию здоровья пригодными для назначения на нестроевые должности и некоторого числа унтер-офицеров из ополченских частей по соглашению с подлежащим начальством»²⁴. Однако низкая скорость принятия решений и практической их реализации сводила эти и без того паллиативные меры к нулевому результату.

К моменту Февральской революции ситуация с кадрами в жандармерии стала поистине критической. Наиболее плачевно обстояли дела с офицерским составом. Имеется документ под названием «Сведения о жандармских чинах, находящихся вне театра военных действий», составленный старшим адъютантом штаба ОКЖ полковником Л. К. Банковским. Из 76 ГЖУ и ОблЖУ Банковский использует данные только по 43 ГЖУ, расположенным вне театра военных действий, а также по 23 из 33 ЖПУЖД. На 9 января 1917 г. в 43 тыловых ГЖУ из 218 полагавшихся по штату офицеров в списках числилось 165 человек²⁵, то есть нехватка составляла около 24%. При этом некомплект в 23 ЖПУЖД составлял 13,5%. В целом обследованию было подвергнуто 826 офицерских должностей в корпусе²⁶, при том что на конец 1916 г. в ОКЖ числилось 1012 офицеров²⁷. Таким образом, на оставшиеся 33 ГЖУ и 10 ЖПУЖД, все крепостные и пешие жандармские команды приходилось 186 офицеров, то есть 4 офицера на управление. В некоторых ГЖУ оставалось всего по 2 офицера на управление (сам начальник управления и его помощник), причем не было даже адъютанта.

24. Там же. Л. 9.

25. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 5. Д. 1221. Лл. 1, 10б.

26. Там же.

27. Список общего состава чинов Отдельного Корпуса Жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Части 1 и 2. Пг., 1916. С. 808.

Наступление на общественные организации

Несмотря на дезорганизацию работы политического сыска, вызванную реформами Джунковского и министерской чехардой военных лет, осенью–зимой 1916 г. департамент полиции осуществил ряд серьезных акций. Основными поставщиками сведений стали Московское и Петроградское охранные отделения и жандармские управления.

В октябре 1916 г. начальник столичной жандармерии генерал-лейтенант И. Д. Волков писал в сводке о приближении бунтарских выступлений «озлобленных тяготами повседневного существования низов населения империи», оценивая уровень их оппозиционности значительно превосходящим 1905–1906 гг. Он указывал на недопустимость и вредоносность половинчатых решений, требуя жестких и энергичных мер. Волков признал ошибочным лозунг «Все для победы» в войне, так как затянувшееся противостояние с Германией отвлекло силы государственного аппарата от необходимости поддержания порядка в тылу и безопасности режима. Без этих составляющих, по мнению Волкова, победа в войне недостижима. Основной проблемой тыла жандарм считал отнюдь не революционное движение, а полную хозяйственную и управленческую дезорганизацию: нараставшее в прогрессии расстройство работы транспортной системы, волну мародерств и хищений в разных отраслях торговли, промышленности, злоупотребления в общественно-политической жизни страны, бессистемные и взаимно противоречивые распоряжения властей, коррупцию и, как следствие, рост цен и неравномерность распределения продуктов питания и первой необходимости²⁸. Основную же по-

28. Граве Б. Б. Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 127–129.

литическую опасность Волков видел в деятельности рабочих групп при военно-промышленных комитетах и трудовых биржах, «где присутствуют представители всех без исключений течений революционного подполья»²⁹.

Проблема контроля над ситуацией на оборонных предприятиях страны, в особенности на столичных заводах, была очень острой. За последний предреволюционный год число бастующих выросло почти в 4,5 раза: с 500 тыс. в 1915 г. до 2,2 млн в 1916 г. Во Франции, также страдавшей от антивоенных настроений, оно выросло в такой же пропорции, но в несоизмеримо меньших масштабах: с 9 тыс. до 41 тыс. бастующих рабочих, а в Германии забастовочное движение только начиналось³⁰.

На основе донесений начальника столичной охранки Глобачева, была составлена Справка о забастовочном движении в Петрограде в октябре 1916 г. Произошло качественное изменение ситуации: в Петрограде солдаты перестали оказывать помощь полиции, открыто поддерживая рабочих. 17 октября во время выступления мастеровых завода «Новый Лесснер» их поддержали солдаты 181-го пехотного запасного полка, которые избили камнями наряд полиции, а также увещевавшего их своего же командира полковника М. П. Володкевича. В течение двух последующих дней безобразия нижних чинов полка и оскорбления по адресу полиции продолжались³¹.

По мнению полиции, волнения инспирировались членами бюджетной комиссии Государственной думы, которые распускали различные слухи: о расстреле солдат 181-го запасного полка, поддержавших бастующих рабочих, о грядущем голоде, о якобы закрытии фабрик и заводов, о возникших в столице баррикадах и боях рабочих с полицией

29. Там же. С. 130.

30. Греков Н. В. Диссертация... С. 359.

31. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Лл. 319–320об.

и войсками, о громадном числе убитых. Деятели подпольных революционных ячеек находились в тесном контакте с депутатами, руководствуясь логикой «чем хуже, тем лучше», усердно участвуя в либеральном походе против правительства³². Они распространяли провокационные слухи, выдавая их за данные из самых достоверных источников. Имевшиеся проблемы снабжения (очереди в магазинах и рост цен) были не только объявлены виной правительства, но и «грозными симптомами надвигающегося голода»³³. Забастовки, начинавшиеся стихийно под воздействием пропаганды, тут же стихали после выяснения ложности распространявшихся слухов. Агитаторы пытались поддерживать возбужденное тревожное состояние рабочих масс, каждый небольшой митинг и забастовку называя началом революции. Всего полицией было задержано 84 агитатора из рабочей среды, однако добраться до подпольных революционных ячеек не удалось. 383 забастовщика были отправлены в действующую армию, а 1367 человек, также предназначенных к отправке на фронт, скрылись. Таким образом, решено было наказать лишь 2,5% участников беспорядков, а реально было наказано лишь 0,5%. Погромы и избиения полиции сошли рабочим с рук, а солдаты 181-го полка отделались дисциплинарными внушениями. Думские депутаты довольно потирали руки, полагая, что победа все равно осталась за ними.

Считая, что октябрьские события были лишь «пробой пера», тренировкой перед организацией больших по масштабу волнений, генерал Глобачев с тревогой резюмировал: «Продовольственный вопрос требует своего разрешения, но сейчас, благодаря умышленно вызывающей позиции Государственной думы, приобретает еще более серьезное значение и, в смысле своего разрешения, сопряжен с еще боль-

32. Там же. Л. 334об.

33. Там же. Л. 324.

шими трудностями»³⁴. Проблема продовольственного кризиса в столице заключалась, собственно, не в отсутствии товаров, а в значительном росте цен на них в годы войны (см. таблицу 6). Цены на пищевые продукты, одежду и обувь, иные предметы первой необходимости за 2,5 года — с сентября 1914-го к 1 ноября 1916 г. — выросли в среднем в 4,78 раза. Наибольший рост цен наблюдался на столовое (растительное) масло (в 8,3 раза), копченую колбасу (в 6,6 раза), посуду (в 6 раз), обувь (в 6–7 раз) и верхнюю одежду (в 4–5 раз), белый хлеб (в 5 раз). Меньше всего подорожали черный хлеб (в 3 раза), молоко (в 2,5 раза), мясо и чайная (вареная) колбаса (в 2 раза) и керосин (в 2 раза)³⁵. В последующие три месяца ситуация лишь ухудшилась: в конце января 1917 г. по сравнению с началом декабря 1916 г. цены выросли в среднем на 50%, то есть в 1,5 раза. Надо отметить, что если на товары первой необходимости (хлеб, мясо, картофель, капуста, яйца, сыр, нижнее белье) рост цен был достаточно умеренным, в пределах 20–25%, то на остальные продукты за зиму цены выросли значительно: на печенье, сладости, фрукты — от 75 до 150%, на ветчину и колбасу — на 60 и 70% соответственно. Как отмечал в рапорте начальник охранного отделения, «картина дороговизны в настоящее время прямо-таки ужасна»³⁶. Глобачев прогнозировал дальнейший рост розничных цен в магазинах и лавках Петрограда в феврале–марте 1917 г., связанный с повышением оптовой закупочной цены крупными поставщиками.

К оценке октябрьских волнений, как инспирированных искусственно, можно добавить тот факт, что резкий рост выступлений и забастовок рабочих в Петрограде происходил на фоне общего спада забастовочного движения в стране. Почти 64% всех забастовавших в империи рабочих были сосредоточены

34. Там же. Л. 328.

35. Там же. Лл. 367об., 368.

36. Там же. Оп. 1а Д. 39. Л. 28.

в столице. По оценкам департамента полиции, в городе на тот момент находилось от 350 тыс. до 400 тыс. рабочих³⁷, из которых в октябре бастовала лишь 71 тыс. В случае выступления большинства или хотя бы половины рабочих Петрограда ситуация могла выйти из-под контроля. Учитывая малочисленность полиции, единственная надежда режима возлагалась на армию. Чины департамента полиции предполагали участие гарнизона нестроевых частей, военно-технических и автомобильных рот гарнизона, сформированных преимущественно из рабочих. Однако строевые части рассматривали пока как благонадежные или не вызывающие подозрений. Протопопов не решался докладывать императрице Александре Федоровне о серьезности сложившейся ситуации и невозможности эффективно противостоять росту забастовочного движения³⁸.

Серьезно осложняли столичной охране борьбу с забастовками несогласованные действия военной контрразведки. Вместо борьбы со шпионажем, которая у контрразведок и без того шла крайне проблематично, военные решили заняться рабочим движением на оборонных заводах — исключительно прерогативой политического сыска. Они планировали полностью забрать у жандармов рабочую тематику, подчинить себе фабричную инспекцию, участковую полицию и заводские администрации³⁹. Главным идеологом этого направления был сотрудник контрразведывательного отделения ГУГШ капитан П. В. Смирнов, в 1915 г. проваливший создание розыскного пункта в Бухаресте. Уже тогда было отмечено его неумелое руководство секретной агентурой и низкая дисциплина его подчиненных⁴⁰. В 1916 г. он заведовал в КРО

37. Там же. Оп. 4. Д. 92. Л. 334об.

38. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 114.

39. ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 548. Л. 388.

40. Каширин В. Б. Бухарестские гастроли русской контрразведки: неизвестный эпизод истории войны спецслужб в 1915 году //

ГУГШ так называемой литерой «А» — специальной структурой, занимавшейся рабочим движением. С подачи капитана Смирнова сотрудники Петроградского КРО Соколов и Гусев, отвечавшие за агентурную работу, не могли воспользоваться жандармскими секретными сотрудниками, подчинявшимися охранному отделению, и обратились за помощью к обычной городской полиции. Состав вышел не самого высокопрофессионального уровня. Они получили 45 агентов на 32 петроградских фабриках и заводах, восемь из которых состояли на Путиловском заводе⁴¹. Общая численность секретных агентов из рабочих к осени 1916 года достигала почти 100 человек, которые никем кроме Смирнова и его двух помощников, не руководимые, секретно встречались с контрразведчиками, получали инструкции и вели работу⁴².

Контрразведчики Соколов и Гусев решили в военных условиях возродить практику полицейского социализма 1900-х гг., известную как «зубатовщина». Урок истории, преподанный вышедшим из-под контроля секретным сотрудником Гапоном и закончившийся Кровавым воскресеньем, был основательно забыт. Агенты КРО на заводах подстрекали рабочих выступать против администрации и обращаться с требованием улучшения условий и оплаты труда не к гражданской власти, а к начальнику Петроградского военного округа генералу князю Н. Е. Туманову. В феврале 1916 года по инициативе агентов КРО была инспирирована забастовка на Путиловском заводе, о чем в своей записке Глобачеву честно признавался один из сотрудников контрразведки. Именно она стала основным аргументом на прошедшем 27 февраля заседании Особого совещания для обсуждения и объединения мер по обороне государства в пользу окон-

Государственное управление. Электронный вестник ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015. Апрель. Вып. № 49. С. 257–260.

41. ГА РФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 548. Л. 384.

42. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Л. 250б.

чательного секвестра завода⁴³. Вряд ли это можно назвать совпадением, скорее деятельность рабочего движения контрразведчика Смирнова курировалась на значительно более высоком уровне.

Осенью 1916 г. агенты литеры «А» призывали к выступлениям рабочих Обуховского и Балтийского заводов. С одной стороны, местные революционеры были недовольны перехватом у них инициативы и формально верноподданным характером протеста. Но с другой стороны, по замечанию упомянутого сотрудника, «контрразведывательное отделение грозило создать этим сильную организацию полицейского социализма, которая могла бы очень скоро стать сильнейшей угрозой для государственного строя»⁴⁴. Совершенно игнорировались правила элементарной конспирации. Под прикрытием военного ведомства, одержимого идеей перехвата власти у МВД, создавались рабочие организации, обострявшие политические и социальные противоречия, разжигавшие страсти и способствовавшие раздуванию недовольства в обществе⁴⁵. Агенты отделения «А» стремились получить популярность в рабочей среде, стать демагогами⁴⁶. Это была провокация в самом классическом своем проявлении.

Нетрудно понять, почему военные, особенно руководство Северного фронта и Петроградского военного округа, затягивали переговоры с МВД о контроле полиции над оборонными заводами. Получалось, что военные поощряли и инспирировали социальный протест, а полиция и гражданская администрация его жестко подавляла. При таких условиях взрыв и так перегретой политической агитацией рабочей массы столицы был неизбежен.

43. Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в. 3 т. Т. 2: 1916. М., 2013. С. 120–123.

44. Там же. Ф. III. Оп. 5. Д. 548. Лл. 385, 385об.

45. Там же. Л. 387.

46. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 287. Л. 25об.

Сотрудники Петроградской охраны это прекрасно понимали. Еще в бытность директором департамента полиции Климовича Глобачев жаловался ему на ненормальность и опасность работы контрразведок в армии. Климович доложил о ситуации товарищу министра внутренних дел Степанову, но увольнение обоих руководителей сыска помешало МВД вмешаться и пресечь это явление.

Крупнейшей акцией полиции последних предреволюционных месяцев стало противостояние с Центральным военно-промышленным комитетом. А. Т. Васильев даже не скрывал в донесении министру, что суть проблемы ЦВПК состоит не в самой деятельности комитетов, а в использовании его Гучковым с целью подтолкнуть военных к открытому противостоянию режиму. В докладной записке от 13 октября 1916 г. Васильев писал: «По московским сведениям, А. И. Гучков деятельно сосредотачивает в своих руках тот материал, который мог бы послужить оружием против правительства, придворных и духовных кругов и особенно против императрицы Александры Федоровны... В Москве господствует твердая уверенность в том, что после войны революция неизбежна. Указывают и на особый характер, который должна принять грядущая революция, которая во многом будет отличаться от восстания 1905 года. Лидерами движения 1905 года выступали люди безвестные, непопулярные в широких кругах населения. А ныне выступают герои отечественной войны, увенчанные боевыми наградами, и такие популярные общественные деятели, как А. И. Гучков»⁴⁷. Полиция не знала о реальных планах лидера октябристов. В сентябре 1916 г. на тайной встрече Гучкова, Терещенко, Некрасова, Шингарева и Шидловского на квартире бывшего товарища министра торговли и промышленности М. М. Федорова, Александр Иванович настаивал на необходимости перехватить инициативу до начала

47. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1913. Д. 144. Лл. 146, 147.

революции и при помощи армейских офицеров свергнуть императора, посадив на его место великого князя Михаила Александровича⁴⁸.

В своих воспоминаниях генерал Глобачев прямо утверждал, что главная задача ЦВПК состояла не в обеспечении фронта необходимым снаряжением из всего объема поставок на долю ЦВПК приходилось лишь 0,4%, а остальное выпускалось государственными и частными заводами), это была именно задача политической борьбы, на которую руководство военно-промышленных комитетов направило основные силы и энергию. «Центральный комитет и все его провинциальные отделения, как я уже сказал, были укомплектованы людьми, стоящими в оппозиции к правительству и трону, начиная от председателя Гучкова и до периферии. Все служебные заседания носили не деловой характер, а скорее являлись политическими совещаниями и митингами. Агенты комитета и сам председатель постоянно выезжали на фронт для постепенной подготовки оппозиционного настроения среди командного состава, причем Гучков брал на себя главнокомандующих фронтами и командующих армиями. Он старался приобрести популярность и среди рядового офицерства. На приемах в офицерских собраниях старался заинтересовать собою молодежь доступностью, простым обхождением, говорил речи, в коих оттенял значение общественности и собственные заслуги, порицая в то же время все исходящее со стороны правящих сфер... Работая в полном контакте с другой организацией — Союзом земств и городов, ЦВПК медленно, но верно вел свою разрушительную работу, подтачивая веру у войск в их царственного вождя, в победоносное окончание войны и в величие и крепость тысячелетних устоев монархической России. Само назначение ЦВПК давало возможность иметь полную связь его агентов с армией, и в проведении своего разлагающего влияния

48. Гучков А. И. Указ. соч. С. 177.

в ряды армии эта организация никаких затруднений не испытывала. В нужный, значит, момент организация всегда может опереться на подготовленный командный состав, и не только [не] противодействие, но даже поддержка армии обеспечена»⁴⁹.

Подробно деятельность ЦВПК описывает в своей работе О. Р. Айрапетов, приводя данные по поставкам и разнице в реально заказанных и поставленных в итоге снарядах, гранат и прочих вооружений. В работе приводится яркий эпизод, иллюстрирующий пропагандистскую суть работы военно-промышленных комитетов. Так в разгар «снарядного голода» на фронте осенью 1915 г. ЦВПК не успел поставить еще ни одного снаряда, однако уже с августа на фронт пошли деревянные ящики, производимые комитетом, в которые были упакованы снаряды, выпущенные на государственных казенных заводах. На ящиках было написано: «Снарядов не жалеть — Центральный Военно-Промышленный Комитет». Таким образом, у офицеров и солдат складывалось впечатление, что ЦВПК под руководством Гучкова поставляет на фронт снаряды, в то время как правительство не может решить эту проблему. На самом же деле поставлялись деревянные ящики⁵⁰. Поставки других видов вооружений регулярно срывались, контракты выполнялись не полностью.

Лидеры ЦВПК надеялись на покровительство ставленника октябристов военного министра А. А. Поливанова. Однако и его симпатия была не безгранична. Уже в феврале 1915 г. среди отвечавшего за военные кредиты Особого совещания по государственной обороне циркулировала составленная по его заказу сравнительная таблица по доставке снарядов на фронт в течение всего времени войны по 1 января 1915 г. Из 20 млн доставленных на фронт снарядов толь-

49. *Глобачев К. И.* Указ. соч. С. 67–68.

50. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели... С. 125.

ко 1% (200 тыс. штук) было выпущено военно-промышленными комитетами. Московский областной комитет поставил всего 76 штук. Столько же было закуплено за границей у стран-союзниц Англии, Франции, США и Японии. Даже частные заводы, находившиеся под управлением генерала С. Н. Ванкова, давали в три раза больше (600 тысяч снарядов), чем ВПК; 95% (19 млн штук) всех артиллерийских снарядов было произведено на казенных заводах⁵¹. По данным охранки, из 47 работавших на генерала Ванкова частных заводов серьезные проблемы с нарушением сроков и объемов производства были только на двух — «Динамо» в Москве и «Русский Рено» в Петроградской губернии⁵².

Данные были настолько вопиющими, что от имени комитетов А. И. Коновалов готовил официальные возражения, сводящиеся к тому, что материалы были нарочито подобраны для дискредитации деятельности организации. Эти скудные масштабы реального производства совершенно не соответствовали общероссийской пиар-кампании и имиджу ЦВПК как спасителей армии от снарядного голода. И ровно по мере того, как усугублялся его кризис как военно-промышленного заведения, возрастала политическая активность и консолидация вокруг планов Гучкова⁵³.

Впрочем, сами представители промышленности совершенно не стеснялись невыполнения заказов. Такая неаккуратность, граничащая с растратой государственных средств, наблюдалась чуть ли не с момента создания комитетов. 25 июня 1915 г. на торжественном открытии Московского военно-промышленного комитета М. В. Челноков цинично заявил: «Заказы надо давать не в обрез. 100000 ружей нужно — давайте заказ на 200000, ибо только в этом случае бу-

51. ГА РФ. Ф. 93. Оп. 4. Д. 92. Лл. 112, 112 об.

52. Там же. Ф. 63. Оп. 47. Д. 494. Лл. 23–25.

53. *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели... С. 127.

дет уверенность, что наберется 100000. Петроград должен давать заказы в гораздо большем количестве, чем это он думает сделать»⁵⁴. Начальник московской охраны Мартынов отмечал и странное ценообразование в военно-промышленных комитетах. Если механическая секция Московского ВПК по состоянию на 1 октября 1915 г. распределила заказ на изготовление 3,5 млн ручных гранат по цене 1,75 руб. за штуку, то Центральный ВПК заказывал такие же точно гранаты по цене 2 руб. за штуку⁵⁵. При сходных объемах заказа дополнительная прибыль заводов-исполнителей заказа, сверх заложенной в контракте, составляла 875 тыс. руб.

Собственно, и знаменитое письмо Гучкова М. В. Алексееву с тотальной критикой работы правительства и военного министерства, подлинность которого является предметом обсуждения, также было запущено в широкие массы через Московский военно-промышленный комитет. Автору данной работы в личном фонде Гучкова среди анонимных писем и писем неустановленных авторов удалось обнаружить оригинал письма Алексееву без первого листа, написанный рукой Гучкова⁵⁶. Впервые о его отправке было сказано в московском клубе «Купеческое собрание» на Малой Дмитровке. Вскоре экземпляр письма был передан Гучковым Павлу Павловичу Рябушинскому и его заместителю по Московскому ВПК Сергею Алексеевичу Смирнову. Автор напрягал все усилия, чтобы это письмо попало на фронты действующей армии, через посредство военно-промышленных комитетов, через сочувствующих офицеров запаса и представителей общественных организаций⁵⁷. Большую надежду с письмом связывал и руководитель рабочей группы ЦВПК К. А. Гвоздев, который прямо утвер-

54. ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 494. Л. 37

55. Там же. Л. 119.

56. Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1218.

57. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1913. Д. 144. Лл. 145, 146.

ждал, что доклад будет иметь решающее значение для грядущих политических перемен⁵⁸.

Особую опасность представляли вышеупомянутые рабочие группы при военно-промышленных комитетах. Фактически в этих структурах шло общение и тесная, в том числе политическая, работа представителей крупного капитала, государственных чиновников, в том числе военных властей, оппозиционно настроенной общественности и зачастую представителей революционных социалистических партий, включенных в комитеты в качестве делегатов от рабочих. Выборы в них были устроены оригинальным способом: в них участвовали не только рабочие заводов, имевших оборонный заказ, но и представители всех средних и крупных промышленных предприятий того региона, в котором находился военно-промышленный комитет, даже не связанные с армейскими заказами. Например, в выборах представителей от рабочих Петрограда в Центральный комитет участвовало 265 тыс. человек со всех городских фабрик и заводов с численностью не менее 500 рабочих. 27 сентября 1915 г. собралось 200 выдвинутых пролетариями выборщиков, большинство из которых, по недосмотру руководства ЦВПК и благодаря подтасовкам с записками для голосования, получили сторонники пораженческого отношения к войне, в том числе большевики, которые и одержали в итоге победу⁵⁹. Только в результате чистой случайности по формальным основаниям итоги выборов были признаны несостоявшимися, были назначены новые, на которых победили социалисты-оборонцы от партий меньшевиков и трудовиков. В Москве в выборах участвовали рабочие 41 крупного предприятия общей численностью около 80 тыс. человек. То есть рабочие группы являлись именно представителями рабочего класса

58. *Граве Б. Б.* Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 112.

59. ГАРФ Ф. 63. Оп. 47. Д. 494. Лл. 119об., 120.

в чистом виде. А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский обеспокоились победой большевиков, однако не осознали, что ведут «игру с огнем», ограничившись изменением нормативов представительства выборщиков и личным участием в избирательном процессе для купирования враждебных элементов.

Сохранилась статистика представительства общественности и рабочих в ВПК разных регионов страны на 1916 г. Сведения предоставили 25 из 118 комитетов. Средняя доля представителей рабочих в них составлял 11% (всего 107 человек), варьируясь от 18,7 до 2,6% в зависимости от региона. В Московском областном ВПК было 10 рабочих, то есть 13,5% от общего состава комитета⁶⁰. Ударную в политическом отношении силу представляли 16 человек, составлявших рабочие группы Центрального и Петроградского областного военно-промышленных комитетов. Их члены были выбраны от 101 предприятия Петрограда и находились под полным покровительством Гучкова и Коновалова. Именно с их подачи рабочие группы ЦВПК и ПОВПК изначально заняли резко оппозиционную позицию. Под видом заседания номинально крайне малочисленных рабочих групп собиралось иногда по 500 делегатов, среди которых были эсеры, меньшевики, большевики, члены Бунда, представители рабочих профсоюзов, обществ взаимопомощи, рабочих касс⁶¹. Даже на предполагавших закрытый характер официальных мероприятий рабочие страны были представлены незначительно, лишь номинально, в то время как всем руководили петроградские революционные деятели. Например, на совещании областных военно-промышленных комитетов, проходившем 13–15 декабря 1916 г., из 49 человек, подпи-

60. Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах. Пг., 1916. С. 23–24.

61. Куликов С. В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. №1. С. 72.

савших резолюцию рабочей группы, лишь 30 человек были собственно представителями рабочих групп из 12 различных городов империи. Петроград представляло 30 делегатов, из них 15 — рабочую группу ЦВПК, а остальные — социал-демократическую фракцию Государственной думы, различные подпольные ячейки, рабочие коллективы столичных заводов. Из регионов самое большое представительство было у Москвы и Киева — по 3 человека, остальные направили в основном по одному делегату. При этом резолюцию подписывали люди, казалось бы, к оборонной промышленности отношения не имевшие, как, например, представитель харьковской еврейской рабочей столовой⁶².

В своих регулярно публиковавшихся обращениях рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета не ограничивалась исключительно вопросами имущественного и социального положения пролетариата. Ее представители регулярно писали о необходимости введения в России ответственного перед Государственной думой правительства, об изменении всего политического строя, введения всевозможных свобод. Не обходили стороной и «империалистический» характер войны, грубо вторгаясь во внешнеполитические вопросы. Во время визита в мае 1916 г. известного своими социалистическими убеждениями французского министра боеприпасов Альбера Тома в Петроград председатель рабочей группы ЦВПК К. А. Гвоздев передал ему письмо, содержащее тотальную критику российского государства и сомнения в возможности выиграть войну. Правительственный курс Николая II сравнивался в письме с «авантюристской политикой Наполеона III». Антипатриотические воззрения рабочей группы можно охарактеризовать и приведенным отношением к победам русской армии в Галиции. Авторы письма не только не приветствовали успехи на фрон-

62. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1917. Д. 347ч. 46.

те, но осудили их, а равно и всю политику в регионе. Наибольшее возмущение у представителей группы вызвало направление туда «развращенной полиции» и православного духовенства, «которое насильственно стало обращать в православие население, примыкающее к унии», а также закрытие польских и украинско-националистических культурных и общественных заведений⁶³. Надо отметить, что Тома поддерживал право национальных правительств на военную агрессию и инициативу революционных рабочих всерьез не воспринял. 8 июня на заседании французского Совета министров Тома критически отозвался о русском пролетариате как неорганизованном и отметил, что не смог связаться ни с одним из лидеров русских рабочих⁶⁴. Несмотря на то что текст письма был известен охранке и по нему проводилась доследственная проверка, никаких действенных мер предпринято не было.

Социал-демократы из рабочей группы неоднократно обращались к риторике французской революции, проводили параллели между ней и грядущей русской революцией. Так 27 ноября 1916 г. член социал-демократической фракции Государственной думы А. И. Чхенкели, выступая перед собранием рабочей группы Московского областного военно-промышленного комитета, призывал Думу не только решительно размежеваться с правительством, но и объявить себя Национальным собранием — по аналогии с французским Национальным учредительным собранием 1789 г., организованным депутатами Генеральных штатов в самом начале революции. Он говорил о необходимости, несмотря на начавшееся очевидное усиление военной мощи России и стран Антанты, немедленно заключить сепаратный мир с Германией и приступить к социально-политическим рефор-

63. Там же. Оп.00-1916. Д. 347т. 8. Л. 370об.

64. *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915–1916. Воспоминания. Мемуары. М., 2002. С. 493.

мам⁶⁵. Европейские левые политики и лидеры рабочего движения, в большинстве своем вступившие в союз с собственными правительствами ради победы в войне, особенно в странах-союзницах России, были обеспокоены этой тенденцией. Бельгийский министр, социал-демократ, председатель Международного социалистического бюро Эмиль Вандервельде даже обратился с воззванием к членам социал-демократической фракции российской Думы. Он настаивал на том, что германский милитаризм в случае его победы гораздо опаснее для рабочего движения, нежели собственные буржуазные правительства. Он призывал русских социал-демократов временно прекратить политические распри, объединиться с правительством и оказать ему поддержку ради победы в войне⁶⁶. Призыв Вандервельде был проигнорирован.

Департамент полиции настаивали политические контакты социалистов из рабочей группы с солдатами на фронте, осуществлявшиеся под прикрытием посылки подарков. По информации МВД, в феврале 1917 г. «посылка подарков на фронт от военно-промышленного комитета сопровождалась вручением каждому делегату от рабочих революционного содержания прокламаций с личными, между пр[очим], от председателя комитета А. И. Гучкова инструкциями о революционной пропаганде среди войск»⁶⁷.

Представители общественных организаций в комитетах имели, как правило, одну пятую голосов, наибольшее их представительство (более 20%) зафиксировано в Московском, Одесском, Киевском и Уральском областных комитетах⁶⁸. Однако реальное представительство общественности было более

65. ГА РФ. Ф. 97. Оп. 4. Д. 92. Лл. 396–397.

66. Там же. Л. 124.

67. Там же. Ф. 102. Оп. 00-1917. Д. 343зс Лл. 5.

68. Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах. Пг., 1916. С. 15.

значительным, так как ее деятели причислялись к категории «прочих членов», в которую входили юристы, адвокаты, представители свободных профессий, врачи, земские деятели. В целом по всем ВПК общественность имела 17,1%, «прочие члены» — 19,5%, а представители правительственных учреждений — лишь 10,7%. ЦВПК в своем официальном издании с гордостью писал о приниженной роли властей в этих комитетах как «свадебных генералов»: «Представители ведомств, составляющие 1/10 числа членов, в большинстве случаев не могут рассматриваться как непосредственные участники деятельности комитетов; они нигде не включены в президиумы комитетов, а лишь представляют делегировавшие их учреждения и могут содействовать координированию работ...»⁶⁹. Это была крайне опасная и коррупционно емкая структура, никак не подконтрольная властям, но существовавшая на финансирование от государственных военных контрактов, за казенный счет.

Нельзя сказать, чтобы правительство не предпринимало никаких мер по надзору над общественными организациями. Но действия властей были нерасторопными. Например, начальник Московской охранки Мартынов с самого образования ЦВПК и Земгора начал переводить туда наиболее интеллигентную часть секретной агентуры из бездействовавшего революционного подполья. Однако вплоть до 1916 г. это не встречало поддержки у руководства департамента полиции⁷⁰. Только Климович начал серьезную разработку общественных организаций, но его конфликт со Штюмером мешал переходу от наблюдения к решительным действиям. В июне–июле Штюмер поставил вопрос о ликвидации земств по окончании войны⁷¹. Однако дело ограничилось только назна-

69. Там же. С. 7–8.

70. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 383.

71. *Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России. Диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 462–463.

чением ревизии этих учреждений. 14 июля Советом министров было принято решение об установлении контроля над оборотами Всероссийских земского и городского союзов⁷².

Для первоначального исследования проблемы обратились в департамент полиции. В августе Петроградским охранным отделением в обстановке секретности был подготовлен Обзор политической деятельности общественных организаций. Глобачев прямо признавался, что цель обзора состояла в том, чтобы «дать реакционным кругам основу для антиобщественного похода, а если возможно, для разгона общественных организаций»⁷³. Однако уже в августе экземпляр обзора оказался в руках у московских оппозиционеров, был размножен на ротаторе и взахлеб изучался лидерами Земгора. Источник утечки информации установить не удалось, но сам этот факт был достаточно показателен. Схожая ситуация возникла и с военно-промышленным комитетом. В январе 1917 г. департамент полиции готовил ликвидацию его рабочей группы, в жандармские управления и охранные отделения была разослана серия циркуляров, освещавшая деятельность рабочих групп и методы борьбы с ними, а также циркуляр МВД об объединении действий правительственных властей для предупреждения и прекращения забастовок. Из Тифлисского губернского жандармского управления поступила жалоба, что пакет с циркулярами оказался наполовину расклеен, сургучные печати на самих циркулярах сломаны. Выяснилось, что пакет был вскрыт еще до его поступления в жандармское управление. Начальник управления полковник И. И. Пастрюлин жаловался, что секретные документы часто попадали к нему во вскрытом виде⁷⁴. Утечки информации в Москве и Тифлисе могли быть связаны. Нельзя ис-

72. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 343зс Лл. 35.

73. Там же. Л. 36.

74. Там же. Оп. 00-1917. Д. 347. Лл. 10-14.

ключать, что в структуре политического сыска или среди чинов почтового ведомства у оппозиции появился свой человек, «крот», снабжавший совершенно секретными сведениями. Директор департамента А. Т. Васильев потребовал у главного управления почт и телеграфов навести порядок с полицейской корреспонденцией. «Крота» найти не удалось.

Учрежденная в июле 1916 г. Межведомственная государственная комиссия по контролю над финансовыми потоками Земского и Городского союзов начала собираться только осенью. От департамента полиции в нее вошел С. Е. Виссарионов. Долго писали и утверждали регламент работы, цели и задачи, пределы полномочий комиссии. Зимой 1916–1917 гг. началось изучение финансовых документов Земгора, которое вскрыло их фрагментарный характер.

Межведомственная комиссия состояла из чинов Государственного контроля, МВД, министерств финансов и военного, а также руководителей местных органов Земского и Городского союзов. Она должна была проверить расходы по ассигнованным из Государственного казначейства общественным организациям средств на удовлетворение военных потребностей, в частности периодические денежные и материальные отчеты союзов и их структурных подразделений, аффилированных с союзами организаций. Особое внимание уделялось контролю фактического наличия означенных капиталов и степени реализации мероприятий, на которые были выделены бюджетные средства. Была поставлена задача выяснить неправильные, бесхозяйственные и невыгодные казне расходования средств⁷⁵.

1 февраля 1917 г. в здании Государственного контроля на Мойке, 76 прошло первое заседание комиссии. Председательствовал опытный генерал-контролер департамента гражданской отчетности С. А. Гадзяцкий. Вопросом №1 на заседание было вынесено

75. Там же. Оп. 00-1916. Д. 343зс Лл. 59, 590б.

обсуждение результатов обследования фронтовых учреждений Северного и Западного фронтов⁷⁶. Ожидавшиеся на заседании представители от московского городского комитета не явились вовсе, явились только петроградцы. Вообще представительство общественных организаций на совещании было малочисленным. Присутствующие ушли от обсуждения вопросов порядка деятельности Государственного контроля во фронтовых и местных комитетах общественных союзов, выработки инструкций для проведения ревизии, не говоря уже о вопросе № 1. Удалось лишь кратко рассмотреть вопрос о составлении финансовых отчетов и сроках доставления их в комиссию⁷⁷.

Представитель Всероссийского союза городов П. А. Вишняков не смог дать внятного ответа о движении сумм и основаниях для приобретения организацией за государственный счет имущества. Более того, с его слов выяснилось, что финансовый отчет организации за 1915 г. не готов даже в черновом варианте. В конце сбивчивого выступления Вишняков прямо заявил, что «распределение расходов представляется крайне затруднительным, так как до завершения всех операций Городского союза, которое последует лишь по окончании войны, невозможно с точностью установить, сколько израсходовано из каждого источника на ту или иную потребность»⁷⁸. Речь шла об очень значительных суммах, а отчет у Союза городов был готов только по состоянию на 1 августа 1915 г. и столь краткий, что из него ровным счетом ничего невозможно было понять. Только к 1 августа 1915 г. Союз получил из Государственного казначейства 32,1 млн руб., что составило ровно 90% всех средств этой общественной организации. А истрачено из них было лишь чуть больше половины суммы — 18,7 млн руб., причем на нужды фронта 2,4 млн остальное — на госпитали,

76. Там же. Лл. 38, 38об.

77. Там же. Оп.00-1917. Д. 343зс Лл. 3-3об.

78. Там же. Оп.00-1916. Д. 343зс Лл. 42об., 43.

санитарные поезда и перевязочно-питательные пункты внутри страны⁷⁹. Иными словами, в момент мировой войны из выделенных казенных денег на нужды фронта было истрачено лишь 7,5%. Надо учитывать, что большинство госпиталей внутри страны лишь номинально числились за союзом городов, а фактически находились на иждивении частных благотворителей из числа состоятельных граждан.

Однако в Союзе городов имелись очень подробные данные. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1917 г. был опубликован подробный 500-страничный финансовый отчет, подписанный главноуполномоченным М. В. Челноковым, заведующим счетным отделом П. А. Вишняковым и главным бухгалтером А. И. Новиковым. Тем более странно, что черновые материалы к нему не были представлены Государственному контролю. Согласно этому отчету, составленному к 1 января 1916 г., то есть без учета истекшего 1916 и начала 1917 гг., Союз городов получил правительственных ассигнований на сумму в 57 млн руб., а также контрактов от военного ведомства еще на 2,1 млн дополнительно⁸⁰. То есть в бюджете общественной организации казенные деньги составляли 81% всех его доходов. Расходы по фронтовым учреждениям союза составили вновь меньшую часть трат — 8,8 млн (15% от выделенных бюджетных средств или 22% от всех расходов союза)⁸¹. Не приводя данных за 1917 г., авторы опубликованного отчета в тексте пояснительной записки к нему отмечают, что на 1 января 1917 г. остались непокрытыми расчеты с кредиторами на сумму в 8,9 млн руб. Речь идет о заказах, полученных еще в 1915 г. К середине июня 1916 г. сумма государственных ассигнаций Союзу городов достигла 92,8 млн

79. Очерк деятельности Всероссийского союза городов 1914–1915. М., 1916. Лл. 224–228.

80. Всероссийский союз городов. Финансовый отчет от начала деятельности по 1 января 1916 г. М., 1917. С. 5, 6. Ч. 1. С. 5.

81. Там же. С. 8.

руб.⁸² Заметим, что органы Государственного контроля интересовало не только расходование бюджетных средств, но и в особенности их расход на фронтовые учреждения союзов.

Представители Земского союза Н. Н. Хмелев и А. А. Давидов также были крайне уклончивы в объяснениях. Они смогли определить лишь общую стоимость приобретенного за 1915 г. имущества и отчитаться по небольшой части пожертвований на содержание госпиталей, предложив обсудить детализацию расходов при ликвидации союза после войны⁸³. Фактически это звучало как прямой саботаж проверки и призыв к приостановке работы комиссии на неопределенный срок. Сотрудники Государственного контроля попросили предоставить хотя бы приблизительные суммы и назвать дату предоставления финансовых отчетов за 1915 г. Представлявшие Союз городов С. Д. Шипов и П. А. Вишняков обещали предоставить данные к ноябрю 1917 г. Это заявление было уже вызывающим, так как государственное финансирование Земского союза было в несколько раз больше, чем Городского. Согласно только опубликованному очень краткому отчету о деятельности с момента его возникновения до 1 января 1916 г., эта общественная организация получила 149,1 млн руб. «правительственного пособия» и 26,6 млн заказов от военного ведомства, что составляло 90% всех финансовых поступлений⁸⁴.

К лету общая сумма государственных ассигнований союзу достигла 186,6 млн руб.⁸⁵ При этом представители союзов повсеместно, особенно в прессе, подчеркивали, что они существуют на пожертвования

82. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. /1916 год. М., 2008. С. 261.

83. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1916. Д. 343з Лл. 43об., 44.

84. Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 г. М., 1916. Приложение 2. Ведомость оборотов с балансом на 31 декабря 1915 г.

85. Особые журналы Совета министров... /1916 год. М., 2008. С. 261.

общественности. Однако, как отмечал В. Н. Воейков, «Городскому и Земскому союзам не удалось привлечь сколько-нибудь крупных общественных и частных средств, они, все время развивая и расширяя свои организации, вынуждали правительство увеличивать выдаваемые им суммы, необходимые для поддержания созданных [союзами] полезных учреждений»⁸⁶. Фактически обе общественные организации, которые помимо своих прямых обязанностей активно занимались антиправительственной политической деятельностью, не только находились на полном иждивении государства, но и отказывались отчитываться в расходовании сумм.

Более того, по мнению многих, чрезмерное расширение их штатов было не только не бескорыстным, но и наносило вред армии. Молодые мужчины, поступая на службу в Земгор, получили возможность на законных основаниях уклониться от действительной военной службы под самым «патриотическим» предлогом. Многие из них носили даже особую форму, за что среди офицерства получили унижительные прозвища «земгусаров» и «гидроуланов». В декабре 1916 г. в письме к жене будущий философ Федор Степун (а на тот момент фронтовой офицер-артиллерист) писал: «Земгусар — интеллигент, либерал и защитник войны до конца, внешность под офицера, душа под героя. Звенит шпорами и языком, а на самом деле всего только дезертир, скрывающийся от воинской повинности в общественной организации»⁸⁷.

В тот момент, когда значительная часть кадрового офицерства погибла в тяжелых боях 1914–1915 гг., Земский и Городской союзы за государственный же счет лишали армию кадрового резерва потенциальных прапорщиков и подпоручиков. Даже бывший военный губернатор Львова полковник С. В. Шереметев

86. Воейков В. Н. Указ. соч. С. 176.

87. Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 159, 160.

по совету графа Г. А. Бобринского написал официальный рапорт командующему Юго-Западным фронтом А. А. Брусилову и начальнику штаба 8-й армии о работе патриотической общественности. Шереметев возмущенно отмечал, что в земско-городских структурах «находится много молодых людей, долженствующих быть призванными к отбыванию действительной службы», которые «получают содержание в несколько раз большее, чем их однопризывники по возрасту и образованию», оказавшиеся на фронте⁸⁸. Полковник подчеркивал убыточность для казны содержания этих «земгусаров» и совершенную несправедливость их имущественного превосходства над настоящими воинами.

Генерал-контролер С. А. Гадзяцкий, признав несостоятельными объяснения представителей общественных организаций, заявил, что на Северный, Южный и Западный фронта будут направлены специальные отряды Госконтроля, в которые будут включены «лица, знакомые с ведением двойной бухгалтерии и обладающие специальными техническими познаниями»⁸⁹. На выездные финансово-хозяйственные проверки от департамента полиции качестве наблюдателя делегировался С. Е. Виссарионов. После первых «общих» проверок должны были быть назначены уже подробные. Следующее заседание комиссии Госконтроля было назначено на 15–20 февраля. Все это не могло не встревожить представителей общественности, совершенно не желавших давать отчет в своих действиях и в растрате казенных средств. Одни из них надеялись, что все спишет победа в войне, другие, вероятно, уповали на то, что к осени отчитываться будет уже не перед кем.

Интересно, что после заседаний в Государственном контроле было начато преследование начальника контрразведки 8-й армии Константина Шир-

88. РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 9. Лл. 35–36.

89. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1917. Д. 343зс Л. 306.

мо-Щербинского, составившего жесткий рапорт о злоупотреблениях в деятельности Земгора. На него поступил донос от австрийской крестьянки, обвинявшей офицера и его сотрудников в хищении ее имущества и превышении полномочий. Несмотря на то что свидетельских показаний, подтверждающих ее слова, не было, этого вполне хватило для применения жестких мер к контрразведчикам. 14 февраля командующий фронтом А.А. Брусилов приказал провести негласный обыск у своих сотрудников и изъять всю их неслужебную переписку. Начальник КРО, его помощник и родной брат Виталий Ширмо-Щербинский, заведовавший агентурой Николай Зак и еще 5 сотрудников контрразведки были арестованы, у них было изъято 53 личных письма⁹⁰. А вскоре было возбуждено и уголовное дело о превышении служебных полномочий, так ничем и не закончившееся⁹¹. Было ли это косвенно связано с расследованием деятельности общественных организаций на фронте или же стало результатом некоего внутреннего конфликта в командном составе 8-й армии, доподлинно утверждать сложно. Но представляется неординарным исторический момент и сам факт ареста всего личного состава контрразведывательного отделения по одному мало-значительному доносу подданной враждебного государства, к тому же на линии фронта, где законность носила весьма условный характер, а превышения полномочий военными властями, включая реквизиции необходимого им имущества у местного населения, давно уже стали обыденностью.

Не ограничившись Земгором, полиция форсировала наступление на военно-промышленные комитеты. В январе 1917 г. Петроградская охранка констатировала, что в стране сформировалось революционное ядро, имевшее поддержку в общественных организациях и Государственной думе. В составленной депар-

90. РГВИА. Ф. 2134. Оп. 7. Д. 9. Лл. 73, 74, 99, 100.

91. Там же. Ф. 16142. Оп. 2. Д. 123. Л. 91.

таментом полиции записке о важнейших событиях в области розыска приводились выдержки из резолюции последнего заседания рабочей группы ЦВПК, однозначно указывавшие на подготовку революции. В ней, в частности, звучали следующие слова: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавия и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного решения... Рабочие немедленно должны приступить к сплочению и организации своих сил, избрать заводские комитеты, сговориться с рабочими других фабрик, на собраниях выяснить всем товарищам важность момента и к моменту открытия Думы быть готовыми на общее организованное выступление». Резолюция заканчивалась призывом ко всем рабочим Петрограда — к открытию сессии Думы — завод за заводом, район за районом дружно двинутся к Таврическому дворцу и предъявить там политические требования. «Вся страна и армия должны услышать требования рабочего класса: только учреждение Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, способно вывести страну из тупика и губительной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на условиях, приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран»⁹². Фактически это был готовый сценарий переворота.

Трогать саму Думу жандармы опасались, потому решили действовать адресно. 19 января в докладе на имя директора ДП начальник столичного охранного отделения посчитал возможный роспуск Думы несвоевременным, полагая, что он «послужит сигналом для вспышки революционного брожения в разнообразных кругах общества и приведет к тому, что правительству придется бороться не с ничтожной кучкой оторванных от большинства населения членов Думы,

92. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1917. Д. 171. Лл. 320б., 33.

а со всей Россией, давно уже выражающей свое недовольство увеличивающейся и разрастающейся разрухой в стране»⁹³.

Протопопов колебался с ликвидацией революционных центров, ведь под прямым и косвенным информационным контролем Земского и Городского союзов находились сотни тысяч людей: служащих, мелких чиновников, представителей интеллигенции. Под давлением полиции министр все же согласился на ликвидацию рабочей группы при ЦВПК. В ночь на 27 января 1917 г. Петроградское охранное отделение, по предварительному согласованию с Хабаловым и Министерством юстиции, провело обыск в помещениях и хранилищах рабочей группы на Литейном проспекте, а также еще на 16 адресах её членов, которые и были задержаны⁹⁴. Среди них было несколько членов подпольной ячейки РСДРП. Однако это было лишь начало: по всей стране аресты и обыски членов рабочих групп при региональных военно-промышленных комитетах шли вплоть до 22 февраля. В Таганроге было арестовано 9 членов местной рабочей группы (двое вскоре отпущены), в Макеевке проведено 15 обысков⁹⁵. Была изъята личная переписка, вся агитационная и политическая литература. По утверждению проводившего изучение улиц товарища прокурора барона Е. П. Неттельгорста, среди документов были обнаружены доказательства планов членов ЦВПК по созыву после революции Учредительного собрания⁹⁶.

Предварительное следствие вел следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда С. А. Юревич. 8 февраля он издал постановление

93. Сопроводительное письмо начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева № 47 к осведомительному материалу, полученному от секретного сотрудника, направленное директору департамента полиции // Глобачев К. И. Указ. соч. С. 367.

94. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 00-1917. Д. 347. Лл. 6–70б.

95. Там же. Оп. 00-1916. Д. 347 ч. 6. Лл. 179, 180.

96. Там же. Ф. 124. Оп. 55. Д. 95. Л. 9.

о привлечении арестованных членов рабочей группы ЦВПК в качестве обвиняемых по 102-й статье Уголовного уложения. Юревич постановил «предъявить обвинение в том, что, войдя в Центральный военно-промышленный комитет в качестве членов особой рабочей группы, они затем в течение 1915–1917 гг... организовались в тайное сообщество, поставившее задачей своей деятельности организацию рабочих масс в империи для насильственного ниспровержения существующего в России образа правления, причем в целях осуществления поставленной задачи командировали своих членов на места для надлежащей пропаганды, издавали прокламации о выступлении рабочих в день открытия Государственной думы для насильственного устранения настоящего правительства и замены его Временным правительством, опирающимся на организующийся в борьбе народ, рассылали на места письма, заключающие в себе призыв к одновременным выступлениям местных рабочих для осуществления тех же задач и изготовляли прокламации того же содержания от имени рабочих организаций»⁹⁷.

Наказание по статье 102 варьировалось от восьмилетней до бессрочной каторги. После этого А. И. Гучков и его коллеги потеряли самообладание. У них фактически «была выдернута скамейка из-под ног»⁹⁸. Полиция потребовала от Протопопова арестовать и самого Гучкова, но министр не решился. Руководство ЦВПК, наоборот, заняло двойственную позицию. С одной стороны, в распространенном 31 января заявлении бюро комитета его члены отмежевались от конкретных политических задач и намерений рабочей группы. ЦВПК объяснил необходимость ее существования налаживанием контактов между буржуазными элементами и представителями рабочих как в целях «нормального политического развития», так и для ра-

97. Там же. Л. 29.

98. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 70.

боты военной промышленности. С другой стороны, Гучков с коллегами перешли в наступление на правительство, высказав «самый горячий протест» против арестов и пригрозив усилением волнений в рабочей среде. Главной политической декларацией заявления бюро ЦВПК стало открыто выраженное согласие с оценкой рабочей группы политического режима и правительственного курса и признание неспособности власти обеспечить победу в войне⁹⁹. Понимая, что в руках следствия находится значительное количество материалов для привлечения к ответственности и самого руководства ЦВПК, оно пошло ва-банк.

Объяснение может быть одно: лидеры антиправительственного заговора понимали близость падения режима и использовали арест, направленный на подрыв позиций рабочей группы, наоборот, для укрепления своего авторитета в рабочей среде как решительных борцов с правительством. К тому же они понимали, что руководство армии во время войны не позволит распустить военно-промышленные комитеты, выполнявшие крупные оборонные заказы. На допросе в ЧСК Временного правительства М. В. Челноков прямо утверждал, что военное ведомство активно отстаивало интересы ЦВПК в Совете министров и решиться на противостояние с армией МВД не могло¹⁰⁰.

Департамент полиции мешкал. За арестом членов рабочих групп не последовало задержаний сочувствующих и сторонников среди активистов, несмотря на то что еще в донесении от 7 февраля Глобачев писал об их готовности вывести 14 февраля рабочих Петрограда на улицы и пойти на столкновения с полицией и войсками. Генерал привел характерное мнение столичных большевиков, в рабочих группах не участвовавших: «Большевики усматривают в призыве рабочей группы желание довести дело до вооруженных

99. ГА РФ. Ф. 124. Оп. 55. Д. 95. Л. 32–32об.

100. Падение царского режима. Т. V. М.; Л., 1926. С. 310.

столкновений с полицией и войсками, дабы создать кровавые события, толкающие страну к революционному перевороту в пользу буржуазных слоев»¹⁰¹. Оценка эта, почти в точности предсказывающая ход событий Февральской революции, была принята к сведению, но никаких действенных мер не последовало.

Протопопов и армия

В вопросах взаимоотношения с армией Протопопов продолжил курс Климовича. Осенью 1916 г. он попытался довести восстановление агентуры в армии до логического конца, создав агентурную сеть в частях на театре военных действий. Это было особенно важно, учитывая, что Петроград относился к театру военных действий и подчинялся генералу Рузскому. Протопопов сделал соответствующий доклад императору и получил полное его одобрение¹⁰². Ни времени, ни кадрового ресурса для осуществления данной меры жандармы уже не имели. Военное руководство следило за настроениями среди нижних чинов исключительно путем цензуры писем с фронта. Учитывая нехватку цензоров, иногда одному человеку за две недели приходилось прочитывать более чем по 10000 писем¹⁰³, что, конечно, невозможно было сделать внимательно.

Интересно, что в 1927 г., столкнувшись с внутрипартийной оппозицией и опасаясь крестьянских неудовольствий в Красной армии и флоте, большевистское руководство пошло по пути координации работы территориальных органов ОГПУ (анало-

101. Донесение начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева директору Департамента полиции. 7 февраля 1917 г. // Глобачев К. И. Указ. соч. С. 406.

102. *Протопопов А. Д.* Предсмертная записка // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2. С. 173–174.

103. Революционное движение в армии и на флоте в годы первой мировой войны. 1914 — февраль 1917. М., 1966. С. 290–292.

гов ГЖУ) и особых отделов в армии (аналогов КРО), по пути создания сети секретных осведомителей среди рядовых и младшего состава, а также перешло к перлюстрации всей корреспонденции¹⁰⁴.

Серьезным мероприятием жандармерии второй половины 1916 г. стало участие в организации независимой военно-морской контрразведки, несмотря на то, что доведено до конца оно было в начале 1917 г. Проект Положения о морских контрразведывательных отделениях был разработан в недрах Морского генерального штаба еще весной 1915 г. Изначально посты руководителей морских КРО, которых должно было быть пять (балтийское, беломорское, тихоокеанское, черноморское и финляндское)¹⁰⁵, предполагалось занять офицерами жандармерии. Созданное самым первым морское КРО при штабе флота Черного моря возглавил ротмистр Севастопольского городского ЖУ А. П. Автамонов. В его сферу деятельности входило все побережье Черного и Азовского морей. 30 июня 1916 г. начальник штаба флота Покровский давал высокую оценку работе Автамонова и запрашивал графа Татищева о командировке ему в помощь еще одного жандармского офицера¹⁰⁶.

В конце января 1917 г. произошло совещание между представителями политического сыска и Морского генерального штаба о службе состоящих в морских КРО офицеров ОКЖ и порядке их соподчиненности. В совещании участвовали начальник штаба ОКЖ генерал-майор Никольский, член совета министра внутренних дел Виссарионов, вице-директор департамента полиции Смирнов, начальник Петроградского охранного отделения Глобачев и военно-морские контрразведчики капитан I ранга

104. *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 329, 330.

105. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Д. 633. Л. 2.

106. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18657. Л. 26, 260б.

М. И. Дунин-Барковский и капитан II ранга В. А. Виноградов¹⁰⁷.

В итоге совещания начальники морских КРО, в случае назначения их из жандармских офицеров ОКЖ, должны были выбираться начальником Морского генерального штаба по согласованию с товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, и с командиром корпуса жандармов. Для предоставления права производства ликвидаций и обысков решено было зачислять начальников морских КРО на должности помощников начальников ГЖУ, для чего учредить 6 должностей помощников начальников ГЖУ. Состоящие на указанных должностях должны были выполнять обязанности исключительно по морской контрразведке. Состоящие в морских КРО офицеры ОКЖ числились в списках соответствующих ГЖУ и считались откомандированными для несения службы в район Морского генерального штаба и штабов действующих флотов по принадлежности, в ведении которых они состояли. Последние пользовались в отношении жандармов дисциплинарной властью. Состоящие в морских КРО офицеры ОКЖ имели право обращаться за получением необходимых им служебных справок или содействия непосредственно к жандармским управлениям и их сотрудникам¹⁰⁸.

12 февраля 1917 г. командир корпуса жандармов Татищев издал приказ о прикомандировании офицеров к Морскому генштабу под контроль начальника Регистрационной службы штаба. Реформа была завершена, но через две недели в стране началась революция¹⁰⁹.

Можно утверждать, что при организации морской контрразведки воплотились в жизнь некоторые принципы несостоявшейся реформы контрразведок,

107. Там же. Оп. 19. Д. 126. Л. 34об.

108. Там же. Лл. 35–41.

109. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 13.

разработанные директором департамента полиции Русчу Молловым. Сотрудничество с военно-морскими властями у жандармских шло гораздо легче, чем с сухопутной армией. Еще в сентябре 1914 г. военно-морской министр Григорович мотивировал создание отдельной от сухопутной армии контрразведки глубоким знанием немцами русской морской специфики. Из-за ограниченности кадрового потенциала Морского Генштаба разветвленную агентурную сеть жандармов, которую можно было легко переориентировать на контршпионские цели¹¹⁰.

По сути, выработанные январские договоренности 1917 г., одобренные генералом Татищевым и адмиралом Русиным, давали жандармским офицерам, возглавлявшим КРО, значительную долю автономии и возможности для тесного контакта и обмена информацией со своим жандармским руководством. Руководство политического сыска получало возможность контроля за работой контрразведки, так как руководители морских КРО проводили следственные и оперативные мероприятия не как начальники КРО, а как помощники начальников ГЖУ. Это можно считать серьезным достижением на пути сближения органов военной контрразведки и политического сыска.

Отметим, что в годы Гражданской войны как белые правительства (Врангель в Крыму 1 июня 1920 г., М. К. Дитерихс в Приморье осенью 1922 г.¹¹¹), так и большевики (19 декабря 1918 г.)¹¹² сформировали принципиально новые спецслужбы, которые объединяли политический сыск и контрразведку в рамках единых органов безопасности. Такова была насущная потребность времени.

110. *Иванов А. А.* Северная стража. Контрразведка на Русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 33–35.

111. *Кирмель Н. С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Монография. М., 2008. С. 113, 132.

112. *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 131, 132.

В вопросах взаимоотношений с армией А. Д. Протопопов продолжил линию конфликта с оппозиционным командующим Северным фронтом генералом Н. В. Рузским и его вездесущим начальником контрразведки генералом Н. С. Батюшиным. Министр был уверен, что печально известная комиссия по борьбе со шпионажем плохо осведомлена о настроении войск и не может гарантировать безопасности столичного гарнизона. Однако отправить в отставку Батюшина было проблематично: это привело бы к острому конфликту с военным начальством, к тому же подобное кадровое решение находилось вне полномочий министерства внутренних дел. Протопопов решился на откровенный разговор с Николаем II, который полностью одобрил проверку работы батюшинской комиссии и нелестно высказался о самом генерале¹¹³. Скорее всего, именно по настоянию императора В. И. Гурко, заменявший М. В. Алексева на время его болезни на посту начальника штаба Ставки, распорядился устроить обыск у сотрудников Батюшина.

В ночь с 13 на 14 февраля 1917 г. начальник контрразведки Петроградского военного округа жандармский полковник В. М. Якубов провел обыски на квартире одного из ключевых сотрудников батюшинской комиссии прапорщика П. Я. Логвинского в Петрограде и у его любовницы в Москве. Прапорщик давно уже, со времени дела Манасевича-Манулова, находился под подозрением во взяточничестве. Результаты обыска ошеломили даже выдавших виды жандармов. На квартире Логвинского было обнаружено 600 тыс. рублей наличными, а также компрометирующие его бумаги. Все материалы В. М. Якубов немедленно направил не в штаб Н. В. Рузского и даже не командующему военным округом С. С. Хабалову, а помощнику начальника разведывательного отделения штаба фронта своему коллеге по корпусу жан-

113. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 93–94.

дармов подполковнику Н. П. Злобину, а тот уже напрямую в департамент полиции МВД¹¹⁴. Фактически Якубов и Злобин грубо нарушили порядок делопроизводства и служебной субординации.

Павел Яковлевич Логвинский, несмотря на казалось бы невысокий чин прапорщика, был одним из ключевых персонажей в коррупционных схемах спецслужб Северного фронта. Потомственный почетный гражданин города Москвы, сорока одного года, он успел сделать карьеру присяжного поверенного сначала в Саратовской, а потом и в Московской окружной судебной палате. В 1915 г. призванный на фронт прапорщик Логвинский получил контузию и был отправлен в госпиталь во Псков, где располагался штаб фронта. Здесь он явился в разведывательное отделение к ротмистру В. В. Сосновскому и предложил свои услуги, а вскоре уже был лично представлен М. Д. Бонч-Бруевичу и Н. С. Батюшину. Опытному юристу быстро нашлось применение: 21 ноября 1915 г. он был назначен на должность переводчика контрразведывательного отделения штаба Северного фронта.

Сначала по приказу Батюшина Логвинский был командирован в Петроград для разбора дел гражданского отделения штаба столичного военного округа, потом подчинен полковнику Резанову и занимался военно-цензурной работой в столице. В апреле 1916 г. бывший присяжный поверенный был командирован с самыми широкими полномочиями в Курляндскую и Эстляндскую губернии для организации ликвидации немецких фабрично-заводских и торговых предприятий, в том числе знаменитого акционерного общества целлюлозной фабрики Вальдгоф под Перновым¹¹⁵. Она была взорвана по приказу брата председателя Государственной думы полковника П. В. Родзянко, которому ошибочно показалось, что

114. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 593. Лл. 46–49.

115. Там же. Лл. 11, 17, 22, 29, 36, 37, 47, 48.

немцы высаживают в ее районе морской десант¹¹⁶. Эта сфера деятельности стала настоящей золотой жилой для коррупционера: одним росчерком пера чиновник контрразведки сохранял или уничтожал крупные коммерческие компании, имел возможность описать все их имущество, а мог «случайно не заметить» неких ценных активов. Вряд ли прапорщик Логвинский был абсолютно самостоятелен в принятии подобных решений и не обсуждал их с руководством штаба Северного фронта. Показательно, что именно он летом-осенью 1916 г. был основным следователем по обвинению главы Соединенного банка графа В. С. Татищева в государственной измене. Однако в отличие от Манасевича-Мануйлова, он смог тогда избежать ареста и прямых обвинений в вымогательстве. По признанию очевидцев, в начале 1917 г. Батюшин доверял Логвинскому намного более, чем другим членам своей комиссии, фактически, сделав его своей правой рукой¹¹⁷.

Результаты обыска на квартире Логвинского стали известны царю. Накануне своего отъезда в Ставку он санкционировал снятие генерала Н. С. Батюшина с поста руководителя комиссии по борьбе со шпионажем и распорядился назначить ее главой С. П. Белецкого¹¹⁸. А 21 февраля 1917 г. вновь назначенный начальник контрразведки Северного фронта полковник О. М. Тихомиров вынес решение о расформировании комиссии Батюшина¹¹⁹. Почти молниеносная атака МВД на контрразведку Северного фронта, поддержанная лично царем, подрывала позиции генерала Рузского. Даже формально подчиненные ему контрразведчики Злобин, Тихомиров и Якубов приняли сторону МВД. Еще худшим было назначение Белецкого в руководство комиссии, а фактически всей контр-

116. ГА РФ. Ф. 4888. Оп. 3. Д. 376. Л. 68.

117. Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 496.

118. Там же. С. 94.

119. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 593. Л. 46.

разведки Петрограда и Северного фронта, то есть на должность, дающую ему почти безграничные полномочия по проведению любых политических исследований. В масштабе разворачивавшегося в стране острого политического кризиса, это была эффективная, но безнадежно запоздавшая попытка перехватить инициативу.

Увеличение штатов полиции

Наиболее серьезной попыткой Протопопова укрепить внутреннюю безопасность было принятие Советом министров 7 октября Положения об усилении полиции в пятидесяти губерниях. Согласно ему, создавалось дополнительно 40000 полицейских вакансий, специальные полицейские школы, вводился образовательный ценз для чинов полиции (не ниже полного среднего образования). Министр согласовал вопрос расширения штатов полиции лично с Николаем II в Ставке, он не сомневался в успехе дела. 30 октября император утвердил Положение об усилении полиции. Журнал «Вестник полиции» в октябре 1916 г. посвятил реформе целую серию программных публикаций. Писавший под псевдонимом Л.К. полицейский публицист Л. И. Косунович, уподобив войну пожару, а дым от огня — политической нестабильности, писал: «Войска на фронте и полиция внутри страны являются именно этими пожарными, количество и качество которых сейчас должно стоять на первом плане очередных задач. Поэтому-то теперь и нет времени для реформы полицейской службы, полицейского дела по существу, а нужно привлечь к делу наиболее хороших и надежных полицейских работников»¹²⁰.

Однако новых чинов для заполнения вакансий было просто неоткуда взять, а из имевшихся полицеймейстеров и исправников лишь незначительная часть

120. Вестник полиции. 1916. № 42 (24 октября). С. 989.

соответствовала требованиям. Более того, во всех губерниях европейской России не были укомплектованы даже имевшиеся штаты. В восьми ключевых губерниях некомплект составлял от 20 до 25%, в Петроградской — 27%, в Московской — 26%¹²¹. Не лучше обстояла ситуация с сельской полицией, нехватка которой в 23 губерниях варьировалась до 10 до 25%. В Петрограде не хватало 842 городских, в Москве — 954, а в целом по стране — 5062 вакансии оставались не занятыми¹²². Механическое увеличение числа вакансий не решало проблемы их наполняемости. Вероятно, Протопопов понимал эту проблему, предложив открыть несколько школ для подготовки чинов полицейской стражи, однако и эта мера не была осуществлена.

Реально усилить полицию можно было не расширением штатов на бумаге, а исключительно реализацией полного комплекса мер, намеченного в предвоенный период. Кроме того, проект усиления полиции, санкционированный Протопоповым, при этом совершенно не учитывал необходимости усиления жандармерии. А между тем почти на 166 млн жителей Российской империи (без Привислинских губерний) в 1917 г. приходилось 14667 жандармов — от генералов до нижних чинов включительно, то есть на каждого жандарма приходилось 11,3 тыс. жителей.

Последний минский губернатор князь В. А. Друцкий-Соколинский 5 декабря 1916 г. обсуждал вопрос реформирования полиции с директором департамента А. Т. Васильевым, который утверждал, что формат ее реализации был связан с желанием Протопопова выслужиться перед думскими политиками¹²³. Реализовать проект не успели не только из-за отсут-

121. Романов К. С. Накануне Февральской революции. А. Д. Протопопов и реформа полиции // 90 лет Февральской революции: сборник научных статей. СПб., 2007. С. 9, 12, 13.

122. Романов К. С. Департамент полиции МВД... С. 170.

123. Друцкой-Соколинский В. А. Указ. соч. С. 198–199.

ствия времени, но и в силу запрошенного на реформу огромного бюджета — 90 млн руб.¹²⁴

Нельзя сказать, чтобы у МВД совершенно не было кадрового резерва для решения вопроса обеспечения безопасности в столице. Некоторый ресурс имелся, однако он совершенно нерационально использовался. В 1915 г. параллельно с отступлением русской армии, производилась эвакуация подразделений общей полиции из занимаемых немцами губерний. В общей сложности было эвакуировано 4729 сотрудников полиции, из которых 453 классных чина, остальные — околоточные надзиратели и нижние чины. Однако этот образовавшийся кадровый ресурс был неравномерно распределен по 33 губерниям, дополнительно к тому 139 чинов полиции были направлены в занятые по праву войны области — Галицию и Турецкую Армению. Сохранились сводные данные о распределении эвакуированных чинов по губерниям.

По состоянию на осень 1916 г. наибольшее число полицейских было сосредоточено в прифронтовых Минской и Могилевской губерниях — 1681 человек, или 35,5% от всех эвакуированных. На третьем месте шла Калужская губерния — 484 полицейских, которым там было просто нечем заняться. В Петроград было направлено лишь 312 человек, а в Москву чуть больше — 446 человек¹²⁵. То есть на два крупнейших города, где постоянно происходили выступления, забастовки рабочих, митинги (а в Москве и вовсе знаменитый немецкий погром), было направлено лишь 16% эвакуированных полицейских. Сложно назвать это решение рациональным и обоснованным. Решая проблемы некомплекта полицейских в отдельных губерниях, куда направлялось в среднем по 20–30 человек, а также создавая некие пункты концентрации полицейских сил в прифронтовой зоне (вероятно, в расчете на возвращение потерянных губерний), МВД ого-

124. Вестник полиции. 1916. № 41 (17 октября).

125. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316–1916. Д. 50ч. 1. Лл. 124–125об.

ляло политически значимые центры, в которых, без преувеличения, решалась судьба империи. В феврале 1917 г. в Петрограде не хватало 5 тыс. полицейских чинов, которые были в распоряжении министерства. Но Протопопов пошел не по пути концентрации сил полиции в столицах, а продолжил линию своих предшественников по увеличению штатов, «размазывая» бесценные силы безопасности по бескрайним просторам страны, что лишала его реформу смысла.

Другой серьезной ошибкой было игнорирование руководством политического сыска конкуренции (если не сказать — антагонизма) между чинами полиции и жандармерии. С мест регулярно приходили жалобы, что сотрудники полиции стремились сами раскрывать преступления, принося в жандармское управление итоги своей работы «на блюдечке». На практике это выражалось в противодействии работе наружного наблюдения жандармских управлений. В Тверской губернии дошло до комичного эпизода. Губернатор барон Н.Г. фон Бюнтинг, имевший покровителей в окружении императрицы, попытался поставить жандармское управление под контроль, заставляя доносить об общественно-политической ситуации ему лично, а не в департамент полиции. Полиция брала на учет всех посетителей Тверского ГЖУ¹²⁶. Ярославский и костромской губернаторы также желали переподчинить жандармскую агентуру общей полиции.

Официоз департамента полиции словами публициста Н.А. Громова определил набор приоритетных задач полиции в военное время: борьба с дороговизной и спекуляцией, содействие властям в сборе увеличенного подоходного налога, вводимого с 1917 г., обеспечение безопасности на вновь создаваемых промышленных предприятиях и подавление «германиз-

126. Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3(11). С. 31, 32.

ма», немецкого засилья и шпионажа¹²⁷. До революции оставалось три месяца.

Таким образом, в начале 1917 года в результате предпринятых правительством и МВД мер резко обострились основные крупные внутриполитические конфликты: между общественными организациями и правительством, между политическим сыском и оппозиционными генералами. В феврале в решающую стадию вошла борьба за контроль над военными контрразведками, домоклов меч был занесен над руководством Земского и Городского союзов, Центрального военно-промышленного комитета. Нельзя сказать, чтобы министерство А. Д. Протопопова бездействовало, но наносимые им политические удары, несмотря на их болезненность, были нескоординированными между собой, эпизодическими акциями, ни одна из которых не была доведена до логического. Ни на одном направлении МВД не достигло ощутимых результатов.

Февральская революция и ликвидация тайной полиции

1 января 1917 г. член бюро Прогрессивного блока И. Н. Ефремов писал в частном письме: «Мрачные действия конца прошлого года и начала этого, хотелось бы думать, — последние потуги отжившего старого строя, бывших людей, удержаться хоть ненадолго наверху государственной жизни. Хотелось бы верить, что скоро уже они навсегда потонут и Россия вздохнет, наконец, свободнее»¹²⁸. Действительно, работу Министерства внутренних дел не только конца 1916-го, но и первых двух месяцев 1917 г. иначе как «потугами»

127. Вестник полиции. 1916. № 47 (30 ноября). С. 1084.

128. Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 532.

назвать крайне сложно. Символично, что 24 февраля, когда революция в Петрограде уже началась, по заявлению Протопопова Совет министров традиционно продлил действие Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности в губерниях империи до 4 сентября 1917 г.¹²⁹ Руководство МВД и члены правительства не вполне трезво оценивали политический момент и всерьез полагали, что режим продержится еще минимум полгода, в то время как оставалась ровно одна неделя. Введенное в августе 1881 г. особое охранное Положение действовало на территории империи 35,5 года и было отменено уже победившей революцией.

На допросах в ЧСК Временного правительства Глобачев прямо говорит, что не знает, как Протопопов рассчитывал бороться с революцией¹³⁰. 25 февраля, когда на улицах Петрограда была слышна стрельба и пролилась уже не первая кровь, товарищ обер-прокурора Синода князь Н. Д. Жевахов телефонировал Протопопову, прося дать прогноз тревожных событий. Но и тут Александр Дмитриевич оказался верен собственной беспечности, сделав безапелляционное заявление: «Если революция и будет в России, то не раньше, как через 50 лет»¹³¹. В январе–феврале столичная охранка неоднократно направляла министру письменные доклады о положении в столице, однако, по мнению начальника отделения, он попросту не читал донесений. Бессистемность и нерешительность действий, сопровождавшаяся отдельными громкими ликвидациями, не наносившими приближавшейся революции или подготовке государственного переворота смертельных ран, лишь будоражила умы противников режима, подталкивала их к более

129. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1917 год. М., 2009. С. 285.

130. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 414.

131. Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб., 2014. Гл. 81.

активными действиям. Сами же защитники самодержавия оказались в худшей — за многие годы — форме.

Отдельный корпус жандармов встретил Февральскую революцию в состоянии глубокого кризиса: острейший кадровый голод, перманентный конфликт с армией, обилие сложных задач при очень слабом и нерешительном руководстве из центра. События февраля 1917 г. были скоротечны и трагичны для чинов политического сыска. Спецслужба фактически была парализована и не смогла оказать никакого сопротивления. Будущий комендант Петрограда Петр Половцов вспоминал, что в дни революции комитет Государственной думы, перехватывавший все правительственные и царские телеграммы, получил доступ и к секретной переписке. По оценке Половцова, жандармское начальство проявляло большую растерянность и полную неосведомленность о положении дел, не владело реальной политической ситуацией в стране¹³².

Расправа над чинами полиции и жандармерии была жестокой. К. И. Глобачев так описывал события: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых изрубали шашками. Были случаи, что арестованных чинов полиции и жандармов не доводили до мест заключения, а расстреливали на набережной Невы, а затем сваливали трупы в проруби. Кто из чинов полиции не успел переодеться в штатское платье и скрыться, тех беспощадно убивали. Одного, например, пристава привязали веревками к кушетке и вместе с нею живым сожгли»¹³³. Большую партию городских расстреляли прямо на льду реки Невы и также сбросили в прорубь¹³⁴.

Николай Егорович Врангель вспоминал о проявлениях насилия против полицейских в дни револю-

132. *Половцов П. А.* Указ. соч. С. 14.

133. *Глобачев К. И.* Указ. соч. С. 130.

134. ОР РНБ Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765. Лл. 376–377.

ции: «Во дворе нашего дома жил околоточный; его дома толпа не нашла, только жену; ее убили, да, кстати, и двух ее ребят. Меньшого грудного — ударом каблука в темя»¹³⁵.

Несмотря на то что 27 февраля из 47 полицейских участков столицы были захвачены восставшими около двадцати, полиция продолжала сопротивление. В районе Варшавского вокзала в Петрограде трое жандармов открыли огонь из пулемета по восставшим — без приказа, без четкого плана, без какой-либо надежды на успех. Они были тут же убиты на месте разъяренной толпой. Пулеметная стрельба звучала и на Литейном проспекте, где чины полиции пытались не дать мятежникам пройти через Литейный мост к казармам Московского полка¹³⁶. Наряду с саперами это было одно из преданных властям воинских подразделений. Полицейские, пытавшиеся остановить толпу рабочих и взбунтовавшихся солдат в районе Измайловских казарм, также открыли огонь и были убиты¹³⁷. В Кронштадте чины жандармской команды также оказали сопротивление восставшим матросам — и погибли. К вечеру 28 февраля все полицейские участки и жандармские структуры города были разгромлены.

Всего в ходе волнений в столице было только по официальным сведениям убито 48 жандармов и 19 полицейских, еще 64 чина полиции пропали без вести, 42 трупа так и не было опознано. Стражей порядка сбрасывали с крыш домов, топили в Неве, убивали на квартирах и на улице, 62 из них были ранены, 3200 полицейских и жандармов — арестованы¹³⁸. Арестованных полицейских, жандармов и контрразвед-

135. *Врангель Н. Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 354.

136. *Заварзин П. П.* Указ. соч. С. 477.

137. *Николаев А. Б.* Революция и власть... С. 228.

138. Полиция в событиях февраля 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47). С. 28.

чиков отводили в Таврический дворец, в расположение Временного комитета Государственной думы. Его военная комиссия начиная с 28 февраля отдавала приказы о захвате полицейских участков, об аресте чинов контрразведывательного отделения Петроградского военного округа, аресте отдельных жандармских штаб-офицеров¹³⁹. Координирование действий восставших велось не только военной комиссией Временного комитета Думы, но и Центральным военно-промышленным комитетом. Так, в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г., еще до перехода солдат Измайловского полка на сторону революции, командир запасного батальона этого полка телеграфировал в ЦВПК, что 1 марта приведет полк к Государственной думе. Как отмечает историк А. Б. Николаев, полковник Измайловского полка барон В. Х. Майдель приходился родным братом члену ЦВПК Герману Христовичу Майделю и одновременно родственником Б. В. Савинкова¹⁴⁰.

27 февраля по личному распоряжению Керенского было захвачено Петроградское губернское жандармское управление¹⁴¹. При этом был зверски убит начальник управления генерал-лейтенант Иван Дмитриевич Волков. В отличие от многих руководителей сыска, выехавших из города или укрывшихся на частных квартирах, вполне отдавая себя отчет в происходящем, Волков распустил всех сотрудников, но сам остался на посту. Толпа ворвалась в здание управления. 63-летнего генерала жестоко избили, сломав ему ногу, потом отвели в захваченный полицейский комиссариат. Пьяный «начальник» караула несколько раз ради развлечения имитировал его расстрел¹⁴². В ночь на 28 февраля Волкова закололи охранники штыком под сердце. Труп был доставлен в Мариин-

139. Николаев А. Б. Революция и власть... С. 456, 457.

140. Там же. С. 230.

141. Там же. С. 458.

142. Заварзин П. П. Указ. соч. С. 137; Глобачев К. И. Указ. соч. С. 130.

скую больницу и 10 марта захоронен родственниками на Николаевском кладбище Александро-Невской Лавры¹⁴³. Это было одно из наиболее шумевших убийств генералов в Петрограде, вошедшее в большинство воспоминаний современников.

Уже на излете революционных дней, 4 марта, на Привокзальной площади Гельсингфорса был убит бывший начальник Московского и Петербургского охранных отделений генерал-майор М. Ф. фон Котен. Описание его по-своему героической гибели сохранилось в воспоминаниях полковника Д. Л. Казанцева, служившего тогда в Финляндии. На площадь выехала машина, в которой сидели командир 128-й пехотной дивизии П. А. Тихонович и М. Ф. фон Котен. «Едва автомобиль появился на площади, как его окружила толпа матросов и рабочих. Здоровенный рабочий открыл дверцу и закричал: «Генералы, выходи!» Сейчас же раздались крики: «Отобрать у них оружие!» Многие потянулись к генералам, чтобы обезоружить, но генерал-майор Котен не растерялся и сказал, что хамам не отдаст своего оружия, тогда защелкали затворы винтовок. Барон Котен сам выхватил браунинг и произвел несколько выстрелов, смертельно ранив трех матросов и убив наповал двух нижних чинов... В тот же момент гигант матрос ошеломил генерала ударом приклада по голове, благодаря чему барона удалось вытащить из автомобиля и зверски расстрелять у забора, всадив ему в грудь свыше сотни пуль...»¹⁴⁴ Тихоновича вывели писари, но толпа его нагнала на соседней улице, поставила на колени и расстреляла. Учитывая службу фон Котена в жандармерии, матросы запретили его официально хоронить.

143. *Ремнева С. В.* Об исследовании обстоятельств, даты гибели и места захоронения генерала Волкова Ивана Дмитриевича // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 37, 38.

144. *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 99–100.

В каком-то смысле Волкову и Котену повезло. Двум другим известным жертвам — генерал-лейтенанту графу Густаву Эрнестовичу Штакельбергу и генералу от артиллерии князю Александру Васильевичу Чарторыйскому — восставшие отрезали головы¹⁴⁵.

Утром 28 февраля было захвачено здание департамента полиции на Фонтанке, охрана которого за 4 дня до революции была поручена лейб-гвардии Павловскому полку¹⁴⁶. Обошлось без жертв, так как директор департамента А. Т. Васильев по телефону приказал всем сотрудникам немедленно покинуть здание, уничтожив книги с адресами служащих и секретных агентов¹⁴⁷. Разгром департамента полиции и охранного отделения привел к утере значительной части документации, вещественных доказательств. Свидетель событий А. С. Поляков, занявшийся в постреволюционные дни по поручению Временного правительства разборкой и систематизацией архива, оставил подробное описание итогов погрома¹⁴⁸. «Прежде всего прибывшим в департамент представилась картина разгрома: на столах и на полу валялись обрывки служебных бумаг, здесь же валялись куски разбитых зеркал и, очевидно, случайно забытые сапоги со шпорами какого-то жандармского ротмистра; многие шкафы были взломаны»¹⁴⁹. При разгроме сильно пострадал кабинет директора департамента, материалы уголовных дел. Так как толпа выпустила из тюрем и домов предварительного заключения всех уголовников, они в первую очередь направились к зданию по-

145. Николаев А. Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции: сборник научных статей. СПб., 2007. С. 40, 41.

146. Васильев А. Т. Указ. соч. С. 472.

147. Там же. С. 477.

148. Романова Г. В., Романов В. В. А. С. Поляков о спасении архивов III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и департамента полиции // Вестник архивиста. 2002. № 6(72). С. 183–192.

149. Там же. С. 186.

лиции — заметить следы. Сожженный во дворе архив представлял собой именно материалы 8-го (уголовного) делопроизводства департамента. Была уничтожена картотека примет преступников, фотографии, карточки с отпечатками пальцев. В здании охранного отделения в руки погромщиков попало огнестрельное оружие, взрывчатка; флаконы с ядом, частично разбитые, хаотично валялись на полу.

Часто в погромах участвовали бежавшие из тюрем уголовники и даже иностранные шпионы. Свидетелем этого стал контрразведчик Б. В. Никитин, описавший разгром здания Петроградской контрразведки. «Один из неприятельских агентов — Карл Гибсон, которого, кстати, я вновь поймал через полтора месяца и водворил в тюрьму, выскочив на свободу при февральском перевороте, первое же, что сделал, это привел толпу и ворвался с ней в помещение контрразведки под предлогом, что пришел громить «охранку». Начав разгром, он прежде всего разыскал свое досье в делах по алфавиту и, конечно, унес его с собою. Толпа, руководимая Гибсоном, переломала шкафы, сожгла и перервала много бумаг, разбросала по полу до 300 тысяч регистрационных карточек, хранившихся в алфавитном порядке. Служащих тут же захватили и поволокли в Государственную думу, где их намеренно представили как политических агентов охранного отделения и посадили в отдельную комнату»¹⁵⁰. Далеко не все погромы были делом случайных лиц.

Разработанные по распоряжению Климовича планы совместных действий полиции и армии для подавления беспорядков так и остались на бумаге. Однако в первые дни революционные выступления происходили лишь в столице, страна была занята повседневными делами. Если в Петрограде волнения начались 23 февраля, то в Москве вплоть до 27 февраля обстановка была достаточно спокойной. В тот момент, когда

150. *Никитин Б. В.* Роковые годы (Новые показания участника). М., 2007. С. 41–42.

в столице армия активно начала переходить на сторону народных выступлений, в Первопрестольной шли лишь стачки рабочих. Городская власть не бездействовала, но и распоряжений свыше не получала. Начальник охранного отделения Мартынов уже в ночь с 24 на 25 февраля, одним из первых осознав серьезность положения, провел серию арестов и обысков. Полиция побывала на квартирах у 54 находившихся в разработке активных членов социалистических партий; 9 человек из них было арестовано, у 39 отобрана политическая переписка и агитационные материалы, у некоторых — оружие¹⁵¹. Московская охранка начиная с января 1917 г. готовилась к выступлениям рабочих. Только по сохранившимся разрозненным сведениям, за этот период по ее распоряжению в городе был проведен 151 обыск, задержано и арестовано 72 человека, в том числе 18 членов рабочей группы областного военно-промышленного комитета¹⁵².

Вечером 27 февраля в Москву прибыл командир корпуса жандармов Д. Н. Татищев. Начиная с отбытия императора из Петрограда в Ставку 22 февраля, он, как заведующий охраной во время следования царского поезда, сопровождал Николая II и отсутствовал в столице. 23 февраля, до появления информации о первых волнениях, Татищев уехал отдохнуть в свое имение Варганово в Смоленской губернии, где занимался личными делами¹⁵³. Поздно узнав о ситуации в Петрограде, Татищев выехал в Москву. Многие в революционные дни надеялись, что можно будет удержать государственный порядок. Утром 28 февраля Мартынов имел последний телефонный разговор с директором департамента полиции Васильевым. Осознав обреченное положение власти в Петрограде, он, однако, не получил ни одной директивы. В 10 часов утра по приказу градоначальника В. Н. Шебеко

151. ГА РФ. Ф. 63. Оп. 38. Д. 37. Лл. 11–12об.

152. Там же. Лл. 2–12об.

153. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.

было остановлено трамвайное движение, чтобы избежать лишнего скопления народа и быстрого его передвижения по городу.

По утреннему донесению в Ставку заведующего передвижением войск Московского узла полковника С. В. Люби, в городе было спокойно, выступлений не было, движение поездов было нормальное, выступлений среди размещенных в городе солдат, численность которых доходила до 100 тыс. человек, не было. В городе было объявлено положение усиленной охраны, по улицам разъезжали конные патрули¹⁵⁴.

Главначальствующий в городе, командующий войсками военного округа генерал И. И. Мрозовский решил дать бой революции. За несколько дней до этого в разговоре с городским головой М. В. Челноковым генерал однозначно высказал намерение бороться с революцией или погибнуть. «Мне дано полномочие действовать до конца. Я, как солдат, обязан буду это делать, и вы понимаете, что я не могу остановиться. Я человек решительный, я четыре кампании сделал» — так не без доли ехидства на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства пересказывал разговор сам Челноков¹⁵⁵.

28 февраля в 15.45 Мрозовский получил телеграмму от начальника штаба Ставки Алексева, в которой содержалось требование обеспечить работу железных дорог для доставки продовольствия в город, чтобы предотвратить массовые выступления. Также главноначальствующему в Москве было сообщено, что Николай II предоставил ему полномочия объявить город на осадном положении в ту минуту, когда в этом будет надобность. О введении осадного положения необходимо было доложить в Ставку и в Царское Село, куда выезжал император¹⁵⁶. Вечером того же дня, когда сопротивление полиции и жандармерии в столице было

154. Красный архив. Т. 2 (21). М.; Л., 1927. С. 32.

155. Падение царского режима. Т. 5. С. 310.

156. Красный архив. Т. 2 (21). М.; Л., 1927. С. 17.

подавлено восставшими, Мрозовский собрал совещание начальников воинских частей и полиции города. Начальника охранного отделения он попросил приехать за час до начала совещания и предложить меры по наведению порядка, которые можно было доложить на совещании. Мартынов рекомендовал отправить по домам всех ненадежных солдат Московского гарнизона, сформировать боевые единицы из наиболее надежных частей, полиции, кадетов и юнкеров и выставить военные заслоны на путях к Петрограду. Он предлагал объявить, что «в обстоятельствах, грозящих гибелью государству, [начальник Московского военного округа] берет в свои руки временно всю власть в тылу и объявляет осаду взбунтовавшегося Петербургского гарнизона и к нему присоединившихся врагов Родины»¹⁵⁷. Таким образом, из позиции обороны города, о которой телеграфировала Ставка, предлагалось сразу перейти к наступлению. Однако решимость командующего военного округа убавилась. На прошедшем совещании собравшиеся штаб-офицеры уклонились от реализации плана в силу его масштабности и заняли выжидательную позицию. Отсутствие директив из Петрограда и Ставки с самых первых дней революции обезоруживало городские власти, действовавшие по собственному усмотрению, но не готовые взять на себя ответственность.

Интересно, что в своих показаниях революционным властям Мартынов старательно пытался «открытаться» от участия в этом совещании, заявляя, что вообще не вникал в дела наружной полиции и обеспечения безопасности в городе¹⁵⁸. Уже ночью произошли вооруженные столкновения между 1-й артиллерийской бригадой и жандармами. На следующий день сопротивление революции в Москве ограничилось организацией жандармами ряда засад вооруженных стражников на некоторых объектах, в частности

157. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 392.

158. ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 428. Л. 9.

на выходе из мастерских Московско-Курской железной дороги. При дальнейшем расследовании даже сами полицейские стражники и жандармы не смогли объяснить толком, с какой практической целью это было сделано¹⁵⁹.

1 марта события в городе приобрели угрожающий характер. После захвата взбунтовавшимися артиллеристами складов с оружием и на Ходынке, освобождения около 700 преступников из мест заключения и раздачи оружия населению, судьба власти в Москве была предreshена. Столкновения между полицией и восставшими рабочими в районе Яузского и Каменного мостов закончились поражением стражей порядка. Командир Московского жандармского дивизиона полковник И. К. Терпелевский перешел вместе с дивизионом в подчинение революционного комитета¹⁶⁰. С разницей в час — в 14.20 и 15.30 — Мрозовский направил Алексею две телеграммы, из которых была видна полная потеря контроля над городом. «Громадное число учреждений, требующих охраны, большие толпы забастовщиков, большие расстояния и недостаток надежных войск препятствуют обезоружить бунтующих... В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров»¹⁶¹. В тот же день командир корпуса жандармов Д. Н. Татищев выехал из Москвы в Царское село, где 2 марта и был арестован¹⁶².

Недооценка руководством МВД серьезности положения в январе — феврале 1917 года привела к растерянности полиции и жандармерии в момент начала массовых выступлений. Если в Петрограде обстановка начала выходить из-под контроля в первые же дни волнений, то у московских властей было пять спокойных дней для принятия мер по выводу из горо-

159. Там же. Д. 495. Лл. 1, 2.

160. *Мартынов А. П.* Указ. соч. С. 40.

161. Красный архив. Т. 2 (21). М.; Л., 1927. С. 45.

162. Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 40. Л. 18.

да ненадежных воинских частей, имелся ресурс эвакуированных из Польши жандармско-полицейских формирований. Это создавало возможности для поддержания порядка, которыми не воспользовались, ожидая распоряжений верховной власти.

Многие руководители сыска предпочли сдать себя новым властям сами, зачастую даже не дожидаясь отречения Николая II. Ночью в Государственную думу, срезав короны с погон и украсившись красными бантами, явилась депутация дворцовой полиции¹⁶³. Позиция чинов полиции в дни революции была неоднородной: если большинство чинов оказывало сопротивление восставшим или ожидало приказа командования в своих участках, то некоторые помощники приставов поддержали революцию, не только сдались, но даже и предложили свои услуги новой стихийно появлявшейся власти, работали наводчиками для толпы, указывая на квартиры полицейских, места хранения оружия¹⁶⁴. Большинство руководителей сыска были арестованы в первые же дни после отречения императора. Некоторые, не дожидаясь позорного суда, предпочли покончить с собой. Так, вместе с женой отравился ядом подполковник Н. Н. Корнилов, помощник начальника Финляндского ЖУ¹⁶⁵, застрелились бывший глава особого отдела департамента полиции С. В. Зубатов и бывший начальник штаба корпуса контрразведчик генерал от инфантерии Д. П. Зувев¹⁶⁶.

Арестованные в Петрограде высшие чины полиции и жандармерии содержались поначалу в министерском павильоне Государственной думы. На следующий день после отказа великого князя Михаила

163. *Половцов П. А.* Указ. соч. С. 15.

164. *Николаев А. Б.* «Под красным флагом». Петроградская полиция в дни Февральской революции // Проблемы истории и историографии: сборник докладов межвузовской научной конференции. Т. 1. СПб., 2013. С. 49, 50.

165. *Заварзин П. П.* Указ. соч. С. 136.

166. *Зувев Д. Д.* Люди судьбы // Псков. 2004. № 20. С. 133.

Александровича принять престол многие из них устно обратились к министру юстиции Временного правительства А. Ф. Керенскому с просьбой взять их на службу. А 19 марта уже было составлено три однотипных письменных обращения чинов полиции о принятии на службу. В коротких текстах прошений были и такие слова: «Преисполненные искренним чувством готовности отдать все свои силы на служение России при новом строе, мы вновь просим Вас, господин министр, не отказать в распоряжении о приведении ныне же нас к присяге». Сколь быстро были забыты и предыдущая непримиримая борьба, и принципиальное неприятие социал-революционных сил! Всего подписантов было 25 человек. Среди них два бывших руководителя Петроградского охранного отделения генералы П. К. Попов и К. И. Глобачев, бывший столичный градоначальник А. П. Балк, его помощник О. И. Вендорф, жандармский генерал А. В. Герасимов, бывший вице-директор департамента полиции С. Е. Виссарионов, главный шифровальщик департамента И. А. Зыбин, начальник штаба корпуса жандармов В. П. Никольский, командир жандармского дивизиона М. И. Казаков¹⁶⁷. Не было среди подписантов, правда, таких важных персон, как А. Т. Васильев, С. П. Белецкий и Е. К. Климович. Интересно, что в дни июльского восстания большевиков Временное правительство все же обратилось за помощью к чинам охраны. В частности, Керенский активно спрашивал совета у содержавшегося под стражей директора департамента полиции Васильева по поиску компромата на Ленина, Троцкого и Зиновьева в агентурных материалах царского сыска¹⁶⁸. Однако после подавления восстания пойти на создание собственной спецслужбы новые демократические власти не решились.

После Февральской революции новые власти распустили органы политического сыска — департамент

167. ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 459. Лл. 2–4об.

168. *Васильев А. Т.* Указ. соч. С. 500, 501.

полиции и корпус жандармов. Последним де-юре продолжал существовать штаб ОКЖ, ликвидированный 30 апреля 1917 г., а с 1 мая корпус официально прекратил свое существование¹⁶⁹. Согласно одобренному Военным советом в апреле 1917 г. представлению ГУГШ, ликвидировались все жандармские управления и подразделения, за исключением крепостных жандармских команд, переименованных в крепостные комендантские команды, а также Сахалинской и Камчатской пеших жандармских команд с переименованием их в местные команды. Это было связано с тем, что последние не являлись политической полицией, а скорее внутренними войсками и были нужны для поддержания порядка, о чем ходатайствовали местные комитеты общественной безопасности¹⁷⁰.

Личный состав расформированных подразделений теоретически должен был оставаться на службе в армии. Генералы, офицеры и классные чиновники должны были зачисляться по роду оружия, из которого были переведены в корпус жандармов, и подлежали переводу в резерв чинов военных округов для дальнейшего назначения в состав строевых частей действующей армии. Неспособные к строевой службе переводились в тыловые учреждения. В первую очередь в действующую армию должны были быть переведены те жандармы, которые служили ранее в составе разведывательных и контрразведывательных отделений¹⁷¹. Рядовые жандармы и унтеры поступали в распоряжение местных воинских начальников, нижние чины ЖПУЖД — в распоряжение начальников военных сообщений фронтов. Однако на практике остаться на военной службе жандармские офицеры не спешили, переводясь в запасные части, а потом и вовсе увольняясь под приличным предлогом.

169. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36561. Л. 60б.

170. Там же. Л. 5, 50б.

171. Там же. Л. 50б., 6.

По меткому замечанию Половцова, уже к весне 1917 г. в результате исключения жандармов из контрразведывательных структур работа этих органов быстро провалилась, борьба со шпионством ослабла, ибо армейские чины старались «здорово, но неумело»¹⁷². Уже в мае начались переводы бывших офицеров ОКЖ обратно в штабы военных округов: полковников М. К. Измайлова, В. Э. Славина, А. В. Шатрова, подполковников В. А. Гудима, И. С. Давыдова, С. П. Леваневского, М. В. Науменко, Н. Д. Стрельникова, В. К. Толубеева, ротмистра А. И. Винтера¹⁷³. Однако возродить из такого малочисленного кадрового состава спецслужбы не удавалось. Часть бывших жандармов были направлены в Ставку: из них была сформирована охрана штабного поезда командования¹⁷⁴.

Первый начальник Петроградского контрразведывательного отделения при демократическом Временном правительстве полковник Б. В. Никитин, принимавший дела отделения вскоре после отречения императора, справедливо писал: «Февральская революция с корнем вырвала не только политическую полицию, но все органы государства, ограждающие общество от всякого рода нарушителей закона, деяния которых везде и при любом строе караются суровым судом... В Германии после ноябрьской революции 1918 года вся полиция осталась на своих местах. Новая власть проявила к ней чуткую заботу: обращалась к населению с особыми воззваниями, приглашала служащих не покидать своих постов. Сохранив таким путем органы, поддерживающие общественный порядок, немецкие правительства имели в дни испытаний и аппарат противодействия»¹⁷⁵. В этих словах во многом раскрыта причина наступившего хаоса, прихода к власти большевиков и начала Гражданской войны.

172. *Половцов П. А.* Указ. соч. С. 31.

173. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36560. Л. 36.

174. *Половцов П. А.* Указ. соч. С. 158.

175. *Никитин Б. В.* Указ. соч. С. 43, 44.

13 апреля 1917 г. распоряжением начальника Генерального штаба для решения всех имущественных дел расформированного Отдельного корпуса жандармов и подведомственных ему управлений и учреждений была создана Временная ликвидационная комиссия по жандармским делам при ГУГШ. На первых порах к ее работе был привлечен находившийся под арестом бывший начальник штаба корпуса жандармов В. П. Никольский, который был отпущен на свободу и получил доступ к прежде опечатанным документам ОКЖ¹⁷⁶. В состав комиссии входили представители от МВД, Минфина, МПС, Государственного контроля и главных управлений военного ведомства — Генерального штаба, Главного штаба, Артиллерийского, Интендантского, по квартирному довольствию войск и от канцелярии Военного министерства, а также от бывшего штаба Отдельного корпуса жандармов. Председательствовал член Военного совета по назначению Временного правительства. Интересно, что практически до Октябрьской революции комиссия работала без утвержденного Положения о самой себе: дважды проект Положения выносился на рассмотрение Военного совета, в июне и сентябре, и каждый раз отправлялся на доработку¹⁷⁷.

Обязанности комиссии были следующими: 1) выяснение, розыск и охранение денежного и материального имущества штаба и управлений ОКЖ; 2) окончание всех денежных расчетов между расформированным корпусом жандармов и частными лицами, общественными и другими учреждениями, а также взыскание долгов, причитающихся корпусу; 3) разрешение и удовлетворение претензий по контрактам; 4) окончание переписки по возникшим имущественным вопросам; 5) разрешение и удовлетворение претензий к офицерским, классным чинам и солдатским капиталам; 6) разрешение и удовлетворение по жало-

176. РГВИА. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 9. Лл. 5–7.

177. Там же. Д. 15. Л. 1–206.

бам офицерских, классовых чинов и солдат бывшего корпуса жандармов о недополученных ими довольствии и пособиях; 7) назначение и выдача офицерским, классовым и солдатским чинам корпуса и их семьям пособий из капиталов ОКЖ; 8) определение назначения капиталов офицерских, классовых чинов и солдат корпуса жандармов в случае невозможности применить к этим капиталам соответствующие о них положения; 9) выдача чинам бывшего корпуса жандармов необходимых им справок, свидетельств, удостоверений по хозяйственной и строевой части; 10) распределение материального имущества бывшего корпуса между ведомствами; 11) разрешение прочих дел, не вошедших в перечень¹⁷⁸.

Через комиссию также проходили решения о прикомандировании рядовых и унтер-офицерских чинов распущенного корпуса жандармов к воинским формированиям¹⁷⁹. Работа, проведенная ликвидаторами, была огромной: в РГВИА сохранилось более сотни дел не только об имуществе, но и о судьбах отдельных жандармских чинов. Большинство высших руководителей ГЖУ были отправлены в отставку, как генерал Д. А. Правиков¹⁸⁰. Но некоторые офицеры оставались под арестом вплоть до конца сентября 1917 г., как, например, вся Полтавская жандармерия во главе с начальником ГЖУ генерал-майором А. В. Мезенцовым и двумя его помощниками и начальником Полтавского отделения ЖПУЖД подполковником Г. Г. Седовым, арестованными Полтавским советом солдатских и рабочих депутатов уже после Февральской революции. Также почти в полном составе находилось под арестом Харьковское ГЖУ во главе с его начальником полковником И. Н. Астафьевым, а также помощник начальника Нижегородского управления подполковник В. А. Стрекаловский. Причем некоторых жандар-

178. Там же. Лл. 2, 20б.

179. Там же. Д. 2. Л. 1.

180. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173796 (п/с 149–631) Л. 3.

мов арестовывали случайно. Так например, 28 марта, почти через месяц после свержения самодержавия, на станции Тарнополь было арестовано в полном составе целое отделение Временного жандармско-полицейского управления железных дорог Галиции, которое, как это ни парадоксально, продолжало работать. Арест был совершен солдатами проходившего мимо эшелона по подстрекательству железнодорожных служащих, причем и офицеры, и рядовые жандармы были обобраны «до последней рубашки»¹⁸¹.

Лишь некоторым жандармским офицерам удалось сохранить место службы. Наиболее лояльно относились к жандармским чинам эвакуированных в начале войны управлений польских губерний, позволяя им продолжить службу или уйти в отставку на достойных условиях. Так, к бывшему начальнику Ломжинского губернского жандармского управления полковнику С. П. Шабельскому была проявлена неслыханная щедрость: ему не только сохранили свободу, но и 10 июня 1917 г. уволили с производством в чин генерал-майора, с мундиром и пенсией.

Жандармских чинов, как правило, направляли в запасные артиллерийские батальоны и запасные пехотные полки различных армий, в основном в 7-ю, 8-ю, 9-ю и 11-ю армии Юго-Западного фронта. Примечательно, что их не рассредоточивали по различным воинским частям, а старались, наоборот, концентрировать в определенных полках. Так, например, наибольшее число жандармских офицеров было сосредоточено в 86-м пехотном запасном полку 8-й армии, по состоянию на август–сентябрь там числилось не менее 6 жандармских офицеров, среди них полковник Ф. Н. Оже де Ранкур, подполковники В. И. Корсаков, В. П. Мосолов, граф М. А. Подгоричани-Петрович, братья С. С. и Б. С. Сушковы, а также бывший полицмейстер г. Кельцы подполковник А. А. Згрожелский¹⁸².

181. Там же. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 92. Л. 18.

182. Там же. Д. 105. Лл. 1–39.

Бывший начальник штаба корпуса Никольский 30 апреля был прикомандирован в резерв Петроградского военного округа¹⁸³, а 14 декабря 1917 г. — отправлен в отставку с мундиром и пенсией уже большевиками¹⁸⁴. Иначе сложилась судьба и карьера жандармского полковника князя Туркестанова, с 1911 г. работавшего исключительно по вопросам контрразведки в КРО Московского военного округа, а потом в КРО ГУГШ. Несмотря на то что он последние семь лет совершенно не работал по политическому сыску и полностью сосредоточился на борьбе с иностранным шпионажем, приказом от 1 июля 1917 г. он как бывший жандарм был отчислен с поста главы КРО ГУГШ и начальника Центрального регистрационного бюро с назначением в резерв чинов Петроградского военного округа. Полковник был лишен пенсии и каких-либо иных средств к существованию. На имя второго обер-квартирмейстера ГУГШ Туркестанов писал: «Начинать в настоящее время какую бы то ни было службу, обеспечивающую материально на склоне лет меня и мою семью, я по годам и по здоровью уже не в силах; личных средств я никаких не имею и не могу допустить мысли, чтобы Главное управление Генерального штаба не нашло средств для справедливого разрешения вопроса по отношению к дальнейшему моему существованию»¹⁸⁵. Только через несколько месяцев он смог с огромным трудом добиться нищенской пенсии¹⁸⁶.

Другие же бывшие контрразведчики, подполковники С. В. Леонтович, С. В. Муев, А. И. Волков, наоборот, получили новые назначения в разведывательные отделения различных армий, а ротмистр В. Г. Шредер даже продолжал свою деятельность на посту начальника контрразведывательного отделения Киевско-

183. Там же. Ф. 409. Оп. 1. Д. 164103 (п/с 124–736) Л. 6.

184. Там же. Д. 178770 (п/с 158–085) Л. 3.

185. Там же. Д. 174707 (п/с 150–814) Л. 3.

186. Там же. Лл. 9, 19, 21.

го военного округа вплоть до своей скоропостижной смерти 11 апреля 1917 г.¹⁸⁷ Но это были редкие исключения из общего правила увольнения бывших жандармов из разведывательных и контрразведывательных органов.

Таким образом, вплоть до начала «красного террора» в 1918 г. не существовало никакой системы мер по отношению к бывшим офицерам политического сыска. Если одни из них подвергались репрессиям и притеснениям, другие вполне вольготно существовали как при Временном правительстве, так и при большевиках.

Интересна и показательна история здания бывшего штаба Отдельного корпуса жандармов, находившегося в Петрограде на Фурштатдтской улице в доме № 40. Весной 1917 г. он использовался в качестве арестного дома для старших офицеров корпуса, однако уже в апреле с созданием милиции для ее руководящих органов потребовалось помещение. По решению министра внутренних дел князя Г. Е. Львова в нем разместилось Управление по делам общественной милиции. Изначально под него предполагалось выделить здание бывшего департамента полиции МВД на Фонтанке, 16, но оно не подошло из-за шикарных интерьеров, в отличие от аскетично оформленного жандармского штаба. Как писал Львов, «помещение это и по расположению комнат, и по богатству отделки совершенно не соответствует условиям работы правительственного учреждения, производство же переделок в столь дорогостоящем доме недопустимо»¹⁸⁸. После Октябрьской революции в доме разместилось Центральное бюро петроградских профсоюзов.

187. Там же. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 105. Л. 60б.

188. Там же. Д. 9. Лл. 2–20б.

Заключение

« **В** 1913–1917 гг. произошло ослабление департамента полиции и укрепление Отдельного корпуса жандармов, который получил большую свободу действий. Отчасти это было результатом реформ В. Ф. Джунковского, а отчасти того, что в эти годы на посту начальника штаба корпуса находился один и тот же человек — Владимир Павлович Никольский, в то время как в руководстве департамента полиции сменилось шесть директоров. Набор задач, поставленных перед жандармерией, был столь велик и многообразен, а численность личного состава столь незначительна, что корпус по определению не мог выполнить одинаково качественно весь возложенный на него спектр обязанностей. Жандармерия являлась одновременно и политическим сыском, и контрразведкой, и военной полицией, и полицией нравов, железнодорожной полицией, в определенных случаях должна была выполнять функции внутренних войск.

Законодательно запутанная система подчиненности территориальных органов политического сыска осложнялась нежеланием многих жандармских офицеров подчиняться каким-либо другим инстанциям, кроме штаба корпуса и департамента полиции. На практике охранные отделения подчинялись лишь ДП МВД и губернаторам, ГЖУ — департаменту полиции, штабу ОКЖ, а также местному воинскому начальству на театре военных действий; жандармские офицеры, служившие в контрразведывательных отделениях и крепостных жандармских командах — воен-

ному начальству. Сам штаб корпуса, будучи мобилизованным в начале войны, был вынужден лавировать между, с одной стороны руководством МВД, а с другой — военным начальством в лице ГУГШ, Военного министерства и Ставки. Отсутствие четкой системы соподчинения было напрямую связано с неопределенностью статуса жандармской службы, а также с отсутствием у императора единообразного понимания направления и характера работы политического сыска.

Негативное влияние на работу политического сыска оказывала практически полная безучастность императора Николая II к органам безопасности. Яркий пример этого — как с разницей в шесть лет сначала в беседе с П. Г. Курловым он воспретил вводить внутреннюю агентуру в войсках, а потом, в конце 1916 г., по докладу А. Д. Протопопова одобрил ее введение. Если до 1913 г. имелось некое единство во мнениях руководства МВД и политического сыска, что проявилось в создании межведомственного проекта реформы полиции, то преобразования 1913–1914 гг. разрушили это единство. На практике после П. А. Столыпина и А. А. Макарова большинство министров внутренних дел или мало интересовались работой политического сыска, или просто ничего в ней не понимали (Н. А. Маклаков, Б. В. Штюрмер, А. Д. Протопопов). В этих условиях всё зависело от товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, а не от непосредственного руководства сыска. Органы политической полиции не имели возможности регулярного прямого доклада императору.

Политический сыск к началу Первой мировой войны не сформировался как отдельная отрасль государственной службы, не имел единообразия в своей внутренней организации. Вся система органов безопасности нуждалась в срочной и коренной реформе, которая должна была унифицировать и слить воедино разрозненные территориальные подразделения, окончательно определить круг обязанностей чинов розыска, снять с них не свойственные политиче-

ской полиции функции (борьба с мелкой уголовной преступностью, подавление массовых беспорядков и т. п.), придать большую самостоятельность, повысить статус в бюрократической системе империи.

Приход к власти Маклакова и Джунковского лишь усугубил ситуацию. Не разбираясь в вопросах розыска, министр доверил все своему заместителю, который был также совершенно некомпетентен в работе политического сыска. Проведенные Джунковским реформы нанесли тяжелый удар по безопасности политического режима. Были ликвидированы доказавшие свою эффективность органы сыска, в разы сокращено финансирование политической полиции, ослаблены аналитические структуры, разгромлено сильнейшее Петербургское охранное отделение и связанные с ним структуры, уволены талантливые руководители полиции (С. П. Белецкий, С. Е. Виссарионов, М. Ф. фон Котен). Было произведено численное сокращение агентуры — как филёров, так и секретных сотрудников. Заморожена работа на наиболее новых и перспективных направлениях сыска: контроль над армией, введение превентивных методов борьбы, выработка мер по предотвращению революции. Наконец, в рамках обсуждения в комиссии Государственной думы реформы полиции Джунковский поддержал идею снятия с жандармерии права дознания по государственным преступлениям и передачу функций политического сыска общей полиции или юристам. Реализация этой меры могла привести к полной ликвидации системы органов государственной безопасности, превращению их остатков в фарс. Преобразования в сыске были приостановлены в связи с провалом проекта реформы полиции в Думе.

Джунковский на посту товарища министра внутренних дел и командира корпуса жандармов руководствовался, прежде всего, принципом бюрократического лавирования, идя на беспрецедентные уступки различным силам — губернаторам, парламентской оппозиции и военным. Джунковский сломал сложив-

шуюся в 1902–1912 гг. систему политического розыска, но не создал (или не успел создать) ничего ей на замену. Основной целью его было ослабление департамента полиции и вообще сыскных структур. Несмотря на то что отдельные его преобразования логично вписывались в общую направленность работы сыска предыдущих лет, большинство из них ломали только формирующиеся и набирающие силу структуры.

Крупнейшей ошибкой с точки зрения безопасности политического режима была ликвидация секретной агентуры из нижних армейских чинов. В 1910-е гг. изменилась тактика революционеров в армии. Если ранее целью организаций было проведение выступлений в воинских частях, то теперь эсеры и социал-демократы полагали необходимым создавать постоянные мощные ячейки, которые должны были концентрировать силы, но не проводить единичных акций, а ориентироваться на всеобщее восстание в стране. Расчет состоял в том, чтобы начать мятеж в тот самый момент, когда войска понадобятся властям для подавления народных выступлений. Система военной агентуры к 1913 г. была еще слаба и мало развита за исключением отдельных управлений, она только создавалась, и ее запрет ослабил обороноспособность режима перед угрозой надвигавшейся революции. Реформа была проведена вопреки воле военного руководства и департамента полиции. Несмотря на то что летом 1916 г. агентура была возрождена, это было результатом вынужденной уступки со стороны командования армии. Восстановление произошло только в тыловых районах, в то время как Петроградский гарнизон формально относился к театру военных действий и политический сыск был не в состоянии полноценно его контролировать, даже не был подробно осведомлен о настроениях в нем.

В 1912–1913 гг. накануне назначения Джунковского руководство полиции и жандармерии пришло к двум важным выводам: революция в виде массового вооруженного восстания неизбежна и состоится в ближай-

шие годы; она может произойти при активном участии и поддержке войск — не только нижних чинов, но и офицерского состава, по типу революций в Турции (1909 г.) и Португалии (1910 г.). В связи с последним наибольшее опасение вызывала так называемая «младотурецкая» группа генералов, находящаяся в тесном контакте с Государственной думой и лично А. И. Гучковым. Опереться на общество становилось сложно в силу оппозиционности самодержавному режиму значительной части образованного населения империи.

Отдельные аналитики сыска, прежде всего С. П. Белецкий и М. Ф. фон Котен, пришли к выводу о необходимости введения подобия превентивной юстиции. В 1912–1913 гг. Петербургское охранное отделение арестовало сотни лиц не за совершение противоправных действий, а лишь по подозрению в том, что они могут совершить таковые. Доля таких арестов среди проводимых отделением ликвидаций доходила до 46%. А на 1914 г. было заготовлено по одной столице более 200 ордеров на арест. Циркуляр № 107030 от 26 ноября 1913 г. требовал от руководителей местных органов политического сыска проводить ликвидации и прочие оперативные мероприятия по одному лишь доносу, без дополнительных проверок и дознаний. Таким образом, грубо нарушался не только законный порядок ведения дел, но и впервые в истории имперских спецслужб создавался прецедент превалирования доноса над дознанием. Основанием для привлечения к ответственности стало не совершение или намерение совершить преступление, а сама теоретическая возможность того, что оно будет совершено. Эта практика не укоренилась в сыске в связи с отставкой ее идеологов. Однако независимо от действий департамента полиции она получила широчайшее развитие в контрразведке в годы Первой мировой войны.

Контрразведывательные отделения на территории театра военных действий с ведома военных властей проводили массовую репрессивную политику

в течение всей войны. Если в 1914 г. она была связана скорее с неразберихой, некомпетентностью сотрудников и отсутствием необходимого штата агентуры, то в 1915–1916 гг. она представляла собой целенаправленную деятельность военного руководства. Требования быстрых и результативных расследований, которые начальники штабов армий и фронтов предъявляли к руководителям КРО, красноречиво говорили о желании обвинить в военных поражениях вражеские шпионские сети. В процессе работы встречались дела по обвинению одновременно нескольких десятков человек в шпионаже. В 1914–1915 гг. коллективные дела составляли (по материалам Польши) 70–80% от всех обвиняемых в шпионаже. Зачастую об обвиняемом было известно две вещи — его имя и то, что он шпион. Коррупция, примат доноса, некомпетентность агентуры и нежелание большинства жандармов, назначенных в руководство КРО, конфликтовать с непосредственным военным начальством, — вот основные причины того, почему контрразведка проводила массовые репрессии. При этом местные жандармские управления оказывали сопротивление противозаконным действиям контрразведывательных отделений.

В 1916 г. батюшинская контрразведка в Петрограде начала активно заигрывать с рабочими массами, пытаясь возродить полицейский социализм зубатовского типа, а также забрать у полиции функции контроля над крупными промышленными предприятиями. Результатом стал рост забастовочного движения в столице накануне революции.

Важную роль в расшатывании политического режима сыграла политическая деятельность отдельных руководителей армии. В первую очередь речь идет о генералах Н. В. Рузском и М. Д. Бонч-Бруевиче, действовавших как посредством подконтрольных им военных контрразведок на театре северном фронте и в Петрограде, так и с помощью влияния на начальника штаба Ставки М. В. Алексеева. Армейское руководство настойчиво пыталось провести в руко-

водители департамента полиции своего человека, поставить жандармские управления под контроль военных властей. Борьба военных и полицейских властей заблокировали работу спецслужб. Одновременно полиция старалась поставить под свой контроль военные контрразведки. В ходе развязавшейся кадровой войны департамент полиции смог взять под контроль военно-морские контрразведки и восстановить (правда, слишком поздно) секретную агентуру в армии. Военным же удалось удалить жандармов с ключевых позиций в руководстве контрразведок: снять полковника В. А. Ерандакова с заведования КРО ГУГШ и генерал-майора А. П. Бельского — с поста руководителя Варшавского и Лифляндского ГЖУ. Военным не удалось поставить своего человека на пост директора департамента полиции, но ценой этого стал разгром и отставка почти всего высшего руководства МВД и департамента полиции в начале сентября 1916 г. После реформ Джунковского отставки сентября 1916 г. можно назвать вторым разгромом политического сыска, от которого он уже не успел оправиться. Несмотря на активную работу ряда территориальных подразделений, особенно Петроградской и Московской охраны, начались процессы деградации и распада спецслужб, выразившиеся в массовых добровольных увольнениях чинов жандармерии и полном параличе управления.

Одной из скрытых причин противостояния военных и жандармско-полицейских властей стала резкая политизация армии, участие ряда высокопоставленных чинов армии в политических интригах. В конце 1915 — начале 1916 г. руководство департамента полиции получило точные данные от секретной агентуры о наличии антиправительственного заговора в руководящем и старшем офицерском составе армии, о единении части офицерства с парламентской оппозицией и революционными партиями. Однако расследование этих сведений зашло в тупик. Полиция рассчитывала на то, что условно либеральный гене-

ралитет, группирующийся вокруг Гучкова и прочих представителей легальной оппозиции, не сможет договориться с социалистами-революционерами и социал-демократами. Следует заметить, что со времен Цюрихской межпартийной конференции 1910 г., организованной эсерами, шло объединение работы всех социалистических партий в воинской среде, а во время войны с ними сблизилась кадеты. После того как был образован ЦВПК и сеть военно-промышленных комитетов по городам империи, появилась легальная площадка для проведения негласных переговоров буржуазии, оппозиционных политиков и общественных деятелей с представителями революционного и рабочего движения.

Руководство МВД и политического сыска в лице С. П. Белецкого, А. Н. Хвостова, Е. К. Климовича, П. Г. Курлова видело решение проблемы политической ненадежности армии в реализации следующего комплекса мер: 1) установление военной агентуры из нижних чинов как в тылу, так и на театре военных действий, 2) подчинение контрразведывательных отделений жандармским управлениям и вывод их из-под контроля военного ведомства, 3) усиленное наблюдение за руководством армии и перлюстрация переписки.

Описанные Сергеем Палеологом планы Климовича по массовым арестам оппозиции, крупных предпринимателей, ее финансировавших, говорят об осознании руководством политической полиции отчаянного положения режима летом 1916 г. Вкупе с репрессивными действиями контрразведок и планами Белецкого по введению подобия превентивной юстиции, можно констатировать, что как российская политическая полиция, так и контрразведка совершенно независимо друг от друга двигались по пути введения репрессивной политики в стране. Представляется, что в условиях катастрофических боевых кадровых потерь жандармского корпуса (20–30% офицеров жандармерии было командировано на обес-

печение нужд армии, прошла забастовка полиции, нижние чины жандармских дивизионов массово уволились из корпуса), в условиях полной дезорганизации управления на местах, а также в силу специфики жандармского образования репрессии были неосуществимы на практике. Однако сама тенденция говорит об определенной направленности образа мыслей защитников политического режима: «гордиев узел» социально-политических проблем, казалось, легче не распутывать политикам, а разрубить при помощи аппарата органов государственной безопасности.

Особо следует отметить влияние образования на неспособность политической полиции жестко подавлять оппозицию. В своих лекциях по праву на специализированных жандармских курсах полковник В. А. Беклемишев проводил идею человека, как существа разумного и свободного, а государства — как объединения таких граждан на внесловной, наднациональной и надклассовой основе. Полковник А. И. Спиридович в рамках курса политического розыска делал основной акцент на идеологической составляющей борьбы жандармского офицера против революционеров, на служении Закону и законному строю, а не политическому режиму. В жандармских умах и сердцах шла борьба между идеалами законности, порядка, гражданственности, с одной стороны, и суровой реальностью необходимых жестких (если не жестоких) мер противостояния легальной политической оппозиции — с другой. Сложившаяся дилемма не смогла найти своего решения. Отношение к произволу контрразведок на фронтах мировой войны показало этический раскол в рядах сыска: в то время как одни (например, подполковник С. В. Леонтович) активно способствовали репрессивной политике, другие (полковник И. А. Леонтьев, генерал-майор А. П. Бельский, штабс-ротмистр В. В. Ган) пытались ей противостоять.

Анализируя контрразведывательную деятельность жандармерии, нужно отметить, что, несмотря на ве-

дение КРО в 1911 г. и запрет для территориальных органов сыска вести собственную контрразведку, начиная с 1912 г. политический сыск (в основном ГЖУ) возобновил работу по контрразведке. В 1913 г. накануне войны около 20% всех арестов по подозрению в шпионаже было проведено именно ГЖУ. В годы мировой войны наметилось слияние органов контрразведки и жандармерии в прифронтовой линии: имели место то конфликты, то сотрудничество. Особенно глубоко это слияние шло в области военно-морской контрразведки. Таким образом, сама практика розыска — как по вопросу наблюдения за армией, так и с точки зрения организации контршпионажа — требовала слияния этих двух ведомств, возглавлявшихся жандармскими же офицерами, в единую структуру. Именно эту меру осуществили большевики в конце 1918 г., и белые правительства — в 1920–1922 гг. То есть в данном направлении царские жандармы шли в ногу со временем, но неспособность руководства армии и МВД оперативно решать вопросы на межведомственном уровне не позволила сформироваться объединенной спецслужбе в империи.

В историографии и публицистике часто ставится вопрос о том, мог ли политический сыск в целом предотвратить Февральскую революцию. Думаю, что, несмотря на высокий уровень подготовки жандармских офицеров, в сложившейся исторической ситуации политическая полиция была бессильна по следующим причинам. Оппозиция имела гораздо большее влияние в стране и авторитет в войсках, чем защитники режима. МВД не обладало собственными внутренними войсками, жандармские дивизионы и команды были малочисленными и не приспособленными для подавления массовых беспорядков, тем более беспорядков в тыловых частях войск. Структура органов сыска и коммуникация между руководством МВД и территориальными управлениями находилась на низком уровне. Информированность о приготовлениях революционеров снизилась по сравнению

с довоенным временем — практически сеть секретной агентуры развалилась (значительное количество секретных сотрудников были призваны в армию и потеряли связь с офицерами сыска; военная агентура была восстановлена слишком поздно и в совершенно незначительном объеме). Кадровый голод как низших, так и особенно офицерских чинов жандармерии парализовал работу целых управлений. Планы совместных действий армии и полиции для подавления беспорядков существовали лишь на бумаге.

В дни Февральской революции органы политического сыска, за исключением попытавшегося оказать серьезное сопротивление бунту Московского охранного отделения, оказались парализованы. Не имея ни четкого плана действий, ни силового ресурса, они не могли защитить власть и повлиять на ход событий. Во многом это было следствием того, что за 1916 г. спецслужбы настолько свыклись с неизбежностью приближающейся революции и своей неспособностью ее предотвратить, что фактически пассивно приняли факт свержения монархии. Отдельные попытки сопротивления в Петрограде не были координированными и являлись скорее проявлением частной инициативы. Если ставить вопрос о том, в какой исторический момент у органов политического сыска все-таки была возможность предотвратить революцию, то таким моментом можно условно признать весну—лето 1916 г. Именно тогда в руководстве МВД имелось достаточное количество решительных людей, адекватно воспринимавших политический момент и готовых к масштабным репрессивным действиям по принципу опережения. Однако это окно возможностей окончательно «закрылось» с увольнением А. А. Хвостова, Е. К. Климовича и А. В. Степанова в начале сентября в результате сложной интриги, осуществленной командованием Северного фронта и главой правительства Б. В. Штюрмером.

Но это фактическая сторона событий, которая в полной мере не дает ответов на все вопросы. Не ме-

нее важны происходившие общие изменения в европейском и русском обществе, поставившие спецслужбы перед неразрешимой дилеммой. Органы политического сыска были созданы как ответ на заговор и восстание декабристов. Их глобальным предназначением было вычисление и ликвидация заговорщиков, революционных ячеек и групп; в правление Николая II добавилась борьба с оппозиционными и массовыми революционными партиями. То есть речь шла о противостоянии четко ограниченному и определенному кругу лиц и хорошо локализуемым организованным группам противников режима. В XIX в., несмотря на отдельные провалы, органы политического сыска достаточно эффективно решали поставленные перед ними задачи. Допустив немало ошибок в первые месяцы революции 1905–1907 гг., спецслужбы нашли в себе потенциал для радикального реформирования, встраивания в новые реалии. Строго говоря, к моменту революции крупные революционные ячейки как таковые в стране были ликвидированы, а все ключевые персоны находились или в местах заключения, или под жестким негласным контролем. Для решения поставленных задач традиционные методы охраны — секретная агентура, внешнее наблюдение, перлюстрация, даже формально запрещенная провокация — в совокупности с новыми криминалистическими подходами — антропометрией, дактилоскопией, судебно-полицейской фотографией, блестящей системой учета информации — в совокупности давали выдающиеся результаты.

Зачастую в современной литературе, особенно в исторической публицистике, поднимается тема иностранного (в основном английского и французского) участия в подготовке революции. Архивные материалы департамента полиции и его заграничной агентуры не дают весомых оснований утверждать, что оно имело место. Союзники, безусловно, были осведомлены об оппозиционных настроениях в армии, но об их участии в подготовке государственного пе-

революта говорить нельзя. Как справедливо заметил начальник петроградской охраны Константин Глобачев: «Русская Февральская революция была созданием русских рук»¹.

Однако в начале XX в. произошли серьезные социальные перемены, вызвавшие новые угрозы, не до конца осознанные представителями политической полиции. Массовая пресса, общедоступность и высокая скорость распространения информации, массовые движения населения не только миграционного характера, но связанные также с мобилизацией и обстоятельствами мировой войны привели к стиранию граней, преодолению изолированного существования отдельных групп населения. То, что вчера произошло в Петербурге, завтра-послезавтра уже оживленно обсуждалось на окраинах империи. Противниками режима была избрана совершенно верная тактика информационной войны, дискредитации власти через средства массовой информации, превращение любого, даже самого заурядного и утилитарного вопроса в политический, в повод для подрыва авторитета престола и правительства, институтов власти в целом. Для этого очень эффективно использовались формально аполитичные общественные организации, которые оказались в последние годы империи куда сильнее политических партий. Моментально распространявшаяся по стране информация — как соответствовавшая действительности, так и ложная (различного рода слухи и политические провокации) — создавала атмосферу всеобщего неприятия режима. Действовал закон больших чисел, количество абстрактно недовольных властью граждан изменяло качество самой революционной борьбы. Благодаря политизации и привитию населению через прессу и собрания идей гражданственности, сознательности, как говорили тогда, разрозненные группы стали превращаться в массы,

1. Глобачев К. И. Указ. соч. С. 135.

в осознающую себя неуправляемую социальную силу, в средоточие политической борьбы.

Двенадцать лет спустя испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет справедливо писал: «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. Прежде она, возникая, оставалась незаметной, теснилась где-то в глубине сцены; теперь она вышла к рампе — и сегодня это главный персонаж. Солистов больше нет — один хор. Толпа — понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу». Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство — это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса — не выделенных ничем. Речь, следовательно, идет не только и не столько о «рабочей массе». Масса — это «средний человек»... Стихийный рост ее предполагает совпадение целей, мыслей, образа жизни»².

Теряя монополию на информацию и возможность контролировать информационные потоки, государство теряло свой авторитет, переставало быть единственным источником власти. Так же метко одной фразой, не рассматривая, в принципе, ситуацию в России, философ дал определение проблемам государства, так сходных с ситуацией последних предреволюционных лет. «Власть и подчинение — решающие условия существования любого общества. Когда становится непонятно, кто правит, а кто подчиняется, все идет бестолково, вкривь и вкось. Даже самое личное, святая святых каждого человека, кроме гениальных исключений, искажается и уродуется»³.

В условиях ортеговского «восстания масс» нельзя было уже точно выделить конкретную группу заговорщиков или революционную ячейку, в которой готовилось свержение самодержавия. В этой ситуа-

2. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания / пер. с исп. М., 2008. С. 19, 20.

3. Там же. С. 125.

ции скальпель политического сыска стал непригодным инструментом для защиты правительства, требовалась дубина репрессивно-карательной системы, родившаяся в годы Гражданской войны. Но дореволюционная бюрократия трепетно относилась к формальному соблюдению законов империи. Такого предмета в инструментарии царского МВД не было да и не могло быть по определению.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Развитие института жандармерии в пореформенной России

ПЕРВЫЕ жандармские подразделения появились еще при Павле I, но как ведомство Отдельный корпус жандармов был сформирован 28 апреля 1827 г., когда было принято первое «Положение о корпусе жандармов». Вплоть до 1836 г. жандармские команды находились в составе внутренней стражи. Принятое в этом году по инициативе А. Х. Бенкендорфа новое положение о корпусе перевело жандармские команды в подчинение жандармским штаб-офицерам, а сам корпус с тех пор начал временами называться «отдельным»¹. Хотя официально наименование «Отдельный корпус жандармов» вошло в лексикон только в 1875 г.

В 1860-е гг. рост революционного движения, многочисленные покушения на жизнь Александра II, необходимость содействовать осуществлению Великих реформ, а также неспособность III отделения императорской канцелярии справиться с ситуацией вызывают «необходимость возложить производство расследований по делам о государственных преступлениях на самостоятельное учреждение»². Началась реформа политического сыска, основным инициатором которой

1. Бибилов Г.Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 191.

2. Савицкий С. В. Краткий исторический очерк организации и деятельности губернских жандармских управлений // Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний / сост.

был граф П. А. Шувалов, занимавший пост начальника III отделения и шефа жандармов с 1866 по 1874 г.

В 1861 г. были организованы жандармско-полицейские управления железных дорог, сначала только Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской. В 1866–1867 гг. они были изъяты из подчинения Министерства путей сообщения и переданы корпусу жандармов. 9 сентября 1867 г. было принято новое «Положение о корпусе жандармов»³, а в 1869 г. в Свод военных постановлений были внесены дополнения к устройству ОКЖ. Сформированная в 1867–1869 гг. система существовала с некоторыми изменениями вплоть до 1917 г.

В состав корпуса входили:

1. Главное управление, включавшее в себя шефа жандармов (позднее — главноначальствующего), командира корпуса, начальника штаба, его помощника, адъютантов, а также прикомандированных генералов и офицеров для поручений.
2. Управления Варшавского и Сибирского округов, расформированных в 1896–1900-е гг. С 23 мая 1896 г. существовала схожая по функциям должность помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, который назначался из чинов корпуса жандармов.
3. Губернские, областные, уездные и городские жандармские управления трех разрядов (столичные, в крупных городах и прочие), число которых к 1916 г. достигло 76.
4. Дополнительный штат губернских жандармских управлений.
5. Жандармско-полицейские управления железных дорог, число которых постоянно возрастало в свя-

С. В. Савицкий. СПб., 1908 (далее — Систематический сборник С. В. Савицкого). С. 6.

3. Полное собрание законов. 2-е собр. Т. 42 (1867 г.), Отделение 2-е. № 44956. (далее — Положение 1867 г.).

зи с увеличением протяженности государственных и частных железных дорог, и в 1916 г. достигло 33 управлений, состоявших, в свою очередь, из 322 отделений.

6. Жандармские дивизионы: Петербургский, Московский и Варшавский.
7. Крепостные жандармские команды, которых к 1916 г. было 21.
8. Две портовые жандармские команды.
9. Одесская городская конная жандармская команда.
10. Сахалинская и Камчатская пешие жандармские команды.
11. Полевые жандармские эскадроны, изъятые из подчинения шефа жандармов и находившиеся в полном распоряжении военного командования.

Главначальствующий над ОКЖ осуществлял лишь высшее руководство деятельностью чинов корпуса⁴. В 1910-е гг. эту должность занимал министр внутренних дел. Повседневное управление осуществлял командир корпуса при помощи начальника штаба и прочих чинов. Зачастую должность командира корпуса совпадала с должностью товарища министра внутренних дел, заведующего полицией (В. Ф. Джунковский в 1913–1915 гг.), но иногда назначался независимый командир (граф Д. Н. Татищев в 1915–1917 гг.).

Начальник штаба корпуса всегда избирался из военной среды и назначался по Высочайшему повелению, имел высшее военное образование (как правило, Николаевская академия Генерального штаба) и не служил ранее в жандармерии. По отношению к своим подчиненным он обладал правами началь-

4. Систематический свод действующих законоположений и циркулярные распоряжений, относящихся до служебной деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям / сост. В. И. Добряков. СПб., 1900. (далее — Систематический свод законоположений и циркуляров об ОКЖ). С. 4.

ника штаба военного округа. В 1913–1917 гг. было два начальника штаба — Д. К. Гершельман и В. П. Никольский. Помощник начальника, так же как и остальные офицеры штаба, назначался из опытных жандармских офицеров.

Согласно 673-й статье Свода военных постановлений, начальник штаба был обязан: 1) направлять действия всех частей корпуса по строевой части, 2) руководить штабом, 3) производить ревизии⁵. Однако на деле он принимал участие почти во всех межведомственных комиссиях, затрагивавших вопросы взаимодействия жандармерии с МВД, армией, промышленностью, транспортом, участвовал в принятии решений о командировании чинов в другие ведомства, в перемещении их по службе внутри корпуса, контролировал хозяйственную, военно-судную часть, участвовал в принятии решений о награждении и наложении взысканий. Он же руководил строевой частью полицейской стражи.

В 1910-е гг. штаб Отдельного корпуса жандармов состоял из следующих структурных подразделений: 1-е отделение отвечало за кадровую политику, учет личного состава и комплектование частей; 2-е отделение занималось инспекциями частей и управлений корпуса, дисциплинарной ответственностью, награждением, штатным расписанием; 3-е отделение осуществляло руководство работой жандармско-полицейских управлений железных дорог; 4-е отделение отвечало за финансовую и хозяйственную часть; 5-е отделение вело наблюдение за деятельностью жандармских управлений по политическому розыску и ведению дознания, оно же расследовало должностные преступления чинов ОКЖ, предавало их суду, а также вело дознание о преступлениях, совершенных против жандармских чинов. Управление полицейской стражи руководило комплектованием, инспек-

5. Там же. С. 6.

тированием и материально-техническим обеспечением губернской и уездной полицейской стражи.

По Положению 1867 г. жандармские управления «несут обязанности только наблюдательные, содействуя, впрочем, к восстановлению нарушенного порядка только в таком случае, когда будут приглашены к такому местными властями; по собственному же побуждению они принимают непосредственное участие к сохранению общественного спокойствия только при небытности на месте исполнительной полиции»⁶. Это очень важная норма, ставшая причиной известной пассивности жандармских управлений в начале Первой русской революции 1905–1907 гг. и впоследствии — Февральской революции.

Жандармские дивизионы и команды являлись исполнительными частями и подчинялись главному начальнику местной полиции⁷. Эти части корпуса использовались при приведении в исполнение правительственных распоряжений и приговоров суда, при преследовании разбойников и рассеянии запрещенных законом скоплений народа, при усмирении волнений и восстановлении нарушенного порядка, при преследовании и поимке лиц с запрещенными и тайно провозимыми товарами, для препровождения важных преступников и арестантов, для сохранения порядка на парадах войск, народных гуляньях, публичных съездах, ярмарках, пожарах⁸.

Рост революционного движения привел к изменению функций жандармерии. Высочайшим повелением 28 августа 1870 г. наблюдательный состав жандармерии был переименован в дополнительный штат и пополнен так называемым особым жандармским резервом⁹, который постоянно увеличивался вплоть до Первой мировой войны. А 19 мая 1871 г. был принят

6. Положение 1867 г. § 26.

7. Там же. § 35.

8. Там же. § 34.

9. Систематический сборник С. В. Савицкого. С. 8.

закон, возлагавший на корпус жандармов производство дознаний по государственным преступлениям. С этого момента, по замечанию А. А. Лопухина, «жандармерия из органа наблюдения и доноса была обращена в орган судебного исследования политических преступлений... Сохранив независимость от надзора Сената и губернаторов, закон в отношении жандармов лишил прокуратуру той доли дисциплинарной власти, которой она наделена в отношении чинов полиции вообще, и тем обратил надзор прокуратуры за деятельностью жандармерии в бумажный контроль, вполне лишенный действительной силы»¹⁰.

6 августа 1880 г. вместо III отделения был образован департамент государственной полиции МВД, позднее переименованный в департамент полиции. Именно ему была подчинена работа жандармских управлений в части политического розыска. По строевой, военно-судной, инспекторской и хозяйственной части ОКЖ продолжал находиться в подчинении военного ведомства. Финансировалась жандармерия Военным министерством, и только секретные суммы выделялись из департамента полиции.

Согласно Положению об устройстве секретной полиции в империи от 3 декабря 1882 г., в местностях, где не были открыты охранные отделения, ведение розыска о государственных преступлениях было возложено на жандармские управления¹¹. К началу XX в. существовало всего три охранных отделения: Санкт-Петербургское (создано в 1866 г.), Московское (1880 г.) и Варшавское (1900 г.). Потом их число неизменно увеличивалось вплоть до реформ Джунковского, ликвидировавших большинство из них.

В 1897–1899 гг. была проведена реформа железнодорожных жандармских управлений, которая

10. Лопухин А. А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее российской полиции. М., 1907. С. 15.

11. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 377.

значительно увеличила штаты и расширила их сеть по стране. Во всеподданнейшем докладе от 16 июля 1897 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин отмечал не только увеличение количества зарегистрированных жандармерией преступлений на железных дорогах (только за 5 лет, с 1892 по 1896 г., — с 26735 до 42812 происшествий), но и значительный рост обязанностей железнодорожной жандармерии.

Действовавшие законоположения, инструкции и другие правительственные распоряжения значительно расширили круг обязанностей жандармских полицейских железнодорожных управлений. Их полицейская деятельность включала исследование преступлений, проступков и происшествий в районе железной дороги на правах общей полиции; охранение порядка и общественной безопасности в пределах земли, отчужденной под железную дорогу; наблюдение за правилами перевозки пассажиров и грузов; наблюдение за исполнением агентами железных дорог и публикой полицейских правил; непосредственное и исключительное руководство на местах делом охраны императорских поездов при Высочайших путешествиях и связанное с этим постоянное наблюдение составом железнодорожных служащих на предмет политической благонадежности; исполнение разных инструкций для наблюдения при мобилизации, переселенческом движении, перевозке войск, отправке арестованных¹².

На заседании комиссии по реформе жандармерии 16 февраля 1898 г. начальник штаба корпуса жандармов генерал-майор Д. П. Зуев приводил статистические данные по двадцати существовавшим тогда ЖПУЖД: «Из числа 2328 станций эксплуатируемых и строящихся дорог, на которых состоят жандармские унтер-офицеры, большинство станций, а именно 1488, имеют только по одному жандарму, затем 647 станций от двух до пяти человек, 141 станция от пяти до десяти

12. ГА РФ. Ф. 110 оп. 4. Д. 4817. Лл. 2–3.

человек и 52 станции свыше десяти человек. Если 64% станций имеют по одному человеку, не ясно ли, что мы уже давно отступили от Высочайше утвержденного положения 1867 года, коим предусматривается два человека на станцию и в столицах три, для того чтобы усилить полицейский надзор там, где нужно, например на столичных и больших станциях»¹³.

К революции 65% офицерского и унтер-офицерского состава корпуса жандармов служило именно на железных дорогах¹⁴. По сути, железнодорожная жандармерия была одновременно и политической полицией, и уголовной, и полицией нравов, осуществляя одновременно административные функции. В сферу ее деятельности входили не только железные дороги, но и полоса отчуждения.

По состоянию на 1912 г. обязанности чинов ЖПУЖД были следующие.

1. Охранение общественного порядка и спокойствия (наблюдение за публикой, багажом, за прислугой, носильщиками, служащими железных дорог, извозчиками, борьба с жестоким отношением с животными, нищенством, бродяжничеством, задержание душевнобольных, беглых, нетрезвых, наблюдение за проституцией, разными видами торговли и досуга на станциях и в поездах, наблюдение за пожарами, проведением раскопок и строительных работ в полосе отчуждения, охрана телеграфных линий, наблюдение за депо, мастерскими, квартирами железнодорожных служащих и др.)¹⁵.
2. Контроль за перевозками оружия (борьба с контрабандой, охрана перевозки взрывчатых веществ,

13. Там же. Ф. 102. Оп. 262. Д. 156. Л. 106.

14. Хутарев-Гарнишевский В. В. Жандармерия и охранка в правление Николая II. Статья генерала Д. А. Правикова. 1927 г. // Исторический архив. 2009. № 4. С. 86.

15. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Л. А. Тимофеев. СПб., 1912. С. 116–290.

- артиллерийских и инженерных грузов, контроль соблюдения законодательства по транспортировке оружия)¹⁶.
3. Заведывание железнодорожной вооруженной стражей¹⁷.
 4. Борьба с забастовками на железных дорогах (наблюдение и предотвращение забастовок, сосредоточение жандармов на узловых пунктах, экстренная перевозка воинских частей и жандармских чинов)¹⁸.
 5. Слежка за обществами, союзами и собраниями на железных дорогах и в полосе отчуждения¹⁹.
 6. Содействие осуществлению исключительных положений на местности (осуществление мер и ведение дознания в условиях усиленной и чрезвычайной охраны, военного положения)²⁰.
 7. Охрана почты, артельщиков, перевозимых грузов, прием и высадка пассажиров²¹.
 8. Содействие армии, контрразведке и пограничной страже (при транспортировке войск и военных грузов, организации мобилизации, содействие чинам фельдъегерского корпуса, содействие при найме подвод для новобранцев, помощь одиночно следующим чинам, ловля дезертиров, прекращение питейной торговли при мобилизации, пресечение преступлений воинских чинов, надзор за воспитанниками военно-учебных заведений, наблюдение за проживающими в полосе отчуждения иностранцами и подозреваемыми в шпионстве, организация призыва новобранцев в полосе отчуждения, контроль за переходом границы)²².

16. Там же. С. 544–577.

17. Там же. С. 579–594.

18. Там же. С. 595–619.

19. Там же. С. 665.

20. Там же. С. 624–663.

21. Там же. С. 699, 778–783.

22. Там же. С. 707–900.

9. Поддержание порядка и законности на строящихся железных дорогах²³.
10. Организация и охрана поездов императора и Высочайших особ²⁴.
11. Контроль за санитарным состоянием поездов, вокзалов и в целом железных дорог²⁵.
12. Паспортный контроль, регистрация пассажиров, борьба с преступностью всех видов.

Исследователь Юлия Гончарова в этой связи отмечает, что «для охраны императорских поездов помимо жандармских железнодорожных управлений привлекались чины общей полиции, войска, железнодорожная администрация, дворцовая полиция, специальные железнодорожные батальоны»²⁶.

В 1906 г. приказом по ОКЖ железнодорожной жандармерии были полностью переданы все обязанности по производству дознаний о политических преступлениях²⁷. Оценивая работу ЖПУЖД, помощник начальника штаба ОКЖ генерал-майор Д. А. Правиков отмечал тесное общение жандармов с железнодорожными служащими, глубокое понимание их настроений и чаяний²⁸.

Жандармские дивизионы и команды, как отмечалось выше, были строевыми частями корпуса. Они употреблялись в качестве судебных исполнителей, внутренних войск при рассеянии запрещенных собраний, усмирении беспорядков, в качестве уголовной исполнительской полиции и конвоиров при преследо-

23. Там же. С. 961–972.

24. Там же. С. 1039–1051.

25. Там же. С. 362–400.

26. *Гончарова Ю. В.* Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.). Академия управления МВД России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.юр.н. М., 2000. С. 22.

27. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 116.

28. Жандармерия и охранка в правление Николая II... С. 88.

вании, поимке и препровождении к местам заключения преступников и арестантов, использовались для сохранения порядка на парадах войск, пожарах, ярмарках, народных гуляниях, в театрах, клубах, собраниях, а также в качестве ординарцев к начальствующим военным лицам²⁹.

Крепостные жандармские команды несли военно-полицейские функции; специально жандармские в пределах крепостей и крепостных районов (дознание по политическим преступлениям, розыск, наблюдение); общеполицейские (предотвращение и расследование преступлений и проступков, административные функции при проведении строительных работ), и наконец, контрразведывательные (слежка за подозрительными личностями, препятствие осмотру крепости и разведыванию укреплений, собиранию планов местности, фотографированию)³⁰. При большом числе задач и незначительном штате крепостных жандармских команд, их чинов как в военное, так и в мирное время строго воспрещалось использовать в качестве вестовых и вообще для личных услуг офицеров крепости.

Наиболее важной частью корпуса жандармов являлись губернские и областные жандармские управления (ГЖУ и ОблЖУ), сеть которых начала формироваться в империи в 1868 г. В отличие от охранных отделений, ГЖУ не подчинялись губернатору и были совершенно свободны в своих действиях на местах, руководствуясь лишь директивами департамента полиции и штаба корпуса жандармов. Круг их обязанностей был таков: наблюдение за местным населением и за направлением политических идей общества, доведение до высших властей информации о беспорядках и злоупотреблениях, производство дознаний по делам о государственных преступлениях, произ-

29. Систематический свод законоположений и циркуляров об ОКЖ. С. 12, 13.

30. Там же. С. 14, 15.

водство расследований в порядке Положения о государственной охране, осуществление негласного полицейского надзора, наблюдение за лицами, проезжающими через границу, контршпионаж, розыск и наблюдение за лицами, укрывающимися от преследования властей, оказание помощи общей полиции в восстановлении нарушенного порядка, конвоирование арестантов³¹.

Основной задачей жандармских управлений было наблюдение и политический розыск в широком смысле слова. На данном направлении ЖУ сотрудничали с охранными и розыскными отделениями, с районными охранными отделениями. Как гласное, так и секретное наблюдение должно было вестись за следующими группами населения: рабочими на фабриках, заводах и в разных мастерских, торговцами в лавках, трактирах, постоялых дворах и питейных домах, служащими при больницах, монастырях, артелях, на транспорте, сотрудниками земств (волостными и сельскими писарями, учителями, акушерками, врачами, фельдшерами, ветеринарами), за лицами, занимающимися публичными лекциями и чтениями, людьми, подстрекающими и агитирующими среди крестьян, за органами печати, а также продающейся литературой, за преподавателями и воспитанниками в учебных заведениях (школах, гимназиях, институтах и университетах)³².

К 1910-м гг. под наблюдением находились почти все слои населения империи. С 1887 г. руководство ГЖУ было обязано доносить командиру корпуса «о всех происшествиях, выходящих из ряда обыкновенных, особенно же о таких, коими нарушается установ-

31. *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 112, 113.

32. Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за населением и по производству дознаний/сост. В. И. Добряков. СПб., 1903. (далее — Краткий свод законоположений и циркуляров о ГЖУ). С. 51, 72, 73, 80, 81, 93, 156, 513, 514.

ленный порядок или общественное спокойствие»³³. В 1896 г. штаб ОКЖ выпустил специальный циркуляр, обращавший внимание на то, что глава корпуса должен знать обо всех мало-мальски важных событиях общественной жизни страны, вне зависимости от их политической составляющей. Также жандармы должны были доносить обо всех явлениях, могущих вызвать недовольство населения: о возможных неурожаях, их причинах, мерах по обеспечению населения провизией, принимаемых или не принимаемых местной администрацией и земством, о каждом единичном случае нецелесообразных или недостаточных мер, об эпидемиях и борьбе с ними, о коррупции и злоупотреблениях властей³⁴.

Розыск политических преступников и общее наблюдение были не единственным видом специальной службы жандармов. Начиная с 1882 г. офицеры ОКЖ были обязаны вести слежку за иностранными подданными, проводить обыски и задержания разведчиков или подозреваемых в шпионской деятельности³⁵. В 1880-е гг. функции контрразведки выполняли в основном приграничные и западные управления: Бессарабское, Волынское, Подольское, Киевское, Ковенское, Гродненское, Минское, Виленское, Лифляндское и Курляндское ГЖУ, а также польские жандармские управления. Надзор должен был быть установлен за военными агентами и консулами иностранных держав.

Особой жандармской охране подлежали 50 стратегически важных населенных пунктов с местностью вокруг них радиусом в 25 верст, все железные дороги, тоннели, мосты, виадуки и трубы между Западной Двиной и Днепром, большие дороги, водные пути, мосты и переправы в Литве, Прибалтике, Белоруссии, Правобережной Украине и Польше, морское по-

33. Там же. С. 138.

34. Там же. С. 144, 145.

35. Там же. С. 113–117.

бережье, вся западная приграничная полоса шириной в 21 версту³⁶.

Установление и сообщение сведений о политической благонадежности разных лиц по требованию государственных и общественных учреждений было отдельной и совершенно утомительной частью работы ГЖУ, требовавшей зачастую больших усилий, потери времени и бюрократической переписки. Кроме того, ГЖУ осуществляли контроль за досмотром и выемкой почтовой и телеграфной корреспонденции, паспортным контролем на границе, борьбой с контрабандой политической литературы, оружия, взрывчатых веществ и прочих запрещенных товаров. Сотрудники Шлиссельбургского ЖУ содержали под стражей и конвоировали политических преступников.

Особой обязанностью жандармских управлений было возбуждение дела и ведение дознания, различных следственных действий и передача окончательных дознаний прокурору судебной палаты. ГЖУ вели не только собственные дознания, но с 1904 г. осуществляли общее руководство и контроль за дознаниями ЖПУЖД, передававшимися в прокуратуру не иначе как через ГЖУ³⁷. Ведение жандармского дознания состояло из следующих последовательных действий: выбор оснований для возбуждения дознания, задержание, допрос обвиняемого, установление его личности, производство обысков и выемок, экспертиза улик (осмотр и освидетельствование), сбор и хранение вещественных доказательств, пресечение способов уклонения от дознания обвиняемых, окончание дознания (формулировка выводов), передача данных, касающихся предъявленного обвинения, направление отчетности по дознанию в департамент полиции.

Сложные отношения сложились между губернскими жандармскими управлениями и созданными в стране в 1902–1907 гг. охранными отделениями. Два-

36. Там же. С. 118, 119, 121.

37. Систематический сборник С. В. Савицкого. С. 12.

дцать семь сформированных отделений³⁸ являлись специализированными структурами политического сыска и подчинялись губернаторам и департаменту полиции. В их руководство назначались молодые и способные с точки зрения розыска офицеры корпуса жандармов. В 1906–1907 гг. была также создана сеть районных охранных отделений, которые координировали агентурную работу нескольких охранных отделений и жандармских управлений в определенной части страны. Появилась новая руководящая инстанция. Такая организация работы сыскных органов позволила достигнуть выдающихся результатов в 1906–1909 гг., но пересечение интересов ГЖУ и охранок вызывало острую реакцию в жандармской среде.

В докладной записке 1907 г. командир корпуса барон Ф.Ф. фон Таубе писал: «Положение об охранных отделениях, разработанное без достаточного знания общего строя службы в корпусе жандармов и в особенности необходимости известного регулятора взаимных отношений, каковым донныне служила строгая воинская дисциплина, повело к крайне плачевным результатам, грозя подорвать окончательно всякие нормальные служебные отношения между офицерами одного и того же корпуса жандармов. Начальники охранных и районных охранных отделений, набранные по преимуществу среди молодежи, по существу дела являются не только контролерами службы старых генералов и полковников — начальников управлений, но чем-то вроде начальников последних, всякое требование которых должно быть немедленно исполнено, под угрозой немедленного отчисления от должности провинившегося...

До меня все чаще и чаще доходит выражение резкого неудовольствия на охранные отделения со стороны в особенности начальников жандармских управлений. Целый ряд служебных столкновений, от которых пострадали чины и той и другой службы,

38. *Перегудова З. И.* Указ. соч. С. 120.

служит ярким показателем ненормальных отношений... Громадное большинство жандармских офицеров, избранных для службы в охранных отделениях, несомненно, принадлежат к числу лучших офицеров корпуса, честных и преданных, часто до фанатизма, своему делу... При нынешнем положении вещей мы, несомненно, выиграем в известной продуктивности работы тех 30–40 офицеров, которые служат по охранным отделениям, но потеряем в той работе, которую до сих пор делали все почти 1000 офицеров корпуса жандармов. В общем итоге — выиграем сравнительно немного, а проиграем слишком много, чтобы продолжать закрывать глаза на предстоящую опасность»³⁹.

Начальник штаба корпуса жандармов генерал Правиков прокомментировал записку следующим образом: «При создавшемся антагонизме деятельность корпуса жандармов не могла идти нормально, положение офицеров корпуса было иногда очень тяжелое, и это чувствовалось. И высшие начальники корпуса жандармов генерал Ф. Ф. Таубе и С. С. Саввич⁴⁰ ... признали нужным представить доклад о создавшемся положении и о недопустимости оставления офицеров охранных отделений в списках корпуса жандармов. Были приведены соображения административного и дисциплинарного порядка, а также указано на несоответствие системы работы охранных отделений с военной и служебной этикой, нормально и закономерно функционирующего военно-административного органа, каким являлся корпус жандармов. Указано было и на разлагающее влияние и антагонизм между частями корпуса и охранными отделениями. В мае 1906 г. доклад был подан министру внутренних дел П. А. Столыпину и в начале июня вернулся в резолюции: «Мне надоели пререкания деп[артамента] полиции и штаба корпуса, необходимо устранить путем

39. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 17а Лл. 4–5.

40. Генерал, в 1905–1907 гг. начальник Штаба ОКЖ. — Прим. В. Х.-Г.

особой инструкции». Генералы Таубе и Саввич ушли со своих постов. Победил директор департамента полиции Трусевич»⁴¹.

Несмотря на то что Правиков несколько сгущает краски (на самом деле Таубе сняли с поста, чтобы назначить на его место П. Г. Курлова, соединив в его персоне пост товарища министра с постом командира корпуса⁴²), налицо явный антагонизм охранных отделений и жандармских управлений, связанный с отсутствием налаженной системы их взаимодействия. После реформ Джунковского противостояние гражданского и военизированного политического сыска фактически прекратилось.

Однако события мировой войны, противостояние попыткам командования армии поставить под свой контроль политический сыск, а также невиданный рост оппозиционного движения примирили эти две конфликтовавшие ветви политического сыска.

41. Жандармерия и охранка в правление Николая II... С. 92–93.

42. Курлов П. Г. Указ. соч. С. 139–140.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Статистические таблицы

Составлены В. В. Хутаревым-Гарнишевским
по архивным материалам.

« ТАБЛИЦА № 1. Количество командированных на военные нужды офицерских чинов ОКЖ, 1914–1916 гг.

Период (к началу месяца)	Число офицеров	Доля от общего штата, %
Сентябрь 1914 г.	88	> 9
Октябрь 1914 г.	101	10,5
Октябрь 1915 г.	162	16,3
Декабрь 1915 г.	178	18%
Декабрь 1916 г. (расчетные данные)	≥ 300	≥ 30

ТАБЛИЦА № 2. Соотношение числа арестов лиц, подозреваемых в шпионаже, произведенных военной контрразведкой и политической полицией до войны, 1911–1913 гг.

Год	Число арестов			Доля арестованных жандармерией, %
	Всего	КРО (по Грекову)	Жандар- мерией	
1911	26	26	0	0
1912	96	82	14	14,6
1913	139	112	27	19,4
За 3 года	261	220	41	15,7

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

ТАБЛИЦА № 3. Сводные данные о количестве лиц, привлеченных по обвинению в шпионаже и пособничестве противнику, против которых в Варшавском ГЖУ велось дознание в период с июля 1914 по июль 1915 г.

Период	Общее число привле- ченных	Число/доля (%) привлеченных по делам	
		персональным	коллективным
Июль — декабрь 1914 г.	1630	323/20	1307/80
Январь — июль 1915 г.	1570	458/29	1112/71
За первый год войны	3200	781/24,4	2419/75,6

ТАБЛИЦА № 4. Количество частных лиц, привлеченных по обвинению в шпионаже и пособничестве противнику, против которых в Варшавском ГЖУ были заведены отдельные дела в период с июля 1914 по июль 1915 г.

Год	Месяц	Число привле- ченных лиц
1914	Конец июля — август	35
	Сентябрь	52
	Октябрь	77
	Ноябрь	61
	Декабрь	98
1915	Январь	59
	Февраль	62
	Март	43
	Апрель	36
	Май	77
	Июнь	107
	Июль	74

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ТАБЛИЦА № 5. Уровень забастовочного движения в Российской империи в марте — октябре 1916 г. по данным департамента полиции МВД, в том числе в Пг. и в Мск. (% от всех)

Месяц	регио- нов	Число бастующих в стране		Число пропущенных рабочих дней		
		предпри- ятий	рабочих	на 1 басту- ющего в стране	рабочего	
Март		12	62	94278	368242	4
	Пг.		28 (45)	44582 (47)	159074 (43)	
	Мск.		9 (14,5)	6817 (7)	28390 (7,7)	
Апрель		20	80	95003	481853	5
	Пг.		14 (17,5)	16536 (17,4)	97883 (20)	
	Мск.		14 (17,5)	6204 (6,5)	21650 (4,5)	
Май		22	126	104342	938179	9
	Пг.		14 (11)	5336 (5)	17073 (1,8)	
	Мск.		33 (26)	14083 (13,5)	95016 (10)	
Июнь		15	54	41002	280302	6,8
	Пг.		13 (24)	21542 (52,5)	208502 (74)	
	Мск.		8 (15)	3331 (8)	5967 (2)	
Июль		17	46	45850	293913	6,4
	Пг.		8 (17)	12899 (28)	107323 (36,5)	
	Мск.		6 (13)	2663 (5,8)	1986 (6,7)	
Август		18	53	38941	209152	5,3
	Пг.		4 (7,5)	1429 (3,7)	3075 (1,5)	
	Мск.		11 (20,7)	2698 (7)	8860 (4)	
Сентябрь		22	56	46382	358896	7,7
	Пг.		5 (9)	3792 (8,2)	9052 (2,5)	
	Мск.		10 (18)	4956 (10,6)	16385 (4,5)	
Октябрь		20	105	111814	437288	3,9
	Пг.		47 (44,7)	71100 (63,6)	257894 (59)	
	Мск.		8 (7,6)	10241 (9)	55801 (12,7)	
Итого		40*	582**	577612***	3367825	5,8
	Пг.		133 (22,8)	177216 (30,7)	859876 (25,5)	
	Мск.		99 (17)	50993 (8,8)	234055 (6,9)	

* число отдельных губерний, областей и городов (без повторов).

** общее количество забастовок предприятий (расчетная цифра, не равна числу бастовавших заводов, так как некоторые бастовали по нескольку раз).

*** техническая расчетная цифра, не равна числу бастовавших рабочих, так как некоторые бастовали по нескольку раз.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

ТАБЛИЦА № 6. Рост цен на продукты и товары широкого потребления в Петрограде в 1914–1916 гг. (данные департамента полиции на 1 ноября 1916 г.)

Товар	Цена, руб.		Рост цены, раз
	в 1914 г.	в 1916 г.	
I категория: Пищевые продукты			
Молоко бутылочное	0,08	0,2	2,5
Мясо	0,24	0,48	2
Хлеб черный	0,02	0,06	3
Хлеб белый	0,05	0,25	5
Масло столовое	0,48	4	8,3
Ветчина	0,6	1,48	2,5
Колбаса копченая	0,6	4	6,6
Колбаса чайная	0,36	0,72	2
Сыр швейцарский	0,4	2	5
Сыр голландский	0,3	1,5	5
Кильки	0,25	1	4
Селедки (1 шт.)	0,08	0,3	3,75
Шпроты	0,4	1,6	4
Грибы	0,45	4,5	10
Куры (1 шт.)	0,9	4	4,5
Цыплята (1 пара)	0,8	4	5
Огурцы (1 шт.)	0,02	0,1	5
Варенье (1 фунт)	0,25	2	8
Карамель (1 фунт)	0,3	1,2	4
Шоколад (1 фунт)	0,4	2	5
Итого по I категории:			4,76
II категория: Одежда и обувь			
Сапоги высокие	10	40	4
Штиблеты	8	30	3,75
Брюки	8	40	5
Костюм-тройка	25	100	4
Пальто зимнее	50	150	3
Перчатки теплые	1	5	5

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Товар	Цена, руб.		Рост цены, раз
	в 1914 г.	в 1916 г.	
Рубахи плотные	1,5	6	4
Носки простые	0,2	1	5
Чулки	0,4	2	5
Воротнички	0,45	0,9	2
Шляпы мягкие	3	9	3
Детская обувь	2	10	5
Галоши	1,5	9	6
Туфли мягкие	0,3	2,1	7
Галстуки	1	7	7
Платки пуховые	4	20	5
Ремешки	0,2	1	5
Шнурки для сапог	0,05	0,4	8
Итого по II категории:			4,8
.....			
III категория: Другие предметы первой необходимости			
.....			
Стекля для ламп	0,1	0,75	7,5
Керосин (1 фунт)	0,05	0,1	2
Ножи и вилки (12 шт.)	2	12	6
Ложки чайные (12 шт.)	1,2	7,2	6
Часы (будильник)	1,5	9	6
Стулья гнутые (1 шт.)	2	8	4
Дрова березовые (1 сажень)	7	28	4
Дрова сосновые (1 сажень)	4	20	5
Тетради (1 шт.)	0,03	0,1	3,3
Карандаши (1 шт.)	0,05	0,15	3
Чернила	0,05	0,2	4
Гребенки	0,15	1	6,6
Итого по III категории:			4,78
Итого по всем категориям:			4,78

Именной указатель

- Абдрахманов Файзулла, астраханский мулла, панисламист, 252
- Абдул-Гамид II, турецкий султан, свергнут младотурками, 109
- Абдуллаев Саид-Али, панисламист, член кружка «Муджаидин», 250
- Аверьянов Петр Иванович, генерал-лейтенант, начальник мобилизационного отдела ГУГШ, начальник Генерального штаба, 202
- Авраам-бей, помощник начальника турецкой полиции в Константинополе, 229
- Аврех Арон Яковлевич, доктор исторических наук, 480, 483
- Автамонов Александр Петрович, ротмистр Севастопольского ЖУ, штаб-офицер разведывательного отделения штаба командующего Черноморским флотом, 524
- Агафонов Валериан Константинович, геолог, революционер, историк, журналист, разбирал архив Заграничной агентуры ДП, 361, 393, 394, 401
- Адамов Е. А., 229
- Адлерберг Александр Васильевич, граф, тайный советник, петроградский и псковский губернатор, 149
- Азеф Евно Фишелевич, руководитель Боевой организации партии эсеров, террорист, секретный сотрудник, 361
- Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, 17, 24, 113, 119, 267, 312, 321, 355, 367, 395, 413, 502, 503
- Акаев Сеид, предводитель бандитской шайки, помощник Зелимхана Гашмазукоева, 227
- Аксельрод Александр Ефремович, член РСДРП, 352
- Александр II, император все-русский, 31, 325, 570
- Александр III, император все-русский, 124, 333, 391,
- Александр Михайлович, великий князь, адмирал, генерал-инспектор военного воздушного флота, 417, 418
- Александра Федоровна, императрица, 112, 359, 479, 480, 484, 500
- Александров Кирилл Михайлович, кандидат исторических наук, 50
- Алексеев Михаил Васильевич, генерал от инфантерии, начальник Штаба Верховного главнокомандующего, 113, 242, 278, 280, 285,

- 286, 288, 350, 359, 379, 380, 382, 412–420, 422, 459, 466, 467, 471–473, 475, 504, 543, 545, 560
- Алексеев Михаил Степанович, штабс-капитан, начальник КРО Виленского и Двинского военных округов, 305
- Алексей Николаевич, великий князь, наследник — цесаревич, 359
- Альберт I, князь Монако, 60
- Альфтан, фон Владимир Алексеевич, барон, генерал-лейтенант, военный губернатор Дагестанской области, 96
- Андрей Владимирович, великий князь, 71,
- Андроников Михаил Михайлович, князь, титулярный советник, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода, 355
- Антоний (Алексей Павлович Храповицкий), архиепископ Харьковский и Ахтырский, митрополит Житомирский и Волынский, 265
- Аплечеев Николай Николаевич, подполковник, начальник КРО Одесского военного округа, 296
- Арапов Дмитрий Юрьевич, доктор исторических наук, 254
- Арутюнян Ашот Осипович, доктор исторических наук, 231, 237, 248
- Ассанович Петр Львович, полковник, русский разведчик, штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, 342
- Астафьев Иван Николаевич, полковник, начальник Смоленского и Харьковского ГЖУ, 551
- Афонасьев Николай Александрович, подполковник ОКЖ, 64
- Ахтямов Ибниямин Абсугутович, член Мусульманской фракции IV Государственной думы, 254
- Бабич М. И., подполковник, сотрудник военно-полицейской стражи занятых областей Турции, 242
- Бабчинский Николай Филимонович, полковник, начальник Минского ГЖУ, 307
- Багирова Ирада Саид гызы, доктор исторических наук, 250
- Багратион-Давидов Александр Николаевич, князь, ротмистр Волынского ГЖУ, 66
- Баженов Михаил Николаевич, статский советник, юрис-консульт шефа жандармов, 27
- Базаров Павел Александрович, полковник, начальник РО штаба Северо-западного фронта, штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, 338
- Бакулин Михаил Федорович, полковник, адъютант командующего армия Юго-западного фронта, 350
- Балк Александр Павлович, генерал-майор, Петроградский градоначальник, 439, 547
- Бальц Владимир Александрович, директор II департамента министерства юстиции, действительный статский советник, товарищ

- министра внутренних дел, 486
- Банковский Лев Константинович, полковник, старший адъютант штаба ОКЖ, 492
- Бардин Леонид Алексеевич, генерал-майор, начальник Владикавказского ЖПУЖД, 50
- Барт Арнольд, сотрудник петроградской контрразведки, 472
- Барятинский Александр Иванович, князь, генерал-фельдмаршал, командующий Кавказской армией, наместник на Кавказе, 231
- Басаков Виктор Парфеньевич, юрист, статский советник, депутат IV Государственной думы от фракции националистов и умеренно-правых, 159
- Басов Алексей Александрович, подполковник ОКЖ, обеспечивал безопасность великого князя Николая Николаевича, 414
- Батюшин Николай Степанович, генерал-майор, начальник РО Северо-западного фронта, начальник контрразведки Северного фронта, 296, 302, 303, 337, 338, 344, 378–381, 386, 389, 469, 471–480, 527–529
- Бахметев Борис Александрович, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, посол в США, 397
- Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, 230, 264, 277, 287
- Баширов Мухамед, астраханский панисламист, 252
- Беклемишев Василий Андреевич, полковник, сотрудник особого отдела ДП МВД, начальник Петроковского ГЖУ, 47, 49, 294, 563
- Бекстон Гарольд, английский журналист, 247
- Белевич Осип, агент КРО XII армии, 348
- Белевцев (Белевцов), подполковник, начальник КРО Киевского военного округа, контрразведки штаба III армии, 304
- Белецкий Степан Петрович, тайный советник, директор ДП, товарищ министра внутренних дел, 6, 56, 73–75, 81, 85, 86, 107–110, 119–121, 130, 133, 135–138, 149, 152, 155–157, 160–162, 164, 167–174, 177, 179, 180, 184, 185, 187, 213, 214, 216, 217, 249, 297, 357, 358, 365–367, 369, 375, 376, 379, 380, 382, 383, 385–388, 390, 392, 394–396, 399, 401, 408, 440, 450, 462, 466, 467, 473, 474, 484, 529, 547, 557, 559, 562
- Беловодский Владимир Васильевич, подполковник Виленского ГЖУ, начальник КРО Виленского военного округа, начальник контрразведки штаба I армии, 69, 296, 305
- Беловодский Евгений Васильевич, надворный советник, старший помощник делопроизводителя ДП МВД, 69
- Беловодский Константин Владимирович, адъютант Таврического ГЖУ, 69
- Беловодский Михаил Евстафьевич, подполковник ОКЖ, 69
- Беловодский Павел Евстафьевич, генерал-майор, начальник Псковского ГЖУ, 69

- Бельский Алексей Петрович, генерал-майор, начальник Варшавского ГЖУ, 5, 309, 310, 322–329, 335, 336, 377, 472, 561, 563
- Беляев Михаил Алексеевич, генерал от инфантерии, начальник Генерального штаба, военный министр, 133, 320–322, 341, 382, 387–390, 401, 402, 419
- Бенкендорф, фон Александр Христофорович, граф, генерал от кавалерии, шеф жандармов, начальник III отделения, 570
- Беринг, фон Михаил Александрович, подполковник ОКЖ, 28, 29,
- Бергильтон Альфонс, французский юрист и криминалист, 58, 59,
- Бибиков Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, 570
- Бирнбаум, уездный начальник, 389
- Бобринский Алексей Александрович, граф, обер-гофмейстер, член Государственного совета, товарищ министра внутренних дел, министр земледелия, 408
- Бобринский Владимир Алексеевич, граф, депутат II, III и IV Государственных дум от умеренно-правых, член бюро Прогрессивного блока, товарищ председателя думы, 262, 264, 286
- Бобринский Георгий Александрович, граф, генерал-лейтенант, генерал-губернатор занятых областей Галиции и Буковины, 256–258, 263, 264, 270, 272–274, 276–278, 286, 517
- Бонч-Бруевич Александр Николаевич, штабс-капитан Варшавского жандармского дивизиона, сотрудник КРО Морской крепости императора Петра Великого, 221, 223, 391
- Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич, революционер-большевик, помощник В. И. Ленина, 52, 344
- Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич, генерал-майор, начальник штаба Северо-западного фронта, 113, 321, 329, 332–336, 339, 341, 342–344, 378, 381, 382, 386, 389, 394, 426, 472, 479, 528, 560,
- Бордухов М., 413
- Браганса, португальский королевский дом, 109
- Брамсон Леонтий Моисеевич, член ЦК трудовой народно-социалистической партии, депутат Государственной думы, 408
- Бредрих Роберт Карлович, владелец имения «Лаброген» Курляндской губернии, перешел на сторону немцев в 1915 году, 380
- Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна, российская революционерка. Один из основателей партии эсеров, 54
- Бронский, кличка, см. *Пьер*, см. *Штакельберг С. А.*, 361
- Брусилов Алексей Алексеевич, генерал от кавалерии, главнокомандующий армиями Юго-западного фронта, 283, 285–287, 359, 460, 517, 518
- Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич, тайный советник, прокурор, ди-

- ректор ДП МВД, 160, 327, 356, 357
- Будницкий Александр Титович, подполковник, помощник начальника Владимирского ГЖУ, 50
- Буксгевден Александр Александрович, барон, эзельский предводитель дворянства, помещик острова Моон, подозревался в шпионаже в пользу Германии, 381
- Бурдюгов Борис Алексеевич, ротмистр, контрразведчик, 307
- Бурцев Владимир Львович, российский революционер, журналист, 54, 361, 362, 393, 411,
- Бухгольц Владимир Егорович, генерал от инфантерии, состоял в распоряжении главнокомандующего Юго-западного фронта, начальник Киевского военного округа, 286,
- Бюнтинг, фон Николай Георгиевич, барон, гофмейстер, тверской губернатор, 149, 533
- Вандервельде Эмиль, председатель Международного социалистического бюро, член бельгийского правительства, 509
- Ванков Семен Николаевич, генерал-майор, уполномоченный ГАУ, организатор военной промышленности, 503
- Васильев Алексей Тихонович, действительный статский советник, последний директор ДП МВД, 407, 414, 416–419, 423, 446, 484, 488, 500, 512, 531, 540, 542, 547,
- Васильев Иван Петрович, подполковник, прикоманди-
 рованный к Петроградскому ГЖУ, 136, 445, 448
- Васильев Иван Игнатьевич, кандидат исторических наук, 472, 476
- Вебер, секретный сотрудник, см. *Селиванов Н. П.*, 392, 393, 395
- Веденяпин Петр Александрович, полковник Преображенского и Измайловского полков, 394, 427
- Величковский, поручик московской столичной полиции, 222
- Вендзягольский Бронислав Михайлович, полковник, член Военного союза партии эсеров, 93
- Вендорф Оскар Игнатьевич, генерал-лейтенант, петербургский обер-полицмейстер, помощник градоначальника по наблюдательной части, 547
- Верховский Александр Иванович, генерал-майор, военный министр Временного правительства, начальник штаба Северо-кавказского военного округа РККА, 363
- Вильгельм II, германский император, 103
- Виноградов Виктор Андреевич, капитан II ранга, контрразведчик, 525
- Винтер Александр Иванович, ротмистр, адъютант Петроградско-Виндавского ЖПУЖД, 549
- Виссарионов Сергей Евлампиевич, действительный статский советник, вице-директор ДП МВД, 39, 40, 73, 75, 138, 152, 154, 185, 214, 215, 294, 377, 512, 517, 524, 547, 557

- Вишневский Дмитрий Николаевич, полковник, начальник Осовецкой КЖК, 331
- Вишняков Петр Алексеевич, фабрикант, коллежский советник, секретарь прогрессивной группы гласных Московской думы, уполномоченный Всероссийского союза городов, 513–515
- Владимиров Владимир Владимирович, подполковник, помощник начальника Кронштадтского ЖУ, начальник особого отдела штаба Балтийского флота, 32, 125, 126, 128, 136, 324, 334, 335, 339, 384–386
- Владимирский Виктор Викторович, генерал-майор, начальник Ярославского ГЖУ, 67
- Владимирский Евгений Викторович, генерал-майор, помощник начальника штаба ОКЖ, 67
- Воеводский Степан Аркадьевич, адмирал, морской министр, член Государственного совета, 115, 116
- Войков Владимир Николаевич, генерал-майор Свиты, дворцовый комендант, 136, 352, 392, 394, 415, 421, 422, 462, 516
- Воинов Арсений Арсеньевич, штабс-капитан московской столичной полиции, 222, 223
- Волжин Александр Николаевич, действительный статский советник, холмский и седлецкий губернатор, обер-прокурор Синода, 149
- Волков Александр Александрович, действительный статский советник, делопроизводитель ДП МВД, 441
- Волков Александр Иванович, ротмистр, офицер РО II армии, 304, 553
- Волков Иван Дмитриевич, генерал-лейтенант, начальник Петроградского ГЖУ, 493, 494, 538, 539
- Волков Михаил Николаевич, полковник, помощник начальника Петербургского охранного отделения, начальник Холмского ГЖУ, 180
- Волков Сергей Владимирович, доктор исторических наук, 28, 50, 62, 68, 219
- Волконский Владимир Михайлович, князь, действительный статский советник, товарищ председателя III и IV Государственных дум, товарищ министра внутренних дел, 408, 482, 486
- Волконский Михаил Викторович, князь, полковник ОКЖ, 66
- Володкевич Михаил Петрович, полковник, командир 181-го пехотного запасного полка, 494
- Воронин Степан Александрович, генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер штаба Варшавского военного округа, командир 40-го армейского корпуса, 293
- Воронов Павел Павлович, генерал-майор, командир Ванского отряда Кавказской армии, участник Персидской кампании, 236
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович, граф, генерал

- от кавалерии, наместник на Кавказе, 231, 232
- Врангель Константин Владимирович, барон, полковник Петроградского ГЖУ, 66
- Врангель Николай Егорович, барон, предприниматель, мемуарист, 536, 537
- Врангель Николай Николаевич, барон, искусствовед, журналист, соучредитель Музея Старого Петербурга, сотрудник Красного Креста, 191–193
- Врангель Петр Николаевич, барон, генерал-лейтенант, главнокомандующий Русской армией в годы Гражданской войны, 49, 50, 526
- Вуич Эммануил Иванович, действительный статский советник, директор ДП МВД, сенатор, 89
- Гадзяцкий Сергей Александрович, действительный статский советник, генерал-контролер департамента гражданской отчетности Государственного контроля, 512, 517
- Гайда Федор Александрович, доктор исторических наук, 24, 162, 414, 421, 480, 485, 486, 510
- Ган Владимир Васильевич, ротмистр, начальник Ивангородской КЖК, 310, 311, 563
- Гапон Георгий Аполлонович, священник, один из лидеров рабочего движения Петрограда, 498
- Гарин Николай Павлович, помощник военного министра, член Государственного совета, 401
- Гарусевич Ян Семенович, депутат I–IV Государственных дум, член Польского коло, 413
- Гвоздев Кузьма Антонович, член РСДРП, меньшевик, председатель рабочей группы ЦВПК, 455, 504, 507
- Гейдарзаде Гаджимир, лидер нахичеванского панисламистского кружка «Муджайдин», 249–251
- Герасимов Александр Васильевич, генерал-майор, начальник Петербургского охранного отделения, 42, 43, 74, 78, 547
- Герасимов Николай Васильевич, генерал-майор, командир Кронштадтской крепостной артиллерийской бригады, 115
- Геровский Алексей Юлианович, галицкий писатель, юрист, русофил, чиновник генерал-губернаторства занятых областей Австро-Венгрии, 266
- Гершельман Дмитрий Константинович, начальник штаба ОКЖ, 40, 74, 75, 80, 81, 83, 168, 298, 573
- Гершуни Григорий Андреевич, руководитель боевой организации партии эсеров, 54
- Гибер фон Грейфенфельс Александр Александрович, ротмистр, начальник Череповецкого отделения Малоархангельского ЖПУЖД, 68
- Гибер фон Грейфенфельс Борис Николаевич, ротмистр, начальник Архангельского отделения Малоархангельского ЖПУЖД, 68
- Гибер фон Грейфенфельс Николай Александрович,

- полковник, начальник
Томского ГЖУ, 68
- Гибсон Карл, немецкий шпион,
организатор разгрома зда-
ния Петроградской контр-
разведки, 541
- Гладышевский Анатолий Кар-
пович, полковник, началь-
ник Терского ОблЖУ, 253
- Глобачев Константин Ивано-
вич, генерал-майор, на-
чальник Петроградского
охранного отделения, 30,
73–75, 156, 337, 376, 377, 388,
389, 394, 395, 422, 423, 453,
474, 479, 487, 488, 494–498,
500–502, 511, 520–524, 535,
536, 538, 547, 567
- Голембиовский С., 314
- Голицын Николай Николаевич,
князь, действительный
статский советник, чинов-
ник особых поручений при
ДП МВД, 44
- Голицын Юрий Дмитриевич,
князь, подполковник, на-
чальник Келецкого ГЖУ,
66
- Головин Николай Николаевич,
генерал-лейтенант, про-
фессор Николаевской во-
енной академии, 113
- Головин Федор Александрович,
член ЦК кадетской партии,
председатель II Государ-
ственной думы, член со-
вета общества «Коопера-
ция», 457
- Гончаров Павел Григорьевич,
штабс-капитан москов-
ской столичной полиции,
222, 223
- Гончарова Юлия Валерьев-
на, кандидат юридических
наук, 579
- Горемыкин Иван Логгинович,
действительный тайный
советник I класса, предсе-
датель Совета министров,
член Государственного со-
вета, 311, 379, 383, 438, 576
- Горникевич Мирон, украин-
ский националист-мазе-
пинец, униат, приближен-
ный митрополита А. Шеп-
тицкого, сослан в Сибирь,
впоследствии доктор наук,
269
- Горон Мари-Франсуа, шеф па-
рижской полиции, писа-
тель, 60
- Грегус Иван Эмеринович, на-
чальник рижской сысской
полиции, 380
- Греков Николай Владимиро-
вич, доктор исторических
наук, 18, 20, 295, 299, 308,
316, 320, 333, 494, 587
- Григоров Николай Митрофа-
нович, контр-адмирал, на-
чальник штаба Балтийско-
го флота, 384, 385, 403
- Григорович Иван Константи-
нович, адмирал, морской
министр, член Государ-
ственного совета, 100, 107,
109, 116, 132, 367, 526
- Громов Н. А., журналист, по-
стоянный сотрудник жур-
нала «Вестник полиции»,
533
- Грушевский Михаил Серге-
вич, украинский национа-
лист, профессор истории
Львовского университета,
председатель Центральной
рады, 269, 271
- Губонин Александр Серге-
вич, статский советник, со-
трудник ДП МВД, редактор
журнала «Вестник поли-
ции», 181
- Гудим Владимир Александро-
вич, подполковник, по-
мощник начальника Вар-
шавского, Омского и Эст-

- ляндского ГЖУ, 326, 328, 549
- Гуз Павел Васильевич, подполковник ОКЖ, 30
- Гурко Василий Иосифович, генерал от кавалерии, командующий войсками Западного фронта, и. д. начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, 112, 113, 116, 118, 355, 410, 418–421, 527
- Гурко Владимир Иосифович, действительный статский советник, товарищ министра внутренних дел, член Государственного совета, 355
- Гурлянд Илья Яковлевич, действительный статский советник, доктор полицейского права, директор Петроградского телеграфного агентства, 475
- Гусаков Виктор Владимирович, штабс-ротмистр, адъютант Минского ГЖУ, 306
- Гусев, сотрудник петроградской контрразведки, 498
- Гусейнов Гасан Чингизович, доктор филологических наук, 24
- Гутнов Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, 16, 119
- Гучков Александр Иванович, лидер партии октябристов, председатель III Государственной думы, председатель ЦВПК, 104, 112–120, 136, 163, 164, 188–190, 355, 356, 358, 359, 364, 409–411, 413–415, 417, 420–422, 455, 457, 500–504, 506, 509, 521, 522, 559, 561
- Гучков (Гучков-Френкин) Александр Ильич, историк, 115
- Гучков Николай Иванович, предприниматель, Московский городской голова, 118, 163
- Гюббенет, фон Вильгельм Эдуардович, ротмистр ОКЖ, 210
- Давидов Алексей Августович, банкир, действительный статский советник, руководитель финансового отдела Всероссийского земского союза, 515
- Давыдов Иван Семенович, подполковник, помощник начальника Харьковского ГЖУ, 549
- Даниил Романович, князь Галицкий, 34
- Данилов Николай Александрович, генерал от инфантерии, главный начальник снабжений армий Северо-западного фронта, 315
- Данилов Юрий Никифорович, генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, 120, 336, 341, 344
- Дацевич Всеволод Владимирович, корнет ОКЖ, 70
- Девлет-Кильдеев Александр Логинович, князь, начальник Тверского ГЖУ, 154
- Дедюлин Владимир Александрович, генерал от кавалерии, начальник штаба ОКЖ, дворцовый комендант, 75, 89
- Дейли Джонатан, см. *Daly*, 14, 19
- Деллингсгаузен Эдуард Николаевич, барон, действительный статский советник, гофмейстер двора, член Государственного со-

- вета, эстляндский предводитель дворянства, 335
- Деметрашвили, секретный сотрудник, 401
- Ден, фон Василий Егорович, отставной корнет, русский вице-консул в Париже, 361
- Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, командир 8 армейского корпуса, командующий Западным и Юго-западным фронтами, главнокомандующий ВСЮР, 113, 416
- Дерюжинский Владимир Федорович, профессор полицейского права Московского университета, 140
- Джакели Георгий Давидович, подполковник, начальник Михайловской КЖК, 30
- Джунковский Владимир Федорович, генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ, 14–16, 33, 40, 57, 71, 72, 75–88, 108, 116–118, 121, 127–139, 145, 148–150, 152–160, 163–167, 169, 170, 174, 177, 179–191, 194, 196, 199, 202, 207, 210, 211, 225, 260, 271, 272, 299, 301, 305, 315, 318–323, 327, 328, 330, 331, 342–344, 350, 353, 354, 356–358, 360, 383, 384, 387, 398, 400, 410, 448, 450, 493, 555, 557, 558, 561, 572, 575, 586
- Джунковская Ольга Федоровна, 80
- Дидрихс Виктор Иванович, действительный статский советник, делопроизводитель ДП МВД, 181
- Дитерихс Михаил Константинович, генерал-майор, генерал-квартирмейстер Юго-западного фронта, 350, 526
- Добровольский И., псевдоним, см. *Доброскок*, 174
- Добронравов Сергей Алексеевич, генерал-майор, 115
- Доброскок Иван Васильевич, секретный сотрудник, впоследствии чиновник Петербургского охранного отделения, см. *Добровольский*, 362
- Добряков Владимир Иванович, генерал-майор, заведующий судной частью штаба ОКЖ, 45, 46, 572, 581
- Долгов Вячеслав Михайлович, полковник, прикомандирован к Петербургскому ГЖУ, начальник Орловского ГЖУ, 181
- Доливо-Добровольский Северин Цезаревич, полковник, контрразведчик, военный прокурор XI армии, 294
- Домбровский Рафаил Владимирович, полковник, начальник Варшавского и Донского жу, 345
- Драчевский Даниил Васильевич, генерал-майор, Петербургский градоначальник, 183, 184
- Друцкий-Соколинский Владимир Андреевич, князь, действительный статский советник, камергер, минский губернатор, 411, 412, 487, 531
- Дрягин Михаил Николаевич, генерал-лейтенант, прикомандированный к штабу Кавказского военного округа, при Временном правительстве генерал-губернатор областей Турции, 231
- Дунаева Анастасия Юрьевна, кандидат исторических наук, 15, 118, 164, 186

- Дунин-Барковский Михаил Иосифович, капитан I ранга, штаб-офицер Особого делопроизводства Морского генерального штаба, контрразведчик, 525
- Дунтен Артур Ромуальдович, граф, генерал-майор, коммендант г. Харбина, 95
- Евецкий Феофан Павлович, ротмистр ОКЖ, 210
- Екатерина II, императрица всероссийская, 34
- Елисеев Сергей Петрович, присяжный поверенный, один из учредителей Всероссийского офицерского союза, 364
- Емельянов, поручик московской столичной полиции, 222
- Енгальчев Павел Николаевич, князь, генерал-лейтенант, начальник Николаевской военной академии, Варшавский генерал-губернатор, 327
- Ерандаков Василий Андреевич, полковник ОКЖ, начальник КРО ГУГШ, 119, 120, 306, 325, 330, 342, 353, 377, 561
- Еремин Александр Михайлович, генерал-майор, руководитель особого отдела ДП МВД, начальник Финляндского ЖУ, 55, 56, 75, 107, 110, 121–123
- Ермолаев Николай Николаевич, экономист, член партии эсеров, Объединенного совета профессоров Петрограда, 422
- Ефремов Иван Николаевич, депутат I, III, IV Государственных дум, председатель клуба прогрессистов, член бюро Прогрессивного блока, 534
- Жевахов (Джавахишвили) Николай Давидович, князь, действительный статский советник, товарищ оберпрокурора Синода, 535
- Жижин Василий Дмитриевич, товарищ прокурора Варшавской судебной палаты, 472
- Жилинский Яков Григорьевич, генерал от кавалерии, начальник Генерального штаба, командующий армиями Северо-западного фронта, 225, 301
- Жилло Николай Лукич, коллежский советник, сотрудник военно-полицейской стражи занятых областей Турции, 242
- Жуковский Владислав Владиславович, депутат II и III Государственных дум, один из основателей военно-промышленных комитетов, 456
- Жухрай Владимир Михайлович, историк, 22
- Жученко-Гернгросс Зинаида Федоровна, член московского областного комитета партии эсеров, секретный сотрудник, 361
- Забелин Александр Федорович, генерал от инфантерии, главный начальник снабжений Юго-западного фронта, начальник Главного управления военно-учебных заведений, 256
- Завадский Иоасаф, польский помещик, 315
- Заварзин Павел Павлович, генерал-майор, начальник Московского и Варшавского охранных отделе-

- ний, Варшавского ГЖУ, 37, 39, 42, 293, 443, 445, 446, 448, 537, 538, 546,
- Заинчневский Николай Степанович, ротмистр ОКЖ, сотрудник разведки Юго-западного фронта, 349, 350
- Зайончковский Петр Андреевич, доктор исторических наук, 65
- Зак Николай, сотрудник КРО штаба VIII армии, 518
- Зализняк Николай, украинский националист-мазепинец, террорист, студент Киевского университета, 269
- Залесский Иван Петрович, генерал-лейтенант, помощник начальника штаба ОКЖ, 81, 83
- Залесский Константин Александрович, историк, 338
- Залесский Петр Петрович, генерал-майор, генерал для поручений при Штабе Верховного главнокомандующего, 409
- Замбрицкий Виктор Альфонович, полковник, 115
- Зарубин Алексей Кузьмич, генерал-майор, старший адъютант штаба ОКЖ, 27
- Звегинцев (Звегинцов) Александр Иванович, подполковник, депутат III и IV Государственной думы от партии октябристов, член бюро Прогрессивного блока, начальник РО III армии, 114, 150
- Звегинцев (Звегинцов) Николай Александрович, тайный советник, гофмейстер, лифляндский губернатор, 149
- Зверев Николай Андреевич, профессор Московского университета, член Государственного совета, националист, 480
- Зволянский Сергей Эрастович, тайный советник, директор ДП МВД, 11
- Звонников Алексей Иванович, генерал-лейтенант, главный военный прокурор, начальник Военно-юридической академии, 107
- Згоржельский Анатолий Анатольевич, подполковник, начальник земской стражи и полицмейстер г. Кельцы, 552
- Зданович Александр Александрович, доктор исторических наук, 17, 303, 342, 344, 382, 471, 472, 474, 476, 524, 526
- Зейдлиц Владимир Эдвинович, полковник, начальник Полтавского ГЖУ, 136
- Зеленко Виктор Михайлович, подполковник, начальник КЖК Морской крепости и порта императора Петра Великого, 390
- Зелимхан Гашмазукаев, чеченский абрек, сепаратист, предводитель крупной бандитской шайки, 227
- Зилоти Мария Ильинична, 116
- Зилоти Сергей Ильич, генерал-майор, помощник начальника Главного морского штаба, 115, 116, 133
- Зиновьев Григорий Евсеевич, член бюро ЦК РСДРП (б), 547
- Злобин Николай Павлович, подполковник, помощник начальника ВЖУ Галиции, помощник начальника РО штаба Северного фронта, 528, 529

- Зозулевский Александр Ильич, подполковник, начальник Ивангородской КЖК, КРО Туркестанского военного округа, 296
- Зозулевский Алексей Ильич, подполковник, начальник Тифлисского ЖПУ Закавказской железной дороги, 68
- Золотарев Игнатий Михайлович, товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией, 79, 107, 123, 149, 201, 277
- Зотимов Афанасий Иванович, действительный статский советник, секретарь военного министра, 106
- Зубатов Сергей Васильевич, начальник Московского охранного отделения, особого отдела ДП МВД, 397, 546
- Зуев Дмитрий Дмитриевич, историк, член-корреспондент РАО, директор издательства «Просвещение», сын Д. Д. Зуева, 546
- Зуев Дмитрий Дмитриевич, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, перешел на службу в РККА, сын Д. П. Зуева, 426
- Зуев Дмитрий Петрович, генерал от инфантерии, начальник штаба ОКЖ, начальник Двинского военного округа, 295, 546, 576
- Зуев Нил Петрович, тайный советник, директор ДП МВД, 90, 96–102, 109, 119, 295
- Зыбин Иван Александрович, статский советник, эксперт по шифрам особого отдела ДП МВД, 61, 547
- Иванов, полковник, 95
- Иванов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, 526
- Иванов Николай Иудович, генерал от артиллерии, командующий Юго-западным фронтом, 256, 258, 286, 350
- Игнатъев, подполковник ОКЖ, 95
- Игнатъев Павел Николаевич, граф, действительный статский советник, шталмейстер, министр народного просвещения, 420
- Измайлов Михаил Константинович, полковник ОКЖ, состоящий в распоряжении дворцового коменданта, 549
- Измозик Владлен Семенович, доктор исторических наук, 20, 22
- Израилев, секретный сотрудник военной агентуры, 136
- Иелита фон Вольский Николай Адольфович, генерал-майор, начальник Тульского ГЖУ, 63
- Иксуль фон Гильденбандт Юлий Александрович, барон, действительный тайный советник, Государственный секретарь, член Государственного совета, 335
- Иорданский Николай Иванович, социал-демократ меньшевик, коллега Г. В. Плеханова, издатель газеты «Призыв», редактор журнала «Современный мир», 364
- Иосиф II, император Священной Римской империи, эрцгерцог Австрии, 19

- Исмаил-эфенди, вице-директор стамбульской полиции, 228
- Кавтарадзе Александр Григорьевич, кандидат военных наук, 394
- Казаков Матвей Иванович, генерал-майор, командир Петроградского жандармского дивизиона, 485, 486, 490, 547
- Казанцев Дмитрий Леонидович, полковник, мемуарист, 539
- Каледин Алексей Максимович, генерал от кавалерии, командующий VIII армией, 459
- Каменнов Александр Миронович, ротмистр ОКЖ, начальник полицейской стражи Ардатского уезда Нижегородской губернии, 440, 441
- Канин Василий Александрович, адмирал, командующий флотом Балтийского моря, 386, 387, 390
- Каннегисер Леонид Иоакимович, член партии народных социалистов, террорист, 361
- Кантакузин Георгий Григорьевич, князь, штабс-капитан Могилевского ГЖУ, 66
- Кантакузин Михаил Алексеевич, князь, генерал-майор, начальник штаба ОКЖ, 27
- Капнист Дмитрий Павлович, граф, титулярный советник, депутат IV Государственной думы от партии октябристов, 159
- Катеринич Митрофан Кириллович, действительный статский советник, шталмейстер, харьковский губернатор, 149
- Кафафов Константин Дмитриевич, действительный статский советник, директор ДП МВД, 29, 149, 150, 160, 165, 167, 170, 176, 187, 214–216, 221, 392, 395–397, 441
- Каульбарс, фон Александр Васильевич, барон, генерал от кавалерии, член Военного совета, 360
- Каульбарс, фон Николай Васильевич, барон, генерал от инфантерии, 360
- Качкин Алексей Николаевич, 351
- Каширин Василий Борисович, кандидат исторических наук, 120, 227, 330, 497
- Кениксман А. А., немецкий шпион, 311
- Кербер, фон Людвиг Бернгардович, вице-адмирал, начальник штаба Балтийского Флота, командующий эскадрой, 383
- Керенский Александр Федорович, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе, председатель Временного правительства, 159, 352, 363, 364, 409, 423, 538, 547
- Кирилин Ф., 416
- Кирилл Владимирович, великий князь, 333, 335
- Кирмель Николай Сергеевич, доктор исторических наук, 526
- Кирпотенко Николай Николаевич, ротмистр, помощник начальника ВЖУ генерал-губернаторства Галиции, офицер РО штаба XI армии, 260
- Кирсанов Николай Михайлович, сотрудник российских дипломатических

- миссий в Гиляне, Астрабаде, Хое и Тавризе, секретарь генконсульства в Тегеране, 243
- Кишкин Николай Михайлович, член кадетской партии, заместитель главноуполномоченного Всероссийского союза городов, 481
- Климович Евгений Константинович, генерал-майор, директор ДП МВД, Московский градоначальник, сенатор, 49–52, 55, 56, 129, 147, 175, 221, 222, 294, 396–404, 406–408, 413, 422, 423, 427, 430–433, 436, 439, 442, 443, 446–449, 451–459, 461, 462, 465–475, 477, 479–482, 484, 487, 500, 510, 523, 541, 547, 562, 565
- Клыков Митрофан Яковлевич, генерал-лейтенант, начальник Петербургского ГЖУ, помощник Варшавского губернатора по полицейской части, 327
- Кнорринг, фон Андрей Романович, барон, генерал-майор, генерал для поручений при генерал-губернаторе Галиции, 278, 279
- Князев Михаил Валерианович, адмирал, начальник Главного морского штаба, 107, 110, 133,
- Ковалев Василий Иванович, подполковник, начальник жандармской команды Або-Аландской шхерной позиции, 391,
- Коковцов Владимир Николаевич, граф, председатель Совета министров, 77
- Кокочинский, секретный сотрудник ДП МВД, 401
- Колоколов Борис Георгиевич, историк, 16
- Комиссаров Михаил Степанович, генерал-майор ОКЖ, 129
- Коновалов Александр Иванович, промышленник, член IV Государственной думы, 356, 409, 456, 457, 461, 503, 506
- Коновалов Сергей Александрович, историк, профессор Оксфордского университета, сын А. И. Коновалова, 413
- Корнилов Николай Николаевич, подполковник, помощник начальника Финляндского ЖУ, 546
- Котен, фон Михаил Фридрихович, барон, генерал-майор, начальник Петербургского охранного отделения, 30, 32, 83, 171, 172, 174–176, 179–185, 474, 539, 540, 557, 559
- Коренев Павел, агент охранной команды Петроградского охранного отделения, наблюдал за великим князем Николаем Николаевичем, 414
- Корсаков Владимир Иванович, подполковник Пермского ЖПУЖД, 552
- Корф Дмитрий Владимирович, барон, подполковник, помощник начальника Финляндского ЖУ в Гельсингфорсе, 66
- Косунович Лев Иванович, публицист, сотрудник журнала «Вестник полиции», 530
- Кошкарёв Антон Семенович, штабс-капитан, 426
- Кравец Николай Антонович, ротмистр, начальник отделения ЖПУЖД Галиции, 129, 283, 490, 491

- Краинский Ф. К., агент контрразведки II армии, 345
- Крамаренко Иван Львович, подполковник ОКЖ, 64
- Красильников Александр Александрович, заведующий заграничной агентурой ДП, 251, 360, 362, 392, 474
- Красильников Георгий Константинович, ротмистр, офицер контрразведки Варшавского военного округа, 304
- Кречунеско Константин Дмитриевич, ротмистр, сотрудник константинопольской агентуры ДП, 227, 229
- Кривошеин Александр Васильевич, действительный тайный советник, гофмейстер, главноуправляющий землеустройством и земледелием, 229, 287
- Кропоткин Иван Дмитриевич, князь, прапорщик Варшавского жандармского дивизиона, 66
- Крупенский Павел Николаевич, националист, депутат II, III и IV Государственной думы, 113
- Крымов Александр Михайлович, генерал-лейтенант, начальник мобилизационного отделения ГУГШ, 113, 115, 359, 410
- Крюденер Рихард Владимирович, барон, полковник, начальник Курляндского ГЖУ, 66
- Кудржицкий Федор Александрович, ротмистр, начальник жандармской команды при управлении Моонзундской позиции, 391
- Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, 506
- Куличенко Николай Андреевич, штабс-ротмистр Петроградского жандармского дивизиона, 221–223
- Кулишер Иосиф Михайлович, доктор экономики, профессор Петроградского университета, 34
- Купреянов Николай Николаевич, действительный статский советник, сувалкский губернатор, 225, 226
- Куприянов Алексей Ипполитович, подполковник, начальник контрразведывательного отделения Иркутского военного округа, 296
- Курлов Павел Григорьевич, генерал-лейтенант, товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ, 292, 293, 296, 312, 313, 315, 317–323, 335, 354, 381, 486, 488, 489, 556, 562, 586
- Куропаткин Алексей Николаевич, генерал от инфантерии, военный министр, Туркестанский генерал-губернатор, 115
- Л.К., см. *Косунович Л. И.*, 530
- Лаврёнова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, 70
- Лазарев Егор Егорович, член партии эсеров, политический эмигрант, 361, 363
- Ларнод Фердинанд, декан факультета права Парижского университета, 60
- Лебедев Василий Иванович, надворный советник, главный криминалист ДП МВД, начальник Московской сысковой полиции, 58–60
- Леваневский Сергей Платонович, подполковник, по-

- мощник начальника Харьковского ГЖУ, 549
- Левендал Лаврентий Николаевич, барон, ротмистр, помощник начальника Полтавского ГЖУ, 66
- Леер Генрих Антонович, генерал от инфантерии, член-корреспондент Петербургской Академии наук, начальник Николаевской академии Генерального штаба, 42
- Лемке Михаил Константинович, историк, журналист, военный цензор в Ставке Верховного главнокомандующего, 359, 366, 382, 389, 412, 413, 454, 467
- Ленин Владимир Ильич, лидер партии большевиков, 363, 457, 547
- Ленчевский Владимир Владимирович, коллежский ассессор, руководитель константинопольской агентуры ДП МВД, 227, 229
- Леонтович Сергей Васильевич, подполковник ОКЖ, начальник КРО Северо-Западного фронта, 337–339, 553, 563
- Леонтьев Иван Алексеевич, полковник, начальник Лифляндского и Бакинского ГЖУ, 329, 469, 563
- Леонтьев Максим Николаевич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер ГУГШ, 246, 247, 249, 341, 377, 380, 388
- Лерхе Петр Карлович, тайный советник, директор ДП МВД, 91, 92, 99, 181
- Ливрон, де Павел Рудольфович, ротмистр, начальник отделения ЖУ КВЖД, 95
- Лобысевич Александр Иванович, отставной штабс-капитан, готовил покушение на Николая II, 176
- Логвинский Павел Яковлевич, юрист, присяжный поверенный Московской судебной палаты, прапорщик военного времени, сотрудник КРО Северо-западного фронта, батушинской комиссии, 472, 476, 527–529
- Лодыженский Александр Александрович (младший), надворный советник, начальник Канцелярии по гражданскому управлению при Ставке, 284–286
- Локлан Иэн, см. *Lauchlan I.*, 18, 19
- Лопухин Алексей Александрович, действительный статский советник, директор ДП МВД, 575
- Лукомский Александр Сергеевич, генерал-лейтенант, начальник канцелярии Военного министерства, командующий 32-й пехотной дивизией, 103, 113, 114, 358, 471, 472
- Луневский Антон, польский помещик, 315
- Лурье Феликс Моисеевич, историк, публицист, 22
- Луфта-бей, турецкий генеральный консул в Париже, 251
- Львов Георгий Евгеньевич, князь, член партии кадетов, глава Земского союза, председатель объединенного комитета Земского и Городского союзов, председатель и министр внутренних дел Временного правительства, 356, 413, 414, 420, 421, 461, 554
- Львов Николай Николаевич, депутат I, III и IV Государ-

- ственной думы, товарищ председателя думы, 159,
- Люби Сергей Васильевич, полковник, комендант станции «Москва», заведующий передвижением войск московского железнодорожного узла, 543
- Людинкгаузен-Вольф Евгений Евгеньевич, барон, полковник, командир Варшавского жандармского дивизиона, 66
- Мадатов Михаил Петрович, полковник, начальник Холмского ГЖУ, 261–263, 342
- Маевский Владимир Теофилович, надворный советник, вице-консул в Ване, Трапезунде и Ризе, разведчик штаба Кавказского военного округа, 243
- Майдель, фон Владимир Христофорович, барон, полковник лейб-гвардии Измайловского полка, 538
- Майдель, фон Герман Христофорович, барон, инженер, сотрудник ЦВПК, 538
- Майдель, фон Роман Карлович, барон, генерал-майор, муж сестры Б. В. Савинкова, один из основателей Военного союза партии эсеров, революционер, 361
- Макаров Александр Александрович, действительный тайный советник, министр внутренних дел, министр юстиции, 72–75, 102, 105, 106, 108, 140, 141, 143, 150, 168
- Макаров Константин Николаевич, полковник, командир 98-й пешей Орловской дружины государственного ополчения, 350
- Маклаков Василий Алексеевич, депутат II, III и IV Государственной думы от партии кадетов, 397
- Маклаков Николай Алексеевич, гофмейстер, министр внутренних дел, шеф жандармов, 30, 75–80, 131, 132, 133, 148–150, 161, 167, 188, 196, 199, 200, 203, 327, 328, 356, 556, 557
- Макс, революционный псевдоним, см. *Майдель Р. К.*, 361
- Малиновский Роман Вацлавович, председатель фракции большевиков в IV Государственной думе, секретный сотрудник, 138, 139, 153, 190, 362
- Манакин Михаил Михайлович, генерал-майор, военный губернатор Приморской области, 351
- Манасевич-Мануйлов Иван Федорович, надворный советник, журналист, сотрудник контрразведки, шантажист, 471–481, 527, 529
- Маниковский Алексей Алексеевич, генерал от артиллерии, комендант Кронштадтской крепости, начальник ГАУ, 176, 395, 415
- Мануэл II, король Португалии, 109
- Марков Сергей Леонидович, помощник делопроизводителя в отделе генералквартирмейстера ГУГШ, генерал-майор, начальник штаба 4 стрелковой бригады, 294
- Маркотун Николай Николаевич, штабс-ротмистр ОКЖ, Митавский полицмейстер, 222, 223

- Мартов Д., жандармский офицер, корреспондент В. Ф. Джунковского, 152
- Мартов Юлий Осипович, российский революционер, лидер партии меньшевиков, 53, 111
- Мартос Николай Сергеевич, ротмистр ОКЖ, служил на среднеазиатских железных дорогах, 50
- Мартынов Александр Павлович, полковник, начальник Саратовского и Московского охранных отделений, 31, 36, 37, 39–43, 50, 63–65, 68, 73, 83–86, 139, 152, 175, 397, 398, 416, 417, 435, 482, 504, 510, 542, 544, 545
- Мартынов Евгений Иванович, генерал-лейтенант, 115
- Мартынов Николай Павлович, подполковник, начальник Михайловской КЖК, 68
- Мартынов Петр Павлович, подполковник, помощник начальника Киевского ГЖУ, 65, 68
- Марциновский Владимир Евстафиевич, подполковник, помощник начальника Архавского округа, сотрудник управления военных сообщений Кавказской армии, 242
- Масловский Евгений Васильевич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта, 241
- Матвеев Дмитрий Николаевич, надворный советник, черниговский вице-губернатор, 399
- Махмуд Эссед эфенди, шейхуль-ислам, заведующий личной канцелярией султана Мехмеда V, панисламист, 227
- Машкин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, 24
- Медем, фон Георгий Петрович, барон, полковник, помощник начальника штаба ОКЖ, 66
- Медем, фон Евгений Георгиевич, барон, подполковник ОКЖ, 66
- Мезенцов Александр Владимирович, генерал-майор, начальник ВЖУ военного генерал-губернаторства Галиции, начальник Полтавского и Волынского ГЖУ, 259, 260, 265, 267, 268, 270, 271, 276, 279, 280, 551
- Мейер, фон Федор Карлович, подполковник ОКЖ, 210
- Мейендорф Александр Феликсович, барон, юрист, депутат III и IV Государственных дум, 335
- Мейсер, фон Владимир Федорович, вице-адмирал, 82
- Мейснер, фон Мария Владимировна, 82
- Мекленбург-Стрелицкий Михаил Георгиевич, герцог, генерал-лейтенант, инспектор артиллерии Гвардейского корпуса, георгиевский кавалер, 335
- Меллер-Закомельский Александр Николаевич, барон, генерал от инфантерии, член Государственного совета, 410
- Меранвиль де Сент-Клер Андрей Николаевич, полковник, начальник Уссурийского ЖПУЖД, 60
- Меранвиль де Сент-Клер Борис Николаевич, подпол-

- ковник Московско-Киевского ЖПУЖД, 60
- Меранвиль де Сент-Клер Константин Николаевич, подполковник, старший адъютант штаба ОКЖ, 60
- Мехмед V, турецкий султан, 227
- Мехмед Талаат-паша, министр внутренних дел Османской империи, великий визирь, один из лидеров партии «Единение и прогресс», организатор геноцида армян, 229
- Мец, фон Георгий Георгиевич, подполковник, помощник начальника Финляндского ЖУ, 306
- Мещерский Владимир Петрович, князь, общественный деятель, издатель газеты «Гражданин», 76, 77
- Микеладзе Александр Платонович, князь, генерал-майор, начальник Саратовского ГЖУ, 152
- Милеант Георгий Георгиевич, генерал-лейтенант, начальник Главного военно-технического управления, 410
- Милюков Павел Николаевич, историк, лидер кадетской партии, депутат III и IV Государственных дум, 408, 409, 411, 414, 481, 485, 488
- Миляшкевич Павел Иоасафович, ротмистр, начальник Осовецкой КЖК, 298
- Минкевич Иосиф Иосифович, полковник, начальник Астраханского ГЖУ, 252
- Мирбах, фон, барон, двинский предводитель дворянства, 380
- Миролюбов Александр Александрович, кандидат исторических наук, 21,
- Митрович Петр Михайлович, статский советник, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, прокурор Московского окружного суда, 222
- Михаил Александрович, великий князь, 359, 393, 501, 546
- Михалевич Станислав Феликсович, поручик, члена партии социалистов-революционеров, 93, 94
- Михельсон Александр Александрович, генерал-майор, командир лейб-гвардии Московского полка, генерал для поручений при начальнике Генерального штаба, 410
- Моллов Русчу Георгиевич, действительный статский советник, директор ДП МВД, 177, 356, 366–377, 382, 386, 450, 526
- Монкевиц Николай Августович, генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер ГУГШ, заведующий особым делом производством, руководитель военной разведки и контрразведки, 119, 294, 297, 300, 306
- Мосолов Владимир Павлович, подполковник Кременчугского ЖПУЖД, 552
- Мочульский Александр Михайлович, полковник, делопроизводитель ГУГШ, 388, 394
- Мрозовский Иосиф Иванович, генерал от артиллерии, командующий войсками Московского военного округа, 543–545

- Муев Сергей Владимирович, подполковник ОКЖ, начальник КРО Варшавского военного округа, потом II армии, 296, 316, 340, 553
- Муравьев Николай Леонидович, граф, тайный советник, полтавский и московский губернатор, 149
- Муратов Николай Павлович, камергер, тамбовский и курский губернатор, член Государственного совета, 149, 150
- Мухаммед, пророк, 249
- Мышлаевский Александр Захарьевич, генерал от инфантерии, помощник командующего Кавказской армией, 113
- Мякотин Венедикт Александрович, один из основателей партии народных социалистов, 364
- Мякотина Анна Евгеньевна, жена В. А. Мякотина, 365
- Мясоедов Сергей Николаевич, полковник ОКЖ, контрразведчик, 13, 17, 19, 103–106, 119, 120, 325, 332, 337, 355, 381
- Набоков Сергей Дмитриевич, действительный статский советник, курляндский губернатор, 149, 150
- Наполеон I Бонапарт, французский император, 35
- Наполеон III, французский император, 507
- Натансон Марк Андреевич, член партии эсеров, народник, политический эмигрант, 361, 363
- Науменко Михаил Васильевич, подполковник ОКЖ, офицер КРО Варшавского военного округа, 304, 549
- Нахичеванский Гусейн Хан, генерал от кавалерии, командующий Гвардейским кавалерийским корпусом, 282, 419
- Некрасов Николай Виссарионович, депутат III и IV Государственных дум, левый кадет, 411, 500
- Немыцкий Альвиан Александрович, ротмистр, начальник КРО Петербургского военного округа, 296
- Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, 311
- Неттельгорст, фон Евгений Петрович, барон, коллежский советник, товарищ прокурора Петроградского окружного суда, 520
- Никитин Борис Владимирович, полковник Генерального штаба, начальник КРО Петроградского военного округа при Временном правительстве, 541, 549
- Никифораки Антон Николаевич, генерал-майор, начальник штаба ОКЖ, 27
- Николаев Андрей Борисович, доктор исторических наук, 409, 537, 538, 540, 546
- Николаи Вальтер, полковник Германского генерального штаба, руководитель военной разведки, 103, 332,
- Николаи, фон Павел Николаевич, барон, пастор, коллежский советник, лидер Русского христианского студенческого движения, Русского евангельского союза, 335
- Николай II, император всероссийский, 14, 74–77, 80, 109, 112, 114, 130, 136, 150, 153, 166, 176, 191, 193, 195, 202,

- 235, 264, 271, 286, 333, 355, 359, 361, 396, 398, 411, 413, 415, 417, 419, 421, 438, 439, 450, 462, 464, 466, 472, 475, 480, 482, 486, 488, 507, 527, 530, 542, 543, 546, 556, 566, 577, 579, 586
- Николай Михайлович, великий князь, 67
- Николай Николаевич, великий князь, Верховный главнокомандующий, наместник на Кавказе, 104, 131, 132, 233, 235, 236, 239, 245, 277, 333, 336, 354, 356, 359, 366, 367, 382, 412, 413, 416, 417
- Никольский Борис Владимирович, монархист, член Совета Союза русского народа, приват-доцент Юрьевского факультета, профессор Училища правоведения, 191
- Никольский Владимир Павлович, генерал-майор, начальник штаба ОКЖ, 50, 80–83, 132, 161, 169, 188, 195, 200, 202, 204, 213, 221, 260, 262, 280, 283, 288, 300, 306, 327, 342, 440, 441, 452, 468, 482, 484–486, 490, 524, 547, 550, 553, 555, 573
- Никольский Георгий Владимирович, сын В. П. Никольского, 82
- Никольская Ксения Владимировна, дочь В. П. Никольского, 82
- Никольская Мария Владимировна, см. *фон Мейснер М. В.*, 82
- Нилендер, фон Василий Ермолаевич, действительный статский советник, рижский полицмейстер, 380
- Нилов Константин Дмитриевич, адмирал, флаг-капитан Николая II, 133,
- Новиков Александр Иванович, член III и IV Государственной думы, бюро фракции прогрессистов, 514
- Новиков Вячеслав Николаевич, присяжный поверенный, гласный Петроградской управы, член Ревизионной комиссии Всероссийского союза городов, 411,
- Нольде, фон Николай Эрнестович, барон, ротмистр ОКЖ, 66
- Нольде, фон Эмилий Федорович, барон, полковник, начальник Екатеринославского ГЖУ, 66
- Носков Александр Александрович, генерал-майор, военный писатель, начальник РО штаба Юго-западного фронта, 349, 350
- Обермиллер Евгений Александрович, полковник, штаб-офицер для поручений при Главном управлении ОКЖ, 440
- Оболенский Александр Николаевич, князь, генерал-майор, рязанский губернатор, петроградский градоначальник, 149
- Овчинников Иван Александрович, генерал-лейтенант, военный юрист, 410
- Озеровский Антон Андреевич, подполковник, помощник начальника Петербургского охранного отделения, 179, 180
- Огановский Петр Иванович, генерал от инфантерии, командир 4-го Кавказского армейского корпуса, 232
- Оже де Ранкур Федор Николаевич, полковник, начальник временного ЖПУЖД

- в Галиции, 281, 282, 284, 460, 552
- Опилкин Алексей Сергеевич, кандидат исторических наук, 338
- Оржеховский Игорь Вацлавович, доктор исторических наук, 21
- Орлицкий Владимир Александрович, поручик Московского жандармского дивизиона, 221
- Орлов Владимир Григорьевич, действительный статский советник, следователь по особо важным делам, контрразведчик, 290, 338, 342, 472,
- Ортега-и-Гассет Хосе, испанский философ и социолог, 568
- Осипов Дмитрий Иванович, подполковник, начальник Мозырского и Речинского отделений Виленского ЖПУЖД, 209
- Осипов Павел Павлович, полковник, начальник Люблинского ГЖУ, 470
- Осман-эфенди, панисламист, 255
- Остен-Сакен Ульрих, барон, 380
- Пален Константин Константинович, граф, тайный советник, сенатор, виленский губернатор, 335
- Палеолог Сергей Николаевич, статский советник, член Совета МВД, вице-директор департамента общих дел, 465, 562
- Палицын Федор Федорович, генерал от инфантерии, член Государственного совета, представитель русской армии в Военном совете союзных армий в Версале, 410
- Пастрюлин Иван Иосифович, полковник, начальник Тифлисского ГЖУ, 431–433, 435, 511
- Пахомов Анатолий Яковлевич, ротмистр, помощник начальника КРО ГУГШ, 305
- Пац-Помарнацкий Александр Фаддеевич, подполковник, сотрудник ГУГШ, состоял в российской военной миссии в Париже, 426
- Перегудов Александр Викторович, кандидат исторических наук, 64
- Перегудова Зинаида Ивановна, доктор исторических наук, 11, 14, 15, 22, 24, 50, 52, 140, 143, 145, 148, 157, 170, 186, 295, 395, 397, 398, 575, 579, 581, 584
- Петерсон, заведующий американским лазаретом в г. Хой, 250
- Петр I, император всероссийский, 124, 229, 390, 391
- Петров, матрос гвардейского экипажа, 383
- Петров Александр Николаевич, полковник артиллерии, 363, 364
- Петров Николай Иванович, генерал-лейтенант, начальник штаба ОКЖ, директор ДП МВД, 44
- Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, 356
- Петровский, см. *Штакельберг С. А.*, 360
- Пешехонов Алексей Васильевич, экономист, один из основателей народно-социалистической партии, член Исполкома Петросовета, 364

- Пешков Николай Николаевич, генерал-лейтенант, губернатор областей Турции, занятых по праву войны, 233, 236, 241, 243, 247, 255
- Пискунов Сергей Михайлович, полковник, помощник начальника штаба ОКЖ, 181, 218
- Плато, фон Генрих Эдуардович, подполковник. Начальник Гатчинского отделения ЖПУ Балтийских железных дорог, 63
- Плато, фон Евгений Генрихович, полковник, начальник Смоленского ГЖУ, 63
- Плато, фон Эдуард Эдуардович, майор ОКЖ, 63
- Плеве, фон Вячеслав Константинович, действительный тайный советник, директор ДП, министр внутренних дел, 44, 357
- Плеве, фон Павел Адамович, генерал от кавалерии, командующий войсками Московского военного округа, командующий V армией, Северным фронтом, 81, 383
- Плеханов Георгий Валентинович, теоретик марксизма, один из основателей РСДРП, меньшевик, 456
- Плотто Георгий Владимирович, ротмистр, начальник жандармского отделения Петровского, Равского и Брезинского уездов, 51
- Плотто Михаил Владимирович, ротмистр, помощник начальника Курляндского ГЖУ, 51
- Подгоричани-Петрович Мануил Александрович, граф, подполковник, помощник начальника Курского ГЖУ, 552
- Покровский Андрей Георгиевич, вице-адмирал, начальник штаба Черноморского флота, командир порта Николаев, 524
- Покрошинский Иван Телесфорович, полковник Петроградского ГЖУ, 260
- Поливанов Алексей Андреевич, генерал от инфантерии, член Государственного совета, военный министр, 104, 113, 116–118, 355, 382, 393, 395, 400, 502
- Половцов Андрей Петрович, генерал-майор, помощник по гражданской части генерал-губернатора Галиции, 260
- Половцов Петр Александрович, генерал-майор, начальник штаба Кавказской туземной дивизии, в 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа, 417, 419, 536, 546, 549,
- Поляков А. А., секретарь областного бюро РСДРП(б) Центрального промышленного района, секретный сотрудник Московского охранного отделения, 111
- Поляков Александр Сергеевич, действительный член Союза российских архивных деятелей, хранитель архива ДП МВД после 1917 г., 540
- Пономарев, жандармский корнет, сотрудник Петербургского охранного отделения, 103
- Попов Александр Андреевич, полковник, заведующий учебными занятиями офицеров при штабе ОКЖ, 44

- Попов Петр Ксенофонтович, генерал-майор, начальник Петербургского охранного отделения, Севастопольского ЖУ, 107, 123, 139, 218, 352, 377, 422, 547
- Потапов Николай Михайлович, генерал-лейтенант, бывший военный агент в Черногории, начальник эвакуационного управления ГУГШ, 388, 394
- Правиков Александр Дмитриевич, поручик ОКЖ, 221, 223
- Правиков Дмитрий Александрович, генерал-майор, помощник начальника штаба ОКЖ, 50, 74, 153, 188, 195, 211, 221, 399, 410, 419, 420, 551, 577, 579, 585, 586
- Прежбяно Андрей Константинович, капитан, русский военный агент в Бельгии, 427
- Пржевальский Владимир Владимирович, действительный статский советник, адвокат, 163
- Принцев Николай Федорович, ротмистр ОКЖ, 210
- Притвиц Александр Федорович, барон, генерал-майор ОКЖ, 69
- Притвиц Николай Павлович, барон, коллежский регистратор ДП МВД, 69
- Притвиц Павел Федорович, барон, капитан, помощник начальника Петербургского ГЖУ, 69
- Протопопов Александр Дмитриевич, промышленник, товарищ председателя IV Государственной думы, министр внутренних дел, 418, 420, 484-488, 497, 520, 521, 523, 527, 530, 531, 533-535, 556
- Пуанкаре Раймон Николая, президент Франции, 508
- Пустовойтенко Михаил Саввич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Северо-западного и Юго-западного фронтов, штаба Верховного главнокомандующего, 349, 350, 358, 359, 372
- Путятин Всеволод Александрович, князь, полковник Варшавского жандармского дивизиона, 66, 68
- Путятин Константин Владимирович, князь, полковник, начальник Томского ГЖУ, 66, 68
- Путятин Николай Сергеевич, князь, контр-адмирал, начальник учебного отряда Черноморского флота, 255
- Пылаева Евгения Ивановна, 158
- Пьер, секретный сотрудник, см. *Штакельберг С. А.*, 358, 360-365, 394, 395, 423-428
- Раден, барон, 380
- Раев, поручик, начальник контрразведывательного пункта в Трапезунде, 242
- Рант А., немецкий шпион, 331, 332
- Расман (Россман), помощник рижского полицмейстера, 380
- Распутин Григорий Ефимович, 112, 395, 479
- Редигер Александр Федорович, генерал от инфантерии, военный министр, 112, 113, 115
- Редров Михаил Александрович, полковник, начальник Севастопольского ЖУ, 403
- Резанов Александр Семенович, полковник, помощник военного прокурора Петер-

- бургского военно-окружного суда, штаб-офицер военно-судной части главнокомандующего армиями Северного фронта, контрразведчик, 472–474, 476, 478, 479, 528
- Рейнбот Анатолий Анатольевич, генерал-майор, московский градоначальник, 55
- Рейсс Рудольф Арчибальд, доктор химии, ординарный профессор Лозаннского университета, директор Института криминалистики, 60
- Ремишевский Константин Георгиевич, поручик Гвардейского полевого жандармского эскадрона, сотрудник РО штаба Северо-западного фронта, 304
- Ремнева Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, 539
- Ренненкампф, фон Павел Карлович, генерал от кавалерии, командующий I армией Северо-западного фронта, 224
- Ришелье Арман Жан дю Плесси, герцог, 35
- Родзевич Вячеслав Михайлович, генерал-майор, 116
- Родзевич Николай Николаевич, русский националист, монархист, педагог, 399, 408
- Родзянко Михаил Владимирович, действительный статский советник, гофмейстер, председатель IV Государственной думы, 113, 138, 139, 334, 355, 358, 360, 409, 414, 421, 485, 488
- Родзянко Павел Владимирович, полковник, командир 350-й пешей Лифляндской дружины, начальник г. Аренсбурга, 334, 528
- Рожанов Феофил Савватиевич, подполковник ОКЖ, 51, 52, 56, 57, 218,
- Розен Отто, барон, обвинялся в контрабанде взрывчатых веществ, 380
- Романов Владимир Викторович, доктор исторических наук, 540
- Романов Кирилл Сергеевич, кандидат исторических наук, 15, 16, 22, 203, 214, 430, 439, 531,
- Романова Галина Валентиновна, кандидат исторических наук, 540
- Романовский Юрий Дмитриевич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер VII армии, начальник штаба XIII армейского корпуса и штаба XI армии, 410
- Рубинштейн Дмитрий Львович, основатель и распорядитель Русско-французского банка в Петрограде, 472, 475, 476, 478, 479, 481
- Рузский Николай Владимирович, генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северного и Северо-Западного фронтов, 316, 317, 319, 320, 329, 360, 378–382, 410, 414, 452, 467, 472–474, 477, 479, 489, 523, 527, 529, 560
- Русин Александр Иванович, адмирал, начальник Морского Генерального штаба, 388, 390, 526
- Рууд Чарльз, 21
- Рыжаков Денис Германович, кандидат исторических наук, 14

- Рябинин, полковник, начальник Радомского ГЖУ, 27
- Рябинцев Р. В.
- Рябушинский Павел Павлович, банкир, член ЦК партии октябристов, член Государственного совета, председатель Московского ВПК, 118, 355, 356, 414, 457, 504, 506
- Рябцев Иван Иванович, ротмистр, начальник 3-й Аренбургской пограничной бригады, 334
- Саввич Сергей Сергеевич, генерал от инфантерии, начальник штаба ОКЖ, 90, 585, 586
- Савинков Борис Викторович, руководитель Боевой организации партии эсеров, 361, 538
- Савицкий Сергей Викторович, коллежский советник, чиновник особых поручений ДП МВД, 46, 431, 570, 571, 574
- Сажин Михаил Петрович, революционер-народник, заведующий хозяйственной частью журнала «Русское богатство», 364
- Сазонов Сергей Дмитриевич, министр иностранных дел, член Государственного совета, 229, 230, 245, 286
- Самойло Александр Александрович, генерал-майор, военный контрразведчик, офицер управления генерал-квартирмейстера Ставки, 294
- Самуил-эфенди, начальник турецкой полиции в Константинополе, 229
- Самохвалов (Грешницын) Петр Титович, подполковник, начальник Варшавского охранного отделения, 303, 304, 346–348
- Сандецкий Александр Генрихович, генерал от инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа, член Военного совета, 409
- Сафаралибеков Кербалай (Кафар), панисламист, член кружка «Муджаидин», 250, 251
- Сафаралибеков Рауф-бек, панисламист, член кружка «Муджаидин», 250, 251
- Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, 27, 64
- Сватиков Сергей Григорьевич, историк, 393
- Свечин Александр Андреевич, генерал-майор, военный теоретик, 312
- Свидерский Владимир Александрович, полковник артиллерии, член крепостной комиссии ГУГШ, помощник военного атташе в Париже, 427
- Седов Григорий Григорьевич, подполковник, начальник Полтавского отделения Кременчугского ЖПУЖД, 551
- Секеринский Петр Васильевич, генерал-майор, начальник Петербургского ГЖУ, 63
- Селиванов Николай Петрович, секретный сотрудник Заграничной агентуры, секретарь В. Л. Бурцева, см. *Weber*, см. *Weber*, 393
- Семека Андрей Андреевич, ротмистр ОКЖ, 345
- Семенов Василий Иванович, капитан, военный корреспондент в Париже, 427

- Сенин Александр Сергеевич, доктор исторических наук, 104, 114, 120, 413
- Сенько-Поповский Леонид Александрович, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, черноморский вице-губернатор, 189
- Сергей Александрович, великий князь, московский генерал-губернатор, 77
- Середа Виктор Николаевич, статский советник, следователь по важнейшим делам Петроградского окружного суда, 478, 479
- Сидорова Марина Викторовна, кандидат исторических наук, 44, 56
- Сиверс Николай Николаевич, генерал-майор, начальник штабов V, VI и XII армий, начальник штаба Северного фронта, 467, 473
- Сизых Владимир Иванович, подполковник, помощник начальника Варшавского охранного отделения, 107
- Скалон Владимир Александрович, подполковник, начальник Новогеоргиевской КЖК, 210
- Скобелев Михаил Дмитриевич, генерал от инфантерии, 82
- Славин Вячеслав Эдмундович, полковник, начальник Владимирского ГЖУ, 549
- Смирнов Иван Константинович, коллежский советник, вице-директор ДП МВД, 252, 365, 377, 387–389, 394, 423, 445, 504
- Смирнов Петр Викторович, капитан, сотрудник КРО ГУГШ, 497–499,
- Смирнов Сергей Алексеевич, фабрикант, товарищ председателя Московского ВПК, член руководства Всероссийского союза городов, редколлегии газеты «Утро России», 415, 504,
- Смирнский Александр Александрович, поручик артиллерии, участник русско-японской войны, дуэлянт, организатор стрелкового спорта, 360
- Смолин Михаил Борисович, кандидат исторических наук, 338
- Соковнин Всеволод Алексеевич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба VII и XII армий, 340
- Соколов, полковник, 409
- Соколов, сотрудник петроградской контрразведки, 498
- Соколов Сергей Алексеевич, капитан, начальник контрразведывательного отделения штаба VI армии, 335, 336
- Соколовский Иван Николаевич, генерал-лейтенант, астраханский губернатор, 149
- Солженицын Александр Исаевич, писатель, лауреат Нобелевской премии, 24, 114, 116, 382, 477, 480
- Соллогуб Елена Федоровна, графиня, владелица городской усадьбы на Поварской улице в Москве, 410
- Соловьев Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, 480
- Солтан Амурат Иосифович, полковник, помощник начальника Минского ГЖУ, 306
- Соляной, унтер-офицер ОКЖ, 209

- Сосновский Василий Васильевич, ротмистр, помощник начальника РО штаба VI и IX армий, РО штаба Северного фронта, 304, 528
- Спиридович Александр Иванович, генерал-майор, начальник Киевского охранного отделения, императорской дворцовой охраны, 36, 37, 42, 46–49, 51–55, 57, 71, 135, 136, 138, 477, 563
- Степанов Александр Васильевич, действительный статский советник, прокурор Московской судебной палаты, товарищ министра внутренних дел, 399, 401, 407, 435, 442, 443, 473, 474, 477, 480, 500
- Степанов Сергей Александрович, доктор исторических наук, 21
- Степун Федор Августович, русский философ, писатель, эмигрант, в годы Первой мировой войны офицер-артиллерист, близок к эсерам, 516
- Стогов Дмитрий Игоревич, кандидат исторических наук, 77
- Стогов Николай Николаевич, генерал-лейтенант, сотрудник ГУГШ, генерал-квартирмейстер VIII армии, 113
- Столыпин Петр Аркадьевич, министр внутренних дел, председатель Совета министров, 55, 59, 72, 75, 103, 105, 140, 186, 187, 335, 556, 585
- Страхов Леонид Витальевич, кандидат исторических наук, 64
- Стрекаловский Владимир Алексеевич, подполковник, помощник начальника Нижегородского ГЖУ, 551
- Стрельников Николай Дмитриевич, подполковник Казанского ЖПУЖД, 549
- Стремоухов Николай Петрович, генерал-лейтенант, начальник штаба VII армии, 340
- Суковкин Николай Иоасафович, действительный статский советник, шталмейстер, киевский губернатор, сенатор, 149
- Суханов Алексей Степанович, народный социалист, депутат IV Государственной думы, 159
- Сухомлин Семен Андреевич, генерал-лейтенант, помощник генерал-губернатора Галиции, начальник штаба VIII армии, 468
- Сухомлинов Владимир Александрович, генерал от кавалерии, военный министр, 19, 80, 100, 102, 104–106, 108, 112, 114–117, 119, 120, 127, 129, 131, 132, 165, 196, 199, 203, 225, 295, 311, 355, 356, 358
- Сучков Егор Николаевич, кандидат исторических наук, 147
- Сушков Борис Сергеевич, ротмистр ОКЖ, штаб-офицер для поручений при генерал-губернаторе Галиции, 552
- Сушков Сергей Сергеевич, подполковник, прикомандирован к Петербургскому ГЖУ, 181, 552
- Схиммельпенник ван дер Ойе Дэвид, 113, 115

- Тальберг Николай Дмитриевич, правовед, монархист, сотрудник МВД, 399
- Тархов Виктор Захарович, генерал-майор, начальник Воронежского ГЖУ, 64
- Татищев Владимир Сергеевич, граф, действительный статский советник, чиновник особых поручений Министерства финансов, председатель правления Соединенного банка, 477, 478, 480, 481, 529
- Татищев Дмитрий Николаевич, граф, генерал-лейтенант, командир ОКЖ, 188, 213, 216, 217, 288, 386, 436, 437, 440, 442, 468, 484–486, 488, 489, 491, 524–526, 542, 545, 572
- Татищев Сергей Сергеевич, граф, действительный статский советник, саратовский губернатор, начальник главного управления по делам печати МВД, 149
- Татищев Сергей Спиридонович, граф, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, 44
- Таубе, фон Федор Федорович, барон, генерал-лейтенант, командир ОКЖ, 141, 143–145, 584–586
- Тевкелев Кутлуг Батыргиреевич, депутат I–IV Государственных дум от Уфимской губернии, член Мусульманской фракции, 254
- Темников Георгий Викторович, ротмистр ОКЖ, начальник КРО штаба X армии, 305, 337
- Терехов Николай Васильевич, полковник, сотрудник КРО II армии, начальник контрразведывательной части управления генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, 345
- Терещенко Михаил Иванович, сахарозаводчик, банкир, председатель Киевского ВПК, товарищ председателя ЦВПК, 417, 500
- Термен Альфред Иосифович, подполковник, разведчик, востоковед, писатель, начальник Ванского округа, 236, 243, 244
- Термен Ричард Иосифович, генерал-майор, востоковед, разведчик, начальник Азербайджанско-Ванского отряда, начальник штаба генерал-губернаторства областей Турции, 243, 244
- Терпелевский Игнатий Константинович, полковник, командир Московского жандармского дивизиона, 435, 545
- Тефик-эфенди, турецкий политик, градоначальник Ризе, 255
- Тигранов Сиракан Фаддеевич, депутат II Государственной думы, организатор армянских добровольческих отрядов, член партии Дашнакцутюн, 247, 248
- Тимофеев Леонид Александрович, полковник, старший адъютант штаба ОКЖ, 577
- Тимофеев Яков Алексеевич, подполковник Екатеринбургского ГЖУ, 30
- Тиссаревский Сергей Михайлович, подполковник, георгийский кавалер, 426
- Тихменев Николай Петрович, публицист, редактор, член

- Союза русского народа, 170, 399, 408, 409
- Тихомиров Олег Михайлович, полковник, следователь Киевского военного округа, начальник КРО штаба Северного фронта, 529
- Тихонович Петр Андреевич, генерал-майор, Георгиевский кавалер, командир 128-й пехотной дивизии, 539
- Толмачев Владимир Александрович, генерал-лейтенант, командир ОКЖ, 74, 75, 79, 80
- Толубеев Владимир Константинович, подполковник, помощник начальника Петроградского ЖПУЖД, 549
- Тома Альбер, министр боеприпасов французского правительства, социалист, основатель Международной организации труда, 507, 508
- Трепов Александр Федорович, действительный статский советник, член Государственного совета, член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, министр путей сообщения, председатель Совета министров, 481, 487
- Трепов Федор Федорович, генерал от кавалерии, Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор, временный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, 265, 287
- Третьяков Сергей Николаевич, предприниматель, политик-прогрессист, товарищ председателя Московского ВПК, 118
- Тржецяк Владимир Валерианович, полковник, начальник Кронштадтского ЖУ и портовой жандармской команды, 136, 353, 384–386
- Троицкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук, 21
- Троцкий Лев Давидович, социал-демократ, председатель исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, 547
- Трусевич Максимилиан Иванович, тайный советник, сенатор, директор ДП МВД, 58, 103, 128, 140, 141, 145, 147, 148, 150, 208, 294, 295, 382, 586
- Туманов Михаил Георгиевич, князь, генерал-майор, начальник Петербургско-Виндавского ЖПУЖД, 66
- Туманов Николай Евсеевич, князь, генерал-лейтенант, член Военного совета, начальник Двинского и Петроградского военных округов, главный начальник снабжений армий Западного фронта, 410, 498
- Тунцельман фон Адлерфлуг Владимир Эдуардович, полковник, начальник Херсонского ГЖУ, 63
- Тунцельман фон Адлерфлуг Эдуард Егорович, генерал-майор, начальник Финляндского ЖУ, 63
- Туркестанов Василий Георгиевич, князь, полковник ОКЖ, начальник Центрального военно-регистрационного бюро и КРО ГУГШ, 42, 218, 296, 553

- Тучемский Федор Андреевич, штабс-ротмистр ОКЖ, офицер волынской конно-полицейской стражи, 223
- Улезко Стефан Петрович, штабс-капитан петербургской охранной команды, 179
- Ульянова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, 24
- Умеров Абдрахман, астраханский мулла, панисламист, 252
- Унгерн фон Штернберг Константин Петрович, барон, подполковник, помощник начальника Эстляндского ГЖУ, 66
- Урусов Николай Александрович, князь, надворный советник, секретарь Московского ГЖУ, 66
- Урусов Николай Петрович, князь, шталмейстер, екатеринославский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета, 149
- Устинов Владимир Семенович, генерал-майор, начальник Терского ОблЖУ, 253
- Утгоф, надворный советник, сотрудник военно-полицейской стражи занятых областей Турции, 242
- Утгоф Лев Карлович, генерал-лейтенант, помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, 305, 309
- Федоров Алексей Алексеевич, действительный статский советник, прокурор Варшавской судебной палаты, 326, 327
- Федоров Михаил Матвеевич, подполковник, начальник КРО VI армии, 336, 339
- Федоров Михаил Михайлович, действительный статский советник, товарищ министра торговли и промышленности, руководитель земско-городского комитета по обеспечению армии, 500
- Фельдт Владимир Константинович, генерал-майор, начальник военно-эксплуатационного отдела, 437
- Фест, фон Георгий Максимилианович, подполковник, 409
- Филатьев Дмитрий Владимирович, генерал-лейтенант, профессор Николаевской военной академии, начальник канцелярии Военного министерства, 113
- Филимонов Николай Григорьевич, генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба II армии, 307, 324
- Фрейнат Оттон-Юлий Генрихович, действительный статский советник, осужден по делу Мясоедова, 380, 381
- Фриш Владимир Эдуардович, член совета МВД, шталмейстер, 140–143, 145, 149
- Фролов Владимир Сергеевич, подполковник ОКЖ, 258
- Фуллер Уильям, 19, 20, 104, 105, 321, 332, 355, 367,
- Хабалов Сергей Семенович, генерал-лейтенант, командующий войсками Петроградского военного округа, 418, 439, 477, 520, 527
- Хагондоков Константин Николаевич, генерал-майор, на-

- чальник Амурского военного округа, 115
- Харитонов Петр Федорович, ротмистр ОКЖ, офицер витебской конно-полицейской стражи, 223
- Харламов Николай Петрович, действительный статский советник, член Совета МВД, 118
- Хартулари Дмитрий и Константин Константиновичи, офицеры ОКЖ, 68
- Хатисов Александр Иванович, тифлисский городской голова, член партии Дашнакцутюн, премьер-министр Армении
- Хвостов Александр Алексеевич, министр внутренних дел, министр юстиции, генерал-прокурор, 446, 464, 466, 476, 477, 480, 481, 565
- Хвостов Алексей Николаевич, тайный советник, министр внутренних дел, 75, 329, 358, 367, 378, 381–383, 389, 395, 396, 398, 399, 405, 440, 450, 452, 476, 477, 562
- Хвостов Иван Сергеевич, поручик, вице-директор Соединенного банка в Москве 476–478, 480
- Хильми Аббас, турецкий агент в Лозанне, 252
- Хмелев Николай Николаевич, председатель серпуховской земской управы, организатор Всероссийского земского союза, 515,
- Хомяков Николай Алексеевич, действительный статский советник, депутат II, III и IV Государственной думы от партии октябристов, председатель III думы, 113, 159, 163
- Хрулев Степан Степанович, действительный статский советник, начальник Главного тюремного управления, 355
- Худадов Александр Николаевич, подпоручик, член партии эсеров, издатель «Военного листка», 427
- Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович, 74, 153, 577, 587
- Цедербаум Федор Исаевич, член РСДРП, политический заключенный, секретарь Г. В. Плеханова, руководитель Харьковского объединенного рабочего комитета, 456
- Чайковский Николай Васильевич, член ЦК партии народных социалистов, гласный Петроградской городской думы, сотрудник Всероссийского союза городов, 458
- Чарторыйский Александр Васильевич, князь, генерал от артиллерии, сенатор, 540
- Челноков Михаил Васильевич, московский городской голова, главноуполномоченный Всероссийского союза городов, 119, 356, 397, 412, 420, 421, 461, 503, 514, 522, 543
- Червинский Григорий Евгеньевич, депутат III Государственной думы от Подольской губернии, 413
- Черегородцев Василий Александрович, нижегородский помещик, социалист, председатель рабочей группы Московского ВПК, 455

- Чернов Виктор Михайлович, один из основателей и лидер партии социалистов-революционеров, 361, 363
- Чихачев Дмитрий Николаевич, депутат III и IV Государственной думы, член фракции националистов, 159
- Чудакова Марина Станиславовна, кандидат исторических наук, 533
- Чуйкевич Сергей Корнилиевич, подполковник, старший адъютант штаба ОКЖ, 440
- Чукарев Андрей Гаврилович, доктор исторических наук, 21
- Чхенкели Акакий Иванович, социал-демократ меньшевик, депутат IV Государственной думы, 254, 508
- Шабельский Сергей Петрович, полковник, начальник Симбирского и Ломжинского ГЖУ, 552
- Шавельский Георгий Иванович, протопресвитер военного и морского духовенства, 132, 482
- Шатров Александр Васильевич, полковник, начальник Виленского ГЖУ, 549
- Шаховской Борис Николаевич, князь, статский советник, консул в Дамаске, начальник Башкалинского округа занятых областей Турции, 243
- Шаховской Владимир Яковлевич, князь, генерал-майор, начальник Витебского ГЖУ, 66
- Шаховской Дмитрий Иванович, князь, один из лидеров партии кадетов и кооперативного движения, 120
- Шаховской Иосиф Иосифович, князь, штабс-капитан, адъютант Сувалкского ГЖУ, 66
- Шаховской Сергей Львович, князь, поручик, адъютант Одесского ГЖУ, 66
- Шварц, фон Алексей Владимирович, генерал-майор, комендант Ивангородской и Карсской крепостей, начальник Трапезундского укрепленного района, 410
- Шведов Николай Константинович, генерал от артиллерии, член Государственного совета, 410
- Шебеко Вадим Николаевич, генерал-майор, гродненский губернатор, московский градоначальник, 221, 431, 433-435, 542
- Шебельский, см. *Селиванов Н. П.*, 393
- Шебунин Алексей Федорович, действительный статский советник, генеральный консул в Константинополе, 228
- Шелковников Борис Григорьевич, титулярный советник, полицейский, сотрудник генерал-губернаторства занятых областей Турции, 243
- Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, 480
- Шереметев Сергей Владимирович, полковник, волынский вице-губернатор, военный губернатор Львова, начальник санитарного отдела штаба VIII армии, 516, 517
- Шереметев Сергей Дмитриевич, граф, действительный тайный советник, обер-

- егермейстер, член Государственного совета, 480
- Шидловский Сергей Илиодорович, октябрист, депутат III и IV Государственных дум, товарищ председателя думы, член Прогрессивного блока, 500
- Шингарев Андрей Иванович, депутат II, III и IV Государственных дум, член кадетской фракции, председатель военно-морской комиссии, 408, 412, 500
- Шипов Дмитрий Николаевич, действительный статский советник, первый председатель Союза 17 октября, член Государственного совета, 417
- Шипов Николай Николаевич, генерал-майор Свиты, командующий Кавалергардским Ее Величества полком, племянник Д. Н. Шипова, 417
- Шипов Сергей Дмитриевич, заведующий финансовым отделом Всероссийского союза городов, 515
- Ширмо-Щербинский Виталий Константинович, сотрудник КРО штаба VIII армии, 518
- Ширмо-Щербинский Константин Константинович, ротмистр, начальник КРО штаба VIII армии, 304, 459, 517, 518
- Шлихтинг Василий Антонович, генерал-майор, начальник Ковенского и Тверского ГЖУ, 221
- Шлихтинг Виктор Васильевич, штабс-капитан, адъютант Новгородского ГЖУ, 51, 223
- Шрамм Константин Федорович, генерал-лейтенант, начальник Московского ГЖУ, 67
- Шрамм Николай Федорович, полковник, начальник Омского ГЖУ, 67
- Шредель Александр Федорович, генерал-майор, начальник Киевского ГЖУ, 306
- Шредер Владимир Генрихович, ротмистр, начальник КРО Проскуровской группы, контрразведки Киевского военного округа, 304, 553
- Штакельберг, фон Александр Карлович, барон, генерал от инфантерии, 360
- Штакельберг, фон Георгий Карлович, барон, генерал от кавалерии, 360
- Штакельберг (Штакельберг) Густав Эрнестович, граф, генерал-лейтенант, 540
- Штакельберг, фон Константин Карлович, барон, генерал от кавалерии, военный композитор, 360
- Штакельберг, фон Сергей Александрович, барон, подпоручик, секретный сотрудник Петроградского охранного отделения и Заграничной агентуры, см. *Петровский, Пьер*, 360, 361, 394
- Штюрмер Борис Викторович, действительный статский советник, обер-камергер, министр внутренних дел, министр иностранных дел, председатель Совета министров, 395, 399, 439, 452–454, 461, 462, 465, 466, 469, 471, 473–475, 477–481, 487, 488, 510, 556, 565,

- Шувалов Петр Андреевич, граф, генерал от кавалерии, начальник III отделения, шеф жандармов, 26, 27, 571
- Шульц Александр Робертович, полковник, начальник Екатеринославского охранного отделения, Витебского и Ярославского ГЖУ, 156
- Щегловитов Иван Григорьевич, действительный статский советник, министр юстиции, председатель Государственного совета, 162–164, 326, 328, 356, 407, 465
- Щегловский Василий Михайлович, помощник начальника Петроградского ГЖУ, сотрудник охранного отделения, 181, 182
- Щеголев Павел Елисеевич, историк, 20, 136
- Щербатов Николай Борисович, князь, действительный статский советник, министр внутренних дел, 356
- Щербачев Дмитрий Григорьевич, генерал от инфантерии, начальник Николаевской военной академии, командующий VII и XI армиями, 115
- Щербович-Вечор Александр Ольгердович, капитан, 68
- Щербович-Вечор Борис Евгеньевич, поручик, 68
- Щербович-Вечор Владимир Ольгердович, подполковник, помощник начальника Лифляндского ГЖУ в Риге, 51, 68
- Щербович-Вечор Евгений Ольгердович, подполковник ОКЖ, 51, 68
- Щербович-Вечор Сергей Ольгердович, полковник артиллерии, 68
- Щербович-Вечор Юрий Владимирович, кадет, 68
- Эбергард Андрей Августович, адмирал, командующий Черноморским флотом, 123, 390
- Эвэрт Алексей Еромолаевич, генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Западного фронта, 412
- Экспарре, фон Оскар Рейнгольдович, действительный статский советник, гофмейстер двора, член Государственного совета, 335, 381
- Экк, фон Эдуард Владимирович (Вильгельмович), генерал от инфантерии, командир VII и XXIII армейского корпусов, 410
- Энвер-паша Исмаил, турецкий генерал, начальник Генерального штаба и военный министр Османской империи, один из лидеров партии «Единение и прогресс», 255
- Энгбрехт Вячеслав Эдмондович, подполковник, помощник начальника Петербургского ГЖУ, 172, 186
- Энгельгардт Валентин Федорович, барон, генерал-майор ОКЖ, 65
- Энгельгардт Роман Альфонсович, барон, поручик, адъютант Саратовского ГЖУ, 65
- Энгельгардт Степан Густавович, барон, ротмистр, помощник начальника Эстляндского ГЖУ, 65

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Эристов Иван Константинович, князь, ротмистр Тифлисского ГЖУ, 66
- Эссен, фон Николай Оттович, адмирал, командующий флотом Балтийского моря, 107, 384
- Юденич Николай Николаевич, генерал от инфантерии, начальник штаба, потом командующий Кавказской армией, 231, 233–236, 241, 244, 248
- Юревич Сергей Александрович, судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда, 520, 521
- Юрьев Борис Александрович, штабс-капитан, сотрудник РО штаба Юго-западного фронта, 349
- Якубов Владимир Михайлович, полковник ОКЖ, начальник КРО VII армии, заведующий контрразведкой штаба Петроградского военного округа, 340, 477, 479, 527–529
- Якубсон Вениамин Рубинович, присяжный поверенный, депутат I Государственной думы, член фракции трудовиков, 360
- Яниковский Константин Саввич, полковник, начальник Самарского ЖПУЖД, 69
- Янушкевич Николай Николаевич, генерал от инфантерии, начальник Генерального штаба Верховного главнокомандующего, 113, 120, 210, 270, 320, 341, 342, 344
- Daly Jonathan W., 14, 19, 179, 183
- Kothen von, см. *Котен, фон М. Ф.*, 175
- Lauchlan Iain, 19, 429
- Lieven Dominic, 19
- Smith Edward Ellis, 19
- Ter-Oganov Nugzar, 243
- Weber, см. *Селиванов Н. П.*, 393
- Zuckerman Fredric Scott, 19

Источники и литература

Неопубликованные источники

- Государственный архив Российской Федерации
Фонд 93 Петроградское охранное отделение
Фонд 97 Управление дворцового коменданта Министерства императорского двора
Фонд 102 Департамент полиции МВД
Фонд 110 Штаб Отдельного корпуса жандармов
Фонд 111 Санкт-Петербургское (Петроградское) охранное отделение
Фонд 217 Варшавское губернское жандармское управление
Фонд 265 Канцелярия помощника Варшавского генерал-губернатора по полицейской части
Фонд 504 Комиссия по обеспечению нового строя при исполнительном совете московских общественных организаций
Фонд 529 Константинопольское бюро департамента полиции
Фонд 539 Водовозов Василий Васильевич
Фонд 555 Гучков Александр Иванович
Фонд 601 Николай II
Фонд 826 Джунковский Владимир Федорович
Фонд 932 Звегинцев Александр Иванович
Фонд 1467 Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства
Фонд 1807 Керенский Александр Федорович
Фонд 4888 ЦГИАМ Главного архивного управления МВД СССР
Фонд 5824 Лазарев Егор Егорович
Фонд 5881 Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов
Фонд 10003 Коллекция микрофильмов Гуверовского института войны, революции и мира
Российский государственный военно-исторический архив
Фонд 1 Канцелярия Военного министерства
Фонд 400 Главный штаб
Фонд 409 Послужные списки
Фонд 1300 Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий
Фонд 2000 Главное управление Генерального штаба

- Фонд 2001 Ликвидационная комиссия по делам жандармерии при ГУГШ
- Фонд 2005 Военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем
- Фонд 2031 Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта
- Фонд 2049 Канцелярия главного начальника снабжений армий Западного фронта
- Фонд 2070 Управление начальника военных сообщений армий Юго-Западного фронта
- Фонд 2100 Штаб главнокомандующего войсками Кавказского фронта
- Фонд 2134 Штаб VIII армии
- Фонд 2302 5-й Кавказский армейский корпус
- Фонд 13140 Осовецкая крепость
- Фонд 13227 Управление генерал-комиссара Турецкой Армении и прочих областей Турции, занятых по праву войны
- Фонд 13228 Резерв военно-полицейской стражи Управления военного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны
- Фонд 13249 Управление начальника Эрзерумского округа генерал-комиссара Турецкой Армении и прочих областей Турции, занятых по праву войны
- Фонд 15306 Жандармская команда Осовецкой крепости
- Фонд 16142 Военно-судные дела корпусных и армейских судов Российский государственный исторический архив
- Фонд 1276 Совет министров
- Фонд 1278 Государственная дума I, II, III и IV созывов
- Фонд 1405 Министерство юстиции
- Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев
- Фонд 365 Временное жандармское управление Временного генерал-губернаторства Галиции
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)
- Фонд 259 Газета «Русское слово»
- Фонд 261 Сабашниковы
- Фонд 369 Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич
- Архив-музей Дома русского зарубежья им. А. Солженицына
- Фонд 1 Всероссийская мемуарная библиотека
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)
- Фонд 403 Кулибина О. К.
- Фонд 1000 Собрание отдельных поступлений
- Периодические издания
- «Вестник полиции»
- «Голос минувшего на чужой стороне»
- «Новое время» (М)
- «Часовой» (Париж)

Опубликованные документы

- Агентурная работа политической полиции Российской империи: сборник документов. 1880–1917. М.; СПб., 2006.
- Альбом лиц, зарегистрированных жандармской, сысской и общей полицией по подозрению в шпионстве. Вып. 1. Составлено по материалам, присланным в регистрационное бюро департамента полиции по 31 декабря 1915 года. Пг., 1916.
- Всероссийский союз городов. Финансовый отчет от начала деятельности по 1-е января 1916 г. М., 1917.
- Залесский И. П.* Подробное описание предметов обмундирования и снаряжения чинов Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1907.
- Залесский И. П.* Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1910.
- Залесский И. П.* Руководство для проверки сумм в управлениях Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1900.
- Залесский И. П.* Справочная книга для адъютантов частей и управлений Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1910.
- Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. 23 июня 1916 г.
- Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое Совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. Том 2. «1916». М., 2013.
- Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII — начало XX в.): сборник материалов/сост. Д. Ю. Арапов. М., 2006.
- Климович Е. К. *Обзор революционного движения. Б.м., 1909*
- Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза. Январь 1916 г. М., 1916.*
- Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за населением и по производству дознаний/сост. В. И. Добряков. СПб., 1903.
- Обязанности жандармской железнодорожной полиции. 2-е изд., испр. и доп./сост. Л. А. Тимофеев. СПб., 1912.
- Общий состав управлений и чинов Отдельного Корпуса Жандармов. Исправлен по 10-е ноября 1889 г. СПб., 1889.
- Общий список офицерским чинам русской императорской армии. Составлен по 1-е января 1910 г. СПб., 1910.
- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1914 года. Части 1 и 2. Пг., 1914.
- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1915 года. Части 1 и 2. Пг., 1915.

- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916.
- Отчет временного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев, 1916.
- Отчет деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г. (Приложение № 6 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1915.
- Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. (Приложение № 14 к отчету военного генерал-губернатора Галиции). Киев, 1916.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1912 год. М., 2004.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1913 год. М., 2005.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1914 год. М., 2006.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1916 год. М., 2008.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1917 год. М., 2009.
- Очерк деятельности Всероссийского Союза городов 1914–1915 гг. М., 1916.
- Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 2. Июнь 1907 г. — февраль 1917 г. М., РОССПЭН, 2001.
- Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.): сборник документов. М., 2001.
- Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского: сборник документов/вст. статья, сост. и комм. Е. И. Щербаковой. М.; СПб., 2014.
- Положение о корпусе жандармов//Полное собрание законов Российской империи. 2-е собрание. Т. 42 (1867 г.).
- Положение о приеме офицеров в Отдельный корпус жандармов: утверждено его высокопревосходительством шефом жандармов гофмейстера двора Его Величества Маклаковым. СПб., 1913.
- Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Казань, 1899.
- Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014.
- Представительство общественных групп в военно-промышленных комитетах. Пг., 1916.
- Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы за 1915 г. Пг., 1915.

- Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1: Как начиналось изгнание, 1920–1922. Кн. 1: Исход.
- Свод военных постановлений 1869 года. СПб., 1891.
- Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний / сост. С. В. Савицкий. СПб., 1908.
- Систематический свод действующих законоположений и циркулярные распоряжений, относящихся до служебной деятельности чинов Отдельного корпуса жандармов по строевой, инспекторской, хозяйственной и военно-судной частям / сост. В. И. Добряков. СПб., 1900.
- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1914 года. Части 1 и 2. Пг., 1914.
- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1915 года. Части 1 и 2. Пг., 1915.
- Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 10 октября 1916 года. Пг., 1916.
- Список чинов департамента полиции. СПб., типография МВД, 1913.
- Справочник-список офицерского и рядового состава жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов департамента полиции МВД царской России. М., Изд-во НКВД, 1940.
- Справочный указатель для чинов полиции. Фотографии профессиональных преступников по категориям с очерком антропометрии и приложением краткого воровского словаря. М., 1903.
- Циркуляры по Отдельному корпусу жандармов за 1915 г. Пг., 1915.

Источники личного происхождения

- Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. М., 2001.
- Батюшин Н. С.* У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007.
- Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть Советам! М., 1958.
- Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1983.
- Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004.
- Войков В. Н.* С царем и без царя. М., 1995.
- Врангель Н. Е.* Воспоминания. От крепостного права до большевиков. М., 2003.
- Врангель Н. Н.* Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб., 2001.
- Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // «Охранка. Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004.

- Гессен И. В.* В двух веках. Жизненный отчет//Архив русской революции. Т. 22. М., 1993.
- Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
- Гучков А. И.* (Александр Ильич) Московская сага. Летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780–1936. СПб., 2005.
- Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
- Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. М., 1997.
- Дневники и документы из личного архива Николая II. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003.
- Добошинский Н. Р.* Маршрутные описания путей в Эрзерумском и Ванском вилайетах, составленные Н. Р. Добошинским и Р. И. Терменом в 1905, 1906 и 1907 годах. Тифлис, 1908.
- Друцкой-Соколинский В. А.* На службе Отечеству. Записки русского губернатора, 1914–1918. М., 2010.
- Жевахов Н. Д.* Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Живахова. СПб., 2014.
- Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры//«Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004.
- Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016.
- Кафафов К. Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи//Вопросы истории. 2005. № 3, 5, 6.
- Курлов П. Г.* Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002.
- Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.
- Лопухин А. А.* Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее российской полиции. М., 1907.
- Лукомский А. С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.
- Маевский В. Т.* Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904.
- Маевский В. Т.* Пути Малой Азии в районе между Самсуном и Александретским заливом. Рекогносцировки, произвед. рос. вице-консулом в Ризе В. Маевским. Тифлис, 1903.
- Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов//«Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М., 2004.
- Масловский Е. В.* Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. М., 2014.
- «Ника» (Кравец Н. А.) Воспоминания жандармского офицера//Жандармы России. СПб.; М., 2002.
- Никитин Б. В.* Роковые годы (Новые показания участника). М., 2007.
- Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015.

- Орлов В. Г.* Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1. Л., 1924; Т. 3. Л., 1925; Т. 4. Л., 1925; Т. 5. Л., 1926; Т. 7. М.; Л., 1927.
- Палеолог С. Н.* Генерал Е. К. Климович // Часовой. 1930. 15 августа. № 37.
- Половцов П. А.* Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. М., Берлин, 2016.
- Правиков Д. А.* Жандармерия и охранка в правление Николая II. (публикация В. В. Хутарева-Гарнишевского) // Исторический архив. 2009. № 4.
- Протопопов А. Д.* Предсмертная записка // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 2.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции 1915–1916. Воспоминания. Мемуары. М., 2002.
- Романов А. В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008.
- Ронге М.* Разведка и контрразведка. СПб., 2004.
- «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Макалов. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. М., 2001.
- Спиридович А. И.* Записки жандарма. Харьков, 1928.
- Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004.
- Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 1-й. Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914.
- Спиридович А. И.* Революционное движение в России. Вып. 2-й. Партия Социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916.
- Степун Ф. А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000.
- Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005.
- Термен А. И.* Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914.
- Термен Р. И.* Отчет о полевой поездке 1907 г. в Ванском, Битлисском и Диарбекирском вилайетах. Тифлис, 1909.
- Фриш В. Э.* Проект учреждения государственной стражи в России. СПб., 1908.
- Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.
- Gourko V.* Memories and impressions of war and revolution in Russia, 1914–1917. London, John Murray, Albemarle street, W. 1918.
- Nicolai W.* The German secret service. London, Stanley Paul and Co, Ltd. 1924.

Литература

- Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
- Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. М., 2004.
- Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003.
- Айрапетов О. Р.* Дело Мясоедова. Предвыборные технологии обрзаца 1912 года // Родина. 2011. № 3. С. 78–81; № 4. С. 81–83.
- Айрапетов О. Р.* Дело Мясоедова. XX век начинается... // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2009. № 2(23). С. 3–23; № 3(24). С. 113–133.
- Айрапетов О. Р.* У. Фуллер. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. [Рецензия] // Русский сборник. Том IX. М., 2010.
- Айрапетов О. Р.* Участие России в Первой мировой войне (1914–1917): 1914. Начало. М., 2014.
- Александров К. М.* // Новое время. 2005. Ноябрь. № 47. НАЗВАНИЕ???
- Арутюнян А. О.* Кавказский фронт. 1914–1917 гг. Ереван, 1971.
- Багирова И. С.* Политические партии и организации Азербайджана в начала XX века (1900–1917). Баку, 1997.
- Бахтурина А. Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., «АЙРО-XX», 2000.
- Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., РОССПЭН, 2004.
- Бибиков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2010.
- Вандалковская М. Г.* М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972.
- Вандалковская М. Г.* Обзор материалов дневника М. К. Лемке // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 259.
- Васильев И. И., Зданович А. А.* Генерал Н. С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов. М., 2007. С. 3–73.
- Волков С. В.* Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.
- Волков С. В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002.
- Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 2003.
- Вязьмитинов М. Н.* Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. М., 1995. № 1. С. 89–93.
- Воры и разбойники на казенной службе. Б/м., 1927.
- Гайда Ф. А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
- Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003.
- Гайда Ф. А.* Председатель отдела древесного топлива. Протопопов: «салонный шармёр» у кормила власти // Родина. 2011. № 5.

- Галвазин С. Н.* Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.
- Гончарова Ю. В.* Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.). Академия управления МВД России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2000.
- Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия. М., 2008.
- Гребенкин И. Н.* Русский офицер в годы мировой войны и революции: 1914–1918 гг.: монография. Рязань, 2010.
- Греков Н. В.* Опыт и проблемы развития отечественно контрразведки в 1905–1917 гг. (общероссийский и сибирский аспекты). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 2000.
- Греков Н. В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.
- Григорьев Б. Н., Колоколов Б. Г.* Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007.
- Гутинов Д. А.* Дела и дни генерала В. Ф. Джунковского. История одной жизни. Saarbrueken, 2012.
- Дейч Л. Г.* Провокаторы и террор. Тула, 1926.
- Дело провокатора Малиновского. М., 1992.
- Дунаева А. Ю.* В. Ф. Джунковский: политические взгляды и государственная деятельность (конец XIX — начало XX в.). Дисс. канд. ист. наук, ИАИ РГГУ. М., 2010.
- Дунаева А. Ю.* Пажеский его императорского величества корпус в судьбе генерал-лейтенанта В. Ф. Джунковского // Российская кадетская переключка. 2008. № 5 (<http://www.fskk.ru/journal/?aID=189>).
- Дунаева А.* Реформатор в жандармском мундире // Родина. 2008. № 2. С. 106.
- Дунаева А. Ю.* Реформы полиции в России в начале XX века и Владимир Федорович Джунковский. М., 2012.
- Ефремов В. А.* Сыск и политическая полиция самодержавной России (историко-правовой аспект). Дисс. канд. юр. наук. Санкт-Петербургский юридический институт МВД России. СПб., 1996.
- Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб.; М., 2002.
- Жаров С. Н.* Методы прикрытия внутренней агентуры корпуса жандармов Российской империи // Проблемы человека в историческом процессе. Ученые записки. Челябинск, 1999.
- Жухрай В. М.* Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991.
- Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX вв. М., 1973.
- Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.

- Зданович А. А.* Отечественная контрразведка (1914–1920). Организационное строительство. М., 2004. С. 202.
- Зувев Д. Д.* Люди судьбы // Псков. 2004. № 20. С. 133.
- Иванов А. А.* «Северная стража». Контрразведка на Русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011.
- Из истории русской контрразведки. М., 1946.
- Измозик В. С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII — начало XX века: монография. М., 2005.
- К истории Вологодского ГЖУ во второй половине XIX века: сборник научных работ. Вып. 2. Вологда: Вологодский пединститут, 1994. С. 76–87.
- Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе республики советов 1917–1920 гг. М., 1988.
- Капиуков С. Г.* Революционное движение в царской армии в период первой мировой империалистической войны (1914 — февраль 1917). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1950.
- Качкин А. Н.* Деятельность сотрудников Отдельного корпуса жандармов Российской империи по борьбе со шпионажем на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2012. № 1(24).
- Каширин В. Б.* Бухарестские гастроли русской контрразведки: неизвестный эпизод истории войны спецслужб в 1915 году // Государственное управление. Электронный вестник ФГУ МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. № 49. 2015. Апрель. С. 250–275.
- Каширин В. Б.* Разведчики военного шпионства. Контрразведка последнего императора // Родина. 2008. № 12.
- Каширин В. Б.* Русская охранка на берегах Босфора. Бюро заведывающего агентурой Департамента полиции в Константинополе (1910–1914 гг.) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVIII — начале XX вв. М., 2011.
- Келлер В. Ю.* Организация и деятельность Донского охранного отделения в 1905–1907 гг. Дисс. канд. ист. наук. 2006.
- Кирилин Ф.* Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919.
- Кирмель Н. С.* Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. Монография. М., 2008.
- Кирмель Н. С.* Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918. М., 2018.
- Колоколов Б. Г.* Дилетант в голубом мундире, или «третий путь» генерала Джунковского // Красная звезда. 2007 (http://www.redstar.ru/2007/04/25_04/6_01.html).
- Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984.
- Кузнецов В. Н.* Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906–1917 гг. Ульяновск, 2007.
- Куликов С. В.* Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. С. 69–90.

- Лаврёнова А. М.* Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2(44).
- Лурье Ф. М.* Политический сыск в истории России, 1649–1917 гг. М., 2006.
- Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы. СПб., 1992.
- Макарчук С. В.* Агенты губернских жандармских управлений Сибири как субъекты политического сыска. 1907—февраль 1917 г. // Политический сыск в России. История и Современность: сборник статей. СПб., 1997. С. 113–119.
- Машкин А. Н.* «Во благо царя и православия» (русская жандармерия в Галиции и на Буковине в первой мировой войне; <http://kontrev.ho.ua/bibl/Mash23.html>).
- Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.). СПб., 2001.
- Миролобов А. А.* Политический сыск России в 1914–1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. М., 1988.
- Нелипович С. Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы первой мировой войны // Российские немцы. Проблемы истории, языка, современного положения. Материалы международной научной конференции. М., 1996.
- Николаев А. Б.* «Под красным флагом». Петроградская полиция в дни Февральской революции // Проблемы истории и историографии: сборник докладов межвузовской научной конференции. Т. 1. СПб., 2013.
- Николаев А. Б.* Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции: сборник научных статей. СПб., 2007. С. 33–42.
- Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля—3 марта 1917 года: монография. СПб., 2005.
- Опилкин А. С.* Контрразведка и политическая полиция Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны: взаимоотношение военных и гражданских спецслужб // Великая война 1914–1917 гг. Возвращение памяти: сборник статей и докладов / под ред. М. Б. Смолина, К. А. Залесского. М.: РИСИ, 2015.
- Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880). М., 1982.
- Перегудов А. В., Страхов Л. В.* Уездная полицейская стража Воронежской губернии, формирование и взаимодействие с жандармским управлением // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 1. С. 17–22.
- Перегудова З. И.* В. Ф. Джунковский и его воспоминания // Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1997.
- Перегудова З. И.* Политическая полиция России накануне и в годы революционных потрясений // Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 150–306.

- Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.
- Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997.
- Пуяттин В. Д., Кузнецова Т. А.* Из исторического опыта реформирования полиции Российской империи (по материалам особой межведомственной комиссии по преобразованию полиции в империи сенатора А. А. Макарова, 1906–1917 гг.) // История государства и права. М., 2009. № 6. С. 26–28.
- Пылаева Е. И.* Финансовое обеспечение губернских жандармских управлений департаментом полиции МВД в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 2. С. 45–58.
- Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. министерства иностранных дел / под ред. Е. А. Адамова. М., 1924.
- Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии: сборник статей / под ред. Н. А. Троицкого. Саратов, 1986.
- Ремьева С. В.* Об исследовании обстоятельств, даты гибели и места захоронения генерала Волкова Ивана Дмитриевича // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 32–38.
- Романова Г. В., Романов В. В.* А. С. Поляков о спасении архивов III отделения собственной его императорского величества канцелярии и департамента полиции // Вестник архивиста. 2002. № 6(72). С. 183–192.
- Романов В. В.* На страже Российской монархии. Политическая полиция Поволжья в 1905–1907 гг. Ярославль, 1999.
- Романов К. С.* Департамент полиции МВД накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.). Дис. канд. ист. наук. РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2002.
- Романов К. С.* Накануне Февральской революции. А. Д. Протопопов и реформа полиции. // 90 лет Февральской революции: сборник научных статей. СПб., 2007. С. 7–16.
- Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.
- Рыжаков Д. Г.* Органы политического сыска дореволюционной России в англоязычной историографии (вторая половина XX в.) // Вопросы истории. 2008. № 3.
- Рябинцев Р. В.* Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг. (на материалах Костромской губернии): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Кострома, 2004.
- Сафонов Д. А.* Губернское жандармское управление: пособие к курсу «История государства и права». Уфа, 1998.
- Сафонов Д. А.* Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 3(7). С. 78–86.

- Сватиков С. Г.* Заграничная агентура Департамента полиции. М., 1941.
- Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996.
- Сидорова М. В.* Историки с Фонтанки, 16 // Отечественные архивы. 1993. № 4.
- Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007.
- Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012.
- Сучков Е. Н.* Государственное управление политическим розыском Российской империи: проекты реформы на заседаниях подкомиссии М. И. Трусевича // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2008. № 2.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Отношения между военными и гражданскими в III Думе. // Последняя война императорской России: сборник статей / под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2002.
- Фуллер У.* Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.
- Хутарев-Гарнишевский В. В.* Осиное гнездо провокации. Политический сыск в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 85–87.
- Хутарев-Гарнишевский В. В.* Панисламизм в России в начале XX в. по материалам имперских спецслужб // Поиск. Альтернатива. Выбор: общественно-политический альманах. 2016. № 2(2).
- Хутарев-Гарнишевский В. В.* Пушкин убит на реке Валерик. Чеченское восстание 1916–1919 годов и русский административно-полицейский аппарат // Родина. 2014. № 1. С. 111–113.
- Хутарев-Гарнишевский В. В.* Российская жандармерия на занятых территориях Галиции и Буковины в годы Первой мировой войны // Вестник московского университета. Серия 8: История. 2012. Апрель. С. 47–58.
- Хутарев-Гарнишевский В. В.* Российские спецслужбы, политический исламизм и сепаратизм на Северном Кавказе в начале XX и XXI веков. Историческая компаративистика. Общественно-политический фонд // Большой Кавказ двадцать лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности: сборник статей. М., 2014. С. 160–180.
- Чудакова М. С.* Политический сыск России в конце XIX — начале XX вв. (в региональном аспекте). Дисс. канд. ист. наук. Ярославский государственный педагогический университет им. П. Г. Демидова. ГОД?
- Чудакова М. С.* Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 3(11). С. 26–38.
- Чукарев А. Г.* Организация политического розыска царской России в XIX — XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. 9. 1973. С. 160–169.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Щеголев П. Е.* Охранники и авантюристы. М., 1930.
- Щеголев П. Е.* Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. М., 2004.
- Daly J. W.* Autocracy under siege: Security police and opposition in Russia 1866–1905. Northern Illinois, 1998.
- Daly J. W.* The watchful state. Security police and opposition in Russia 1906–1917. Northern Illinois, 2004.
- Lauchlan I.* Russian hide-and-seek: The Tsarist secret police in St. Petersburg 1906–1914. Helsinki, 2002.
- Lieven D.* The security police, civil rights and fate of the Russian Empire 1855–1917. Oxford, 1989.
- Smith E.* The Okhrana: The Russian Department of police. Stanford, 1967.
- Ter-Oganov N.* Kurdistan and the "Kurdish Issue" in the "Oriental Policy" of Russia // History and Historians in the Context of the Time, 2017. 15(1). P. 51.
- Zuckerman F.* The Tsarist secret police in Russian society. 1880–1917. New York, 1996.

Список сокращений

- ВЖУ—Временное жандармское управление
ВПК—Военно-промышленный комитет
ВСЮР—Вооруженные силы Юга России
ГАУ—Главное артиллерийское управление
ГА РФ—Государственный архив Российской Федерации
ГЖУ—Губернское жандармское управление
ГУГШ—Главное управление Генерального штаба
ДП МВД—Департамент полиции Министерства внутренних дел
ДРЗ—Дом русского зарубежья
ЖПУЖД—Жандармское полицейское управление железных дорог
ЖУ—Жандармское управление
КВЖД—Китайско-Восточная железная дорога
КГС—Корпус государственной стражи
КЖК—Крепостная жандармская команда
КРО—Контрразведывательное отделение
НИОР РГБ—Научно-исследовательский отдел рукописей Российской
ОблЖУ—Областное жандармское управление
ОКЖ—Отдельный корпус жандармов
ОО—Особый отдел департамента полиции
государственной библиотеки
ОР РНБ—Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
РГВИА—Российский государственный военно-исторический архив
РГИА—Российский государственный исторический архив
РККА—Рабоче-крестьянская красная армия
РО—Разведывательное отделение
РОО—Районное охранное отделение
ЦВПК—Центральный военно-промышленный комитет
ЦГИАК—Центральный государственный исторический архив
Украины в Киеве
ЧСК ВП—Чрезвычайная следственная комиссия Временного правитель-
тельства

Научное издание

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
ХУТАРЕВ-ГАРНИШЕВСКИЙ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

СПЕЦСЛУЖБЫ, АРМИЯ И ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ
ПАДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
1913–1917 ГГ.

Главный редактор Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Редакторы Татьяна Редькина, Лидия Королева
Обложка Павел Лосев
Верстка Сергей Зиновьев

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

СПРАШИВАЙТЕ КНИГИ
В МАГАЗИНАХ ВАШЕГО ГОРОДА

МОСКВА

- Академия**, просп. Вернадского, 82, (499) 270-29-78
Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1, (495) 629-64-83, 797-87-17
Библио-глобус, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1, (495) 781-19-00
Московский Дом Книги, ул. Новый Арбат, 8, (495)
789-35-91
Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, 28, (495)
780-33-70
Фаланстер, М. Гнездниковский пер., 12/27, стр.3,
(495) 629-88-21, 504-47-95 falanster@mail.ru
Фаланстер на Винзаводе, 4-й Сыромятнический пер., 1,
стр. 6, (495) 926-30-42
Книжный клуб 36,6, ул. Бакунинская, 71, стр. 10,
(495) 926-45-44
Циолковский, ул. Б. Молчановка, 18, (495) 691-51-16,
691-56-28
У Кентавра, книжная лавка, ИОЦ «Гуманитарная
книга», ул. Чайнова, 15 (РГГУ), (499) 973-43-01
Буквышка, ул. Мясницкая, 20, (495) 628-29-60
**Книжная экспедиция Управления делами Президента
Российской Федерации**, ул. Варварка, 9, (495) 606-52-94
ММОМА Art Book Shop в Институте Strelka in Russian,
Берсеневская наб., 14, стр. 5А
Ходасевич, ул. Покровка, 6, +7-965-179-34-98

Гараж, павильон Центра «Гараж», Пионерский пруд,
Парк Горького, (495) 645-05-21

Сеть **Читай-Город** (Новый книжный), (495) 937-85-81,
177-22-11

Сеть **Академкнига**

ул. Вавилова, 55/7, (499) 124-55-00

Мичуринский просп., 12, (499) 932-74-79

Цветной б-р, 21, стр. 2, (499) 921-55-96

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский дом книги, Невский просп., 28
(дом Зингера), (812) 448-23-55

Подписные издания, Литейный просп., 57, (812)
273-50-53

Порядок слов, наб. р. Фонтанки, 15, (812) 310-50-36

Все свободны, ул. Некрасова, 23, +7-911-977-40-47

Дом университетской книги (Издательство СПбГУ),
Менделеевская линия, 5, (812) 329-24-70, 329-24-71,
vitanova@spbu.ru

Свои Книги, ул. Репина, 41, (812) 966-16-91,

ВОРОНЕЖ

Петровский, книжный магазин и клуб, ул. Ленина, 54,
(3422) 43-03-51

ЕКАТЕРИНБУРГ

Пиотровский в Президентском центре Бориса
Ельцина,

ул. Бориса Ельцина, 3, (912) 485-79-35

Екатеринбургский Дом книги, ул. Антона Валека, 12,
(343) 253-50-10

ПЕРМЬ

Пиотровский, Независимый книжный магазин,
ул. Ленина, 54, (342) 243-03-51

РОСТОВ-НА-ДОНУ

Интеллектуал, книжный салон, ул. Садовая, 55,
Дворец творчества детей и молодежи, фойе главного
здания, (988)-565-14-35

НОВОСИБИРСК

Капиталь, литературный магазин, ул. Максима Горького, 78, (383) 223-69-73

СТАВРОПОЛЬ

Князь Мышкин, ул. Космонавтов, 8, (928) 963-94-81,
(928) 329-13-43,
myshkinbooks@yandex.ru

КИЕВ

Книжный бум, книжный рынок «Петровка», ряд 62,
место 8 (павильон «Академкнига»), +380-63-437-52-38

КАЗАНЬ

Смена, Центр современной культуры, ул. Бурхана Шахиди, 7, (843) 249-50-23

КРАСНОЯРСК

Бакен, ул. Карла Маркса, 34а, (3912) 88-20-82

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ

LibroRoom <http://libroroom.ru/>

OZON.ru <http://www.ozon.ru/>

Лабиринт <http://www.labirint.ru/>

Боффо! <http://www.boffobooks.ru/>

Books.ru <http://www.books.ru/>

Бизнес-книга <http://bizbook.ru/>

Книга.ru <http://www.kniga.ru/>

Read.ru <http://read.ru/>

Спринтер <http://www.sprinter.ru/>

Издательская группа URSS <http://urss.ru/>

В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

ЛитРес <http://www.litres.ru/>

OZON.ru <http://www.ozon.ru/>

ОПТОВЫЕ ПРОДАЖИ

Издательский дом «Дело» РАНХиГС,

Москва, просп. Вернадского, 82, (495) 433-25-02,
433-25-10, delo@anx.ru, com@anx.ru

Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию, и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.